Х. Д. Семина

Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 1914–1918

«Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 1914–1918 гг.»: Кучково поле; Москва; 2016

ISBN 978-5-9950-0588-9

В мемуарах Х. Д. Семиной нашли отражение события Великой войны как на Кавказе (особенно периода Сарыкамышской операции), так и в Персии. При этом автор старается дать нравственную оценку происходящему с ней или вокруг нее. Уникальное положение мемуаристки – вольнонаемной сестры милосердия, жены военного врача, постоянно кочующей между фронтом и тылом, позволяет ей развернуть перед читателем многоликую панораму российской жизни в годы Первой мировой войны. Она подробно описывает жизнь всех слоев тогдашнего общества в различных условиях – и в ближайшей прифронтовой полосе (Сарыкамыш, Ван, Урмия), и в городах Кавказа, где группировалось командование Кавказской армии и ее частей (Тифлис, Карс) или шла обычная беззаботная жизнь (Баку, Батум), и в далеком тылу (в Поволжье и Прикамье).

© ООО «Кучково поле», 2016

© ООО «Горные технологии», 2016

Предисловие. О записках сестры милосердия

«Трагедия русской армии Первой Великой войны» Х. Д. Семиной – редкий источник по истории Первой мировой, что становится очевидным уже из подзаголовка: «Записки сестры милосердия Кавказского фронта». Воспоминаний сестер милосердия известно крайне мало, а книга Х. Д. Семиной была почти недоступна для отечественного читателя, так как единственное ее издание вышло в Нью-Мексико в 1963–1964 годах. Повествование охватывает период с конца 1900-х – начала 1910-х годов и приблизительно до середины 1919 года, хотя в тексте воспоминаний конкретные даты отсутствуют. Вместе с тем повествование весьма последовательное, связное, целостное. Автор воспоминаний стремится дать широкую панораму российской жизни в описываемый период. С другой стороны, ее записки достаточно интимны, поскольку изображаемые в них события эмоционально окрашены и передаются в их индивидуальном восприятии и оценке.

Великая война на Кавказском театре чрезвычайно мало отражена в литературе, в том числе мемуарной, поскольку в сознании как обывателей, так и профессиональных историков ее заслоняет грандиозная панорама Западного фронта. Масштабность боевых действий там и катастрофичность их последствий для России (да и для многих других стран) привели к тому, что события на Кавказе и на Черном море и их результаты до сих пор изучены и описаны недостаточно. Кроме того, в советской историографии намеренно не акцентировались страницы громких и славных

побед русской армии против Турции как связанные с именем кавказского командующего генерала Н. Н. Юденича, в годы Гражданской войны возглавившего Белое движение на Северо-Западе России.

Между тем, умалять значение войны с Турцией для России невозможно. С точки зрения экономической, на первый план выступала проблема Черноморских проливов – их закрытие с началом боевых действий отрезало Россию от союзников. Поставки прекратились, снабжение нарушилось, нужды огромной армии приходилось во многом обеспечивать силами отечественной промышленности, недостаточно для этого мощной. С политической точки зрения (или духовно-исторической) идея водружения Креста над св. Софией Константинопольской продолжала быть глубоко значимой и для русского правительства, и для русского народа. Забегая вперед, необходимо указать, что успехи Кавказской армии в 1915–1916 годах в войне против турок (в частности, победоносный захват Эрзерума и Трапезунда) делали эту мечту вполне осуществимой.

Со своей стороны, Турция рассматривала противодействие России в Закавказье и на Черном море как защиту собственных жизненных интересов. Была у Османской империи и своя духовно-идейная подоплека в войне – панисламистская и пантюркистская (которые в собственных, чисто политических, целях поддерживала и Германия). Предполагалось, что к наступающим турецким войскам по мере их успешного продвижения по территории России будут присоединяться тюркские народы не только Кавказа, но и Поволжья, и Средней Азии. Германские и турецкие агенты приложили немало усилий для организации восстания мусульман русского Кавказа, и в ряде случаев

такие выступления действительно имели место и временный успех.

В октябре 1914 года боевые действия против Турции начались в неблагоприятной для России обстановке. За три месяца, на которые оказалось оттянуто объявление войны по сравнению с войной против Германии и Австро-Венгрии, русская Кавказская армия была на две трети ослаблена переброской двух из трех своих корпусов на Западный фронт. При таких условиях борьба должна была вестись в крайне тяжелой обстановке, с превосходящими силами турок, на фронте огромной протяженности (около 720 км). В сложившейся ситуации перед Кавказской армией была поставлена задача оборонять границу, но в случае невозможности – постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта, удерживая, во-первых, важный экономический центр – Баку, с его нефтяными богатствами (на левом фланге), и, во-вторых, Военно-Грузинскую дорогу как кратчайшую связь центра России с Закавказьем. При этом гористая, сильно пересеченная местность крайне затрудняла связь и снабжение, подвоз боеприпасов, подход резервов, а также эвакуацию раненых и больных в тыл.

В самом начале войны Турция постаралась захватить стратегическую инициативу в свои руки, и сначала ей это в известной степени удалось. Военный министр Турции Энвер-паша в соответствии с классическими немецкими образцами разработал план окружения русской армии на Кавказе и ее последующего уничтожения. Согласно этому плану, турецкие войска в октябре 1914 года вторглись в Закавказье в районе Батума, заставив русские части отойти. Продолжая наступление, турки стремились достигнуть военной базы русских – крепости Карс, что в дальнейшем

открывало путь вглубь российской территории, на Грузию и Дагестан, и одновременно разгромить основные силы русской Кавказской армии, захватив центр ее снабжения – город Сарыкамыш. Предполагалось, что успех этой операции обеспечит окружение и гибель русских войск, подобные трагедии 2-й армии генерала Самсонова на Западном фронте. Турки рассчитывали, что уже к началу 1915 года в их руках окажется все Закавказье.

Однако решительность начальника штаба Кавказской армии генерала Н. Н. Юденича, не позволившего растерявшемуся русскому командованию окончательно выпустить из рук стратегическую инициативу, переломила ситуацию в пользу России. Под руководством Юденича русским войскам удалось не только не допустить окружения своих главных сил под Сарыкамышем, но и обеспечить разгром 3-й турецкой армии, которая была практически вся уничтожена (причем огромный процент потерь составили замерзшие еще до вступления в бой) или взята в плен. После Сарыкамышского сражения и до конца 1917 года преимущество на Кавказском фронте оставалось на стороне России.

Параллельно часть боевых действий русских войск против турок разворачивалась вне российской территории. Де-факто с началом Первой мировой войны в нее оказалась втянутой и Персия, которая де-юре ни с кем в конфликт не вступала. Однако одряхлевшее государство было неспособно противостоять тому, что воюющие стороны (Россия и Великобритания – с одной стороны, Германия и Турция – с другой) превратили его территории в один из театров военных действий. Помимо геополитического положения Персии, делавшего ее важным стратегическим узлом,

лакомым ресурсом для обеих воюющих коалиций была нефть. Россия и Великобритания, еще в 1907 году поделившие зоны влияния в Персии, присвоили себе исключительное право разработки нефтяных месторождений в стране. Германия и Турция, естественно, рассчитывали отвоевать их для себя. Кроме того, Германия планировала с помощью Турции создать единый исламский фронт против Антанты – в составе Персии, Афганистана, Египта и современного Пакистана.

В начале ноября 1914 года две турецкие пехотные дивизии с иррегулярной курдской конницей вторглись в Иранский Азербайджан, захватив город Урмию; в начале января 1915 года был взят город Тебриз. Возникла опасность нападения турок и на русскую часть Азербайджана, а это автоматически означало угрозу главным российским нефтяным месторождениям, большинство которых располагалось тогда на Каспии, в районе Баку. По приказу русского командования в Персию выдвинулся 4-й Кавказский корпус, который умелыми и быстрыми действиями к концу января вернул город Тебриз, а спустя три месяца полностью очистил персидскую территорию от турок. После этого корпус продолжил наступление на Восточную Турцию в район Ванского озера и города Ван, где против турок восстало христианское население Османской империи – армяне и айсоры. Ван, а также захваченная в начале войны Урмия были освобождены, и русские закрепились там и на побережье Ванского озера, хотя не смогли продвинуться дальше из-за недостатка боеприпасов. Однако они успешно отражали все попытки турецкого контрнаступления.

Когда осенью 1915 года в рядах персидской жандармерии вспыхнули волнения (инструкторами в этих подразделениях были шведы, что способствовало развитию там немецкого влияния), это создало угрозу как английской, так и русской частям Персии. Чтобы восстановить положение, в октябре 1915 года на каспийском побережье Персии высадился кавалерийский корпус генерала Н. Н. Баратова. Сравнительно небольшой по численности (около 25 000 человек), но образцовый в плане боеготовности, корпус в декабре овладел Хамаданом, после чего прочно занял русскую зону влияния в Персии, обеспечив контроль над огромной территорией. Также совместно с англичанами была обеспечена защита границы с Афганистаном и теперешним Пакистаном.

Еще одной важнейшей операцией русских войск в Персии во второй половине 1915 – начале 1916 года стала поддержка англичан, блокированных на территории современного Ирака (входившего тогда в состав Турции) в городе Эль-Кут. Из состава корпуса генерала Баратова на помощь британским союзникам было выделено 17 тысяч человек. Отряд достиг города Ханекин в 150 км от Багдада, однако не смог спасти англичан, которые капитулировали 29 апреля 1916 года.

После этого 6-я турецкая армия, осаждавшая Эль-Кут, направилась навстречу Баратову. Несмотря на то, что турецкие войска имели значительное превосходство в численности и вооружении, больших успехов против русских они достигнуть не смогли. (Однако корпусу Баратова пришлось отдать ряд ранее занятых крупных населенных пунктов.) С другой стороны, отвлечение внимания турок на Баратова существенно облегчило положение англичан у

Басры, которую они опасались потерять вслед за Эль-Кутом. Интересно, что русские союзники обратились к британским с просьбой произвести хотя бы демонстрацию из района Басры, дабы облегчить давление турок на корпус Баратова, однако англичане отказались.

Когда в ноябре 1916 года в Тегеране была совершена попытка государственного переворота, пресек ее все тот же корпус генерала Баратова. Через месяц русские войска перешли в наступление, постепенно возвращая себе города, отданные туркам во время перехода к Ханекину для помощи англичанам весной. В апреле 1917 года корпус Баратова рассчитывал соединиться с англичанами, захватившими к тому времени Багдад.

В июне англичане убедили русских начать наступление на Мосул в иракском Курдистане. Хотя сил для такого наступления было явно недостаточно, отказать союзникам Баратов не смог. Но из-за турецкого превосходства, тяжелейших условий горного похода и отсутствия английской поддержки (союзники обещали оказать содействие Баратову, но обещания не выполнили) мосульский поход успеха не имел.

Тем временем в России уже вовсю бушевала революция. Из-за отдаленности ее центров от Персии разложение дошло до баратовского корпуса далеко не сразу (вообще части, воевавшие в ходе Первой мировой войны на Кавказском фронте, дольше других воздерживались от революционного развала). Однако в условиях нарастающего хаоса внутри самой России верность старой присяге потеряла смысл. К началу 1918 года все русские войска покинули Персию.

Когда же русская армия оказалась полностью разложенной в результате революционных событий, Турция попыталась выйти обратно к границам, существовавшим до начала Великой войны. Возвратив себе благодаря полной деморализации русских, уже не способных воевать, Трапезунд и Эрзерум, турецкие войска двинулись дальше в Закавказье и весной 1918 года захватили последовательно Карс, Батум и Александрополь. Впрочем, дальнейшее наступление их (на Тифлис) было пресечено их же союзниками – немцами. Между Германией и Турцией разгорался конфликт за раздел сфер влияния в Закавказье, прежде всего в связи с бакинской нефтью, на которую обе стороны хотели наложить руку. Кроме того, турецкий генеральный штаб рассчитывал реализовать свою основную идейно-политическую задачу, заняв Баку и весь Южный Азербайджан и тем самым заложив основу будущей пантюркистской империи. Параллельно предполагалось создать этим угрозу в тылу англичан на Месопотамском фронте. Однако всем этим надеждам не суждено было сбыться. Турецкое правительство, не получив ожидаемой поддержки кавказских народов, отказалось действовать в рамках идей панисламизма и пантюркизма и 5 октября 1918 года постановило вывести все свои войска с Кавказа. 31 октября 1918 года Османская империя фактически подписала капитуляцию перед державами Антанты. Проливы были открыты для флота союзников, а форты Дарданелл и Босфора заняты войсками победителей. Турция также обязалась уступить все захваченные ею территории в Закавказье.

В мемуарах Х. Д. Семиной так или иначе нашли отражение события Великой войны как, собственно, на Кавказе (особенно периода Сарыкамышской операции), так и в Персии. При этом автор непременно старается дать нравственную оценку происходящему с ней или вокруг нее. Однако описаний боевых действий, встреч с крупными историческими деятелями и тому подобных значимых для исследователя фактов в «Трагедии русской армии» практически нет (что, в общем, неудивительно). Зато уникальное положение мемуаристки – вольнонаемной сестры милосердия, жены военного врача, постоянно кочующей между фронтом и тылом, – позволяет ей развернуть перед читателем многоликую панораму российской жизни в годы Первой мировой войны. Сестра Семина достаточно подробно описывает жизнь всех слоев тогдашнего общества в различных условиях – и в ближайшей прифронтовой полосе, практически в зоне боевых действий (Сарыкамыш, Ван, Урмия), и в городах Кавказа, где группировалось командование Кавказской армии и ее частей (Тифлис, Карс) или шла обычная беззаботная жизнь (Баку, Батум), и в далеком тылу (в Поволжье и Прикамье), где «дыхание войны» чувствовалось лишь благодаря отсутствию в крестьянском хозяйстве мужчин-работников да резкому увеличению производства винтовок на Ижевском оружейном заводе…

Главная ценность записок в том и заключается, что Семиной удалось передать в своей книге «живую жизнь», дух времени, человеческих настроений, духовно-нравственную атмосферу в России в годы Великой войны. В посвящении ко второй части книги автор пишет, обращаясь к русскому воинству, чью трагедию вынесла в заголовок: «Вы были орлы

боевые, отдали за Родину молодость и здоровье, а я написала эту книгу, чтобы люди вас не забыли…» Заметим, что «не забыть» можно по-разному. Но своей цели Х. Д. Семина, несомненно, достигла. Благодаря «Запискам» по-новому воспринимаются известные факты (чего стоят только описания замерзших на походе и в горах в ходе Сарыкамышской операции русских и турецких солдат!). Наконец, мемуары Х. Д. Семиной позволяют взглянуть с не совсем привычной точки зрения на главнейшие моменты русской революции.

Исторические последствия революции, породившей «две России» – советскую и зарубежную, непримиримые между собой в описаниях и оценках, во многом исказили взгляд на годы и события, непосредственно революции предшествовавшие. Кроме того, при обилии военных мемуаров о Великой войне, описывающих фронт, ближайший тыл, прифронтовые лазареты, известно сравнительно мало личных источников, в которых бы так же, как в записках Х. Д. Семиной, подробно, с нравственными оценками, давалась бы картина тыловой жизни. Эмигрантам – а подавляющее большинство мемуаристов именно они – часто все время их жизни до вынужденного оставления Родины издалека казалось прекрасным и несправедливо отнятым. Но сестра Семина предлагает нам по-иному взглянуть на Россию.

Несмотря на весь внутренний трагизм «Записок», мемуаристка не жалуется и не сетует на жизнь или на людей, даже на тех, которые, по ее мнению, ведут себя недостойно. Она лишь заставляет каждого из нас задать себе закономерный вопрос: не следует ли признать, что потеря Родины – хотя и чудовищный, но справедливый и закономерный итог тех событий и настроений, которые царили в стране

накануне революционной катастрофы? Кем были те, при которых произошла «потеря России» и почему именно в их время? И почему достойные люди в ходе войны гибли в первую очередь: либо в бою, либо внутренне ломаясь от духовных проблем, которые война обнажает с наибольшей беспощадностью? Имеет ли право отдельный человек в условиях национальной катастрофы на весьма примитивное «счастье», выражаемое в материальных благах и сиюминутных удовольствиях? А если не имеет, то почему?

Благодаря мемуарам Х. Д. Семиной читатель имеет возможность глубоко погрузиться в эпоху, уловить подлинный смысл «живой жизни», который зачастую не поддается полной исчерпывающей рационализации, но может быть прочувствован и отражен в личных записках. Подобное «погружение» позволяет более адекватно подойти к, казалось бы, давно знакомому историческому материалу и увидеть в нем ступеньку к подлинному, ответственному решению духовно-исторических и нравственных проблем, по-прежнему, как и век назад, стоящих перед русскими людьми.

Дарья Болотина

Часть первая. Накануне надвигавшейся катастрофы не только моей жизни, но и моей Родины

Посвящается моему мужу доктору Ивану Семеновичу Семину и всему русскому воинству

Вы были орлы боевые, отдали за Родину молодость и здоровье, а я написала эту книгу, чтобы люди вас не забыли…

Глава 1

После окончания университета муж поступил младшим врачом в Кабардинский полк, который стоял в Карсе. Но, несмотря на то, что кабардинцы мужу очень нравились и жить в Карсе было неплохо, муж хотел домой, в родной город – Баку. Три с половиной года он ждал освобождения вакансии в Сальянском полку, который стоял в Баку. В Баку он родился, кончил гимназию и уехал оттуда только учиться в университете. За эти годы умер его отец, а за две недели до сдачи последнего государственного экзамена умерла и мать.

Отец оставил своим детям несколько больших доходных домов, нефтяные земли и порядочный капитал наличными деньгами. В течение семи лет всем этим имуществом

управлял старший брат Алексей. Его кутежи были известны всем в городе. А столько лет бесконтрольного хозяйствования Алексея сильно сократили доходы моего мужа. Младший брат Яша был под опекой Алексея. Он знал все проделки Алексея и незаконные траты им денег, и, пользуясь этим, сам требовал от опекуна большие суммы и тоже прокучивал их. Яша просидел несколько лет во втором классе, а когда умер отец, он бросил совсем гимназию.

Алексей был офицером Сальянского полка и сейчас же после смерти отца женился на хорошенькой гимназистке. Он не дал ей даже кончить гимназию. Хотя и она сама не настаивала на этом. Идиллия их любви продолжалась недолго. Скоро пошли ссоры и какие-то счеты, которые, однако, не помешали им иметь четырех дочерей: Надю, Таню, Мару и Ольгу. Я очень любила этих девочек; да и муж мой – тоже.

Я познакомилась с моим (будущим) мужем, когда мне не было еще полных пятнадцати лет. Два с половиной года ждал молодой студент, чтобы его невеста подросла. Он был студентом медицинского факультета Казанского университета. Мы поженились и сейчас же поехали в Баку, чтобы познакомить меня с семьей мужа.

Наконец желанная вакансия освободилась. Мы переехали в родной город мужа, устроились в собственном доме – заняли большую квартиру, нашли хорошую кухарку, горничную. И кроме них, еще был у нас денщик мужа да прачка Аннушка.

– Ну, теперь устроились на всю жизнь! Никуда я из Баку не поеду! – говорил муж, прохаживаясь по комнатам. – Посмотри, как все красиво и уютно! – И правда, у нас все

было очень хорошо: чудная мебель, великолепные персидские ковры; комнаты светлые, высокие – такие строят только у нас на Кавказе.

Весна. Тринадцатый год. Сальянский полк ушел на маневры, а с ними и мой муж, и Алексей. Мы с Ниной и детьми поехали в Пятигорск; у нас там была дача. Осенью, когда мы вернулись в Баку, узнали, что один батальон Сальянского полка посылают в Персию, а с ним едет и мой муж. Только к весне четырнадцатого года муж вернулся домой, но ненадолго.

Около Баку появилась чума, и туда послали солдат для карантина. Всю подозрительную по чуме местность окружили солдатами. И с этим батальоном опять послали моего мужа. Сидел он в этой голой и пыльной степи больше трех недель, но ни одного чумного не было. И несмотря на это, никто не мог ни войти в этот заколдованный круг, ни выйти из него. Я с моим мужем разговаривала каждый день по телефону. Только один раз мне удалось поехать на лодке, которая везла продукты для солдат и офицеров. Из полковой канцелярии заранее дали знать об этой поездке всем дамам, мужья которых находились на карантине. Я приехала на набережную и там увидала несколько полковых дам. Одна из них – Мончинская – была с маленьким сыном Мишей.

Мы все сели в лодку и поехали. Лодка была большая и нагруженная мешками, ящиками и овощами. Легкая зыбь на море скоро всех нас сделала больными, кроме трехлетнего Миши. Он все время приставал к матери, которая лежала на скамейке и которую тошнило:

– Мама! А что папа делает с чумой? А она большая? А она страшная? А мы можем ее повезти домой? – бесконечно задавал он вопросы, заглядывая в лицо матери.

Наконец лодка подошла близко к берегу, но не пристала. Солдаты, засучив штаны выше колен, подошли к лодке и стали выгружать привезенные продукты. Сейчас же на берегу кто-то закричал:

– Лодка пришла! Лодка пришла!

Из палатки, которая стояла недалеко от берега, вышли офицеры, а с ними и мой муж. Все бросились к берегу. Некоторые даже вошли в воду, но к лодке не подходили близко (точно сами они были зачумленные). Ваня мой тоже вошел в воду.

– Что, Тинушка, укачало? Я знаю, что ты не выносишь морской воды. Поцеловал бы я тебя, да вода мешает!

– Родной Ваничка, скоро ли ты вернешься домой?

– Да, – ужасно надоело сидеть здесь без дела на положении отверженных.

А мужья кричали с берега своим женам: «Валичка, Соня, да подними хоть голову – покажись!»

Маленький Миша тоже кричал с лодки своему отцу:

– А она… А она большая?

– Скорее бы домой обратно. Я тоже так плохо чувствую себя. Я лучше с тобой по телефону поговорю!

Наконец лодку выгрузили, и мы поехали обратно. Вышли на набережную; все больные, зеленые.

Наконец карантин сняли! Муж вернулся домой. А через две недели получил новое предписание, – немедленно

выехать в Шемаху[1] и принять местный госпиталь, в котором старший врач только что застрелился.

Опять укладываю для мужа чемоданы:

– Послушай, Ваня! Да что же это такое? Ведь ты совсем не живешь дома. Я не могу так жить. За эти годы, как мы женаты, мы и половины не жили вместе. Ты все время в разъездах! Уходи в отставку! Слава богу, не нуждаемся в твоем жаловании!

– Хорошо. Но уходить так сразу нельзя! Мне самому надоело мотаться повсюду. Мне жалко, что я забросил работу в детской лечебнице. Вот подожди! Как только вернусь из этой командировки, сейчас же подам в отставку…

Опять осталась одна.

Сегодня получила письмо от мужа: «Приезжай сюда, я, может быть, задержусь здесь надолго. Возьми Гайдамакина. От станции до города тебе придется ехать на фаэтоне десять верст. Это не очень-то безопасно, особенно одной женщине».

Я позвала Гайдамакина и сказала ему, что он поедет со мной в Шемаху к барину. Затем я быстро уложилась, и мы поехали.

Шемаха – маленький уездный городишко. Население полутатарское, полуармянское. Там стояла какая-то воинская часть; был там и гарнизонный госпиталь. Был там и начальник гарнизона – когда-то блестящий офицер, служивший в Варшаве, но за какие-то дела переведенный в эту глушь.

---

[1] Шемаха (Шемахы) – город в 122 км к западу от Баку.

Муж жил в маленьком флигеле, принадлежавшем госпиталю. Флигель этот стоял на пустыре около проезжей дороги и госпитального сада, но сам не был ничем огорожен. Мимо флигеля дорога шла к станции. Было в домике четыре комнаты почти без мебели, но светлые и приветливые. Три из них были жилые, а четвертая служила госпитальной лабораторией. Вход в нее был отдельный с улицы.

– Я не хотел селиться в бывшей квартире старшего врача. Она большая, мрачная, хотя там и есть все удобства.

Муж рассказал, кто из местных жителей был интересен и с кем нужно познакомиться.

– Самая интересная семья – это начальника гарнизона. Я с ним встречаюсь довольно часто. Был и у них в доме; познакомился с его женой. Тоже очень милая. Я уверен, она понравится и тебе. У них есть сынишка – Саша. Оба влюблены в него страшно…

Дни шли. Мы с Гайдамакиным, когда муж утром уходил в госпиталь, стали наводить красоту и чистоту в комнатах. В домике давно никто не жил. Кухня была отдельно от дома и стояла прямо посреди пустыря, заросшего ежевикой, но к ней шла кирпичная дорожка и был проведен звонок.

Скоро нас пригласили на ужин к начальнику гарнизона. Как-то неудобно было идти на ужин в семью, где никого не знаешь. Визита я сделать не успела. Целый день занята: то переставляю кое-какую мебель из комнаты в комнату; то собираю ежевику, которую, кстати, никак не могу сама достать. Обычно Гайдамакин брал кочергу и подтягивал мне ветки, а я рвала ягоды.

– Пойдем, пойдем! Полковник очень просил. Неудобно тянуть дальше и отказываться.

– Почему ты, Ваня, не отказался от ужина? В воскресенье мы бы к ним пошли с визитом. А то идем прямо на ужин!

– Ну, теперь поздно уже отказываться. Да, я ведь и отказывался. Но полковник и слышать не хотел. Он сказал: мы будем считать, что вы уже у нас были с визитом.

Дом начальника гарнизона был недалеко от нас – только пройти пустырь. Это был великолепный казенный дом! При нем большой сад с фруктовыми деревьями и массой цветов. Когда мы пришли и познакомились, то хозяйка повела меня показать сад, цветы и розы. Я всем любовалась и восхищалась, особенно после Баку, где каждая розочка привозилась для продажи издалека.

– Но это все пустяки в сравнении с тем, что вы увидите дальше, – сказала хозяйка. – Пойдемте! Я вам покажу моего сына Сашу!.. Он лучше всех цветов!..

Позднее она рассказала мне (в первый же вечер), что она немка и что с мужем своим познакомилась в поезде, когда он ехал в Шемаху.

– Он был так красив!.. От него шли лучи любви!.. Он только что дрался на дуэли из-за чужой жены… И был сослан в Шемаху. А какое мне дело, что он много любил? Теперь он любит только меня и Сашу. Мы с ним вышли на какой-то станции и повенчались!.. И приехали сюда мужем и женой. Я все время чувствую себя счастливой. А у него – да я вам покажу – целый альбом карточек девушек и женщин, которых он любил до меня. Я здесь с ним спокойна! Тут нет красивых женщин. Я и сама ведь еще очень красива!

Правда, она была очень красива. Блондинка; с пышными волосами; большие голубые глаза; маленький рот с

красными чувственными губами; тонкий красивый нос и нежный овал лица.

Мы вернулись в дом, и она показала мне детскую. Саша был уже в постели, но еще не спал. Мы с ним познакомились. Оба – и муж и жена – были очень красивы. Но мальчик был прямо красавец! Потом она повела меня на кухню и показала посуду и плиту, на которой готовили только для Саши.

– У вас мне все нравится, – сказала я. – Уютно! Чувствуется, что этот уют создавался годами…

– Нет, мы здесь живем только четыре года. Правда, до нас здесь жила семья прежнего начальника гарнизона.

Когда мы вошли в гостиную, там был еще новый гость. Нас познакомили. Это был заведующий канцелярией начальника гарнизона. Ужин был простой, но вина были разнообразные, и мужчины наливали себе, не пропуская ни одной бутылки. И ужин затянулся до двух часов ночи. Когда я стала звать мужа домой, то хозяева уговаривали нас посидеть еще.

– Что вы, Тина Дмитриевна, беспокоитесь? Ведь это нам – мужьям – завтра надо рано вставать! А вам ведь можно спать сколько угодно! – говорил полковник.

Наконец, около двух часов ночи, мы попрощались и ушли. Пошел с нами и чиновник. Но он скоро попрощался и пошел к городу.

Когда мы остались одни, муж спросил меня:

– Ну, как тебе понравились новые знакомые? Правда, оба симпатичные? А мальчик понравился?..

– Да, да! Вся семья понравилась. Она просила меня заходить к ним почаще…

Мы пришли домой и сейчас же легли спать. Я так быстро заснула, что не помню, сколько минут или часов я спала, когда услышала стук в дверь. Я открыла глаза. Было уже светло.

– Кто там? – спросила я.

Вот опять постучали, и голос Гайдамакина:

– Телеграмма! Спешная!

Муж проснулся тоже и сказал:

– Войди, Гайдамакин.

Он вошел и подал телеграмму. Я собралась опять заснуть. Вдруг слышу голос мужа:

– Что это?! Война?!

Я быстро откинула одеяло и села на кровати. Муж сидел на своей кровати и молчал.

– Что ты сказал?! Прочти еще!..

Он прочел:

– «Германия объявила войну России!!»

* * *

Было три часа утра, и было уже совершенно светло, когда муж получил эту роковую и страшную телеграмму! Мы оба были подавлены этим известием. У меня внутри била мелкая, холодная дрожь. Зубы стучали, хотя челюсти были сжаты до боли.

Муж заговорил первый:

– Успокойся, пожалуйста! Мне, как врачу, не грозит личная опасность на войне. Разлука, конечно, может быть долгая! Ну, да будем писать друг другу часто… Ты любишь помогать людям! Теперь, во время войны, в этом надобность будет огромная! Сколько останется вдов! Сколько сирот! Бесприютных! Без всяких средств к жизни! Вот и работа для тебя: кормить их; помогать пережить минуты отчаяния и безнадежности; помочь устроить и начать новую жизнь! Я оставлю тебе Гайдамакина. Он в доме свой человек – предан нам, любит нас.

Он крикнул:

– Гайдамакин, иди сюда!

Тот вошел.

– Ты знаешь, что Германия объявила войну России? Война, значит! – повторил муж.

– Так точно, – тихо произнес солдат. – Ну что ж! Будем воевать! А теперь хорошо бы выпить горячего чаю!

Гайдамакин вышел. Муж говорит:

– Я спать не могу. А ты спи. Сейчас ведь только четвертый час.

Но спать не могла и я… Солнышко уже осветило комнату, и как-то легче стало на душе.

Гайдамакин постучал в дверь: чай подан. Я надела халатик и пошла за мужем в столовую. За столом мы говорили о том, как я останусь одна, что буду делать…

– А что если я пойду на курсы сестер милосердия? – сказала я.

– Пожалуйста, не делай этого! Это занятие не для тебя. Это очень тяжелая работа. Для нее нужны крепкие нервы.

Возиться с кровью и с кусками человеческого мяса – страшное дело! А там неизбежно появится и тиф! Будет косить всех: и врачей, и сестер, и санитаров! Нет! Пожалуйста, сиди дома. Я буду много спокойнее, если буду знать, что тебе ничего не угрожает. Оставь в доме всю прислугу. А я тебе оставлю еще и Гайдамакина. Гайдамакин! – Когда он вошел, муж сказал ему: – Ты со мной на фронт не поедешь! Я поручаю тебе барыню. Смотри за ней, слушайся ее так же, как меня!

В это время пришел вестовой и принес записку: «Доктору Семину немедленно прибыть на приемный пункт для освидетельствования прибывающих запасных».

Муж ушел и вернулся только в 9 часов вечера, страшно уставший и расстроенный. В Шемахе население татарско-армянское[2]. У армян вся семья живет только трудом мужа. Женщины очень мало способны вести самостоятельно дом и хозяйство. Поэтому когда потребовали их мужей, отцов и братьев на приемный пункт и сказали, что это война, то поднялся такой плач и вой женщин и детей, что прямо жутко стало. Гул этого плача стоял во всем городе день и ночь.

А партии призывных на войну запасных с утра уже шли мимо нашего домика на станцию для отправки в полки… Я не могла оторваться от окна и смотрела на людей в разной одежде, совсем не похожих на солдат, шедших беспрерывной

---

[2] Здесь имеются в виду так называемые кавказские татары – азербайджанцы (в XIX веке этноним «азербайджанцы» еще не сложился).

лентой к вокзалу. Иные пели, другие громко разговаривали… Многие утирали глаза и сморкались – плакали… Женщины шли рядом с ними, держась обеими руками за руку мужа, отца или брата. Многие дальше моего домика не шли, а как подкошенные падали на пыльную дорогу и выли, и причитали так жалобно, что не было сил слышать этот плач.

У меня слезы катились из глаз. Сердце больно сжималось. Я не находила себе места, не знала, что делать!.. Чувствовала только, что пришло что-то страшное и непоправимое; что нет никакой возможности остановить это страшное… Когда муж пришел домой и рассказал ужасные картины, которые он видел весь день на приемном пункте, еще страшнее стало… А плач на улицах и на дорогах к станции и с наступлением ночи не прекратился и не уменьшился…

Все следующие дни муж уходил на приемный пункт на весь день! Возвращался поздно, усталый и расстроенный. И я не находила себе ни дела, ни места! Целый день бродила по комнатам. Часами стояла у окна и смотрела на «дорогу слез», по которой, как и в первый день, тянулась бесконечная лента «уходящих» и провожающих… Так же женщины держались за своих мужей, братьев и отцов… Так же с плачем и стоном они падали на дорогу и долго и жалобно плакали.

Сегодня муж вернулся не один. Привел гостя – молодого драгунского офицера, который приехал сюда для покупки лошадей (его отец служит в Кабардинском полку). За ужином молодой корнет все время беспокоился, что может задержаться с приемом лошадей и не попасть на фронт ко времени боев…

– Война ведь не может продлиться больше двух-трех месяцев! А я непременно хочу повоевать с моим полком и показать немцам, что такое драгуны! (Бедный мальчик! Под Варшавой в первых же боях был убит, но желание его исполнилось: русская кавалерия нагнала на немцев страху порядочно и задержала немецкий напор первого наступления на Варшаву).

Утром следующего дня муж получил срочную телеграмму: немедленно прибыть к месту нового назначения по мобилизации. Он назначался старшим врачом отдельного санитарного транспорта и должен был немедленно ехать в Тифлис. Муж пошел на приемный пункт, чтобы сказать, что он должен ехать к месту нового назначения. А нам с Гайдамакиным сказал, чтобы мы укладывались. Однако он вернулся с приемного пункта только вечером и сказал, что весь день осматривал запасных.

Рано утром на следующий день мы выехали на станцию железной дороги. Когда подъехали к ней, то просто узнать не могли всегда тихую, безлюдную маленькую платформу. Она была полна народу – исключительно мужчинами. Мне показалось, что их тысячи; с узлами, корзинками, чемоданами; многие в грязной одежде прямо с работы, не успевшие даже переменить одежды. Теперь все ждут поезда. Скоро он пришел. Это был не поезд, а сплошная людская масса, наполнившая вагоны и даже облепившая их снаружи. Не было никакой возможности, казалось, не только попасть в вагон, но даже добраться до него… Но почти без всяких усилий с моей стороны человеческая волна сама продвинула меня и прижала к самым дверям вагона. «Ну, дальше-то мне уже ни за что не пробраться!» – подумала я. На подножках вагонов на каждой ступеньке сидело по несколько человек,

держась за поручни; двери в вагон были открыты, и на площадках люди стояли так густо и тесно, что и думать нельзя, чтобы хоть одному еще человеку пробраться внутрь вагона. Все вагоны первого, второго и третьего класса одинаково были набиты людской массой.

Как только поезд остановился, муж подтолкнул меня к ступенькам, крепко держа за руку. Моментально сидевшие на ступеньках соскочили на платформу и стали помогать втискивать меня в вагон.

– Эй, ребята! Помогите! Дайте дорогу доктору, нужный нам человек, скоро перевязывать наши дырочки будет! – кричал кто-то позади меня. И не успела я опомниться и попрощаться с мужем, как я уже была в вагоне, и поезд тронулся…

Я не знала, что мне делать? Вперед ли пробираться или спрыгнуть назад на платформу? Но там, где минуту тому назад было свободное место, оно уже закрылось плотной человеческой массой, и не было никакой возможности не только пройти куда-нибудь, но и руку просунуть. Какой-то молодой человек стал меня подталкивать вперед в вагон:

– Земляки, посторонитесь! Пропустите даму! – Он и усадил меня в первое же купе. В нем было полно народу, но нашлось место и для меня. И только тогда я заметила, что поезд уже идет полным ходом.

Муж остался на станции и будет ждать поезда, который пойдет в Тифлис. А я и не попрощалась с ним почти! И это меня мучило ужасно. Ведь война! Может быть, навеки расстались! А я и не взглянула на него в последний раз, так быстро чьи-то руки втолкнули меня в вагон. Но тут я стала

припоминать, и мне кажется, что это были руки Вани. Стало легче на сердце.

Только теперь я хорошо разглядела, сколько тут сидело публики. Все разговаривали друг с другом. Рядом со мной какой-то молодой человек рассказывал своему соседу:

– Понимаете?! Жена у меня осталась с двумя ребятами! А денег у них ни копейки…

Слушатель успокаивал его:

– Не волнуйтесь! Сейчас же воинский начальник будет выдавать ей ваше жалованье. Это ведь закон такой: если муж или отец уходит на войну, то всегда семья получает его жалованье. Вы не беспокойтесь: голодными ваши дети не останутся…

Сидевший напротив меня на другом диване весело рассказывал:

– Влетает, это, в мастерскую заведующий: «Ребята, война! Кто первоочередники – все на сборный пункт!..» Мы прямо обалдели. Побросали работу и гурьбой пошли в город на пункт. Ни одной капли вина не выпили! – торжественно заявил рассказчик своему слушателю. – Забежал домой, попрощался с матерью и был готов! Я не женат! Сборы мои коротки! Другое дело, кто имеет семью, плохо тому теперь! Слез этих не оберешься! А помочь ничем не можешь! Посмотрите вон на того, – рассказчик показал головой на противоположную сторону, – я видел его, когда он утром садился на какой-то станции в наш вагон. Жена провожала его; похоже, что и мать… Так жена-то схватила его за руку и не дает ступить на подножку вагона. Кричит: «Родной мой! Не оставляй меня с малыми детьми!» Едва старуха ее оттащила! Да и поезд ходу прибавил… Вон, видите, сидит;

свет ему, поди, не мил. Все, видно, думает о семье… А что? Думай не думай, а все равно повезут на фронт…

– Да что вы! Война теперь кончится в два-три месяца, – говорил кто-то в коридоре. – Техника теперь большая! Пушки стреляют на двадцать пять верст! И что такое Германия?! Русские войска видали и не таких, как немец! Дрались и с туркой, и с япошкой…

– Так япошка-то наклал нашим ведь! – сказал мой сосед, вмешиваясь в общий разговор…

Поезд вдруг стал сильно тормозить. Показалась какая-то станция; но поезд не остановился, а опять прибавил ходу и проскочил мимо. На платформе станции стояла большая толпа с узлами, с корзинками в руках.

С нашего поезда им кричали:

– Нету местов. Подождите другого поезда!

А другие кричали:

– До скорого свидания, земляки!

Когда я вышла из вагона на бакинском вокзале, Гайдамакин сейчас же подошел ко мне:

– Я ехал в этом же поезде, только в другом вагоне. Барин помогли мне вскочить на подножку.

Я вышла с вокзала на улицу, взяла фаэтон и поехала домой. Гайдамакин остался получать багаж. Как странно! На улицах полно народу – точно праздник.

Как только фаэтон подъехал к подъезду, Тимофей, старший дворник, увидав меня, бросился к парадной двери моей квартиры, позвонил и подбежал ко мне:

– С приездом, барыня! Вот какие дела-то! Война! Что народу-то угнали на фронт – страсть! – говорит Тимофей,

беря мои вещи. Дверь открылась и Маша, горничная, с испугом смотрит на меня:

– Барыня приехала! – чуть слышно произнесла она.

Только я вошла в подъезд, кухарка Авдотья кубарем скатилась с лестницы:

– Барыня! Барыня, а у нас война!! Пойди, барина-то уже забрали? – со слезами в голосе говорит она.

– Не видишь разве – одна барыня-то вернулась. Видать, всех мужчин забрали: и барина, и Гайдамакина, – тихо говорит Авдотья дворнику.

– А мы, барыня, не знали, что нам делать? Война, а вас нету! – сказала Маша, идя за мной.

Как странно я себя чувствую! Точно вернулась с кладбища после похорон дорогого и близкого человека!.. Слишком большой и неуютной показалась мне квартира, которая недавно еще казалась такой нарядной и уютной. Вот и кабинет Вани. Все на своих местах, но что-то не так… Тоска и боль сжимают сердце. Сейчас же пришли Нина и Яша. Нина стала рассказывать новости: Сальянский полк ушел на Западный фронт; весь город провожал полк; плакали все ужасно; было трогательно и грустно!

– А я только что получил телеграмму от Вани и собирался ехать на вокзал встречать тебя. Да дворник прибежал и сказал, что ты уже приехала! – сказал Яша, как бы оправдываясь, что не встретил меня на вокзале.

– Приходи ко мне обедать. Дети не дождутся, когда ты придешь, – сказала Нина.

Когда я пришла к ней, дети облепили меня и все говорили только о войне.

– Дети, пора вам идти спать! – сказала Нина. Няня их увела, но предварительно каждая из них попросила меня перекрестить их по несколько раз и поцеловать.

Когда мы с Ниной остались одни, она сказала:

– Я как-то все еще не могу поверить, что Алексея нет и что я на положении соломенной вдовы!

– Тебе тяжело переживать разлуку с ним?

– Послушай! Ведь вы все отлично знали, как мы жили! Папа тоже стал было утешать меня, но сразу понял, что это ни к чему! Я не хочу его смерти! Но также – не хочу и его скорого возвращения… Хотя все говорят, что война скоро кончится…

Как-то утром, когда я встала и взяла утреннюю газету, то первое, что я в ней увидела, – это то, что при городских больницах открываются курсы сестер милосердия. Записываться можно в Коммерческом училище, на Биржевой улице. «Сейчас же пойду туда!» – решила я. Это от нашего дома всего три квартала, и по нашей же улице. Только я собралась уходить, пришел Гайдамакин.

– Барыня, я пойду на вокзал; вчера не могли найти ваш багаж. – Видя, что я собралась выходить, он добавляет: – Наперед я сбегаю, пригоню для вас фаэтон.

– Не нужно. Я пешком пойду.

– Так я пойду с вами…

– Нет, здесь близко, я одна пойду.

– Так барин приказали мне оберегать вас?!..

Коммерческое училище – великолепное новое здание, выстроенное всего несколько лет тому назад и занимающее целый огромный квартал. Один фасад выходит на нашу

Биржевую улицу, а другой – к морю! В большой, светлой комнате – канцелярии – сидел врач в военной форме и записывал желающих слушать курсы. Когда я назвала свою фамилию, он поднял голову и посмотрел на меня.

– Вы жена доктора Семина?

– Да!

– Как же, я знаю его – наш бакинец! Хорошо! Мы вас зачислим слушательницей первых курсов. Только ведь тяжелая эта работа! Справитесь ли вы, барынька? Да там видно будет! Вот вам расписание лекций. А здесь, в этом здании, мы открываем военно-хирургический госпиталь. Как только все будет готово к приему раненых, лекции будем читать здесь. Мы можем принять в этот госпиталь до тысячи раненых солдат и офицеров.

Он дал мне печатное расписание лекций, и я ушла.

Первая лекция была по уходу за больными. И все мне показалось очень торжественно и как-то жутко. Об уходе за больными читал доктор Газабеков. Курсантки в первый же день узнали, что он чахоточный, придирчивый и строгий. Во вступительном слове он сказал, что самое главное для сестры милосердия – хорошо знать уход за больными.

– Вы все должны знать мой предмет очень хорошо. На экзаменах я буду спрашивать вас, насколько вы усвоили мои слова и действительно ли поняли их.

После лекции будущие сестры со страхом спрашивали друг друга:

– Правда, какой страшный? – сказала хорошенькая армяночка Мариям.

– Вы слышали, он сказал, что мы должны приносить еду для больного на подносе и на чистой салфетке, чтобы вызвать у больного аппетит? – сказала другая девушка.

– Да что мы, горничные, что ли? – возмутилась бойкая Машукова.

Следующая лекция была по анатомии. Ее читал доктор Захарьян, который с первого же дня сделался любимцем всего курса.

Неделя промелькнула совершенно незаметно. «Курсантки» уже считали себя опытными сестрами. После лекции все собирались в дежурке и проверяли, и обсуждали усвоенные знания друг друга.

Как-то я пришла домой и нашла письмо от Вани. «Тиночка, приезжай сюда. Пока я здесь, мы будем вместе. Я очень скучаю по тебе. Не знаю, сколько еще пробуду в Тифлисе, так как тот транспорт, в который я был назначен по мобилизации, уже сформирован другим врачом, который и ведет его на Западный фронт. А мне дали его транспорт для формирования. Но в первый же день моего знакомства с обстановкой, в которой приходится формировать транспорты (кроме моего, еще три: 84, 85, 86 – это номер моего транспорта, и 87), я узнал, что для них ничего еще нет! Только ходят толпы каких-то оборванцев, которых называют солдатами для команд (конюхи и санитары). А больше ничего нет! В санитарном управлении обещают дать для формирования лошадей и хозяйственные двуколки. Я же должен сам набрать для себя из этого сброда команду. Все это займет у меня много времени! И мы можем жить пока вместе; мне очень скучно без тебя…»

Родной мой, мне без тебя тоже очень скучно. Но как же быть теперь с курсами? Ведь я записалась и хожу уже на лекции! Боюсь и писать Ване об этом! Пойду к доктору Захарьяну, посоветуюсь с ним. После лекции подошла к нему и все рассказала.

– Доктор, муж мой все еще в Тифлисе. Он хочет, чтобы я приехала к нему. Он сам не знает, сколько времени пробудет там, и хочет быть со мной. Как мне быть с курсами? Посоветуйте, пожалуйста!

– Самое главное, милая барыня, это муж! Остальное все – только приложение! Поэтому собирайтесь и с вечерним поездом езжайте прямо к мужу! А насчет курсов не беспокойтесь! Их вы и в Тифлисе можете слушать, если захотите. И если будет у вас на это довольно времени…

– Спасибо, доктор, за такие хорошие слова. Я иду домой и сегодня же еду в Тифлис!

– Билет будете покупать? – спросил носильщик, беря мои вещи.

– Да, я послала солдата, думаю, получит билет?

– Получит, раз стоит в очереди, а какой класс?

– Первый!

– Слушаюсь; но этот поезд без плацкарт.

– Да, я знаю. – Я пошла к кассе посмотреть, что там делается и где мой Гайдамакин. Но, боже мой, что я увидела там! Сотни людей стояли у каждой кассы в две линии. В одной линии стояли штатские: мужчины, дамы, носильщики. А в другой – военные: офицеры, солдаты и тоже носильщики, но с удостоверениями в руках. Гайдамакин стоял третьим от кассы. Я подошла к нему.

– Ну, как дела? Получишь билет?

– Не беспокойтесь, барыня, билет будет.

– А у тебя билет есть?

– Нету еще, но я получу! Ведь солдатам тоже без очереди выдают.

Но для этого ему нужно было идти в другой зал и становиться в другую очередь – солдатскую.

– Гайдамакин, я пришлю своего носильщика, ты отдай ему деньги и свою очередь, а сам иди добывай себе билет. Иначе ты не попадешь на поезд.

– Да ведь у меня, барыня, сто рублей ваших денег! А как же я-то дам все сто рублей этому-то носильщику?!

– О, ты не беспокойся о них. Я знаю носильщика – деньги не пропадут…

Нелегко было разыскать в этой снующей толпе моего носильщика. Я пошла к швейцару, стоящему у дверей входа на подъезд.

– Пожалуйста, мне нужно найти моего носильщика номер семь!

– Слушаюсь!

И швейцар прокричал всего три раза: «Номер семь, номер семь, номер семь!» И носильщик № 7 подошел к швейцару и, увидев меня, сразу догадался, что это я его вызываю. Я его повела к кассе и указала моего солдата.

Через час поезд пришел. Место для меня на нижнем диване уже было занято, и вещи были на месте. В купе сидели трое: дама и два офицера. Дама была мать одного из офицеров. Я позвонила. Пришел проводник вагона, которого я попросила сделать для меня постель. Он принес чистые

простыни и подушку; офицеров попросил пересесть на другой диван напротив. Но они оба вышли из купе, чтобы, я думаю, дать мне возможность лечь в постель. Дама спросила меня, куда я еду.

– В Тифлис, к мужу, – ответила я, – он скоро уезжает на фронт.

Мне было приятно говорить, что мой муж тоже на войне, как и другие.

– На какой фронт едет ваш муж? – спросила дама.

– На Кавказский.

– Мой сын тоже на Кавказском фронте. Вон мой сын, который повыше, – она указала на одного из вышедших из купе офицеров.

Было уже двенадцать часов ночи. Я укрылась и скоро заснула. Весь следующий день в вагоне только и рассказывали о войне, о героях, которые уже успели отличиться и получить Георгиевские кресты. А вечером муж уже встретил меня на вокзале, и мы поехали на его квартиру на Михайловской улице.

Весь вечер муж рассказывал свои огорчения и о том, что формировать транспорт невероятно трудно!

– Ничего нет: ни настоящих людей, ни лошадей, ни обоза… Что хочешь, то и делай. Приходится ходить каждый день в санитарное управление и приставать, и выпрашивать каждую вещь. Хорошо еще, что пока нет войны с Турцией – по крайней мере, официально… А то ведь не на чем было бы перевозить раненых! На днях встретил на Головинском

проспекте кабардинца[3], капитана Строева. Говорил, что полк стоит еще в своих казармах, но все готово к выступлению в каждую минуту. Семьи кабардинцев, как только будет объявлена война с Турцией, выедут из Карса в Тифлис. А имущество, как полковое, так и офицерское, перевезут в крепостной склад.

Впоследствии все богатство, полковое и офицерское, досталось туркам, так как большевики Карс отдали им. Сотни пудов полкового серебра, персидские ковры, картины, не говоря уже об офицерском имуществе, – все попало в руки турок. Многие офицерские семьи уехали в Тифлис только с чемоданами, оставив все, что имели, в складах полка. Да и не одно только имущество Кабардинского полка там было сложено, а и всего гарнизона Карсской крепости.

На другой день, когда муж уехал в Навтлуг, где формировался его транспорт, я сейчас же пошла в общину Красного Креста, узнать, могу ли я слушать лекции для сестер милосердия.

– Курсы у нас уже начались, но, если вы хотите слушать для того, чтобы у вас не пропало даром время, приходите, – сказали мне в канцелярии.

Все сложилось очень удобно – муж уезжал с утра и возвращался только вечером. А я могла весь день проводить на лекциях. Бедный мой Ваня каждый день возвращался расстроенный.

---

[3] То есть офицера 80-го пехотного Кабардинского полка.

– Я никогда не думал, что в окружном медицинском управлении – такой кабак! Что ни спросишь – нет, нету. Вот уже сколько недель мы здесь околачиваемся и до сих пор ничего не можем добиться. Только из этой подозрительной банды я должен набрать себе команду. Вид у всех, точно у бежавших с каторги. А главное – нет инвентаря. Но сегодня в управлении сказали, что скоро нас отсюда пошлют в Карс. Очевидно, надоели, хотят, чтобы с глаз долой убрать!

Вот уже две недели прошло, как я приехала сюда. День разлуки приближается. Сегодня муж вернулся и сказал, что дня через два транспорт будет готов к выступлению, хотя у него нет ни санитарных двуколок, ни полного комплекта лошадей. Ни даже младшего врача – помощника ему. Но в канцелярии управления сказали: можете грузиться и выступать в Карс, а недостающее имущество мы вам вышлем позже…

– Просто хотят избавиться от надоедания и бесконечных просьб! – сказал муж. – Мы, все четверо старших врача, кажется, больше всех надоедаем там в канцелярии. Едва людей набрали, да и то очень подозрительных. Вчера пришел бойкий такой человечек; просится на должность заведующего хозяйственной частью. Показал свидетельство, что он имеет на эту должность законное право. Я взял его. Но он очень подозрительный тип! Не нравится он мне, но ничего не поделаешь. Пришлось взять. А сегодня еще хуже того! Он привел и помощника себе! Этот уже совсем с разбойничьей рожей! Да вдобавок еще оказался его родной брат. По закону я не имею права брать двух братьев на такие должности. Но черт с ними! Они оба так просили – даже плакали, – что я согласился! Других людей у меня все равно нет!..

Вот эти-то два брата-жулика (муж правильно определил их по первому же взгляду!) и погубили моего мужа – доброго, но бесхарактерного. Они за самый короткий срок совершенно споили его, добывая для него ящиками запрещенные на фронте напитки, спаивали его и грабили все, что только попадалось им под руки. Фабриковали фальшивые счета, которые подавали мужу для подписи, когда он бывал невменяем. Они так изучили его и так научились пользоваться слабыми сторонами его характера, что в конце концов он поверил в их преданность делу и ему лично, что и в трезвом виде он не проверял счетов, веря в безусловную честность их автора…

– А ты, Тиночка моя любимая, поезжай домой! Пиши мне чаще и не забывай меня. Это все, о чем я прошу тебя. У тебя есть все: дом, деньги, прислуга. Это мне дает большое душевное спокойствие. Если же хочешь работать, то помогай бедным! Их ты найдешь в городе сколько угодно!

Не решилась я сказать ему, что приеду к нему скоро, как только кончу курсы.

Сегодня с утра мы оба и Гайдамакин с вещами поехали на станцию Навтлуг. Там я в первый раз увидела транспорт мужа. Увидела и длинный состав товарного поезда, который стоял уже готовый для погрузки его. Отсюда же отходили и бесконечные воинские поезда, которые увозили на фронт тысячи молодых, сильных мужчин, полных желания жить и имеющих права на эту жизнь… Многие из них не вернулись домой! Или вернулись без рук, без ног, изможденные ранами и болезнями, почти старики…

В составе поезда мужа, посреди товарных вагонов, был один вагон третьего класса. Мы вошли в него. Муж со всеми

бывшими там поздоровался. Были там и оба брата-жулика! На плечах у них красовались новенькие погоны чиновников. С ними муж не познакомил меня! Мы заняли скамейку для него и вышли из вагона.

– Пойдем смотреть, как грузят лошадей, – сказал он.

Мы подошли к вагону, в который по крутым деревянным сходням солдаты заводили лошадь; один тянул за повод, а трое толкали ее сзади. Лошадь упиралась всеми четырьмя ногами, ни за что не хотела идти по скользким доскам в полутемный вагон!

– Надо завязать ей глаза! Так пойдет лучше, – сказал солдат, который тянул ее за повод. Кто-то накинул ей на голову шинель, и дело пошло гораздо спорнее. Погрузка лошадей и всякого хозяйства транспорта заняла весь день, и только к вечеру было все закончено. Погрузкой распоряжался подпрапорщик из запаса. Очень милым показался он мне с первого взгляда и таким и остался всю войну. Мы подошли близко, и муж поздоровался с подпрапорщиком.

– Ну, как погрузка?

– Да все благополучно! Только очень медленно, раньше вечера не кончим.

– Я вам не нужен? – спросил муж.

– Нет, мы управимся сами.

Мы уехали обратно в город, пообедали и вернулись незадолго до отхода поезда. На дворе было сыро и туманно. Быстро стало темнеть. Поезд Вани не был освещен.

Наконец пришли сказать, что все готово к отходу. Мы только успели выйти из вагона, как уже раздался свисток

кондуктора… Паровоз ответил свистком и рванул застучавшие друг о друга вагоны…

Ваня что-то говорил из двери неосвещенного вагона, но я уже не видела его.

А через несколько минут от всего остался только дальний шум ушедшего поезда…

Глава 2

Опять дома. Как грустно возвращаться домой, зная, что дорогой мне человек едет теперь все дальше и дальше от меня… Не отдыхая, переоделась с дороги и сейчас же пошла на курсы. Там меня радостно встретили подруги по курсу. Они рассказывали мне, перебивая друг друга, все курсовые новости и делились научными знаниями.

– А этот, Семочка, доктор Газабеков, прежде чем сказать хоть одно слово, смотрит на нас «злобным» взглядом; мы думаем, что он считает, все ли мы пришли на его лекцию, и тогда только «проскрипит». Он сразу заметил, что вас не было на лекции.

– Спросил?

– Конечно, спросил!

– Ну, и что же?

– Мы сказали, что вы уехали к мужу в Тифлис. И ни одного раза больше не спрашивал про вас.

Только я спустилась по лестнице в нижний этаж, как сразу увидела доктора Газабекова. Он шел опустив голову, суровый и неприветливый. Но увидел меня и сказал:

– А! Вы вернулись опять? – И, не отвечая, на мое приветствие, «проскрипел»: – А мы курс уже заканчиваем! За вами нет ни одной практической работы. Я думаю, что вам лучше подождать открытия следующих курсов, чем уходить разочарованной с экзаменов… Ведь я буду беспощадно спрашивать все. Знайте это! И не надейтесь ни на какую протекцию. Я хочу выпустить сестер, знающих свое дело. Я, как директор курсов, отвечаю за это.

И, не сказав ни одного слова больше, пошел дальше…

У меня красные круги пошли перед глазами. Я догнала его:

– Доктор! Я ездила к мужу! Но я хочу работать серьезно и кончить со знаниями! У меня нет никакой протекции здесь!

Я готова была заплакать, так мне было обидно и тяжело.

– К мужу ездили? Да? А где он теперь? – быстро спросил он.

– Уехал на фронт! Старшим врачом санитарного транспорта. И мне необходимо продолжать мое учение, потому что я хочу поехать тоже на фронт к мужу.

В это время к нам подошел доктор Захарьян.

– А! Вернулись? Ну, как ваш муж? Куда вы его проводили? Да что вы такая грустная? Что-нибудь случилось или это он вас донял? – показывая на доктора Газабекова, сказал доктор Захарьян.

Я хотела повторить весь разговор, который только что произошел, но не успела сказать ничего… Доктор перебил меня:

– Ну, теперь за дело! Сегодня последняя группа едет в тифозный барак. Там их двенадцать сестер. Вы будете тринадцатая…

Дни и ночи мелькают. Прихожу домой, немного ем, немного сплю, получаю от Вани письма. Он пишет: «Сижу по-прежнему в Карсе! Так надоела комната, в которой я живу, – ни воды, ни уборной, как следует, нет, кровать с клопами. Прямо насмешка над людьми, эта первоклассная гостиница “Люкс”! Хотя я очень скучаю по тебе, но сознание, что ты живешь в привычной для тебя обстановке, меня очень утешает. Здесь я много встретил кабардинцев. Кажется, на днях их куда-то посылают. В Карс прибывают все новые и новые войсковые части. Уже нет места для стоянок. Вокруг города – лагери. Благодаря большому скоплению войск неизбежно и большое количество заболеваний в частях. Ко мне стали обращаться за перевозочными средствами для больных. Но у меня до сих пор нет санитарных двуколок – не на чем перевозить больных. Крепостной медицинский инспектор дал разрешение на реквизицию молоканских[4] фургонов. В них наложили толстый слой сена, и таким образом мой транспорт может действовать. Пишу каждый день в Тифлис в окружное управление, но безуспешно. Вместо нужных санитарных двуколок мне прислали младшего врача! Штровман. Кажется, симпатичный, только

[4] Молокане – представители религиозного течения духовного христианства. В условиях общей мобилизации на молокан, отказывавшихся от несения воинской повинности, возложили своего рода «подводную повинность», реквизируя на нужды войны повозки.

что кончил в Германии университет, приехал в Россию, женился и попал на войну. В одном из корпусов казарм Кабардинского полка развернулся полевой запасный госпиталь, в него мы и доставляем больных солдат. К некоторым из врачей приехали жены. И я очень хотел бы, чтобы и ты приехала сюда. Но теперь уже не стоит. Я каждую минуту жду приказа о выступлении. Береги себя, пиши мне чаще. Как ты проводишь время? Что делаешь? Твое желание поступить на курсы сестер милосердия, я думаю, совершенно вещь невозможная. Во-первых, тебя могут по окончании курсов послать на Западный фронт, что недопустимо ни в коем случае, а если даже пошлют в любой здешний полевой госпиталь, то куда-нибудь около самой позиции, где нельзя достать ничего. И тебе придется есть черный хлеб! А с твоим здоровьем это невозможно совсем! Получил от тебя посылку. Спасибо! Икрой угостил своих коллег. Один из старших врачей (здесь стоит четыре санитарных транспорта, и все без санитарных двуколок) пригласил меня к себе: к нему приехала жена. Ну, я захватил икру; а там оказались еще несколько врачей. Икру съели с удовольствием и хвалили».

Я очень рада за мужа! Хоть у него есть немного развлечений.

А у меня на курсах чередуются лекции с практическими работами, день – с ночными дежурствами. И мне кажется иногда, что я уже все знаю и понимаю, но когда вспомню про экзамены – становится страшно!.. Больше всего боятся все курсантки доктора Газабекова; он гроза наших курсов; всякий раз, заканчивая свою лекцию, говорит: «Помните, что самое важное для сестер милосердия – это уход за

больными! И кто этого не усвоит – тот может не приходить на экзамены – не пропущу!»

Только кончилась лекция по анатомии, мы все идем в дежурку, ложимся поперек кровати, и начинается разбор и проверка слышанной лекции… Сегодня их было три: анатомия, хирургия и рецептура.

– Семочка! Семочка! Да Семочка же! Ну, что вы, право, орете, сестры, ничего не слышно! Семочка, расскажите, пожалуйста, сегодняшнюю лекцию по анатомии, – приставала с настойчивостью старой нищенки Ольга Бакланова. Ей нелегко все давалось, но она говорила, что после окончания войны можно поступить на медицинские курсы без экзаменов – так как эти наши «знания» достаточны для поступления в университет.

– Ну же, Семочка, рассказывайте. Значит, печень и желудок лежат… – начала повторять Зина Байкова, но ее перебивают несколько голосов сразу:

– Стой, стой, никто не лежит… – остановили ее подруги.

– Ну, хорошо, слушайте! – и я стала повторять слышанную сегодня лекцию.

Анатомия мне дается легко. А сестры думают, раз я – жена доктора, так, безусловно, должна знать лучше, чем другие. Конечно, я с ними очень не спорила! И только я забралась во внутренности несуществующего трупа, вошла дежурная фельдшерица с листом бумаги и стала читать фамилии дежурных на сегодня сестер:

– Сестра Байкова, сестра Семина, сестра Калабина, – и, прикрепив лист с фамилиями на стенку, фельдшерица вышла из дежурки.

Лекция моя прекратилась. Я пошла к телефону и позвонила домой:

– Гайдамакин, я дежурная и обедать не приеду. Если есть письма от барина – принеси сюда…

Скоро все мы разошлись по своим палатам и стали мерить температуру, давать лекарства, а в шесть часов обед для больных.

Больные в городских больницах производят особенно тяжелое впечатление, а хирургические – просто сплошной ужас. Сегодня привезли одного разбитого вдребезги. Упал со строящегося дома – у него перебиты, кажется, все кости… Ему делали операцию черепа. Жутко ужасно! Как еще он дышит до сих пор! И все это в мое дежурство… Вечером привезли восьмидесятилетнего старика-татарина с огромной грыжей. Он совершенно посинел и едва дышал. Я сейчас же позвала дежурного доктора. Доктор осмотрел больного, расспросил его и сказал: «Сестра, сейчас же посадите его в ванну и приготовьте все к операции». Я его усадила в ванну с помощью служителя:

– Смотри за ним, чтобы не утонул, – а сама пошла в операционную комнату, зажгла спиртовку под ванночкой с инструментами. Потом стала приготовлять стол и халаты. Потом пришли и другие дежурные сестры и фельдшерица. Пришел и доктор.

– Ну, что? Больной жив еще? – спросил доктор. – Давайте его сюда.

Я пошла в ванную за ним. Старик сидел все такой же синий, держась руками за края ванны.

– Степан, позови кого-нибудь еще, нужно взять его в операционную.

Пришли еще два служителя, и мы стали поднимать старика из ванной. Это было очень трудно. У него был так велик живот, что он не мог согнуть ноги. Служители, здоровые мужики, с трудом вытащили его и положили на носилки. Старик страшно стонал и тяжело дышал. Я думала, что его не довезут до операционной. Наконец он уже на столе; надета маска, капает хлороформ на маску; больной делает невероятные усилия вдохнуть воздуху, его грудь и живот высоко поднимаются, и от маски идет пар.

Я держу его голову и скоро начинаю сама чувствовать сладковатый запах; меня тошнит, кружится голова и руки слабо сжимают голову больного. Доктор что-то говорит, но где-то далеко-далеко:

– Сестра, поднимите свою голову!

Какая-то из сестер подошла и похлопала меня по спине:

– Сестра, сестра, операция кончена…

Фельдшерица сняла маску с больного. Он дышал медленно и спокойно. Доктор кончил зашивать рану: одна из сестер держала в руке вату и бинты, чтобы подать их доктору, который, не отрываясь от раны и не поднимая головы, сказал:

– Сестра Семина, выйдите в коридор и подышите чистым воздухом.

Я с трудом оторвалась от края стола у головы старика и, шатаясь, вышла в коридор. Там я открыла окно, втянула свежий воздух и быстро стала приходить в себя. Открылась дверь из операционной, и оттуда выкатили носилки с больным. Слава богу, его повезли не в мою палату. Вот вышел и доктор, и сестры.

– Сестра Семина, поезжайте домой, за вас посмотрят вашу палату другие сестры, – сказал доктор. – Вы выглядите не совсем здоровой, – ласково добавил он.

– Что вы, доктор! Я чувствую себя хорошо и могу продолжать свое дежурство. Мне было нехорошо от хлороформа, но теперь все прошло.

– Ну, вот и молодец! Тогда идите в дежурную и отдыхайте. Я больного положил в палату к сестре Байковой. Она посмотрит за ним; операция прошла вполне благополучно.

Я поднялась на второй этаж в нашу общую дежурную комнату и прилегла; сейчас же пришли и другие сестры. Мы, курсантки, дежурили в городской больнице не совсем самостоятельно; с нами еще дежурили старшая сестра или фельдшерица, или старик фельдшер, очень милый, смотревший на нас как на барышень, которым нужно помочь, и всегда помогал. Но фельдшерица, тоже служившая много лет в больнице, нас подтягивала: не позволяла в дежурке спать, укрывшись с головой одеялом и тушить электричество. Сделаешь обход больных и, если все благополучно, сейчас же бежишь в дежурку – и на постель. И только ляжешь, согреешься (некоторые сестры даже тушили электричество), вдруг яркий свет в глаза: фельдшерица тут-как тут!

– Звонка вы, сестры, не слышали?

Соскакиваешь.

– Нет, Мария Ивановна, мы ничего не слыхали.

– Да! Трудно услышать, когда человек спит, закрывшись с головой!

Потом на стене в дежурной комнате был повешен большой лист бумаги, на котором крупным почерком самой Марьи Ивановны было выведено: «Во время дежурства сестрам спать воспрещается! И тушить электричество!»

А раздача обеда больным – тоже большая работа для сестер: многие больные сами не могут есть. Одних нужно поднять и посадить, обложить подушками, других нужно кормить с ложки; да и то больной двигается и захлебывается. Тогда ему нужно одной рукой приподнять голову, а другой вливать жидкий суп в рот... А глаза у такого больного печальные, беспомощные, и он всегда смотрит в глаза сестре; и смотреть в такие глаза прямо тяжело: все время стараешься глядеть в сторону. А вот еще больной, которого пою из чайника с длинным рожком теплым молоком с чуть прибавленным сахаром. Этого и приподнимать нельзя, он весь забинтован; голова, как снежный ком – только отверстие для рта и щелочки-глаза. Я подношу ко рту рожок чайника, чуть-чуть нагибаю его внутрь рта и чувствую, как он потянул молоко и глотнул.

– Ну что, сестра, он пил немного? – спрашивает доктор, проходя мимо меня. – Хорошо, хорошо давайте чаще пить. Хоть по капле, но чаще, он нуждается в этом. Он много потерял крови.

Да, много разных больных. Обо всех и не расскажешь. А ночью, когда зайдешь в палату! Жутко! Один стонет, другой бредит, третий силится приподняться, сбросил одеяло, одна нога свисла с кровати. И вдруг затихнет... Заснул? В бреду ведь тоже можно заснуть? Поправишь ногу, укроешь одеялом, а больной обессилел, не чувствует моего прикосновения; бледный, тяжело дышит, но спит. Тихонько,

чтобы никого не потревожить, выхожу из палаты. Но не успела закрыть дверь, слышу: «Пить, пить, сестра, сестра, пить!»

Возвращаюсь, иду по тому направлению, откуда слышен голос, даю пить. Больной, сам приподнявшийся для питья, снова тяжело падает на подушку и затихает… Я вышла на крыльцо, ведущее в сад, и дышу чистым и свежим воздухом. Ночь тихая, теплая, пахнет цветами или какой-то душистой травой. Хотя теперь осень, но у нас на Кавказе тепло. Некоторые из деревьев стоят еще зеленые, а около домов цветут розы. Письмо, которое принес Гайдамакин, я еще не успела как следует прочесть; пойду почитаю, пока все тихо: Ваня описывал, как уходил Кабардинский полк из Карса на позиции.

«Они шли точно на маневры в мирное время! Все были веселы; в стройном порядке шли рота за ротой; впереди всех шел оркестр. Как и полагается, шестнадцатая рота замыкала шествие. Капитан Ваксман вел свою роту в образцовом порядке. Я подошел к нему, и мы с ним расцеловались. “Эх, доктор, Иван Семенович, почему вы не с нами? Ведь вы наш”, – сказал он. Я прошел с ним два квартала. “Вот убьют, семья останется без копейки! А ведь не шутка: шесть человек детей! Жена да мать старуха еще живет с нами. Как-никак, а всех кормил на капитанское жалованье. Мальчишки учатся в кадетском корпусе. Двое должны бы скоро кончить, да нельзя же от них ждать помощи – самим нужно жить. Жена с ребятами и матерью поедут во Владикавказ. Там у матери есть домишко, хоть за квартиру платить не нужно. Ну да что заранее плакать, еще жив!” Просил передать тебе привет и заодно целует тебе ручку. Я спросил его, куда идет полк? “Сами еще не знаем, куда идем. Секретный пакет вскроет

командир полка только через несколько верст от Карса". Мы попрощались с ним, и он зашагал дальше. А позади полка ехали санитарные линейки и полковые обозы в таком же образцовом порядке, как и весь полк. Смотрю я на проходящий полк и чувствую, какая это могучая сила, и мне самому хочется идти с ними… Точно я первый раз вижу Русский полк в таком порядке! Ведь я сам бывал с ним на маневрах несколько раз. Но сегодня он совсем выглядел по-другому: все молодые, стройные, веселые! Офицеры, проходя мимо меня, кричат мне: "Доктор, с нами идемте, вы ведь наш!" Правду сказать тебе – грустно мне стало, когда прошел полк! Мне показалось, что вместе с полком ушла сама Россия? А с ней что-то кончилось и ушло красивое неповторимое?!»

В другом письме он пишет: «Получил предписание выступить в Сарыкамыш, а санитарных двуколок для перевозки раненых все еще не прислали. Поеду с молоканскими фургонами, но они для раненых прямо ужасны». В конце письма приписка: «Ура! Тиночка! Сегодня получил двадцать пять долгожданных двуколок. Это прекрасные экипажи; страшно легкие и удобные. В каждой можно поместить пять лежачих (тяжело раненных) и три сидячих (легко раненных). Двуколок прислали сто, но здесь стоят четыре санитарных транспорта, и каждому дали по двадцать пять. Остальные двадцать пять пришлют потом. Завтра в шесть часов утра выступаем в Сарыкамыш».

* * *

Ночь кончилась. Шестой час утра. Особенно тяжелое время для сестры, проведшей бессонную ночь. Несмотря на

молодость, чувствуешь себя разбитой и усталой. Идешь в палату мерить температуру; больные, плохо спавшие ночь, теперь спят. Тихо ставишь термометр под мышку, а больной и не пошевелится, измученный бессонной ночью. Но сон их недолог; не успеешь обойти всю палату, а больные начинают уже просыпаться. Но короткий сон не освежил и не подбодрил несчастных… Все бледные, глаза загноились, губы сухие, потрескались.

* * *

Наконец курс закончен, экзамены сданы! На прощание доктор Газабеков прочел нам наставление:

– Помните, что вы сделались сестрами не только на время войны, а на всю жизнь. И вы взяли на себя обязанность помогать и оказывать помощь как государству, так и каждому человеку, если вы увидите, что он нуждается в вашей помощи.

Мы, сестры, вышли в широкий коридор и стали поздравлять друг друга.

– Семочка, Семочка, поздравляю, – говорит сестра Машукова, обнимая меня и целуя.

И другие сестры тоже стали поздравлять:

– Подождите еще поздравлять! Нужно сначала узнать, выдержали ли мы экзамены? Может быть, неудовлетворительно? И свидетельства нам не выдадут?

– Нет, нет! Быть этого не может. По-моему, все мы отвечали хорошо, – заявила Катя Валькова.

– По-твоему, может быть, хорошо, а вот по мнению доктора Газабекова, может быть, и нет?!

– Ну, если нет, то что с нами будет? – не унималась Катя.

– Заставят прослушать еще раз весь курс, – сказала сестра Маруся.

– Это невозможно! Это такой позор! Я ни за что не останусь на вторичный курс! – сказала сестра Бодалова.

– Мне стыдно будет идти домой! – сказала хорошенькая Мариям. – Моя мама сказала мне, когда я решила пойти на курсы: «Мариям, учись! Когда кончишь – пойдешь помогать армянскому народу. Армяне все пойдут на войну и будут драться с турками! Они враги армянского народа!» И вдруг вместо окончания еще раз слушать лекции?! Ни за что, я так пойду на фронт и буду работать, как простая сиделка!

Волнение росло среди сестер. Они были так возбуждены, что готовы были плакать. А в это время в большом зале, где только что нас экзаменовали, шло совещание врачей-экзаменаторов… Вдруг открылась дверь в широкий коридор, где мы, все сестры, волновались, и из зала вышел доктор Захарьян с сияющим лицом:

– Сестры! Поздравляю! Все окончили отлично! Аттестаты будут выданы через несколько дней! У нас получен список, куда спешно требуется больше сестер. Выбор большой, можете выбирать!

Боже мой! Что тут поднялось! Прежде всего, все сестры бросились к доктору Захарьяну и стали его благодарить. А кто посмелее – целовал его в щеку. По-разному радовались сестры окончанию курсов… Чувствовалось, что с получением сестринского диплома начинается новая жизнь, не похожая на ту, которая осталась позади… Нужно покидать родной дом, мать, привычную обстановку, чистую кровать, собственную комнату…

Чистые, молодые, жизнерадостные уезжали девушки из дому, а через год это были бледные, нервные женщины. Многие стали курить, чтобы не заснуть стоя. Сплошь да рядом по две, по три ночи не спали, когда шли бои, и раненых везли беспрерывным потоком в госпиталь. Уже и мест нет не только на кроватях, но и на полу. А раненых все несут и несут, без конца… Только и слышишь: «Сестра! сестра!» – несется со всех сторон… Не знаешь, куда идти, кому первому оказать помощь! Ноги едва двигаются. Голова кружится. Спина болит… Но нельзя ни сесть, ни отдохнуть. Нужно идти и помогать страдающим.

– Сестра, запишите вот этого раненого на операцию, – говорит врач.

– Сестра, вон тот умирает; нужно записать фамилию и какой он части.

Нагибаюсь над раненым, записываю, а рядом другой просит пить.

– Сестра, дайте бинт и ножницы, – просит доктор, нагнувшись над раненым, которому делает перевязку…

– Сестричка, пить, пожалуйста, дайте, – слабо просит раненый, лежавший прямо на голом полу.

– Сестра, раненый вас зовет! Кажись, помирает, – говорит санитар. – Вон, около стены…

Подхожу, нагибаюсь близко к лицу раненого. Совсем еще молодой! Говорит едва слышно:

– Сестра, напишите моей матери, когда я помру. Все так и отпишите, – помер, мол, от ран и кланяется вам, матушка.

– Хорошо, а как твоя фамилия? Адрес какой?.. Слышишь?! Какой адрес матери? – Но раненый израсходовал все

свои силы и потерял сознание. Хочется хоть на минуту еще привести его в сознание, чтобы записать адрес матери…

– Покарауль его, а я принесу вина немного, – обращается сестра к стоящему санитару. – Может быть, он еще придет в себя…

Сестра бежит в другой конец госпиталя. А по дороге ее останавливают и просят помощи другие: «Сестра, помогите поднять раненого; его нужно в перевязочную скорее: у него кровотечение!» – говорит доктор, показывая на истекающего кровью раненого… Сестра помогает поднять и уложить раненого на носилки. Потом идет дальше за вином. Но когда возвращается назад с вином, раненый уже умер… Часто случается даже, что и трупа уже не найти, – вынесли… Сестра в отчаянии! Невыносимо сознавать, что уже ничего нельзя сделать!.. Часто без слез душат рыдания… Но долго предаваться горю нет времени! Опять ведь зовут!

– Сестра, идите в перевязочную скорее, доктор вас просит, – раздается над ухом голос санитара…

Идешь в перевязочную. Там полно раненых! Один лежит на столе; другие сидят на стульях, третьи лежат на полу и ждут своей очереди…

– Сестра, помогите наложить лубки, у него кость перебита, – говорит доктор.

Раненый забинтован. Сестра идет с ним, помогает санитарам уложить его на койку. Осторожно перекладывает на постель. Под раненую ногу подкладывает подушку или вату…

– Сестра, неудобно мне, – говорит раненый.

Кладешь еще ваты.

– Ну что, лучше?

– Нет! Больно!

Снова осторожно поправляешь положение ноги, еще подкладываешь ваты…

– Пить! Дайте попить, сестра!

Раненые много пьют – гораздо больше, чем обыкновенные больные…

Слава богу, наконец все понемногу успокоилось. Сестра тихонько выходит из перевязочной. Голова кружится, во рту сухо, в ногах слабость. Хочется сесть, а еще лучше, если бы можно было лечь хоть на пять минут!.. Если проходящий доктор заметит такое состояние сестры, непременно скажет:

– Сестра, нате вот папиросу, курите!..

Прежде я не курила никогда. Но однажды мы целые сутки не выходили из госпиталя! Не успевали всех раненых перевязывать… Где-то недалеко от нашего полевого госпиталя шли бои, и транспорт моего мужа все время привозил оттуда раненых. Я присела на пол около раненого, чтобы записать фамилию (раненые лежали рядами на сене прямо на полу), а подняться уже и не могу. Такая слабость. Санитар увидал это, помог мне подняться и вывел меня на двор. Я прислонилась к перилам и закрыла глаза. Кто-то сунул мне в рот папиросу…

– Кури!

Я потянула, закашлялась. Но потянула еще и еще… И как-то стало легче. Я открыла глаза… Передо мной стоял мой муж!.. Я положила голову ему на грудь, и мне хотелось плакать от радости… Родной мой Ванечка! В самую тяжелую

минуту ты оказался около меня. Слезы радости и успокоения текли по моим щекам и капали ему на тужурку…

– Кури, кури! Легче станет! – сказал он.

* * *

После бурных приветствий и поздравлений друг друга сестры шумной толпой пошли в огромный вестибюль, где многих из них ждали с нетерпением родственники и матери. Я вышла тоже со всеми и только хотела пробираться к вешалке за моим манто, вдруг слышу:

– Барыня, кончили учение? Поздравляю!

– Гайдамакин! Ты зачем здесь? Кончила! Кончила, спасибо…

Верный солдат был тут же, среди матерей и родственников окончивших сестер, и первый поздравил меня из всей семьи моего мужа. Нина и Яша относились безразлично к моим курсам и считали, что это блажь, никому не нужная. И всегда с насмешкой и издевательством расспрашивали меня о работе в госпитале: «Ну что, ходишь с ваткой и носики вытираешь бедным больным?» – «Что же? Когда нужно, и носы вытираю!» – «Я представляю себе! Когда кончится война, ты вернешься домой, вся грудь увешана медалями за подвиги сестры на поле брани!» – сказала Нина.

Гайдамакин подал мне манто, и мы вышли на подъезд, сели в фаэтон и поехали домой.

– Письма есть от барина? – (Я ушла утром раньше, чем пришел почтальон.)

– Есть одно, я захватил с собой; вот оно.

Я вскрыла и стала читать. «Тиночка, любимая, настроение у меня препоганое! Я чувствую, что эта должность не для меня. Никакой работы медицинской я не несу! А должность старшего врача в транспорте – это должность чиновника, для которого я совершенно не гожусь. Нужно ругаться, бить всех за грабежи и воровство, которое, мне кажется, идет у меня в хозяйстве! Но я не умею ни бить людей, ни ловить воров! А если я не умею этого делать, значит, я не гожусь для этой должности! Чувствую, что лучше бы мне сейчас же уйти из транспорта, хотя бы младшим врачом в госпиталь, но работать бы по моей специальности. Здесь я только подписываю бумаги и счета, которые мне кажутся все фальшивыми и в которых я просто не могу разобраться, так они запутаны… А что я могу сделать? Каждый день делаю осмотр всего хозяйства; смотрю лошадей и не знаю – сыты они или голодны? Тиночка, милая, ты же знаешь отлично, что я никогда в жизни ничего общего не имел с лошадьми! Как-то нарочно спросил дневального: “Как по-твоему, лошади сыты? Не нужно ли им увеличить дачу?” – “Не могу знать!” Вот и весь ответ на мои сомнения! К кому я могу обратиться! Все смотрят на меня только как на начальника и просто не могут понять, что мне нужна их помощь. Я чувствую и убежден, что эти братья Костины по хозяйственной части работают в свою пользу, но я не умею и не знаю, как их поймать и остановить их мошенничества. Сегодня ходил осматривал фураж по записям в отчетных листах! Ну, вижу мешки с ячменем, стог сена и немного подстилочной соломы для лошадей… Меня сопровождают Костин и подпрапорщик Галкин. А сколько пудов ячменя в этих мешках, сколько пудов сена в стоге? Разве я знаю? Костин лебезит, показывает на мешки, на стог сена: “Вот тут 300

пудов ячменя, 600 пудов сена, 150 пудов подстилочной соломы…” Я обратился к подпрапорщику Галкину: “Сколько пудов ячменя, по-вашему?” – “Так что не могу знать ваше высокоблагородие! Трудно сказать точно”. – “А сколько пудов соломы?” – “Так что, я думаю, пудов двадцать”, – едва выговорил он. “А у тебя, Костин, в ведомостях значится сто пятьдесят пудов?” Он нагло отвечает: “Ведомости составлены вчера, а сегодня солому брали уже для подстилки лошадям”. Я иду в конюшню, хотя в конюшнях не все лошади стояли, – не хватает места, половина лошадей стояла на дворе. Обошел все конюшни, все коновязи… Нигде под ногами у лошадей не было ни одной соломинки! Просто всюду была ужасная грязь! И сами лошади были тоже грязные, мохнатые… “Где же солома?” – спрашиваю Костина. – “Да они ее съели!” – нагло отвечает он. Я обратился к Галкину: “Почему в такой грязи стоят лошади?” – “Так что подстилки нету!..” Тина! Родная моя! Что делать?! Я едва владею собой. В один ужасный день я изобью всех. И это будет ужасно для меня самого. Я так верил русскому солдату!..»

* * *

Господи! Что же это такое! Сижу, точно провалилась в глубокую, темную яму…

– Барыня, приехали! – голос Гайдамакина привел меня в себя.

Я поднялась по лестнице и прошла в кабинет Вани. Я люблю эту комнату. В ней все по-старому: большой письменный стол, лампа с зеленым абажуром, мраморный письменный прибор, стетоскоп, много книг – некоторые из

них открыты на тех страницах, которые он читал перед тем, как уехал в Шемаху… Большой книжный шкап полон медицинских книг и журналов.

Я села в кресло, в котором он сидел долго по ночам, читая свои любимые книги. Сколько времени я плакала, не знаю, кто-то погладил меня по голове…

Я подняла голову и увидела Нину. Она была встревожена.

– Тина, что случилось? Ты получила неприятное письмо от Ивана Семеновича? Случилось с ним что-нибудь?

Я не могу сказать, случилось ли что-нибудь? Но что-то действительно случилось ужасное! А рассказать нечего…

– Нет, ничего особенного! Ваня чувствует себя не особенно здоровым. Я рада, что курсы мои кончены! Теперь я смогу скоро выехать к нему…

– Ты получила письмо от Вани? Что с ним? – спрашивает вошедший Яша. – Да! Кстати! Поздравляю – кончила! Ну, теперь можешь и на фронт ехать – флиртовать!

– Яша! О морали у тебя понятие смутное! Я давно это знала. Но не меряй все на свой аршин!

– Ну, Тина, не сердись! Я ведь пошутил! А все-таки, что случилось? Гайдамакин прибежал ко мне, говорит, барыня получили письмо от барина, прочитали его, а теперь плачут…

Этот солдат действительно друг наш, подумала я. Три года он живет у нас в доме. И этой осенью должен был бы уходить домой, к себе в деревню, но война задержала его. Он очень преданный и честный человек и любит мужа. Когда Гайдамакин пришел к нам в дом, муж сказал ему: «Смотри за всем, чтобы было все в порядке, отвечать будешь за все ты».

И он исполнял все с величайшей ревностью. Если горничная разобьет стакан или рюмку, он не устает донимать ее упреками: «Для тебя что баккара[5], что простой хрусталь, все едино! Разве ты понять можешь? А мне отвечать за вас!»

Или: «Барыня, у нас очень много зря покупается провизии», – вдруг объявляет он за завтраком… «Как много? Откуда ты взял это», – говорю я. «Да я вижу, сколько Аннушка уносит домой каждый вечер всякой всячины». Муж смотрит на меня с гордостью: вот, мол, какой мой Гайдамакин! Все видит! Все знает, что делается в доме… А тот стоит, мрачно смотрит в пол. Оба правы! А женщины – обе виноваты: одна – ротозейка, не умеет распорядиться домашним хозяйством! А другая просто воровка – растаскивает добро «моего» барина… «Правда, она уносит остатки, но я сама ей разрешила это: у нее трое ребят сидят дома голодные, а у ее мужа оторвало руку на пожаре, когда он служил в пожарной команде», – пытаюсь я объяснить… «Ну, вот видишь! Пускай берет эту маленькую помощь», – сказал муж.

Боже мой! Что тут сталось с Гайдамакиным! Он просто позеленел, и его маленькие калмыцкие глазки совсем ушли в глубь орбит, как бы не желая смотреть на такую глупую хозяйку! (Есть такое выражение: и глаза бы мои на тебя не смотрели.) Сначала он молчал. Потом точно поперхнулся: «Ох! Так это ж она морочит вам голову! Никаких нет у ней детей! И никакого мужа! – прорвался он наконец. – Она

---

[5] Имеется в виду марка хрусталя, производимого в городе Баккара (Франция).

носит все это пожарному, а не мужу!» Муж строго посмотрел на него. Он моментально замолчал и вышел из столовой. Муж долго хохотал, но я была обижена. Кухарке я сделала выговор. И в доме наступил мир. До первой разбитой вещи, конечно… И опять тогда все сначала: «А мне за вас отвечать!» и тому подобное.

А вот сейчас мои слезы его расстроили совсем, и он сразу пошел за помощью.

Когда Нина и Яша ушли, он пришел ко мне:

– Барыня! Я хочу дом привести в порядок!

– Что ты хочешь делать?

– Да надо уложить ковры, серебро, дорогую посуду. Чехлы опять надену на мебель. Вы ведь долго здесь не пробудете? А мне бы поехать к барину: может, они в чем нуждаются? Тоже ведь один там… Кругом чужие люди! За одеждой присмотреть нужно, а чем он там кормится? Я так думаю, барыня: я все приберу, уложу в сундуки и поеду, а вы пока обойдетесь с Машей да с Аннушкой?

Я молчала и думала, какую пользу принесет мужу приезд Гайдамакина? Не проще ли мне самой поехать туда?! Я позвала Аннушку и Машу и сказала им, что я уезжаю на фронт к мужу, а дом закрою. А когда война кончится, и если мы будем живы, приходите! Возьму опять! Каждая из них получила за месяц вперед жалованье. Они обе горько плакали.

* * *

Свидетельство об окончании сестринских курсов мне привез сам доктор Захарьян. Он расспрашивал о муже, которого знал очень хорошо.

– А вы куда думаете ехать? На какой фронт? – спросил он меня. – Если хотите, оставайтесь в нашем хирургическом, место за вами!

– Нет, доктор, спасибо. Я не знаю еще, где я буду работать, но я сейчас еду к мужу в Сарыкамыш. Хотя он и не ждет меня. Для него мой приезд будет полным сюрпризом. А там видно будет. Может быть, устроюсь в каком-нибудь из госпиталей, стоящих в Сарыкамыше.

– Я бы и сам не прочь поехать поработать под огнем неприятельских пуль, бодрящее чувство! А что тут? Залечивать дырки да читать новым курсанткам анатомию… Между прочим, у нас через неделю опять новый прием на курс сестер.

Я вспомнила письмо мужа: как он завидует тому, кто остался и продолжает нести обязанности в больницах и госпиталях.

– Нет, вы счастливый, что остались дома и продолжаете работать в своей области: лекции, анатомия, дело врача. А вот если бы вам пришлось считать пуды сена, как моему мужу, смотреть рваные сапоги и рубахи солдат, чтобы их сдать, а взамен получить столько же новых, и вечно подписывать счета, в которых ничего нельзя понять. Это ужасно для врача!

– Да, это верно, я ничего тоже не понимаю в этом деле, да и скучно это для врача. Меня всякий дурак надует, да еще меня же будет считать дураком…

– Вот видите! Значит, нечего вам жалеть, что вы заняты своей нормальной работой.

Доктор ушел, а мы принялись за укладку. У меня масса еще была и других дел кроме укладки вещей. Я сказала Маше, какие беру с собой вещи, и поручила ей самой уложить все. Мне нужно поехать к портнихе, в банк свезти бумаги, лишние деньги и разные ценные вещи. Вот этот пакет с завещанием Вани. Он сказал мне, что в нем он все свое имущество оставляет мне в случае его смерти. Да никого другого у него и нет! Детей у нас нет! Братья сами имеют столько же. Несмотря на все кутежи как Алексея, так и Яши, все же и они не могли тратить всего дохода, который приносило наше имущество. Я никогда не обращала на деньги никакого внимания; они приходили в мой дом без ведома и усилий с моей стороны. Их было много – больше, чем мы могли тратить при всей нашей бесхозяйственности и безалаберности с моей стороны.

Деньги я клала прямо в мою зеркальную шифоньерку. Когда наберется толстая пачка кремовых кредиток с головой Екатерины Второй[6] – тогда я несу их в банк. Муж к деньгам относился совсем безразлично. Когда Яша приносил деньги, муж кричал мне:

– Тина, Яша принес деньги, возьми их.

---

[6] Сторублевые купюры в начале XX века с изображением Екатерины II.

Яша заведовал всем: сдавал квартиры, получал деньги, имел дело с подрядчиками – десятки лет одни и те же вели все работы в наших домах, – платил налоги, страховки, нанимал дворников; их у нас было двое: один назывался «старший дворник», другой – его помощник, исполнял только приказания своего прямого начальника, старшего дворника Тимофея. Иногда денщики, наш или старшего брата Алексея, попросят помочь вынести ковры, чтобы почистить: «Эй, слышь, Миколай! Приходи, помоги мне вынести ковры». – «Не могу! Я занят! Тимофей сказал, чтобы вымыть отхожие места; може опосля, как управлюсь».

На Кавказе за несколько лет перед войной введено было ночное дежурство дворников. Тимофей дежурил сам. Он был официальное лицо; ему в участке дали свисток и бляху с номером, и его паспорт держали тоже в участке до тех пор, пока он служил у нас в доме. Дежурный дворник, когда выходил на дежурство, надевал белый фартук, белые нитяные перчатки, на шее на шнурке полицейский свисток, бляха с номером, а в руках дубинка. Мы выдавали холщовые фартуки; для лета и осени – брезентовое пальто, а зимой ватное пальто, кожаную фуражку и высокие сапоги на случай дождя или снега. Дворнику полагалась квартира – комната с кухней, если дворник был холостой. А если с «бабой», как обычно они называли женатых, то две комнаты и кухня. Помощнику полагалась одна комната, если оба дворника без «баб», то обычно они жили вместе – дешевле «харчиться», говорили они. Зимой обязательно выдавались дрова, а керосин все равно летом и зимой полагался.

Вот пакет с завещанием мужа. Но я его не открою! Когда Ваня передавал мне его, то сказал:

– Тина, если я живым не вернусь, это все твое! Ты богата! У тебя столько, что можешь жить, как только захочешь. Тебе хватит на все… – Он замолчал. Потом взял мою руку, прижал к губам крепко-крепко. И произнес чуть слышно: – Не выходи больше замуж! Я так тебя люблю!

– Родной мой, любимый! Что ты говоришь! Если тебя убьют, я не хочу жить без тебя ни одного дня!.. – Да, я так думала тогда: без него нет жизни, ничего мне не нужно: ни денег, ни домов! Сердце вдруг так больно сжалось… – Тебе ведь ничего не угрожает – ты врач! Мне тяжело думать, что мы расстанемся хотя бы на время… Я хочу всегда, всегда быть с тобой… При всех обстоятельствах!.. До конца дней наших…

Но судьба оказалась сильнее меня, и все случилось по-другому… Жизнь переломилась! По одну сторону перелома осталось и ушло все красивое, а по другую оказалась кровь, слезы и сплошное несчастие. Всякая ценность потеряла значение… Сколько я видела молодых, красивых, а может быть, и богатых – бездыханных трупов?.. Они так же лежали на земле рядами, как и самый бедный солдат…

Ну вот, все кончилось и осталось позади и, может быть, навсегда!..

Я на вокзале. Уезжаю к Ване! Гайдамакин едет со мной – мрачный, угрюмый!..

Масса знакомых пришли проводить меня. Натащили цветов, конфет. Болтают всякую ерунду, смеются. В сотый раз повторяют одно и то же: «Передайте Ивану Семеновичу привет! Скажите, чтобы берегся! Сами берегитесь тоже…

Скорее возвращайтесь домой! Мы вас ждем обоих». И так далее…

– Яша, а что ты думаешь делать? – спросила я его.

– Продолжать все ту же жизнь: пить, играть в карты, ухаживать за хорошенькими женщинами, проводить бессонные ночи!.. Нет!.. Ну их всех, женщин!.. Надоели. В конце концов, сбегу на фронт…

– А ты не беги от кого-нибудь. Просто иди сам добровольно, с чувством долга… Ведь теперь нужны России все, и каждому найдется дело!

– Ну и пусть их идут! Вот ты пошла тоже – ну, и отлично! Да, наконец, у меня два брата на войне – помогают России, как ты говоришь. Надо же кому-нибудь и здесь остаться!

– Вот бы мне скинуть десятка два годков, так я бы пошел с удовольствием на войну, – сказал отец Нины.

– Да ты и теперь еще годен копать братские могилы, – сказал Яша и добавил: – А мне и дома хорошо! Да, наконец, если все мужчины уйдут на войну, кто будет развлекать женщин?! Ведь они, милые, умрут от тоски! А если у кого убьют мужа, брата или отца, кто будет утешать, вытирать слезы?! Нужно непременно держать в тылу некоторое количество опытных мужчин для утешения плачущих!

– Ну, понес! Как тебе не стыдно? Я все расскажу Ване…

– Нет! Пожалуйста, ты ему не говори этого. Напротив, скажи, что Яшка, мол, собирается ехать на фронт добровольцем…

– Ну, нет, я его обманывать не буду. Ты сам ему напиши это.

– Послушай! Да я не имею права никуда уезжать из дому. Кто будет вести дела здесь: ты уезжаешь за наградами, Нина – с ребятами.

– Ты, Яша, ходи на вокзал, когда приходят санитарные поезда, и раздавай папироски да яблочки раненым солдатикам! – сказала Маня.

– Это тоже весьма полезное дело! – сказала я.

– А вот действительно, почему бы тебе не ходить на товарный вокзал к приходу санитарного поезда – помогал бы выгружать раненых. Или ходи по утрам в госпиталь и помогай санитарам убирать палаты!

– Ты с ума сошла! Я буду убирать палаты – что ты говоришь!

– А что? Делают же другие. Теперь много пошло на эту работу студентов.

– Ну и пускай идут и работают.

– Второй звонок – Тифлис! – кричит швейцар. Мы стали прощаться.

– Пишите, пожалуйста, ваша адрес! – сказала Марья Яковлевна.

– Всю жизнь прожила в России, а двух слов правильно сказать по-русски не может, – с неприязнью обрывает Нина свою мачеху.

– Да что вы! На войне нет никакого адреса, пишите прямо: «Действующая армия…»

– Третий звонок – Тифлис!

Я захожу в вагон и из окна кричу всем:

– До свидания, до свидания…

С этим первым моим отъездом из дома кончилось благополучие всей моей жизни и всей нашей семьи…

Я стояла у окна и смотрела, как уплывала платформа, потом сотни товарных вагонов вперемешку с классными вагонами, стоящими на запасных путях. А вон там, недалеко совсем, видна огромная труба – это у нашего соседа-татарина Алиева рисоочистительная фабрика. А напротив, через улицу Молоканскую, наш дом… А если пройти двор, там моя квартира, которая выходит на Биржевую улицу. Знакомый покойного отца как-то был у нас и сказал: «Разве можно в центре города держать столько свободной, незастроенной земли? Точно хутор какой-то! Ведь посреди этого двора можно еще выстроить пятьдесят квартир».

Никому не хотелось возиться с подрядчиками; муж служил, старший брат тоже служил, а Яша терпеть не мог что-либо создавать:

– Для чего я буду возиться с разными подрядчиками? Хватит и того, что есть!..

Скрылась труба, а с ней и наш дом; потянулись нефтяные вышки в «черном городе».

Я оторвалась от окна, хотела сесть и только теперь увидела, сколько цветов в купе; точно новобрачную провожали или театральную примадонну. Мне стало стыдно перед другими пассажирами: героиня какая! еду к мужу!

На какой-то станции зашел ко мне Гайдамакин узнать, хорошо ли мне, не нужно ли чего-нибудь? Я отдала ему цветы и некоторое количество конфет; стало свободнее в купе.

Сколько народа едет! Военные и штатские! Все говорят только о войне. Часто слышится: ранен, убит – хуже всякой эпидемии…

Ведь убит непременно молодой, сильный, жизнерадостный, у которого, наверное, осталась жена или невеста, или просто любимая женщина, все равно… Его сердце любило и хотело жить! А теперь свалят в общую яму, и никогда никто не узнает даже, где эта яма. Сколько останется женщин, горе которых только долгие годы притупят, но не излечат?!

Я вспомнила с отвращением слова Яши: «А утешать кто будет, если все мужчины уйдут на войну?» А ведь правда! Сколько плачут теперь! Матерей, вообще женщин! Но утешить их нельзя! Их горе беспредельное! Только слезы облегчат немного сердце женское!

Как хорошо, что я еду к мужу! Через несколько часов я увижу его, какая я эгоистка, даже в несчастии я счастлива? Услышу живой голос его! А те, кто получил страшное письмо «убит», никогда не увидят и не услышат родного голоса!

Но вот и Тифлис – главный центр тыла Кавказской армии!

Боже мой, сколько народу! На перроне едва можно пройти; повсюду эти серые шинели, и не разберешь, кто солдат, кто офицер, погоны у всех суконные, серые; не видно ни звездочек, ни полосок. Мне придется ждать поезда на Карс несколько часов.

Я прошла в зал первого класса, но не нашла ни одного свободного места, где бы можно было сесть… Гайдамакин сложил вещи прямо на пол, и я стала около них…

– Ты карауль поезд и постарайся занять мне место.

Как невыносимо тяжело стоять на одном месте!

Сесть не на что и уйти от сложенных на пол вещей не могу, а Гайдамакина нет. Вдруг слышу: «Первый звонок – Баку – Ростов!» В публике движение; многие встали и пошли к выходу. Недалеко от меня освободилось место – краешек дивана. Я села на него.

– Сказали, сейчас подадут поезд! – запыхавшись, сказал Гайдамакин. – Скорее, барыня, идемте! Место занять бы! Страсть сколько едет военных!

Мы стали протискиваться к выходу на перрон. Но на перроне, кажется, еще больше стало народу, чем было, когда мы приехали, а ведь недавно ушел поезд на Баку. Мы потихоньку двигаемся ближе к краю платформы, но толпа все время перемещается, как морская волна: то нас придвинет к самым рельсам, то отодвинет вглубь платформы. Наконец я очутилась среди серых шинелей и, стиснутая крепко со всех сторон, остановилась и стала ждать поезда. Холодно, сыро. А поезда все еще нет. Наконец что-то черное, безглазое выползло из темноты к платформе… Ни в одном окне не было света. Толпа сразу густой массой придвинулась к двигающемуся поезду. Но кондукторы никого не пускали в вагоны. У каждого кондуктора был в руках фонарь. Кондуктор открыл дверь своим ключом, вошел в вагон и стал зажигать свечи в фонарях, которые были в каждом купе. А мы стоим и ждем…

Наконец, звонок! Дверь в вагон открыта! Все сразу бросаются в узкую дверь, получается «затор», злятся, тяжело дышат, толкают локтями! Меня охватывает ужас. Я хочу вырваться и убежать дальше от вагона, но толпа еще сильнее меня прижимает к вагону…

– Барыня, давайте руку! – вдруг слышу я голос Гайдамакина.

– Где ты, Гайдамакин?

– Я здеся, барыня! Дайте вашу руку!

Но я ничего не вижу, меня совсем затолкали, десятки рук тянутся через мою голову, чтобы схватиться за поручни и подняться в вагон. Гайдамакин поймал мою руку и втянул меня на площадку.

– Место я нашел для вас; вот здесь, в купе. Народу много, но я положил ваш чемоданчик, и место ваше будет!

Народа столько, что только бы втиснуться между каких-то серых шинелей! А о сне и думать нечего… В купе темно, сыро и пахнет солдатским сукном. Какой ужас! Как я доеду в такой обстановке до Сарыкамыша? Когда я вошла в купе, несколько человек, не то солдат, не то офицеров, соскочили со своих мест и сказали:

– Садитесь, сестра, «в тесноте, да не в обиде», потеснимся, и места всем хватит.

Я села на краешек дивана. Всех ненавижу! И чего это столько народу набилось в этот вагон? Могли бы и в другой пойти! Так нет, всегда так: куда один, туда и все, – стадо, со злобой думала я. Но когда поезд отошел, как-то сразу стало свободнее. Было уже поздно, и все стали укладываться спать. На диване напротив расположились две женщины и ребенок, по-видимому, армянская семья, а мужчина-армянин стоял в дверях.

– Сестра! Ложитесь на верхний диван; а мы вчетвером устроимся на нижнем! – вдруг предложил один из моих соседей.

– У вас есть подушка и одеяло?

– Спасибо, да, у меня есть все. – И вдруг в купе стало светлее и теплее, и эти «ненавистные серые шинели» показались близкими, точно мы ехали одна семья! Они быстро и ловко подняли верхний диван, развернули мой дорожный мешок, вытащили оттуда подушку и одеяло и помогли подняться наверх. На противоположном диване уже спали двое головами в разные стороны, накрывшись шинелями.

Я легла, укрылась одеялом и скоро заснула. Проснулась я от сильного толчка и скрипа тормозов, и поезд остановился. В нашем купе была полная тишина. Я заглянула под диван, где спали четыре офицера: крайние двое спали, откинув голову в самый угол и закрыв лицо фуражкой; один, посредине, положил свою голову на плечо соседу и вытянул ноги; четвертый спал сидя. Весь согнулся; голова его почти касалась колен; одна нога подвернулась под себя, другая вытянута. Просто ужасно было смотреть на этих спящих людей!

Мне стало совестно, что я на них злилась, что они занимают в купе много места! А они ведь отдали свои места и удобства мне, и вот теперь сами спят сидя… Я посмотрела на противоположный диван, где спали двое, все так же крепко. У одного под головой лежала фуражка, у другого – папаха.

Было еще темно, когда поезд пришел в Александрополь. Армянская семья вышла и освободила целый диван. Двое из четырех пересели туда, легли так же головами в разные стороны и спали чуть не до самого Карса.

Спутники мои сошли в Карсе. В вагон село несколько новых, таких же серых, пассажиров. Но в моем купе, кроме меня, никого больше не было. За окном все покрыто снегом и слышно, как он скрипит под ногами. Мне выходить на вокзал не хотелось; пришел Гайдамакин, я его послала отправить телеграмму мужу и принести мне стакан чаю.

Здесь уже война чувствуется! Кругом только военные! Чувствуется, что здесь они на месте и делают дело. Лица у офицеров и солдат озабоченные, шинели помятые… Особенно много солдат, офицеров и военных чиновников на перроне вокзала. Они то группами, то в одиночку ходят, говорят, куда-то показывают руками, часто заходят вовнутрь вокзала. А когда открывают дверь в вокзал, оттуда вырывается белый пар большими клубами.

Я подошла к окну на противоположной стороне. Там стояли товарные вагоны, и в щель сдвинутых дверей виднелся свет: не то везут солдат, не то лошадей? Не слышно ни пения, ни смеха, как обычно бывает, когда встречаешь эшелон. Должно быть, мороз так действует?

Получит ли Ваня мою телеграмму и приедет ли на вокзал встретить меня? Поезд придет в Сарыкамыш около двенадцати часов ночи. Хотя от Карса до Сарыкамыша и недалеко, но дорога идет все время в гору, и поезд идет черепашьим шагом.

Почему мне как-то жутко? Чем ближе к фронту, тем тоскливее! Или еще что-нибудь другое? Чувствую, как будто назад нет возврата, точно что-то затягивает, какая-то тина… Вот так бывает, когда идешь по болоту, – ступишь осторожно и, кажется, видишь дорожку, а оглянешься назад – ничего нет, кочки зыбучие да черная вода… Что за ерунда! Захочу,

могу сейчас же вернуться назад домой! И никто ничего мне сказать не может! Еду я по собственной доброй воле и желанию. Это темнота и холод так на меня действуют, подумала я. Вон одна свеча только горит! В вагоне полумрак и сильно холодно… Вспомнила я, как несколько лет тому назад с этого же вокзала в Карсе, когда снег и морозы надоедали мне, я уезжала в Баку погреться на теплом солнышке. Всегда в вагонах было пусто; в первом классе два-три человека! Вон там, за этими эшелонами, – офицерский поселок Кабардинского полка… Там и наш флигель, где мы прожили несколько счастливых лет с Ваней… А теперь еду мимо, куда-то в холод и темноту…

Приеду в этот Сарыкамыш, а вдруг муж не встретит меня?! Куда мы пойдем ночью? Кругом чужие люди; все заняты, может быть, еще больше, чем здесь, никому нет дела до меня, хоть замерзни до смерти на улице… Как хорошо теперь было бы очутиться дома, в своей спальне, в чистой постели! Тепло, светло, сухо!..

– Барыня, вот, чай принес, – вдруг раздался голос Гайдамакина около меня.

Ох! Слава богу, хоть он пришел!

– Послал телеграмму? – После выпитого чая стало легче и теплее на душе…

– А что если барин не получит телеграмму и не приедет встретить нас на вокзал?

– Да не беспокойтесь, барыня! Вы посидите на вокзале, а я пойду пешком искать квартиру; а как только найду, барин приедут за вами. Найти нетрудно! Спрошу кого – все, поди, знают нашего барина! Найду, не беспокойтесь!

Скорее бы шел поезд! А то стоит, стоит, а для чего – неизвестно? И народа-то совсем мало…

– Декабрь на дворе, Рождество скоро! Никому неохота ехать на фронт, все норовят больше в тыл – до дому! – говорит Гайдамакин. – А мы вот поехали из дому от Рождества на фронт!

Сильный толчок! Паровоз прицепили! На платформе появились люди, начальник станции в военной фуражке машет рукой. Свисток! И колеса заскрипели на обледенелых рельсах. Поезд сделал толчок и тронулся. Станция медленно стала уходить назад. Стало сразу темно…

Я прильнула лицом к стеклу: где-то здесь, совсем близко от станции, казармы Кабардинского полка, в которых теперь госпиталь, писал Ваня мне.

Темно! Вот что-то темное большое обрисовывается! А это и есть казармы! В первом корпусе первого батальона чуть желтеют окна! Нельзя сказать, что там госпиталь… А другие корпуса, мимо которых теперь шел поезд, совсем выглядели черной громадой – нигде ни одного огонька…

Как странно все это для меня! Сколько лет приходилось проезжать по вечерам мимо этих зданий, полных жизни, света и движения! Песни, гармошка слышны были в каждом корпусе. У каждого подъезда стоял дневальный и у проходных ворот тоже дневальный: частную публику не разрешалось пропускать через дворы. «Иди кругом по дороге», – говорил дневальный. А теперь ни души! Война! Все сидят в холодных окопах! А офицерских флигелей совсем не видно. Да и смотреть не стоит! Все равно никого там уже и нет!

Кое-где мелькнет огонек в крошечном оконце армянского домика и сейчас же пропадет навеки. Темно! Поезд вышел из города…

Сажусь на диван. В моем купе сидят двое военных. Они тихо разговаривают о своих военных делах. В коридоре стоят маленькими группами, курят и тоже разговаривают. Тихо… В общем, народу едет мало! Куда же это ехало столько военных из Баку? Поезд был ведь переполнен? Да и из Тифлиса тоже ехало много! А вот теперь, когда фронт совсем близко, народу меньше, и как-то тише, спокойнее.

Когда поезд подошел к Сарыкамышскому вокзалу, я совсем была смущена – на станции никого! Ни души! Один фонарь слабо горел у дверей здания. На платформе никто никого не ждет! Не видно носильщиков. Да и здание вокзала показалось мне «крошечной избушкой», а поезд тихонько все ползет и ползет и наконец тихо, незаметно останавливается!

Дверь станции открылась. Оттуда вышло несколько человек. Все серые, однообразные… Но кто это?! Вон, один! Да это Ваня! Мой родной Ваня!.. Ну, конечно, это он! У него шуба, хотя и серого сукна, но воротник кенгуровый, и серая каракулевая папаха. Он! Он! Мой муж, мой любимый! Господи! Как я его люблю! Как я счастлива, что вижу его! Смотрю и не могу оторваться от окна. Вот он увидел Гайдамакина, поздоровался с ним; идут к моему вагону; вот и голос его, низкий, мягкий.

– Тиночка! Тинушка, родная моя! Да как же ты это решилась приехать сюда? – говорит он, целуя и прижимая меня крепко к себе, а я – плачу, не могу удержаться: слишком большое счастье и огромная радость!..

Вот он! Живой, теплый. И голос его, и глаза его! Весь мой, Богом данный мне муж…

– Ну, идем! Дай сначала я вытру слезки твои, да застегнись хорошенько, очень сильный мороз, – говорит он и сам застегивает мою меховую шубу.

– Мне не холодно, в этой шубе на Камчатку могу ехать.

– Здесь и есть вроде Камчатки! Высунешь руку в дверь, и она отмерзнет моментально, – шутит муж.

Он тоже счастлив – весь сама ласка и радость. Мы вышли на платформу – ни души! Я оглядываюсь кругом и говорю:

– Никого нет! Ни одного человека! Вот так война!..

– Да кому охота мерзнуть понапрасну? На вокзале народу много, спят в тепле. Там устроен питательный пункт: стоят длинные столы и скамейки, топится печь все время, тепло… Но там только все военные, которые проездом задержались на день или на два, пока подвернется попутчик, который подвезет до его части! А частной публики здесь нет, и быть не полагается никому! Я получил твою телеграмму, сначала глазам своим не поверил! Но, смотрю, уже поздно, – скоро должен прийти поезд. Поехал! Но до прихода поезда, оказалось, еще целый час оставался. Я сказал Ткаченке, чтобы он укрыл лошадей попоной, а сам бы шел внутрь вокзала, в тепло. Морозы здесь такие, что дух захватывает!

Мы подошли к экипажу, который я видела первый раз в жизни.

– Вот моя двуколка! В ней езжу только я один… – сказал муж.

Двуколка – это экипаж на двух больших колесах: бока и верх покрыты брезентом. На обеих сторонах экипажа

большие красные кресты. На переднем месте помещается возница и рядом с ним два или три сидячих легко раненных. Задняя стенка открывается, и туда кладут во всю длину четырех раненых. Везет такой экипаж пара лошадей. В двуколке мужа посредине было сиденье со спинкой.

– Вот это мой возница, Ткаченко, – показывая на солдата, сидевшего на двуколке.

– Здравствуй, Ткаченко, – поздоровалась я с ним.

– Здравия желаю! С приездом! – по-военному ответил он.

Мы с мужем сели на внутреннюю скамейку.

– Ну! Можно ехать! А то барыня замерзнет. Гайдамакин, как получишь багаж, приедешь с Клюкиным на его двуколке.

Мы поехали!

– Тебе хорошо? – обнимая, меня спросил муж.

– Очень.

– Двуколка эта совершенно новая и очень удобная, закрывается со всех сторон. Я сплю в ней, когда езжу за ранеными на позицию.

– А разве есть раненые?

– Понемногу привозим каждый день! Но позиции отсюда далеко, и каждая поездка берет сутки. Это хорошо, что ты надела форму сестры, меньше обращаешь на себя внимания. Здесь нет женщин! Не полагается! Война – нечего смущать воинов…

Я слушала его и удивлялась, что он все время говорит. Вообще он неразговорчив, а пустую болтовню совсем не выносил и не любил мужчин, которые стараются занимать дам. «Ну, это пустой болтун», – говорил он, когда я

спрашивала его о каком-нибудь знакомом мужчине, который нравился дамам… «Старается занять позицию на всякий случай», – говорил он о таких мужчинах. Женщин вообще не любил. Всегда говорил, что, «если бы не встретил тебя – никогда бы не женился ни на ком…»

Когда он был еще студентом Харьковского университета, хозяйская дочь (где он снимал комнату) влюбилась в него. Ничего не подозревая, он принимал приглашения то на чай, то на ужин, хотя и тяготился этим. Вообще изредка заходил, когда не находил предлога отказаться от настойчивых приглашений. Но и только. Но однажды дочь хозяев сама ему написала, что любит его и готова быть его женой. Пришел он поздно с лекции, увидел на полу под дверью письмо; положил его на стол, думая – из дому. И решил прочесть его позже. Через несколько минут стук в дверь! Открывает: она, хозяйская дочь…

– Вы, Иван Семенович, письмо видели? Подняли его?

– Да, видел, поднял!

– Прочли?

– Нет еще!

– Прочтите скорее, пожалуйста! – И ушла.

Взял он письмо, вскрыл, прочел… Уложил вещи, а утром позвал извозчика и переехал в гостиницу. Весной же, когда закончился семестр, перевелся в Казанский университет. И никогда больше не видел и не вспоминал об этой девушке.

А в Казани встретил меня – четырнадцати с половиной лет, маленькую, худенькую девочку. Полюбил. Два с лишним года ждал, чтобы подросла его невеста и будущая жена. И

когда мне исполнилось шестнадцать с половиной лет – женился на мне.

– Что дома, все благополучно? Алексей что пишет? Яшка все пьянствует?

– Алеша пишет, что хоронят то одного, то другого убитого сальянца. Много уже убито офицеров! Убит Гриша Офонасенсенко; убит капитан Федоров! Жена его поступила на службу. У них ведь никаких средств не было, кроме его жалованья.

– Разве не дают пенсию семьям?

– В конце концов дадут маленькую, конечно! Но когда это еще будет?! Здесь как-то ничего не знаешь! А сколько знакомых уже убито, наверно. В городе на каждом шагу встречаются женщины в трауре. Потери на Западном фронте очень велики!..

– А вот и моя штаб-квартира! – сказал муж, показывая на крошечный домик, как мне показалось в темноте.

Двуколка подъехала к деревянному забору и остановилась. А я и не заметила, как мы доехали! Муж соскочил с двуколки, взял меня на свои сильные руки и поставил на снег.

– Ну, идем!

Мы вошли в калитку и по деревянным мостикам дошли до крыльца. В сенях было совсем темно! Солдат лег, вероятно, спать и потушил лампочку… Вот дурак!

Но в эту минуту открылась дверь в освещенную комнату; посреди комнаты стоял грубый деревянный стол, выкрашенный черной краской; над столом висела

керосиновая лампа; вокруг стола стояли несколько некрашеных стульев.

– Это наша общая столовая. А там моя спальня, – он показал на открытую дверь.

– У тебя очень хорошо!

– Тебе нравится?

– Я так рада видеть тебя, что мне все нравится, что окружает тебя. А вот и Гайдамакин приехал с багажом!..

– Ваше высокоблагородие, куда сундуки нести?

– Да у меня одна только комната! Вон та, где я спал до сих пор. Если поместятся все сундуки и чемоданы, несите туда! Другого места нет, – сказал муж.

Я пошла в его спальню.

– Здесь темно! Зажгите лампу, пожалуйста!

– Да лампа-то только одна в столовой! Я зажигаю свечу, когда прихожу спать ложиться. Клюкин, принеси из кухни свечу.

Когда принесли свечу и зажгли, я увидела маленькую комнату с двумя ничем не завешенными окнами. В углу, у стены, стояла узкая железная солдатская кровать. Почти посреди комнаты стоял раскрытый чемодан мужа. Тут же валялись сапоги, носки и другие вещи мужа. Около кровати на пустом ящике стояло блюдце с куском догоревшей свечи. Кровать не была сделана: подушка свернута валиком, простыня скручена жгутом, а стеганое шелковое одеяло валялось на полу. И ничего больше – ни стола, ни стула, – ничего решительно! Одна узкая железная кровать и несколько гвоздей, вбитых в стену, на которых висели вещи мужа да полотенце.

Все стояли молча, разглядывая комнату, точно в первый раз видели ее… Молчала и я…

Прерывая молчание, муж сказал:

– Видишь ли, здесь ничего достать нельзя! Да и телеграмма твоя получилась поздно. Но завтра я пошлю разыскать какую-нибудь мебель. Этот дом был пустой, но там выше, где штаб, были дома с мебелью. Сегодня как-нибудь устроимся; переспим, только ведь одну ночь…

Я ни слова не сказала. Но он видел, что я подавлена обстановкой…

– Конечно, устроимся! На то и война, – только и могла я ответить…

– Несите вещи! Вот ставьте их здесь! На двух сундуках можно устроить постель для меня, ты еще не видел, что я привезла.

– Боже мой! Да ты полдома привезла!.. – сказал он, увидев, сколько сундуков внесли в комнату.

– Постели для барыни на моей кровати, а мне на полу. А мы пойдем ужинать! Ты голодна?

На столе кипел самовар, стояло жареное мясо, хлеб… Но есть не хотелось…

– Как это ты решилась пойти на курсы? И мне ни слова не писала об этом!

– Хотела, во-первых, быть с тобой или хотя бы поближе к тебе! А во-вторых, должна же я хоть чем-нибудь помочь Родине!

– Попробуй, если сумеешь! Да что ты так смотришь на меня?

– Смотрю! Соскучилась по тебе. Но ты как-то странно изменился!

– Я и сам знаю, что изменился. Поживешь здесь – и ты изменишься… Но я бы не хотел, чтобы ты долго оставалась здесь! Здесь обстановка тяжелая, грубая. Никаких удобств – даже самых минимальных, человеческих.

– Ты не рад, что я приехала к тебе?

– Тиночка, родная, любимая, ты для меня больше жизни! И видеть тебя – для меня большое счастье! Я так рад, что ты опять со мной! Но ты же знаешь, что я не умею высказать все, что я чувствую и думаю! Но я был бы спокойнее, если бы ты жила дома! Пока здесь ничего не угрожает. Позиции далеко… А раз ты уже здесь, то поживи до Рождества! А после Рождества уезжай домой… И если уж очень хочешь помогать Родине, работай в каком-нибудь из госпиталей – там, наверно, много запасных госпиталей стоит! Ну а теперь пора спать! Два часа уже!..

Когда я проснулась на другое утро, то мужа в комнате уже не было. Я встала, надела халатик, пошла к окну и сняла простыни, которыми мы вчера завесили окна. Стекла были все в узорах от мороза, сквозь которые ничего нельзя было увидеть… Я подошла к дверям, позвала Гайдамакина и попросила горячей воды. Он принес большой кувшин теплой воды, таз и ведро для грязной воды… Когда я оделась и вышла в столовую, там уже никого не было. На столе кипел самовар, огромный кусок сыра, копченая колбаса, открытая коробка сардин и мешочная икра. «Это уже из моего запаса», – подумала я. Большой кусок хлеба, три стакана (чашек, должно быть, не было), один стакан чая, наполовину отпитый. В комнате было тепло. Я взглянула в окно. О! как

все блестит! Сколько снега! Все засыпано им! Всюду сугробы! Вон дорожка разметена! Куда это она ведет? А! К маленькой деревянной будочке…

И дорожка чисто разметена, значит, по случаю моего приезда! И это все заботы Вани обо мне. Милый, родной человек – обо всем подумал…

Но как тут тихо и мирно! Вон солдаты ходят, разметают дорожки; один несет охапку дров, должно быть, на кухню? Совсем как в прежнее время, когда мы жили в Карсе.

А солнце-то какое яркое! Снег блестит! Вон у солдата изо рта пар идет… Мороз, должно быть, сильный. Но жизнь кажется совершенно мирной, точно где-то в глуши в центре России! Позиции далеко отсюда, говорил Ваня, а здесь – тыл, штаб армии, госпиталя, хлебопекарни. А вот и Ваня!

– Здравствуй, Тиночка! Давно встала?

– Нет. А ты уже осмотрел свое хозяйство, а я все спала! Мне совестно…

– Ну, что ты! На то я и муж! Тинушка, многого я не могу сделать для тебя – такая уж здесь обстановка… Но я должен показать тебе некоторые необходимые вещи…

Он подвел меня к окну, из которого я видела дорожку, ведущую к будочке; вот это все удобства, и тебе придется ими пользоваться; другого я ничего не могу тебе предоставить…

– Знаю, знаю! Давай пить чай! – перебила я его.

– Хорошо. Но, пожалуйста, подождем минутку. Сейчас придет младший врач. Когда я вчера получил твою телеграмму и сказал ему, что ты приезжаешь, он очень обрадовался и рассказал мне, что у него жена сейчас живет в

Тифлисе, чтобы быть поближе к нему. Они из Елизаветграда. Оказывается, они недавно поженились, но он не смел просить разрешения приехать ей сюда. Сегодня утром, когда мы с ним ходили вместе, делая осмотр хозяйства, он спросил меня, можно ли его жене приехать сюда… Конечно, я разрешил. Я думаю, тебе будет даже лучше. Мало ли, что может случиться? Я с транспортом могу уехать на позицию; а так же и доктор Штровман. Вас будет две женщины тут, ты не будешь одна!

– Ванечка! Я приехала не сидеть, а работать! Я пойду в какой-нибудь госпиталь и предложу свои услуги. Ведь не за деньги же я иду работать, а без жалованья. А иметь лишние руки всякий, я думаю, согласится?

– А вот и доктор Штровман! Моя жена, познакомьтесь, – сказал муж, знакомя нас.

Мы познакомились. Он был небольшого роста, круглые толстые щеки, черная курчавая шевелюра, на носу – пенсне, мягкая толстая рука с короткими пальцами, рейтузы обтягивали короткие жирные ноги… Он сразу заговорил о будущем приезде жены:

– Какая здесь война! Я сижу тут, ничего не делаю; она сидит в Тифлисе – скучает. Гораздо лучше будет, если она тоже приедет сюда, как и вы…

– А она тоже сестра милосердия? Кончила курсы?

– Нет! Она курсов не кончала. Она не может делать такую работу; тяжело это для нее – она нервная.

– Да? А я вот хочу работать, а муж говорит, что раненых мало; что и для постоянного персонала работы мало, и моя помощь никому не нужна!

После чая мы с мужем пошли осматривать достопримечательности Сарыкамыша.

– Одевайся теплее, – сказал муж, – мороз сегодня необычайно сильный.

Ах! Какое яркое солнце! А снег так блестит, что больно смотреть. А как легко дышится! Мы идем немного все в гору по нашей улице.

– Вон большой дом, это штаб. А вон на горе, большое здание, – это и есть хирургический госпиталь. Он и был все время госпиталь для стоящих здесь в мирное время войск. Оборудован по последнему слову науки. Огромный, чистота идеальная. Мой транспорт доставляет сюда раненых (больных не принимают здесь, а только хирургических).

Мы дошли до самого здания. И остановились. И залюбовались. Отсюда с высокой точки открывался великолепный вид на весь Сарыкамыш и окрестности.

– Вон, под горой, небольшое здание. Это вокзал, где я тебя вчера встретил. А вон бывшие казармы Елизаветпольского полка. Собственно, этот госпиталь – тоже бывший Елизаветпольского полка. Только его расширили, да персонал другой. А все эти домики нарядные, чистенькие – собственность офицеров; семьи уехали кто куда, некоторые взяли вещи, мебель, а большинство все оставили в домиках. Хочешь, зайдем в госпиталь?

– Хорошо, только дай мне еще полюбоваться.

Госпиталь стоял на возвышенности почти около самой дороги на Кагызман. Вокруг госпиталя были цветники, теперь покрытые толстым слоем снега, и сейчас же за госпиталем начинался сосновый лес. Одиночные старые огромные сосны стояли совсем близко вокруг госпиталя.

– Летом здесь великолепно! Помнишь, я с Кабардинским полком был здесь на маневрах два лета подряд? Город ведь там, внизу. Там вон другие госпиталя, в тех кирпичных двухэтажных домах, а ниже, еще правее, длинное, низкое здание – это склады продовольствия и там же хлебопекарни недалеко. Вон военная церковь. Между вокзалом и городом видишь, какая выемка? Сейчас плохо видно – все снегом покрыто; а весной это пространство все покрыто водой, целая большая река! Вон, где едут двуколки, – это дамба, единственная дорога, соединяющая город с вокзалом; дальше она идет к Караургану и к нашим позициям.

– Очень мне все нравится! А жить здесь летом прямо великолепно! Грибы можно собирать. Рыжики, я думаю, есть в сосновом лесу, и боровики! Всюду, куда ни взглянешь, эти гиганты-сосны.

– Да, летом здесь чудесно! Но сейчас ты замерзла. Идем теперь в госпиталь! Там ты согреешься. А то и мне холодно стало.

Мы вошли в подъезд. Солдат открыл двойные стеклянные двери. В огромном вестибюле была идеальная чистота.

– Где доктор Платовский? – спросил муж у дневального. – Скажи, что доктор Семин хочет видеть его.

Сейчас же к нам вышел доктор Платовский. Он был немолодой, подтянутый щеголь, все на нем было ловко пригнано. Да и весь он казался каким-то выхоленным…

– Здравствуйте, коллега! Позвольте познакомить: моя жена, только вчера приехала и хочет непременно сейчас же работать. Только что кончила курсы.

– Очень приятно. Но у меня полный штат сестер, а вы сами знаете, ваш же транспорт доставляет в мой госпиталь

раненых, что раненых еще мало. Но, если нам навезут раненых столько, что мы не сможем управиться, я сейчас же дам вам знать. А пока нам самим делать нечего! У меня госпиталь на семьсот человек, и даже можем поместить больше, если будет в том нужда; полный штат врачей и сестер, а на довольствии только сто двадцать три человека числится, да и тех все время отправляем в Тифлис! Приходите! Всегда рады будем вашей помощи. Только до весны, я думаю, никаких боев не будет. Турки сидят около мангалов и греются. Где им наступать в такую стужу, без одежды, без обуви и без провианта! Весной – другое дело! Обуви и одежды никакой не нужно! Еда подножная! Самый раз для турецкой армии. Будем устраивать елку с подарками и танцами и костюмированный бал, если других занятий нет! – сказал он нам на прощание.

Мы вышли из госпиталя.

– Ну и отлично. Я очень рад, что твое желание работать не осуществилось; будешь сидеть дома, а после Рождества поедешь домой. Я не люблю этого Платовского! Какой-то хлыщ! Всегда прилизанный, затянутый! И о себе большого мнения. Хорошо ему быть чистеньким – занимает квартиру, как в мирное время, в пять комнат с ванной! Пожил бы он в пустом домишке да походил бы на мороз в будочку. Хочешь, пойдем я покажу тебе главную улицу и лавочки? Там внизу есть. Торгуют папиросами, спичками и всякой солдатской мелочью.

Мы спустились обратно по нашей же улице, прошли мимо нашего дома и дошли до главной улицы, где был поворот с дамбы к центру города. Улица была широкая, но снег лежал на ней толстым слоем несчищенный; по бокам

улицы стояли деревянные лавочки-ларьки. На их прилавках лежали пакетики махорки, спички и грубая белая бумага, вчетверо сложенная, для «цыгарок», и даже банки с монпансье.

– Вот и все достопримечательности военного Сарыка-мыша! Там есть еще госпитали, но, я думаю, довольно с тебя на сегодня! Холодно, ты замерзла совсем. Идем теперь домой, – сказал муж.

Мы пошли обратно. Когда мы подошли уже к дому, муж предложил:

– Хочешь посмотреть лошадей? И я тебя познакомлю с командой.

– Хорошо! Но мне очень холодно. Твое солнце светит ярко, но не греет!

Но транспорт стоит вот, напротив, тут же и команда живет, тут же и канцелярия. Я увидела такой же деревянный дом, стоящий внутри двора, а двор был обнесен деревянным забором, к которому были привязаны лошади. Лошади были привязаны вдоль всего забора: некоторые были накрыты попонами из солдатского сукна.

– О! Как много у тебя лошадей? Но почему они грызут забор? Они его съедят весь! Посмотри! Сколько они выгрызли уже его!

– Знаю, меня самого это занимает страшно! Но никто не знает, почему они грызут забор. Я спрашивал моего ветеринарного фельдшера, но и он тоже не знает… Может быть, зубы у них чешутся, как у детей когда режутся новые?

– Не знаю! Лошади все старые. Сена у тебя целый стог?

– Да, запаслись, пока нет большой работы. Я приказал сделать запасы теперь. А когда будет много работы по перевозке раненых и больных, лошади будут все заняты, и за фуражом ездить будет некогда и не на чем. Тиночка, в команду не пойдем; двенадцать часов уже, они теперь обедают.

Мы пошли домой; я сильно замерзла.

Через четыре дня после моего приезда в Сарыкамыш и с тем же поездом приехала жена младшего врача Штровмана. Она молодая еще, и так же, как и ее муж, в пенсне, сутулая, с некрасивыми руками, но выхоленными. Мы встречаемся с ними только за едой. Они целый день ходят по городу и осматривают или сидят у себя в комнате.

С тех пор как я приехала, муж не пил вина совсем. Но вчера за обедом опять появилось вино на столе.

– Гайдамакин! Открой вон тот ящик и достань бутылку коньяку.

Ящик, который стоял в углу, оказался полон бутылками с коньяком и вином.

– Откуда у тебя столько напитков? Ведь запрещено продавать?

– О! Это у меня достает Костин – заведующий хозяйством. Он все знает, где что можно купить. Правда, страшно дорого платит, но зато в неограниченном количестве может достать.

– Зачем тебе столько напитков? Этого на год хватит!

Но я стала замечать, что с каждой едой он порцию вина все увеличивал. А вскоре начал пить и между едой – так, от нечего делать… А делать правда было нечего: сходит утром в

транспорт, выслушает рапорт, который докладывал ему каждый день подпрапорщик Галкин – в транспорте все благополучно, подпишет ведомости и идет домой. Я привезла ему несколько медицинских книг и журналов, которые пришли уже после его отъезда из дому. Он посмотрел, поперелистывал их и сказал: «Ни к чему не нужный груз»!

* * *

Конец мирного житья на фронте.

Прошло еще несколько дней ничегонеделания, и вот, как-то поздно ночью, я уже давно спала, муж разбудил меня и сказал:

– Тиночка, я только что получил телефонограмму. Требуют двуколки за ранеными. Хочешь поехать, если я сам поеду за ранеными?

– Да теперь ведь ночь?!

– Да, второй час ночи.

Он был возбужден, но не телефонограммой, а выпитым вином.

– Никуда я не поеду, я спать хочу! А ты не ложился еще спать?

– Нет еще.

– Хорошо! Я сейчас оденусь и поеду с тобой.

– Одевайся теплее, мороз чертовски сильный. А я скажу Гайдамакину, чтобы ставил самовар.

Я оделась и вышла в столовую. Муж отдавал распоряжения стоявшему перед ним подпрапорщику Галкину:

– Пятнадцать двуколок, фуражу на сутки и команде продовольствия тоже на сутки! Скажите Ткаченке, что я сам поеду, чтобы подавал мою двуколку. Идите и будите команду. Время еще есть, пускай попьют чай.

Подпрапорщик ушел.

– Гайдамакин! Успеет у тебя самовар закипеть, пока транспорт будет готов?

– Сейчас будет готов. А какой еды положить вам в дорогу?

– Я сама приготовлю, а ты скорее самовар давай.

– Много не бери еды; команда берет мясо, и будут варить суп, так мы у них возьмем по тарелке супа.

Самовар подан, мы наскоро выпили по стакану горячего чая, оделись и вышли на этот сорокаградусный ночной мороз. Сразу дыхание захватило, ресницы стали слипаться от инея, который образовался на них. Но когда мы сели в двуколку и укрыли ноги одеялом, стало теплее.

– Галкин! Ну что, все готово?

– Так точно, готовы!

– Ткаченко, трогай!

И режуще заскрипел скованный морозом снег под колесами двуколки.

Мы быстро спустились по нашей улице на главную, повернули влево и выехали на дамбу. Тишина! Ни одного звука и ни одного нигде не светится огонька! Даже не слышно цоканья лошадиных подков по обледенелому снегу… Только один режущий звук колес!

Вот вокзал, мимо которого мы едем. И здесь полная тишина. Ни души не видно. Так же горит у дверей фонарь, как и в ту ночь моего приезда.

Когда мы отъехали от вокзала и глаза привыкли к темноте, ночь показалась совсем не такой темной. Я обратила внимание, что мы едем вдоль той самой горы, которую мне показывал муж. Она была над самым вокзалом и тянулась еще долго вдоль дороги, по которой мы ехали.

– Тина, ты не замерзла?

– Нет! Мне тепло.

– Я очень рад, что мы с тобой поехали за ранеными. А то я не знал, что с собой делать. Я очень тебя, Тиночка, люблю, но все же мне нужна работа – думать, двигаться! Когда ты ушла спать, я остался, сидел и пил… И думал, что если буду продолжать и дальше так же, то сопьюсь совсем… И вдруг эта телефонограмма. Откровенно говоря, я очень обрадовался ей. Часов в восемь или в девять мы будем на месте. Лошади отдохнут, команда сварит обед, поест. Потом будем нагружать раненых, и в обратный путь. Вечером, часов в десять, будем дома. Обратно тихо поедем – с ранеными не погонишь!

День давно наступил, солнце взошло яркое, но холодное, и уже было довольно высоко на небе, когда наш транспорт остановился. Сейчас же подошел к нашей двуколке старший по транспорту и спросил мужа:

– Можно здесь остановиться и распрягать лошадей?

– Хорошо! Я думаю тут нас никто не побеспокоит! Распрягайте.

– Почему мы тут остановились?

– Мы приехали. Вот здесь и будем брать раненых.

– Где же? Тут ничего нет!

– А вон там! – Муж показал куда-то, но я ничего не видела, кроме каких-то не то развалин, не то холмов… – Все турецкие городишки такие! Вон, смотри, белый флаг! Видишь? Там перевязочный пункт, куда сносят раненых из полков. Помещение ужасное, я был уже здесь. Просто сарай какой-то, но большой, да все равно лучшего ничего здесь не найдешь! Я пойду узнаю, сколько раненых и когда они будут готовы к погрузке.

Муж ушел, а Ткаченко распряг лошадей, укрыл их попонами и пошел к кострам. Костров было много, и около каждого грелись санитары. А у лошадей на головах висели торбы с кормом. Когда муж вернулся, то сказал:

– Как только пообедает команда, и, если лошади отдохнули, запрягайте, будем грузить раненых. Раненых оказалось больше, чем было сообщено в телеграмме. Идут бои, и раненых все время подносят…

Ну вот, обед съеден, лошади запряжены, и двуколки одна за другой стали выезжать на дорогу и подъезжать к перевязочному пункту. Муж опять пошел туда, чтобы наблюдать за погрузкой. Я с Ткаченко осталась в самом хвосте транспорта. Но сидеть неподвижно в такой мороз – долго не усидишь. Я пошла к пункту, где уже выносили раненых и укладывали их в двуколки; некоторые шли сами и садились на указанное им место. Каждого раненого укрывали тоненьким, из солдатского сукна, одеялом.

Как они доедут в такой мороз под такими одеялами?! Погрузили по шести человек в двуколку… Наконец погрузка

кончилась, последняя двуколка отъехала. Муж вышел из перевязочного пункта, неся в руках пачку списков раненых.

– Всех забрали, Ваня, раненых?

– Всех, но долго задержались. Поздно приедем в Сарыкамыш! Никогда нельзя рассчитать, и всегда выходят задержки! Ну-ка, Ткаченко, перегони транспорт, я поеду впереди! Скоро ночь, будет дорогу плохо видно, так мы будем показывать ее.

Ткаченко свернул на твердый, как лед, снег, и наша двуколка стала обгонять транспорт. Короткий зимний день. Не прошло и часа, как мы выехали из Кеприкея, и уже темнеет. Лошади сами мерзнут и, желая согреться, бегут шибко, но частые остановки сильно задерживают. Пока было светло – еще ничего. Но, когда совсем стемнело и мороз усилился, остановки становились все чаще…

– Почему опять остановились? – спрашивает муж санитара.

– Раненые плачут! Мерзнут! – сказал санитар.

Муж сошел с двуколки и пошел вдоль транспорта; вышла и я и тоже пошла за ним. И сейчас же услышала:

– Санитар! судно!

– Ох, замерзаем совсем!

– Дайте одеяло!

– Санитар! Санитар! – несется из другой двуколки, – здесь помер один!.. – кричит кто-то.

– Эй, Клюкин! Собери все попоны и накройте раненых, которые больше мерзнут… – отдает распоряжение муж.

Опять едем дальше. Но чем ближе ночь, тем мороз сильнее и тем чаще остановки, тем больше слышны стоны, плачь и крики:

– Ох, замерзаю, замерзаю!

Вот опять стоим!..

– Есть еще умершие, – докладывает подпрапорщик.

– Если будем останавливаться часто, то мы и половины живых не довезем до Сарыкамыша! – говорит муж. – Нужно гнать без остановок, а то все померзнут!

Когда приехали в Сарыкамыш, я прямо поехала домой, а муж поехал с ранеными в госпиталь. Вернулся он страшно уставшим.

– Ну как, все благополучно?

– Если не считать умерших и обмороженных, то все благополучно, – сказал он грустно. – Но, если бы ездил доктор Штровман, то у него покойников было бы больше половины! А ты как чувствуешь себя?

– Отошла! А когда пришла в тепло, не могла расстегнуть шубу, пальцы мои так болели, что Гайдамакин оттирал их снегом. Но, Ваня, разве нельзя потребовать больше одеял, шуб?! И вообще принять всяческие меры, чтобы не страдали так раненые?!

– А какие бы ты приняла меры? Ты сама сегодня ездила и видела все… Что можно сделать? И здоровому трудно переносить такой мороз! А человеку раненому, лежащему неподвижно, да еще потерявшему много крови, значит, слабому, – крышка!

Он заходил по комнате, засунув обе руки за пояс и дымя нервно папиросой! Вот это и есть война!

* * *

Прошло два дня, и опять телефонограмма: прислать двуколки за ранеными в Караурган!

– Хочешь, поедем опять? Это ближе, чем Кеприкей. Мы выедем завтра в пять часов утра и к ночи вернемся обратно. Днем не так холодно, как ночью, и раненые не так будут страдать от холода. Возьму походную кухню. Дорогой будем кормить обедом раненых. Вот тебе будет много работы: будешь кормить слабых и тяжело раненных…

Опять мы встали ночью, напились чаю, оделись и вышли на мороз. В пять часов еще совершенно темно, мы выехали из дому и поехали по той же дороге мимо вокзала, и, только когда стало светло, транспорт свернул вправо, и около восьми часов были в Караургане, маленьком турецком городке.

Муж ушел на перевязочный пункт узнать, сколько раненых и когда можно их грузить. Когда он вернулся, то сказал подпрапорщику:

– Раненых много, и они еще все время прибывают с позиций. Погрузку можно начинать, как только отдохнут лошади. Кормить обедом раненых будем мы.

Сегодня солнца нет. Падают редкие снежинки, и много теплее, чем в прошлый раз, когда мы ездили в Кеприкей.

– Сегодня, слава богу, теплее, – говорю я мужу.

– Да! Но еще неизвестно, что будет дальше… Как повалит снег, занесет дорогу, и вместо четырех часов будем ехать десять, – сказал он. – Это прямо будет ужасно для раненых!

Так и случилось: снег все усиливался, хлопья его становились все крупнее… Мы с мужем сидели в нашей двуколке.

– Посмотри, горы уже совсем затянуло! Там снег еще сильнее… Как мы проедем с ранеными?!

– Это так кажется, потому что далеко. Однако нужно запрягать, забирать раненых да ехать скорее. Подпрапорщик Галкин! Если лошади отдохнули, прикажите запрягать и подавать к перевязочному пункту.

– Два часа только стоят…

– Я боюсь, если снег будет идти все время, то нам будет трудно проехать. Дорога узкая, обрывистая; занесет ее, и мы задержимся в пути на много лишних часов, если совсем не застрянем…

– А как с обедом?

– Суп почти готов. – Галкин ушел, и скоро все пришло в движение…

Двуколки одна за другой вытянулись вдоль улицы до самого перевязочного пункта.

Муж ушел, чтобы смотреть, как будут укладывать раненых. Мы остались с Ткаченко опять в самом хвосте транспорта.

– Вот ведь грех какой! Погода-то «спортилась»! Теперь снегу навалит столько, что не проедешь! Хорошо еще, тихо – ветру нет, а то придется дорогу расчищать!

Долго мы стояли, пока всех раненых уложили, и наконец последняя двуколка отъехала от перевязочного пункта. Ткаченко подъехал, и муж сел в нашу двуколку.

– Ткаченко! Мы поедем впереди, чтобы найти место для остановки обедать.

Мы обогнали транспорт. И я не слышала ни стонов, ни криков раненых…

– Почему сегодня все так спокойны? Нет тяжелораненых? – спросила я мужа.

– Конечно, есть! Вот погоди, после обеда начнется другое, – ответил он.

Мы довольно далеко отъехали от транспорта, и муж все время смотрел, где бы найти подходящее место для остановки.

– Вот здесь остановимся. Все равно лучшего места не найдем. Стой, Ткаченко!

Сейчас же стали подъезжать и другие двуколки. Подошел Галкин.

– Здесь будем кормить обедом раненых. Если сможете, съезжайте с дороги. Но я думаю, что это опасно: снегу много, застрянем… – сказал муж.

Транспорт остановился. Кухня, ехавшая в хвосте, теперь въехала в середину транспорта. Конюхи навесили на головы лошадям торбы с кормом. Я вышла из двуколки и пошла к кухне. Около нее собрались санитары; подошел муж с подпрапорщиком Галкиным.

– Ну как? Суп готов, Какошвили? – спросил муж у кашевара.

– Так точно, готов.

– Ну, давай пробу.

Кашевар зачерпнул снизу, стараясь дать пробу старшему врачу погуще.

Муж попробовал суп:

– Молодец, Какошвили, суп отличный. Раздавайте, – сказал он.

Запах супа дошел и до меня и раздражающе щекотал мои ноздри. Под ложечкой даже заныло от голода. Но я не посмела попросить у мужа его пробу, которую он возвратил кашевару недоеденной. «Вот бы съесть горячего супа», – подумала я. В это время Галкин, идя вдоль рядов двуколок, кричал:

– Кто может ходить, у кого руки здоровы, идите за супом! Санитары, идите за супом для лежачих и слабых!

Около кухни быстро образовалась очередь: два санитара раздавали нарезанный ломтями черный хлеб и тарелки, а потом раненые подходили к кухне, подставляли тарелку, а кашевар, стоя на оглобле, запускал черпак до самого дна и, зачерпнув полный черпак, выливал суп в протянутую тарелку. Получивший суп отходил, а на его месте уже новый протягивал свою тарелку.

Когда все получили суп и отошли от кухни, я взяла тарелку, попросила супа и понесла его к первой попавшейся двуколке, в которой лежали двое.

– Вот суп, можете сами есть? Или я покормлю вас?

– Спасибо, сестра, я сам могу есть, а вот земляк ранен в грудь, ему трудно.

– Хорошо! На, ешь, а я еще принесу и покормлю его.

Я принесла суп, влезла в двуколку и стала кормить, приподняв голову и осторожно вливая суп в рот… Раненый тяжело дышал и задыхался. Все это брало много времени, так что, когда я опять пришла с пустыми тарелками к кухне, то

все уже получили еду, ушли к двуколкам и жадно ели горячий суп.

– Налей мне еще супа.

Я пошла к следующей двуколке. Около нее стояли раненые и ели.

– Отчего вы не лезете внутрь? Снег падает в ваши тарелки.

– Ничего, сестра! Больше супа будет, – сказал раненый, у которого была забинтована голова.

– Где твое место?

– Я на передней скамейке сижу. Я не могу лежать – голове больно!

Я залезла внутрь двуколки и стала кормить раненого.

– Сестра! Дайте и мне поесть! – сказал другой, лежавший рядом с ним. – Двое суток ничего не ел! Всех кормят, а мне не дают! Я так ослаб – едва жив…

– Куда ранен?

– В живот…

– Вот потому тебе и не дают есть! Еда-то тяжелая для тебя! Вот приедем в Сарыкамыш, в госпитале и накормят тебя. А этот суп, с крупой и картошкой, – нельзя давать тебе.

– Господи! Все равно пропадать, а тут еще голодом морят! – заплакал он.

Мне стало невыносимо тяжело видеть его страдание и слезы.

– Подожди! Вот он поест, я пойду спрошу доктора. Если он разрешит, то принесу тебе супа тоже!

Я вылезла из двуколки и стала искать мужа, но его нигде не было видно.

– Санитар! Где старший врач?

– А вон, в той двуколке, кормят раненого.

Я пошла туда и увидела, что муж стоял на одном колене и подносил ложку с супом ко рту раненого.

– А, сестра. Иди, корми вот этого, – увидев меня, сказал муж.

– Я пришла спросить, у меня там есть раненый в живот, плачет, просит есть, двое суток не ел.

Муж положил ложку в тарелку и смотрит на меня…

– Дай ему немного самого бульона, без крупы и картошки: две-три ложки, не больше…

Я пошла к кухне. Кашевар скреб черпаком по дну пустого котла. Народу около кухни уже никого не было.

– Можно мне немного супу? – протягивая тарелку говорю я.

– Нету! Суп кончился! Есть малость самая жижа, но ни картошки, ни крупы нету больше.

– Вот и хорошо! Дай немного! – Когда я пришла к двуколке с супом, она была уже полна ранеными.

– Ну-ка, выйдите кто-нибудь, кто поближе: я покормлю голодного.

Двое сейчас же слезли и освободили мне дорогу к раненому.

– Видишь! Принесла и тебе супа!

– Спасибо, сестра, я думал, вы забыли обо мне…

– Нет! Я ходила спрашивать доктора, и он разрешил жиденького супа немного. А как приедешь в Сарыкамыш, в госпитале накормят лучше. Но это что?! У тебя хлебные крошки?! Ты ел хлеб!

– Маленько съел! Земляки дали…

Я дала ему бульона, вылезла из двуколки, отдала тарелку санитару и пошла совершенно расстроенная и страшно уставшая.

– Два часа ушло на обед, – говорит муж, влезая в двуколку. – А ты что сидишь, согнулась? Устала? Да! Это нелегкая работа. Потому сестер в транспорт и не назначают, совершенно не женское дело. А ты ела что-нибудь?

– Нет. Но я не хочу есть…

– Ну, нет, так нельзя! У нас есть еда, нужно поесть. Я очень доволен, что всем хватило супу. Вот только погода отвратительная! Часа через два будет совсем темно. Вон сколько снегу навалило! Хоть бы добраться благополучно до Сарыкамыша… – озабоченно сказал муж. – Ткаченко, обгони транспорт: мы опять поедем впереди.

Муж ел копченую колбасу с черным хлебом и запивал вином. Но мне ничего не шло в горло. Да и как можно есть сухую колбасу с черным хлебом или с икрой?

Сначала ехали спокойно. Но потом начались остановки «до ветру»; иногда кто-то кричал: «Санитар, судно»! А снег все шел и шел сплошной стеной белых хлопьев… Стемнело. Дороги совершенно не было видно; лошадиные головы пропадали в непроницаемой снежной пыли. Тишина! Не слышно ни скрипа колес, ни цоканья лошадиных копыт. Точно в заколдованном царстве…

– Транспорт, сто-ой-й, – донеслось до нас.

Ткаченко остановил своих лошадей.

Подошел Галкин:

– Один там раненый помирает! – сказал он.

Муж моментально соскочил с двуколки и ушел вместе с Галкиным. Вернулся мрачный.

– Ты кормила раненого в живот?

– Да, немного, бульоном, как ты мне сам разрешил.

– Умирает!.. Я сделал ему впрыскивание; хоть бы до госпиталя довести его…

– Он наелся черного хлеба. Земляки дали, жалеючи его, что он голодный…

Муж ничего больше не сказал… Транспорт все так же шел в полной темноте…

– Да скоро ли Сарыкамыш? – с досадой вырвалось у него.

– Должно бы уж скоро, да не видно ничего! – отвечал Ткаченко.

– Вон, вон огоньки… Сарыкамыш! – сказала я.

Но огоньки пропали так же быстро, как и появились. Вот опять снова мелькнул красненький глазок!..

– Да это ж вокзал! – сказал Ткаченко. Мы проехали все такой же молчаливый вокзал, и опять полная темнота… Потянулось шоссе вдоль срезанной горы. Потом мы свернули на дамбу, проехали ее и выехали на главную улицу, где было еще темнее, чем в поле. Мы остановились около нашего дома. Я слезла, а муж поехал с транспортом в госпиталь.

После темноты и стужи даже эти убогие две комнаты показались мне уютными. А яркий свет керосиновой лампы ослепил меня…

Печка была жарко натоплена. Гайдамакин помог мне снять шубу… Пришли Штровманы.

– Ну, здравствуйте! Как съездили? Мы за вас беспокоились. Ведь снег не переставая шел весь день…

– Он идет и сейчас. И еще больше, чем днем.

– Мы ждали вас и не обедали еще, – сказала мадам Штровман.

– Спасибо! Это очень приятно. Мы страшно голодны…

Пришел Гайдамакин и стал накрывать на стол. Когда муж вернулся, я уже отогрелась вполне.

– В транспорте все благополучно? – здороваясь с Штровманами, спросил муж.

– Да, все хорошо. А как у вас?

– Один помер… – сказал муж.

После обеда я сейчас же пошла спать… На другой день погода была прекрасная. Солнце, мороз. Снег блестел, как осыпанный бриллиантами. Но когда муж вернулся из транспорта, то сказал:

– Вот морозище сегодня чертовский! Хорошо, что сегодня нам никуда не ехать. В такой мороз не довезешь ни одного раненого до госпиталя!

Наступил вечер, казалось, мира и покоя. К нам пришли гости из двух других транспортов: оба старших врача и один младший. После ужина пили чай и мирно разговаривали. Вспомнили все: свои студенческие годы; квартирных хозяек и их дочек; государственные экзамены и первое впечатле-

ние, когда надели военную форму врача; недолгую службу в полках, госпиталях и дни мобилизаций.

В это время кто-то постучал в дверь.

– Войди! – сказал муж.

– Телефонограмма, – сказал вошедший санитар, протягивая бумажку.

– Ну, это уж чересчур! – сказал муж, прочитав телеграмму. – Мой транспорт только вчера ездил за ранеными, и вот опять посылают. Да еще куда! К черту на кулички! В Зивин! Я думаю, господа, у вас в штабе большая протекция! Поэтому вы сидите дома, а нас гоняют, – шутя, сказал муж…

– Да что вы, коллега! Нас тоже все время гоняют! Правда, посылают по частям – не требуют всего транспорта. Но мы работаем все время! – сказал один из старших врачей.

– Это самая дальняя поездка. Зивинские позиции занимают кабардинцы. Да я ничего! Я сам езжу с удовольствием. Да еще и с сестрой милосердия! – показывая на меня, сказал Ваня.

– Неужели вы ездите в такой мороз, Тина Дмитриевна? Это прямо подвиг для сестры милосердия, – сказал доктор Хлебников. – Да! Мы вам, Иван Семенович, завидуем. Что вам война, раз вы оба вместе! А у нас у всех жены остались дома. У меня двое детей, да жена ждет еще маленького.

Наконец гости ушли, пожелав полного успеха в поездке за ранеными. Как только мы остались одни, муж сказал Гайдамакину:

– Пойди в команду и позови сюда подпрапорщика Галкина. Вы знаете, что требуют в Зивин транспорт? – сказал муж, когда тот пришел.

– Так точно, знаю!

– Я думаю, выступим часов в шесть утра завтра. Я поеду сам с транспортом. У вас все в порядке?

– Люди здоровы, лошади тоже здоровы – как будто все в порядке.

– Ну, хорошо! Идите и отдыхайте. Вы поедете тоже.

Подпрапорщик ушел.

– Ваня, я тоже поеду с тобой, если ты едешь!

– Нет! На этот раз ты оставайся дома. Это очень далеко; дорога опасная, в горах. И целые сутки на морозе ты не выдержишь. Да и небезопасно насчет турок или курдов! Может случиться, обстреляют транспорт.

– Ну, так что! Я не боюсь…

– Вот уж никогда я не думал, что ты такая воинственная! Давай ложиться спать, а завтра видно будет…

На другое утро муж встал еще затемно; оделся и вышел в столовую. Сейчас же я услышала, как Гайдамакин принес самовар. Я быстро встала, оделась и вышла.

– Ты зачем встала? – сказал муж.

– Я еду с тобой.

– Напрасно! Я предупреждаю тебя, что поездка эта очень тяжелая. Я лучше возьму младшего врача с собой.

– Я буду полезна в транспорте не меньше, чем доктор Штровман!

Муж посмотрел на меня…

– Хорошо! Одевайся теплее!

Когда мы вышли на улицу, начинало уже светать. По обыкновению, наша двуколка ехала впереди транспорта.

Когда мы выехали на дамбу, я увидела ярко-красную полосу где-то еще далеко поднимающегося солнца. Мы проехали по шоссе, обогнули вокзал и выехали в широкую долину вдоль русла реки, на другой стороне которой в морозной мгле виднелись большие кирпичные здания Елизаветпольского полка. Становилось все светлее; чувствовалось, что солнце вот-вот покажется из-за пока еще черного соснового леса. Тишина была какая-то торжественная и могучая. Все было покрыто белым инеем: лес, кусты и каждая травинка! Лошади тоже все в инее. Голова Ткаченки стала большая, точно отороченная мехом-инеем.

Я посмотрела на мужа, его поднятый воротник вокруг лица – весь белый; на ресницах и усах целые сугробы пушистого инея. Он заметил, что я смотрю на него, и спросил меня:

– Ты не замерзла? Когда взойдет солнце, станет теплее!..

Мы все время ехали по возвышенной стороне реки, вдоль гор. Дорога была страшно извилистая: то мы ехали прямо на восходящее солнце, то поворачивались к нему спиной, и тогда становилось еще холоднее! Русло то суживалось так, что каждое дерево было видно на противоположной стороне, то расходилось чуть не на версту. Солнце давно взошло и поднялось высоко. А мы все едем и едем. И нигде не видно ни селений, ни домов; только горы, блестевшие на солнце, да сосны, которые и при солнце кажутся черными.

Приехали мы в Зивин после двух часов пополудни. Наш транспорт остановился, не доезжая до селения, под очень крутой горой, около дороги. Санитары распрягли лошадей, укрыли их попонами и навесили торбы с кормом. Команда

развела костры; что-то варили в котелках и грелись. Муж ушел на перевязочный пункт.

– Барыня! Идите погрейтесь у костра; вы тут замерзнете… – сказал Ткаченко.

Костров было несколько, я подошла к ближайшему. Солдаты сидели на корточках вокруг костра; кто пек картошку, кто жарил мясо, а кто варил что-то в котелке, помешивая деревянной ложкой. А некоторые уже пили чай с хлебом. Я так же присела на корточки и протянула замерзшие руки к огню.

– Если не побрезгуете чаем из котелка, то вот, пожалуйста, – предложил один из санитаров.

– Спасибо! Я с удовольствием выпью. Ткаченко, принеси стакан из двуколки…

Пришел муж и сказал, что раненых будем грузить после того, как их там накормят ужином.

– Много тяжело раненных в этой партии, сказали мне на пункте.

Мы сидели около костра; декабрьский день кончался. Солнце, хотя и яркое, прошло по краю неба и теперь уже зашло за верхушку горы… Только видны его лучи! Точно протянутые красные нити.

Ткаченко вскипятил чайник, разогрел мясо, которое мы взяли из дома, и мы стали обедать. Темнело очень быстро.

– Лицо жжет, а спине холодно, – сказал муж и повернулся спиной к костру.

И вдруг резкий звук выстрела! Пуля со свистом пролетела над нашим костром.

Санитары моментально бросились врассыпную от костров…

– Тушите костры! У кого есть винтовки – приготовьтесь стрелять! – сказал муж.

Солдаты бросились к двуколкам и вытащили несколько винтовок… Но все было тихо.

– Разрешите пойти в горы и поискать курдов. Это они, курды, стреляли, – говорят санитары с винтовками.

– Нет, не надо. Пора запрягать…

Все разошлись и стали запрягать лошадей. Ткаченко запряг своих, и мы поехали к перевязочному пункту. Здание было низкое, длинное, с маленькими оконцами. Бывший пограничный турецкий пост. Над дверями на шесте висел белый флаг с красным крестом. Стали подъезжать двуколки, санитары выносили тяжело раненных и укладывали их. Легко раненные шли сами и садились на указанные места. Когда транспорт был готов и тронулся в обратный путь, была уже полная ночь. Но недолго шел транспорт, скоро начались остановки: то «холодно, дайте одеяло»; то «до ветру хочу», то «санитар, судно». А мороз такой, что дух захватывает. У меня по спине бегали мурашки. Ресницы слипались, на ногах пальцы болели.

Транспорт остановился… Муж пошел узнать, в чем дело.

– Слезай! Походи, согрейся! – сказал он.

Я с трудом вылезла из двуколки и пошла за мужем. Из двуколок слышны стоны и плач…

– В чем дело? Что случилось?.. – спрашивал муж, останавливаясь там, откуда слышны были стоны и плач.

– Совсем замерзаем… – говорят раненые.

– Ноги обморозили!.. Дайте одеяла, – кричат со всех двуколок…

– Просят одеяла… А где их взять?! – говорит Галкин.

– Соберите все попоны и накройте раненых, – сказал муж.

– Да лошади накрыты попонами! Они тоже мерзнут.

– Лошади согреются! Нужно гнать! Иначе мы привезем в Сарыкамыш одни трупы…

Я пошла к двуколке, залезла и укрылась одеялом. Я еще больше замерзла, когда походила. У меня даже внутри мелкая дрожь. Муж пришел, и мы опять едем! Ночь темная, несмотря на снег, в двух шагах ничего не видно…

– Транспорт остановился! – оборачиваясь к нам, говорит Ткаченко.

– Стой! – муж вылез из двуколки и пошел к транспорту.

– Слышите, как кричат раненые?! – говорит Ткаченко. – Замерзают, бедняги. Да в такой мороз не одни раненые померзнуть могут! Теперь и в окопах замерзнет немало народу! Вишь какой мороз! Дух захватывает! Но! Стой! Что, мерзнешь? – поправляя попону на лошади, говорит он. – Я своих коняк добре укрыл попонами! И то, гляди, мерзнут, не хотят стоять…

– Ткаченко! Ведь старший врач приказал все попоны снять с лошадей и отдать раненым.

– Да нехай их! Там хватит!

– Ну, нет! Снимай и неси сейчас же. Давай я снесу сама лучше…

– Да что вы! Я сам снесу… Но и попоны-то мои не очень теплые… Для лошадей они ничего! А што раненому пользы в них?!..

Он долго возился, отвязывая попоны, и наконец понес их к двуколкам. Я пошла тоже. И сейчас же услыхала: «Судно, санитар, судно сюда дайте»! – несется из двуколки.

– Да какое в такой мороз судно! Обморозишь только об него!.. – говорит санитар, подавая судно вовнутрь двуколки.

Я пошла обратно. Этот мороз парализует не только руки и ноги, но и мозг! Не хочется ни думать, ни делать ничего. Я залезла, укрылась и старалась не думать ни о чем. Пришел муж, и мы поехали дальше.

– Прямо ужасно! Все раненые перемерзнут! И попоны не спасут… – сказал он.

Мы едем все время впереди транспорта. Ткаченко мрачный, беспокоится за своих лошадей.

– Ткаченко, езжай скорей! – сказал муж.

– Темно! Дороги не видно, да и лошадям холодно, не хотят бежать… – тихо говорит он.

– Там люди замерзают, а он о лошадях заботится! Дай им кнута! Небось они у тебя под попонами?..

– Снял. Барыня приказали снять. Отнес раненым…

– Вот и хорошо!..

– Стой! Стой, Ткаченко. Что это там?

– Да, похоже, курдская сакля. Она пустая.

– А ну-ка, крикни Галкина.

– Подпрапорщик Галкин! К старшему врачу! – изгибаясь в сторону, закричал Ткаченко.

Пришел Галкин.

– Вы видите эту саклю? Возьмите несколько человек команды и осмотрите ее. Если она не загажена – доложите мне…

– Там тепло, костер горит! – сказал Галкин, когда вернулся через несколько минут.

– Кем занята?..

– Никого нет. Мы все кругом осмотрели, никого не нашли.

– Идемте, я сам посмотрю.

Ушли! Наступила мертвая тишина. Вдруг кричит кто-то – везите раненых сюда!

Мимо нас проехала двуколка.

– Ты что стоишь, дорогу загораживаешь, съезжай в сторону, видишь, нельзя проехать? – кричит санитар с двуколки.

– Ткаченко, сверни, дай им проехать.

– Да куда я сверну? Тут канава, снегу полно, лошадей загублю! – ворчит он и нехотя сворачивает с дороги.

Мимо нас проезжали двуколки, из которых неслись стоны… Проехали все, на дороге остались только две хозяйственных двуколки да мы с Ткаченко. Лошади переступали ногами, стряхивались и фыркали. Ткаченко слез, ходил вокруг лошадей и оглаживал их.

– О нас забыли, Ткаченко!

– Дайте я сбегаю, узнаю «шо там дилают»?

– Ну, беги…

– Барыня, старший врач просят вас идти туда, там тепло, большой костер горит! – сказал, возвращаясь, Ткаченко. – Всех тяжелых и обмороженных вносят в саклю; большая сакля-то.

Я пошла туда. Около сакли полное оживление; дверь открыта, и оттуда шел свет. Я подошла к дверям и заглянула внутрь. Недалеко от дверей в круглой яме пылал костер, распространяя жар. Сакля была длинная, как сарай, с низким потолком, без окон, только отверстие в потолке для выхода дыма. Половина этого сарая была отгорожена жердями для скота, но теперь там никого не было. На глиняном полу лежала солома, на нее и клали раненых. Три стены этой сакли-землянки были вкопаны в невысокий холм, и только одна стена выходила наружу. От костра и множества людей в сакле стало жарко, хотя дверь не была закрыта.

– Галкин, вы останетесь с тяжело раненными здесь; с вами останется фельдшер. А я возьму легко раненных и поеду в Сарыкамыш. Но непременно выставьте часовых, а то курды вернутся и всех вас перережут. Топлива хватит на ночь? Завтра, как потеплеет, так и выезжайте.

– Топлива хватит, вон какие балки толстые! – сказал Галкин, показывая на балки в потолке.

– Выходите все и занимайте места в двуколках: останутся только слабые да обмороженные.

Неохотно стали выходить опять на мороз. Вышли и мы и сели.

– Ну, все сели? Можно трогаться? – сказал муж.

Мы опять ехали впереди транспорта, но теперь не было ни одной остановки до самого Сарыкамыша.

Только в пять часов утра мы были дома. А в двенадцать часов подпрапорщик Галкин пришел и отрапортовал мужу:

– Транспорт благополучно прибыл и сдали раненых в госпиталь.

– Есть умершие? – спросил муж.

– Никак нет, только обмороженные!

За обедом муж сказал доктору Штровману:

– Ну, с меня довольно, теперь ваша очередь ездить за ранеными.

* * *

Мы отогрелись, отдохнули и забыли о морозе.

– Тина, скоро ведь Рождество! Нужно подумать, что нам выписать из Баку. Давай составим список и сегодня же напишем Яше.

Только мы расположились к составлению списка – пришел рассыльный; принес пакет из штаба армии. Муж прочел и сказал:

– Государь приезжает в Сарыкамыш.

– Вот радость!

– Да! Нужно наводить порядок.

В приказе требовалось, чтобы вдоль следования государя никто бы не сидел на заборах и сказано, что начальники отдельных частей отвечают за порядок в участках расположения этих частей.

Муж потребовал подпрапорщика Галкина, и после совещания с ним началась чистка не только дворов, но и помещений. Солдаты выносили свои сенники, протирали

окна, мыли полы и стирали белье. Муж целый день проводил в команде, отдавая приказания, и обо всем советовался с Галкиным. Вечером жена доктора Штровмана пристала к мужу:

– Иван Семенович, разрешите мне хоть из окна смотреть. (Частной публике быть на фронте не полагалось.)

– Хорошо. Только не открывайте его.

– А если я надену форму сестры милосердия, могу я выйти на улицу и смотреть?

– Вы не сестра, и формы у вас нет.

– Я возьму у Тины Дмитриевны!

– Тогда я буду вдвойне отвечать и за жену, которая сделала подлог, и за то, что вам разрешил незаконную вещь. Это все не шутки, а очень серьезные преступления…[7] – ответил муж.

Глава 3

Но не суждено было мужу увидеть государя! Когда все было уже приготовлено к его приезду, поздно ночью, когда мы уже спали, постучали к нам в дверь, и сонным голосом Гайдамакин сказал: «Ваше высокоблагородие, тут принесли телеграмму».

---

[7] Согласно уставу Российского Общества Красного Креста и российскому законодательству начала XX в., за незаконное ношение формы сестры милосердия предусматривалось наказание в виде штрафа или ареста до трех месяцев.

Муж быстро оделся и вышел в столовую.

– Сколько двуколок требуют? – спросил муж.

«Присылайте все, что можете», – прочел писарь.

– Хорошо, пришлите подпрапорщика Галкина. Гайдамакин, разбуди доктора Штровмана, скажи, что я его прошу прийти сюда немедленно.

Я оделась и вышла к мужу. Он ходил по комнате, засунув обе руки за ременный пояс.

– Ваня! Что случилось? Опять требуют транспорт?

– Да, и опять в Зивин, и опять кабардинцы – это от них. Что-то там случилось…

Пришел Галкин.

– Распорядитесь, чтобы весь транспорт был готов к выступлению, канцелярия тоже. Оставьте больных лошадей и несколько человек для охраны помещений, имущества и кормежки лошадей. Команда пускай пьет чай. Когда все будет готово, доложите мне. Я еду сам тоже с транспортом.

Пришел доктор Штровман – заспанный и недовольный.

– Яков Исакович, мы выступаем за ранеными, требуется весь транспорт. Я еду с вами. Собирайтесь и приходите пить чай. Я думаю, команда будет готова не раньше, чем часа через два.

– Надолго ты уезжаешь? Дать тебе закуски?

– Не больше двух-трех дней. Там кабардинцы нас накормят. Ты положи лучше несколько бутылок коньяку, я их угощу. В окопах это очень ценно.

Наконец выпили по стакану «пустого» чаю и стали одеваться.

– Транспорт готов, – сказал вошедший Галкин.

– Хорошо, я сейчас выхожу.

Мы вышли на улицу. Было еще совершенно темно, и стояла жуткая тишина. Силуэты двуколок и лошадей были точно неживые; ни одного человека не было видно; только Галкин находился около двуколки мужа, которая стояла у самой калитки. Предрассветный мороз захватывал дыхание.

– Ваня, застегни шубу…

– Мне тепло, а ты можешь простудиться, иди в дом.

– Галкин, если все готово, пускай транспорт выезжает…

Подпрапорщик ушел, и сейчас же стали выезжать двуколки одна за другой и вытягиваться вдоль улицы. Когда выехала последняя – муж попрощался со мной и стал догонять транспорт, который уже спускался к главной улице. Если бы я успела дойти до церковной площади, то снова увидела бы весь транспорт, который долго будет ехать как раз напротив этой площади по ту сторону долины.

Сразу стало скучно, и я только теперь почувствовала холод…

– Барыня! Идемте в комнату, вон какой мороз!.. – говорит Гайдамакин.

Вернулась в комнату, из которой только что вышел и уехал родной мой Ваня. Только два дня, сказал он, проездят! Ну! Да два дня не бог знает, как долго. Приедет, привезет раненых, расскажет, как у кабардинцев… Пойду опять в госпиталь. Может быть, я теперь им уже нужна? Вон сколько мы им уже привезли раненых?.. Я выпила стакан остывшего чаю и легла в постель. Когда я встала утром и вышла на двор, солнце показалось мне еще холоднее, а тишина подавляю-

щей: не видно ни санитаров, привязывающих лошадей к забору, ни двуколок. Как-то все замерло, притихло, точно перед грозой… Я вернулась в дом и решила сейчас же идти в госпиталь.

– Барыня! Сейчас приходил казак из штаба, спрашивал барина, я сказал, что их нету – уехали на позицию за ранеными. Государь император приезжает сегодня в три часа! Государь будет ехать по нашей улице. Так чтобы на заборе не висело солдатское белье, – сказал казак.

* * *

Бедный мой Ваня! Только нескольких часов не дождался, чтобы посмотреть на государя! Мне хотелось плакать от обиды, что его нет здесь. Такая великая радость увидеть живого, не на портрете, вот здесь, в глуши, на краю великой России, нашего государя!.. Мне хотелось с кем-нибудь поделиться таким великим событием, говорить о нем! Я пошла и постучала в дверь к Штровманам.

– Мадам Штровман, государь приезжает в три часа.

Она открыла дверь и сейчас же спросила:

– Вы думаете, я могу стоять на улице?..

– Я не знаю!

– Дайте мне вашу форму, чтобы я могла стоять поближе к нему!

– Вон, посмотрите, солдаты пришли. Идемте, я дам вам косынку.

Потом я надела шубу и вышла на улицу. Она была полна солдат. Они становились по два в ряд вдоль всей улицы от поворота с главной и до самого госпиталя.

Никогда еще, кажется, у меня не было такого чувства радости и каких-то сладких слез!.. Я радуюсь такому счастливому дню. Может быть, единственному дню моей жизни? И почему-то хочется плакать! Слезы сами катятся из глаз… В носу мурашки, губы дрожат, не могу слова выговорить…

Солдаты стоят веселые, здороваются со мной, а я плачу…

– Здравствуйте, сестрица! Радость-то какая – сам государь приезжает к нам!

– Да! Большая радость! – едва выговариваю я, а слезы ручьем льются из моих глаз.

Солдаты тоже как-то присмирели.

– Да! Это не каждому доводится видеть-то государя императора, – говорит солдат.

– Погодка-то какая стоит! Только для парада Государева! – говорит другой.

Они поближе придвинулись ко мне, чтобы вести общий разговор.

– Прямо, значит, с поезда и в церковь, а оттедова, по этой самой улице, в штаб и в госпиталь. Поздоровается с ранеными, поздравит! Кому Егория повесит… Ну, потом, конечно, и по другим, прочим делам поедет…

– Я так думаю, что государь по другим улицам обратно поедет, чтобы, значит, все могли его видеть, – сказал бородатый солдат.

– А вы весь день будете стоять, пока государь не уедет?

– Нет, сменят. Как обратно проедет – так и уйдем! Мороз сегодня шибко крепкий, – говорит солдат, постукивая нога об ногу.

Я только сейчас обратила внимание на их шапки, на которых вместо кокарды были крестики. Да и сами они все какие-то бородатые и совсем не молодые!

– Почему у вас на шапках крестики?

– Мы второочередники! Здесь фронт спокойный, как раз для таких, как мы – стариков. А вы, сестрица, из каких краев будете? – спросил солдат.

– Я здешняя, кавказская, из Баку.

Вышла мадам Штровман в моей белой косынке.

– Можно мне стать впереди вас, солдаты?

Все сразу обернулись.

– Впереди стоять нельзя! Но тут стойте, нам не помешаете! Места хватит, только долго не простоите на таком морозе! Еще рано! Поди, в церкви сейчас!

Я пошла в комнату, чтобы согреться, замерзла стоять, но в комнате еще тоскливее стало…

– Барыня! Едет, едет! – кричит Гайдамакин.

Я выбежала на улицу и сразу точно горячей волной обдало меня!

– Ура! Ура! Ура-а-а! – неслось снизу улицы. Солдат узнать нельзя было: лица строго-суровые. Стоят как по ниточке: по два в ряд, держа ружья перед собой. Офицеры чуть впереди солдат, вытянув шеи туда, откуда несется все громче и громче «Ура-а-а!» Вдруг снизу точно волна поднимается: ширится в громком «ура!..» И дошла до нас. Я

хотела тоже кричать «ура», раскрыла рот, но спазм сжал мне горло, и вместо «ура» вырвались рыдания.

А «ура» неслось все громче и громче! Показались какие-то автомобили – один, другой. Я протираю глаза, хочу лучше видеть, а слезы снова ручьями бегут. А солдаты так радостно, так могуче кричали приветствие своему государю!

Вот! Вот он! Кланяется на обе стороны. Какое грустное лицо! Почему так ему грустно?..

Вот и проехал! Скрылось светлое видение…

Я оглянулась. Мадам Штровман сидела на дощатом заборе и счастливо улыбалась…

– Слава Тебе, Господи! Удостоились увидать государя! Теперь и умирать не страшно! – оборачиваясь ко мне, говорит солдат, утирая рукой слезы.

И не один он плакал. Плакали и другие; вытирали глаза кулаком.

– Не поедет больше по этой улице государь, – говорит солдат, – сморкаясь прямо рукой и сбрасывая на снег.

– Ну вот, теперь пойдем обедать. Прощайте, сестрица.

– С Богом! – говорю я и тоже иду домой.

Сейчас же пришла Штровман.

– Знаете, я думала, он – что-нибудь совсем особенное! А он такой же, как и все офицеры!

– Мне все равно, что вы думали, но это Россия, это моя Родина, это все, все, чем мы, русские люди, живем… – Я ушла в свою спальню и долго еще там плакала. О чем? И сама не знаю! Что со мной? Весь день плачу: и от радости, и от какого-то неизвестного мне горя – предчувствия? Ничего не случилось; все то же самое, как и каждый день. Правда, Вани

нет, не вернулся еще, но никакой опасности и беспокойства в этом нет! Мало ли что может задержать… война ведь!..

Глава 4

А Вани все нет! Сегодня ходила в госпиталь. У них опять почти нет раненых: отправили в Тифлис, чтобы освободить места для новых, все ждут с минуты на минуту. А муж все не едет! Я со всеми перезнакомилась в госпитале…

– Сестра Семина, да ваш муж, может быть, останется на позиции до Рождества Христова… – шутит молодой доктор.

– Он ждет, когда настреляют наших солдатиков, – говорит другой доктор.

– До Зивинских позиций расстояние неблизкое! В такой мороз с ранеными не поскачешь скоро! На ночь останавливаются в курдских аулах и отогревают раненых. А это много ведь берет времени! Перенести сто-двести тяжелораненых и больных, а через несколько часов снова столько же вынести и уложить в двуколки. На каждую двуколку только всего два санитара. – Стараюсь оправдать долгое отсутствие мужа.

– По случаю безработицы еду в отпуск в Тифлис! – говорит доктор Кручинин. – Все равно работы мало, и без меня обойдутся.

– Доктор! Устройте и мне отпуск! У меня кузен раненый приехал с Западного фронта в Тифлис, – просит хорошенькая сестра.

– Ну, знаем мы этих кузенов!..

Я попрощалась и вышла из госпиталя. Как красиво освещено там внизу! Гора и сосновый лес над вокзалом освещены в розовый цвет, а ниже и дальше дорога, по

которой должен приехать Ваня… Вот-вот покажется вереница двуколок! Быстро доедут до вокзала, а тут уже и дома! Я смотрю вдоль всей дороги, насколько хватает глаз, но ничего не вижу. Все только белый снег без черных точек…

Стоять долго нельзя; ноги моментально примерзают к снегу. Пошла домой и до вечера просидела в своей комнате…

– Барыня! Самовар подан. Ужинать будете? – спросил Гайдамакин.

– Скажи мадам Штровман, что самовар на столе.

Пришла мадам Штровман, и мы с ней весь вечер говорили о приезде государя и о том, что наших мужей здесь нет…

– Может быть, они завтра приедут, – на прощание сказала она.

Утром я проснулась от какого-то стука, точно далеко кто-то выбивал ковры! Когда я вышла к чаю, Гайдамакин, не глядя на меня, а куда-то вбок, глухим голосом сказал:

– Турки пришли…[8]

– Что?! Какие турки?! – но сейчас же подумала об этом стуке. – Турки?! Куда пришли?!

– Сюда! Вон, слышите, стреляют?..

– Да, я слышу теперь ясно стрельбу. Но я не думала, что так стреляют… Это они стреляют? Гайдамакин, а барин? Что с ним? Где он?

---

[8] В начале декабря 1914 г. в районе Сарыкамыша на главном операционном направлении русской армии создалась угрожающая ситуация.

Сразу такая безумная тревога сжала сердце… Неужели он попал в плен к туркам?! Я не могла больше оставаться в комнате! Надела шубу и вышла во двор…

Тук-тук-тук… Откуда этот звук несется? И сразу слух уловил направление. Вон там – на горе, за вокзалом. Все забыла на свете! Не могу глаз оторвать от того места, откуда несется – тук-тук-тук-тук… Я напрягаю зрение, но ничего не вижу на белом снегу – ни одной черной точки! Все такой же снег – чистый, ровный, как был и вчера…

– Где же турки? – спрашиваю я у собравшихся санитаров, которые вышли тоже на улицу, когда увидели меня.

Что-то нужно делать! У кого спросить? Где мой муж и что с ним? Внутри у меня дрожь; зубы стучат, не попадают один на другой…

– Вишь, здесь нет войск, сказывал утром казак. Говорил, будто всех нестроевых вооружат и пошлют на защиту Сарыкамыша. Спрашивал, сколько человек у нас в команде. Я сказал, что старший врач уехали, а народу всего семь человек осталось, «охранять имущество казенное да медицинское»…

Гайдамакин считал себя образованным и любил употреблять слова непонятные не только для слушателя, но и для него самого…

– Знает ли мадам Штровман? Говорили ей, что турки близко? – спросила я.

– Да, их денщик говорил ей. Она и чай пила в своей комнате. Шибко испугалась… Я так думаю, что барин наш каждую минуту подъехать могут. Что там больше делать?

– Если придут за санитарами и возьмут их на защиту Сарыкамыша, мы сами будем караулить помещение и кормить лошадей.

– Что вы, барыня! Разве это ваше дело? Подождем! Когда опять придут – я вам скажу.

А там все стучат!.. И, как мне теперь кажется стучат чаще… Я пошла к мадам Штровман.

– Вы слышите стрельбу? Турки гораздо ближе, чем наши мужья.

Но она совершенно спокойна (а я думала, она плачет).

– Слышу, конечно, слышу! Нужно же когда-нибудь им прийти сюда, чтобы стрелять…

– Что вы! Зачем им приходить сюда?! Ведь наши позиции очень далеко отсюда!

– Я ничего не понимаю в этих делах!..

Не могу сидеть в комнате! Надела шубу и опять пошла на улицу. Никого! Ни души! Точно и не стреляют! Пошла в команду посмотреть лошадей; они подкормились на хорошем корму и хорошо отдохнули.

– Что будем делать, барыня? Турки пришли! Вон над самым вокзалом! – сказал санитар Акопянц. – А старший врач не едет! – Он был очень взволнован приходом турок. Каждый армянин хорошо знал, что пощады от турок ему не будет!

– Почему нам из штаба ничего не дают знать? Что нам делать? Может быть, люди уж уехали из города?

– Но еще никто не уезжает. (Я так думала.)

– Да по нашей улице кто поедет?! – сказал санитар.

Приближался вечер, я пошла домой. Но когда стемнело, мне стало жутко сидеть одной в комнате: вдруг турки уже окружили город и теперь где-нибудь совсем близко, крадутся к моей двери?! Нет, я не могу сидеть, я должна все видеть и слышать. Почему я не сходила сама в штаб и не спросила, что мне делать? Стреляют, кажется, еще сильнее!

– Гайдамакин! Где ты?

– Здесь я, здесь, барыня! – он вошел в столовую.

– Почему ты в шинели? Где ты был?

– Да мы за воротами стояли, там все видно, как турки стреляют. Костры зажгли, видать, мерзнут.

Турки жестоко страдали от мороза и не скрывались от русских, развели огромные костры и всю ночь, а может быть, и днем тоже жгли костры вдоль всей линии на верхушке горы, над вокзалом. Ночью ясно было видно, как они обступали костры черной каймой, от которой огонь становился слабым, маленьким, а когда они отходили, чтобы стрелять, огромное пламя освещало черное небо, и на фоне его было ясно видно каждую фигуру.

– А народ есть на улице?

– Какой народ! Да никого нету.

Я оделась и вышла на улицу, Гайдамакин шел за мной. Ночь была черная. Сначала не было видно ничего. Но глаза скоро привыкли к темноте, и на небе засверкали крошечные огоньки.

– Смотрите, барыня, сколько турок! – сказал Гайдамакин, показывая на гору над вокзалом.

Я увидела: точно по ниточке, ровно вспыхивали зеленовато-красные огоньки, то сразу несколько, то врассыпную, то

опять все сразу, по всей горе… Точь-в-точь как на электрической вывеске гигантского магазина. Звук выстрелов я сейчас слышу меньше, чем днем. Это, может быть, оттого, что днем я не видела огоньков, а сейчас я только их и вижу. Где-то воет брошенная хозяевами собака. Видно, и ей страшно.

Вдруг за моей спиной заскрипел снег под чьими-то ногами. Я быстро повернулась и увидела, что сверху по улице спускается группа мужчин с ружьями. Мысль, как молния, мелькает: «Турки!..»

– Вон наши идут на позицию! – говорит Гайдамакин.

Слава богу, свои! Мы не одни! Еще есть люди на этой улице. Подходят, здороваются…

– Здравствуйте, солдаты, вы куда идете? – спросила я.

– А вон турку бить, на вокзал идем! Слышите, как стреляют? – Они остановились около меня.

– Боятся, потому и стреляют! – говорит один из пришедших.

Я прислушалась. Правда, я слышу теперь много выстрелов, а огоньков стало еще больше. Страшно!.. И снова я вижу гигантскую вывеску с освещением, которое то тухнет, то снова загорается.

– Вон сколько огоньков! Столько и винтовок, столько и пуль! – снова кто-то говорит из солдат.

– Сила их, должно быть, большая! Вон какие костры распалили! Не боятся нас. И откуда их принесло?! Позиции далеко! Там и войско наше. А здесь никто и не ждал турка! Здесь и солдат-то настоящих нету! Мы только – охранники! Все старики…

– Слышь? Замолчал?!

Сразу потухла «гигантская вывеска»! Стало темно и до жуткости тихо.

– Почему замолчал?

– А кто его знает, – говорит бородатый солдат, стоящий рядом со мной.

На нем был полушубок, шея замотана красным шарфом до самых ушей, на руках варежки, винтовки у всех на ремне, руки они все прятали в рукава и поминутно стучали нога об ногу:

– Экий морозище! Ну и морозу бог послал! Вон и турка мерзнет, видать. Недаром костры распалил. Может, пошел в обход? Тепереча самое время.

– Когда стреляют, это лучше. А как замолчал, так, значит, что-то затеял! Кажись, только что стрелял, а пойди за ним – он уж где-нибудь вот здесь! Вон, поди, крадется, высматривает! Тоже ведь и он боится шибко. А теперь самый раз идти в обход! – говорит бородатый мужик, который стоял рядом со мной.

– Ночь темная! Вот угляди его! – он протягивает руку за мою спину… Я в ужасе отскочила и повернулась лицом туда по тому направлению, куда он показывал. Но, заметив мой испуг, он успокаивающе говорит: – Кажись, я вас напужал – смотри.

– Не беспокойтесь, сестрица! Мы за вас постоим! Спите спокойно! Хотя и не наша очередь идти в бой, но мы здесь на охрану присланы! Вот и будем вас охранять, пока живы, а вы спите!

– Но что поделаешь, когда нет войска здесь настоящего? – говорит кто-то.

– Куда вы идете сейчас?

– Мы? А на вокзал! Вот только подойдет наш начальник… А вон кто-то идет!

– Ну, пойдемте, земляки! Покурили и ладно! Идем! До свидания, сестрица! Счастливо оставаться. А если кого из нас завтра принесут к вам в госпиталь – уж перевязывайте нас! Что уж поделаешь?!

– С Богом! Христос с вами! – едва выговорила я… Хотелось много сказать ласковых, ободряющих слов этим безответным людям, идущим не в очередь на смерть! Но слезы душат меня! А когда я смогла выговорить слова ласки и любви, они уже шагали вниз по улице, к месту смерти и страданий. Оттуда, с вокзала, мало кто в эту ночь ушел сам: одних увезли в госпиталь, других – в общую могилу… А я перевязывала раны, хотя, может быть, и не этим, идущим охранять меня, ратникам, а тысячам таких же русских безответных солдат…

Долго я еще стояла у калитки… Ноги мои точно примерзли, стали тяжелые, никак не оторвешь их от снега.

А на горе опять стучат по-прежнему. Тук-тук-тук-тук… И огоньки все так же вспыхивают зелено-красные.

На улице опять ни души. Только по-прежнему воет собака… Странно! Ведь сотни винтовок стреляют, и звук выстрелов ясно слышен, но чувствуется жуткая тишина… Неужели все эти дома пустые?! Ведь два дня тому назад у каждого дома были солдаты-денщики; то несли какие-то покупки, то разметали снег с тропинок… А теперь нигде никого… Только все «стучит» там, на горе…

– Барыня! Идемте в комнату, согрейтесь. Если турки осилят наших, то они только через мое тело перейдут к вам.

Я пошла в свою комнату и легла не раздеваясь. Но сейчас же вспомнила: «Господи! Да ведь мадам Штровман одна сидит в комнате! Вероятно, боится страшно?» И я постучала к ней в стенку:

– Мадам Штровман, как вы себя чувствуете, боитесь?

– Я уже совсем легла спать… – ответила она сонным голосом.

Я замолчала! «Какие крепкие нервы у нее! – подумала я и больше не сказала ничего. – Да! Может быть, она права. Что, правда, беспокоиться?.. Ну, придут турки; возьмут Кавказ; разорят и разграбят наши дома; нас отправят в рабство в Турцию… Вот и все!»

О, нет, нет! Это невозможно! Сколько смертей, сколько горя бесконечного будет, пока это случится. Сколько народу перебьют. Да разве Россия уступит, примирится с этим? НИКОГДА!

Я соскочила с постели! Не могу лежать! На улице легче. Пойду опять туда. Я вышла в сени… Оба денщика сидели на ящике с ружьями в руках.

– Не могу заснуть! Пойду на улицу, – сказала я.

Гайдамакин встал и открыл мне дверь:

– Самый теперь лютый мороз – два часа ночи, – говорит он.

– А как же они теперь там, которую ночь уже на снегу спят? Поди, и еда кончилась…

– Что ж поделаешь! Мы ничем помочь не можем. А если вы простудитесь, тогда что?

Он, видимо, хотел урезонить меня и вернуть обратно в комнату.

– Может быть, согреть самовар? – предложил он.

– Хорошо, согрейте. И сами тоже выпейте чаю…

– Максимов! Ну-ка, разогрей маленький самовар! А я выйду послушаю, как, что там…

Я вернулась в столовую. Там по-прежнему горела лампа, но окна были завешены солдатскими одеялами, чтобы не пропускать света наружу. Скоро принесли кипящий самовар.

– Налейте себе чаю, Максимов, согрейтесь.

Он налил два стакана и понес их в сени.

– Пейте здесь!

– Нет, мы караулим в сенях, – он вышел и закрыл за собой дверь.

Наступила тишина. Вот теперь, должно быть, как раз время для обхода наших позиций: два часа ночи, наши устали и заснули; а ОНИ крадутся, ползут, чтобы перерезать всякому «неверному» горло… Я оглядываюсь, смотрю на завешенное окно: вот сейчас зашевелится сукно, и появится в нем страшная турецкая рожа!.. Вот он шагнул. Ближе и ближе… Кинжал держит прямо острием ко мне! Не могу пошевелиться, не могу крикнуть, чтобы позвать Гайдамакина на помощь… Слышу, что-то тяжелое упало в сенях! А! Кончили их! Теперь за меня примутся! Сейчас зверски убьют, все разграбят… Бедный мой Ваня вернется и увидит только изуродованные трупы, а имущество растащено.

– Ох! – вскрикнула я в ужасе… И проснулась…

– Вы заснули, ох, а я вас разбудил. Мы еще нальем по стакану чая, – говорит Максимов.

Слава богу, что это был сон, и Максимов, а не турки!

Вошел Гайдамакин, без ружья.

– Что это упало в сенях?

– Да мое ружье; я задремал, а винтовка и выпала из рук.

– Пейте чай, он еще горячий. А я пойду лягу, – я легла не раздеваясь, накрылась своей шубой. То ли теплый мех моей шубки согрел меня, то ли волнение переутомило меня – я заснула. А когда я открыла глаза, был яркий день. Окна совершенно были белые от мороза. В доме была полная тишина.

Почему никого нет? Может быть, все уже бежали из города, а с ними и наши денщики? Только по-прежнему стучало: тук-тук-тук-тук, но чаще и как-то слышнее… Я вышла в столовую. Никого! Самовар и посуда так же стояли на столе, как я оставила ночью, уходя спать. Где же Гайдамакин?! Может быть, их погнали на позицию; а может быть, турки их убили здесь в сенях?

Я тихонько открыла дверь в сени. Никого! Ящик свободный, никто на нем не сидит! В сенях темно. Я открыла дверь на двор, заглянула – и там ни души!.. Вернулась в сени, открыла дверь в кухню: вот где лежат трупы!!..

На полу, закрытые с головой шинелями, лежали оба солдата! Только ноги в сапогах торчали из-под шинелей…

– Гайдамакин! Хорош телохранитель!! Кажется, в городе никого уже нет наших, одни турки!

Под шинелями зашевелились; сначала пропала одна нога, но сейчас же появились обе сразу и налицо все четыре ноги обоих солдат…

– Гайдамакин, я иду сейчас в штаб, – выйдя из калитки, я посмотрела на гору за вокзалом, откуда стреляют турки. Сначала ничего не видела… Снет и снег, все бело. Но скоро увидела, как маленькие человечки суетились, как муравьи; что-то тащили к самому краю горы. Сидят еще! Не ушли в обход? Пойду в штаб.

Я поднялась по нашей улице до первого переулка, свернула в него и, пройдя немного, вышла на площадь, на которой стояла полковая церковь. С площади открывался чудный вид на все горы. Снег розовато-синий, огромные сосны кажутся черными. Утро было великолепное. Ослепительно-яркое солнце, синее небо и ни малейшего ветерка! Какая красота – Божий мир! Я забыла турок и не слышала выстрелов… Вон, что это над казармами Елизаветпольского полка? Какие-то круглые облачка?

Вот опять, сразу два, вон еще и еще! Что же это такое? А турки как суетятся, сколько наставили пушек! Куда они стреляют и в кого? Снег от пушек и до самого вокзала совершенно чистый, не примятый; и около вокзала не видно никого… Где же наши защитники?

Вон дорога, по которой должен приехать транспорт и мой Ваня… Но и на дороге никого нет; ни одного человека, ни одной двуколки! Пусто! Только снег блестит так, что глазам больно. Вон опять высоко в небе белые курчавые облачка!.. Но они быстро таяли, а на их место появлялись новые.

Снова смотрю на дорогу. Хоть бы одна двуколка показалась с красным крестом на боках! Где они теперь!.. Господи, сохрани их всех! Как хорошо видны турки! Вон пушка, другая, третья, четвертая. И все дулами смотрят на меня?..

Вон перебегают от одной пушки к другой. И между пушками еще много людей!.. А! Это цепь называется! Вон дымки; стреляют… В кого же они стреляют? Наших не видно: бедные! Если они ползут на гору, то их турки перебьют всех. По дамбе тоже никто не идет и не едет.

– Что вы здесь делаете? – слышу вдруг мужской голос… Оборачиваюсь. Вижу, стоит молодой офицер в бурке; на голове папаха. Под буркой вижу аксельбанты.

– Что вы делаете здесь? – повторил он, злобно глядя на меня в упор.

– Смотрю, как турки стреляют!

– Что тут хорошего?! Смотрите, как людей убивают?

– Я никого не видела, кого они убивают! Я только вижу, как они вон бегают, как муравьи.

Он передергивает плечами:

– Здесь стоять опасно.

– В меня они не стреляли…

– Вы своей фигурой привлекаете внимание турок. Они могут начать обстреливать церковь и весь город.

– Неужели они по одной женщине будут стрелять?!

– Вы даете им повод к этому; сейчас они обстреливают вон казармы, а если обратят внимание на вас, то следующий выстрел будет прямо сюда. Вы что, сестра?

– Да.

– Из какого госпиталя?

– Я, собственно, нигде еще не работала.

– Ага!.. – протянул он подозрительно. – Нигде не работаете и сестра на фронте? Он оглядел меня с ног до головы, как бы ища, за что уцепиться.

– Давно вы здесь живете?

– Нет, три недели.

– Все сестры приезжают сюда в определенные госпитали и не могут разгуливать по городу, ища работы. У вас документы есть?

– Какие документы?

– Ну, диплом, свидетельство, что вы сестра и что вас прислали сюда.

– Я сама приехала сюда; меня никто не присылал.

– Но позвольте!..

– Я ходила в хирургический госпиталь, но там пока нечего делать.

– Но, мадам, не здесь ищут работу! Здесь фронт! Вы не можете жить в Сарыкамыше! Потрудитесь немедленно покинуть город.

Стыд и обида парализовали мой язык.

– Но я не могу уехать! Я не знаю, где мой муж, и что с ним…

– Муж? У вас здесь муж есть?! Кто он?

– Старший врач 86-го санитарного транспорта, Семин.

– Успокойтесь! Я могу сказать, что с ним ничего не случилось, но транспорт его задержали. Идемте, пожалуйста, отсюда, здесь опасно, – вдруг заговорил он совершенно другим тоном.

– Что со мной случится? Мой муж больше подвергается опасности!

– Вы собой привлекаете внимание турок. Они начнут обстреливать церковь и весь Сарыкамыш. Пострадают и люди. Вон, видите, как они обстреливают казармы? Думают, что там есть солдаты… Вам нужно немедленно уезжать из Сарыкамыша. Есть у вас лошади?

– Да. Муж оставил несколько лошадей и санитаров. Но я не хочу уезжать! Может быть, муж скоро приедет?

– Но, госпожа Семина, это необходимо! И как можно скорее! Если турки ворвутся в город, то женщине здесь не место!

– Нас две женщины: я и жена младшего врача.

– Ну вот! Тем более! Уезжайте вместе, и скорее! А то будет поздно! Почти все уже выехали. Сейчас обозы уходят. Вы с ними и уезжайте! Все, что есть ценного, берите с собой…

Он проводил меня до моей улицы и сказал на прощание:

– Я пришлю казака помочь вам. А о муже не беспокойтесь. Я его увижу и передам ему все…

Боже! Улицу узнать нельзя, вся оказалась запруженной подводами. А когда я шла по ней час тому назад, она была совершенно пустая и тихая.

В два ряда ехали по ней хозяйственные двуколки и фургоны, на которых горой лежали мешки, ящики, тюки. Я едва добралась до дому.

– Гайдамакин! Скорее укладывайся. Нужно уезжать! – У калитки стояли все санитары и Гайдамакин. – В штабе сказали, чтобы мы немедленно уезжали в Карс. Запрягайте

лошадей и грузите все, что ценное. Ящики с неприкосновенным имуществом – в первую голову.

Но дисциплина и муштровка мужа сказались сразу. На мой приказ запрягать немедленно лошадей санитары стояли и переминались с ноги на ногу, но никто не шел.

– Как же мы можем уехать, когда старший врач нас оставил охранять имущество! – говорит санитар, который оставлен за старшего.

– Так вы это имущество и возьмете с собой, чтобы оно не пропало!

– А сено? Его много, мы не можем ведь увезти?

– Нет, конечно! Но сено – недорогая вещь.

А обозы идут, идут, идут… Улица так густо запружена, что только шагом по ней можно двигаться. А санитары мои все стоят, смотрят на бесконечную вереницу подвод, но не идут запрягать…

Я пошла в дом и стала помогать укладывать вещи.

– Гайдамакин, ты сказал мадам Штровман, что мы уезжаем?

– Да, она знает.

Вещи мы бросали в сундук как попало.

– Гайдамакин, всякую еду складывай в ящик. Мы все оставим здесь! Когда барин вернется, у него хоть еда будет!

Прибежал санитар:

– Казак пришел из штаба; сказал, чтобы мы уезжали! Мы уж запрягли лошадей.

– Вот хорошо. Выносите все и укладывайте на двуколки.

Гайдамакин позвал двух санитаров, подняли половицы и туда спустили ящики; один с напитками, другой со съедобными вещами; туда же спрятали самовары и всю посуду; доски опять положили на место, а щели замели, чтобы не было заметно…

Догадается ли только муж, что у него под полом масса вкусных и нужных для него вещей? Прятали мы не только от турок, которые, может быть, и не дойдут до нашего дома, а свои-то уж, наверное, разграбят дочиста. Хотела я написать мужу записку, чтобы знал, что под полом есть все, но страшно – свои прочтут!..

– Скажи, Гайдамакин, мадам, что сейчас мы уезжаем.

– Да она уж давно сидит на двуколке!

Я последний раз обвела взглядом пустую, разоренную комнату. Никаких признаков, что недавно еще в ней было сравнительно уютно, что столько народу в ней сидели мирно; пили, ели, разговаривали. Все кончилось! Ничего не осталось от этого маленького мира!

– Пора ехать! А то все уедут; мы дороги не знаем! – говорит санитар.

– Хорошо! Идемте. Двери оставьте открытыми. Так лучше, чтобы не привлекать внимания любопытных! Калитку тоже не закрывайте…

Солнце было уже высоко, когда мы тронулись в путь. Несмотря на яркий его свет, мороз сразу щиплет нос и щеки. Я села на первую двуколку рядом с санитаром; Гайдамакин укрыл меня одеялом. Мадам Штровман сидела позади меня.

Я так же, как мой муж, оглянулась на выстроившихся семь двуколок, которые доверху были нагружены всякой всячиной, и спросила:

– Ну что, все готово? Трогайтесь!

Мы тронулись медленно, стараясь попасть в линию с другими. Но не так-то легко это было сделать! Никто не хотел уступить своей очереди в линии. Каждому хотелось как можно скорее выбраться подальше отсюда! Только хочет возница мой вклиниться в общую линию, а с чужой подводы кричат: «Куда рыло-то суешь! Постой! Дай я наперед проеду!» А следующий хлещет своих лошадей так, что их морды почти лежат на передней повозке… Причем по нашему адресу слышны со всех сторон крепкие словечки.

– Не спеши! Не спеши! Все равно от своей пули не уйдешь – догонит…

Но на повороте с нашей улицы в какой-то узкий переулок, о существовании которого я даже не подозревала и в который все желающие сразу не могли въехать, получился затор… Тут послышались слова убеждения, сначала более мягкого тона, вроде того: «Осторожно – черт! Куды ты воротишь – дьявол лохматый! Не видишь, што ль, за колесо зацепился! Ни мне проехать, ни тебе!» Спереди и сзади нас неслась ругань, одна мудренее другой. Слава богу, откуда-то появился молодой прапорщик с нагайкой в руках. Он стал наводить порядок. Но он стал кричать и ругаться еще, кажется, ужаснее, чем солдаты. Я спрятала лицо в меховой воротник и ничего больше не видела и не слышала. Но скоро почувствовала толчок, и моя двуколка тронулась с места.

Уезжаем все дальше и дальше от нашего домика. А в это время, может быть, Ваня только что приехал домой и видит:

все раскрыто, никого нет… «Бежали! Струсили!» – подумает он…

Вернуться, посмотреть? Все равно умирать, так хоть вместе!.. Милый, родной мой Ванечка! Что он теперь переживает?! А вдруг он знает, что все пропало. Что турки отрезали армию от тыла, перебьют всех, уничтожат, угонят в плен, заморят голодом… А вдруг он ранен! Лежит где-нибудь на снегу, истекает кровью и замерзает?!

– Послушай! Поверни обратно! Можешь повернуть?! Мы только съездим, посмотрим, не вернулся ли старший врач… – Санитар сразу остановил лошадь. Но кругом раздались крики и ругань:

– Вперед! Вперед! Что стал – рот разинул!..

– Эй, дурья голова, задерживаешь других! Аль живот заболел!..

Но видя, что сидит сестра милосердия, более крупных слов не отпускали… Да и свернуть-то все равно было некуда! Изо всех улиц и переулков выезжали все новые подводы и, не задерживаясь на поворотах и не смотря ни на кого, прямо на всем ходу въезжали в нашу линию и прямо оглоблями в морду нашей лошади. Нам невольно приходилось уступать место более наглым и сильным… Мимо нас мчались подвода за подводой. Нахлестывая лошадей, солдаты кричали нам: «Не отставайте! Не отставайте! Турки! Турки!..» Они показывали руками на гору. И уезжали, не оглядываясь больше…

Когда мы выбрались из узких улиц на дорогу, ведущую к Карсу, по обеим сторонам ее валялись тюки сена, мешки с ячменем, ящики… Все бросили, чтобы облегчить повозку и ехать скорее…

Я оглянулась назад. Позади нас никого больше не было! Только наши семь двуколок. Старые, слабые лошади трусили рысцой. Я посмотрела на гору позади и слева от нас… Теперь ясно было видно, что турецкие пушки были направлены прямо на нас!

– Смотрите! Пушки! Сейчас будут стрелять по нам! – крикнула я. – Скорее гони лошадей!

Санитар хлестнул раза два свою лошадь, но она не прибавила ходу ни на вершок… Видно было, как заряжали пушки… Вот и дымок выстрела!.. Но снаряды к нам не прилетели. И мы продолжали двигаться, но теперь еще медленнее, потому что мы догнали пеших армянских беженцев, которые занимали всю дорогу. Чтобы дать проехать обозу, этим несчастным надо было сойти с дороги. Дорога была узкая, но гладкая, накатанная. А по сторонам дороги снег лежал глубокий, чистый.

Армяне шли вдоль всего нашего пути, как только мы выехали из Сарыкамыша; то группами, то в одиночку, неся все свое имущество на себе. Женщины несли привязанных на спине детей, других вели за руку. Вот женщина идет с ребенком на спине и тянет за веревку тощую коровенку. Корова так медленно идет, что веревка, перекинутая через плечо, мимо головенки ребенка натянулась… В руках у женщины большой узел… Женщина сошла с дороги в глубокий снег. Не глядя на нас, остановилась и стала ждать, когда проедет весь обоз. А вон мужчина несет на себе весь свой дом: мешок с зерном или с мукой, узел, плетеную корзинку, из которой торчит медный казан, деревянная чашка и какие-то красные тряпки; поверх всего две курицы, связанные за лапки. Другой гонит двух баранов, а на плечах

сундучок, сверху – стеганое одеяло… У всех шедших армян были толстые стеганые шерстяные одеяла. Эти одеяла делались из лучшей бараньей шерсти, и в каждой семье они служили им как дом: они толстые, мягкие и очень теплые. Только у одного армянина была лошадь, да и то маленькая, замореннaя, нагруженная до отказу, она едва переступала слабыми ногами. Да и сам армянин, который вел эту лошадь, был нагружен выше головы.

Много их шло по обе стороны дороги по колено в снегу – мужчин, женщин и детей, и голодных, замореннных животных.

– Хоть бы детей взять подвезти! Замерзнут ведь! – сказала я.

– Нет! Не дадут! Вместе все ночью померзнут! Но детей не дадут! – сказал мой возница, армянин. – Да и невозможно было бы их подвозить! Как их разъединишь, когда идет целая семья, и каждый член помогает что-нибудь нести?!

Горы с турками остались далеко позади… И мой Ваня там!.. Сразу почувствовала холод! Да и не так уж светит ярко солнце.

– Далеко еще до Владикарса?

– Да, еще далеко!

– Засветло доедем?

– Да кто его знает? Лошади-то устали! Да и не кормлены весь день!

– У вас корм есть для них?

– Как же! Захватили достаточно.

– Хотите, остановимся, покормим?

– Нет! Это никак нельзя. А турки? Кто их знает, что они делают? Да и дорогу мы не очень знаем. Нет, потихоньку, да уж лучше ехать, пока светло! А ночью опасно!

Солнце совсем низко! Мороз стал сильнее чувствоваться.

– Стой! Стой! Что это там лежит! Человек?.. – Санитар остановил лошадь, прибежал Гайдамакин.

– Гайдамакин, посмотри, что это там? – Он пошел к тому месту за дорогой, где в снегу видно было очертание человека. – Ну, что это?

– Ребенок мертвый. Должно, замерз, родители и бросили его, – сказал он и пошел к своей двуколке.

– Не огорчайтесь, барыня. Война только начинается! Много еще придется повидать страшных вещей! – сказал мой санитар. – Дай Бог, самим бы добраться благополучно.

Мы поехали дальше…

– Барыня, поешьте! У меня есть хлеб и мясо, – предложил мой возница.

– Нет, спасибо, не хочу…

Как быстро стало темнеть! С заходом солнца все затянуло морозной мглой. Теперь мы ехали, едва различая дорогу.

– Сколько еще верст до Владикарса?

– Да кто его знает? Нигде не написано. Надо думать, не очень уж далеко…

Ночь быстро наступила, а с ней туман и такой холод, что, несмотря на мою шубу и теплое одеяло, я начинала стынуть. Мгла все больше и больше сгущалась. Скоро мы не видели впереди себя даже дорогу. Мне приходилось уже ездить в такой мороз за ранеными, но тогда как-то было теплее и уютнее… А мы все едем и едем! И, кажется, никогда никуда

не приедем. Мороз совсем сковал мое тело; мне безразлично, что будет дальше. Хочется только лечь и заснуть… Я начала дремать…

* * *

– Стой! Стой! – кричит кто-то вдруг.

Открываю глаза – наша лошадь уперлась в задок какой-то повозки и стала. Что за чудо? Впереди нас ведь не было никого. А теперь справа и слева стояли лошади и фургоны… В тумане слабо светятся где-то огоньки окон.

– Куда мы приехали? Что это, Владикарс?

Позади нас кто-то кричал:

– Сюда, сюда! У кого есть винтовки?..

Кто-то пробежал мимо нас, крича придушенным голосом:

– Ставьте фургоны и двуколки поперек улицы! Да ближе друг к другу! А у кого есть ружья – идите на дорогу!

– Ты что сидишь, с… с…! – вдруг заскрипел он около меня. – Слезай сейчас же! Бери винтовку и иди на дорогу! – Санитар мой слез с сиденья.

– А кто это еще сидит? – показывая на меня, спросил человек с охрипшим голосом. – А! Сестра! Сестра, бегите скорее в избу, турки идут! Вот, в двухстах шагах по дороге за селением. – Он показал рукой туда, откуда мы только что приехали… – Мы делаем баррикаду, будем защищаться.

– Где турки? На какой дороге?!

– Да вот тут, за этими подводами! – Он показал на наши двуколки. – Есть у тебя ружье? – обратился он к санитару.

– Есть!

– Бери его, иди скорее на дорогу! – и он скрылся, точно провалился сквозь густой белый морозный туман.

– Барыня, идите в помещение, – сказал санитар и ушел.

Мимо меня бегут серые фигуры, кто с винтовкой, а кто и без винтовки. Наступила полная тишина… Вдруг вынырнула фигура Гайдамакина:

– Идет их видимо-невидимо! – зашептал он точно в комнате больного. – Приказано соблюдать тишину. Там наши устроили засаду. Всех, у кого есть ружья, собрали и послали туда. Это тут, сейчас за нашими двуколками.

– Откуда они взялись? Ведь мы только что проехали по этой дороге?

– Ох, да если бы не туман, турки нас увидели бы и забрали в плен! Идут прямо на станцию, сюда не сворачивают.

В это время впереди нас слышно кто-то кричит опять:

– Стой! Стой! Назад! Стрелять буду!

Потом в избе говорили, что кое-кто из обозных, стоящих поблизости к выезду из Владикарса, потихоньку удирали в Карс. Кто-то заметил бегство и хотел остановить, но те только прибавляли ходу. Однако немногие бросили и удрали! Большинство остались на месте и приготовились к защите, в том числе и мои санитары. Все они были взяты на учет и посланы на околицу.

После того как ушли мои санитары, наступила тишина. Точно все утонуло в этой морозной мгле. Только лошади переступали с ноги на ногу, стуча металлическими частями,

да изредка вынырнет серая фигура солдата и так же быстро и незаметно пропадет…

Я опять стала замерзать. Сон стал меня одолевать… Я втянула голову в воротник, одеяло натянула до самой груди и как могла укрылась. Но холод всюду забирался… Мне не хотелось ни двигаться, ни думать ни о чем. Мне хотелось только спать…

– Барыня, идите в помещение, вы здесь замерзнете! – говорит Гайдамакин, стаскивая с меня одеяло и тормоша…

– Но мне хорошо здесь! Оставь меня, я спать хочу!..

Он насильно стащил меня с двуколки. Когда я стала на снег, то не могла сделать ни шагу: ноги, как деревянные, не слушались меня. Нужно было большое усилие, чтобы двигаться. А когда я пришла в комнату, в которой топилась железная, докрасна раскаленная печь, то пальцы на руках и ногах страшно разболелись…

Изба была полна народа! Большинство толпились около печки, протягивая к огню красные, распухшие руки. Вдоль стен стояли лавки, как и в русских деревнях. На них тесно сидели женщины и мужчины. Некоторые положили головы на узлы и дремали. На полу сложены груды чемоданов, узлов и корзинок всех размеров. В углу, на непокрытом столе, кипел ведерный самовар; на столе стояли мутные захватанные стаканы и чашки с обломанными ручками. Огромный чайник все время переходил из рук в руки. Все наливали себе жидкий чай, пили и согревали о чашки и стаканы руки… За столом сидели только женщины. Тут же была и раскрасневшаяся мадам Штровман. Мужчины подходили к столу, наливали чай и отходили, уступая очередь другому. Из крана капала вода и струйкой стекала

под сахар, рассыпанный по столу. На это никто не обращал внимания… Над столом горела висячая лампа с жестяным абажуром. В другом углу, около русской печи, сидели бабы в широких пестрых ситцевых юбках. На головах у них были шали. У одной на руках спал ребенок. Это были, по-видимому, хозяйки дома. Мужиков в избе не было.

Дверь поминутно открывалась, и входили все новые люди с посиневшими от холода щеками и носами. В комнате стоял гул многочисленных голосов. Все рассказывали, и каждый по-своему, как он увидал первого турка…

– Если бы не я – никто бы и не заметил, что турки перед самым носом идут! – говорит какой-то нарядный чиновник.

– Ну что вы! Откуда вы могли их видеть, когда в десяти шагах ничего не видно.

– Кто-то из обозных солдат обратил внимание на черную полосу, которая двигалась в тумане. Прибежал и сказал! Мы пошли на дорогу, смотрим, едут наши двуколки, но сейчас же за ними увидали двигающуюся колонну турок. Они пересекли шоссе и прямо шли к станции железной дороги, – говорит старик-прапорщик, которому оттирали уши снегом, когда он вошел в избу…

Как-то совершенно незаметно изба стала пустеть. За столом и на лавках освободились места. Теперь и я села. Мадам Штровман с кем-то уехала. Пришли и мои санитары.

– Согрелись, барыня, так поедем… – говорит санитар.

– Я-то согрелась! А вот вы погрейтесь, тогда и поедем. – Как-то не хочется выходить на мороз из теплой избы! Сразу опять охватит все тело ледяной холод…

Выходим. Улица совершенно пуста. Ни одной подводы не видно, кроме наших семи двуколок, ни людей. Как могли так скоро все выбраться из такой запутанной массы повозок, лошадей? Я думала, что мы здесь простоим до утра!..

– Ну, теперь недалеко; скоро будем в Карсе, – говорит мой возница.

– Сколько верст отсюда до Карса?

– Да верст, поди, двенадцать будет!

– А сколько времени мы будем ехать?

– Да часа два!

– За это время я успею замерзнуть!

– Не дадим! Раз турки в плен не взяли, так замерзнуть не дадим. А ведь на волоске висели от турецкого плена! – говорит санитар.

– Многих бы перебили, а вас бы увезли непременно в Турцию. И как это мы их не видели?

– Да и они нас тоже не видели, – сказал Гайдамакин, сидевший позади меня. – Бог напустил туману с морозом и нас закрыл.

– А что сказал бы старший врач, когда узнал бы, что мы попали в плен и барыню не уберегли! Вот была бы беда! – как бы вслух думая, говорил санитар.

– Главное – лошади, двуколки и весь «неприкосновенный» запас! Все досталось бы туркам!

Я слушаю спокойно об опасности, которая уже миновала и осталась далеко позади. А солдаты мои продолжали разговаривать:

– Они теперь заняли нашу железную дорогу, и ни один поезд не пройдет в Сарыкамыш!

– Да, отрезали Сарыкамыш от тыла, чтобы не было помощи нашим войскам…

Сердце мое снова заныло: ведь Ваня там! Если что-нибудь случится с ним – ранят, заболеет чем-нибудь, а меня около него не будет, – умрет один! Сердце сразу холодеет. Зачем я послушалась этого офицера и уехала?! Все равно чуть не попала в плен! А там с ним вместе умирать было бы легче! Бежала, бросила в первую же минуту опасности! Но ведь его там не было! Может быть, Сарыкамыш уже турки взяли теперь! С ним взяли бы и меня в плен! Хоть бы скорее доехать до Карса… Может быть, там что-нибудь узнаю.

– Скоро Карс? – спросила я своих примолкших спутников.

– Должно, скоро! Вот как проедем селение, так тут «всево» две версты.

– А где же селение?

– Да тут, должно быть, скоро! А что – холодно? Замерзли? Вы шевелитесь, а то замерзнете…

– Куда мы денемся в Карсе? Ночь! Все спят…

– Вы не беспокойтесь. Я знаю одного армянина. Заедем к нему. У него дом большой; может, найдется место для вас…

Вот и Карс! Мы въехали в город. Тишина! Ни души не видно! Никто нас нигде не остановил, не спросил, кто мы и откуда. Никаких солдат на улице тоже не было. Полная тишина! Неужели спокойно все спят?! Но ведь в двенадцати верстах турки заняли нашу железнодорожную станцию и

через несколько минут могут быть здесь! Только около гостиницы «Люкс», где огромный электрический фонарь, горевший в подъезде, не был потушен, мы встретили вышедших из подъезда нескольких мужчин в военной форме. Они громко разговаривали и пошли вниз, к вокзалу.

– Гайдамакин, пойди спроси для меня комнату…

– Нету! Везде сидят и лежат люди! В ресторане на столах спят… – сказал он.

– Ну, ничего не поделаешь! Вези теперь меня к своему другу-армянину!

Мы по дороге еще спрашивали в нескольких домах о ночлеге, но всюду было полно.

– Я поеду теперь прямо к моему армянину. У него непременно место есть. Дом большой, и он меня знает… – сказал санитар.

– Хорошо! Вези, вези! Мне все равно. Лишь бы в тепло! Я совсем замерзла.

И горе мое кажется мне не таким уже острым… Ну что же! Все спят! Ну и пускай спят; придут турки и захватят и их всех, и крепость! Пускай!.. А бедный мой муж больше недели спит на снегу в сорок градусов мороза… И все там так мерзнут; даже не могут иметь достаточно костров…

– Да где ж его дом? Тут вот где-то должен бы быть? – ворчит санитар. – Темно! Не разберу, который его-то!

Мы кружились по узким улочкам где-то далеко от центра города. Здесь были всё бедные маленькие глинобитные домишки, похожие один на другой так, что и днем их не отличишь один от другого…

– Вот, кажись, этот, – сказал санитар и остановился. Санитар соскочил с двуколки и пошел к калитке, которая оказалась незапертой. Скоро он вернулся.

– Барыня, пожалуйте! Место для вас найдется! Он хороший человек, «рад, говорит, оказать приют». Но только у них много уж народу – беженцы, спят, – тесно!

– Хорошо. Лишь бы было тепло! А для вас всех найдется там место?

– Нет. Да мы устроимся! Вы не беспокойтесь о нас.

Он повел меня, показывая дорогу и дверь в дом.

Я вошла в большую комнату, но темную, и сразу почувствовала приятное тепло. На полу, на большом железном листе, стоял мангал, полный горячих углей, от которых распространялось тепло и свет. В комнате другого света не было. Я заметила фигуры сидящих на полу женщин, хотя в комнате была мебель. На полу лежал большой персидский ковер. У стены стояла широкая тахта с валиками по бокам! Было еще несколько кресел, низенькие столики и пуфы. Но ни одна женщина не сидела ни на креслах, ни на пуфах. Все они сидели на полу, вытянув ноги или подобрав их под себя (по-турецки), а головы положили кто на край кресла, кто на мягкие пуфы. Около тахты сидели женщины, опираясь на нее спиной и, опустив головы, дремали. На тахте лежала очень толстая и, как мне показалось, старая женщина. Большинство женщин сидели так, чтобы быть поближе к огню (к мангалу).

Я оглядела всю комнату. Ни одного места поближе к теплу не было. Только у самых дверей, в которые я вошла, стоял стул. Я на него и села, не снимая шубы. Мне было еще очень холодно. «Согреюсь, тогда и сниму», – подумала я.

На мой приход никто не обратил внимания, хотя не все женщины еще спали. Вон сидят и разговаривают три армянки. Одна, кажется, плачет? (Они говорили по-армянски.) У всех женщин на головы были, по их национальному обычаю, накинуты шелковые шали, концы которых закинуты назад. На лбу ряд золотых монет; от висков по обе стороны лица спускались локоны. Все женщины были одеты в шелковую, преимущественно черную, одежду.

Моя надежда согреться и снять шубу не оправдалась. У дверей, где я сидела, было холодно; от дверей сильно дуло. На пол мне не хотелось садиться; да и лучшие, теплые места были заняты. А сидеть на полу около дверей еще хуже, чем на стуле. И я сидела, не меняя позы и не шевелясь, до тех пор, пока не стало светать. Молодые армянки умолкли и заснули, положив головы друг другу на колени.

Первый раз в жизни мне некому положить головы хотя бы так, как эти женщины… Я чувствую страшное одиночество и заброшенность. Почему я одна, ночью, среди незнакомых людей, которые даже не интересуются, кто я такая?! Почему я вошла в их дом! Я здесь одна! Всем чужая! Те молодые женщины разговаривали и плакали о своем горе. Но чужое горе их не интересует? Им нет дела до меня, хоть умри я тут, на этом стуле! До их сердца не достучишься. Они даже не повернули головы, когда я вошла в комнату! Точно меня и нет здесь. Скорее бы рассветало! Все было бы легче.

Вот! Бросила дом, уют, комфорт и сижу у чужой двери, как нищая, никому не нужная и всем чужая. Слезы текут по моим щекам. Ваня! Родной мой! Где ты! Нет больше сил сдерживать слезы! И я рыдаю, зажимая рукой рот, чтобы не

вырвались громкие рыдания... Долго я плакала, но облегчение не приходило. Казалось мне, что что-то непоправимое, ужасное произошло в моей жизни... И никогда я не вернусь больше к той, прежней жизни, которую оставила сама добровольно, в которой я жила с любимым мужем. Сейчас я так сильно, так остро чувствую, что потеряла его навсегда! Я одинока среди людей, ради которых я бросила все, и сижу среди них совершенно ненужная им.

Господи, да что случилось! Почему мне так тяжело?! Жив ли ты, родной мой? Зачем я уехала оттуда! Там бы я скорее узнала все! А здесь люди спят так беззаботно в эту страшную ночь...

Вон, кажется, светает... Теперь я уже ясно вижу спящих женщин! Видно, им жить легче: поплакали и теперь вон как крепко спят. Встанут, будут есть жирный плов, может быть, еще поплачут при встрече с родственницей или подругой...

Тихо открыв дверь, из соседней комнаты вошел мужчина. Он взял почти потухший мангал и вышел. Через несколько минут вернулся, неся мангал, полный горячих углей. Бесшумно поставил его на прежнее место и так же тихо вышел, затворив за собой дверь...

Вот! Заботится, чтобы спящим не было холодно! Чуть свет встал, разжег угли и, когда они разгорелись, насыпал их в мангал, чтобы поддерживать ровное тепло в комнате...

Светло! Слава богу, день! Кончилась эта страшная ночь!.. Кто-то пробует открыть дверь, около которой я сижу. Видно, как повернулась ручка, и дверь тихо стала открываться больше и больше... И вдруг открылась широко, и какой-то солдат, вытянув шею, заглянул в комнату. Потом шагнул внутрь и, закрыв дверь, смотрит на меня...

– Барыня! Так вы и не спали! И не раздевались? Так все время и сидели на этом стуле? Ах он – «соленая душа»!! – Это был Гайдамакин.

– Тише, тише! Видишь, женщины спят.

– Так ведь он мне сказал, что вам есть постель у этого «хорошего армянина»!

– Кто тебе сказал это?

– Да наш санитар, который устроил вас здесь. Мы уехали в другой двор, недалеко отсюда. Я думал, что вы спите, а вы еще хуже нас, всю ночь просидели на стуле!..

– Ну так что, все-таки в комнате сидела, а не на дворе! А где вы спали?

– Да! Ну и народ! Мы ездили, ездили – никто не пущает, хоть замерзай на улице! Лошади устали и тоже замерзли! Стучимся к одному, дом, видать, маленький, но двор большой: «Пусти покормить лошадей!» – говорим мы через окно. А он, должно, с кровати кричит нам: «Нету места! Все занято...» Тут мы вспомнили нашего барина! Он бы ему показал, как все занято! А мы уж просто из сил выбились! Хоть ложись прямо на снег посреди улицы. Этот, что вас сюда завел, санитар, говорит: «Ах, он, с... с...! Врет он, что у него все занято! Ломай ворота! Не погибать же нам тут!» Ну, мы открыли ворота. А во дворе-то пусто! Ни одной подводы! Заехали. Лошадей распрягли. Под навес поставили. Видим, конюшня! Открыли дверь. Тепло! Лошадь стоит, в другом углу корова... Ну, мы выгнали и лошадь, и корову; принесли сена – под навесом его было много – и легли... Ничего! Выспались хорошо!

– А что, хозяин не скандалил?

– Куда там! И не показывается… Я пойду в гостиницу и потребую для вас комнату. Скажу, что для старшего врача санитарного транспорта. Дадут!.. У них половина гостиницы отведена для военных. А мы ведь военные!..

– Хорошо, иди.

Гайдамакин ушел. Часы в соседней комнате пробили восемь. Армянки стали просыпаться. Первой проснулась толстая старуха, спавшая на тахте. Она разбудила тех трех женщин, которые спали около ее тахты. Все они сразу заговорили, показывая на других спящих. Лица у всех были распухшие и помятые…

– Барыня, идемте! Достал комнату, – входя, сказал Гайдамакин.

– Где? В гостинице дали?

– Как не дадут! Я пришел и говорю: комнату для старшего врача, доктора Семина! Хозяин моментально бросился кверху, а через минуту вернулся и говорит:

– Скажи доктору, что та же самая комната приготовлена для него, где он жил раньше.

– Ну, хорошо. Бери чемоданчик. Но я хочу поблагодарить хозяина и заплатить ему за ночлег…

– Да какой это ночлег – всю ночь просидели у дверей на стуле! – сердито говорит Гайдамакин.

Мы вышли на двор. День был ясный, солнечный, но такой же морозный, как и вчера.

– Ты ничего не слышал нового там, в гостинице?..

– Слышал! Говорят, что турки заняли станцию НовоСелим. Да мы это и без них лучше знаем, что турки заняли станцию. А нового ничего сказать не могут…

Улицы, по которым мы шли, были совершенно пусты; мороз такой, что трудно было дышать. Хорошо, что мы скоро пришли в гостиницу. В гостинице за конторкой стоял толстый армянин. Я подошла к нему и попросила:

– Покажите мне мою комнату.

– Комнат свободных нету.

– Как нет?! Час тому назад вы сказали, что комната для доктора Семина готова!

– Мы для доктора Семина и держим комнату.

– Я – жена доктора. Его пока нет здесь, но он скоро приедет, а пока я буду жить в ней. Да вот дайте солдату место, где бы он мог спать.

Хозяин взял ключ и пошел сам показывать мне комнату. Мы поднялись на второй этаж, хозяин открыл дверь. Комната оказалась довольно большая; два окна выходили на главную улицу.

– Вот здесь и жил доктор. «Хароший человек, доктор»; а вы приехали из Баку? Доктор, когда жил здесь, всегда спрашивали письма: как только входит в двери «письма мне есть?» – ну, я отдаю письмо, а он увидит, доволен очень и говорит: от жены из Баку. Я очень жалею, что ночью здесь не был. Я вас устроил бы где-нибудь! А насчет солдата не беспокойтесь; место найдется и для него. Ну, если что нужно, звоните! Все будет исполнено.

Он вышел.

Лечь бы теперь и заснуть скорее. Но я не могу! Я должна узнать, что делается в Сарыкамыше! Сейчас привезут мои вещи, я переоденусь и поеду! Но куда ехать? Где и что я могу узнать?! «Что они здесь знают, когда всю ночь спали! – со

злобой думаю я. – А что, если позвонить к коменданту Зубову? Ведь мы знакомы, и когда-то жена его очень хорошо ко мне относилась! Да и он тоже… И знают моего Ваню…»

В коридоре висел телефон. Я пошла и позвонила. Вызвала квартиру генерала Зубова.

– Екатерина Михайловна! С вами говорит Тина Дмитриевна Семина… Нет, я не из Баку, а из Сарыкамыша… Хорошо, я сейчас приеду… Гайдамакин! Скорей раскрой чемодан; да найди извозчика. Я еду в крепость…

Я надела коричневое платье, белый фартук с красным крестом на груди и белую косынку. Когда я вышла, извозчик меня уже ждал у подъезда…

– В крепость! Комендантскую квартиру знаешь?

– Как не знать! Знаю…

Карские фаэтоны раньше не уступали и бакинским: широкие, мягкие, на резиновом ходу, запряжены парой прекрасных лошадей… Как и всюду в Закавказье, все фаэтонщики были молокане; но в Карсе и армяне тоже держали шикарные фаэтоны.

Мой извозчик живо домчал меня до крепости… Когда мы въезжали в аллею (дом коменданта стоял в глубине сада), на подъезде уже стоял сам генерал, ожидая меня. Как только извозчик остановился, генерал сошел со ступенек, протягивая мне руки.

– Здравствуйте! Здравствуйте! Не поверил своим ушам! Мне сказали, что вы приехали сегодня ночью из Сарыкамыша!! Ведь это не может быть! Объясните! Но нет! Раньше идемте в комнаты! Екатерина Михайловна ждет вас с нетерпением! – Он помог мне выйти из фаэтона и, когда мы

подошли к передней и солдат распахнул дверь, то генеральша так же, как и генерал, протянула ко мне руки. Она обняла меня, и мы расцеловались…

– Жива! Здорова! И все такая же! – рассматривая меня, сказала она. – Идемте в гостиную и рассказывайте все подробно; я умираю от нетерпения узнать все. Я думала, что вы в Баку! Как-то я встретила, еще осенью, доктора, и он сказал мне, что вы дома, в Баку…

Я сняла шубу, и мы прошли в гостиную. Я села в мягкое и глубокое кресло… Ах, как хорошо сидеть в таком кресле! Я и забыла, что они существуют на свете!

Екатерина Михайловна села недалеко от меня, а генерал ходил по комнате…

– Ну, рассказывайте!..

И я им рассказала все от Сарыкамыша и до Карса…

– Но, если бы вместо нас – меня и моих семи санитаров – пришли турки, то они заняли бы город без выстрела… Мы не встретили ни одного солдата! Все улицы были совершенно пусты! Но хуже всего было то, что я не могла достать свободную комнату или хотя бы угол, где я могла бы лечь и согреться…

– Как, разве вы не в гостинице остановились?! – спросил удивленный генерал.

– Только сегодня утром нашлась свободная комната. А ночь я просидела у дверей на стуле в армянском доме. Да и за то спасибо, что пустили! Иначе я замерзла бы на улице!

Генерал сильно разволновался:

– Почему же вы не позвонили нам?! Я сам приехал бы за вами. – Он подошел ко мне, взял мою руку и приложил ее к

своим губам. – Так нельзя! Если вы считаете нас своими друзьями, вы должны были позвонить нам, как только приехали в город!

– Пожалуйста, успокойтесь! Ночь прошла! Я здорова! Ничего со мной не случилось. Я очень беспокоюсь, что делается в Сарыкамыше?!

– Ничего не знаю сам! Утром только узнал, что турки заняли Ново-Селим, и что всякое сообщение с Сарыкамышем прервано. Поезда не ходят! Телефон и телеграф не действуют! Армия отрезана от нас!

– Самые последние новости мы узнали только от вас!.. – сказала генеральша. – Вы останетесь с нами завтракать! А теперь, если хотите отдохнуть, идемте в мою комнату и полежите до завтрака.

– Спасибо, Екатерина Михайловна! С удовольствием принимаю и то, и другое…

Генерал ушел в канцелярию, а мы пошли в комнату генеральши, где было очень уютно, и я легла на тахту, а она рассказывала мне новости.

К завтраку пришло несколько крепостных офицеров. Разговор шел только о войне и действиях армии… После завтрака Екатерина Михайловна сама поехала проводить меня до гостиницы, а генерал мне сказал на прощание:

– Как только получу хоть какие-нибудь сведения, немедленно дам вам знать, сам приеду к вам!

Одно только было известно, что на Ольтинском направлении идут сильные бои[9].

Я попрощалась с генеральшей, поблагодарила ее за все и вошла в гостиницу.

У дверей стоял Гайдамакин.

– Что, барыня! Какие известия о Сарыкамыше?

– Никаких! Сами они ничего не знают! Все сообщения прерваны… Я завтракала у генерала. Теперь только спать хочу…

– Ложитесь, поспите. Ведь сколько ночей не спали.

– А у тебя есть место для спанья?

– Ах, да что вы обо мне думаете! Я везде найду себе место…

Несмотря на горе и душевное беспокойство, я моментально заснула, как только легла в постель… Проснулась я поздно вечером и не знала, что мне делать. В гостинице было тихо; на улице тоже. Я оделась и вышла на улицу. Темно – ни одного огонька. Людей тоже не видно. И стрельбы не слышно. Я постояла немного, почувствовала, как мороз пробегает по спине, и вернулась в гостиницу. Поднялась в свою комнату, не встретив ни одного человека.

---

[9] Начиная с 6 (19) декабря турки, поведя IX корпусом наступление превосходящими силами на Ольтинский отряд генерала Н. М. Истомина, принудили его к отступлению, которое продолжалось несколько дней. После того, как 14–16 (27–29) декабря русские части отбили атаки турок на Сарыкамыш, Ольтинский отряд восстановил свое положение.

У меня не было ни книг, ни газет. Я не знала, что мне делать, спать тоже не хотелось. Но все же я разделась и легла, потушив электричество… – Открываю глаза. Светло! Разве я заснула? Посмотрела на часы – 8 часов! Я позвонила и сейчас же, постучав в дверь, вошел Гайдамакин.

– С добрым утром! Поспали хорошо! Я два раза слушал у дверей, тихо было…

– Ну и выспалась же я! Сразу за несколько дней! А что – новости есть?

– Да ничего нету, все говорят одно и то же.

– А именно что?

– Да верить-то не очень можно…

– Говори скорее, что слышал?

– Говорят, будто турки Сарыкамыш взяли, армия от базы отрезана и должна будто сдаться туркам в плен…

– Что?! Нет! Нет! Никогда этого не будет! До последнего человека будут биться, а в плен никогда не сдадутся!.. Один Кабардинский полк перебьет половину турок!.. Только люди, которые не знают Кавказских войск, могут говорить такие вещи… – Я сидела в постели. Меня била лихорадка от волнения. Я забыла, что передо мной стоит солдат – мужчина. – Никогда! Никогда не сдадутся в плен РУССКИЕ войска, да еще туркам!!

Мне хотелось в эту минуту быть там, среди закаленных бойцов. Стрелять, бить кулаками! Кусаться! Но в плен?! Никогда!! Только смерть может остановить борьбу!..

– Кофе я сварил для вас. На их кухне. Принести?

Я опомнилась.

– Кофе? Да, принеси!

Он принес горячий кофе, французскую булку, молоко, сахар.

– Ты записывай все, что будешь брать у них.

– Да я ничего у них не беру. А кофе – дак я сам сварил. А молоко купил, и булку тоже.

– Но это не хорошо. Нужно, чтобы гостиница имела доход от нас.

– Так, барыня, мы ведь военные! Они обязаны нам всякую уступку делать!

– Чего ради должны делать нам уступку и терять доходы? Теперь время наживы.

– Значит, мы, военные, будем терять все, а другие наживаться?!

– Конечно, так.

– Так мы же их защищаем?

– Все это верно, но все же, пожалуйста, плати на кухне за все, что берешь. Деньги у тебя есть?

– Деньги у меня есть. Но какой народ! А?!

Как только вышел Гайдамакин, я сейчас же встала, умылась из жестяного умывальника, оделась и решила идти в госпиталь, который был развернут в казармах Кабардинского полка. Вышла на улицу. Солнце, небо голубое! Но мороз такой, что сразу хочется вернуться обратно. Пошла пешком, хотя до казарм довольно далеко. Сегодня мне по дороге попадались группы молодых солдат – одни с ружьями, а другие без ружей; вид у них усталый и запуганный, глаза печальные. Потом в госпитале говорили, что это молодых новобранцев пригнали и обучают.

А вот и казармы кабардинцев.

В первом же корпусе на дверях большой красный крест и надпись: «7-й полевой подвижной госпиталь». Я пошла прямо туда. Что меня особенно поразило, когда я вошла в сени, это страшная грязь! После той идеальной чистоты, которая была здесь, когда жили кабардинцы, это особенно бросалось в глаза. Я вошла в помещение. В первом пролете у окна стояли два больших стола, за которыми сидело несколько человек в белых халатах и записывали что-то; что-то говорили врачи, которые осматривали раненых, лежавших и сидевших на полу.

Как и прежде, когда тут помещался первый батальон, каждая рота была отделена от другой огромной аркой. Теперь койки стояли в четыре ряда, имея проход между каждыми двумя рядами. На арках висели листы картона, на которых обозначены номера палат. Каждая палата имела два отделения. У коек, стоящих у окна, были столики с двумя отделениями: верхним и нижним, которые запирались на внутренние замки.

Я пошла к столам, где работали врачи, и увидела знакомого доктора, Божевского.

– Здравствуйте! Вы откуда взялись? – сказал он, протягивая мне руку. – Ведь вы в Сарыкамыше должны быть теперь?

– Только вчера приехала оттуда.

Он уставился на меня:

– Как вы могли приехать вчера, когда в Сарыкамыше турки и дорога занята ими? Что вы, по воздуху летели?

– Нет, доктор! Я приехала на обозной двуколке с семью санитарами, на семи лошадях.

– Вот как! А где доктор Семин?

– Я сама не знаю! Потому и нахожусь здесь. Он с транспортом уехал за ранеными на позицию и не вернулся; тут пришли турки, поставили пушки над вокзалом и стали стрелять! Мне из штаба сказали, чтобы я немедленно уезжала. По дороге чуть не попала в плен к туркам.

Все, врачи и раненые, слушали мой рассказ. Когда я кончила, доктор Божевский познакомил меня с врачами.

– Жена доктора Семина, который, должно быть, давно уже в плену у турок… – сказал он. Но видя, что эта шутка для меня очень тяжела, он быстро меняет тему: – А вы что, пришли работать? Так живо беритесь за дело! Всякие рабочие руки нам нужны. А ваши в особенности…

– Да, я пришла помогать всякому, кто нуждается в моей помощи.

– Вот и отлично! У нас сестер пока мало. Обещают скоро прислать из Красного Креста. А пока мы вас зачислим в штат.

– Доктор! Я охотно буду работать! Но, пожалуйста, не зачисляйте меня штатной, потому что при первой возможности я уеду к мужу.

– Ну, хорошо! Времени у нас много до этого! А теперь, сестра Семина, вы возьмите на себя хозяйственную часть в госпитале. В этом мы очень нуждаемся. Раненых пока не очень много. А питание и гигиена у нас слабое место. Вон, посмотрите, какое белье надевают на раненого. – Он показал на носилки, на которых санитар менял белье раненому.

– Хорошо, доктор. Я сейчас же приступлю к своим обязанностям. Где я могу найти халат и комнату для сестер?

– Халаты у нас все одинаковые для врачей и сестер. Вот, как выйдете из дверей, налево в кладовой. Там сейчас как раз привезли чистое белье; его принимает заведующий хозяйством с доктором. А комната сестер наверху.

Я пошла в кладовую. Там застала доктора, по-видимому, заведующего хозяйством чиновника и двух солдат. Все стояли около огромной груды белья, лежавшего прямо на голом полу кладовой. Доктор был красный и злой. Тыкая почти в самый нос какому-то армянину солдатской бязевой рубахой, говорил:

– Это, по-твоему, чистая рубаха?! И ты смеешь говорить, что привез стираное белье?!

Армянин, не смущаясь, утвердительно кивал головой…

– Это черт знает, что такое!! Такой наглости я еще никогда не видел! – искренно возмутился доктор.

Чиновник, молчавший до сих пор, сказал:

– Забери все и перестирай! Да скорее привези обратно.

Армянин сразу повеселел…

– Карашо, – весело ответил он, зная наперед, что перестирывать не будет. Привезет домой, опять сложит, пригладит катком и за свежевыстиранное дня через два привезет назад.

Доктор, стоявший до сих пор ко мне спиной, обернулся.

– Вы что?

– Здравствуйте, доктор; я хочу чистый халат.

– Откуда вы? Новая сестра?

– Да. Я только что пришла, первый день…

– Где чистые халаты? Выдайте сестре! – обратился он к солдату в чистой гимнастерке. Солдат достал с полки белоснежный халат и подал мне.

– Ну, на сегодня все! – сказал доктор и вышел вместе со мной из кладовой.

– Когда приехали, сестра?

– Вчера ночью из Сарыкамыша.

– Из Сарыкамыша?! – он остановился, чтобы хорошенько понять и разглядеть меня. – Я думал, вы приехали из Тифлиса? Мы ждем из Красного Креста.

– Вот, вместо них я одна из Сарыкамыша.

Мы вошли в палаты: доктор подошел к столам, а я пошла искать комнату для сестер. По дороге меня увидели две молоденькие сестры и страшно обрадовались.

– А! Новая сестра, – сказали они. – Вы к нам работать? Откуда?

– Здравствуйте, сестры! Да, я пришла работать; вот только переоденусь и приду к вам.

Я нашла комнату, переоделась и спустилась обратно в палату, и сейчас же увидела доктора Божевского, шедшего ко мне навстречу с другим доктором.

– Сестра Семина, познакомьтесь; это ваш сотрудник будет – доктор Беляев. Вы с доктором будете принимать продукты, все, что полагается по раскладке: мясо, овощи, крупы, молоко, хлеб, чай, сахар и тому подобное. И вы должны присутствовать при отпуске пищи; чтобы каждый раненый получил все, что ему выписал доктор.

– Но я не очень хорошо понимаю толк в провизии, и мясо сырое видела редко… – начала я в смущении.

– Не беспокойтесь! Вас будет двое. Вот доктор тоже не очень хорошо это дело понимает, но вы вдвоем справитесь отлично… Видите ли, кухонные солдаты не могут справиться с требованиями врачей… Когда на довольствии состоит пятьсот или тысяча человек, из коих половина слабых да двести усиленных, тогда нужно добиться, чтобы было приготовлено, как указано в требовании, и чтобы еда дошла до того, кому она предназначается. Это главное! А сейчас на кухне такой кавардак, что сам черт ногу сломает!..

Он был старшим врачом этого госпиталя и так же, как и мой муж, был подавлен хозяйственной неразберихой и путаницей…

– Хорошо, я приступаю сейчас же к своим обязанностям: вон санитары раздают уже хлеб раненым, скоро обед… Я пойду на кухню, посмотрю, как будут отпускать обеды.

Кухня стояла посреди двора, отдельным зданием. От крыльца госпиталя и до кухни шла черная, жирная тропа. Ошибиться было невозможно – по ней мы прямо пришли в сени кухни. В сенях была такая же жирная грязь, смешанная со снегом, щами и борщом, образовавшая толстый слой на полу. Из кухни, несмотря на мороз, дверь была открыта. Толпа санитаров с ведрами и с тарелками. Каждый хотел первым получить обеды, накормить раненых, чтобы потом самому идти обедать.

– Палата первая и вторая: слабых – 42, усиленных – 67, – протягивая записку, говорит санитар.

Но повара совершенно ошалели от записок и только отмахиваются:

– Подожди, подожди! Видишь – отпускаю другому…

Получившие обеды спешили каждый в свою палату, по дороге расплескивая щи из ведра и роняя «каклеты», горой лежавшие на тарелке. Каждый санитар нес в одной руке ведро со щами, в другой – с кашей, да еще тарелка с котлетами или манной кашей для слабых раненых. Тарелка была крепко зажата вместе с ручкой от ведра и придавлена большим пальцем. Если котлет на тарелке было штук пятнадцать или двадцать, то они по дороге сваливались на дорожку – и тогда санитар стоит, ждет, чтобы проходящий поднял и положил их опять на тарелку.

Довольно с меня! Пойду помогать кормить раненых… Прихожу в палату; только что стали раздавать обед. И что тут поднялось!! Кому нужно усиленную еду, тот получил слабую; кому нужна слабая, тот получил щи, кашу, черный хлеб и порцию вареного мяса. А кто должен получить эту здоровую, но тяжелую пищу, тот получил легкий манный суп, яйцо всмятку, белый хлеб и стакан молока. Сестры с ног сбились (четыре сестры на пятьсот больных и раненых).

– Вспомни, кому ты отдал усиленную порцию обеда! – приставала сестра к санитару, раздававшему обеды раненым. Санитар остановился, поставил ведро на пол и стал думать. – У Жданова на столе обед обыкновенный, а ему нужно усиленное питание! – продолжала сестра взволнованно.

– О, стойте, стойте! Кажись, я отдал усиленную порцию вон тому; вон, что третий с краю!

Сестра бросилась туда. Раненый сидит на койке и допивает молоко; а тарелки уже пусты! Сестра растерянно смотрит на тарелки и спрашивает:

– Съел?!

– Съел! Покорнейше благодарю!

Сестра берет пустые тарелки, уносит и отдает их санитару:

– Видишь, съел!

– Вижу, съел – прорва! – с грустью произносит санитар. Но потом сердито говорит: – А хто их разберет, кому што! Столько народу, на куфне тоже сами ничего не знают. Дают, а толком не говорят, кому какая порция полагается! – ворчит санитар, поднимая ведра.

С другого конца палаты сестра кричит ему:

– Что же ты стоишь! Больные ждут обед!

Сестра, у которой больной остался на обыкновенном обеде, завидя доктора, бежит к нему:

– Доктор! Усиленную порцию отдали другому! Чем мне кормить больного?

У доктора голова идет кругом. Только что сестра в третьей палате жаловалась, что обед для слабого больного съел здоровый, а слабому дали щей и каши! И у того теперь рвота!..

Я пошла на кухню, чтобы сварить для слабых молочный суп. Но на кухне шум был еще больший, чем в палатах…

Санитар, показывая на записку, которая была у него в руке, говорил:

– Семи порций мяса не хватает! Сестра послала меня: принеси, говорит, недостающие порции мяса! А вы одно: нету да нету. Так она же требует!..

Но при виде меня – сразу все замолкло.

– Дайте мне молока и манной крупы. Я сварю суп.

Каптенармус принес из кладовой все, что я просила.

Когда суп был готов, я сама его понесла, разлила по тарелкам и раздала больным.

Наконец все накормлены!! Сестры ушли, кроме дежурной. Но мерить температуру придут опять все… Санитары тоже ушли.

В 6 часов ужин; и опять такая же процедура раздачи еды. Я пошла к столам, где непрерывно шла работа по приему раненых, которых теперь было еще больше, чем утром. Некоторые сами шли, опираясь на ружье, закутанные в башлыки, и сразу садились на пол. Других поддерживали, третьих несли на носилках. За столом теперь работали только двое – врач и фельдшер.

Я подошла к раненому казаку и стала разматывать башлык.

– Куда ранены?

– В ногу…

– Кость цела?

– Не знаю! Но ходить не могу…

– Какой части, имя и фамилия как, когда ранен?

Все это я спрашиваю каждого раненого и записываю на листке бумаги. Потом с помощью санитара раздеваю его и надеваю ему чистое госпитальное белье… Затем укладываем его на носилки…

– В какую палату его нести, сестра? – спрашивает санитар.

– Вон свободная койка в четвертой палате. Положите его туда…

Одежду, снятую с раненого, кроме белья, сворачиваем в узел, прикалываю записку с фамилией и названием полка, роты или сотни. Эти узлы с амуницией выносили в особую кладовую. Ужасно было неприятно, когда раненого переоденешь, помоешь, уложишь в чистую постель, а на другой день скажут отправлять его в тыловой госпиталь. Опять санитары тащат узлы и кладут перед кроватью. И, несмотря на рану, на больного нужно надеть всю его одежду, часто окровавленную и нередко промерзшую! Много часов уходило на то, чтобы переодеть и приготовить раненого к отправке. И сколько новых страданий причиняли этим несчастным людям! Но почти никогда не услышишь жалоб! Очень редко вырвется стон…

Какая бы тяжелая рана ни была, но стоит только спросить раненого: «А как это тебя так турки ранили?» – и он сейчас же оживится и станет рассказывать, сколько было турок, как он стрелял…

– А вот не слышал, как меня турка ранил! – говорит раненый.

Только покончишь с одним, принимаешься за другого. А там третий, четвертый. И так круглые сутки, особенно если идут бои.

До четырех часов я помогала принимать раненых. Потом пошла мерить температуру. Пришли и другие сестры. Когда меряешь температуру, то приходится исполнять массу других мелких работ около больного: нужно посмотреть повязку, не промокла ли; если промокла, то нужно немедленно подбинтовать или наложить новую. Нужно сходить в перевязочную за ватой и бинтом. Забинтовала, подложила кусок ваты, чтобы нога или рука была повыше,

поудобнее. У другого жар! Нужно положить на голову пузырь со льдом! У третьего нужно переменить компресс.

– Ты что стонешь?

– Болит нога – ранен…

Посмотрела. Марля не промокла, крови нет. Подложила под ногу подушку.

– Ну как? Лучше?

– Лучше, сестра! Спасибо.

И так почти все раненые и больные: им всегда что-нибудь нужно, когда они видят сестру. Только кончила мерить температуру – принесли ужин. Раздали ужин (а некоторых надо и кормить, кто не может сам есть) – пришли врачи и стали обходить и осматривать раненых и больных.

– Всех завтра эвакуировать! Кроме тех, которым нужна немедленная операция. Нужно как можно больше освободить мест; ожидается много раненых, – сказал доктор Божевский.

Мои обязанности кончены на сегодня!

– Могу идти домой? – спрашиваю я.

– Идите, сестра. Но завтра приходите рано принимать на кухне продукты, – говорит доктор.

Пошла в раздевалку, сняла халат, надела шубу и пошла домой. Только вышла за ворота госпиталя – было уже совершенно темно; у ворот стоит Гайдамакин.

– Что ты тут делаешь?

– Вас жду.

– А что? Разве что-нибудь есть новое?

– Нет, ничего, да на дворе уж ночь! А здесь извозчика-то не найдете. А народу теперь всякого ходит много; вам идти одной нехорошо. Барин ведь мне приказали смотреть за вами, как за ребенком. И я отвечаю за вас…

– Ну что ты говоришь! Я, слава богу, взрослая! Вот первый день проработала…

– А что, барыня, будете ходить сюда работать каждый день?

– Да, конечно. Нужно работать! Раненых много и больных тоже, а сестер только четыре вместо двенадцати.

Ночь была теплая, тихая, и я с удовольствием вдыхала морозный воздух.

– Вот говорили сегодня солдаты, что большое сражение идет на Ольтинском направлении, – говорит Гайдамакин.

Вот и пришли. Проходя мимо гостиничного ресторана, я видела много обедающих военных.

– Обедать будете?

– Да. Но хорошо бы воды достать теплой! Помыться бы.

– Я пойду на кухню. Там всегда бывает теплая вода.

– Так даром не бери – заплати деньги.

– Да, что вы, барыня! За воду платить?

Только я сняла шубу, как Гайдамакин уже принес большой кувшин горячей воды. Я помылась, переоделась и позвонила. Пришел опять Гайдамакин и сам принес мой обед.

– Почему ты приходишь на звонок, а не лакей?

– А что ему делать? Разве я сам не могу подать вам?! Целый день сижу без работы! Ходил сегодня к нашим

санитарам. Их, должно, причислят к какому-то госпиталю: корм у лошадей кончился, да и людям нечего есть. Они ходили к коменданту, спрашивали, что им делать.

Дни идут однообразно: утром в госпитале, вечером иду домой, обедаю, ложусь спать. На следующее утро опять иду в госпиталь. Там, как только прихожу, переодеваюсь и иду на кухню принимать продукты. Целые туши мяса, горы хлеба – черного и белого, молока, масла; крупы разные. На стене большая черная доска и на ней написано (раскладка), сколько состоит на довольствии сегодня; сколько обыкновенных, сколько слабых, усиленных. При мне всю провизию должны взвесить, а мясо положить в котел. Мы с доктором расписываемся, и я иду в палату. За сегодняшнюю ночь много прибыло новых раненых…

После утреннего чая мы стали приготовлять раненых к отправке в тыл. Некоторых нужно было подбинтовать; у других за ночь поднялась температура; их нужно было вычеркнуть из списка отправляемых. Всюду в палатах валяются сапоги, папахи или окровавленная гимнастерка. Санитары, одевавшие раненых, кричат друг другу:

– Слышь! У тебя там нет лишнего сапога?.. Да где ж шаровары?! Сейчас тут были?

А у дверей, где принимают и записывают раненых, приносят все новых и новых. Вдоль стен сидят десятки еще не опрошенных и не записанных. Одни – в романовских полушубках; другие – в бурках, головы обмотаны башлыками. Многие лежат, вытянув перебитые ноги… Как только освободились койки, сейчас же мы стали переодевать и класть их на койки.

Сегодня я дежурная. Сейчас же после раздачи ужина раненым принесли солдата, который напугал нас всех…

– Сестра, идите скорее сюда, – кто-то кричит мне из приемной. Прихожу туда, слышу какой-то сдавленный задыхающийся свист, но ничего понять не могу. Все обступили какие-то носилки.

– А, сестра! Скорее идите и приготовьте все для операции; несите его в операционную, – сказал доктор санитарам. Я заглянула через его плечо и увидела: на носилках лежал молодой солдат, из горла которого с шумом и свистом вырывалось дыхание. Лицо серое: глаза вылезли из орбит. Он весь выгибался с такой силой, что санитары едва удерживали его на носилках, чтобы не свалился с них. Фельдшер, сопровождавший больного, сам хорошенько не знал, что с ним.

– Это из молодых солдат, пригнанных сюда. Их с утра и до вечера гоняют, учат, учат… Но, ничего, больных не было, – рассказывал фельдшер. – Пришли с учения – я ведь тоже весь день с ними был, – ну, устали, голодные. Скоро закричали – «за обедом». Схватили манерки[10] и к кухонному котлу. Он был совершенно здоров. Это с ним приключилось во время обеда. Он ел, вдруг стал задыхаться, упал, стал кататься по полу.

Врачи щупали пульс, поднимали веки, но никто ничего понять не мог! А больной совсем умирал… Я пошла в

---

[10] Манерка – походная металлическая фляжка с завинчивающейся крышкой, служившей вместо стакана или порционной миски.

операционную, зажгла спиртовку под ванночкой с инструментами.

Сейчас же принесли и больного, положили на стол, доктор взял ланцет; другой доктор приготовил трубку для горла: я изо всех сил старалась удержать голову больного, чтобы доктор мог сделать разрез на шее.

– Хлороформ давать ему нельзя! Попробую сделать разрез, не хлороформируя…

Больной уже перестал биться. Глаза закрыты; дыхание с трудом вырывалось, все с таким же шумом, из открытого рта. Я заглянула в горло, и мне показалось, там есть что-то постороннее. Но трудно было рассмотреть, когда больной все время вырывается и дергается.

– Доктор! Там, что-то есть?!

– Где?

– В горле! Что-то черное!..

Доктор сам заглянул в горло:

– Да! Что-то есть!

Но думать было уже поздно! Другой доктор сделал разрез, и воздух со страшным свистом вырвался из легких! Больной сразу как-то опал… Дыхание стало ровным. Ему вставили в разрез резиновую трубку, и он задышал почти нормально.

– Слава богу, спасен! – сказал доктор, еще держа нож в руке.

– Ну, что вы увидели там, в горле? – заглядывая в рот, говорит он. – А, и правда! Там что-то есть! А ну-ка; дайте щипцы, держите голову… – И с небольшим усилием доктор

вытащил из горла кусок мяса! Да это было и не мясо, а круглый кусок хряща от коровьего горла.

Больного забинтовали, оставили снаружи кончик резиновой трубки и с большой осторожностью унесли в палату.

– Сестра! Смотрите за ним и докладывайте мне, как он будет чувствовать себя…

Я всю ночь просидела около него; разве только на минутку отходила, когда звали другие больные. Несколько раз приходил дежурный врач:

– Ну что, сестра, все благополучно? – и смотрел пульс.

– Да! Как будто никаких угрожающих симптомов нет; спит, температура чуть выше нормальной…

– Ну, может быть, и выживет! Дай бог! Совсем еще мальчишка! – и доктор уходит.

Утром больной проснулся совершенно бодрым. Смотрит на меня серыми полудетскими глазами… Я погрозила ему пальцем: «нельзя разговаривать!», но по глазам его вижу, что он чувствует себя хорошо. Пришли врачи его осмотреть.

– Нужно отправить его в Тифлис немедленно! У нас нет серебряной трубки, а с резиновой держать опасно! – говорит доктор Михайлов, который делал операцию.

В госпитале началась утренняя работа. Я сдала свое дежурство другой сестре и собралась уходить домой. Но у самых дверей меня задержали.

– Сестра, вы куда? Видите, сколько прибыло раненых? Нужна помощь!

– Доктор, я после дежурства…

– А! Ну, хорошо. Поешьте и приходите помогать. А отдыхать потом будем. Много раненых совсем еще не осмотрены! Особенно из тех, кто ночью прибыл…

Пошла пешком. День был прекрасный. Я очень устала, но свежий воздух освежил и подбодрил меня. Около подъезда гостиницы стоял Гайдамакин.

– Гайдамакин, давай скорее горячей воды, а потом кофе. Я только поем и опять иду в госпиталь. Какие новости есть у тебя?

– К вам заезжала генеральша Зубова. Просила позвонить, как только вернетесь домой.

– Хорошо. Неси воду скорее; да и кофе вместе!!

Я помылась, выпила кофе и хотела сразу же идти обратно. Но сон и усталость взяли свое… Я прилегла и моментально заснула. Мне казалось, что я спала одну минуту, когда от стука в дверь я проснулась. Но было всего два часа дня.

– Барыня, генеральша Зубова приехали, – доложил Гайдамакин.

– Проси сюда! – я соскочила с кровати, вышла в коридор и пошла навстречу поднимавшейся по лестнице Екатерине Михайловне.

– Здравствуйте! Простите меня, что я не позвонила вам.

– Здравствуйте, Тина Дмитриевна! Что с вами? Мы с мужем забеспокоились. Не звоните, не приезжаете…

– Я работаю в госпитале! Сегодня была дежурная и сейчас опять пойду туда.

– Много раненых?

– Очень много! Не успеваем перевязывать; не хватает персонала; а новых раненых все подвозят и подвозят!.. Нас, сестер, всего только пять. У меня на руках еще кухня. Принимаю продукты; смотрю, как развешивают порции мяса и отпускают раненым еду…

– Знаете, нужно немедленно организовать общественную помощь! А насчет персонала я сейчас же заеду к медицинскому инспектору! Он у нас вчера был и говорил, что здесь много врачей и сестер милосердия, бежавших из Сарыкамыша!..

– А что нового есть о Сарыкамыше?

– Ничего пока! Никаких сообщений и никакой связи нет. Но муж говорил, что сюда пришли свежие войска и что-то предпринимают.

– Извините, Екатерина Михайловна, мне нужно идти в госпиталь.

– Я вас подвезу. А потом поеду к инспектору.

В три часа я была в госпитале. За мое отсутствие привезли еще немало раненых…

– Нет больше мест на койках! Будем класть на пол, – сказал доктор Божевский.

Но к вечеру получили телефонограмму: «Приготовиться к приему трех тысяч раненых». Поднялась целая паника! Как приготовиться?! Куда поместить еще три тысячи человек, когда помещение уже и так переполнено! Нужно теплое помещение, еда, перевязочные материалы! Нужны руки, чтобы накормить и перевязать…

Старший врач хватается за голову:

– У меня нет места и для этих-то, – показывая на лежавших и сидевших на полу раненых, которые занимали всякое свободное место.

Позвали на совещание заведующего хозяйством, врачей и даже сестер. Но в это время пришли какие-то военные и прямо обратились к старшему врачу с заявлением, что они должны обсудить с ним вопрос об устройстве новых раненых, которые уже находятся на пути в госпиталь…

Они сели за наши канцелярские столы и стали совещаться. А мы, сестры, за ненадобностью, пошли делать свое сестринское дело к нашим раненым…

– Сестра! Меня не осматривали еще, но рана очень болит; кость у меня прострелена, – говорит раненый казак.

Я нагибаюсь, чтобы посмотреть, как наложена повязка. Казак лежал на полу, укрывшись своим полушубком. Я откинула полу полушубка: нога – как бревно, толстая. Повязку прикрывала разрезанная штанина суконных шаровар.

– Сейчас я принесу что-нибудь подложить под ногу.

Я принесла большой кусок ваты и стала осторожно обкладывать под ногу, стараясь не шевелить ее. И только подсунула пальцы, сразу почувствовала горячее, посмотрела на пальцы – кровь!

– Да вы, сестрица, смелее: нога-то в лубке, – говорит казак, стараясь подбодрить меня. Я положила вату под ногу и пошла сказать доктору, что у раненого кровотечение.

– Где, где он? Несите его в операционную!

– Санитары! Вот этого – на носилки и несите в операционную.

Двое взяли носилки с раненым, а один взял его полушубок и сумку. Оставлять на полу нельзя. Казак еще не записан, и вещи его не сданы; могут пропасть – затеряться…

Принесли. Положили на стол, шаровары и кальсоны сняли; разрезали повязку, сняли лубки. Все было в крови. Доктор осмотрел рану. Нашел в ней осколки раздробленной кости.

После операции я уложила раненого на койку. Для этого пришлось снять с койки и положить на пол менее тяжело раненного.

Подошел доктор Беляев и сообщил, что решено открыть для приема новых раненых другое здание – напротив.

– Сестра! Старший врач только что распорядился, чтобы переменить повязки раненым, которые в этом нуждаются; накормить вновь прибывших и собрать всех в дорогу. Поезд подадут к девяти часам вечера… Скорее за работу! Да, еще новость: вон, посмотрите, пришли еще сестры и врачи помогать нам.

Все это нам сообщил на ходу доктор Беляев.

Легко сказать! Переменить повязки, подбинтовать, накормить и приготовить к отправке на поезд пятьсот человек, из коих половина не могут ходить, а другая половина не имеет рук, чтобы поесть и одеться самому!.. А как это все выполнить?! На каждого раненого надо потратить по крайней мере полчаса времени, чтобы его перевязать, покормить и одеть. Но сами раненые так хотят поскорее уехать подальше от наших – страшных – мест, что, когда подходишь к ним, говорят:

– Сестрица, у меня повязка не промокла.

Другой уверяет, что он сам может одеться. Третий заявляет, что он не голоден… И, конечно, при таком настроении у всех – дело подвигается скорее. Раненых выносят и кладут на подводы, а кто может идти сам, идет и садится на эти огромные фургоны. Наконец все погружены и готовы трогаться на вокзал. Но и тут без сестры не обходится:

– Сестра Семина, вы будете сопровождать раненых из третьей палаты, там двое тяжелораненых; у одного осколок в животе. Скажите поездному врачу, – говорит доктор Михайлов.

Залезаю в фургон, где высоко, на толстом слое сена, лежат раненые. Фургон трогается. При каждом толчке раненые стонут, а я кричу вознице: «Тише, тише!» Но снег, скованный морозом, как стальной, и каждый маленький комок, попавший под колесо, встряхивает фургон и доставляет новые страдания раненым… Никакой помощи сестра на таком коротком расстоянии оказать не может, но раненых одних отпускать не полагается. Как только фургон остановился на платформе около санитарного поезда, я спрыгнула и пошла к вагону. Дверь из вагона открылась, и оттуда вышли санитары и врач.

– Доктор, вот в этом фургоне двое тяжелораненых, один в живот.

– Хорошо! А список раненых у вас?

– Нет, список привезут в одном из последних фургонов.

Я сдала своих раненых, забралась на сиденье рядом с возницей, и мы поехали обратно в госпиталь.

Эту дорогу, от госпиталя и до станции, каждый фургон проделывает раз десять за вечер, пока не перевезут всех

раненых. Когда мой фургон въехал во двор госпиталя, я увидала у противоположного здания, которое приготовили к приему новых раненых, целый ряд таких же фургонов, как и мой. Но было видно, что эти приехали издалека – лошади были сплошь покрыты инеем.

– Ну что, сестра, благополучно довезли? И сдали? – спрашивает доктор. – Теперь сразу примемся за вновь прибывших… Человек двадцать придется оставить для немедленной операции! А может быть, и больше. Сестра, берите карандаш и бумагу и записывайте. А я буду осматривать и говорить вам, что записывать.

Есть такие раненые, которых сразу нельзя отправлять; нельзя трогать их с места: нужно дать ранам немного поджить, надо остановить кровотечение. Страшные раны в голову, живот, в грудь. Или когда перебиты большие кровеносные сосуды. При малейшей неосторожности происходит смертельное кровотечение.

– Сестра! Раненые готовы к погрузке. Можно выносить?

– Выносите, выносите.

– Сестра, где списки раненых? Этого включите к отправке, – говорит доктор.

Я записываю имя, фамилию и род ранения, зову санитаров, спешно одеваем, и санитары выносят на подводу. Наконец последний вынесен! Сразу наступает в палатах тишина… И только теперь чувствуешь, как устала! Хочется сесть и забыть все…

– Сестра! Раненый Ященко забыл в столике письма, – влетая в палату, говорит санитар.

– Где его ящик?

Я быстро встаю и иду искать ящик. Ведь не будут ждать на таком морозе ради письма – уедут. Начинаю открывать ящик за ящиком. Совсем не помню, где лежал Ященко! А карточки с фамилиями уже сняты с кроватей. Вот лежит пачка каких-то бумаг.

– На вот, возьми, – и сую в руку санитару.

Санитар бежит на двор, но скоро возвращается:

– Уехали, – говорит он.

– Ну, что поделаешь, может быть, еще ему напишут!

Места освободились для приема новых страдальцев… Мы стали делать постели. Все грязное и окровавленное сняли и постлали чистое.

Пришла сестра от приемных столов:

– Еще привезли раненых, – сказала она.

– Сестра, идите сюда, – кричит доктор, – вот тут есть тяжело раненные. Я их отметил на операцию. Запишите их фамилии и сейчас же приготовляйте для операций.

Раненый лежит на столе. Инструменты готовы, лежат в ванночке в кипящей воде; доктор моет руки.

– Сестра, снимите повязку.

Я разрезаю марлю и снимаю ее, но последний слой ваты и марли оставляю на ране. Когда подойдет доктор, готовый приступить к операции, тогда и сниму. Я держу ногу, другая сестра подает инструменты. Доктор осторожно ощупывает – зондирует рану. Кость раздроблена. На ноге два отверстия. Одно входное маленькое и выходное большое. Кожа и мускулы разорваны, с неровными краями. Доктор почистил рану, наложил кусок марли и сказал:

– Забинтуем, наложим лубки, а завтра отправим в Тифлис.

Осторожно перекладываем раненого со стола на носилки, и санитары несут его в палату. Кладем его на койку, под больную ногу подкладываю вату, укрываю, поправляю подушку:

– Хорошо? Удобно тебе?

– Пить, пожалуйста, сестра. – Даю воды. Напоив, снова иду в перевязочную. А там, один сменяя другого, проходит вереница искалеченных, изуродованных страдальцев. Я счет и время потеряла, сколько мы перевязали раненых… Только одного снимут со стола и унесут – приносят другого. Разбинтовываешь: руку, ногу, плечо, грудь, голову. У одного огромная рана – вырван из тела громадный кусок мяса… У другого – перебита кость. Третий едва дышит – посинел, весь забинтован… Не знаешь, как к нему и приступить!

– Подождите, сестра! Нужно узнать, куда он ранен. А, в легкое. Мы его не будем трогать. Завтра отправим в Тифлис.

Раненого унесли… А на стол уже кладут другого… И так нет конца потоку окровавленных и изуродованных тел! В большой перевязочной комнате стоит три стола, и на каждом доктора сами перевязывают раненых. Но время от времени зовут:

– Сестра, идите сюда, помогите наложить повязку…

Или лубок, или гипс.

Я перевязываю тех, которые пришли сами или с помощью санитара, вообще тех, которые не нуждаются в носилках

и столе. Мои руки за эти несколько дней от мытья зеленым мылом[11] и раствором сулемы[12] потрескались до крови. Но их приходится снова и снова опускать в этот же раствор: такая боль, хоть кричи!

Развязываю руку раненого, замотанную кровавой марлей.

– В руку ранен? – спрашиваю.

– Никак нет.

– А почему рука завязана?

– Да, оно точно, что ранен. Но не турка ранил.

– А кто же тебя ранил?

– Да можно сказать, что сам себя ранил.

– Как так?

– Да был я в ночном сторожевом охранении. Ночь прошла спокойно, никто нас не побеспокоил. Уж стало маленько светать. Пришла смена! Ну, и слава богу, живы и здоровы! Попрощались с земляками, которые нас сменили, и пошли к окопам. Только отошли недалечко, смотрю, какая-то светится баночка. Лежит втоптанная в снег. Я ее подковырнул носком сапога. Вдруг как что-то меня ахнет! Я

---

11 Зеленое, или калийное, мыло – бытовой антисептик, изготавливавшийся из конопляного масла, зеленый цвет которого сохранялся и в готовом мыле.

12 Сулема – хлорная ртуть (ртути дихлорид), мощный антисептик. В начале XX века раствор сулемы (1:1000) употреблялся как дезинфицирующее средство, особенно при хирургических операциях.

и упал. Ну, земляки меня подняли; морда вся в крови. А рука? Думал, что оторвало! Страсть было больно! Кровь так и льет… Прибежали из окопов, думали, тревога, увели меня. Фельдшер, конечно, перевязал руку… Ну, а морда ничего! Цела будто бы…

На лице были царапины и синяк, но ничего серьезного. Я развязала руку… Вся ладонь разворочена: рваная рана, куски кожи почернели и съежились, как неживые. Мускулы и нервы тоже порваны… Иду к столу, где доктор возится над раненым.

– Доктор, посмотрите у моего раненого руку.

Он подошел, посмотрел и сказал:

– Нужно почистить и удалить мертвую кожу, – и ушел к своему столу…

А кто будет чистить и удалять кожу? Неужели я сама должна? Я жду. Но ни один из врачей не подходит…

– Доктор, вы почистите рану? – снова обращаюсь я.

– Да почистите сами! Не могу же я бросить свою работу!..

Беру ножницы. Отстригаю черные скрученные куски кожи… Боже! Как трудно стричь кожу на живом человеке. Рану смазываю сильно йодом, забинтовываю, подложив под руку от локтя и до пальцев лубок. Наконец, делаю из косынки перевязь для руки…

– Спасибо, сестра! Теперь хорошо! – говорит раненый.

– Иди с Богом!

Но не успел он отойти, как сейчас же подходит новый, прыгая на одной ноге и опираясь на плечо санитара, и осторожно садится на стул, вытянув раненую ногу на подставленную табуретку. Ранен в ступню. Снимаю грязную

марлю и вату. На ране остается промокшая и присохшая марля. Мою руки, потом отмачиваю борным раствором и приподнимаю марлю… Под марлей большая черная рана!..

– Сколько дней, как ранен?

– Четыре дня, сестра.

– Нигде не меняли повязку?

– Нет, как ранили, в околодке перевязали и больше не перевязывали.

– Доктор! Посмотрите ногу у моего раненого.

После осмотра раны доктором наложила повязку и сама повела его из перевязочной. На площадке передала его санитару:

– Доведи его до места.

Сколько часов перевязываем, а раненых все не убавляется! Вся площадка перед перевязочной была занята ранеными… Они сидели на полу, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги. У многих руки на перевязи; у других – голова, как снежный ком, вся замотана ватой и марлей, из-под которой виден в щелку глаз да кончик носа. Посреди площадки стояло несколько носилок, на которых лежали тяжелораненые и ждали своей очереди.

– Слышь, земляк! Дай покурить! – чуть слышно раздается с носилок. Рядом сидящий раненый, у которого была только одна рука, а другая в лубке и подвешена на косынке, протягивает недокуренную козью ножку товарищу по несчастью; несколько минут назад ему самому скрутили земляки эту папиросу.

– Много еще раненых там внизу? – спрашиваю я санитара.

– Ух, много! Гужем идут, сестра!

– С какого фронта? – спрашиваю раненых.

– С Ольтинского направления, – говорит казак.

– Что, много турок было против вас?

– И-и! Страсть сколько!..

– Много наших побили?

– Да, порядочно… – нехотя отвечает казак.

– Ну уж и мы их «наклали!» Страсть сколько!.. – сказал один из раненых.

И вдруг заговорили все сразу, вспоминая битву, и разгром турок, и все подробности их избиения!

– Долго помнить будут, как соваться к нам!

Забыто все – и страх за собственную жизнь, и раны, и кровь, которая еще и сейчас выходит из сильного тела капля за каплей, смачивая марлю и вату.

– А вас кормили здесь в госпитале?

– Кормили, сестрица, там, внизу.

И сразу же ушло воспоминание о страшной битве, а налицо действительность: раны, боль и страдания…

– Идти сам можешь? – спрашиваю я раненого, которого надо взять на перевязку.

– Могу, – с трудом поднимаясь, говорит он…

И опять, раны, раны и раны…

– Доктор, посмотрите!..

– Доктор, скажите, что сделать с этим?..

И так нет ни часов, ни времени… Один сменяет другого: казак – солдата, солдат – казака…

– Доктор, посмотрите…

– Сухая повязка, компресс, смажьте йодом, отметьте на операцию, – слышу над своим ухом уставший и слабый голос доктора…

Как устали все! Хоть бы час перерыва! А раненых на площадке еще больше стало! Идут, идут снизу, здоровой рукой держась за перила, а раненые в ногу прыгают со ступеньки на ступеньку, держа больную ногу на весу и крепко цепляясь за перила одной рукой, а другой за санитара. Сколько раз этим санитарам приходится спуститься и подняться по этой широкой лестнице, помогая каждому раненому.

Иной раненый как будто и мог бы идти сам. Но его нельзя оставлять одного, без посторонней помощи, какая бы пустяшная рана ни была… Пережитое волнение во время боя и его ранение – все это, в конце концов, не могло не подействовать на общее его состояние, и раненый, идущий без посторонней помощи, может упасть и еще больше повредить свою рану… Поэтому всякого раненого нужно довести до места – до койки, до стула.

Я закончила перевязку, вывела на площадку раненого и передала его санитару.

Доктор Михайлов курил, прислонившись к косяку!

– Доктор, одиннадцать часов… Все устали, до последних сил…

– А вы, сестра, устали?

– Да, немного, – говорю я. А самой хочется тут же, вот на полу лечь! Так устала…

Снизу пришел доктор Беляев.

– Послушайте, коллега, так нельзя работать! Мы все свалимся. Нужен отдых. Сестры устали, а санитары едва двигаются… Мы весь персонал потеряем. А завтра ведь опять такая же работа! Может быть, еще большая!.. Раненые говорят, что бой только разгорается. Турки забрались слишком далеко вглубь и, кажется, зарвались. Их здорово наши бьют около Ардагана, все раненые оттуда… Казаки говорят: «Турка набили видимо-невидимо!»

Мы вошли в перевязочную. Доктор Михайлов вымыл руки и стал осматривать рану у лежавшего на столе солдата, которого только что разбинтовала сестра. А доктор Беляев продолжал говорить, стоя у стола:

– А может быть, оставим перевязки? Хватит на сегодня…

Доктор Михайлов выпрямился, посмотрел на говорившего коллегу.

– Как мы можем прекращать помощь раненым, которые и так по два, по три дня не перевязаны! Раны загноились уже! А сколько обмороженных, нуждающихся в немедленной помощи. Нужно удвоить и даже утроить врачей, сестер и санитаров, но работать безостановочно! Ах, черт! Да ведь в городе много бежавших из сарыкамышских госпиталей врачей и сестер! Почему их не использовать?! Где они?! Все равно мы ведь не справимся с этой волной раненых… Да, хорошо бы было получить свежую рабочую силу: они стали бы продолжать нашу работу, а мы пошли бы отдохнули.

– Да там несколько человек пришли и работают уже, – сказал доктор Беляев. – Идемте, посмотрим и опросим раненых, если нет опасных, то на сегодня с нас довольно. Сестра, отправьте этого – и шабаш.

Врачи вышли. Сестра стала собирать инструменты. Санитары унесли последнего раненого.

– А что, сестра, кончили перевязывать? – спросил санитар.

– Кончили, кончили.

Они подняли носилки и вышли. Вышла и я за ними. На площадке все столько же раненых! Только теперь они почти все спали. Кто как сидел, так и заснул. Я посмотрела вниз. Узнать нельзя было нашего госпиталя: всюду на полу лежали и сидели раненые солдаты и казаки.

– Сестра Катя, сходите, спросите доктора Михайлова, что нам делать с этими ранеными, которые на площадке?

Она скоро вернулась:

– Ничего не добилась! Все заняты! Сотни новых раненых привезли! А мест никаких больше нет в нашем госпитале. Будут класть в новом здании напротив.

Мы спустились и пошли в приемную. Трудно идти, чтобы не задеть за раненую ногу или не наступить на руку. А там, в приемной, происходило что-то невероятное! Наружная дверь была открыта, и в нее в клубах белого морозного пара шли раненые по два и по три в ряд, поддерживая друг друга. Из темноты и с мороза, закоченелые, они были счастливы, что добрались до тепла и сразу садились где придется или ложились куда попало, если не было сил сидеть… Но никогда не выпуская ружья из рук или положив его рядом с собой! А санитары несли и несли тяжело раненных. Снимали их с носилок и клали прямо на пол. И снова шли за другими. И, казалось, не будет и конца, и остановки этому движению…

– Несите в соседнее здание, здесь нет больше мест! – сказал старший врач. – Коллега, идите и показывайте дорогу санитарам в то помещение. Здесь останутся только несколько врачей и сестер.

Мы все вышли. Я пошла, как была, в халате. За шубой идти далеко, она в сестринской раздевалке.

Только я вышла, в сенях стоит Гайдамакин… Его лицо выражало полное отчаяние:

– Барыня, вы не обедали сегодня! – Он говорит со мной, как мать с маленькой девочкой, которая не съела свой суп.

– Нет, не обедала; но я и не хочу есть! А если достанешь что-нибудь, принеси сюда. Не сюда, в палату, а там, во дворе, есть кухня; так туда и пройди и скажи мне.

Как только мы вышли во двор, мороз сразу захватил дыхание. Мы с сестрой Катей побежали бегом. Всюду стояли подводы и фургоны, из которых выгружали раненых. В казарме было тепло, как нам показалось с мороза, и очень светло. Под потолком горели огромные электрические фонари. Вдоль всего здания было разостлано сено в четыре ряда, на котором уже лежали раненые. Врачи и сестры сейчас же приступили к работе. Доктор Божевский, проходя мимо меня, сказал:

– Сестра Семина, никакого отдыха! Нет времени даже поесть! Зато у меня много папирос, берите и курите… Это помогает!..

Доктор Божевский по мобилизации был назначен главным врачом этого госпиталя. Он по специальности хирург и до войны работал в больнице. Когда начались бои, он заранее уже был осужден отдать все свое время хозяйству и отчетности, предоставляя всю хирургическую работу

другим, часто молодым и неопытным врачам. Поэтому, когда раненых навезли много, он поехал к крепостному инспектору и просил хоть временно уволить его от занимаемой должности как неспособного по хозяйственной части… И теперь он почувствовал себя на своем месте около раненых.

И новый врач оказался тоже на месте. Он пришел к вечеру в госпиталь, познакомился со всеми; пошел прямо на кухню и приказал варить суп во всякой посуде, какая нашлась в кладовых. Потом поехал в город, скупил весь выпеченный хлеб, какой только нашелся в городе, и заказал печь еще. Накупил яиц, молока, масла, сахару, чаю. Он знал, что надо делать, чтобы удовлетворить потребности голодных, измученных и полузамерзших раненых. Некоторые ведь не ели по несколько дней!

Когда вернулся с едой Гайдамакин и сказал, что все готово, я пригласила доктора Божевского:

– Идемте на кухню! Там есть кое-что закусить. А потом будем работать. – Я знала, что он так же, как и я, не выходил целый день из перевязочной, только все время курил. Когда я была дома в Баку, сам доктор и его жена, которая приезжала к нему в Карс, очень были внимательны к моему мужу и часто приглашали его к себе.

– Идемте, идемте, доктор, скорее.

– Откуда у вас взялась еда? – спросил он меня по дороге в кухню.

– Мой солдат что-то принес для меня.

В кухне на столе, накрытом салфеткой, была расставлена масса вкусных вещей: хлеб, масло, молоко и ветчина. Когда

доктор увидел все это, то пришел в отличное настроение и сказал:

– Вот как шикарно! Сколько всякой еды! А вот одного ваш денщик не догадался принести – водочки! С такой-то закуской да рюмочку выпить было бы как раз хорошо…

– Да ведь я не пью! Он и не принес. Где ты достал все это, Гайдамакин?

– В гостинице, барыня.

Доктор оборачивается.

– А, здравствуй, Гайдамакин! Вот за здоровье твоей барыни закушу и я…

В кухню вошел новый главный врач. Мы познакомились. Это был немолодой уже мужчина, лет под пятьдесят, с брюшком, но отлично одетый, затянутый крепко ремнем по толстому животу. На плечах широкие серебряные полковничьи погоны.

– Доктор, садитесь к столу. Хотите чаю? И закусить с нами?

– Да я обедал сегодня!

– Когда?

– В три часа дня!

– А теперь половина первого ночи! Доктор, сколько сейчас у нас раненых в госпитале? – спросила я.

– Да сейчас я просматривал списки, прибывших уже больше тысячи. Но к завтрашнему утру нужно ждать прибытия главной волны раненых. Вот, видите, запаслись едой; все кухонные котлы варят суп. Солдаты голодны. Бой идет уже много дней. Мы приготовили помещение; вон,

напротив, большая и чистая казарма. Настлали сена, открыли электричество и натопили печи.

– Мы там уже были! Отлично для такой массы раненых.

– Ну и хлеба запас сделал; к утру привезут тысячу пудов! Все сделал, что смог!

«Вот молодец! В такой короткий срок, а сколько нужных, необходимых вещей сделал!» – подумала я.

– Да, к нам прикомандировали двенадцать врачей, тридцать сестер и много санитаров. Думаю, справимся… Видите ли, ничего серьезного мы сделать не можем. Наша роль будет заключаться в том, главным образом, чтобы только поправить повязки, накормить, отогреть и, не медля ни минуты, грузить в поезда и отправлять всех в тыл… Задерживать здесь будем только тех, кто нуждается в немедленной операции…

Боже мой, как он хорошо говорит! И, наверное, так и распорядиться может!..

– Простите, сестра, как ваша фамилия?

Я назвала.

– Давно я был знаком с вашим мужем. Он служил в Кабардинском полку?

– Да.

– Мы с ним встречались в Эриванской губернии во время набора новобранцев. Я очень рад познакомиться с вами. А где он сам теперь?

– В Сарыкамыше. – С болью в сердце я рассказала все подробности о нашей неожиданной разлуке.

– Ну, не волнуйтесь, раз он поехал к кабардинцам, они его не выдадут. Вот увидите, выйдут из этой переделки с

полной победой. Раз здесь, в тылу, где турок никто не ожидал, их все-таки бьют повсюду, то уж там, ближе к фронту, наших не напугаешь никакими обходами! Сами же турки первые пожалеют, что забрались так далеко! Только уж назад уйти им едва ли придется!.. Но что я слышал у крепостного инспектора! Он говорил, что в Сарыкамыше все госпитали брошены, а персонал бежал. Многие задержались здесь (вот их-то нам и прислали в помощь), видно, не решаясь ехать дальше. Сегодня, когда я ему докладывал о нашем затруднении насчет недостатка персонала, он мне все это и рассказал.

Мы очень уж долго засиделись в кухне. Там, верно, за это время привезли еще много раненых! Я стала прощаться:

– Я очень рада, доктор, что вы знаете моего мужа, мне это особенно приятно сейчас…

– А вы, сестра, не беспокойтесь и не волнуйтесь! Верьте русскому солдату! Он вызволит из всех бед! Всегда вызволял и на сей раз опять вызволит! Будьте уверены! А мы с доктором Божевским пока охранять вас будем и по возможности развлекать, чтобы вам не было очень скучно без мужа, – шутил главный врач, как истый кавказец.

Мы все вместе вышли из кухни.

– Гайдамакин! Ты больше мне не нужен, иди спать.

– Что вы, барыня! Я не пойду. Что это! Вы будете работать, а я спать… Может, что вам нужно будет; так я здесь буду ждать.

– Хороший солдат у вас, Тина Дмитриевна, – сказал доктор Божевский.

– Да! Он у нас живет четвертый год и очень любит моего мужа. Уезжая, муж сказал, что поручает ему беречь меня. Вот он теперь и смотрит за мной, как за маленьким ребенком. Правда, у него другого дела-то и нет.

Мы пришли в новое помещение, и я не узнала его, столько там было народу. Много незнакомых врачей в белых халатах, а еще больше сестер. Все были заняты перевязками. И много городских дам. Они раздавали раненым всякую еду и горячий чай. Мы стали осматривать и перевязывать тоже, стараясь как можно меньше беспокоить их. Многие из раненых уже спали, несмотря на голод и боль в ранах.

Пришел главный врач со списком в руках.

– К семи часам утра подадут санитарный поезд. К этому времени нужно напоить раненых чаем и приготовить к отправке.

До пяти часов утра мы перевязывали. Потом санитары принесли в ведрах чай, корзины свежеиспеченного хлеба, вареных яиц, свиное сало, нарезанное ломтиками. Все сестры (дам уже не было) раздавали эту еду раненым, а санитары разливали в кружки чай.

– Можешь есть сам? – спрашиваю раненого.

– Нет, сестра, обе руки обморожены.

Таких оказалось очень много. Всех, кого накормили, стали одевать и выносить на подводы. Мало раздать сотням раненых еду, чай! Многих нужно ведь поить и кормить! На это уходит очень много времени. Хорошо еще, что большинство раненых не были раздеты, так и лежали в шинелях и полушубках, в бурках… Поможешь встать, наденешь ему шапку, перекинешь сумку через плечо и ведешь его на подводу. Сколько раз приходилось выходить

на мороз, но я не помню, чтобы кто-нибудь из сестер простудился.

Только к десяти часам кончили отправку раненых из нового помещения госпиталя. Оставшихся тяжело раненных перенесли в основное помещение госпиталя и положили их на койки. Весь день делали им операции и перевязки. А к вечеру пришел новый обоз с ранеными.

– Сколько подвод приехало? – спросила я молоканина, фургон которого был полон раненых.

– Да много! Может, больше сотни будет! Только много ж и померзло народу! Гнать лошадей нельзя; плачут – трясет, больно! А тихо ехать в такой мороз – верная для них смерть!..

В два ряда подъезжают к обоим зданиям эти огромные молоканские фургоны. В каждом фургоне лежит по шести-восьми человек. Остаток дня и всю следующую ночь и утро без остановки все везли раненых. В обоих зданиях было полно.

– Сестра! Скорее давайте чаю, хлеба! Но чаю прежде всего, горячего чаю! Раненые замерзли, – говорит доктор.

При разгрузке одних вносили в госпиталь с отмороженными руками и ногами. А других несли прямо в сарай и складывали там, как дрова, друг на друга. Таких в транспорте было больше. Но не было никакой возможности выгружать хоть сколько-нибудь скорее... Вот с десяти часов утра, а теперь уже вечер, мы беспрерывно кормим, поим чаем, молоком – всем, чем только можно согреть раненого. Весь суп давно съеден, а в посуде варится вода для чая. Но и воду не успевают греть как следует. Санитары тащат полные ведра горячей воды и расплескивают ее на дорожку, на

которой образовался лед. Один из санитаров упал и сломал себе руку. Еще стало больше одним раненым. Мы разносили хлеб, яйца, сахар в фартуках по рядам, где одни сидят, другие лежат, вытянув обмороженные ноги, как поленья… За нами санитары разносят чай.

Несмотря на то, что нас работает больше пятидесяти человек, мы все же не успеваем справиться с таким подвозом раненых! Нужно бы снимать обувь с отмороженных ног и оттирать их, но нет рук. Кто-то сказал, что неразгруженные подводы тянутся от госпиталя и до ущелья! Значит, нужно еще много работы, чтобы выгрузить всех раненых!.. А сколько же их еще замерзнет прежде, чем они въедут в наш двор?! Сестры и врачи этот обоз с ранеными прозвали «обозом смерти». Его кончили разгружать только на следующий день!.. В фургонах было больше мертвых, чем живых…

Развяжешь ногу, а там синее, мертвое мясо!

– Доктор, посмотрите на эту ногу.

– Обмороженная? Забинтуйте…

А раненый умоляет помочь ему:

– Ох, болит! Нет моей силушки, сестра! Сделайте, ради Христа, что-нибудь!..

А что я сделаю?! Наскоро забинтовала. Больной еще сильнее стонет…

– Сестра! Руки мои обморожены! Ведь не ранены, я ранен в бок, а руки были здоровы! А теперь вон – синие, мертвые! Помогите мне! Лучше бы меня убили!

Принесла вазелина. Смазала им и растерла немного.

– Двигай ими, чтобы кровь пришла свежая, – хотя вижу сама, что все бесполезно. А все же человека хочется утешить и облегчить хоть на время, хотя бы даже ложью…

Всюду кровавые бинты, вата, разрезанная и разорванная одежда – штаны, гимнастерки, рукава от шинелей, распоротый во всю длину сапог…

Третью ночь не сплю! Сегодня только пила лимонад, который приносит мне Гайдамакин…

– Барыня! У вас вся спина и косынка в крови, – говорит он.

Но мне не до этого! Никто не менял халатов; все ходят, как мясники, с кровью на руках, лице, платье… Нагнешься над раненым, а другая сестра тащит окровавленные бинты через мою голову. Их складывали в корзины, но санитары их выносили, только когда выдастся свободная минута…

– Сестра! Идите сюда, держите ногу! Видите, человек истекает кровью!.. – говорит доктор Михайлов.

Раненый лежит на носилках бледный, с заострившимся носом, с побелевшими губами и закрытыми глазами. Ранен в бедро! Толстый слой ваты и марли был пропитан кровью. Я приподняла ногу. Доктор разрезал ножницами вдоль ноги повязку. Кладу ногу, и мы осторожно разворачиваем марлю… Из широкой раны кровь течет тонкой струйкой…

– Жгут! – говорит доктор. Подаю жгут, и доктор крепко обматывает им ногу выше раны. Затем он исследовал рану, положил на нее тампон и после этого снял жгут. Мы смотрим, как скоро промокнет тампон… Но он остается чистым…

– Кажется, остановилась! Прикройте рану. Но подождите накладывать повязку.

– Сестра! Раненому нужно дать подкрепляющее – пульс слабый…

Бегу в кухню.

– Есть кофе? – спрашиваю кашевара.

– Навряд ли…

– А ты иди в кладовую и поищи! Мне нужно!

Ушел…

– Не! Нету, сестра, кофея…

– Ну, молоко давай!

– Молоко есть! Недавно армянин привез.

Ставлю молоко на плиту греть.

– Давай два яйца и, хоть умри, но достань рюмку коньяку!

– Коньяку? Ну! Где там! У нас его и в заводе нет!..

Идем в кладовую. Коньяку не нашли, но вино какое-то нашли…

– Давай масла свежего! – масло и два желтка я растерла… потом прибавила туда горячего молока, налила немного вина и все это вылила в большую солдатскую кружку и понесла ее раненому. Когда я пришла, повязка была уже наложена самим доктором. Но раненый лежал все такой же бледный. Я стала его поить с ложечки горячей смесью. Он охотно ее глотал… Подошел доктор проверить, все ли благополучно, и одобрил все, что было сделано.

– Сестра, вас зовет раненый, идите скорее, – сказал подошедший санитар.

Я оставила раненого и пошла за санитаром.

– Вот, сестра, этот! Что с ним делать? Ругается, требует, чтобы его сейчас же отправили в Тифлис. Никому не дает покоя.

На сене, как и все, лежал раненный в ногу молодой солдат. Не успела я подойти к нему, как он уже заговорил громким, возмущенным тоном:

– Я не хочу здесь на полу валяться! Я доброволец и *требую*, чтобы меня немедленно отправили в Тифлис.

Он кричал это свое требование таким тоном, что я сразу возмутилась.

– Доброволец вы или не доброволец, а сегодня мы вас отправить не можем. Завтра утром всех будем отправлять, и вы поедете со всеми! Ничего вы требовать не можете! Вот, все они добровольцы своего долга, – я показала рукой на ряды лежавших солдат.

– В чем дело, сестра? – спросил меня какой-то врач.

Но доброволец, не дожидаясь моего ответа, сам заговорил:

– Я доброволец и хочу, чтобы меня немедленно отправили домой!

– Хотя вы и доброволец, но подчинены той же дисциплине, как и всякий солдат, и домой ехать по собственному желанию не можете! – сказал доктор.

Тот чуть не подпрыгнул.

– Это неправда! Я пошел добровольно! Теперь ранен и хочу уехать домой!

– Лежите смирно! А то я вас отправлю в карцер, – пригрозил доктор…

Так от одного к другому и ходишь: то поправишь раненую ногу или руку, то дашь пить, то слушаешь умирающего, который просит написать письмо матери или жене…

– Сестра, когда умру, напишите матери: умер, мол, от ран…

– Адрес твой как? – записываю.

Другой просит позвать священника:

– Сестра, я хочу исповедаться…

– Сейчас! Санитар! Где священник? Позови его сюда, скорее…

– Он, сестра, исповедует раненого. Кончит, так я его приведу сюда.

– Он не найдет место, где этот вот раненый лежит.

– Я его сам приведу! Не беспокойтесь, сестра.

Приходит священник. Нагибается над раненым, говорит что-то, читает молитвы и причащает. И сразу идет к другому умирающему. А раненый, после исповеди и Причастия, как-то светлеет и затихает…

– Слава Тебе, Господи! Исповедался и причастился! Легче стало! Только бы еще надеть чистую рубаху! Тогда можно и помирать…

Я не помню, чтобы раненый простой человек, чувствуя приближение смерти, говорил, что он хочет жить; что ему тяжело и не хочется умирать…

Но мне приходилось слышать офицеров, которые умирали от ран.

– Не хочу умирать, сестра! Я не хочу умирать! Не хочу! Я жить хочу!

Это очень тяжело слушать, когда знаешь, что раненый умирает… А ночь тянется медленно, бесконечно медленно… Как будто хочет собрать как можно больше жертв до рассвета…

Слава богу! Скоро утро! Всех раненых накормим, приведем, сколько возможно, в порядок и отправим на поезд. Пять часов утра! Но так еще темно на дворе, что и часам не веришь… Я как-то ничего уже не соображаю… Что еще нужно делать?.. Полное равнодушие ко всему охватывает… Сколько рук, ног! Красные, синие, черные!.. Их все отрежут, отпилят и выбросят, как испорченное мясо, от которого идет трупный дух. А я растираю эти холодные ноги… Развязываю, потом тру вазелином пальцы и кисти рук, которые уже почернели, как у трупа, долго лежавшего на солнце… Потом завязываю… Вон их сколько! Конца нет!.. А я не могу больше стоять на ногах… Кружится голова, тошнит… Наконец-то светает!

Замороженные квадраты окон побелели… Врачей стало как будто меньше? Неужели ушли в другое здание работать?.. Но я вижу, как один вышел из боковой двери, тут в помещение… Что там такое? Какая там комната, для чего?.. Сестры ходят как пьяные, пошатываясь и плохо соображая.

– Сестра Семина, долго мы еще будем здесь работать? – спрашивают некоторые.

– Не знаю! Во всяком случае, до тех пор, пока раненых не отправим на поезд…

– А когда отправлять будем?

– К девяти часам утра поезд подадут. Скоро принесут чай. Будем поить слабых и безруких. Потом будем одевать… Ну, потом, может быть, и мы получим возможность пойти домой?.. Я три ночи не спала…

– А вон доктора в дежурке спят…

Я пошла посмотреть, как они устроились там.

Большая комната, бывшая офицерская дежурная. Вдоль стен – деревянные диваны. Посреди – большой стол и несколько стульев. На диванах спали несколько врачей. Другие сидели на стульях и курили.

– Вот вы где нашли приют!

– Да! Это убежище мы открыли только к утру и совершенно случайно. Хотите папиросу, сестра? – предложил доктор. Вошла еще сестра и сама попросила папиросу. Доктор протягивает и ей.

Врачи спали так же, как и раненые: в окровавленных халатах, прислонившись головами друг к другу. Когда я заговорила, большинство из них сразу зашевелились.

Сейчас будем поить раненых чаем и собирать в дорогу.

– Идемте, сестра, пора! Сейчас принесут чай. Надо раздавать хлеб, сахар…

Мы вышли из комнаты. Электричество еще горело, но как-то тускло при дневном свете из больших замороженных окон… Теперь эта бывшая казарма представляет ужасную картину: бесконечные ряды солдат и офицеров, лежавших на сене, казались трупами… В особенности те, которые еще спали тяжелым сном, открыв рот и тяжело дыша. Многие во сне стонали и бредили. Некоторые делали во сне попытки

поднять отмороженную руку к голове и тогда еще громче и протяжнее становился их стон…

– Земляк, проснись! Слышь, земляк, проснись! – это будит солдат своего соседа, который сам все время стонал во сне и только что проснулся. У него рана в плече, и на обеих ногах отморожены пальцы.

Мало-помалу стали просыпаться все. Санитары принесли большие чайники, ведра с горячей водой и огромные корзины белого хлеба, нарезанного ломтями. Я набрала в фартук ломтей хлеба и сахара и стала раздавать раненым.

– Вот на, хлеб, сахар. Сейчас принесут чай, – говорю я.

– Мне не надо, сестра, у меня есть.

– Что ты! Разве вечером чай не пил?

– Пил маленько, сестра, но сахар остался, да и хлеб еще есть…

– Сам можешь пить?

– Нет, вчера поила меня сестра…

– На – хлеб, сахар для чая, – опять говорю уже другому раненому.

– Не хочу, сестра, ничего. Пить дайте! Воды, пожалуйста!

У него рот полуоткрытый, запекшиеся губы, лицо серое, глаза загноились… «Дать бы ему хоть немного вина!» – думаю я, а сама иду дальше и снова говорю:

– Вот хлеб, сахар, – протягивая ломоть хлеба и несколько кусков сахара, но вдруг на мои слова, солдат заплакал… По-детски, громко и жалобно!..

– Да чем я возьму, когда обе руки перебиты?!. Ни одной руки не осталось!.. Хлеб не могу ко рту поднести… Лучше бы убили!.. – рыдая, приговаривал раненый солдат.

– Что ты! Замолчи! А то и я тоже зареву!! – и не в силах больше сдерживаться, я тоже громко рыдаю. – Замолчи, замолчи же!.. – говорю я раненому, который продолжал плакать, и присела тут же около него на сено с фартуком, полным хлеба и сахара, который никому не был нужен… Санитары и сестры, которые шли за мной, разливая и подавая чай, сначала стали успокаивать меня, но скоро и сами заплакали тоже…

Прибежал доктор:

– Что случилось? Что с сестрой? – но, увидевши плачущих солдат и сестер, взял меня за руку, поднял и повел в дежурную…

– Не выдержала! Нервы не выдержали… – говорит он, входя в дежурную комнату.

– Милая вы моя, успокойтесь! Мы все можем в любую минуту заплакать и биться головой об стену от этого кошмара… Но прежде всего мы обязаны сохранять полное спокойствие перед этими страдальцами. Это наш долг! Им-то ведь гораздо труднее, чем нам!.. Нате вот, выпейте валерьянки! Вот и легче стало! А теперь, сестра, идите и исполняйте свои обязанности! Сейчас будем отправлять раненых на вокзал.

Доктор вышел из комнаты. Я поправила косынку, фартук, вытерла слезы и пошла опять исполнять обязанности, которые я взяла на себя добровольно перед этими страдальцами, исполнившими свой долг перед Россией, моей Родиной! Никто не обратил на меня никакого

внимания, когда я вошла в общее помещение. Все были заняты, как и прежде, и я присоединилась к ним…

Пришел главный врач и сказал:

– Будем отправлять сейчас раненых, но тяжело раненных задержим!

Врачи забегали со списками в руках, отмечая, вычеркивая и указывая, кто остается…

Санитары пришли с носилками и стали выносить раненых на подводы. Кто мог ходить сам, шел, помогая и другим.

Господи! Страшно смотреть на них… Только три-четыре дня тому назад это все были молодые, крепкие, здоровые люди! А сейчас – бледные, едва двигаются, а то и совсем неподвижные и беспомощные… Большинство все же не ждет, пока кто-нибудь из сестер придет одевать его; все пытаются сами надеть шинель…

– Я сам! Спасибо, сестра, – говорит раненый, едва стоя на ногах и надевая шинель. – Вы, сестра, помогите вон тому! Он сам не может. Ранен в руку, и обе ноги отморожены…

– Все вышли? – спросил старший врач, входя в помещение.

– Все, – оглядывая помещение, говорю я. А вид опустевшей казармы страшен: на полу валяются тряпки, обрывки газет, окровавленная марля, большие куски серой ваты, которую подкладывали под раненую ногу или бок!.. Куски суконных шаровар, рукава от рубах, несколько разрозненных сапог. На примятом сене кое-где лежали еще подушки, серые, из солдатского сукна, одеяла… Даже несколько забытых шинелей…

– Сестра Семина, идите домой! Выспитесь хорошенько и с новыми силами приходите, – говорит доктор Божевский. – Я сейчас тоже ухожу домой. Останутся несколько дежурных сестер и врачей. А все остальные пойдут спать. Если случится несчастье, опять привезут столько же раненых, конечно, немедленно вызову всех. Поэтому не теряйте времени, идите домой. Да, кстати, ваш солдат ждет вас у дверей.

– Спасибо, доктор, – я сняла окровавленный халат и косынку и пошла к выходу. Там с шубой в руках ждал Гайдамакин.

– Что нового, Гайдамакин?

– Да разное все говорят: одни говорят, что Сарыкамыш взяли турки; другие говорят, что наши турок взяли в плен. Но пока никаких «известий, однако, нет». Телефон не действует, поезда не ходят. А все болтают по-разному.

– А что делают наши санитары? Где они кормятся? Есть ли фураж для лошадей?

– Вы не беспокойтесь о них. Их кормят на питательном пункте.

– А ты обедаешь?

– Обедаю! Что мне больше делать? Без работы хожу целый день. Вы вон как работаете – три ночи не спали! Да и барин, поди, день и ночь работает! А я так не знаю, что делать! Каждый день для меня – год! Вот как тяжело мне без работы! Когда вы дома, ну, смотреть за вами нужно. А когда вас нет – просто беда! И есть не хочу! И спать не могу! Лежу и все думаю: барина потерял! Барыня ночи не спит – работает! А я солдат, их слуга и хранитель, валяюсь на койке! Прямо, барыня, смерть! Всю ночь стоял и смотрел, как санитары с ног сбились, работая. Ну, я сбегал принес им несколько ведер

воды. Да что это за работа! Помогал немного выгружать раненых. А больше все стоял, да всем только мешаю. «Земляк, посторонись, земляк, посторонись!» – только и слышу от всех… Только, значит, мешаю всем, поперек дороги стою всякому…

Мы вышли на двор. Яркое солнце ослепило меня. Как хорошо и легко дышать свежим, морозным воздухом. Несмотря на сильный мороз, путь до гостиницы показался коротким. Вот и «Люкс»!

– Гайдамакин, достань для меня горячей воды, да побольше.

После казармы, сена, окровавленных бинтов и ваты моя убогая комната показалась будуаром изнеженной женщины! Но тоска и беспокойство за мужа делают сразу все неприветливым. Жив ли? Может быть, ранен? И так же лежит на полу на сене? И ни одного близкого человека нет около него. А вдруг обморозил обе руки и лежит голодный? Снова все виденное ночью встало перед глазами. Но теперь весь ужас, все страдания и горе я применяю к моему дорогому Ване! Кажется, закричу от страданий и муки! Нет больше сил переносить эту неизвестность! Он погиб, я чувствую это. Почему я не с ним? Для чего я бросила дом! Ведь я хотела быть около него в минуту опасности, помогать ему. А что я сделала! В первую же минуту, быть может, смертельной опасности, уехала от него, спасая себя! О, как я ненавижу того офицера, который пришел на площадь и заставил меня немедленно уехать из Сарыкамыша в Карс.

– Барыня, кофе готов, – но видя, что я плачу, Гайдамакин замолчал… – Генеральша Зубова звонила, спрашивала про

вас. Я сказал, что вы только что вернулись из госпиталя. Она сейчас приедет сама к вам.

– Хорошо. Приготовь воду. Я успею еще помыться и переодеться, – я выпила кофе, забралась с ногами на диван, положила голову на подушку и…

Когда я открыла глаза, в комнате было все так же светло… Но что это? На столике перед диваном, в стакане с водой, свежая роза? А я накрыта моей шубой? Неужели я заснула? Ведь должна была приехать Екатерина Михайловна. Верно, это она привезла розу и укрыла меня шубой. Какая милая и внимательная! И не разбудила меня – пожалела; знает, что я устала… Сейчас помоюсь и позвоню ей. Сколько же времени я спала? Вода, верно, остыла. Но как хорошо лежать под теплым мехом! Не хочется и вставать.

Дверь тихонько приоткрылась, и Гайдамакин заглянул в комнату.

– Я заснула. Вода не остыла еще?

– Да, барыня! Теперь другой день уж.

– Какой другой день? Что ты говоришь?

– Теперь утро. А вы заснули вчера в два часа дня.

– Не может быть! Неужели я так долго могла спать? – но вдруг я вспомнила слова доктора, который говорил, что если привезут опять много раненых, то он позвонит.

– А из госпиталя мне не звонили?

– Из госпиталя не звонили. Но звонила генеральша Зубова. Спрашивала, проснулись ли вы. Я сказал, что вы еще спите.

Вот здорово! Никогда я еще столько не спала! И отдохнула же я! После кофе со свежей французской булкой я

почувствовала себя бодрой и в лучшем настроении духа! Помылась, надела все свежее и пошла прямо в госпиталь. Солнце, мороз и чистый воздух меня еще больше подбодрили. Я шла легко, едва касаясь снега. Когда пришла в госпиталь, увидела с радостью врачей и сестер, которые тоже встретили меня очень приветливо.

– А вот и сестра Семина! Здравствуйте! Выспались? Знаете, сколько за эти три дня прошло через наш госпиталь раненых и обмороженных? – говорит доктор Михайлов.

– Сколько, доктор?

– Около пяти тысяч!

– О! Неужели так много! Доктор, если я не очень нужна сейчас, могу я уйти? Я хочу поехать к коменданту, генералу Зубову, узнать что-нибудь о Сарыкамыше.

– Конечно, сестра! Работы-то у нас много, это правда, в особенности в перевязочной. Но вы поезжайте! Это вас успокоит. Только никто и там также ничего не знает, и генерал тоже не больше других.

«Все одно и то же повторяют», – подумала я.

– Доктор, разве раненых не подвозят к нам больше?

– Ну как не подвозят! Везут беспрерывно! Но понемногу: две-три подводы сразу, не больше. С этим легко справиться! Одних примешь, тогда подвезут других. А то, помните, что было в эти дни? Сразу сотни подвод! Тысячи раненых и обмороженных. Скольким нужно было бы немедленно делать операции! В большинстве случаев сделать это не было никакой возможности. Так пришлось многих отправить в Тифлис. Доехали ли? Всякая рана требует времени, чтобы ее осмотреть и наложить нужную повязку. А где его возьмешь

для тысяч и тысяч раненых? Помощь, которую мы можем оказать при громадном наплыве раненых, – да разве это помощь?! Развяжешь рану, помажешь йодом, положишь свежий кусочек марли и опять забинтуешь! Лишь бы успеть посмотреть, хоть в малой доле. Вчера пришел домой, лег на кровать, уставший свыше всякой меры. А заснуть не могу! Эти страшные раны, отмороженные ноги и руки, стоны, бред и ненужные смерти молодых сильных людей!

Доктор запускает обе руки в свои волосы и теребит и ерошит их.

– Нет! Это черт знает что! – Он постоял молча, а затем повернулся и пошел в перевязочную.

Зубовы встретили меня очень ласково. Генерал, точно извиняясь, что не может сообщить мне приятных новостей, всячески за мной ухаживал и обещал немедленно дать знать, как только сам узнает что-нибудь. После обеда я поехала на вокзал, где всякие новости приходят первыми. Там я увидела много военных всех чинов. Одни группами ходили по платформе; другие стояли и горячо о чем-то разговаривали. Один все время показывал на рельсы, куда-то по направлению Сарыкамыша. В одной из групп, в которой больше всего говорили и махали руками, я узнала офицера Кабардинского полка Завьялова. Я подошла и поздоровалась с ним.

– Вы откуда?! – удивленно спросил кабардинец.

– Я здесь неделю живу беженкой. Бежала из Сарыкамыша, как и все храбрые люди! А вы откуда? Почему вы здесь? – спросила я в свою очередь.

– Да я ехал из Тифлиса в полк, да доехать не успел. Вот и сижу тоже неделю уже. – Он расспросил обо всем, что я знаю о Сарыкамыше.

– Насчет доктора не беспокойтесь. Раз он поехал к нам – кабардинцы его не выдадут, – с гордостью сказал он.

– О, я верю, как и вы, что если муж с полком, то не пропадет.

– Нас, военных, много здесь набралось, хотим снарядить пулеметный поезд и попробовать прорваться в Сарыкамыш. Желающих смельчаков много, но комендант пока не соглашается. Все выжидает чего-то.

– А вы тоже едете с этим поездом?

– Я хочу очень! Сидеть здесь, когда полк там дерется, прямо невыносимо! Я за эти дни так изнервничался, что хоть пешком иди туда! Но мы надеемся получить разрешение от коменданта сегодня же.

– Когда вы смогли бы выехать, если он разрешит послать поезд?

– Сейчас же стали бы налаживать несколько платформ с пулеметами. Да у нас уже все почти приготовлено: пулеметы есть, тюки сена есть, платформы готовы! Только комендантское разрешение нужно. А мы были бы готовы в несколько часов и выехали бы к Сарыкамышу.

– Слушайте! Если вам это удастся сделать, дайте мне знать. Я с вами поеду! Буду раненых обслуживать!

Мы попрощались. Я пошла в госпиталь, где пробыла до поздней ночи. Там делали серьезные операции, и мне пришлось помогать доктору Михайлову.

На другой день, боясь, чтобы пулеметный поезд не ушел в Сарыкамыш без меня, я позвонила коменданту, генералу Зубову. Я знала, что он еще не дал своего согласия на посылку этого поезда. Но мне хотелось узнать, согласится ли он на это в конце концов или откажет этим храбрецам сделать попытку прорваться к Сарыкамышу.

– Я узнала, что вы посылаете пулеметный поезд, чтобы прорваться в Сарыкамыш. Разрешите мне ехать с поездом как сестре милосердия!

– Я еще не решил, когда этот поезд пойдет.

– Да? А мне на вокзале говорили, что скоро. Нет, про сегодня не говорили, но если я их хорошо поняла, назначено на завтра.

– Нет, нет! – снова слышу я в трубку. Но я решила ковать железо, пока горячо. – Там столько набралось храбрых добровольцев, что вам придется пустить огромный состав, а меня в качестве перевязочного передового пункта при них…

– Тина Дмитриевна, разрешите мне после того, как я сам побываю на вокзале, заехать к вам. Тогда я все вам объясню. А по телефону всего не скажешь.

Что мне делать! Неудобно было спросить, когда он приедет; а мне нужно идти в госпиталь. Наконец Гайдамакин пришел и сказал, что комендант приехал. Я спустилась вниз в зал. Генерал сидел в углу за столиком. При моем появлении он быстро встал и пошел ко мне навстречу: высокий, стройный, с красивым тонким лицом, поцеловав мою руку, он подвинул для меня стул и сел сам.

– Так вы серьезно хотите скорее ехать к мужу?

– Да, очень хочу. Меня неизвестность угнетает больше всего.

– А как же ваша работа в госпитале?

– Буду там работать! Там те же русские солдаты.

– Я должен предупредить вас, что эта поездка очень опасная! Мы послали небольшое количество пехоты в обход турок к Ново-Селиму[13], этот поезд должен помочь окружить их. Но эта операция может не удаться. Турки, несомненно, окажут сопротивление. Будут убитые и раненые, а может быть, и взятые в плен. Мы не знаем хорошенько, где и сколько турок! Кроме того, имейте в виду, что в Сарыкамыше нет никакого продовольствия; ни хлеба, ни других продуктов. Вам нужно запастись всем необходимым отсюда. На днях, может быть, завтра, я жду известий от группы, действующей в районе Владикарса. А теперь, Тина Дмитриевна, разрешите просить вас позавтракать со мной.

– Спасибо. Я сама очень хотела бы позавтракать с вами и послушать вас! Но из госпиталя уже два раза звонили, чтобы я скорее приходила, много раненых, и есть неотложные операции.

---

[13] 16 (29) декабря 1914 г. к Ново-Селиму из Карса двигался гарнизон в составе 263-го пехотного Гунибского полка и 11 и 12-го Кавказских стрелковых полков, с 3-м Кавказским стрелковым артиллерийским дивизионом под командой начальника 3-й Кавказской стрелковой бригады генерала В. Д. Габаева, направленный генералом А. З. Мышлаевским для содействия войскам, сражающимся за Сарыкамыш.

Сказав эту правдоподобную ложь, сама удивилась, как скоро я придумала отказ. Но я совершенно не была расположена к такому светскому завтраку. Что бы я ни делала, что бы ни говорила, но мой Ваня не забывался ни на одну минуту! Мне было не до любезных разговоров!

– Жаль! Я так хотел хоть немного забыться в вашем присутствии от этого кошмара.

– А как бы я хотела тоже забыть весь ужас, который я видела за эти дни!

– Ну, хорошо! Как только все с посылкой поезда наладится, я позвоню вам. Но опять повторяю, что ехать с этим поездом очень опасно…

– Все равно! Иногда неизвестность хуже смерти. Я очень хочу ехать. Если что-нибудь случится, например, турки расстреляют поезд, а нас возьмут в плен, я могу пенять только на себя! Спасибо, что сказали насчет хлеба и других припасов.

Мы распрощались самым сердечным образом, и генерал уехал. Я поднялась наверх в мою комнату и позвонила. Пришел Гайдамакин.

– Слушай, Гайдамакин! Мы едем в Сарыкамыш! Может быть, сегодня, а может быть, завтра. Нужно закупить как можно больше всякой еды. Если сможешь достать, купи окорок ветчины. Ведь Рождество скоро! Но сейчас генерал предупредил меня, что ехать опасно! Турки могут нас убить или взять в плен.

Гайдамакин стоит опустив голову и молчит. Потом говорит:

– Барыня! А что, если я поеду один?! Свезу барину провизию. А как всех турок наши заберут в плен или побьют, поезда опять заходят. Вы и приедете тогда. А вам здесь безопаснее. Комната у вас есть; хозяин хороший, да и знает нашего барина.

– Нет, Гайдамакин, я поеду! А ты пока иди, сделай все закупки и будь готов ехать во всякую минуту. Нас ждать не будут! Мы должны поехать на вокзал и сидеть там, как только я узнаю, что поезд пойдет. Возьми деньги, расплатись с хозяином.

– У меня еще есть много ваших денег. Хватит на все.

– Ну, хорошо, а я пойду теперь в госпиталь. Но если позвонят от коменданта и скажут, что поезд идет в Сарыкамыш, бери сейчас же извозчика и приезжай за мной в госпиталь.

Как только я пришла в госпиталь, меня позвали посмотреть на пленных турок. В большой комнате с решетками на окнах сидели пленные. Их было человек двадцать. Они сидели угрюмые и подавленные. На некоторых были шинели из тонкого серого сукна, не дающего никакого (так мне казалось) тепла. Другие в черных пальто; на ногах башмаки и обмотки.

– Кто они – солдаты или офицеры? – спросила я у одного из докторов, стоящих тут же.

– Говорят, офицеры! А по одежде скорее солдаты. Но самые обыкновенные люди, и совершенно не страшные! – сказал доктор.

Один из турецкой группы разговаривал с каким-то русским офицером. Переводчиком служил им доктор-армянин. Турецкий офицер заявил, что сопровождавшие

партию пленных армянские солдаты по дороге изрубили около четырехсот человек турецких солдат и офицеров. В живых остались только эти двадцать человек. Он так был взволнован, когда рассказывал это, что руки у него тряслись. Чтобы скрыть свое волнение, он держал полы своей шинели и бессознательно перебирал пальцами.

– Мы так с пленными не поступаем. Обезоруженный враг – солдат – становится нашим другом! А нас обезоружили и по дороге перебили. Мы просим виновных наказать за эту бессмысленную жестокость.

Когда он кончил говорить, руки у него еще больше дрожали, в глазах стоял пережитый ужас. Несмотря на голод (четыре дня их вели до Карса), никто из них не дотронулся до еды, которую им принесли из госпитальной кухни.

– Это ужасно! Обезоруженных пленных порубили! – сказала с возмущением сестра, стоящая рядом со мной.

Вдруг один из стоящих недалеко офицеров обернулся к нам.

– А вы посмотрели бы, что они сделали с армянскими жителями, которых они застали в Ардагане, и с теми беженцами, которых они догнали при наступлении! Все дома полны трупов! Женщин, детей – никого не щадили. Дороги усеяны их трупами! Ни один человек от них не спасся! Всех порубили! Я поручил армянской дружине сопровождать их потому, что у меня других людей не было! – закончил молодой офицер, тоже взволнованный не меньше, чем турецкий офицер. – Конечно, гуманности от армянских дружинников ждать не приходится. Когда у каждого из них только что, может быть, убиты отец, мать, или жена и дети.

Сестра совсем сконфузилась, почувствовала свою несправедливость по отношению к русским солдатам. Сколько она видела их, искалеченных вот такими же турками! И ее симпатии к туркам быстро меняются…

Возвращаясь в госпиталь, она уже с возмущением говорит:

– Ах, какие жестокие, перебили женщин, детей! А мы должны еще их кормить?

– Доктор, я сейчас видела пленных турок, – входя в перевязочную, говорю я.

– А, сестра, дайте лубок для ноги, – не слушая меня, сказал он.

Я помогаю доктору бинтовать ногу; поддерживаю лубок. Кость в двух местах прострелена. Нужно бы сейчас же сделать операцию. Но и в таком виде его довезут до Тифлиса, а там больше средств для такой серьезной операции. Там его положат после операции сразу в спокойное положение; а с переноской и с перевозкой отсюда до Тифлиса кости могут сдвинуться и неправильно срастись.

– Сестра, помогите мне наложить гипсовую повязку вот этому, – говорит другой доктор. – У него сломана ключица и раздроблено плечо.

Сначала мы перевязываем рану; потом накладываем гипс, и, утвердив плечо неподвижно, вешаем руку на косынку. Доктор написал по гипсу «есть рана».

– Доктор! Вот раненный в живот, – снимая марлю, говорю я. Доктор подошел и легко нажимает пальцами вокруг раны. Живот немного вздут, затвердел, и краснота вокруг раны…

– Сухую повязку и забинтуйте, – сказал он.

Мы осторожно наложили повязку, переложили со стола на носилки, и санитары понесли раненого на койку. Доктор делает мне знаки, чтобы я шла с носилками. Уложив раненого, я поручаю его другой сестре:

– Сестра, смотрите за ним. Он ранен в живот! Не давайте много воды пить, только немного смачивайте рот.

В перевязочной на столе лежит новый раненый. Сестра Аня разрезает ножницами толстый слой марли и ваты, намотанной вокруг бедра. Доктор моет руки.

– Доктор, я поручила раненого сестре Анаевой.

– Это хорошо; у него начинается перитонит. А у этого тазобедренная кость прострелена.

Я вымыла руки, но опустить в раствор сулемы не хватило мужества: кожа на моих руках представляла кровавые борозды, так потрескались – до крови. Старый фельдшер, которого мы, сестры, называли дедушкой и который заведует аптекой, часто приходит в нашу перевязочную. Он показал мне на большую бутыль, полную мутной жидкости:

– Это я приготовил средствие для вас, сестры. Чтобы ручки мазать после работы.

– Доктор, сейчас уже шесть часов. Пора кормить ужином раненых.

– Хорошо! Вот этим и закончим пока.

– Доктор! Мне, может быть, удастся завтра уехать в Сарыкамыш.

– Что?! Вы опять хотите попасть к туркам в плен? – строго спрашивает он. – Как вы можете ехать, когда поезда

не ходят?! Или опять поедете на своих коняках с санитарами?

– Нет, я собираюсь более серьезно. Завтра пойдет первый поезд расчищать путь от турок.

– Ну, и вы тоже будете помогать расчищать путь? – сказал он.

– Нет, не буду; для меня всегда найдется работа, более подходящая по моим силам и знаниям.

– Слушайте, сестра Семина! Если вы любите вашего мужа, вы должны сидеть здесь и ждать, когда расчистят этот путь люди, которым надлежит это делать! Притом, вы мне нужны здесь при моих работах в операционной. И без моего разрешения вы покинуть госпиталь не имеете права.

– Доктор!.. Но ведь я пришла работать к вам как доброволец!

– Да! Вы были добровольцем, когда входили в это здание и предлагали свою работу. Но с той минуты, как вас зачислили, вы перестали быть добровольцем и стали работником этого госпиталя, как и все служащие в нем.

Я стояла пораженная серьезностью его слов и мыслью, что с уходом поезда исчезнет последняя надежда на скорое свидание с мужем!

– Это невозможно! Я не могу оставаться здесь дольше! Я так мучаюсь отсутствием известий о муже, а это единственная возможность уехать в Сарыкамыш.

Доктор смотрит на меня испытующе.

– Хорошо! Поезжайте! Но вы должны еще спросить главного врача. А мне что! Поплачу, да и возьму другую

сестру, – уже смеясь, говорит он. – Ну! Ну! Поезжайте. Кланяйтесь доктору.

– Спасибо! Надеюсь, мы еще увидимся с вами!

– Конечно! Везде, где кровь и раны, нам с вами встретиться легко.

Я пошла искать главного врача и нашла его, конечно, около больного.

– Доктор! Я хочу завтра ехать в Сарыкамыш к мужу.

– Как же вы это хотите осуществить?

– Завтра, может быть, пойдет туда первый поезд. – И я все ему рассказала.

– Ну, что же, поезжайте! Дай бог успеха! У нас теперь рабочих рук достаточно вполне. Кланяйтесь доктору.

Попрощалась с врачами и сестрами и пошла домой. У ворот госпиталя меня ждал Гайдамакин.

– Кто-нибудь звонил мне?

– Звонил генерал Зубов. Сказал, что поезд пойдет завтра утром.

– А покупки ты сделал?

– Накупил всего. На год хватит!

– Почему же ты не приехал раньше и не сказал мне?

– Еще я раскатываться на извозчиках стану? Ноги-то ведь есть? Вот и пришел пешком, – сердито говорит он. – «Нам» завтра утром позвонят с вокзала, сказал генерал, – добавляет он.

– В котором часу?

– Он сам не знает точно.

Темно, холодно. На улицах ни души! Гайдамакин идет в двух шагах позади меня. Наконец вот и гостиница! Вхожу. Внутри тепло и светло. Я поднялась в свою комнату. Гайдамакин принес горячей воды, а потом и обед. Ночью спала очень плохо. Все думала об этом поезде… Позвонят утром, но когда? Утро может быть и в три часа, и в десять часов. А ну как не позвонят и уедут без меня? Наконец вот и утро пришло! Но пасмурное и холодное. Я напилась кофе, Гайдамакин нашел извозчика, и мы поехали на вокзал. Лучше мы там будем ждать! Только на вокзале я заметила, сколько мешков и корзин было навешено на Гайдамакине.

– Что в этих мешках?

– Провизия!! Я ж вам говорил, что накупил – на год хватит всего.

На вокзале я сразу увидела знакомого кабардинца.

– Ну, что! Едем? – подходя ко мне, говорит он.

– Да, видите, я пришла.

– Да вы это серьезно говорите?! И вправду с нами собираетесь ехать?!

– Ну, конечно! Вот и солдат мой. Видите, сколько накупили всякой еды? А вы не знаете, скоро ли подадут поезд?

– Не знаю точно! Зря тянут! Сегодня день хороший, туман. Можно подойти к туркам совсем незаметно, если они занимают железнодорожное полотно… А! Вот и поезд подают! – и он бросился от меня навстречу к подходящему паровозу. Он шел медленно, дымя трубой.

Я увидела странный состав вагонов. В нем, кроме паровоза, был один вагон третьего класса и три товарных

платформы, на которых лежали выше человеческого роста тюки прессованного сена. Я заметила, что между тюками торчали дула пулеметов. Поезд подошел к платформе и остановился. Из комендантской комнаты вышел комендант станции и несколько человек офицеров, и все пошли к странному поезду.

– Ну как, все готово? – спросил комендант, обращаясь к кому-то на платформе с сеном.

– Готово! – ответили из-за сена.

– Ну так садитесь все, кто едет с поездом!

Солдаты сняли несколько тюков сена. Офицеры разделились на группы и стали взбираться на платформы, каждый на свое место. Мой кабардинец бросился ко мне:

– Садитесь в вагон! Едем! Но, Тина Дмитриевна, как только услышите стрельбу, ложитесь немедленно на пол! – Он ушел к своей сенной крепости.

Гайдамакин был уже в вагоне. Я стояла около подножки и смотрела, что еще будут делать. Офицеры уже все были на своих местах. На платформе вокзала стоял комендант станции и какой-то чиновник в черном пальто с золотыми пуговицами и в форменной фуражке. Комендант не обращал никакого внимания на мое присутствие:

– Ну, кажется, все готово, можно трогаться!

Комендант и чиновник попрощались, и чиновник, пройдя мимо меня, вошел в вагон.

– С Богом! Трогайтесь!

– Ах, черт! Стойте, стойте! Я забыл позвонить какой-то даме… Комендант крепости просил вчера об этом. Она должна была ехать с вами в Сарыкамыш.

Комендант бросается в комнату, но Завьялов кричит ему:

– Она здесь, здесь уже! – и, соскочив с платформы, подвел коменданта ко мне. – Вот она, дама! Не беспокойтесь – я за нее отвечаю! Это нашего доктора Семина жена.

Комендант, смотревший недоверчиво на меня, вдруг повеселел:

– Как же! Ведь и я знаю очень хорошо доктора Семина. Так вы едете к мужу? Ну, так передайте ему от меня самый сердечный привет!

Завьялов ушел на свою платформу. Комендант помог мне войти в вагон. Мы попрощались как давно знакомые люди. Поезд тихо, незаметно отошел от станции. В нашем вагоне были только три человека: чиновник в черном пальто, Гайдамакин и я. Была полная тишина. Я не слышала и не замечала ни шума, ни стука колес. Поезд шел тихо – бесшумно, точно крался… Чиновник и Гайдамакин сидели на противоположной стороне от станции, а я сидела у окна со стороны Карса и смотрела на давно мне знакомые места. Пустые снежные поля, над которыми повисла мгла, закрывали всю даль, как и в тот день, когда мы ехали в Карс.

Поезд шел медленно, осторожно, точно нащупывая свой путь. Мои спутники по вагону, чиновник и Гайдамакин, молчали и тоже всматривались в надвигающуюся местность. Сколько прошло времени, не знаю. Все было полно ожидания какой-то опасности… И вдруг я увидела много людей! Я еще не успела даже подумать, кто эти люди, только мелькнула мысль: «турки!» – как услышала, что сзади меня Гайдамакин кричит и дергает меня за шубу:

– Турки! Турки! Скорее ложитесь на пол!

Я оглянулась. Чиновник стоял на коленях и пригнул голову к самому полу и тоже кричал мне:

– Турки! Это турки! Ложитесь на пол!

Но, прежде чем лечь на пол, я взглянула в окно; это был только один миг. Я увидела, что турки стоят большой толпой и смотрят на наш поезд, но не стреляют. Все это было так странно, что я просто забыла испуг первой минуты и продолжала смотреть. А мои спутники по вагону все еще лежали и ждали пулеметной или хоть бы ружейной стрельбы, и не поднимались с пола… Поезд продолжал идти медленно и скоро совсем остановился. Сейчас же один из наших офицеров-пулеметчиков соскочил с платформы и шел, держа револьвер в руке. Увидя меня, он крикнул:

– Не выходите из вагона! – подойдя к турку, который, однако, оказался нашим солдатом, он стал его что-то расспрашивать. Солдат, не вынимая рук из подмышек и обхватив ружье крест-накрест обеими руками, что-то объяснял офицеру, показывая на огромную толпу турок.

– Свои, свои! – кричу я своим спутникам. – Свои! Видите, разговаривают с нашим пулеметчиком?!

– Теперь вижу, что свои! – говорит чиновник, и вместе с Гайдамакиным идут к выходу из вагона.

Открыв окно, я стала слушать разговор офицера с солдатом.

– Сколько же тут пленных у вас?

– Не могу знать! Не считаны еще…

– Где твой командир?

– Да он с отрядом! Преследует турок, что бежали вон за ту рощу, – солдат показывает штыком в туманную даль к лесу…

– Отчего же не отобрали оружие от пленных?!

– Да где же отбирать-то? Их здесь сколько, а нас, поди, взвода два не наберется! Только что сгрудили их в одно место и смотрим, чтобы не разбежались куда. А винтовки сами лучше стерегут; нам не управиться со всем…

– Надо сейчас же отобрать оружие! – говорит офицер. И вслед за этим кричит: – Конвойные! Отобрать винтовки от пленных!..

Прошла минута, среди турок – гул голосов, и из толпы пленных вышел, по-видимому, турецкий офицер, подошел и положил на снег около конвойного солдата и пулеметчика шашку и револьвер и вернулся к своим солдатам. Сейчас же вслед за ним стали выходить и класть свои ружья в общую кучу и солдаты.

Но что это? Я вижу, как один из пленных упал. И сейчас же рядом стоящий «запрегся» в его ноги, как в оглобли, оттащил его немного и стал снимать с него одежду и обувь и тут же стал надевать на себя. Вот еще один упал, и еще один! И всякий раз стоящие поблизости товарищи по оружию и по несчастью бросались к упавшему, как на добычу, оттаскивали его и безжалостно срывали с несчастного, очевидно, еще живого, одежду и обувь и все это надевали на себя. Это было так ужасно, что я отошла от окна, перешла на другую сторону вагона и стала смотреть вдаль. Сначала я смотрела далеко, туда, где был чистый белый снег. Но потом мой взгляд перешел ближе и остановился на рельсах, где лежали кучи какого-то тряпья… Я стала приглядываться… И

вдруг ясно увидела торчавшие из снега, смешанного с кусками одежды, руки, ноги, половину головы с оскаленными зубами… Боже мой! Кто это?! Русские?! Турки? Я отошла от окна и села, закрыв лицо руками, чтобы не видеть этого ужаса.

– Что с вами? – чуть дотронувшись до моей руки, спросил кто-то.

Я отняла руки от лица и вижу перед собой вернувшегося в вагон чиновника.

– Посмотрите в окно, – говорю я. Он заглянул.

– Да, мы только что смотрели уже. Это остатки того поезда, который вышел из Сарыкамыша последним и был захвачен здесь турками. Они всех перебили, а трупы ограбили и раздели. В этом поезде были сестры, врачи, чиновники. Всех прикончили…

Какой ужас! Вот и меня то же самое ожидало сегодня, не будь здесь этих вон наших солдат, прижавших крепко к животу ружья. Все мы сейчас валялись бы в общей куче, обезображенные, раздетые. Теперь только я поняла, почему все так уговаривали меня не ехать! Холод пробежал по спине и затылку, шевеля волосы на голове. Я как-то никогда не думала о смерти; в двадцать два года она кажется далеко. И кроме того, раз все умирают на войне так просто и быстро, то почему же я не могу умереть, как солдат?! Но мучения и издевательства, которые перенесли все эти валяющиеся в снегу!! Какой невыносимый ужас!!

– Сядьте подальше от окна, – говорит чиновник.

Я пересела на старое место. Завьялов увидел меня в окно и сказал:

– Выходите, посмотрите пленных! Они теперь не страшны, – потом он обратился к конвойным. – Ну! Я думаю, мы вам не нужны. Вы и сами справитесь! А мы поедем дальше.

Наш поезд тронулся и медленно пошел к Сарыкамышу. Местность кругом была безлесная, холмистая, покрытая толстым слоем снега. А вот и дорога, по которой мы уезжали из Сарыкамыша в Карс. Только две недели тому назад, а мне кажется, прошло много, много лет! Что меня ждет в Сарыкамыше? Но вот стало заметно, что поезд идет на подъем. Стали попадаться кусты и небольшие деревья. Холмы становились все выше и все ближе подходили к полотну. Скоро начались и настоящие горы, покрытые огромными соснами. Особенно высок и крут был склон гор справа от нашего пути. И лес на нем был густой и могучий. И тут я опять увидела турок! Около каждой сосны, прижавшись спиной к стволу дерева, обхватив ружье руками крест-накрест, а кисти рук спрятав под мышки, стояли турки!

– Турки! Турки! Смотрите, турки! – закричала я. Но мои спутники не посоветовали ложиться на пол. И сами не легли. Они прильнули к окну и смотрели…

– Замерзли! Все замерзли… Присмотритесь внимательно, – говорит чиновник. – Вон один присел в снег, только голову да ружье видно.

Теперь и я ясно вижу! Их всех занесло снегом. Снег ровный, не примятый. Так около живого человека не бывает. Мы перешли на другую сторону вагона. По эту сторону полотна местность была более низкая и ровная. Только в некотором расстоянии от него снова поднимались холмы,

уходящие в такую же чащу соснового леса. И всюду, куда только проникал через лесную гущу глаз, стояли эти мертвые часовые!.. Все замерзли; никто не ушел!.. Потом я узнала, что такими мертвыми часовыми был полон весь лес – до самого Сарыкамыша… Многие пробрались на окраину города. Некоторые дошли до самых домов и тут замерзли. Других убили наши солдаты…

А поезд продолжал двигаться тихо и осторожно. Горы подошли с обеих сторон к самому полотну. Гигантские сосны обступили нас и закрыли небо. Мы въехали в узкое ущелье. Стало почти темно. Мне хотелось заглянуть дальше вперед, но сосны и ели закрывали узкую полосу света. Тихо! Выстрелов не слышно! Ущелье кончилось, и опять стало светло. Поезд все так же тихо вышел к шоссе, которое пересекает полотно недалеко от станции, и остановился. Дальше идти было нельзя. На рельсах лежали груды трупов. Целые горы их всюду по обе стороны пути. Но больше всего – вдоль шоссе, там, где срезанная гора тянется далеко за вокзал. Почти до самого верха откоса навалены эти трупы: босые, окровавленные, смерзшиеся друг с другом… Вороты у рубах и пояса штанов были расстегнуты, карманы вывернуты… Ни на одном трупе не было верхней одежды…

– Кто это сделал? Кто мог успеть раздеть и ограбить тела так быстро? Вероятно, сами же турки? Мы ведь видели на станции Ново-Селим, как они раздевали своих товарищей, не успевших еще умереть!.. – сказала я.

– Ну, я это не думаю! – сказал чиновник в черном пальто с золотыми пуговицами. – Вернее всего, это дело рук наших солдат и казаков! Это наши занимались мародерством.

К нам в вагон пришли наши пулеметчики.

– Ну как, живы? Очень напугались? Видели, сколько замерзло турок?

– Да! Мороз как раз пришел к нам на помощь! Да и наши, видать, поработали неплохо: тысячи турецких трупов лежат, куда ни посмотришь!

– Да! Здорово набили турка! – сказал кабардинец.

– И даже успели раздеть и ограбить! – вставляет чиновник.

Офицеры сразу возмутились:

– Ну да! Ограбили! Ограбили! Когда вот такое дело сделает русский солдат, то не видят! А какой-нибудь пустяк снимет с убитого, сейчас же гвалт: «Грабеж! Ограбили!..» – возмущенно говорят офицеры.

– Гайдамакин, давай выходить, – Я поблагодарила, попрощалась со всеми, и мы вышли из вагона.

Глава 5

Здесь солнце было горячее, и не было тумана. Ниже железнодорожного полотна и вдоль дамбы горели костры, около которых казаки, сидя на корточках, жарили нанизанное на кинжалы мясо. Когда мы поравнялись с первой группой, они обратились к Гайдамакину:

– Слышь! Соль есть?! Дай малость. Хлеба нет, мясо есть! Но соли нет! Совсем дело дрянь! – сказал казак, держа кинжал над костром и поворачивая его. Нанизанное на кинжал мясо трещало и шипело.

– Нет, и у нас соли нету, – говорит Гайдамакин.

– А вы откуда, сестра, идете? – спросил казак.

– Мы только что приехали из Карса. Вон поезд стоит.

– Из Карса! – они смотрели на нас, точно на выходцев с того света.

– Слышь! Вот они только что из Карса! – закричали казаки. И все побросали жарить мясо и стали кричать, поворачиваясь в разные стороны: – Слышь! Вот приехали из Карса!..

Моментально вокруг нас образовалось кольцо. Все побросали свои костры и жареное мясо, бежали к нам и густо и тесно обступили нас.

Они все сразу спрашивали нас:

– Ну, как там? Сколько там турок? Где турки? Значит, дорога открыта?! Продовольствие скоро подвезут?

– Слышь! Станичники, не ешьте мясо, подождите соли! Скоро соль привезут, – острил кто-то в толпе.

– Да что ж это за поезд! Сено прислали! О лошадях позаботились, а казакам есть нечего, – говорят казаки.

– А мы тут разделали турку! Видели, сколько их лежит! – протягивая руку к горе, говорит казак.

– А вы работать приехали в госпиталь, сестра? – засыпали меня вопросами казаки.

– Да! Но я хочу узнать сначала, где мой муж?

– На что вам ваш муж! Вот выбирайте любова! – казак показал на стоящих вокруг меня казаков. – Сейчас под венец пойдем!

Все смеялись, показывая белые, крепкие зубы. К нам подошел какой-то казачий офицер. Все расступились, показывая на меня:

– Вот! Только что приехали из Карса!

Офицер был немолодой, стройный, с перетянутой узким кавказским ремешком талией, с папахой, заломленной немного назад.

– Эй! Откуда это сестра здесь взялась?! – улыбаясь и сверкая черными глазами, спросил полковник (у него на плечах были полковничьи погоны).

– Приехала из Карса! Иду к мужу, – невольно сама улыбаясь этим мужественным воинам, сказала я.

– Где ваш муж?

– Не знаю, должен быть где-то здесь!

– Какого полка?

– Да он не офицер.

– Кто же он у вас?

– Доктор!

Сразу все стали серьезными.

– Ну, идите скорее; не станем задерживать вас. Да я лучше сам провожу вас.

– Спасибо, у меня есть свой телохранитель.

– Ну где ему, он так нагружен, что не сможет отбить атаку.

Мы пошли вместе. По дороге полковник рассказывал, как они «разделали» турка. Он вывел нас с дамбы на главную улицу, пожелал благополучного пути, и мы расстались. Эти пожелания «благополучного пути» были очень кстати. Вся улица была запружена подводами, ехавшими в обе стороны, всадниками, вьючными лошадьми и массой пеших солдат и казаков, шедших во все стороны. Никто не соблюдал правил

уличной езды, каждый ехал как и куда хотел. Ругательства летели со всех сторон, самые отборные, «изысканные» по отношению друг друга. Какой-то офицер старался хоть как-нибудь навести порядок и принимал оживленное участие в этой отборной словесной перестрелке. Нас скоро прижали к самому забору, где когда-то были лавочки, бойко торговавшие всякой мелочью. Теперь от них не осталось даже и следа. Около нас стоял солдат, гнавший трех осликов, навьюченных мешками. Этих осликов почти не было видно под их грузом. И осликов, и гнавшего их солдата так прижали к забору, что они не могли двинуться ни назад, ни вперед. Тонкие ножки их ушли в снег до самого брюха…

– Разгружать придется! – сокрушенно говорит солдат. – Так не выберутся! Совсем утонули в снегу! Земляки! Помогите поднять ишаков, – обратился он к шедшим мимо солдатам. Но те только смеются и сами едва вытаскивают ноги из снега, стараясь пробраться дальше. А снег, как песок сыпучий, размолотый обозами до самого грунта, был серо-красный. В нем застревали колеса, вязли лошадиные ноги, да и люди с трудом могли двигаться.

– Барыня, идемте «посередке»! А то мы до ночи тут простоим! Вон господин прапорщик стоит «посередке» и распоряжается, – сказал Гайдамакин.

Мы шагнули в этот сыпучий серо-красный снег, и сразу ноги ушли до колена. Я сделала несколько шагов, с трудом вытаскивая то одну, то другую ногу.

– Нет, не могу идти дальше! Идем назад, к забору.

Но место, откуда мы только что отошли, было уже занято подводами, и мы очутились среди колес и лошадиных ног. Над моей головой я почувствовала лошадиную морду. Она

тяжело дышала, обдавая меня теплым паром. Я чувствовала, что еще шаг, и лошадь меня сомнет, а обозные колеса проедут по мне и погребут в глубоком снегу!

– Ей! Слышь земляк! Попридержи трошки лошадей! Видишь, сестра милосердная завязла в снегу! – закричал Гайдамакин, держась рукой за дышло…

Мы теперь не могли никуда податься и стояли беспомощно под лошадиными мордами, почти прижатые ими к задку большого обозного фургона. Справа стал двигаться ряд двуколок. Слева торчало дышло!..

– Эх! Ну и народ! Вот бы нашего барина сюда! Враз бы все нашли свою дорогу! А это что?! Разве это люди с понятиями?! – подбодряюще говорит Гайдамакин.

Как трудно стоять в этом сыпучем снегу, когда ноги глубоко вошли в него! А тут еще эти лошадиные морды дышат со всех сторон на меня!

– Стой, дьявол! Куды лезешь! Видишь, сестра не может никуда податься! – кричит Гайдамакин.

– Левая сторона, трогайся! – кричит офицер. Но в это время один из возчиков, у которого в большом обозном фургоне были запряжены в дышло две лошади, повернул почти поперек своей линии, остановив все движение!

– Эй! Раздавлю ведь вас, сестрица! – весело кричит солдат с фургона. – Полезайте сюда! А ты, эй там, осади своих маленько! Вишь, сестрица погибает! Давайте руку, сестра! – и, точно из колодца, вытягивает меня на свет божий!

Гайдамакин подал на подводу мешки и корзинки, влез сам и облегченно сказал:

– Ну, теперь хоть не раздавят! А к ночи как-нибудь и до дома доберемся!

– Доберемся! – уверенно вторит ему возница. – Вот только тут очистится, так и поедем помаленьку.

– Ты что там стал посередь дороги, отдыхать собрался, что ли?.. – раздалось со всех сторон. Но и мы теперь тоже не могли двинуться дальше. И долго еще стояли. Мне было теперь все равно. Хоть год стой, я не слезу с фургона! Ни за что…

– А что ты везешь? – спросила я своего возницу.

– Да продовольствие для госпиталя…

Наконец тронулись! Мой возница сразу стал забирать все правее и скоро перегородил всем дорогу. Опять сзади послышались ругательства!

– Куды ты, дурья твоя голова, воротишь?!

Но наш солдат молча хлещет кнутом лошадей, дергает вожжами, чмокает и старается попасть в новую линию. А ехавшие сзади нас не хотели уступать свое место. Они тоже хлестали лошадей, ругались. Крик, лязг цепей, стук дышел и колес оглушили совсем. Но зато мы в новой линии и недалеко от нашего переулка.

– Спасибо, что выручил нас! Теперь нам недалеко! Вон и наша улица. А здорово тебя изругали земляки!

– Пущай ругаются. Что вам, до ночи сидеть здесь? А нам спешить некуда…

– Стой! Мы слезем здесь. – Гайдамакин соскочил на снег, стянул мешки и узлы, и помог слезть мне.

– Гайдамакин, дай ему денег.

Но солдат стал решительно отказываться:

– Пошто мне давать деньги-то? Мне их не надо! Я справляю свою службу. Ну, а вы, значит, сестра для раненых! Как же вас не подвезти?!..

Вот и опять мы на нашей улице, тихой и спокойной! Сейчас же бросились в глаза валявшиеся поломанные фургоны, перевернутые двуколки, какие-то бревна, поваленные забор и двери ближайшего домика, солома и много тряпок.

А вон и наш маленький домик! Стоит цел и невредим! Иду впереди; Гайдамакин отстал под тяжестью мешков и корзин. Вхожу во двор. Никого! Посреди него – санитарные двуколки!! Я вбегаю в сени и быстро открываю дверь в столовую… И первого, кого я вижу, – мой Ваня!.. В углу, где до моего бегства стоял ящик с коньяком, сидит он, и на коленях у него – черный щенок, которого он нежно гладит. Над столом горела все та же висячая лампа. Окна завешены одеялами. Все это я заметила в один миг.

– Ваня!! – крикнула я. Он так быстро вскочил, что я слышала, как шлепнулся щенок о пол. – Ваня! Родной мой! – И плачу от счастья и радости… Сразу забыто все пережитое! Он тут! Прижимает меня к своей груди, целует мою голову. И вдруг отвел мою голову в сторону и посмотрел на меня…

– Откуда ты взялась? Каким образом очутилась ты здесь?!

В это время вошел Гайдамакин с мешками и узлами.

– Вот и он! Здравствуй, Гайдамакин! – сказал муж. – Беженцы вернулись! А знаете ли вы, что здесь нечего есть?! И самого главного – совершенно нет хлеба!..

– Ну, это не такая уже большая беда… Посмотри, сколько мы всего привезли!

– Вот это умно, что закупили много еды!

– А ты нашел спрятанную под полом еду? (Хотя я сразу увидела на столе самовар.)

– О, да! Мои санитары сразу все разыскали! И очень ты хорошо это сделала, что оставила еду здесь. Без этого мне нечем было бы питаться. Здесь ничего нельзя получить. Ведь идиотство какое! Все побросали здесь! А хлебопекарни вывезли из Сарыкамыша. Вся армия осталась без хлеба! Его выдают по полфунта на человека!..

– А когда ты вернулся сюда? Я ждала! Ждала тебя! Турки пришли! А тебя все нет.

– Ну, знаешь, полная глупость получилась с твоим бегством. Ты уехала утром, а я приехал с транспортом в четыре часа после обеда! Я был уверен, что ты здесь. Приезжаю – двери открыты, в комнатах полный разгром! Нет ни тебя, ни вещей! Пошел в команду, там то же самое, ни людей, ни лошадей, ни неприкосновенного запаса! Видно, что люди бежали! Но куда и зачем? Пошел в штаб узнать, в чем дело. Один из адъютантов рассказал мне, как ты стояла на площади под обстрелом турецкой батареи… А мой транспорт и поработал! Больше всех других мы вывезли раненых за эти дни! Младший врач удрал. Да и черт с ним, с трусом! Он за эту поездку даже похудел! По-видимому, он давно уже хлопотал о переводе на теплое, спокойное место в тыл. Вот тоже мерзавцы сидят у нас в окружном медицинском управлении! – вдруг загорячился муж. – Я только одного не понимаю: взятки ли действуют там или протекция? Но только все это сплошная мерзость! Прислали ко мне этого Штровмана, недавно приехавшего из Германии. Казалось бы, никому не известного. Но нет, весь тыл стал

хлопотать, чтобы устроить его на приятное для него место. И в самый разгар работы он уезжает. Переведен в Самару, в запасный госпиталь! Ну, черт с ним! Я не плачу о нем! Но мне пришлось ведь из-за него работать за двоих все время. И не это, конечно, важно! А преступно то, что там, где должны были бы работать два врача, – работал один! Ведь руки-то у меня только две… И ведь окружное управление знало положение в Сарыкамыше, и, тем не менее, ему разрешили уехать отсюда?!.. Ну, еще раз, черт с ним. Лучше расскажи о себе – где ты была, что делала и как удирала от турок?

Я рассказала все, в том числе и то, как мы чуть не попали в плен. Муж ходил по комнате, курил, не вынимая папиросы изо рта, и пускал густые клубы дыма, нагнув голову, засунув руки за пояс, и молчал.

– Да! Могли бы быть в плену сейчас! Даже не в плену, а гораздо хуже – просто убили бы всех вас. Это все штаб со страху наделал столько глупостей. Они там так перетрусили, что и сами бежали из Сарыкамыша. На позиции люди гораздо спокойнее: бьют турок, да и только. Никакой паники. Панику разводят в тылу, в штабах. А видела, сколько всюду убитых турок лежит? Это еще самая небольшая часть их. А сколько на горе, в лесу за Сарыкамышем! Всюду!.. Турки ведь обошли город выше Сарыкамыша и даже вошли в него со стороны Карса и дошли до госпиталя, чтобы отрезать путь отступления нашим на Кагызманскую дорогу. Они, то есть турки, думали, что наши войска будут искать спасение в

отступлении! Но они жестоко ошиблись![14] Наши дрались как львы! Всюду, куда только они не проникали, их уничтожали. А мороз тоже делал свое дело – приканчивал их. Вот я покажу тебе место на нашей улице, около госпиталя, где турки забрались на сосну, подняли туда пулемет и обстреливали тех, кто искал спасения в бегстве, желая воспользоваться Кагызманской дорогой. Но это были только одиночки, потерявшие со страху рассудок – и погибли все от турецких пуль. Главный прорыв турок был около вокзала! Ты представь себе! А ведь вокзальное здание было в это время переполнено нашими ранеными! От вокзала турки хлынули на дамбу и ворвались даже на главную улицу. Затем часть их проникла и в боковые переулки, и даже до нашей улицы. Бывшие там отдельные группы солдат и казаков бросились бежать, крича: «Все пропало! Спасайся кто может!» Конечно, это было ужасно, и на моих санитаров это подействовало панически! Они тоже бросились бы бежать, если бы не я. Я приказал своим санитарам строить заграждение у входа в нашу улицу. А всех бежавших мимо останавливал с ре вольвером в руке и заставлял помогать строить укрепление. Не все, конечно, меня слушались. Многие продолжали в

---

[14] 11 (24) декабря 1914 г. временный командующий Кавказской армией генерал А. З. Мышлаевский отдал приказ Сарыкамышскому отряду генерала Г. Э. Берхмана отступать к Карсу. В результате чего Сарыкамыш сдавался фактически без боя, а противник получал в свое распоряжение железнодорожную ветку. Главное же – противник вступал в русское Закавказье. Но начальник штаба Кавказской армии генерал Н. Н. Юденич принял решение защищать Сарыкамыш.

панике бежать наверх к госпиталю. Но там-то они и находили свою смерть. Два турка с пулеметом забрались на сосну около госпиталя и обстреливали каждого, кто появлялся на улице. Долго никто не мог догадаться, откуда они стреляют. Таким образом погибло много наших. Только через два-три дня их наконец заметили и сразу сняли выстрелами. А пулемет и сейчас еще стоит на сосне.

Два дня шла повсюду адская стрельба. Мой транспорт и носу не мог показать никуда. Не вызывали! Да, впрочем, некуда было и ехать за ранеными. Вокзал под обстрелом. На дамбе шел непрерывный бой. То турки прорвутся и бегут в город, сокрушая все на своем пути! То наши их гонят и бьют штыками, гранатами, пока хоть один турок оставался живым. Так и переходила дамба из рук в руки поочередно! А раненые тут же и замерзали – наши и турки. А на горе, над вокзалом, бои продолжались все время! Раненые сами скатывались оттуда вниз к вокзалу, где им оказывалась первая помощь полковыми врачами. Но немногие доходили, вернее, доползали до здания. Скатится с горы-то, а до самого здания доползти уже нет сил. И тут же замерзают! Сколько мы за это время таких подобрали! Мертвых уже! Тяжело и больно смотреть на них. Во всем как-то обвиняешь себя в таком случае; и думаешь, что что-то упустил, не сделал так, как бы нужно было! Да где там? Ад был! Но как только явилась маленькая возможность, я со своим транспортом бросился к вокзалу, и уж мы там работали день и ночь. Забыли и об еде, и о сне!..

Но постой! Я расскажу сначала, как мы защищали нашу улицу. С помощью моих санитаров и задержанных пластунов мы стащили фургоны, хозяйственные двуколки, повалили телеграфные столбы, заборы, даже вырвали двери из домов,

и все это навалили у входа на нашу улицу. И из-за этой баррикады стали отстреливаться от наседавших турок. Но сколько они ни наседали на нас, а прорваться ни один все же не смог! Мы их целую гору набили! У нас самих было только несколько легкораненых. Пока повсюду шел, и за городом, и на горах, и в нем самом, смертельный бой за обладание Сарыкамышем, раненых на вокзале набралось несколько тысяч. Только умерших выносили и тут же около здания складывали.

– Как ты с транспортом попал домой? Я ждала тебя. Но меня насильно заставили выехать из Сарыкамыша в Карс. Тоже с приключениями. Расскажу потом. А теперь дай еще посмотреть на тебя! Видишь! Самовар на столе, а мы и не заметили, как его подали. Но что это? Выбиты окна?!

– Это турки выбили шрапнелью. Почему-то они решили, что в этом маленьком домике помещается штаб. И давай его обстреливать. Выбили окна, искалечили санитарные двуколки, ранили шесть лошадей. Вот я подобрал в нашем дворе эти два стакана от разорвавшихся снарядов. Пошлю их домой. Пускай стоят у меня на столе на память.

– Ваня! Ведь эти шрапнели могли попасть в тебя?!

– Эх, Тинушка моя родная! Кто на войне думает о смерти? Сегодня жив – и отлично! Курю, вижу тебя! А что будет завтра – никому неизвестно!..

– Ну, расскажи теперь о приключениях транспорта!

– Хорошо! Помнишь, я получил телефонограмму с Зивинских позиций? Приехали мы туда благополучно, и оказалось, как я и говорил, что вызвал нас Кабардинский полк. Я узнал от старшего врача, что раненых гораздо больше, чем может поднять транспорт. И там же я узнал, что

турки сильно наседают на позиции полка. Утром следующего дня, пока команда пила чай, я пошел на перевязочный пункт узнать, когда мы можем начать погрузку раненых. Только я пришел, старший врач говорит: «Скорее берите раненых, сколько сможете! Полк отходит с позиции!» Я пошел в транспорт и приказал немедленно запрягать лошадей, подавать двуколки к перевязочному пункту и грузить раненых. Я видел, что всех мы не сможем взять! Стали нагружать. Сначала клали нормально. Потом стали класть добавочных. А раненых все еще много. Приказал класть и в мою двуколку. И все же раненых было еще много. Тогда я приказал сажать и на сиденья кучеров, и на хозяйственные двуколки тех, кто хотя и не тяжело ранен, но сам идти не может. Легкораненые шли, держась за двуколку. Некоторых санитары вели под руку. Конечно, транспорту пришлось идти все время шагом. Несмотря на это, еще оставались раненые, для которых уже не оставалось никакого места! И не считаясь ни с лошадьми, ни с двуколками… разместили всех!.. Правда, вся команда, писаря и я с доктором Штровманом, – все мы шли пешком всю дорогу, как и некоторые легкораненые. Зато не оставили ни одного раненого на пункте!! Как только закончили погрузку, сразу тронулись в обратный путь. Но не успел еще транспорт и вытянуться на дорогу, как нас остановили. Из полка прислали сказать, что Сарыкамыш занят турками и что полк спешно идет туда. А мне командир полка приказывает снять раненых с двуколок, а на транспорт посадить солдат, сколько только возможно поместить, и гнать в Сарыкамыш. На это я решительно заявил, что раненых не сниму и транспорта под здоровых солдат не дам!! Мне стали угрожать судом за неисполнение военного приказа. Но я сказал, что вверенный

мне санитарный транспорт предназначен для перевозки раненых, но не войск! И транспорт я отстоял! И раненых в Сарыкамыш привез! Мы выехали из Зивина и потихоньку направились к Сарыкамышу. По дороге нас догнал Кабардинский полк. Пришлось съехать с дороги, чтобы пропустить его. Знакомые офицеры кричали мне: «Молодец, доктор! Сумели отстоять свои права! Не бросили раненых!» И просили не бросать отставших слабых солдат. А когда проходила шестнадцатая рота капитана Ваксмана, то он умолял меня не оставлять без помощи ни одного человека из его роты. И я это делал, пока была хоть какая-нибудь возможность посадить. Сажали, главным образом, тех, которые падали без чувств. Если их не поднять сразу же, то они замерзали. Но чем ближе к Сарыкамышу, тем больше отставших солдат, а на двуколках не было уже решительно никакого места, да и лошади от усталости и голода едва шли.

В первый день похода полк делал только короткие привалы и шел весь день. И всякий раз после привала на снегу оставались сидеть солдаты. Товарищи их с трудом поднимали и вели дальше под руки. Но ночью, после первого же привала, оставшихся на снегу стало очень много, и поднять их не было никакой возможности! Приходилось класть их на двуколку, как мертвых. Но полежав и отдохнув, они приходили в себя и снова шли. Последнее утро перед Сарыкамышем полк совсем не отдыхал. Офицеры боялись, что не смогут поднять солдат. Зато теперь отставших было больше. Вдоль всей дороги по обе стороны, а то и посреди нее, сидели и лежали совершенно ослабевшие солдаты. И это, кажется, было самое страшное и тяжелое для меня. Они были живы, но не было никакой возможности поднять их на ноги. Что я ни делал, да и санитары мои, и все, кто мог идти

сам и мыслить еще хоть немного, – старались помочь упавшим солдатам. Я уговаривал, ругал, тащил за руку, ничего не помогало. Усталость была сильнее смерти! Люди перестали соображать и хоть малейшему усилию с их стороны предпочитали смерть… Старые солдаты, более крепкие и закаленные, помогали поддерживать слабых молодых солдат. Но к концу пути и они сами выбились из сил и не могли уже поддерживать других. Многие шли обнявшись по несколько человек, поддерживая друг друга. Некоторые несли по несколько ружей ослабевших своих товарищей. Но даже и тут, в такие минуты, слышен был смех и подбадривающие шутки… Солдат едва идет – шатается. И вдруг споткнется и упадет! А товарищи поднимают его под руки. «Ты что, земляк! Вставай, вставай! Идем до турка. Недалеко уже, а там отдохнешь!» Я видел, как офицеры сами шатались, как пьяные, и шли, опираясь на ружье. Но ни один из них не отстал. А на привалах они первые вставали, ободряя и поддерживая солдат, а некоторые брали под руку и вели слабых. На привалах никто не ел! А весь полк сразу ложился. Даже не курили! Последний привал был прямо жутким! Когда офицеры скомандовали – «вставай!», то команду исполнили только единичные люди. Остальные лежали не шевелясь! Пришлось пустить в ход грубую силу.

Вот, расскажу тебе, что я сам видел. Если бы не фельдфебеля, так офицеры и половины солдат не довели бы до Сарыкамыша. Без фельдфебелей офицеры не могли бы держать в таком порядке такую массу солдат! Для офицеров фельдфебель – незаменимый помощник, а для солдат – прямо отец родной. Он знает солдат своей роты, как мать своих детей. Да и не только, как солдата в роте, а он знает и семейную жизнь каждого из них. И из какой он деревни,

сколько у него дома коров, лошадей, какой был урожай в прошлом году… Когда солдаты ослабели и стали отставать, фельдфебель каждого называл по имени и старался подбодрить, поддержать под руку, или – возьмет его ружье и сам несет. Но когда солдат падал и видно было, что он не встанет больше никогда, то фельдфебель глубоко страдал… Упавшие замерзали почти моментально, а помочь им было совершенно невозможно! У каждого оставалось силы только на то, чтобы самому не свалиться на дороге навсегда… Ах! Как я был в душе рад, что ты на этот раз не поехала со мной. Мне, привычному человеку, невыносимо тяжело было смотреть на этих здоровых, нераненых людей, но беспомощно умирающих на глазах у нас, совершенно бессильных помочь им! Я ведь знал, что только отъедешь от них, и они замерзнут! Но что я мог сделать?! Лошади едва тащили свою двуколку, на которой не было ни одного свободного места! Полк давно нас перегнал и ушел далеко вперед… Сначала я оглядывался, не встал ли кто-нибудь и не идет ли. Но потом не стал: жутко видеть серые бугорки по всей дороге…

Когда транспорт подходил к Сарыкамышу, то в нескольких верстах от него я нагнал полк опять. Меня остановили и сказали, что транспорт идти дальше не может, что вокзал в Сарыкамыше занят турками, и вся местность находится под их обстрелом. Потом сообщили, что хотя самый вокзал и не занят, но находится под сильным обстрелом с гор, и проезда нет. Все же я попытался продвинуться несколько вперед и мог уже сам осмотреть всю местность. Я увидел, что транспорту придется дальше идти по совершенно открытой местности, на виду и под обстрелом турок! Но у меня не было никакого выхода! Я знал, что если оставить раненых

еще на одну ночь в двуколках, то они все замерзнут! И теперь уже добрая половина была обмороженных, но все же они еще были живы… Кабардинцы, рота за ротой, поднимались по глубокому снегу куда-то влево от дороги в гору. Где-то далеко уже слышно было их «ура»! А те роты, которые были еще вблизи от нас на дороге, сразу преображались при этом крике… Странное дело! Пять минут тому назад эти самые солдаты были толпой едва передвигавших ноги усталых людей. Но, как только донеслось до них это далекое и могучее «ура» и как только в ответ на это «ура» раздалась команда «вперед», я увидел перед собой совершенно других людей – настоящих боевых солдат! Все точно ожили! Сразу весь полк потянулся в гору, забирая все левее. Стрельба впереди стала сильнее. Солдаты говорят: «Это турки стреляют! Значит, наши дошли до них и атакуют их!!» Когда кабардинцы очистили дорогу, мы еще продвинулись немного вперед к Сарыкамышу. Турки, отвлеченные наступлением кабардинцев, ослабили обстрел Сарыкамыша. Я воспользовался этим относительным затишьем и, выбрав подходящее место, начал переправу через реку по льду, занесенному глубоким снегом. До противоположного берега мы добрались благополучно, никто не был ранен. Это было между Елизаветпольскими казармами и возвышенностью, на которой стоит полковая церковь. Но противоположный берег оказался так крут и высок, что лошади никак на него взобраться не могли. И не только с ранеными, а и без двуколки не взобрались бы. А турки обратили внимание на множество людей и большой обоз. И давай обстреливать! К счастью, стало темнеть и никого не ранили и не убили. Я моментально приказал своим санитарам сгладить этот крутой обрыв. Кое-кто из

проходящих солдат стал нам помогать. У нас в двуколках всегда есть с собой лопаты и топоры. Подгоняемые стрельбой, все работали, как дьяволы. И скоро мы могли попробовать втащить на руках первую двуколку; лошади не брали никак! Первую втащили с большим трудом (конечно, вместе с ранеными). Вторая, третья, а потом пошло совсем хорошо! Скат с каждой двуколкой становился все более пологим. Потом попробовали запрячь по четыре лошади в двуколку. Стали и лошади брать, хотя, конечно, люди помогали со всех сторон. Вся эта переправа заняла много часов. Было уже совершенно темно, но зато все двуколки были уже на стороне Сарыкамыша, и все раненые были в безопасности и от замерзания, и от турецких пуль! Было уже совершенно темно, когда мы подъехали к госпиталю, надеясь сдать наконец измученных раненых в теплое помещение. Несмотря на страшную усталось, я сам поехал с ранеными в госпиталь. Я знал, что мои санитары так же устали, едва на ногах держались. А тут еще им нужно несколько сот человек выгрузить, а половину из них перенести на руках! Едем прямо в госпиталь к Павловскому. Приезжаем туда – темно!! Иду к подъезду, открываю дверь в вестибюль – темно! И полная тишина! Ни души! Иду по коридору, кричу во весь голос, зову хоть бы кого-нибудь! Никого! Пришли подпрапорщик и доктор Штровман. Послал их искать по всему зданию: «Поищите хорошенько! Может быть, спрятались со страху куда-нибудь…» Ни одной души не нашли и они! Все пусто и брошено!.. Если бы ты знала, как я ругался! Расстрелять мало такого мерзавца – главного врача! Бросить госпиталь! И со всем персоналом удрать, спасая свою шкуру!!

– Да, родной, я с этим персоналом работала в Карсе. Они сами оказались брошенными своим начальством. Доктор Павловский удрал прямо в Тифлис! Будто бы за инструкциями!

– Дать ему ружье в руки и послать его, каналью, на позицию! Вот инструкция для такого типа! – с несвойственной ему злобой сказал муж. – Да я и выгрузил бы там раненых, и мы сделали бы все сами. Но здание так нахолодело, что снова согреть его нужно много часов, а то и за сутки не натопишь! А полузамерзших, едва живых людей помещать в холодное помещение было бы преступлением! Я решил ехать в другой госпиталь. Слава богу, ведь здесь их двенадцать было! Едем! Опять скрипят колеса по скованному морозом снегу! Темно! На горе над вокзалом зарево и трескотня ружейной и пулеметной стрельбы. Руки и ноги начинают мерзнуть. Ресницы и усы покрылись инеем. Хочется и мне в тепло! Устал и я! Иду рядом с двуколками, из которых не слышно ни стонов, ни криков, ни разговора! «Мертвый транспорт»!..

Я даже забыл о тебе, моя Тиночка! Ведь я знал, что ты ждешь меня и волнуешься! Да и от госпиталя до нашего домика было недалеко. Но я не мог бросить полуживых людей. Хотелось скорее поместить их в тепло. Едем к одному госпиталю – темно! Заходим в здание – холодно и никого нет. Едем к другому. То же самое! Посылаю узнать, где персонал? Посланный возвращается – никого нет! Помещение холодное, нигде ни души! Везде холод – не топлено! Понимаешь ли?! Ни в *одном* госпитале *никого*! Бежали все!! Армия, ведущая отчаянное сражение, оставлена без медицинской помощи, без госпиталей!!. Надо было что-то делать, чтобы выйти из отчаянного положения и

как-нибудь спасти и устроить наших раненых! Некоторые госпитали занимали двухэтажные кирпичные дома, в которых раньше были офицерские квартиры. Это все казенные здания. Дома были небольшие, но со всеми удобствами и очень чистые. Вот в один из таких брошенных домов госпиталя я и приказал выносить раненых. Сейчас же затопили печи. Я сказал подпрапорщику, чтобы варили как можно больше супу. И клали бы больше мяса в котел. Ведь два дня никто не ел ничего горячего! Скоро и в комнатах стало теплее. Тогда я решил сходить домой, узнать, что с тобой и успокоить тебя. Но Ткаченко говорит «Пожалуйте! Ваша двуколка освободилась!»

Подъезжаю к нашему дому – темно! Иду в дом – двери открыты, нигде ни души! Кричу тебя – полная тишина! Никого нет! Все бежали!

«Шибко, видно, все перепужались! Страшно! Как не как, а турка неприятель ведь! Не усидишь небось! Все поуехали! Ну, и наша барыня тоже, конечно, с другими…»

Да, видно, паника была тут большая, раз госпитали побросали и все бежали! Поехал в штаб. Там тоже у всех растерянный вид. Настроение нервное, напряженное. Несколько раз пытался выяснить свои затруднения, что привез несколько сот раненых, а в госпиталях нет персонала. Меня не дослушают и говорят: «Вон, расскажите полковнику!» Начну снова объяснять положение вещей этому полковнику, а он посылает к кому-нибудь третьему… Наконец удалось заставить какого-то адъютанта выслушать меня до конца.

«Да, да! Мы вынуждены были все, что только возможно, вывезти из Сарыкамыша!..» – «Хорошо! Но как же мне быть с

ранеными?! Помещения не топлены! Ни еды, ни медицинской помощи нет совершенно никакой!!» – «Не знаю! Да удержим ли мы еще турок?! Может быть, придется и остальное все бросить, а самим уходить, куда возможно будет!..»

Потом он же рассказал мне, как заставил тебя уехать из Сарыкамыша. Правда, у меня тревога за тебя как-то отлегла, и сразу стало легче на сердце. Теперь, значит, можно все свое внимание отдать целиком раненым, которые оказались на моем попечении. Было уже поздно, когда я из штаба поехал прямо в госпиталь. Помощи неоткуда было больше ждать. Надо было самому приниматься за устройство раненых, оказавшихся на моих руках. Приезжаю в госпиталь. Подпрапорщик говорит, что обед готов, сейчас раздавать будем. И в помещении тепло. Потом вдруг мне сообщают, что пришли несколько человек санитаров и два врача этого госпиталя... Это прямо подарок с неба! Я сейчас же пошел, разыскал их и познакомился с врачами. Они рассказали, что панику развел сам штаб. Никто и не думал бросать госпиталя. Но из штаба сообщили, что они не гарантируют безопасности и что благоразумие требует, чтобы все выехали. Началась паника. Запрягали лошадей в фургоны, в хозяйственные двуколки, и все желающие уехали.

«А вы почему же не уехали со всеми?» – спросил я их. «Да, черт возьми! В конце-то концов мы, мужчины, призваны помогать и защищать Родину. И вдруг, при первых же выстрелах, бежать! Просто нелепость какая-то! Ну вот мы вдвоем и остались. Да санитары, как верные солдаты, посовестились нас бросить и тоже стались с нами! И любопытство нас одолело большое! Целый день мы торчали на улице и смотрели, что делают турки на горе. Ведь война!

Настроение приподнятое! Хотели даже взять винтовки и идти на защиту Сарыкамыша! Но подумали о раненых: ведь если и нас убьют, то кто же будет перевязывать их? Но на вокзал мы никак не могли пробраться. Вот мы тут и остались. К вечеру стало довольно жутко. Нигде ни души живой! Улицы пусты, здания брошены. А на горе бой. И неизвестно, где наши, где турки? Когда совсем стемнело, слышим шум и большое движение на улице. Санитары кричат – турки! Ну, мы в подвал и спрятались. Потом слышим, что как будто родная – русская – речь. Сделали вылазку и, когда убедились, что это свои, сейчас же вышли». – «А откуда эти раненые? Не с вокзала?» – спросил меня молодой врач. «Нет, не с вокзала. Я их два дня и две ночи вез сюда с позиции от Зивина…»

Передав врачам раненых, я хотел ехать домой, но вспомнил, что дом разорен, темно, холодно и нет никакой еды. А тут стали раздавать раненым суп! Его аппетитный запах еще больше обострил чувство голода, и в пустом желудке жгло. Галкин предложил мне тарелку супа из общего котла. «Хватит ли еще для всех», – сказал я больше для приличия. «Как не хватит! Варили-то ведь для всех, и раненых, и здоровых!» Наконец дали и мне тарелку супа! Это была первая еда за целые сутки у всех! Этак после холода попасть в тепло, да еще съесть тарелку горячего супа! Жизнь сразу показалась прекрасной, но ненадолго! Сон стал решительно меня одолевать. Ведь почти четыре ночи мы не спали ни минуты! Как я тебе говорил, транспорт шел в хвосте кабардинцев. А они шли так быстро, что лошади едва поспевали за ними. Офицеры, шутя, конечно, кричат мне: «Не отставай, доктор! Подтянись!» Двое суток шел полк, и ни одного часу не спали. Остановятся на час, не разводя

костров, при таком-то морозе, пожуют хлеба, покурят, поднимаются и снова идут… Последний день и этого не делали. Офицеры говорили: только сядь, и половины не поднимешь, хоть стреляй в них. За пять минут перед тем, как командир полка скомандовал в атаку на гору, это был полк мертвых людей, а не солдат. Но, как только он скомандовал: «Полк! С Богом, за мной! Ура!» – так эти же солдаты стали перегонять друг друга! Даже командира полка на лошади перегнали! Карабкались по глубокому снегу! Я тебе скажу, это русское ура – прямо чудо!

Ну, поел я супу, а ехать сюда мне не хотелось. Один из новых врачей предложил мне переночевать у него в комнате – мы их тоже накормили. Я так устал, что сразу согласился! А они всю ночь работали, перевязывали раненых. Утром я уехал к себе сюда. Мои санитары тоже отдохнули, поспали на своих сенниках. Они мне натопили печи в комнатах и привели квартиру в жилой вид. Кто-то из них же додумался, что вы не могли взять с собой все вещи и припасы. После некоторого размышления решили поднять половицы и посмотреть, нет ли чего под полом. Так и оказалось! Там они нашли все нужное для меня! Потом пошел посмотреть, что делают турки. Видно было, как они перебегали по горе и часто падали. Но к вечеру дело стало хуже. Турки катились с горы волна за волной. Многие уже бежали по дамбе к городу. Этих кончали раньше, чем они добегали до города. Но панику они навели на слабые души большую. Мои санитары были все время со мной. Я их вооружил, еще когда мы ехали сюда. Они подбирали у упавших солдат винтовки и патронташи, полные патронов.

Скоро из переулка появились одиночные казаки, бежавшие с криком: «Спасайся кто может!» Мы их всех

задержали и старались успокоить. Спрашиваю: «Где ваше оружие?» А они спорить стали со мной: «Да какое оружие, когда турки по пятам за нами бегут!» Тут я их, как полагается, обложил, по военному времени! Говорю им, что мы будем защищаться. Но они спорят и норовят удрать. Тогда я им пригрозил револьвером. Они моментально подчинились, сами сделали вылазку за брошенными винтовками и присоединились к нам. Позже, к вечеру, в нашу улицу ворвалась группа солдат и казаков, а за ними турецкие солдаты, стрелявшие куда попало. Мой отряд моментально открыл огонь по туркам. Кстати, нечаянно ранили своего, но турки были отбиты с большими потерями и рассеяны. Так мы эту позицию занимали всю ночь и весь следующий день, не пропуская турок проникнуть в нашу улицу и занять единственную дорогу, соединяющую нас с тылом. Вечером я получил приказание во что бы то ни стало вывозить или выносить на руках раненых с вокзала. Такой же приказ получили и другие транспорты. Я попробовал пустить двуколки. Но было очень опасно, пули летели, как пчелы. Тогда я поехал по той же дороге, по которой вчера пришел транспорт сюда. Мы переехали реку и завернули под обрыв, около вокзала. Там мы вскарабкались на почти отвесный обледенелый скат горы и добрались наконец до вокзала. Пули здесь летели еще сильнее. Но мы не обращали на них никакого внимания. Когда я открыл дверь в вокзальное помещение, то невольно отшатнулся. Боже мой, что там было! Раненые лежали повсюду. Не было свободного вершка на полу. На столах, на которых раньше обедали и пили чай, теперь перевязывали раненых. Там были врачи, фельдшера и санитары от всех войсковых частей. От испарений, крови и нечистот стояла такая вонь, что первое

время я не мог оставаться внутри. Все четыре санитарных транспорта работали день и ночь, вывозя раненых. Заполнили ими все госпитали. В госпиталь, брошенный доктором Платовским, свезли больше трех тысяч раненых и обмороженных. А работали там всего три врача и одна сестра, которая во время бегства всего их госпиталя спряталась, а когда стали привозить раненых, вышла из своего убежища и пришла работать.

– А откуда же эти три врача?

– А с вокзала! Мы же их освободили от раненых. Там остались несколько врачей. Первый день мы раненых спускали на руках по скату от вокзала и клали на двуколки и везли в госпиталь по той кружной дороге, по которой я привел транспорт. Это большой круг и много брало времени, но зато этот путь был более безопасным. Возили раненых всю ночь и весь следующий день. И все же их еще было много. Теперь уже были все госпитали полны. Врачей не хватало; сестер нет почти совсем. Немногочисленные санитары окончательно сбились с ног. Но хуже всего обстояло дело с едой. В Сарыкамыше не было ни хлеба, ни круп. Вообще ничего! Раненые умирают! Мои санитары могли отдыхать, только когда лошади ели свой фураж. Так все и шло до тех пор, пока мы не вывезли всех раненых с вокзала. Положим, мы и сейчас оттуда берем раненых. Это ведь главный перевязочный пункт. В одну из ночей, когда перевозили раненых, один из моих санитаров, страшно уставши, решил поспать. Когда разгрузили двуколку, он задержался в госпитале, а возница не стал его ждать и уехал опять на вокзал за ранеными. Санитар выждал, когда двуколка уехала, и стал искать место, где можно было бы заснуть. Видит – во дворе госпиталя стоит небольшое

здание. Он решил, что это как раз то, что ему нужно (он думал, что это баня). Вошел туда, открыл двери: «Ага! Тут уже много народу спит!» Лег, завернулся в шинель и прижался поближе к одному из спящих и заснул сразу как убитый… Утром госпитальные санитары принесли туда же только что умершего раненого солдата и по дороге наступили на моего Ваношвили. Тот заорал от боли! Санитары перепугались до полусмерти, бросили труп и убежали. Тогда мой санитар снял с головы шинель и теперь только увидел, что «спавшие» были все мертвецы! Тут и он перепугался так, что забыл даже надеть шинель, и всю дорогу бежал без шинели! Прибежал он прямо в команду и сам все рассказал. Но за шинелью ни за что не пошел. Пришлось послать других за ней.

Я всю команду представил к наградам. Меня тоже представили к награде; и я теперь буду носить красный темляк[15]. (Когда я поехала домой, то остановилась в Тифлисе, купила ему серебряную кавказскую шашку, повесила на нее красный темляк и послала ее ему.)

– Кто же и как справлялись в госпиталях с этой огромной работой? – спросила я.

– Врачи из полков работают. Делают, что можно сделать при таких условиях! Перевязывают, кормят. Другого все

---

15 Темляк – ремень, петля, шнур или кисть на эфесе холодного оружия, предотвращающая его потерю. Красный – по цвету ленты ордена Св. Анны – темляк служил видимым отличием награжденного орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

равно ничего нельзя сделать. Нет рук, нет инструментов, чтобы делать операции. У доктора Платовского госпиталь был оборудован специально для хирургических раненых. Но его свои же солдаты и казаки разграбили. Все инструменты растащили. Да кроме того, туда попали и обмороженные, и больные, и сыпнотифозные. Прямо даже непонятно, откуда так сразу появилось так много тифозных?

На другой день утром я пошла в госпиталь исчезнувшего доктора Платовского. Какая разница с тем, что там было раньше! Весь вестибюль был полон солдат. Они сидели, лежали или стояли группами, разговаривали и все курили. Дым стоял такой, что едва можно было видеть лица. Весь пол заплеван и завален окурками. У проходящего с ведром солдата я спросила, где я могу видеть доктора. Солдат сначала уставился на меня, как на привидение, а потом молча махнул рукой по направлению широкой лестницы. Я поднялась на второй этаж. Тут тоже все было занято ранеными. Оставалась только узкая дорожка для прохода. Все двери в палаты были открыты, и видно было, что в каждой из них кровати стояли в четыре ряда. И на всех лежали раненые. В следующем коридоре я увидела дверь, из которой выносили на носилках раненого. «А вот перевязочная!» – подумала я. За носилками вышел доктор в белом халате и посмотрел на меня. Я быстро подошла к нему.

– Здравствуйте, доктор!

– Здравствуйте! Только я фельдшер. А доктор вон в той комнате перевязывает раненого. А вы откуда, сестра? Я что-то вас не видел здесь!

– Да, я только вчера приехала из Карса.

– Из Карса? – переспросил он, не веря своим ушам. – Как же вы оттуда могли приехать?! На чем?

– На поезде.

Гул голосов пронесся по всему коридору! Я оглянулась. Около меня стояли раненые солдаты.

– Слышь, земляки! Вот приехала из Карса сестра!

– А как же турки?! Разве Карс не занят ими?! Неужели и дорога свободна?!

– И поезда ходят?!

Я постаралась коротко рассказать, как мы добрались из Карса на первом поезде и что я видела по дороге.

– Вот это вы, сестра, правильную нам радость принесли! А мы вот здесь валяемся уже две недели и ничего никто не знает, где что делается.

– Мы зато здесь здорово турку разделали! Вон весь штаб ихний в плен забрали. Корпусного ихнего забрали! Он тут же лежит раненый.

– Вот посмотрите! Их тут много! Мы здесь лежим на полу около их помещения, вроде охраны, чтоб не убег часом кто…

Солдаты показывали руками и головой на открытую дверь, за которой так же стояли в четыре ряда кровати. Я посмотрела издали, но ничего не заметила особенного. Из перевязочной вышел доктор и подошел ко мне:

– Сестра! Вы спрашивали меня?

– Да! Я пришла предложить свою помощь, если еще не поздно. Я только вчера приехала из Карса. Мой муж говорил, что у вас нет сестер.

– Одна была, и та заболела сыпняком. От вашей помощи мы отказываться не будем. Как ваша фамилия, сестра?

– Может быть, вы знаете доктора Семина? Это мой муж.

– Ну, как же, конечно, знаю хорошо. Вот все раненые его! Итак, сестра Семина, если хотите работать, начинайте хоть сейчас.

Фельдшер показал мне докторскую комнату, где можно было переодеться. Я пошла туда, сняла шубу, надела халат, который принесла с собой, и пошла в перевязочную. Там доктор перевязывал пальцы на руке. Когда кончил, то сказал солдату, что скоро заживут. Потом посмотрел на меня.

– Сестра новая! Вот это хорошо! Но вы идите в операционную. Дверь рядом.

Я пошла в дверь рядом. Тихонько открыла дверь, чтобы не помешать операции. На столе лежал раненый. Но операция еще не начиналась. Доктор стоял над больным и что-то спрашивал его. Увидя меня, сказал:

– Входите, входите, сестра! Вот пулю буду вынимать, – показывая на раненого, сказал он. – Как ваша фамилия, сестра?

Я назвала.

– А вы не родственница доктора Семина?

– Мой муж.

– Вот как! Я знаю его. Сколько тысяч привез сюда раненых! Молодец! Много спас людей от смерти! А у нас есть всего-навсего одна сестра, да и та заболела; похоже на сыпняк. Правда, сестра, что из Карса пришел поезд?

– Да, да! Я на нем и приехала.

– Слава богу! Начнут теперь наконец вывозить раненых из Сарыкамыша! А то все госпитали так переполнены, что для вновь прибывающих раненых нет места. И кормить их совсем нечем. Раненым в живот даем то же, что и всем. Ну и естественно, что умирают немедленно. Солдат исполнил свой долг перед Россией! Но Россия останется в долгу у солдата на веки вечные. Видели, как валяются раненые? На полу, без подушек, без одеял! Некоторые из них ни одного еще раза не были перевязаны после ранения! А обмороженные! Развяжешь ноги или руки, такая трупная вонь идет! Мускулы от костей отпадают! Да вот сами увидите. Две недели почти без помощи лежат раненые и обмороженные! Кормить нечем! Перевязывать некому! Класть некуда! Что хочешь, то и делай! Мне стыдно проходить мимо этих несчастных!.. Лучше, сестра, давайте приступим к операции!..

Я вымыла руки и стала приготовлять инструменты, которые уже варились в ванночке. Пришел из соседней перевязочной еще один доктор. Операция была несложная и скоро кончилась. Санитары унесли оперированного.

– Идемте, сестра; я вам покажу пленных. Ведь весь штаб корпуса взяли![16]

Мы вошли в палату пленных, и доктор стал знакомить меня с ними:

---

[16] 22 декабря (4 января 1915 г.) командир IX корпуса Эсхад-паша, убедившись, что его корпус полностью окружен, сдался со всеми своими начальниками дивизий, штабами.

– Сестра! Сестра! – показывая на меня, говорил доктор. (Он не знал ни слова по-турецки.) И пленные сейчас же стали повторять: «Сестрак, сестрак!» Видно было по их лицам, что они рады нашему приходу. А может быть, приходу женщины-сестры? Они все наперебой приглашали подойти к кровати. Я заметила, что у всех на столиках лежал кишмиш. Около одного, который был тяжело ранен в живот, на столике лежала большая горка кишмишу.

– Доктор, откуда у них кишмиш? И у этого тоже, а он ранен в живот! Ведь он может съесть его?

– Черт с ними! Я убирал несколько раз, так они чуть не плачут, просят вернуть кишмиш обратно. Этот кишмиш у них почти единственная еда. Они не едят нашего солдатского супу. Ничего поделать нельзя. Да что там! Свои ведь помирают без всякой помощи! А за этими сейчас и смотреть почти некому. Когда была еще здорова сестра, я просил ее смотреть за пленными, но она сказала, что не может. «Не могу, говорит, заставить себя сейчас оказывать им помощь! Они для меня остались врагами! Вон сколько лежит искалеченных русских солдат! Им первым я должна отдать все мои силы!» Я не мог насильно заставить ее ухаживать за ними. Их палату обслуживают санитары-армяне. Они знают их язык, но говорят: «Что их держать здесь? Только хлеб наш едят да помещение занимают. Расстрелять их враз!» А на мне ответственность за их жизнь. Я прямо измучился! Запираю их на ночь на замок. Под окнами стоит часовой. А в коридоре раненые караулят. Живыми не выпустят их, если бы они вздумали бежать – разорвут в клочья. Конечно, это несправедливо! Они такие же воины и герои своей страны, как и наши. Но наши солдаты еще не пришли в себя от пережитого и слишком

страдают от ран и голода. Пленные турки понимают это хорошо и сами и поэтому просили меня держать дверь все время на замке. Сестра, хотите взять их под свое покровительство? – спросил доктор, заканчивая свою речь.

А с коек неслось: «Сестрак, сестрак…» Я не успела ответить доктору, как один из пленных вытащил из-под подушки широкий ременный пояс и протянул его мне. Я взяла его, ничего не понимая, но сразу почувствовала большую тяжесть этого пояса и положила его на кровать обратно. А турки все делают мне знаки, чтобы я его взяла себе. Наконец санитар-армянин перевел нам:

– Генерал просит, чтобы вы ухаживали за ним и за остальными турецкими ранеными. В поясе много турецкого золота. Он просит вас взять его себе.

– Какая гадость! Что они, с ума сошли! – Я быстро вышла из палаты и решила, что никогда больше не зайду к ним.

– Доктор, что это такое?! Что они думают? Что русская сестра милосердия будет за деньги смотреть за ними лучше?!

Дня через два мы с доктором опять зашли к пленным. На этот раз они были сдержанны, но все же обрадовались моему приходу. Опять называли меня «сестрак». Мы подошли к раненому, которого доктор перевязывал только один раз за все время. У него огромная рана в бедре. Кость разбита на мелкие куски, и мускулы разорваны. Доктор говорит, что нужно немедленно удалить куски кости. Рана страшно загноилась. В палате стоял тяжелый, гнилостный запах. Раненный в живот тоже выглядел очень плохо. Мне было очень жаль их и тяжело было видеть, что они лежат беспомощные и почти заброшенные, на попечении санитаров. Но не было никакой возможности помочь им.

Доктор подошел к раненому и стал ему объяснять, что его возьмут в операционную, чтобы почистить его рану. Но сразу же все пленные страшно запротестовали и ни за что не хотели, чтобы раненого выносили из палаты. Доктор страшно возмутился и через переводчика спросил, в чем дело. Турецкий генерал решительно заявил, что он не позволит выносить из комнаты своих офицеров! А если доктор хочет его перевязать, то чтобы делал это здесь же в палате!

– Здесь, в зараженной комнате, я не стану перевязывать раненого. У него температура уже поднялась. Если он умрет, то вся вина за его смерть ляжет на вас, генерал!

Санитар перевел. Турки все сразу заговорили, но очень скоро замолчали, а говорить стал генерал. Переводчик сказал нам, что генерал категорически не позволяет выносить офицеров из палаты. А операции или перевязки должны делаться тут же, у него на глазах. Возмущенный доктор вышел из палаты.

– Нет, подчиниться этому требованию пленных я не могу! Как бы оно ни было понятно в их тяжелом положении – это было бы преступлением с моей стороны! Вопрос идет о жизни человека! Он повернулся:

– Санитары! Давайте носилки! – и мы опять вошли в палату пленных. – Возьмите вот этого и несите в операционную!

Когда раненого подняли, я увидела, что весь матрац под ним был мокрый от гноя и крови! Раненого положили на стол, я стала снимать бинты. Они были насквозь мокры, и шла такая нестерпимая вонь от него, что я едва стояла. Все

пропиталось гноем! Я обмыла рану, и доктор приступил к ее исследованию.

– Много мелких костей, – сказал он. – Нужно их удалить. Скажи ему, что это не опасно, – говорит доктор переводчику. Но раненый офицер и слушать не хочет!

– Иок![17] Иок! Иок! Аман! Несите меня назад в палату! Я не могу. Генерал мне запретил соглашаться.

Доктор стал его уговаривать. Ничего не помогло! Тогда он прикрикнул на раненого и сказал ему, что если не сделать сейчас же операцию, то он умрет. Раненый говорит, что он без разрешения паши не может согласиться на операцию.

– Пойдем, – сказал доктор санитару-переводчику, – к генералу!

Долго они там были, а когда вернулись, доктор бы зол как черт.

– Это такие дикари, каких я еще не видывал! Ни за что не соглашается на операцию! Подозрительный страшно. Думает, что я хочу его нарочно искалечить. Перевяжите его, сестра, сами! Я не хочу и подходить к нему. Все равно умрет.

Я забинтовала раненую ногу, и его унесли в палату. Потом нам санитар рассказал, что когда принесли обратно раненого, генерал очень обрадовался, увидев его живым.

– Не убили тебя русские и не искалечили? Лучше умри здесь, чем быть убитым ими! Лежи! Я буду смотреть, как ты умрешь!

---

[17] «Иок», «йок» – нет (*турецк.*)

Однако после этого мы все же, несмотря на протесты турок, каждый день брали то одного, то другого на перевязки. Иначе большинство из них погибло бы. Видимо, и они поверили этому. Я заходила к ним два раза в день измерять температуру. Умер раненный в живот. Генерал молился Аллаху за упокой души умершего своего офицера – сослуживца, и все другие пленные повторяли с ним вместе: «Аллах! Аллах! Инш – Аллах!» Это было такое грустное моление. Хотелось плакать. Как ужасно умирать в неволе! Так же вот и наши русские где-нибудь в плену умирают среди чужих!

Еще через несколько дней умер и другой турок – раненный в ногу. И так же генерал прочитал молитву, и умершего вынесли. Слава богу, вскоре всю эту группу пленных офицеров отправили в Тифлис. Но и своих за эти дни отправили в Тифлис несколько сот раненых. Хотелось бы еще больше отправлять, но не хватает вагонов. Когда приходит санитарный поезд, то вагоны распределяют между всеми госпиталями поровну. Но долго еще придется вывозить из Сарыкамыша скопившихся раненых. А бои все идут. И новых раненых все подвозят и подвозят. Однако за последние дни больше всего привозят обмороженных и тифозных. Как радуются раненые, когда попадают в списки отправляемых в тыл. Грязь, вши совсем заели, раны гноятся. Санитары ходят до ужаса грязные. Раньше им тоже полагались халаты из бязи, но теперь они все работают без халатов. Халаты стали черными от крови и грязи, а мыла нет, мыть их нечем. Станешь снимать с раненого рубаху, а под пальцами чувствуешь толстый слой вшей. А когда снимешь повязку с раны, то вокруг нее их сотни! Жирных! Разъевшихся на крови!

Как-то прихожу в палату ночью, а раненый во сне разорвал и сдвинул повязку с раны и бессознательно продолжает чесать вокруг нее. Я нагнулась и посмотрела, в чем дело. Молодая кожа вокруг раны была покрыта толстым слоем насекомых, разъедавших рану. Я пошла, принесла йод и смазала рану и вокруг нее. Но эти твари все-таки не хотели уходить от жирной еды. Я их покрывала целым слоем йода до тех пор, пока они не стали корчиться и сдыхать. Потом я сгребла их в плевательницу, рану забинтовала, и раненый заснул спокойно. Единственная сестра, которая не бежала, а осталась при госпитале, заболела сыпным тифом еще до моего прихода в госпиталь. Когда пришел первый санитарный поезд за ранеными, ее в первую же очередь эвакуировали. Но она умерла по дороге на вокзал.

Вчера во время работы в перевязочную пришел совершенно самостоятельно раненый с перевязанной головой. Он казался совершенно здоровым. Огромного роста, широкоплечий, красивое лицо и большие голубые глаза. Я была занята перевязкой другого раненого, а он стоял и ждал, когда я кончу. Когда я освободилась, усадила его на стул и стала развязывать марлю.

– Ранены в голову?

– В лоб ранен. Доктор на пункте сказал, что маленький кусочек кости вырвало на лбу. Да я ничего! Мне не больно. Вы не беспокойтесь, сестра, действуйте смелее!

– А ты один пришел? – спросил доктор, сидевший за столом и записывавший раненых.

– Так точно, один. Меня привезли сюда, а в перевязочную я пришел сам. Да я ничего! Я здоров совсем.

Доктор кончил записывать и подошел к раненому.

– Ну, покажите, что у него там такое. Сколько вырвано кости?

Я сняла последний слой марли и увидела на лбу небольшое серое пятно. Оно было не больше маленького яблока, если его разрезать пополам, но не такое ровное и круглое. На этом неровном срезе что-то серое билось так же ровно, как и сердце этого великана солдата…

– Когда тебя ранили, долго лежал без памяти? – спросил доктор.

– Нет, недолго, говорили солдаты. А когда ранили, так я и не почувствовал. Чик! Что-то в лоб ударило. И я упал и потерял память. Но лежал недолго! Встал, а меня так и клонит вперед! Точно на лбу-то пудовая гиря. Я прижал ладонь к раненому месту – крови нет! Но тут ротный увидел меня и сказал, чтобы увели на пункт.

К этой живой серой ране я осторожно приложила кусочек марли. К ней пристало небольшое пятно этого серого вещества.

– Не больно?

– Нет! Не больно!

Я посмотрела на доктора в недоумении, что мне делать дальше. Доктор сделал мне знак – завязывайте! А громко сказал:

– Сухую повязку.

Я забинтовала голову, обмыла ему лицо и руки, помогла встать, взяла под руку и повела из перевязочной в палату.

– Нет, сестра, благодарю, я сам дойду. Я здоров.

– Ничего, я пройдусь с тобой. – Довела его до койки. – Ложись, я укрою тебя.

– Да что вы, сестра, беспокоитесь обо мне! Я сам все сделаю. Я ведь здоровый человек!

Когда я вернулась в перевязочную, доктор меня спросил:

– Сестра, вы поняли, в чем дело?

– Да, доктор, я начинаю догадываться! Неужели это мозг?

– Да, это мозг! И спасти его мы не в силах. У нас нет средств, нет инструментов, чтобы сделать немедленно операцию! Если бы можно было послать его немедленно в Тифлис, там сделали бы ему операцию, и я уверен, что он остался бы жив.

– Неужели такой здоровый человек и от такой маленькой ранки должен погибнуть?!

На другое утро прихожу в госпиталь, надеваю халат и первым делом иду в ту палату, где лежит раненный в голову Темников. В открытую дверь я вижу его койку, которая стоит против двери. Издали уже заметила неестественно большую голову и толстую шею. Темников был в забытьи. Из-под бинтов что-то серо-красное пенилось, ползло по шее и стекало на грудь. Я сейчас же пошла спросить, что с ним делать?

– Ничего, сестра, нельзя сделать! Кровоизлияние! Я несколько раз уже подбинтовывал его. Потому-то голова и шея кажутся толстыми. Скоро он скончался.

А работа в операционной не останавливается ни на минуту!

– Принесите Егорова, – говорит доктор санитарам.

– Я пойду сама, помогу им положить на носилки.

– Не стоит! Не ходите! Там и класть-то на носилки нечего. Весь обмороженный!

Санитары принесли, положили на стол какого-то человечка. Весь он был какой-то маленький: маленькая голова, узкие плечи, тонкие руки (я видела их только выше локтей): русая, мягкая, тоже какая-то маленькая бородка; волосы на голове светлые, мягкие и реденькие… Весь он был забинтован и завязан. Обе ноги выше колен, обе руки почти до плеч. Вместо ушей висели белые тряпки…

Я стала его развязывать. И когда обнажились его бывшие ноги и руки, то они оказались просто гнилым мясом, которое давно надо было бы обрезать и выбросить. Кожа и мускулы размякли, расползлись и отвалились от костей, как только я разрезала бинты.

– Ну, пошевели ногой, – сказал доктор. И больной стал поднимать ногу, но мускулы зашевелились только около бедра. А ниже кожа и мускулы висели скользкими серыми тряпками. Я смотрела с таким нескрываемым ужасом на этот «живой труп», что доктор счел долгом объяснить мне, в чем дело.

– Он не ранен, сестра. А был болен тифом, и его привезли со всеми в те дни, когда тысячи сваливали куда попало. Его привезли в бессознательном состоянии, замерзшего. Мы не знали об его существовании целую неделю, и он лежал среди других незамеченный, без всякой помощи. Он лежал где-то на полу, и никто не обратил на него внимания. И только несколько дней тому назад я случайно наткнулся на него, когда он уже пришел в себя. Я осматривал раненого, который сказал мне: «Ваше высокоблагородие, вон от того

шибко чижолый дух идет». Ну, я его осмотрел и вижу вот эту картину, которую видите вы сейчас.

– Ну что, Егоров, отрежем руки и ноги? Согласен? – спросил доктор больного.

– Что ж! Режьте! Раз они не годятся ни на что…

– Как это он, несчастный, так обморозился? – сказал вошедший доктор из перевязочной.

– Просто не повезло парню. Он был болен тифом, находился в бессознательном состоянии; его какой-то транспорт погрузил, привез сюда, свалили, как и всех, на пол. Где его найдешь! Тысячи ведь лежали окровавленных, искалеченных и обмороженных, нуждавшихся в немедленной помощи! А из них многие дошли до перевязочной через две недели только!.. Эх, да лучше и не задумываться над тем, что происходит! Можно ведь и с ума сойти, если вдумаешься во все… Сколько можно бы спасти молодых жизней!! Но нас было всего три-четыре врача, да одна, уже больная, сестра!.. – Доктор швырнул папиросу, которую мял в пальцах. – Тут не только запил бы, если бы было что пить. Тут застрелиться можно!! Только бы ничего этого не видеть и не слышать… – Он опять вынул новую папиросу и стал закуривать. Но вдруг взглянул на раненого Егорова и спросил: – Хочешь покурить? – и, не дожидаясь ответа, сунул ему в рот только что зажженную папиросу. Больной затянулся раза два. Я вынула папиросу у него изо рта и пошла приготовлять инструменты. А доктор стал мыть руки.

– Ну, сестра, все готово? Давайте хлороформ!

Я надела больному маску на лицо и стала капать… Егорову отрезали обе ноги выше колен и обе руки около плеч. Уши оставили отваливаться самим. Большая часть их

уже и отвалилась. Когда больного разбудили он, приподняв голову, увидел, небольшой кусок своего тела… Он стал плакать, кричать и просить убить его…

– Что я буду делать! Как я вернусь домой! Никому я не нужен. Только лишний рот!.. У меня дома – трое ребят! Где возьмет жена прокормление для всех нас?!. Старший брат ранен на Западном фронте. Ему тоже оторвало одну ногу снарядом. Вот и он вернется домой калекой. Кто нас всех будет кормить? – Он бил себя обрезками рук и кричал: – Убейте меня! Убейте лучше!..

Это было выше моих сил! Я, плача, выбежала в коридор. «Мы не имеем права перед ранеными показывать свои чувства», – вдруг вспомнила я, как говорил доктор Божевский! Я вытерла глаза и повернулась. Раненые смотрели на меня. Вид у них был расстроенный и подавленный… Открылась дверь из операционной, и Егорова вынесли и понесли в палату. Доктор шел рядом с носилками и успокаивал его.

– Эх, война! Сколько горя всем! – сказал кто-то позади меня. Скоро доктор вышел из палаты и подошел ко мне: – Сестра, идите домой.

Пришла домой совершенно расстроенная и опять стала плакать.

– Что случилось? – спросил муж.

Я рассказала:

– Твой транспорт так обморозил одного тифозного больного, что ему сегодня отрезали обе ноги и обе руки! А у него дома маленькие дети!..

– Мы тифозных еще не брали… – в смущении говорит муж. – Это не мой транспорт его привез. Я таких не сдавал, – стараясь успокоить меня, оправдывался он. – Всех, кого мы перевозили, я помню отлично. И пока мы ни одного тифозного не брали вместе с ранеными.

– Все равно! Кто-то недосмотрел, а человека загубили!..

– Хорошо теперь говорить «недосмотрели»! Все это жалкие слова, ничего не стоящие! Все мы работали сверх человеческих сил, стараясь как можно больше спасти человеческих жизней! День и ночь выносили на руках раненых из таких мест, где они должны бы были непременно погибнуть или от пуль, или от холода. Мы не думали ни об еде, ни о сне, ни об отдыхе! А теперь оказывается «недоглядели»! Преступники!

Он ходил по комнате большими шагами и, не переставая, курил.

– Прости меня, Ваня! Я не хотела сделать тебе больно. Я отлично понимаю, что невозможно быть ответственным за каждого больного и раненого в таком большом деле. Но все эти смерти и калечение так тяжело действуют на меня.

– Тебе лучше не ходить в госпиталь! Сейчас условия работы сестры милосердия здесь совсем ненормальны!

– Что ты! Когда же, как не теперь, нужна моя помощь?! А знаешь, Ваня! Сестра-то Карпова умерла по дороге на вокзал!..

– Я знал это, только не хотел говорить тебе. Она умерла на нашей двуколке. Пожалуйста, обтирайся спиртом, когда идешь в госпиталь и когда возвращаешься.

– Я делаю это каждый день.

– Теперь тиф начнет косить. Всюду грязь, вши! Солдаты ослабли от боев, усталости и недоедания. Ужасно, когда снимаешь с раненого рубаху! Чувствуешь под пальцами точно песок. А вши так и ползают по рубахе, когда заметят, что нет тела. Прямо живая становится рубаха-то. Санитары сейчас ее выносят на двор – «пущай вымерзнут, они мороза не любят!» – говорят солдаты.

– Гайдамакин, я хочу помыться! Можно мне теплой воды? – говорю я, придя как-то из госпиталя.

– Можно. А где я ее нагрею?

– Ну, хоть немного! Согрей самовар…

Через несколько минут он принес таз, из которого я умываюсь, потом ведро холодной воды. Но горячей воды еще нет.

– Нет ли какой-нибудь посуды, куда бы я могла сливать грязную воду?

Принес парусиновое ведро, из которого поят лошадей. А горячей воды все еще нет!

– Гайдамакин! Скоро будет горячая вода?

Ни звука. Не отзывается даже. Иду на кухню.

– Гайдамакин, где же горячая вода?

Никакого внимания ни на мой вопрос, ни на меня! Стоит на коленях и изо всех сил дует в самоварную трубу, из которой валит белый густой дым.

– А, чтоб тебя! – (Это относится к самовару.) – Грей воду тут! Согреешь ее, как же!..

Рядом с ним лежит снятый с ноги сапог, который пускался уже в дело для раздувания угля.

– Согреешь воды, как же! Хоть «вытруси» его наизнанку, ему все равно; дымит, а жару нету! Тоже страна! И город же! Угля нельзя достать! Простого угля для самовара нету!..

– Гайдамакин, ты что ворчишь?

– Да вы посмотрите, сколько времени не может разгореться! Щепок положил! Шишек сосновых положил! Дымит, а огня нету! Все глаза выело…

– Ну, хорошо! Брось, брось, не грей. Я не буду мыться сегодня. В другой раз согреешь.

Гайдамакин вскочил с пола, как будто его подбросили.

– Да что это, барыня! Да разве это возможно? Я грел, грел воду, а теперь, когда вода готова, вы не хотите мыться! – с глубокой обидой в голосе говорит он.

– Как готова, когда самовар только дымит, но не греется!..

– Да вы не беспокойтесь! Вода враз будет горячая! Сейчас и принесу в комнату.

Через некоторое время принес в кувшине горячую воду.

– Барыня, мойтесь! Самовар еще греется. Он так разгорелся теперь, что воды будет сколько хочите…

– Вот спасибо! Конечно, я помоюсь. Ведь завтра Новый год!

Муж кричит мне из столовой:

– Будем встречать Новый год?

– Конечно, будем! – отвечаю я.

Когда я вышла из спальни, муж спросил:

– Хорошо помылась?

– Хорошо, чувствую, точно ванну приняла!

– Как ты ухитрилась в этих тазиках помыться? Да еще почти в не топленной комнате и с малым количеством горячей воды! Бедная моя Тинушка! И женщин война изменила. Мне тяжело видеть все твои лишения!

– Да что ты, Ваня! Я счастлива, что с тобой живу. Сколько женщин хотели бы быть на моем месте сейчас!

– А вот ты хорошо сделала, что своевременно догадалась послать Гайдамакина в Карс сделать закупки! Я пригласил несколько офицеров Кабардинского полка. Они недалеко отсюда – в нижнем Сарыкамыше. Обещали приехать, если турки не помешают. Все очень хотят видеть тебя. А капитан Ваксман сказал, что, хотя и не Пасха еще, но я непременно похристосуюсь с Тиной Дмитриевной, чтобы скорее забыть это Рождество! Нужно их угостить как следует! Гайдамакин! Неси на стол все, что у тебя там есть съестного! Да побольше выпивки!

И мы забыли про войну и что мы на фронте, стали приготовлять праздничный стол. Основой всего празднества был окорок ветчины! Мы его поставили посреди стола. Потом, тоже на почетном месте, икру, которую нам прислали из Баку. Сыры разных сортов и всевозможная колбаса тоже были не на последнем месте.

– Ну, этого добра у них у самих много, – сказал муж, заметив коробку сардин.

Потом жареное мясо и даже вареные яйца лежали рядом с окороком. Словом, приготовили все как следует. Только с тарелками вышла заминка. Всего их было пять. Причем две, собственно, вышли уже из строя: одна имела продольную трещину и скрипела, когда ее поднимали; у другой точно шрапнелью был вырван бок… Да и вилки, и ножи, как будто

после большого штыкового боя, были погнуты; а ручки-приклады поломаны! Всего их оказалось у нас два ножа с деревянными ручками и одна вилка; причем от дерева ручек остались только небольшие куски да гвоздики, которыми оно было прибито. Рюмки и бокалы заменялись стаканами и чайными чашками.

– Видишь, с сервировкой у нас плохо! – показываю я мужу.

– Это неважно! Была бы выпивка, а закуску и руками могут брать…

Когда приготовления были закончены, мы осмотрели стол со всех сторон и нашли, что все великолепно. Тогда я пошла переоделась.

– Ваня! Ты бы тоже надел другую тужурку!

– Вот уж это мне ни к чему!

Я вышла нарядная, и мы стали ждать гостей. Даже Гайдамакин как-то посветлел! (Кажется, даже умылся!)

– Гайдамакин, налей-ка мне вон из той бутылки! Я попробую, что это за вино?

– Ваня, двенадцать часов уже! Они, верно, не придут совсем?

– Да? Ну, тогда давай вдвоем будем встречать Новый год!

Он налил мне какого-то вина, а себе чего-то крепкого.

Мы пожелали друг другу никогда не расставаться, а всем – скорого окончания войны. Выпили вино. Муж налил чайный стакан водки, позвал Гайдамакина, и оба мы поздравили его с Новым годом, а он нас. На этом и кончилась наша встреча Нового года, и мы пошли спать.

– Ничего не прибирай со стола и иди спать, – сказал муж Гайдамакину.

Было раннее утро, когда кто-то постучал к нам в дверь.

– Ваше высокоблагородие, гости приехали! Господа офицеры! – раздался голос Гайдамакина. Муж, как на пружине, соскочил со своей постели на полу.

– Гайдамакин! Проси их в столовую, я сейчас иду…

Он быстро оделся и вышел. Я слышала, как они поздравляли друг друга с Новым годом!

– Мы не могли уйти ночью с позиции. Проклятые турки, как нарочно, затеяли стрельбу. Им что! У них Новый год был давно уже. Всю ночь никто не спал. Только к рассвету стало потише. Ну, мы сейчас же в штаб полка и доложили, что Новый год еще не встречали (хотя выпили малую толику – принес капитан Завьялов). Сказали, что будем у вас. Полковник Федотов отпустил, но предупредил, что если турки будут нуждаться в нашем присутствии, то пришлют за нами немедленно.

Я слышала, как они чокались и говорили пожелания друг другу. Было еще очень рано. И я, под их разговор и «звон» чайных стаканов, заснула.

Проснулась я от пения. Кто-то пел около моих дверей: «С Новым годом поздравляем!»

– Спасибо, – кричу, – я едва проснулась еще.

Когда я вышла в столовую, то стол представлял из себя поле после битвы. Причем турок было два батальона, а кабардинцев одна рота. Стояли батареи пустых бутылок; некоторые из них валялись на боку. Стаканы с недопитым вином, скатерть вся залита вином, а окорок был изуродован

до неузнаваемости. Сардинки, выбитые из своей защитной коробки, валялись по всему столу. При моем появлении все сразу стали здороваться и поздравлять с Новым годом.

– Тина Дмитриевна! Давайте поцелуемся, – приставал капитан Ваксман. – Ведь наша жизнь – сегодня здесь, а завтра там! – показал он пальцем на пол.

Милый, дорогой капитан Ваксман! Больше я его не видела живым. Он был тяжело ранен, при ранении заразился столбняком и умер. Оставил шесть человек детей, больную жену и двух старух, тещу и мать.

– С удовольствием поцелую Вас, Александр Николаевич!

И мы поцеловались…

– Вы ведь наша, кабардинка! Раз Иван Семенович наш, значит, и вы наша!

– Конечно, я чувствую себя больше кабардинкой, чем сальянкой!

– К черту сальянцев! И никаких гвоздей! – сказал адъютант Плетнев. – Споем нашу кавказскую – «Алла Верды»!

– Ваше высокоблагородие! Вестовой из Кабардинского полка… – сказал вошедший Гайдамакин.

Сразу все смолкло.

– Разрешите, Иван Семенович, войти вестовому! – сказал адъютант.

Вошел солдат и, приложив руку к козырьку, сказал:

– Так что, ваше высокоблагородие, командир полка убит!

Наступило гробовое молчание. Сразу все протрезвились.

– Когда убит?

– Только что. Командир полка сидел на пне и отдавал приказания… На полуслове остановился и упал. Пуля попала в висок и сразу насмерть убила.

– Иван Семенович, не откажите дать нам двуколку, отвезти нас в полк…

– Гайдамакин, иди в команду, скажи подпрапорщику, чтобы запрягли мою двуколку и подали. Да живо!

Ушел вестовой. Ушел и Гайдамакин. В комнате наступила тишина. Все сидели подавленные, взволнованные и совершенно трезвые. Адъютант заговорил первый:

– Только два часа тому назад я с ним разговаривал! Когда я ему сказал, что иду встречать Новый год, он еще смеялся: «Почему сегодня утром, а не с вечера?»

Подали двуколку, мы попрощались, и кабардинцы уехали. Я предложила им выпить вина на дорогу, но все отказались… Муж сидел и пил вино, медленно потягивая из стакана. Он подвинул свой стул поближе ко мне, обнял меня за талию и проговорил:

– Вот, Тина, это миг счастья. И удачи. – Он поднял стакан к глазам и посмотрел на вино сквозь стекло. – И то, что я сижу с тобой, моей родной девочкой, и держу тебя за талию, и то, что в стакане еще есть вино и я его могу пить… А вот что случилось с командиром полка, это всех нас ждет рано или поздно!

Я чувствовала, какая глубокая правда была в его словах. Но я сказала совершенно другое:

– Ты выпил лишнее. Иди в постель и засни. А я должна идти в госпиталь.

– Пожалуйста, не ходи сегодня. Побудь со мной! У меня ужасное настроение! Все ни к чему! Жизнь кончилась… Для чего ты ходишь в госпиталь и спасаешь эти человеческие обрубки?.. Кому нужны все эти раненые, искалеченные! Не все ли равно, когда умереть? Все мы летим в пропасть вверх тормашками! И не удержимся, я чувствую это!

Он весь стал какой-то мрачный; взгляд тяжелый, усы обвисли. Он выпил вино залпом и, показывая на пустой стакан, сказал:

– Вот только это и есть действительное! И ничего другого! Видишь? – он показал на стакан, на дне которого было еще несколько капель вина. – Это еще капелька осталась прежней жизни… Но и она скоро уйдет безвозвратно…

– Конечно, если ты будешь так много пить, то скоро и этой капельки не останется.

– Ты не следи за мной! И не считай, сколько я выпил. А лучше пей сама тоже со мной. Легче будет жить. Многого не будешь замечать. Может быть, ты думаешь, что я алкоголик, пьяница. Но мне просто хочется забыть все, что я видел за эти дни… Ты знаешь? Они все еще сидят там, вдоль всей дороги, и долго еще будут сидеть… Пока не свалят всех в общую яму. А ведь все здоровые были, нераненые! Молодые! Почти мальчишки…

Я тяну его за руку, а он едва поднимет отяжелевшие веки, посмотрит на меня и опять падает…

– А ты говоришь о каком-то человеческом образе! К черту всякий человеческий образ! Кому он теперь нужен?! Теперь нужен человек-зверь, а не образ человеческий! Да люди и стали зверями… Гайдамакин, налей, что там

осталось. Все равно, лишь бы пить… – сказал он вошедшему Гайдамакину. – Выпей и ты, Тиночка! Налей барыне тоже.

– Что ты! Я не могу пить. Иди, пожалуйста, ложись, поспи до моего прихода.

– Ни за что не лягу, если ты уйдешь в госпиталь!

– Хорошо. Иди ложись; я посижу около тебя, пока ты не заснешь.

Он пошел и лег на мою кровать. Я взяла его руку в свои и стала гладить ее.

– Вот и Новый год наступил такой же печальный, как и старый, ушедший… Не могу спать! К черту сон! Пойду в команду – поздравлю их с Новым годом!

– Очень некрасиво идти в таком виде начальнику к подчиненным, – сказала я.

– Идем вместе! И ты их тоже поздравь…

– Не могу. Я должна немедленно идти в госпиталь.

– Иди! А я пойду в команду.

Он надел шубу, шапку и, не застегиваясь, вышел из комнаты. Вот! И не ранен! А как его война искалечила!.. Надев шубу, я пошла в госпиталь. Поднялась на второй этаж.

– Кузнецов, здравствуй! Все благополучно? – спросила я санитара, хотя и очень не люблю задавать эти вопросы. Ответ почти всегда получаю печальный.

– Да, все благополучно, сестра.

– Доктор был в палатах, смотрел раненых?

– Нет, не был еще. Он в перевязочной.

Я сняла шубу, надела халат и пошла в палату, где лежат только раненые. Кузнецов стоит у дверей.

– Сестра, а Морозов-то все лежит без памяти! Уставил глаза в потолок и не моргнет. Я с ним и так, и этак разговаривал, и воды давал… Ничего не помогает! Лежит, и только!..

– Так почему ты не сказал доктору?

– Дак кто ж его знает, сестра. Он лежит как здоровый, а только не разговаривает.

Вхожу в палату и прямо иду к Морозову. Лицо совершенно деревянное; глаза открыты и смотрят куда-то в неведомое пространство. Беру руку, пульс – мелкий и частый. Челюсти крепко стиснуты.

– Позови скорее доктора!

– Давно он в таком положении? – спрашиваю раненого, лежавшего рядом с Морозовым.

– Кто его знает? С вечера был ничего, как следует. Разговаривал, собирался ехать до дому: «Рана, – говорит, – у меня несурьезная, скоро заживет. Дадут отпуск недели на четыре. Сынишку у меня родила жена. Повидать охота, три месяца ему уже!» И долго еще рассказывал про свое хозяйство. А утром я проснулся, смотрю, он лежит тихо и смотрит в потолок. Раза два я его окликнул, а он ничего! Только все смотрит в потолок…

Пришел доктор, пощупал пульс, попробовал разжать челюсти, но не мог.

– Столбняк! – Мы вышли. – Бедный всю ночь пролежал без помощи… Все равно мы ничем не могли бы ему помочь! Сыворотки для впрыскивания у нас нет! А больше ничем помочь нельзя! Сестра, это тот раненый в позвоночник?

– Да, доктор! Я схожу, навещу Егорова и сейчас же приду к вам в операционную.

Егоров по-прежнему удручен и подавлен. Как только я вошла, он стал плакать, показывая обрезки рук.

– Сестра, напишите письмо жене. Давно я им не писал. Поди, как беспокоится!

Я принесла из перевязочной листок бумаги и приготовилась писать.

– «Здравствуйте, жена моя Анна!» Ну, и матери пишите поклон мой: «Кланяется вам, родительница, сын ваш несчастный». – Тут Егоров снова плачет так сильно, что не может выговорить ни слова. Немного успокоился и говорит: – Сестра, ну, как я напишу, что я «круглая» калека?! Старший брат вернется без ноги – оторвало снарядом. Его в «чистую пущают». А теперь и я вернусь! Совсем обрубок!.. Дома только ребята будут да калеки! Кто же будет нас кормить всех?! – и снова душу раздирающий плач: – Не хочу жить! Не хочу! Убейте меня!..

Дала валерьянки… Господи! Какое непоправимое горе! Нет сил видеть, как он плачет. Все его маленькое тело дрожит и бьется от рыданий.

– Егоров! Бог не оставит тебя! – говорю я слова, от которых нет помощи. Какое Богу дело до всех этих несчастных!

Егоров понемногу затих.

В дверь просунулась голова санитара:

– Сестра, сейчас будем обед раздавать.

Я вышла из палаты.

– И для слабых есть еда? – спросила я санитара.

– Для всех наварены суп и каша.

– Как каша! Ведь нельзя же давать кашу раненным в живот! Вчера ведь ничего не давали слабым и тяжелораненым. Они голодны! Только чаем и живут…

– Мы ничего не знаем! Вы, сестра, сами сходите к заведующему хозяйством.

– А вы ничего не давайте без меня Иванову и Кравченко. Я схожу на кухню и сама их накормлю.

Иду на кухню.

– Где заведующий хозяйством? – спрашиваю повара (или, вернее сказать, кашевара).

– В своем помещении.

Иду туда, стучу и вхожу.

– Послушайте, чем я буду кормить слабых и раненных в живот?

– А я почем знаю?! У меня ничего нет, кроме гречневой крупы и проса.

– Как так! Вы ведь заведующий хозяйством! И ваше дело – заботиться о продуктах!

– Где же я могу их достать? В Сарыкамыше ничего нет! Я сам рад бы кормить раненых лучше! Да и этих продуктов отпускают мало…

– Покупайте в Карсе хоть для слабых раненых.

– Что вы говорите! Как это возможно, когда и в Карсе ничего достать нельзя. Все уж раскупили, а подвоза нет!

– Ну, это неправда! Мой муж три дня тому назад посылал туда солдат, и они накупили всего, и вовсе не дорого. Цены все те же, что и раньше были.

– Ваш муж посылал солдат за покупками?! Кто такой ваш муж? – вызывающе и насмешливо спросил меня чиновник.

Но, когда я сказала ему, кто мой муж, он сразу сбавил тон. Мужа все знали в Сарыкамыше. Знали, что у него есть хорошие средства, что он честен, добр, совершенно независим. И еще меньше сдержан, когда выпьет лишнее.

– Ну, знаете, ваш муж – дело совсем другое! Он начальник отдельной части и может действовать самостоятельно. А я должен спрашивать разрешения на всякий пустяк.

– Но ведь хозяйство подчинено вам! И это вы должны употребить все силы к тому, дабы кормить раненых так, чтобы выполнялись хоть самые скромные требования врачей!

– Подождите! Вот завтра, может быть, мы всех тяжелораненых отправим в Тифлис. Там их могут кормить лучше.

– А до тех пор они могут умирать с голода! – сказала я и вышла из комнаты. Поднялась наверх и вижу, что раненые едят.

– Плошкин, обед роздали? Слабых не кормили?

– Роздали, сестра, едят вот. А слабым мы не давали ничего.

– Сходи ко мне домой и скажи доктору Семину, чтобы он дал яиц, сгущенного молока и весь белый хлеб. Ты знаешь, где я живу?

– Знаю, знаю, сестра! Вот это хорошо, что вы яичками покормите слабых! А то только накормишь их кашей, сейчас же лишние покойники… Я враз сбегаю! Я знаю, где стоит восемьдесят шестой санитарный транспорт. Тут недалеко.

Он вернулся действительно очень скоро.

– Принесли, сестра! Мы вдвоем ходили.

Я опять пошла на кухню. Ах! Сколько всего! Милый, родной Ваня! Он, кажется, все наши запасы отдал!

– Скорее открывай банки с молоком, а я буду взбивать яйца, – говорю повару-солдату.

Я развела молоко немного водой, взбитые яйца влила в молоко, все это хорошенько еще раз смешала, подогрела, понесли эту смесь наверх и стали поить этим раненых.

Но не успела я еще кончить эту работу, как пришел в палату доктор и сказал:

– Сестра, сейчас приедет сюда генерал Баратов. Будет обходить раненых.

– Хорошо, доктор! Вот я ему и скажу, что кормить нечем раненых!

– Не стоит, сестра! Он приедет поздравить раненых казаков с наградами за бои.

– Казаков?! Почему только казаков? Всякого раненого солдата нужно поздравлять и благодарить!

– Да ведь он – казачий генерал.

– Ну, вы его и сопровождайте сами! А я пойду к раненым «солдатам»…

– Пожалуйста, сестра, будьте вместе со мной. Да ведь и казаки лежат вместе с солдатами…

Пришел генерал. Мы познакомились. Небольшого роста, очень подвижный и живой. И страшно любезный.

Очень удивился, когда увидел меня:

– У вас в госпитале сестра! Я и не подозревал, что в Сарыкамыше есть вообще хоть одна сестра милосердия, – воскликнул генерал.

– Да что! Это капля воды в море! – сказал доктор.

– А я скорее сравнил бы сестру с солнцем, которое светит и греет моих казаков.

– И солдат тоже, – сказала я.

Он весело смеется. Обходил все палаты, где лежали его казаки. Расспрашивал своих казаков, где и как каждый был ранен. Все сразу оживились и охотно рассказывали подробности пережитого в бою…

– Туточка, значит, у самого мосту! Я стал на одно колено и приладился стрелять уже, а меня что-то как кольнет в бок-то! Я выстрелил еще несколько раз, а потом и упал, – говорит казак, а на лице у него радость, что видит своего генерала и что может рассказать наконец-то, что он пережил и испытал.

– Георгия! – говорит генерал сопровождающему его адъютанту. Тот записывает полк, фамилию, имя. Это были почти все пластуны.

После обхода и раздачи наград раненым казакам доктор предложил генералу посмотреть «чудо».

– Покажите, покажите ваше чудо!..

Мы пошли в палату, где лежал Егоров.

– Вот, ваше превосходительство, этот солдат был обморожен, когда его везли сюда в бессознательном состоянии (он был болен сыпным тифом). В госпитале пролежал в таком виде почти две недели. Началась гангрена конечностей. Все ткани, нервы, кровеносные сосуды – все

погибло; но чудо в том, что гниение не пошло дальше, сосуды закупорились сами. А кожа и мускулы отвалились от костей. Я отрезал конечности. Больной жив, и даже не повышена температура!

Доктор откинул с больного одеяло, и генерал увидел, что осталось от человека и бывшего солдата.

– Да! Немного! Это удивительно! – сказал адъютант.

Генерал молчал. Когда мы вышли из палаты, он сказал доктору:

– Я хотел бы сделать с него фотографию. Это редкое явление природы.

– Пожалуйста, если хотите. Но лучше всего сделать это утром, во время перевязки.

– Ну, а как дело обстоит с инструментами? Справляетесь?

– Не всегда. Да ничего не поделаешь. Многое потеряно безнадежно. Полный ведь разгром здесь учинили. В карманах у раненых находим ножницы, зажимы, ланцеты. Остальное разбросано, втоптано в снег и погибло.

– Да, все было брошено главным врачом! А наши, чтобы не досталось врагу, и растащили, – сказал генерал Баратов. Гости попрощались и уехали.

На другой день генерал Баратов пришел с аппаратом и, когда мы перевязывали Егорова, сделал несколько снимков. Чтобы виднее было это маленькое тело, я его держала на руках. Я поставила локти на перевязочный стол и приподняла голову и остатки ног.

Через несколько дней генерал Баратов прислал доктору и мне карточки (в припадке тоски и отчаяния я выбросила со

второго этажа в глубокую свалочную яму целый альбом фотографий войны, будучи беженкой в Константинополе).

День закончен. Я мою руки, снимаю халат, надеваю шубу и иду домой. Еще издали я заметила у ворот нашего домика мужа. По обыкновению, несмотря на мороз, его шуба была распахнута, руки засунуты за ременный пояс. Как только он увидел меня, пошел мне навстречу.

– Здравствуй, Тина! Генерал Баратов был у вас в госпитале?

– Был, награды раздавал своим казакам. Я ужасно возмутилась. Почему только казакам он давал награды, когда все без исключения заслужили их! – возмущенно говорю я.

– Да потому, что это казаки из его дивизии. А солдат представят к наградам их собственные начальники. Вот я всю свою команду тоже представил к наградам. Да они все вполне заслужили их.

– Ты спал?

– Нет, пил.

– Как тебе не стыдно! Лучше бы пришел помогать нам в госпиталь. Такой там еще беспорядок и кавардак, что просто ужас берет. Кормить слабых до сих пор нечем. Заведующий хозяйством ничего не предпринимает, а раненые умирают. Он говорит, что ничего не может достать в Сарыкамыше. И поэтому сидит у себя в комнате и ничего не делает. Спасибо, что ты прислал яиц и молока. А то мои раненые опять остались бы голодными, как и вчера.

– Какие яйца? Я ничего не присылал! Я спал.

– Кто же это выдал? Яйца, сгущенное молоко, белый хлеб.

– Раз ты прислала, то, конечно, Гайдамакин. Я скажу тебе, почему я не иду помогать работать в госпиталь! Если бы я пошел туда, то стал бы наводить порядок! А это, я знаю, кончилось бы крупным скандалом. Я очень хорошо знаю этого заведующего хозяйством. Да и он знает меня неплохо! На таких должностях – два типа людей: первый – чрезмерно старающийся и знает, что от его стараний к нему в карман перепадет добрая толика (тип вроде моего Костина). Второй – исполняет букву закона и ни за что не сделает лишнего шага, чтобы помочь выйти из тяжелого затруднения. Как и есть в данном случае!.. Поэтому лучше сидеть дома и пить вино!

На другой день, когда я пришла в госпиталь, застала там большое движение: приготовляли раненых к отправке на вокзал. Поезд придет в двенадцать часов, но раненых отправляем несколько сот человек, и транспорту придется съездить туда и и обратно много раз, чтобы перевезти всех. Опять санитары вытаскивают окровавленную, вшивую одежду тех раненых, которые лежали в палатах. А те, что валялись в коридорах на полу, их не раздевали и не меняли белья. Они укрывались своими шинелями, подложив под голову собственные сумки. После отправки раненых госпиталь принял почти нормальный вид. В коридорах на полу больше никто не лежит. Теперь для всех есть места на койках в палатах. Да, еще новость! И самая важная! Сегодня с санитарным поездом, который пришел за ранеными, приехали сестры и врачи! Их с вокзала привез наш же транспорт. Теперь будут наводить порядок и чистоту!

На другой день утром я проснулась и хотела сейчас же вставать, но, вспомнив, что вчера приехали новые сестры и врачи и, следовательно, раненых есть, кому напоить чаем, решила еще полежать и отдохнуть. Когда же я встала, то вспомнила еще, что мы вчера отправили несколько сот раненых. А с теми, которые остались в госпитале, новый персонал справится легко и без меня! Поэтому я сегодня совсем не пойду. И сразу почувствовала облегчение и свободу.

Стала пить кофе, который варится только для меня, муж его не пьет. Он пришел из команды и, увидав меня, спросил:

– Разве ты не идешь сегодня в госпиталь?

– Нет, не пошла. Да ведь вчера к нам в госпиталь приехали новые сестры и врачи. А раненых убавилось на несколько сот человек. Справятся и без меня.

– Вот и отлично! Хочешь теперь поработать в транспорте вместо младшего врача? У меня есть сейчас для тебя работа.

Он показал на бумагу, которую держал в руке.

– Конечно, хочу! – сразу же согласилась я. – Что за работа и где? Я рада работать! Надеюсь, вместе с тобой?

– Нет! Ты сейчас поезжай на вокзал. Я только что получил бумажку, там находятся тридцать пять человек раненых. Я не знаю, но, может быть, нужно некоторых перевязать. А лучше всего прямо погрузить на двуколки, везти в госпиталь и сдать их там. Свежему персоналу нужна работа. Я думаю, они обрадуются, когда увидят раненых. С тобой поедет фельдшер и пять двуколок.

Когда пришел подпрапорщик Галкин, муж сделал нужные распоряжения и сказал, что я еду за ранеными.

Через некоторое время доложили, что двуколки готовы. Я оделась, вышла и села на двуколку Клюкина. Я любила этого санитара Клюкина за веселый нрав. Он всегда пел, насвистывал или рассказывал смешные вещи. Муж даже иногда давал ему деньги, когда тот расскажет что-нибудь интересное. Клюкин был уже старый мужик (в транспорте и все были немолодые, из запасных солдат). Когда я села на его двуколку, он обрадовался мне.

– Здравствуйте, барыня! – (В транспорте мужа все так меня называли.) – Что, к нам в транспорт сестрицей поступили? – спросил он.

– Нет, только на сегодняшний день прикомандировалась, – отвечаю я. – А как вы поживаете, Клюкин?

– Да что! Пока живы! Как турка побили, так теперь еще долго жить будем! Эх, барыня! И сколько ж их набили. Страсть!.. Да вот сейчас сами увидите! Две недели их «возют», а всех перевезти все никак не могут!

– Куда их возят?

– Не знаю. Только, надо думать, куда-нибудь в одно место. Сколько солдат работают! Всех санитаров мобилизовали собирать трупы. Да где их всех соберешь?! Снегом занесло. Вот придет весна, так и обнаружатся…

– А вы тоже ходите собирать трупы?

– Ну, нет! Наш старший врач не дал ни одного человека! Сказал, что все-де люди заняты перевозкой раненых. А я так скажу вам, барыня: нехорошая это работа! Не люблю я упокойников! Когда случится, на моей двуколке помрет человек, ну, снимешь его, сердешного, жалко ведь, на чужой стороне помер – солдатом. А так, не люблю их! Живой человек лучше!

Как только мы выехали на главную улицу, я сразу увидела целый караван простых саней, запряженных одной лошадью. На санях-розвальнях были навалены как попало трупы. С узких саней свешивались и волочились по грязному снегу руки, ноги и даже головы. Они совсем не были похожи на солдат: ни на одном трупе не было верхней одежды; все были босы; бросались в глаза красные рубахи.

– Смотри, Клюкин! Что это такое?

– А вот таким манером и возют их целый день! Это все из лесу за Сарыкамышем. Их там тысячи! До весны хватит возить!

– Ужасно!.. Вот так же могло случиться и с нами, если бы турки одолели нас.

– Да это что и говорить! Только, барыня, это все мороженые! А наши бы так не умерли! Если бы турки нас одолели – то наши бы все были побиты, поранены! А турки померзли. Захватили лес; до самого города дошли! И остановились… Да так посейчас и стоят под каждой сосной мороженые… Все до последнего…

– А почему они все раздеты и разуты?

– А хто же его знает? Может, свои же! А может, и наши соблазнились…

Мы едем шагом рядом с печальным караваном… Лошади едва вытаскивают ноги из размятого, глубокого, серо-красного снега. Наконец мы свернули на дамбу и обогнали «мертвый» караван. Посреди дамбы встретили Ткаченко. Сначала я его не узнала; он весь был обвешан нанизанными на веревку башмаками.

– Стой, Клюкин! Ткаченко! Откуда у тебя эти башмаки?

– А вот, с горы…

– С горы? Да что они, валяются там?

– Нет! Я снял их с убитых турок…

– Что ты! Как ты можешь это делать! Это невозможно! Ведь это мародерство!..

– А что, барыня, ведь мертвых – закопают! А разве убитому турку не все равно, босиком или в башмаках гнить?! А тут я их высушу и продам.

– Да разве это позволено делать?! Я же сказала тебе, что это мародерство!!

– Да нет же, барыня! Я просто ходил и выбирал, какие поновее, и снимал. Так уси солдаты делают! Кто мешать будет?! Вы, барыня, пожалуйста, ничего не говорите старшему врачу. А то он меня убьет, если узнает… А почто добру пропадать? Турки то же самое делают.

Да! Я вспомнила, как они раздевали еще не умерших своих товарищей на станции Ново-Селим.

– Вон я сейчас ходил искал, какие поновее башмаки. Так на одном чулки совсем как наши, русские, что наши бабы вяжут! А вот подхожу и вижу на одном турке совсем новенькие башмаки! Ну, давай снимать. Один снял, ничего. Стал другой тянуть, не снимается. Я наступил на его ногу и как потяну! А он как застонет – о-о-ох! Так я прямо чуть не бросил добрый башмак!

– Ткаченко! Так ведь турок же живой! Неужели ты его разул и бросил умирать?! Почему ты не позвал кого-нибудь помочь принести его вниз?! – чуть не плача, говорю я. – Идем! Покажи, где он! Можешь ты найти то место, где он лежит?

– Могу. Да он теперь помер уже…

– Ты его убил?!

– Так он ведь только чуть был жив! А как я наступил ему на раненую ногу, так он и помер…

– Ты его убил! Ты его убил! Раненого убил! – повторяю я, готовая закричать от ужаса. – Клюкин, поезжай скорее.

– Барыня! Не говорите барину, – кричит вдогонку нам Ткаченко…

Звери! Звери люди! Хотелось кричать на весь мир…

– Клюкин! Ведь они, эти турки, такие же солдаты, как и наши!

– Конечно! Такие же! – согласился он. – Ведь обирать убитых – грех и преступление!

– А неужели Ткаченко убил этого умирающего турка?!

– Может, и убил. Да что с ним делать-то, барыня?! Ведь он наш враг, этот турка! Нам самим сейчас продовольствия не хватает… А тут еще за ним смотри и его продовольствуй! – серьезно говорит Клюкин.

– Это временно не хватает: поезда не ходили, а запасы из складов перед боями все вывезли! Ну и нехватка получилась. А Россия может прокормить и себя, и еще две таких Турции!..

– Да, это верно, барыня! Да, может, Ткаченко просто набрехал! Чтобы попугать нас да показаться нам, какой он герой! А может быть, самому со страху все померещилось! Тоже ведь: хоть и день, но ходить «середь упокойников» нехорошо. Да где там в такой мороз выживет турка несколько дней? Да еще раненый! Слышь? На раненую-то ногу наступил, да еще потянул сапог? Да! И на что он их

набрал, этих сапог-то?! У нас казенного сколько хочешь. Как только сносились, сейчас же, пожалуйте, новенькие! Жадность человека обуяла. Продавать хочет!.. – закончил свои рассуждения Клюкин.

Теперь мы повернули уже на шоссе вдоль горы, где были все время самые большие бои. И опять та же кошмарная картина: трупы, трупы! Горы трупов навалены вдоль всего шоссе. Они падали, сраженные пулями, друг около друга, смачивая друг друга кровью, и так и замерзали. А теперь пришли наши солдаты и стали стаскивать тела под гору. Возьмет и тащит за руку одного убитого, а за ним тянутся еще несколько таких же, смерзшихся вместе. Вон один лежит поперек трупа и точно хочет стрелять из-за прикрытия. Но у него нет половины головы. Череп срезан, и, точно в чаше, застыли окровавленные мозги. Я отвернулась, но вдруг увидела что-то странное и дикое! Около самого вокзала была сложена большая красная пирамида из тел в самых разнообразных позах…

– Клюкин! Посмотри! В такой-то мороз, а они в одних рубахах! Кто это?

Но не успел он ответить мне, как мы уже подъехали ближе, и я увидела, что это были не живые люди! Огромная группа на уровне вокзальной крыши была из… трупов турецких солдат!! Они были во всевозможных позах: нижние, как подставка, лежали наваленные как попало. Но выше некоторые сидели в разных позах. Другие стояли по несколько трупов вместе, обнявшись. А на самом верху стоял труп с вытянутой вперед рукой, с лицом, повернутым к Сарыкамышу и с оскаленными в страшной улыбке зубами. Издали они казались живыми, и я их приняла за живых

людей. Такие им были приданы естественные позы… Вблизи эта группа мертвецов была страшна! Страшна и видом своим, и смыслом – как бы издевательства над жертвами подвига самопожертвования…

– Это казаки сделали! Пущай смотрят на Сарыкамыш, если взять его не смогли и наших голов порубить не сумели… – сказал Клюкин.

Турки были совсем раздеты. На трупах были только штаны с расстегнутыми поясами и вывернутыми карманами. И ситцевые красные и розовые рубахи с расстегнутыми воротами. Большинство босые.

Только что наша двуколка остановилась около вокзала, к нам подошли казаки и, показывая на пирамиду и хохоча, сказали мне:

– Сестрица, подивитесь!

Из вокзальных дверей выходили все новые и новые казаки, и все наперебой друг перед другом рассказывали мне все подробности этого сооружения. Они были все молоды и громко хохотали, показывая белые зубы. На них были прекрасные меховые шубы, все почти надетые враспашку. А под ними виднелись суконные черкески, в тонкой талии перетянутые кавказским щегольским ремешком с серебром. На головах лихо заломлены каракулевые папахи. Они как бы олицетворяли в себе могучую силу и красоту Российского войска… Только я слезла с двуколки, чтобы идти, они обступили меня:

– Сестра, видите, сколько мы набили турка?! Это мы вас защищали! А где вы были, когда мы сражались?! – спрашивали те, кто был ближе ко мне…

– А с горки на вас смотрела! – говорю я, невольно заражаясь их весельем.

– Эх! Черноглазая! – говорит кто-то в толпе казаков…

– Да жаль! Маша, да не наша!..

В это время подошел фельдшер и, обращаясь ко мне, говорит:

– Барыня, я видел раненых. Перевязывать не надо! Можно так грузить и везти в госпиталь.

Казаки расступились, и я пошла на вокзал. Мы быстро погрузили раненых и поехали обратно. Сдавать раненых в госпиталь поехал один фельдшер, а я слезла около нашего дома.

Я рассказала мужу все, что видела около вокзала, особенно про страшную группу мертвых турок.

– Турецкое золото победители искали! – сказал муж на мой вопрос, почему у трупов расстегнуты штаны и рубахи. Но Ткаченко я спасла. Не сказала мужу ничего.

В тот же день после обеда – а день был прекрасный, оттепель и яркое солнце, – я хотела пойти посмотреть, как выглядит Сарыкамыш после нашествия турок. Когда я вышла во двор, то увидела, что из дверей конюшни, где стояли наши лошади, валил дым. Я подошла к дверям и увидела, что посреди конюшни горел костер. А над костром, на жерди, были навешаны те самые башмаки, которые давеча нес Ткаченко. Башмаки были аккуратно связаны попарно за ушки и сушились на маленьком жару. Ткаченко сидел на корточках перед костром, помешивая осторожно горевшие сучки и подбрасывая новые. Видно было, что он целиком был погружен в это мирное дело.

– Ткаченко! Сушишь снятые с покойников башмаки?! – спросила я.

– Дак они ж уси пропадут, если их не просушить!!

Он был очень хозяйственный хохол! Все, что видел хорошее казенное, всегда примеривал и прикидывал:

– Вот, если война кончится и станут казенное добро задарма продавать, я это куплю.

Лошадей, за которыми он смотрел и которые возили только мужа, он считал неотъемлемой своей собственностью!

– Поведу до дому, как кончится война! Больно добрия коняки! Добре пахать станут!

Ни в дождь, ни в холод, никогда не оставит их не укрытыми попонами, которые у него были всегда в порядке все время, пока я была с мужем в транспорте. У других санитаров давно было все порвано и потеряно. Муж всегда давал ему денег, он любил его за исправность и аккуратность.

– Ткаченко, что ты будешь делать с этими башмаками?

– Я, видите ли, думку держу. Если я буду стараться, может быть, старший врач отпустит меня в отпуск, до дому. И тогда я эти башмаки и продам. Я повезу их в свое село. Там все купят; башмаки я выбирал добрые, гвоздями подбитые. Жинка писала, что обувь сильно подорожала. А если старший врач не пустит меня до дому, так пошлю жинке. Она там их сама продаст. Хорошие башмаки!

– Ведь старший врач дает тебе каждый месяц деньги?!

– Так! За это и спасибо! Но я все деньги посылаю жинке; она ведет хозяйство! А здесь на что деньги? Сыт, одет, не курю… Ни на что мне они здесь!

– Ну, теперь скажи, пожалуйста, правду, жив был турок, с которого ты снял башмаки?..

– Да, может быть, мне померещилось? Только ведь один раз я и услыхал – «ох-х»! И ничего больше! Я смотрел на него. А он ничего, как мертвый! И взаправду мертвый! Мороз-то какой был! Только не говорите старшему врачу… – снова повторяет он. А тут же в углу стояли «его» лошади и мирно жевали сено.

Я вышла из конюшни. «Да, готов кого угодно раздеть, только бы послать жинке, чтобы справное было хозяйство!» – подумала я.

Весной муж и вправду отпустил его съездить домой. А когда он вернулся, то привез гостинец – свиное соленое сало. Когда я отказалась от этого угощения, сказав, что мы его не едим, то он просто ушам своим не поверил. Как это возможно не любить сало?!

– Так ведь это домашнее! Жинка моя сама солила! А может, хочите, барыня, гуся копченого? Я привез и его тоже!..

– Спасибо, Ткаченко. Мы ничего не едим копченого! Ты лучше угости команду.

Он посмотрел на меня испытующе и ушел. Потом как-то я ехала с ним на двуколке, и он рассказывал мне, как он ездил «до дому».

– Вот, барыня, война меня совсем другим человеком сделала! Нужно сказать вам правду! До войны я был

никудышный человек. Пил шибко; за хозяйством не смотрел; жинку бил смертным боем. Она, как зверя, меня боялась. А вот когда пожил на войне да соплей на кулак намотал, так когда приехал домой, вы, барыня, не поверите, точно все увидел в первый раз. И столь мне все показалось хорошо. Хожу по всему хозяйству и не надивлюсь. Да и ребят своих точно первый раз увидал. Трое их у меня. Раньше я их и не видел. Всегда был пьян. И бил, если попадались на глаза. А теперь, смотрю, две девочки да хлопец, большенькие уже, матери помогают по хозяйству. А жинка! Так прямо хоть бы и снова жениться на ней мог бы! Такая гарная стала!.. Что ж?! Робит! Хозяйство справно держит! Никто ее не бьет, не тиранит… Она и стала гарна. А погана ж была до того! А теперь, как я увидел ее, то сразу подумал: вот, как гарна стала без меня! Может, теперь меня по шее да за ворота выгонит вшивого солдата?! Но не! Как увидала, да как бросится на шею ко мне, да как начала плакать… – Он замолчал. Видно, взволновало его воспоминание пережитого… Помолчав, он снова заговорил о том, что его больше всего интересовало. – Ну! Так уж я и робил дома. Спать не хотел ложиться. Все бы чего-нибудь да еще хотелось сделать вокруг хозяйства. Все починил, все справил – начисто! Вижу, жинка смотрит на меня ласково: «Ты, Грицко, коханый муж мой, совсем другой стал, как побывал на войне! Теперь мне расставаться с тобой тяжко будет…» И правда! Вот как она плакала! Сейчас еще в ушах стоит плач ее!..

На другой день утром, в нормальное время, я была уже в госпитале. Поздоровалась с новыми сестрами.

– Это вы, сестра Семина, все время работали здесь, когда были тысячи раненых? – спросили меня они с жадно горевшими глазами.

– Нет, работали доктора и фельдшера полковые. А я только помогала, сколько могла.

– А нам доктор говорил, что вы единственная были здесь сестра. Мы вот поздно приехали! Все раненые уже отправлены! Для нас мало осталось… – с сожалением говорят сестры.

– А вы откуда, сестры, приехали? – спросила я их.

– Из Тифлиса. Мы только что кончили курсы. Нас так гнали! Чуть ли ни день и ночь читали лекции, чтобы закончить курсы скорее и послать нас на фронт. Все говорили, что не хватает сестер! Приехали мы сюда, а раненых отправили в Тифлис.

– Ну, сестры, на наших руках осталось еще больше восьмисот раненых! И новые все время прибывают, хотя и понемногу, но каждый день, – утешаю я, чтобы они не жалели, что им раненых мало.

– В Тифлисе ужасная была паника. Говорили, что турки идут прямо на Тифлис. Многие бросали все и уезжали из города. Фаэтонщики брали тысячи рублей из Тифлиса до Владикавказа. Тех, кто ехал по Военно-грузинской дороге, грабили разбойники. И беженцы приезжали во Владикавказ раздетыми и обобранными дочиста. У нас на курсах говорили, что здесь раненые валяются на улицах и некому их перевязывать и уносить в госпитали, – говорила одна из сестер.

– На улицах если они и валялись, то недолго, вероятно. А перевязывать уже в госпитале действительно было некому! И

раненым по неделе и больше не меняли повязки. Раны так загнаивались, что тяжело было перевязывать их, – рассказываю я, а сестры тяжело вздыхают. – Слава богу, теперь всех перевязывают каждый день и вовремя! Вы не жалейте, что мало осталось раненых. Навезут! На всех хватит! Война еще не кончилась…

Вечером муж сказал мне, что транспорт сегодня весь день перевозил тифозных. Один госпиталь отвели специально для сыпнотифозных. Их очень много, и с каждым днем количество будет увеличиваться. Теперь тиф пойдет гулять!

Весь январь прошел более или менее спокойно. Раненые поступали, но сравнительно немного. Госпитали почистились и навели обычный порядок после декабрьских боев и тысяч раненых. Сегодня муж говорил, что в окончательном подсчете его транспорт вывез за время боев больше *шести* тысяч раненых. В два раза больше, чем другие транспорты вывезли за это же время.

На другой день, когда я вернулась из госпиталя, мужа не было дома. Гайдамакин сказал, что он пошел в штаб.

– Зачем ты ходил в штаб? – спросила я мужа, когда он вернулся домой.

– Вызвал нас, всех старших врачей, дежурный генерал для того, чтобы сговориться о том, который из транспортов послать на Ардаганское направление. Он спросил нас, не пожелает ли кто добровольно поехать туда. Все, кроме меня, сразу «пустили слезу», что они-де не знают местности, потому что они не кавказцы: «а вот доктор Семин здешние места знает хорошо. Он старый кавказец и жил в Карсе долго».

– Ну, а дальше что?

– Да что дальше! Конечно, я согласился! В конце концов, не все ли равно, где работать! Везде война, везде такие же солдаты! Конечно, другие думают иначе. Вон, доктор Хлебников говорил мне по дороге, когда мы шли с ним в штаб, что он нашел маленький домик и хочет выписать к весне жену. А другой сказал, что у него очень хорошенькая квартирка и ему жаль ее бросать. И тоже выписывает жену. «Хочется пожить по-семейному», – сказали они. Что можно возразить против этого? Они все мне завидуют, что ты со мной. Сколько раз говорили: «Что вам война! Жена с вами! Не все ли вам равно, сколько лет война продлится!..»

Мне как-то жалко стало покидать Сарыкамыш. Много мы пережили в нем, и он стал каким-то близким. Да и обжились. Здесь я работаю в хорошем госпитале. Узнала врачей и сестер. Теперь бы только работать! А тут опять надо уезжать в какое-то дикое и незнакомое место, где все разрушено турками.

– А когда выступать? – спросила я мужа, который тоже был в грустном настроении.

– Вот как закончим всю отчетность и хозяйственные дела. Через несколько дней, я думаю, можно и выступить. – Он казался расстроенным и некоторое время молчал. Потом встал, прошелся по комнате, дымя папиросой, и сказал: – Сколько бы человек ни был полезен, но, если он не бегает, не хлопочет за себя и не заискивает перед начальством, то, в конце концов, его все равно сведут на нет! А вот такие, – он показал рукой на улицу, – всегда устроят наилучшим образом свои дела. Они каждый день у начальства на глазах; всегда много говорят о своих делах. А я никого в штабе не

знаю; был там два-три раза, да и то, когда меня туда вызывали. А другие – там свои люди! До войны я как-то мало сталкивался с начальством, которое любит поклонение. Я не привык ни заискивать, ни угождать кому-нибудь. И теперь, во время войны, я все так же держался вдали от имеющих власть. Я не забегаю, не прошу ни за себя, ни за других, не устраиваю своих личных делишек. Мои начальники знают меня только по номеру моего транспорта. Никаких других отношений у меня с ними нет.

Меня его слова, полные горечи и обиды, удивили. Я никогда не думала, что среди врачей существуют такие люди. Тем более что врачи всех санитарных транспортов, работающих в Сарыкамыше, всегда бывали у нас и за стаканом вина высказывали дружбу к моему мужу. Бедный, родной мой Ваня! Сам всегда меня предостерегал: будь осторожна, ты людей совсем не знаешь, а люди все мерзавцы! А тут не видел того же самого. Чем эти врачи лучше простого солдата Ткаченко, который снимал с турецких трупов башмаки, чтобы продать их, а деньги послать жинке на улучшение хозяйства. Так же и коллеги мужа устраивают свои личные дела. Они готовы перешагнуть через кого угодно, только бы намеченная цель была достигнута. У одного доктора – хорошая квартира, жалко бросать, у другого – присмотрен домик для приезда жены. А в Ардаган пусть едет доктор Семин. В этот Ардаган, где нет ни одного целого дома; где в каждом доме еще валяются трупы зарезанных целыми семьями армян, где все окна выбиты, двери сорваны, полы, потолки и вообще все дерево сожжено, а вместо домов стоят только полуразвалившиеся саманные стены. Доктор Семин – он с женой! Ему все равно, где ни жить! И вот каждый вечер эти милые коллеги заходят

к этому самому доктору Семину выпить стаканчик вина и погреться. Так они и говорили: «К вам тянет! У вас тепло и уютно, совсем по-семейному!»

Ваня, мой милый! Он все хочет найти справедливость! А кому она нужна? И где ее можно искать?! Очень мне стало тяжело и грустно от этих дум.

– Ты, Тина, что загрустила? Не хочешь из Сарыкамыша уезжать? – спросил муж, видя, что я все молчу.

– Нет! Пускай остаются здесь все эти «коллеги»! Ты прав! Везде те же русские солдаты, и везде они нуждаются в нашей помощи! В Ардаган так в Ардаган! Будем и там работать! – храбро говорю я.

– А в Ардагане сейчас очень скверно! Город почти разрушен; трудно будет найти даже комнату. Что уцелело от турецкого разгрома, то все уже занято войковыми частями. А в штабе сказали, что там раненых мало. Больше всего тифозных… Но… – сказал он и остановился, смотря на меня. Его прекрасные глаза были грустны. – Знаешь, Тина, хотя временно, но нам сейчас придется расстаться! Я поеду туда сначала один. А ты поезжай домой, отдохни, пока я там устроюсь.

– Вот это было бы прямо ужасно! – говорю я. – Я не хочу ехать домой в такое время! Я нужна здесь! А дома все разрушено: прислугу отпустила, квартира холодная…

– Видишь ли, я думаю, что для тебя просто необходимо поехать и отдохнуть после всего пережитого здесь. Я напишу Яше, он все приготовит для твоего приезда.

– А не лучше ли, если я пока буду работать в Карсском госпитале? Все же это будет ближе к тебе. Ты сможешь приезжать туда.

– Нет! Пожалуйста, поезжай сейчас домой. Я буду спокойнее. А тем временем я все разузнаю. Если госпиталь там хороший, а мне удастся найти квартиру или хорошую комнату, сейчас же напишу тебе, и ты приедешь. Хочешь – возьми Гайдамакина с собой.

– Нет, он мне не нужен. Я же не буду открывать весь дом! Займу одну или две комнаты. Дворник будет топить печи. Но горничная мне нужна, а моя Маша служит у Яши. Ты напиши ему, чтобы она ко мне вернулась временно.

Вот и опять перемена! Плохо ли, хорошо ли, а с войной мы как-то мирились. Все неудобства сглаживались, не так остро ощущались, порой даже забывались. Все как будто наладилось, как надо. Казалось нормальным, что по две недели не мылись, что Ваня спит на полу, что постельное белье желтое, непростиранное и, конечно, совсем не глаженое. Едим бурду вместо супа. Хлеб черствый. Посуда вся калеченная и плохо вымытая. Всегдашний холод в жилище кажется нормальным явлением… И вот опять полная ломка налаженной жизни! Больше всего я беспокоюсь за мужа! Заберется он в эту глушь; начнет опять много пить. Здесь, пока мы были вместе, он сдерживался и пил гораздо меньше. А эти типы, братья Костины, опять будут спаивать его. Они не смели при мне даже приходить к нам в дом, если муж не потребует их сам. Я запретила им покупать напитки для мужа… А теперь останется муж один, станет ему скучно – и опять появится выпивка, а с выпивкой влезут и эти братья-жулики Костины!

Сегодня стала укладываться. Решили ехать до Карса вместе с мужем в двуколке. А в Карсе сяду на поезд.

Из Сарыкамыша я выехала на двуколке Клюкина, а по дороге уже пересела к мужу.

– Клюкин, скажи мне, пожалуйста, правду, почему лошади грызут забор? Правда ли, что у них чешутся зубы? – задаю я ему вопросы, которые давно уже не дают мне покоя. Каждый день лошади привязываются вдоль всей ограды и стоят там несколько часов, греясь на солнце. Забор был деревянный, дощатый. Лошади его почти весь сгрызли. Это я видела каждый день и всех спрашивала причину, так же как и муж. Но никто ничего мне не объяснил. Муж сам тоже не знал, что это за странное явление? Теперь я нарочно поехала с Клюкиным, чтобы выпытать у него правду.

– Нет, барыня, это не так! Зубы у старых лошадей не чешутся… А только они всегда голодны! Вот и грызут все, что ни попадется… А к забору мы их привязываем нарочно, чтобы старший врач видел…

– Слушайте, Клюкин! Почему вы не скажете ему прямо, что лошади голодны?!

– Эх, барыня, боимся! Старший врач больше верит заведующему хозяйством Костину… Были случаи! Мы намекали. Так он на нас же и накричал: вы-де, никогда ничем не довольны и всякого готовы облить грязью! Ну, мы ничего больше и не говорим. А лошади голодают! А Костины денежки кладут в карман!

– И это истинная правда, Клюкин?

– Вот как перед истинным Богом – правда! Мы все ведь видим, что эти братья Костины делают. Но они сумели подойти к старшему врачу, и он им верит, а нам – нет! Они только вас боятся. Пока вы были здесь, они не лезли к

старшему врачу. А вот как только вы уедете, так опять будут пить вместе. И будут делать, что захотят.

– Клюкин, какие ты страшные вещи рассказал! Если все это правда, так ведь они погубят моего мужа!

– Да! Так оно и будет. Они его споят! Вот тогда целые ящики доставляли всяких напитков. Сами-то купят задешево, а ему подадут счет чуть не на тыщу рублей! Они, барыня, хитрые – убийцы! Нарочно поят его, чтобы старший врач не читал счетов! А с пьяных-то глаз человек подмахнет что угодно! Вон мы сала не получаем с первого дня, как попали в транспорт!

– А знает старший врач, что вам полагается сало? Почему вы не заявите ему об этом?

Какой ужас! Лошади голодны! Команда недовольна! Заведующий хозяйством просто-напросто – мерзавец и жулик! А муж пьет и думает, что все хорошо и благополучно. Это ужасно! Как я могу уехать и оставить его одного?

– Стой! Я пойду к мужу и все расскажу ему.

– Нет, пожалуйста, не сейчас только! Вот когда мы приедем на новое место, мы сами заявим претензию. Вот тогда все и откроется!

– Так ты ведь таких страшных вещей нарассказал мне, что я не могу уехать домой и оставить мужа этим негодяям.

– Да, это точно, что негодяи они, барыня! Но вы поезжайте с Богом. А если что случится со старшим врачом, я вам напишу, – серьезно сказал Клюкин.

– Правда, ты напишешь мне все?

– Правда, напишу. А теперь ничего не говорите ему.

В Карсе на вокзале такая огромная толпа, что нет никакой возможности получить место в купе. Муж поставил у самых дверей Гайдамакина, чтобы, как только откроют двери, первому войти и занять для меня место. Вдруг подходит старший Костин и говорит, что место для меня уже занято.

– Разве где-нибудь открыта дверь? – спросил муж.

– Нет еще. Но у меня кондуктор – приятель. Я ему сказал, и он оставил в купе место.

Что мне оставалось делать? Я его поблагодарила. Когда он отошел, я сказала мужу:

– Пожалуйста, будь осторожен! Я слышала, что эти Костины очень нечестные люди…

– Я сам думаю над этим давно. Но у меня нет никаких данных для их обвинения. А оба они страшно милы со мной и стараются, работают изо всех сил.

– Они споят тебя одного, без меня!

– Ну что ты! Как будто я маленький мальчик, с которым можно делать что-нибудь помимо моего желания.

– Хорошо, родной мой. Я верю тебе и буду ждать от тебя хороших известий и, как только будет возможность, сейчас же приеду к тебе опять.

Вот первый звонок! Мы пошли к дверям в общей толкотне и давке. Когда мы вошли в вагон, кондуктор сам нашел нас и указал купе.

– Сюда пожалуйте, – указывая на нижний диван, сказал он.

Нашелся и Гайдамакин с моими вещами. Когда кондуктор и Гайдамакин вышли из купе, мы с мужем сели на диван

и молчали, как будто и сказать друг другу нечего. На сердце у меня было тревожно. Муж курил, лицо грустное, смотрел в пол.

– Ваня! Два звонка уже! Иди, родной! А то поезд после третьего звонка сразу трогается.

Мы целуемся, и он выходит из вагона. Я смотрю в окно. Вон и он. Полушубок расстегнут, еще простудится, думаю я и показываю, чтобы застегнулся. Машет головой – нет! Третий звонок!

– До свиданья! – кричу я сквозь закрытое окно.

Платформа стала медленно уходить. Муж машет рукой и что-то говорит… Позади его стоят Гайдамакин и Костин.

До свиданья, родной мой Ваня!

Глава 6

Опять разлука.

Поезд тронулся. Платформа стала медленно уходить от меня, а с ней и мой любимый Ваня. И тогда только я поняла, что опять уезжаю от него. Давно ли я с таким волнением ехала по этой самой дороге, и на этой самой Карсской станции волновалась, что поезд стоит так долго! Каждый лишний час вдали от него казался мне вечностью. Но тогда я ехала к нему! С таким нетерпением ждала встречи с ним! Я думала тогда, что еду к нему на все время войны и уже ни за что не оставлю его одного… А вот опять этот же поезд выстукивает то же самое: – уехали-уехали-уехали…

Почему все так сложилось? Ни я, ни муж этого не хотели, а вот опять разлука… Кто-то, кто сильнее нас, руководит нами помимо нашего желания. «А как бы было, если я

поступила бы штатной сестрой в госпиталь?» – подумала я. Нет! Было бы хуже. Например, если бы я поступила в Сарыкамышский госпиталь? Нет, ни за что! Его, бедного моего Ваню, выслали в эту Ардаганскую тифозную дыру, а я буду работать в Сарыкамыше вместе с теми врачами, благодаря которым послали мужа на новое место работы! Ни за что! Очень хорошо сделала, что не поступила штатной сестрой. По крайней мере, не вижу эти противные рожи! А что, если я осталась бы в Карсском госпитале? Вот это было бы теперь кстати. Единственный транспорт здесь – это транспорт мужа, и он будет привозить раненых в этот госпиталь. И я часто видела бы если не его самого, то его санитаров, двуколки, лошадей. Могла бы посылать с ними записки ему. Почему я этого не сделала, когда мне предлагали и даже уговаривали остаться в госпитале? Вот непоправимая глупость!.. Может быть, сойти с поезда на первой остановке и вернуться в Карс, пойти в госпиталь и попросить, чтобы меня зачислили штатной сестрой? Хорошо! А если мужа еще куда-нибудь пошлют в другое место? Что тогда? Ведь меня не пустят из госпиталя никуда. Тогда, может быть, я целый год его не увижу… Вдруг его пошлют обратно в Сарыкамыш, а я останусь здесь в Карсе одна, как в декабре!.. Нет! Лучше быть свободной!

А поезд увозит меня все дальше и дальше от Вани. Такая тоска. Если бы было место, где я могла бы поплакать, стало бы легче. Но столько народу едет! В моем купе сидят вплотную друг около друга. Как тут заплачешь?.. И так ко мне все внимательны. Конечно, это потому, что я в форме сестры милосердия. На каждой станции садятся все новые пассажиры, хотя мест уже нет никаких. В Тифлисе на вокзале прямо светопреставление! Куда это только едут все эти

люди? Все с чемоданами, с корзинками и узлами, так что для пассажиров и места не остается. Около всех касс очереди. На платформе столько народу, что невозможно пройти. Зал первого и второго класса полон: нет ни одного места, чтобы посидеть. А в третьем – сплошная масса солдат, баб, рабочих, детей! Многие лежат на заплеванном полу. Всюду шутки, смех, пение под гармошку. В Баку – то же самое. Каждый поезд отходит переполненный, но на перроне народу не убавляется нисколько! Все прощаются, машут платками, кричат «до свиданья»!

Едут! Все едут! Вся Россия едет куда-то!.. Сидели по домам десятки лет. Не мечтали поехать даже в ближайший губернский город! И вдруг – снялись с насиженных мест и чуть ли не все – поехали!.. Да ведь куда! Я слышала, как старый чиновник рассказывал какой-то даме:

– Сорок лет никуда не выезжал. А как получил письмо от сына, жена и говорит: «Ты, папа, – то есть это я-то, – поезжай, навести его! Ранен ведь он, бедный Володенька!» – «Что ты! – говорю. – Куда я поеду в такую даль? Я и дороги-то не найду на Кавказ!» Плачет, ночи не спит. Жалко мне ее стало. Полез на чердак, нашел сундучок, надо же кое-какие вещички взять. Да пришла замужняя дочь и сказала, что с сундучком теперь никто и не ездит! Принесла свой чемоданчик… Так и собрался я в дорогу, да вот и еду шестой день!

А разве мало едет из Тифлиса в Петроград, из Ростова – в Варшаву, из Варшавы – в Сибирь! Все разыскивают по госпиталям сыновей, мужей, братьев, отцов. Вынуты из сберегательной кассы сбережения, которые откладывались по рублику десятками лет, а теперь тратятся сотнями на

железнодорожные билеты, на «номера» в третьеклассной гостинице. Меньше всего тратится денег на еду и на передвижение по городу. Я помню, как-то в Тифлисе спросила меня какая-то женщина (очевидно, приезжая – вид растерянный, лицо усталое, грустное), как пройти в Навтлуг. Я стала объяснять, на какой трамвай лучше сесть. Но она перебила меня и опять твердит: «Сестрица, да вы расскажите, как мне туда пройти! Ноги у меня не нанятые! Пешком дойду. А на эти трамваи сколько нужно денег. Я и так истратилась на железную дорогу, а теперь вот и за номер надо платить…»

В Баку на вокзале меня встретили Яша и Нина.

– Здравствуй, героиня! Мы думали, что ты уже в Турции у какого-нибудь паши в гареме ходишь в шароварах и в чадре!.. – так приветствовали они меня.

Мы вышли с вокзала, взяли фаэтон и поехали домой. По дороге Нина сказала, что моя квартира еще холодная.

– Я приготовила для тебя комнату. Сегодня переночуй у меня, а завтра мне обещали прислать для тебя девушку, если она понравится тебе, ты перейдешь в свою квартиру.

– Спасибо! А что сталось с моей Машей?

– О, она вышла замуж. Помнишь, у нас жили квартиранты Черняевы? У них был сын Володя. Он выдержал экзамен на прапорщика, а потом женился на Маше. Пышную справили свадьбу! А скоро после свадьбы он уехал на Западный фронт, а Маша твоя живет у матери как барыня-офицерша. А мать у нее за прислугу.

– Что ж! Рада за нее! А как твой Алексей? Где он?

– Сидит в окопах. У сальянцев много убитых офицеров. А мой Алексей даже не ранен.

– А ты, Яша, почему мрачный?..

– С перепою голова болит…

Приехали домой. Дети повисли у меня на шее. И все, что они слышали в разговорах взрослых, теперь задавали мне бесконечные вопросы:

– Тетя Тина, где дядя Ваня? Турки не взяли его в плен? Дядя Ваня лечит турок? А ты видела турок? Они страшные?..

На другой день пришла обещанная девушка. В широкой до пят юбке, на голове шерстяной платок, завязанный под подбородком узлом, белясые волосы заплетены в косу. Недавно приехала из Саратовской губернии и в горничных еще не служила. Но мне и не нужна была особо опытная. Мои потребности стали много скромнее, чем до поездки на фронт. Могу сама мыться; без посторонней помощи одеваюсь и раздеваюсь…

– Даша, а можешь кофе сварить?

– Смогу, если покажете…

Неуютно в моей квартире. Мебель в чехлах сдвинута по углам. Дворник натопил печи, и в комнатах тепло. Но я только одну мою спальню и привела в порядок. Когда прохожу по другим комнатам, то стараюсь не смотреть по сторонам – неприятно. Приходят квартиранты и так же, как и дети, задают бесконечные вопросы о пережитом и о минувшей опасности. Сами же рассказывают с величайшими подробностями все, что было, а также и то, чего не было во время наступления турок на Сарыкамыш, что я, слушая их, пришла в ужас. После них мне стало совсем нечего

рассказывать! Мои рассказы казались совсем бледными и неинтересными…

– Разве с такими дикарями можно воевать по-благородному, по-рыцарски? – говорит отец Нины. – Подумайте только! Несколько поездов с госпиталями захватили. Раненых перебили. Врачей перебили. А сестер милосердия раздели донага, и каждый турецкий солдат привязал к своему поясу за косу сестру и так и водил ее, пока несчастная не умирала в жестоких мучениях!..

За два дня я отдохнула с дороги и сегодня решила пойти в город. Да, кстати, зайти и к портнихе, узнать, что нового в дамском мире. Портниха моя тоже была в курсе всей Сарыкамышской операции. Она радостно встретила меня:

– Ах! Мадам Семина, как я рада видеть вас живой. Такие страсти мы здесь читали про ваш фронт. Я думала, больше не увижу вас живой. А как доктор?

– Он ничего, здоров, спасибо!

– Ах, мадам Семина! А у нас полон город новых дам. Я завалена заказами… Никогда раньше я не шила столько дорогих платьев, как теперь. Из старых заказчиц мало кто приходит. Как-то я встретила вашу полковую даму, мадам Иванову, бедная в трауре. И такой у нее нехороший вид, что я не решилась и спросить ее, по ком траур она носит. Хотя видно, что по мужу?

– Да, капитан Иванов убит.

– Мадам Семина! Какие странные заказчицы теперь приходят. Все молодые, руки красные, пальцы толстые, лица странные – нездешние.

– Почему вы думаете, что нездешние?

– Я никогда не видела таких раньше у нас в Баку. Заказывают все дорогие платья. Недавно пришли две дамы, принесли дорогую материю и говорят: «Сшейте по карточке; с корсетом!» Я спрашиваю: «С каким корсетом?» – «А с таким, что барыни носют»! Я стала объяснять, что корсеты для всех одинаковые. А они говорят: «Да мы никогда не носили корсетов! Не умеем их носить! Да я его, проклятого, никогда не надела бы, да муж заставляет, говорит, будь как барыня! Потому я теперь прапорщик! Все равно что офицер!» Ну, мы пошли в магазин, и я купила. Но, как надену, просто дышать в нем не могу. Может быть, я не так надеваю. А муж ругается. Если ты без «карсета», не могу, говорит, я тебя в благородное общество повести как «свою супругу!..» А другая потребовала: «Сшей мне такое платье, чтобы ни у кого такого не было!» На нашей улице открылся новый ресторан-кабаре «Луна». Всю ночь до утра гремит там музыка.

– Мадам Артюнова, я сейчас ничего не заказываю. Посмотрю сначала материи. Мне нравятся моды этого года.

– Мадам Семина, моды в эту зиму замечательные! Юбки клеш на подъеме или узкие, драпированные для вечера. К Рождеству я шила для вашей Нины Ивановны бархатное, малиновое, драпированное, вечернее. Очень шикарное вышло платье.

– Мадам Артюнова, задержите время и для меня; я что-нибудь буду шить.

Выйдя от портнихи, я пошла на бульвар. Мне хотелось посмотреть на море. Погода в это время стояла чудная, теплая, совсем весенняя. На бульваре было много гуляющей публики. Около кафе и киосков с мороженым все столики

были заняты молодыми офицерами с дамами: у дам букетики живых цветов, приколотые на груди, – совсем по-весеннему. Лакеи едва успевали подавать заказанное. Все пьют, едят, смеются, громко разговаривают. Густая толпа ходит по широким дорожкам, обсаженным молодыми фисташковыми деревцами. Море спокойное, гладкое. Вон как хорошо виден остров Нарген[18], голый, без единого деревца или кустика. Видны новые бараки: это для пленных турок. Всех пленных после Сарыкамышского разгрома привезли на этот остров. (С помощью местных бакинских татар некоторые из турецких офицеров бежали с острова Наргена[19].) С двенадцати часов дня Бакинский бульвар всегда был полон публики, но сегодня меня поразило сколько молодых, здоровых мужчин, штатских и в военной форме, в будний день весело проводят время с дамами на бульваре. Точно и войны нет никакой! Молодые офицеры

---

[18] Нарген (Наргин) – остров в Каспийском море, где в годы Первой мировой войны размещался крупный лагерь для военнопленных.

[19] В августе 1915 г. с острова Нарген бежали 8 офицеров и 2 нижних чина. Администрация лагеря установила довольно свободный режим проживания пленных, в частности, офицеры и врачи могли по увольнительным запискам уходить в город и задерживаться там порой на несколько дней. В результате этого инцидента комендант лагеря был сменен, а жизнь на острове Наргене изменилась: по итогам расследования пленные турецкие офицеры были выдворены во внутренние губернии.

или прапорщики гуляли со своими дамами непременно под руку, хотя мне казалось, что им было очень неудобно идти. Дамы шагали невпопад и делали такие большие шаги, что кавалер едва поспевал за своей дамой. По-видимому, все считали это хорошим тоном. Дама такого франта в военной щегольской форме шагала широко и размашисто, держась крепко за руку своего кавалера, а в другой руке несла бумажный пакет и размахивала им, весело и громко смеясь.

Я села за освободившийся столик и стала наблюдать за публикой. Никого из старых сальянцев не было видно. Не было и наших полковых дам... Сколько раз я сидела здесь с мужем до войны! Обычно играл наш полковой оркестр. Публика была своя; все лица знакомые. То подойдет товарищ мужа по гимназии, а теперь инженер; то товарищ по университету, то офицер – сослуживец по полку. Подходят, здороваются, разговаривают друг с другом, как члены одной большой семьи; они все живут в разных домах, но вот сошлись вместе и, как всегда, рады друг другу. Все знают семейный быт и уклад жизни каждого из «своих». Кто-нибудь непременно спросит, почему мы прошлую субботу не были на вечере? «Было очень весело, и о вас все спрашивали...» Муж мой знал про знакомых, кто, у кого и чем болен. И тоже всегда спросит, поправляется ли больной или больная.

Я была тогда счастлива! А теперь сидят за теми же столиками новые люди. Никто их не знает. И они никого знать не хотят. И все наше им безразлично. Они много едят, много пьют, говорят еще больше и очень громко смеются... Это новые люди! Военная форма дала им почетное положение; сравнительно большие оклады жалованья при сравнительно легкой работе открыли им доступ к легкой и

веселой жизни… Число этих новых людей все росло! Они были всюду! В магазинах они покупали все дорогое. В театрах были на лучших местах. В ресторанах выбирали еду не по названию, которого не знали, а по высокой цене. Снимали большие квартиры. Научились ездить в вагонах первого класса… Словом, всюду и во всем искали то, чего им не давала жизнь в условиях мирного времени… Но, когда пришла революция, то они ничего не потеряли. Их дамы и в этой новой жизни были свои люди. Они знали все места, где и что можно было достать. У них был язык революции. Они умели говорить с торговками, и те их понимали и считали своими. У них всегда были запасы всех жизненно нужных вещей и продуктов. Их мужья, прапорщики, после революции всегда что-то продавали и все покупали. И на покупке и на продаже всегда выигрывали…

Глава 7

Скучно сидеть без дела. Хожу по разоренной квартире как неприкаянная. Ходила в госпиталь. Врачи все те же; сестры все новые; сейчас начался опять курс лекций для нового выпуска сестер милосердия. Как великолепно оборудован госпиталь! Чудная хирургическая. Операции делает лучший хирург из больницы «Совета съезда нефтепромышленников» Окиншевич. Доктор Захарьян очень мило встретил меня и предложил приходить работать. Но я не знаю, сколько времени проживу здесь, а на краткий срок начинать работу не хочется.

Моя горничная Даша тоже, кажется, тяготится бездельем. Да это и понятно, какая это работа – сварить утром кофе да прибрать одну комнату. Обедаю я у Нины. Сама она

обедала дома за все это время только два раза. Я обедаю с детьми. Они очень рады, что мать не кричит на них и не заставляет их есть суп. Нина же всегда куда-то приглашена. Вечером ее тоже нет дома. В городе масса всяких развлечений.

Получила письмо от мужа: пишет, что Ардаган ужасное место. Грязь, трупы и тиф. Город разрушен турками очень сильно, но все же не настолько, как говорили в Сарыкамыше. Работы для транспорта мало. Трупы армянского населения валяются всюду, ими набиты все колодцы. И за городом, и по дорогам всюду трупы и трупы!.. Считает, что мне приезжать туда не следует.

«Холод; домишки не приспособлены; дует отовсюду; вода подозрительная. С едой тоже дело обстоит неважно. И в госпиталях все только тифозные больные. Сейчас затишье, ни для кого нет настоящей работы. Город полон казаков и солдат. Пьянствуют, у кого есть деньги. Но ходят слухи, что мы долго здесь не простоим. Войска пойдут вперед, и мой транспорт за ними следом. Но это будет не раньше весны. Вот если пошлют в Ольты, это другое дело! Место чудное! Тогда и ты можешь приехать туда. А сейчас ты отдыхай. Если тебе очень хочется работать, так ты и там найдешь работу в запасных госпиталях, которых в Баку много. Турок здесь сильно оттеснили к границе… Тех, конечно, которым удалось спастись от декабрьского разгрома. Я ездил по местам, где были бои, и видел, какая масса трупов еще не убрана. Воображаю, что будет весной, когда снег стает!.. Тогда тиф примет еще большие размеры. Скучно мне без тебя очень, но все же я не вижу никакой возможности для твоего приезда сюда. Сиди дома, развлекайся. Из твоего письма я вижу, что в тылу живут весело и даже убитых не

очень оплакивают! А этот кутила Яшка! Я хочу, чтобы он приехал сюда и хоть немного посмотрел, что такое фронт и война. В его письмах я только и читаю: «Мы кутили! мы пили!» Это просто ужасно! Ни одного слова о войне или о деле. Ведь за это время, пока он донесет каждую рюмку до рта, на фронте успеют убить несколько человек, может быть, умных, знающих и нужных! А вот такой паразит только и делает, что хвастается своими кутежами. Если бы я мог, я послал бы его в окопы, чтобы он покормил вшей. Ты ему еще скажи, что я его жду! А то он будет тянуть и откладывать свою поездку сюда. Я его здесь подтяну. Буду держать на положении санитара. Он будет жить с командой, есть с ними из общего котла, ездить за ранеными и больными, кормить и чисть лошадей и мыть двуколки…»

Вечером пошла к Яше, чтобы передать ему наказ мужа, но застала у него гостей.

– Пожалуйте в столовую. У Якова Семеновича гости, в столовой все сидят, – сообщила мне горничная.

– Нет, я пройду в гостиную, а ты пойди доложи Якову Семеновичу.

– Здесь Нина Ивановна и Марья Яковлевна, – говорит горничная, открывая дверь в столовую. Там я увидела знакомую картину. Накрыт стол, на нем бутылки разных цветов и размеров с напитками, тарелки с закусками. Какой-то неизвестный мне мужчина, развалясь на стуле и задрав толстую ногу на ногу, ораторствовал: «Только загребай, брат, денежки!» Напротив оратора сидела Нина, какая-то томная и, как мне показалось, нежная. В конце стола сидела Маня (так все ее называли, и это к ней шло больше всего). Она слушала с расширенными глазами,

положив голову на руки и не спуская глаз с оратора. Яша стоял у буфета, одной рукой облокотясь на него, а в другой держал стакан с вином. Второй гость, которого я видела тоже в первый раз, сидел против Мани, на другом конце стола. На каждое слово оратора он улыбался и как-то весь дергался; то отодвинется от стола, то опять придвинется и почти ляжет грудью на него и в то же время, не выпуская стакана из рук, пил вино… Яша увидел меня и сделал знак оратору-«загребале». Тот повернул голову, взглянул на меня и замолчал. Яша пошел мне навстречу.

– Здравствуй, Тина, вот хорошо, что ты пришла! Господа, вы не знакомы? – обратился он к мужчинам. – Вот жена другого моего брата – доктора.

– Как же, слышали, слышали, в какой переделке вы были в Сарыкамыше! Очень приятно познакомиться, моя фамилия Бакланов. – Он встал и протянул мне руку.

– А я, можно сказать, «тутошный», живу в вашем доме; но не знаком с вами. Моя фамилия Иванов! Мы люди простые, из купцов, из самарских. Леском торгуем, – говорил он, прикидываясь простачком.

Этот купчина, когда встал, оказался огромного роста, широкоплечий; краснорожий, ручища с лапоть! Моя рука в его пожатии утонула, точно в тесте. Бакланов был небольшого роста, худощавый, бледный, со впалыми щеками; на голове реденькие, слипшиеся черные волосики; руки узкие, с черными ногтями и потными ладонями. На нем был очень хороший костюм, а на Иванове – русская рубаха, подпоясанная староверческим тканым пояском.

– Тина, садись вот здесь, – пригласила Маня, показывая на стул рядом с собой. Маня была блондинка (Ваня ее

называл белясая чухонка) и вся какая-то большая, высокая, бесформенная, без талии; большие ноги, большие руки, длинная шея, плоская грудь. Волосы редкие, зубы покрыты золотом. Муж у нее был коммивояжер. Он умер где-то в дороге, на ступеньке вагона, несколько месяцев тому назад. Вот эта-то «белясая вдова» теперь всячески ухаживает за Яшей, чтобы женить его на себе. Она старше его, кажется, лет на пятнадцать. Мой муж ее не выносил за ее вульгарность. А о Яшиной женитьбе на ней и слышать не хотел. Когда он приходил к Алексею и заставал у него эту самую Маню, то немедленно уходил. Что общего было между Алексеем, который был офицер, и мужем Мани, который был коммивояжером, мы никогда не могли узнать. Но они дружили и бывали часто друг у друга…

– Очень хорошо, что ты пришла, – снова говорит Яша, усаживая меня. Бакланов налил вина в бокал и придвинул его мне; затем налил и другим полные бокалы и предложил выпить за мое здоровье. После первого бокала налили второй и стали с настойчивостью привычных пьяниц приставать ко мне выпить еще.

– Выпьем за героев! – Я немного отпила. – За героинь! – кричит Бакланов. Я со всеми должна была чокнуться.

– За победу русской армии! Пить до дна! Мы ценим наших героев, – говорит Иванов. Его красное лицо стало еще краснее; маленькие глазки хитрого мужичонка ни на кого не смотрели, а так, как-то все бегали. Тоненький носик был сизо-красный. Он стоял и в огромной плоской лапе крепко сжимал бокал с вином. – Мы сами, можно сказать, работаем на оборону. Да! На оборону! – весело повторил он, и все

сейчас же его поддержали: – Конечно, на оборону! Все для армии!..

– Вот, мы стараемся все вино выпить! Чтобы виноделы не обанкротились! Начальство запретило продавать вино в розницу. Так мы и покупаем его ведрами! Обороняем, значит, виноделов! – сказал Яша.

– Ну, а как насчет наград? Получили вы какую ни на есть медальку? – спросил Иванов.

– А правда! Как там насчет наград? – спросили все… – Может быть, мы пошли бы на фронт, если бы нам дали по Георгию для начала…

– Мало просишь! Продешевил! Проси генеральский чин, отдельный поезд! Тогда еще можно и повоевать! Да только приезжай на фронт! Сразу получишь отдельное место в общей могиле! – говорит Бакланов…

Все громко смеются.

Господи! Да что это?! Неужели это русские люди?! Россия воюет на несколько фронтов! Едва отбивается от врагов, сотни тысяч убиты; еще больше того раненых и искалеченных! Их семьи нуждаются во всякой помощи!.. Я вспомнила опять этого раненого в Сарыкамыше, Егорова – обрубок человека, без рук и ног, который просил убить его лучше, чем посылать домой лишним ртом и обузой для семьи! Чем он хуже вот этих пьяниц, наживающихся на его и общем страдании всей России?! Тут сидят сытые, пьяные, наглые и говорят о чинах и наградах в тоне шутки и издевательства, чтобы потешить своих дам. А там, на фронте, защищая от врагов каждый кусок русской земли, израненные, искалеченные, видевшие смерть в глаза, принимают эти награды как святыню, со слезами, и прикладываются к ней

запекшимися губами. Я вспомнила, как генерал Баратов, обходя госпитальные палаты, раздавал своим казакам Георгиевские кресты. С каким благоговением они принимали эти награды! У каждого текли слезы по худым бледным щекам.

Болтовня пьяной компании раздражала меня. Я встала.

– Ты куда? Посиди, еще рано! – сказал Яша.

– Нет, я пойду домой. Я пришла по поручению Вани, но вижу, что тебе не до меня. Может быть, ты придешь сам ко мне завтра?

– О! Что же ты сразу мне не сказала? Они все люди свои, извинят меня. Идем в кабинет и поговорим. Господа, извините! У меня спешный разговор…

– Что с Ваней? – сразу спросил он, как только мы вошли в его кабинет. Из всей семьи Яша любил только Ваню. И слушался только его.

– Ты получил письмо от Вани?

– Да. Он зовет меня к себе. Но я не успел еще привести дела в порядок, и свои личные, и по дому. Да нужно заказать солдатскую одежду. Все это меня задерживает здесь.

– О делах ты не беспокойся. Пришли мне домовые книги, и я буду вести все дела, пока ты будешь у Вани. Яша! Не откладывай поездку к Ване! Ему нужно, чтобы кто-нибудь близкий был около него! Иначе его споят там, и это кончится драмой для нас всех. Да, наконец, все обязаны помогать России! Нельзя же жить таким эгоистом, как живешь ты!..

– А что ты сделаешь, если я не хочу ничем помогать России?!

– В таком случае ты не имеешь права называться русским человеком!

– Все это только громкие слова! – с сердцем сказал он и встал. – Ты посидела на фронте, потому и говоришь все это! А поживешь дома, привыкнешь опять к роскоши и комфорту, так забудешь все эти громкие слова.

Я встала и, не прощаясь, пошла в переднюю.

– Послушай! Не сердись! – догоняя меня, сказал он. – Чего мы будем ссориться? Я и сам хочу поехать к Ване. И Ваня хочет, чтобы я приехал к нему. Теперь и ты хочешь, чтобы я ехал к Ване. Хорошо! Я поеду и буду делать все, чтобы охранять и оберегать его от неприятеля и внутреннего, и внешнего.

Не заходя в столовую и не прощаясь, я пошла домой.

«А что если в России много таких, как Яша и его друзья?!» – думала я, идя домой. Что будет с Россией, если ее постигнет неудача на фронте? Господи! Пока не было войны, я как-то не замечала (да и не было случая видеть), что мы, русские люди, относимся безразлично к судьбе России. И мало ценим все то благополучие, которое она нам дает… Но, что особенно странно, такого безразличного отношения к судьбе России на фронте я не слышала ни от кого! Видно, и правда, что на фронт ушло все лучшее!..

Наконец-то сегодня Яша уезжает к Ване. Я очень рада этому. Теперь он, по крайней мере, будет не один. Яша будет смотреть за ним и не позволит никому его спаивать.

Яша в солдатской форме выглядит очень хорошо. Ему устроили проводы, как герою-победителю. С вечера был ужин в «Медведе», а под утро приехали к Нине пить кофе. Но пили больше вино. Меня тоже пригласили. Я не могла

отказаться и тоже до утра была с ними. Я послала мужу кое-что из съестного.

Через неделю после отъезда Яши получила письмо от мужа: «Держу его в ежовых рукавицах. Заставляю работать наравне с санитарами». Получила опять письмо. Это за две недели единственное! Да и какое-то странное: «Снег; холод по-прежнему; работы мало; ездили на медвежью охоту, но ничего не убили, зато все перепились!» Кто ездил? Почему «все перепились»? Где же Яша?! Боже мой! Я думаю, что самое большое несчастье для женщины – это иметь мужа-алкоголика. Хотя бы он пил самую малость. Но он всегда начинает пить только понемногу, а затем количество выпиваемого вина с каждым днем увеличивается. Как бы благороден и порядочен ни был такой человек, верить ему как здоровому, нормальному человеку – нельзя. В трезвом состоянии он искренне уверяет, что не возьмет в рот больше ни капли вина: «Ну его к черту! Довольно! Не буду больше пить! Да и печень вон уже пошаливает!» Он щупает печень, осторожно надавливает двумя пальцами: «Вот! Ясно! Прощупывается! Я так и знал! – говорит он сам с собой. – Ну, а где границы сердца?» И начинает выстукивать. «Слышишь? Вон какой притупленный звук! Вот где его границы!.. Это, значит, уже расширение сердца, “бычачье сердце”, как говорят! Теперь уже сколько ни пить, конец один – водянка и смерть!.. Тина! Смотри, чтобы больше на стол вино не подавалось никогда! С сегодняшнего дня бросаю пить совершенно!..» Так говорит пьяница-врач после анализа самого себя. «Если с сегодняшнего дня перестать пить и сесть на диету, то могу прожить еще года два-три», – торжественно и искренно говорит он и сам верит себе в данную минуту. И бедная жена хочет еще раз поверить, что

счастье может вернуться в дом… Но в ближайшие же дни, если не в тот же день, наступает полное разочарование.

Пришел из лазарета Красного Креста доктор Бакин узнать, есть ли свободные лошади в транспорте, чтобы сестрам съездить на соседний питательный пункт в гости к тамошним сестрам. «Садитесь, коллега. Лошади свободные есть. Сколько хотите? Я сейчас распоряжусь, и лошадей подадут к вам в лазарет. Не хотите ли стаканчик вина?» – «Спасибо, выпью с удовольствием! Хотя, знаете, мне пить вредно. Я и сам это отлично понимаю, – говорит гость. – У меня скрытый нарыв в области тазобедренной кости! Но один стаканчик с вами выпью…» – «Эх, коллега! У меня опухоль печени, сердце бычачье, и жить-то, можно сказать, осталось каких-нибудь несколько месяцев, а я все-таки выпью с вами! Все равно раньше своей смерти не умрем!..» – слышит эти речи жена из соседней комнаты. А что может она сделать? И может ли кто-нибудь остановить или изменить что-нибудь в этом роковом ходе вещей? Война! И в этом – окончательный приговор неизбежной гибели… Знает это муж… Знаю это и я…

Жизнь с каждым днем становится все труднее! Кажется, все делаю, чтобы легче переносить и пережить это тяжелое время. А вот – с каждым днем становится хуже. У меня такое ощущение, как бывало, когда я смотрела ледоход на Волге: плывут льдины… Иногда одна захватит всю ширину Волги… Зацепится краями за берега, и все останавливает. Думаешь, что она так и будет стоять, пока не растает!.. Иногда смельчаки идут по ней на другой берег… Но вот сверху начинают наплывать меньшие льдинки. Все больше и больше их становится. Они громоздятся на края большой льдины, и скоро образуется высокий вал. А новые льдинки

все наплывают, ударяются в края большой льдины, обламывают их… Но она все стоит! И, кажется, так крепко стоит… И вдруг треск, шум! Огромная льдина раскалывается на куски, отделившись всей массой от берега, трогается. У напряженно смотревшей публики вырывается крик сожаления и восторга! Пошла! Сдвинули! Сдвинули! Да, пошла… Шурша, охая и обламывая о берег свои бока, поддаваясь напору тысяч маленьких, но назойливых льдинок, не устояла и теперь двигается к своей гибели.

– Не выдержала! Сдвинули! Их много, хоша и маленькие! Разе выдержишь? Их вон тышши насели на ее! – говорит какой-то оборванец. – Хотя она и большая, а их зато много!

Вот так и теперь – где-то невидимые маленькие тысячи злых сил ломают Россию, а вместе с ней и нас. Как ни цепляйся за берега прошлой крепкой семейной жизни – не удержимся! А эти маленькие льдинки напирают на огромную, сложившуюся веками жизнь и толкают ее на разрушение и смерть. А люди веселятся и не хотят помочь остановить это разрушение и неминуемую гибель всей страны…

Кто станет удерживать моего мужа от пьянства? Кому охота делать это? Наоборот, чем больше он будет пить, тем лучше для многих из окружающих – они в это время могут устраивать свои грязные делишки! А потом за все расплатится он же! Так же ли все переживают это ужасное время? Или только это у нас с мужем обстоятельства сложились так неудачно? Вижу наших полковых дам и других женщин, у которых мужья на фронте, и ничего особенного не замечаю… Веселы; хорошо одеты; многие, пожалуй, выглядят жизнерадостнее, чем до войны. Как-то

свежее! И глаза блестят! Конечно, кроме тех, кто в трауре. Одна знакомая, жена доктора, устроила у себя вечеринку и пригласила много «соломенных вдов». Я наблюдала за ними: все буквально в отличном настроении; говорят о нарядах, о получках из казначейства денег. Все они получают большие деньги, жалованье мужей, и живут, не меняя образа жизни, как жили и до войны с мужем. Одна из дам сказала, что правительство очень хорошо придумало давать во время войны офицерам отпуски.

– Я думаю, что это делается специально для нас – дам, чтобы было кому развлекать нас…

– Да, конечно! – сказала другая. – Что мы делали бы, если бы всю войну никто не приезжал с фронта?!

– О! Это было бы прямо ужасно! – сказала третья. – А теперь в городе всегда кто-нибудь да есть из знакомых; нет-нет да и зайдет, и посидит вечерок.

Вернулась домой. На душе нет мира. Думаю все о муже. Если бы он не занимал ответственной должности, как теперь, то, хотя бы и пил, все же это не грозило ему скандалом. А сейчас у него на руках большое хозяйство и люди. А я ничем не могу помочь ни ему, ни себе, сколько ни думай об этом. Легла спать. На другой день утром горничная принесла почту и одно письмо от Гайдамакина: «Барыня! Я не знаю, что мне делать. У барина день и ночь гости. Идут все, кому только хочется пить! У барина вид нехороший. Он не ложился спать вот уже несколько суток. Не переставая, все время пьют. И Яков Семенович тоже пьют вместе с барином. А вчера ночью стали стрелять, сначала в потолок, а потом наш самовар весь расстреляли. Я не мог ничего поделать! Я сказал в команде, чтобы вина не привозили. Но, когда

солдаты вернулись без вина, то барин чуть не побил их; а мне сказал: “Гайдамакин, чтобы вино было! А то смотри у меня!” Ну и опять привезли ведро вина, и опять все пьют… Даже и без закуски».

Ну, вот! Я чувствовала, что что-то там происходит ненормальное! Так оно и есть! Ну, а что делать? Как остановить все это? Пошлю телеграмму, что сильно больна. Что опасаются воспаления легкого. Может быть, страх за мою жизнь отрезвит его и заставит разогнать пьяниц? А мне нужно собраться и ехать немедленно туда…

Глава 8

На другой день получила телеграмму от мужа: «Беспокоюсь о твоем здоровье. Телеграфируй мне чаще. Яша едет домой».

Когда этот беспутный герой вернулся, то прямо с вокзала приехал ко мне. Увидев меня, он вытаращил глаза…

– Постой! Ведь ты больна! Почему ты не в постели? Ваня послал меня экстренно домой потому, что ты опасно больна. Он сам хотел ехать и послал телеграмму в Тифлис инспектору, но еще не получил ответа. Если дадут отпуск, он сейчас же приедет сюда.

– Это будет очень хорошо. Хоть ненадолго сделает перерыв в пьянстве. А вот на, прочти это письмо! – Я дала ему письмо Гайдамакина.

Он прочел:

– Да! Все это правда. Черт знает, что там делается! Они меня самого совсем споили. Ведрами пьют такую дрянь, что умереть можно!

– Но ты ведь поехал оберегать Ваню и смотреть за ним. А на деле оказалось, что с твоим приездом стали пьянствовать еще больше!..

– Ну, знаешь! Я ничего не мог сделать! Я только убедился там, что его ничем не спасешь! Откуда только берутся у него такие друзья? Кого, кого только около него нет?! Целыми днями одни уходят, другие приходят! Всех он угощает, со всеми пьет, и сам, конечно, всегда пьян! Прямо какой-то пьяный ад! Нет! С меня довольно. Больше не поеду ни за что.

– И слава богу! Теперь я сама поеду туда…

– Вот этого я советую тебе не делать. Условия жизни там прямо ужасны! Холод, грязь, трупы все еще валяются… Транспорт возит только тифозных да обмороженных.

Прошло несколько дней. Мужа нет, и известий от него тоже никаких. Послала опять телеграмму, что здоровье лучше. А Яше сказала, чтобы не смел писать мужу, что я здорова. Все эти события происходили в начале апреля. Через несколько дней я получила телеграмму о том, что мужу отпуска не дали и что его с транспортом посылают дальше, к Ольтам. Тогда я написала ему письмо, что, по мнению доктора, мне нужен покой и свежий воздух и что поэтому я собираюсь, не откладывая, ехать к нему в Ольты. Ответ получила немедленно, чтобы ехала в Карс, где он встретит меня на вокзале. Через несколько часов я была уже в поезде на пути к нему. Такова могучая сила любви! Только получила известие, что могу приехать к нему, и сразу вся полна радости близкого свидания. Исчезло мрачное настроение, все кажется в розовом свете; чувствуешь укоры совести за осуждения и недоверие, которые еще вчера были так безнадежны. Какой бы он ни был, а для меня он все же

самый лучший! Я готова терпеть всякие огорчения и лишения, лишь бы всегда быть с ним вместе.

Поезд, в котором я ехала, был так же переполнен, как и в предыдущие разы. Но теперь я ни на что и ни на кого не обращала внимания. Смотрела только в окно и считала верстовые столбы.

Подъезжая к Карсу, я увидела, что идет дождь. Вот и опять знакомый вокзал. И народу на нем все так же много, как и в тот день, когда я уезжала отсюда два месяца тому назад. Смотрю в окно, а Вани не вижу! Запоздал к поезду! Не поспел. Но поезд не успел еще остановиться, как я уже увидела его! С правой стороны вокзального здания подъехала двуколка и из нее, не дав ей остановиться, выпрыгнул муж и быстро пошел на перрон. Он был весь совершенно мокрый, двуколка была без парусинового верха. Ткаченко тоже слез с сиденья и стал обтирать лошадей, от которых валил пар. Наконец муж заметил меня и помахал рукой. Поезд подходил медленно и наконец остановился. Муж вскочил на подножку, вошел в вагон и крепко меня обнял.

– Тина! Да ты выглядишь совсем хорошо! – говорил он заглядывая мне в глаза. – Совсем не похожа на сильно больную!

– Да, теперь я чувствую себя много лучше. Ваня, ты ведь весь мокрый!

– Да, ливень нас застал, когда мы только что стали подъезжать к крепостному ущелью. Гнали во всю прыть, чтобы поспеть к приходу поезда и встретить тебя. Я захватил с собой немного вещей. Поедем в гостиницу. Я там переоденусь в сухое. Ткаченко только что снял верх с моей

двуколки, чтобы помыть и почистить его. А я как раз получил твою телеграмму и не хотел терять времени, чтобы не опоздать к поезду. Так и поехали… А дорогой, как нарочно, полил дождь и вымочил до нитки и меня, и Ткаченко.

Приехали в гостиницу, а хозяин говорит, что нет ни одного свободного номера. Разве что в комнате у лакея?

– Эй! – позвал он проходящего мимо лакея. – Как у тебя в комнате можно вот доктору переодеться?

Лакей сначала вытаращил глаза, но когда муж сказал, что он промок и хочет только переменить белье, лакей повел мужа в свою комнату. Я осталась в ресторане ждать его. Он скоро вернулся.

– Ваня, этот лакей, может быть, уступил бы нам свою комнату на одни сутки?

– Ну, что ты, какая там комната! Крошечный чулан, даже без окна. Нет, мы сейчас позавтракаем и поедем обратно. К вечеру приедем в Мерденек и там переночуем. А завтра к обеду будем в Соляных Ломках. У меня там великолепные три комнаты. В остальной части дома помещается полевой телефон и какая-то команда связи. К сожалению, эта стоянка всего-навсего на несколько дней. Мой транспорт пойдет в Ольты, где мы и будем работать. В Ольтах стоит несколько полевых подвижных госпиталей. Когда ты поправишься и захочешь работать, то у тебя будет большой выбор; можешь в любом из этих госпиталей работать.

Не успели мы кончить наш завтрак, как подошел хозяин и сказал, что из одного номера уезжает «барыня», и номер освобождается. Мы после завтрака поднялись на второй этаж и спросили у лакея, где комната, которая освободилась. Он

показал на открытую дверь, из которой уборщики выносили бутылки прямо в фартуках. Это была целая коллекция бутылок пивных, винных и от шампанского, и разных других. В открытую дверь шел сизый табачный дым и смешанный приторный запах духов и разных крепких напитков. Мы спустились обратно в ресторан, чтобы выждать, пока комнату почистят и приведут в порядок. На другой день мы выехали в Ольты. Погода была прекрасная, солнце, тепло! Когда же выехали из крепостного ущелья в открытое поле, то всюду, куда хватал глаз, расстилалась молодая травка нежным зеленым ковром. В этот день мы доехали только до Мерденека. Но ехать дальше Мерденека не могли; единственная дорога была вся забита подводами, конными людьми, вьючными лошадьми и ослами. Мы очутились в хвосте этой вереницы. Муж пошел узнать, в чем дело, но когда вернулся, то сказал:

– Выходи! Идем искать место для ночлега.

Мы выбрали самый большой и по виду богатый дом, зашли в него и спросили комнату, чтобы переночевать. Хозяин оказался богатым молоканином – владельцем большой молочной фермы. Я первый раз увидела такое благоустроенное хозяйство. Около ста породистых коров стояли в отдельных, для каждой из них, чистых, теплых стойлах. Коровник – кирпичное, длинное здание, крытое железом, с цементным полом и сточными канавками для нечистот.

– Хорошее у вас хозяйство, – похвалил муж.

– Да ничего! Слава богу, жаловаться не на что! Живем – ни в чем нужды не видим. Место здесь для молочного хозяйства хорошее; на десятки верст тянутся луга. Да здесь

не я один держу коров. Все, почитай, жители этим делом занимаются. Только мое-то хозяйство побольше, чем у других.

– А как насчет сбыта молока? – спросил муж.

– Мы молоко не продаем. Мы выделываем масло и сыр. А сбыт такой, что не успеваем выделывать, моментально все раскупают.

Мерденек стоит на краю широкой плоской луговой долины реки, которая весной разливается на десятки верст кругом. Улицы селения и дороги тоже тонут чуть не на аршин в жидкой грязи. В домах тоже сырость, а плотина, по которой проходит единственная дорога на Ольты, становится почти совершенно непроезжей и непроходимой для животных и пешеходов. Когда мы с мужем подошли к этой плотине, там стон стоял от ругани и криков: казалось, что все кричат друг на друга и все ругают друг друга. В несколько рядов безнадежно застряли в этой жидкой и липкой грязи десятки двуколок, обозных фургонов, зарядных ящиков и чья-то бричка, из которой лошади были выпряжены, а солдат-кучер стоял около в грязи выше колен. Несколько двуколок лежали на боку; тут же лежала дохлая лошадь, у которой торчали из грязи только бок да голова. Десятки солдат, утопая в грязи, таскали камни и бросали на дорогу. Вон еще тянут за повод лошадь, у которой задняя нога висит, как плеть. Мимо нас прошел офицер. Муж спросил, почему не вызовут саперов.

– Да ведь я и есть сапер! А это мои саперы-солдаты работают. Да что поделаешь? Материалов нет, а вода подошла к самой плотине. Вот, навалили больших камней в

эту аршинную жижу, а теперь лошади ломают ноги! Пришлось уже нескольких пристрелить.

Уже вечерело. Солнце было низко. С долины потянуло еще больше сыростью, и надвигался туман. Несмотря на крики и массу людей, где-то в кустах пела птичка.

– Пойдем в дом. Сыро, простудишься! – сказал муж.

Когда пришли в комнату, босая дочь хозяина зажгла висячую лампу и спросила:

– Будете пить чай?

– Да. Пожалуйста, дайте самовар и что-нибудь поесть: мы голодны…

Эта же девушка принесла кипящий самовар, а сама хозяйка принесла масло, сливки, свежий швейцарский сыр и великолепный домашний хлеб. Но теперь, когда окна были закрыты, я поняла, что от всего пахло коровами, парным молоком и навозом.

Рано утром пришел Ткаченко и сказал, что можно ехать, дорога очищена. Мы выпили чаю и поехали. Саперы, оказалось, работали на дороге всю ночь. Они сгребли с плотины жидкую грязь, убрали большие камни и сделали дорогу пригодною для движения. Исправлена была только одна сторона. На другой все еще стояли подводы, увязшие в грязи, и лежали убитые лошади. Поэтому пропускали по очереди, то от Ольт, то со стороны Карса. Наконец, и мы переехали эту страшную плотину, стали подниматься в гору и скоро въехали в большой сосновый лес.

– Вот как я боялся за своих коняк! – говорил Ткаченко. – Сколько там загубили добрых лошадей! Навалили в грязь камней по несколько пудов как попало и думали, что

починили дорогу. Животная не видит под грязью, куда ей ступить! Ну и попадает ногой между камнями. И сколько их там ноги поломали!..

Лес, в который мы въехали, подходил к самой дороге и был так густ, что сразу стало темно, точно в сумерки. Запахло сыростью и грибами.

– В этом лесу прячется много турок. Были нападения на обозы и небольшие группы солдат. Это отставшие от разбитой турецкой армии. Они боялись выйти из леса и сдаться в плен. До жуткости исхудалые, оборванные и одичалые, они нападали ради хлеба и одежды. Были посланы наши команды, и их выловили. Теперь в лесу их больше нет! – закончил муж, видя, что я со страхом отодвинулась от края и прижалась к нему.

– Что, барыня, напужались? – оборачиваясь к нам спрашивает Ткаченко. – Не бойтесь! У меня есть винтовка. Там, позади вас, под вещами. Вот только не знаю, где патроны?

Муж вынул револьвер и держал его в руке.

– Вот видишь, пожила дома и стала трусихой. Не бойся, теперь никого уже не осталось в лесу: всех выловили. Да теперь и тепло стало, и если еще кто остался, то и те пробираются домой в Турцию.

А лес все такой же густой и темный. Огромные сосны стояли около самой дороги. Так и кажется, что из-за каждой сосны вот-вот выскочит турок и начнет стрелять в нас. Но вот дорога понемногу стала расширяться. Начался крутой спуск с холмов. Еще немного, и лес с правой стороны остался в стороне. Вскоре мы выехали опять в долину реки. С одной стороны ее остались высокие горы, покрытые лесом, а с

другой, по которой шла дорога, потянулись фруктовые сады и селения. Красота и очарование этой долины, казалось, все возрастали. Теперь мы ехали по ровному шоссе, окруженному с одной стороны цветущими садами, а с другой – почти вплотную подходившей к дороге рекой. Река была широкая, бурная, но неглубокая. Ее мутно-красная вода бурлила, пенилась, с шумом билась о камни, омывала плоский берег, отрывала с корнями деревья и, ломая ветки, несла их дальше, чтобы выбросить изуродованное дерево куда-нибудь на берег.

– Вон видишь мост? – спросил муж. – Сейчас же за этим мостом и будут Соляные Ломки. А там и мой транспорт.

Мост был виден очень хорошо, но он был еще далеко. А когда мы подъехали ближе, то я заметила, что он был деревянный, низкий, но очень широкий. Сейчас же за мостом, с правой стороны, под горой, стоял наш транспорт. Солдаты жили в палатках. Мы подъехали к большому дому, и Ткаченко остановил лошадей. Муж помог мне выйти из двуколки и повел в дом.

– Вот и мое жилище! Неплохо по военному времени. Но долго здесь не простоим.

Жилище наше состояло из двух больших светлых комнат. В первой, куда мы вошли, на полу, в углу, лежала огромная куча каких-то бумаг, газет и разорванных книг. В другом, у стены, стояла простая железная кровать; на полу в разных концах комнаты были вещи мужа. Вот и все. Ни стула, ни стола!

Ткаченко принес мои вещи и спросил:

– Куда поставить?

– Да в любой угол или посреди комнаты. Все равно куда, места много.

Пришел Гайдамакин.

– Здравия желаю, барыня, с приездом! Как у нас дома, все благополучно?

– Гайдамакин, койку достал для барыни?

– Никак нет. Спрашивал у телеграфистов, да говорят, лишней нет.

– Тина, если не очень устала, пойдем, я покажу тебе, где были окопы наших солдат и турок.

Мы пошли, поднялись на гору, и я сразу увидела, что всюду из земли торчали руки, ноги и головы. Трупы были совершенно черные, но не сгнившие.

– Турки занимали здесь все высоты. Их положение было много лучше, чем наших войск, а посмотри, сколько их здесь набили! Вот тут, всюду, были их окопы. В них потом и закапывали их трупы. Но земля была мерзлая, со снегом. А теперь снег растаял, и трупы оказались почти все на ее поверхности. Пойдем дальше. Вон еще окопы. Когда я первый раз был здесь, так нашел перочинный ножик.

– Нет, я не пойду дальше! Я боюсь наступить на руку или на ногу этих тел.

– Ну, тогда пойдем в команду. Я покажу тебе наших щенков: Энвэр-паша, Султан и Кайзер.

Транспорт стоял под самой горой вдоль реки Ольты-Чай. В этом месте она очень широкая, но берега плоские, каменистые. Мы подошли к группе солдат. Муж поздоровался с ними, и я тоже. Солдаты расступились, и мы увидели на земле три пушистых серых комка.

– Вот подкидыши! Посмотри, какая прелесть! – Он нагнулся, взял одного из щенков и стал гладить. Я тоже нагнулась, протянула руку и хотела погладить другого. Но щенок без всякого предупреждения вцепился зубами в мою руку! Муж схватил его за шерсть и оттащил от меня. Но каждый раз, когда я пыталась опять погладить его, он моментально морщил нос и показывал все свои тонкие, острые зубы. Солдаты хохочут.

– Откуда у вас эти щенки? – спрашиваю я.

– Да мать щенячья сама притащила их к нам! – говорит солдат.

– Видишь ли, когда транспорт пришел сюда, стали резать скот для мяса команде. Внутренности выбрасывали. Сначала все слышали по ночам вой: не то собака, не то волк! Но однажды заметили огромную овчарку, жадно поедающую отбросы на том месте, где режут скот. Увидав людей, она бросилась в воду и поплыла к противоположному берегу. Вон, видишь полуразрушенные сакли? Испугалась собака людей, должно быть, очень. Несколько дней никто ее не видел. Но однажды увидели, как с той стороны эта же собака опять плыла на наш берег. Это было уже перед вечером. Команда поужинала, а остатки выбросили. Мы стали наблюдать, что будет дальше? Собака вышла на берег и набросилась на отбросы. Поела, схватила что-то и опять в воду, поплыла назад на тот берег. С этого времени вой по ночам прекратился. Но команда стала чаще видеть эту курдскую овчарку, все такую же дикую, никак не подпускавшую к себе человека. Заметили, что у нее большие сосцы. Значит, есть щенки. Несколько дней тому назад прибежали ко мне из команды и сказали, что собака плывет

к нашему берегу, а в зубах у нее – похоже, что щенок! Я пошел и увидел собаку как раз в тот момент, когда она взбиралась на большой плоский камень и держала в зубах щенка. Камень был мокрый и скользкий; она влезла на него, но щенка не выпустила из зубов, посидела немного и опять прыгнула в воду и поплыла к нашему берегу. Так собака плыла, отдыхая несколько раз, наконец, выбралась на наш берег и понесла щенка к тому месту, где стояла походная кухня, положила его между камней, лизнула на прощанье, а затем вернулась к реке и поплыла к противоположному берегу. Мы нашли щенка в ямке между камнями и совершенно сухого. Это был серо-коричневый пушистый комок. Когда я нагнулся и хотел его взять на руки, то он так же впился острыми зубами в мою руку, как и сейчас в твою.

«Что же это, ваше высокоблагородие? Подкинула она нам своего “дитя”, что ли?» – спрашивали солдаты. Но в это время кто-то закричал: «Собака опять плывет!» Мы стали наблюдать и увидели, что она опять держит в зубах щенка! Второго! Высоко задрав голову, чтобы не замочить щенка, она боролась с течением и, выбиваясь из сил, плыла к нашему берегу. А когда вылезла из воды, то понесла и положила на то же место, где оставила первого щенка. И сейчас же поплыла обратно за следующим. Таким образом эта собака-мать три раза переплывала эту бурную реку, спасая своих детей от голодной смерти. Теперь она уже не обращала никакого внимания на наше присутствие и целиком занялась детьми. Да мы и не подходили близко к ней, чтобы не пугать ее. Эта работа заняла у собаки весь день. А когда пришел вечер и команда поужинала, то собаке набросали массу вареного мяса!

«Пущай поужинает! Она сегодня поработала», – говорили солдаты и чуть не на цыпочках ходили, чтобы не беспокоить ее. Так и оставили новое семейство в покое на ночь. А утром всем, конечно, было любопытно посмотреть, что делают новоселы лагеря… Приходят к кухне и видят, что все три щенка катаются по земле и жуют, подбирая остатки костей, но матери с ними не было, Сначала думали, что она где-нибудь прячется. Боялись дотронуться до щенков. Курдских собак все знают, они сильные и страшно злые, так что лучше ничем не возбуждать их гнев… А щенки были так очаровательны, что я весь день сидел на камне и наблюдал, как они возились. Повозятся немного, устанут, прижмутся друг к другу и спят. Поспят и опять играют, возятся. Когда пришел вечер, щенков принесли ко мне в комнату. Думали, что мать их бросила и что они одни могут разбежаться и потеряться. Щенки скулили, кусались, даже ворчали и не хотели сидеть в углу, в котором я им сделал постель. Утром пришли из команды и сказали, что собака опять выла всю ночь. «Это, – говорят, – мать щенячья приходила ночевать, но не нашла детей и плакала всю ночь. Нам спать не давала. Мы ее гнали, бросали в нее камнями. Но она только отбежит недалеко и опять воет; скучает, значит, по детям…»

Два дня я прожила в Соляных Ломках. На третий день пришел телефонист из соседней комнаты и сказал, что мужа просят к телефону из Ольт.

– Нужно немедленно выступать в Ольты, – сказал муж, вернувшись.

Позвали подпрапорщика Галкина. Муж отдал приказание запрягать и выступать. Через несколько часов мы уже подъезжали к Ольтам. Но, не доезжая до города, транспорт

принужден был остановиться; вся дорога была занята каким-то казачьим полком. Он тоже только что пришел и, не спешиваясь, ждал своего командира полка, который поехал в штаб узнать, куда полку идти дальше. Все это муж узнал от офицеров, когда наш транспорт остановился в хвосте полка. Полк оказался тот самый, который зимой в Ардагане изрубил почти целый полк турок.

Это было в декабре 1914 года. Турки тогда неожиданно быстро подошли и заняли Ардаган, угрожая всему Закавказью. В Тифлисе поднялась паника не только среди населения, но и среди гражданского управления. Нужно было спасать положение. И вот была послана Сибирская казачья бригада, которая только что пришла из Туркестана. Лошади были раскованы и не успели еще отдохнуть после громадного перехода из Средней Азии, который они сделали походным порядком. Однако получив приказ остановить турок, полки форсированным маршем выступили из Тифлиса и сделали еще двухсотпятидесятиверстный переход и в одну из темных и морозных ночей, по глубокому снегу и среди вьюги, подошли к Ардагану. Здесь они встретили отступающие батальоны пеших пластунов-казаков. Командир пластунской бригады, ехавший на санях, охарактеризовал положение около Ардагана как очень критическое – ввиду подхода к городу больших турецких сил. Поэтому он отказался остановить отступление пластунской бригады и поддержать сибиряков. Для сибиряков осталось единственное решение: продолжать наступление самим и использовать для атаки турок свое единственное преимущество – неожиданность. Полки их подтянулись и остановились, чтобы немного отдохнуть и выработать план нападения. До Ардагана оставалось версты

три-четыре. Темнота была полная. Шел густой снег, а ветер кружил его и поднимал во вьюге и тот, который уже лежал на земле. После короткого совещания было решено, что первый полк сойдет с шоссе (оно было хорошо обозначено частыми телеграфными столбами), обойдет город справа и войдет в него опять по этому же шоссе, но уже с другой стороны. Второй же полк будет продолжать идти по шоссе, и, когда подойдет к первым домам у входа в город, остановится и будет ждать шума и стрельбы со стороны первого полка; когда же их услышит, то сразу пойдет по направлению этих звуков и будет рубить турок, где только их найдет. Город, судя по карте, был не больше чем версты полторы в длину по шоссе.

Полки разошлись. Первый, сойдя вправо с шоссе, сразу попал в глубокий снег. Под ним иногда попадались канавы и ручьи, лед которых часто не выдерживал тяжести лошадей и всадников. Темнота была полная, и все сотни сразу же разошлись, стараясь находить более удобный путь. Но все они знали, куда идти, так как турки, вошедшие уже в город, зажгли два-три пожара, иногда стреляли и делали много шума. Все это помогло сотням держать нужное направление, и скоро они стали выходить к шоссе уже с другой стороны города. Первой вышла на него четвертая сотня есаула Волкова. Она сейчас же пошла к городу и через несколько минут наткнулась в темноте на густую толпу людей, шедших по шоссе. Была ли подана команда для атаки – никто не мог сказать уверенно. Но через несколько секунд и после нескольких беспорядочных выстрелов казаки уже рубили пеших турок, с которыми они были перемешаны в общей толпе. В несколько минут все было здесь кончено, и те из турок, которые не лежали мертвыми на снегу или не бежали

за ближние дома, бросили ружья и сдались в плен, подняв руки вверх… Следом за четвертой сотней ворвались в город и остальные, которые также атаковали турок, где их находили. Подошли и сотни второго полка. Так был частью изрублен, частью взят в плен весь Первый турецкий пехотный полк, заслуживший славу непобедимого в долгих боях на Галлиполийском полуострове около Константинополя. Почетное боевое его знамя долго потом было выставлено в военном музее в Тифлисе. Шедшие к Ардагану следом за ним другие полки первой турецкой дивизии остановились, а затем отошли к Ольтам.

Наконец один из помощников командира казачьего полка вернулся, и полк пошел дальше в город. А мы доехали до церкви и там остановились.

– Нужно поехать к коменданту, – сказал муж, – и узнать, где мы можем получить помещение и место для стоянки транспорта.

Муж взял с собой заведующего хозяйством и уехал в город, а я пошла осмотреть церковь. Церковь стояла около городского сада, почти за городом. С одной ее стороны был казенный фруктовый питомник, с другой – Александровский сад, а с третьей, западной, – сразу начинались горы. Дверь была открыта, и я зашла вовнутрь, но народу там не было. Стояла полная тишина. Я вспомнила, что в Ольтах зимой были турки, но, по-видимому, они храма не тронули. По крайней мере, я ничего не заметила. В алтаре раздались легкие шаги, из боковой двери вышел священник и, увидев меня, подошел ко мне.

– Здравствуйте, сестрица. Я и не слыхал, как вы вошли.

– Здравствуйте, батюшка. Я только что вошла.

– Из какого будете госпиталя?

– Мы только что приехали в Ольты, и наш транспорт пока остановился тут же, около вашей церкви. Муж поехал к коменданту узнать, где можно занять место для стоянки транспорта, а я вот зашла в церковь.

– Здесь теперь трудно насчет помещения. Город полон войск и госпиталей. Едва ли найдется хорошее место для вашего транспорта. Многие войсковые части расположены за городом, по ту сторону Ольт.

– А много раненых, батюшка, в госпиталях?

– Много и раненых, и тифозных. Да еще ожидаются большие бои. Все время подходят войска.

– А вы, батюшка, зимой, когда турки пришли сюда, были здесь?

– Нет! Успел уехать в Карс. И вернулся сюда только, когда наши войска уже прогнали турок.

– И церковь никто не охранял? Неужели турки ничего не тронули в ней? Даже иконы оставили на местах?..

– А вот, посмотрите; видите, Спасителя штыком искололи. Но это и все. Больше они ничего не тронули, ничего не поломали. Даже ни одной ценной вещи не унесли из храма. А они ведь здесь пробыли несколько недель. Турки – как офицеры, так и солдаты – к храмам вообще относятся с большим уважением, чем наши солдаты…

– Наши солдаты, если бы это была мечеть, в несколько дней не только растащили бы все имущество мечети, но и камня на камне не оставили бы в ней. Вон, в Сарыкамыше свои же госпитали растащили и разграбили! А потом нечем было ноготь обстричь, не только делать операции.

– А вы разве были в Сарыкамыше, когда турки атаковали его?

– Да, была. Но потом бежала в Карс и работала там в госпитале.

– Вот как! И теперь тоже приехали сюда работать?

– Да, конечно! Как только устроимся, я сейчас же поступлю в какой-нибудь госпиталь.

– Я могу вам порекомендовать госпиталь Кравченко как лучший из госпиталей, стоящих здесь. Я часто бываю там. Всегда порядок и чистота на первом месте. Да и подбор сестер у него, видимо, хороший.

– Спасибо, батюшка! Я поговорю с мужем. Он всех врачей знает в Кавказской армии.

– А какую должность занимает ваш муж?

– Он тоже доктор. А вот и он! – показала я на входившего мужа. – Вот настоятель церкви, отец Александр.

– Здравствуйте, доктор, вот ваша жена говорила мне, что вы поехали к коменданту насчет помещения и места для вашего транспорта. Ну что, дали вам что-нибудь?

– Нет. У коменданта ничего не добился. Он мне сказал, что где найду, там и будет мое место. Мы вот сейчас осматривали: тут, за городским садом, места много! Транспорт поместится весь. Придется жить всем, конечно, в палатках. Ну, да это ничего. Теперь тепло! Пойдем! Нужно посмотреть, как будут разбивать лагерь для транспорта. До свидания, батюшка! Будем знакомы соседями, – сказал муж.

Городской сад был тут же, напротив церкви. Мы перешли дорогу, поднялись немного в гору и очутились в саду, полном цветущих кустов сирени, жасмина и шиповника. В

самом углу сада стояла большая круглая беседка. Она была с деревянной крышей и обсажена сиренью, но пола не было. Сейчас же за садом расположился транспорт. Санитарные двуколки выстроились в два ряда; за ними была коновязь для лошадей. Свои палатки солдаты поставили между садом и двуколками. Тут же была и походная кухня.

– Всем нашлось место, кроме меня! – говорит муж.

Мы стояли и смотрели, как солдаты устраивали лагерь.

– А что ты скажешь, если эту беседку обтянуть палаткой и считать ее нашим домом? – спросил муж.

– А разве это можно? Она ведь общественная собственность?

– Теперь нет общественной собственности! Война! Да и комендант сказал мне прямо, чтобы я устраивался, как найду возможным. Галкин, пришлите сюда людей и мою палатку, – крикнул муж подпрапорщику, наблюдавшему за работой санитаров.

Через полчаса городской беседки не стало! Но зато была у нас большая палатка-комната. В ней была масса места, хотя она и была круглая. Поставили две кровати; посредине стол. А кругом разместили сундуки и чемоданы. Когда все в палатке было готово и прибрано, мы пошли смотреть, как будут устраивать баню-душ. Когда я была еще дома в Баку, муж написал мне, что всюду грязь и зараза, а команде мыться негде. Тогда я пошла и заказала из оцинкованного железа пятиведерный бак с клапаном, которым можно пользоваться, как настоящим душем. Вот теперь и устраивают с ним баню в Александровском саду. Среди деревьев вкопали шесть столбов; обтянули их палатками и разгородили: большую половину пустили под баню, а

меньшую – под раздевальню. Прямо на газон положили доски пола; сколотили скамейки. На толстую перекладину наверху водрузили бак-душ. И сейчас же стали греть воду и мыться. И с этого времени ни на одну минуту эта «баня» не была свободна. В ней мог поместиться только один человек, но у солдат была такая потребность в бане, что они мылись по два человека одновременно. Следующие двое уже ждали тут же около «бани» своей очереди. Воду грели во всякой посуде, которая только попадалась под руки, вплоть до походной кухни. Как только сварят обед и раздадут, сейчас же вымоют котел, чтобы не очень пахло супом, нальют чистую воду и греют ее для бани. Солдаты, которые уже помылись, ходили, как перед Пасхой, посветлевшие, в чистой одежде, постриженные. Грязное белье тоже помыли, и теперь кто сидит чинит, а кто вылавливает насекомых и тут же бросает их в костер.

– Спасибо, барыня! Лучшего подарка нам и не надо! Вот уж угодили! Самый это правильный подарок для солдата. За целый год отмылись!

Только Гайдамакин ходил мрачный и ворчал:

– Что я теперь наготовлю на костре-то?! Суп только поставил вариться, не успел оглянуться, а вода уже выкипела. А мясо сырое!.. Поставил жарить, все сгорело! Вот тут и готовь, как знаешь!

На другой день мы с мужем поехали в госпиталь к доктору Кравченко. Но у него сестер было много, а работы, как он сказал, мало пока. Мы пошли в другой госпиталь. Там старший врач сразу сказал:

– Приходите, сестра! Лишние руки всегда нужны.

И вот я опять в госпитале. Муж просил не уходить из госпиталя пешком, а ждать, когда приедет за мной двуколка. От госпиталя до городского сада далеко; улицы забиты подводами, обозами, кавалерией и массой пеших солдат. А русский солдатик, если он один, без надзора, и когда он здоров и не нуждается в помощи сестры, то непременно скажет какую-нибудь гадость, если сестра одна идет по улице. Конечно, не все таковы! Но достаточно, если найдется хотя бы только несколько таких поганцев, чтобы наложить клеймо на всех. Первые два дня в госпитале было тихо. Перевязывали, кормили, принимали вновь прибывших, отправляли, кого можно, в тыл. Все это мы делали не спеша, нормально. Но скоро нам стали привозить с позиций все большие и большие партии, а среди них все больше тяжело раненных... Турки получили большие подкрепления и делали все большие усилия, чтобы еще раз попробовать захватить Закавказье...

Сегодня я вышла из госпиталя и, не дожидаясь двуколки, пошла домой пешком. День чудный; тепло совсем по-летнему. Домики, окруженные изгородью, утопали в зелени и цветах. Так все было красиво и радостно, что не верилось, что мы на фронте... Только около церкви стояла вереница подвод с гробами, в которых привезли убитых для погребения, и было слышно, как отец Александр пел «Со святыми упокой». Да внутри церковной ограды земля была изрыта новыми свежими буграми могил. Я нарвала в городском саду цветов и пошла в церковь. Когда я подошла к ней, то увидела, что на церковной паперти стояло несколько офицеров и священник и о чем-то спорили. Молодой казачий полковник говорил:

– Я хочу, чтобы все мои казаки были похоронены здесь, в церковной ограде!

– Но это невозможно! – сказал священник. – В церковной ограде хоронят только церковнослужителей и особо почетных граждан города!..

Тут казачий полковник прямо позеленел и резко спросил:

– А вы, святой отец, кого же считаете особо почетными гражданами? Тех, кто больше заплатит за место в ограде? Мои казаки отдали свою жизнь, чтобы защитить Родину, а с ней и ваших «особо почетных граждан». И вы, священник, отказываете им в земле для погребения!! Это такое неслыханное оскорбление и нашего религиозного чувства, и вашего сана, что я вам заявляю, что я заставлю вас исполнить ваш долг! Я привезу сюда моих убитых, и вы похороните их в ограде церкви на самых почетных местах!

Полковник со своими офицерами ушел. А отец Александр, обращаясь ко мне, сказал:

– Каждый командир полка хочет хоронить своих солдат в церковной ограде, а где я возьму для всех убитых места, да это и не полагается. Да и казаки эти не наши, не кавказские, а «какие-то сибирские»!

В это время подошел дьякон:

– Отец Александр, можно начинать отпевание. А то места в церкви не хватит. Вон сколько новых гробов привезли.

Они ушли, а на паперть поднимались казаки, неся гроб… Они внесли его в церковь и поставили рядом с другими гробами, которых тут было уже несколько рядов. Я положила

на каждый гроб по несколько веточек цветов, вышла из церкви и пошла домой. Муж стоял около палатки с Ткаченко.

– Ваня! – крикнула я. Он оглянулся, увидел меня и сбежал под гору навстречу ко мне.

– Где ты была?! Ткаченко вернулся и сказал, что тебя нет в госпитале.

– Я пошла пешком. Видишь, какой прекрасный день. Я приходила уже сюда в сад, нарвала цветов и отнесла их в церковь. Туда привезли много гробов с телами убитых.

– Я знаю. Видел. Но почему ты не зашла и не сказала мне? Я беспокоился за тебя.

Мы поднялись к нашей палатке.

– Барыня, я ж вас не нашел! Я трошки опоздал, а вы ушли уже!

– Ничего, Ткаченко. Я хотела пройтись пешком. Очень уж день-то хорош!

– Да. Оно правда, что день шибко красен! Наша команда опять пошла ловить рыбу. Вот, барыня, што рыбы-то ловится! Страсть! – говорит Ткаченко. – Прямо руками ловят. Жирная, большая! Не знаю, как ей название, но, однако, скусная.

– А где они ее ловят?

– Да вон, в Ольтычае. Теперь неглубоко, только все еще бурлит вода. И шибко мутная. А рыба-то держится около камней. Засунешь руку и шаришь промеж них. Враз и попадется – так ее много там.

– Ты тоже ходил ловить?

– А как же! Ходил! Хорошо стоять-то: река широкая, быстрая, солнышко греет! Так бы и поплыл. Да вот только

камней шибко много… А что, барыня?.. Раз вы нашлись, так я враз сбегаю и наловлю вам свежей рыбки на ужин? Рыба перед вечером завсегда лучше ловится…

Ткаченко весь просиял и оживился, говоря о рыбной ловле.

– Любишь ты, видно, ловить рыбу? – спросила я.

– О, барыня! Так это ж меня и загубило! До войны я ночи и дни пропадал на реке. Наловишь рыбки, сваришь уху; поешь и спишь весь день. Проснешься, а солнышко уже к закату. Ну, опять наловишь рыбы, разведешь костер. Если есть деньжонки, помощника пошлешь за горилкой. Поужинаешь и лежишь, да звезды считаешь! Хорошо было! Но теперь – шабаш! Так больше делать не стану; хозяйство полюбил очень… С ним – не до рыбы, да безделия на реке…

– Ступай, лови, – ты мне не нужен.

– Разве ты на вечернюю работу не пойдешь? – спросил муж.

– Пойду, конечно! Но я могу пойти пешком, а он пускай ловит рыбу.

– Нет, Ткаченко. Скоро барыню нужно вести в госпиталь. А ты ходи ловить по утрам, когда барыня в госпитале, – сказал муж.

На другой день транспорт мужа привез к нашему госпиталю двести раненых. Но их не стали выгружать, а только накормили обедом. Их повезут дальше в Карс. Все сестры и санитары стали кормить, а врачи обходили и опрашивали раненых. Есть такие, что отправлять нельзя, а нужно снять и делать немедленно операцию. Только

принесла суп и стала кормить раненого, как подошел муж и сказал:

– Вон в той двуколке очень тяжело раненый. Покорми его. Только я боюсь, он, вероятно, не сможет есть. Когда его ранили, он упал в пропасть; у него все кости переломаны.

Как только я кончила кормить одного из раненых, мы подошли к этому разбившемуся. В двуколке лежал совсем молоденький офицер. На подушке, у его головы, сидела собачка-фокстерьер. Собачка не спускала глаз с офицера и при малейшем его движении лизала его. Мы подошли. Я предложила ему чаю или поесть. Но он отказался.

– Не могу, сестра, ничего – ни пить, ни есть… Я скоро умру. Вот, не хотите ли взять себе мою собаку?.. Ее дала мне моя невеста, когда я уезжал на фронт. Она все время была со мной. Никуда не отходила от меня… Даже во время боя. Но теперь я умираю… Не знаю, сколько мне осталось жить… Если я умру по дороге, то куда денется моя собачка… Если она вам нравится, возьмите ее себе. Ее зовут Мими, – когда он произнес ее имя, она лизнула его в щеку.

– Я возьму ее с удовольствием. Но вам о смерти думать еще рано. До вашей смерти еще далеко.

– О нет, сестра! Я чувствую, что близко. Но в двадцать два года умирать не хочется. – Он закрыл глаза, и из-под ресниц покатились слезы. Муж отошел, а я молчала. Что я скажу? А молчать и смотреть, как плачет молодой, еще вчера полный сил и любви, а сегодня умирающий, это невыносимо тяжело…

– Выпейте чаю, может быть, хотите, я принесу вина?

– Нет, сестра. Ничего не хочу, спасибо.

Транспорт ушел и увез умирающего офицера, а Мими осталась у меня. Она весь день оставалась с мужем. Я приходила из госпиталя уставшая, мылась и ложилась спать. Но всякий раз, когда я просыпалась, я находила собачку у меня на постели.

* * *

Сегодня в транспорте целое событие! Солдаты полюбили свежую рыбу, мясо всем надоело. Пошли сегодня опять ловить рыбу. Река с каждым днем становится все мельче и мельче; теперь видно уже дно, а рыбы все еще много. Один из санитаров запустил руку и стал шарить рыбу около камней. Вдруг под руку попало что-то мягкое. Он захватил, думая, что рыба, вытащил и видит какие-то красные тряпки и лохмотья синего мяса на костях. Оказалось, что это трупы турецких солдат! Когда вода здесь немного отстоялась, то все увидели, что на дне лежит масса этих, совершенно разложившихся, трупов!! Голые черепа, обглоданные кости да скользкие волокна бывших мускулов… Прибежали санитары. Ругаются, плюются; некоторых рвет. Рыба-то питалась трупным мясом, оттого и жирная была. Пришел санитар к мужу, просит дать какое-нибудь лекарство…

– А то я повешусь, так мне тошно!..

Муж сказал фельдшеру дать ему касторки…

* * *

Совершенно неожиданно для меня и для мужа в транспорте разразился скандал. Он, очевидно, давно назревал, но только муж ничего не подозревал о нем. Сегодня,

вернувшись домой из госпиталя, я застала мужа совершенно расстроенным, молча сидевшим на кровати с опущенной головой.

– Что с тобой, Ваня? Почему у тебя такой грустный вид? Что-нибудь случилось? Расскажи мне, в чем дело?..

– У меня в транспорте сегодня была комиссия и опрашивала солдат, нет ли у них претензий!

– Ну так что? Пускай! Это для тебя же лучше! Легче будет вести хозяйство; если есть ошибки, то тебе специалисты помогут найти их!..

– Ты так думаешь? А эти мерзавцы Костины подвели-таки меня! Оказалось, что они мне подавали фальшивые счета! А я подписывал их со спокойной совестью! Деньги они клали себе в карман! А отвечаю за все это – я, так как верил этим мошенникам, давал им много свободы и не умел проверять все, что они делали. Вот и поплатился за это! Солдаты заявили претензию, что с самого выхода из Тифлиса не получали сала. Это меня возмущает больше всего. Этот крошечный кусок сала полагается выдавать солдатам на руки. Но так как на фронте его не всегда достанешь, то по совету Костиных, я разрешил выдавать солдатам каждый месяц деньги за это сало. И я думал, что все это так и делается. Но вот оказалось, что нет! Для меня обида заключается в том, почему никто из них не пришел и не сказал мне об этом раньше! Я из этих Костиных вытряс бы до копейки все украденные ими солдатские деньги! Так нет! У них на все затаенная злоба! Им хочется сделать зло не Костиным, которые их обкрадывали, а мне! Они, наверно, долго обдумывали этот шаг и готовились к нему. Почти каждый из них получал лично от меня столько же в месяц,

сколько им причиталось бы получить за все время за их сало. Одному Ткаченко даю каждый месяц по десять рублей. И другим даю постоянно, то пять, то три, то рубль. Обхожу транспорт, увижу, у кого двуколка в порядке, чистая сбруя, лошади в хорошем виде, похвалишь и дашь денег, чтобы и дальше старался. Ведь я знаю хорошо всех их и отлично понимаю. Для них самое главное – деньги! Никто так не заботится о своих солдатах, как я. У строевых солдат не всегда все бывает вовремя. Можно сейчас найти строевых солдат, которые ходят еще в валенках. У меня же все вовремя для них выписано и получено, и роздано. А они это свое сало мне в вину хотят поставить! Я виноват, что верил ворам и, не читая месячного отчета, подписывал его. Это моя вина, и за нее я и отвечу! Но, если они способны были думать, что я мог брать себе то, что мне не принадлежит, то больше я для них палец о палец не ударю! Пускай получают все, что им полагается по закону. Это моя обязанность – смотреть за этим. Но уж от меня они ничего не получат! Довольно!

Он ходил по палатке страшно взволнованный. Как мне его было жаль и как хотелось помочь ему!

– Ваня! Так ведь не ты в этом виноват и не солдаты! Вся вина лежит на этих Костиных! Почему ты их не привлечешь к ответственности?!

– О! С ними я уже расправился! Они оба вылетели уже из транспорта. Я их выгнал и они пешком пошли в Карс.

– Ваня, но этого недостаточно! Их нужно предать суду за подложные счета. А так они опять устроятся где-нибудь и будут мошенничать, и погубят еще кого-нибудь!

– Я думал об этом. Но ведь счета-то подписывал я! Что же я младенец, что ли? Ведь меня спросят на суде, почему я

подписывал счета, не проверяя их! Ну и выяснится, что я все время пьянствую и ни за чем не смотрю!

– Ну так что же! Но ты ведь не берешь себе этих денег по фальшивым счетам, которые тебе подсовывали Костины?

– Ну, видишь ли, еще в Сарыкамыше мне делали намеки насчет Костиных. Я тогда призвал Костина и просил сказать мне всю правду. Он даже заплакал и сказал, что команда не любит их и хочет выжить из транспорта. И поэтому говорят про них всякие гадости, чтобы погубить их. Я поверил, взял их под свое покровительство и не стал больше слушать команду. Этим вооружил всех еще больше и против Костиных, и против себя. Ну вот, видишь. В конце концов команда оказалась права, а я остался в дураках и расплачиваюсь теперь за это.

Я молчала, не зная, чем помочь этому дорогому для меня человеку, который погибает у меня на глазах. На другой день, когда я вернулась из госпиталя, муж был все в таком же подавленном состоянии духа.

– У нас в госпитале много раненых. Идут сильные бои, – говорю я, чтобы вывести его из состояния безразличия.

– Тиночка! Тебе не хочется проехаться куда-нибудь на Волгу, повидаться с нашими друзьями да, кстати, проехать и к сестре? Нельзя долго жить так, как ты живешь здесь! Зачем тебе терпеть всякие лишения! Посмотри, как твои руки огрубели. Да и одета ты не так, как одевалась раньше. Я здесь пропадаю в однообразной, тупой работе! Я почти спился! Но я никуда и не могу уехать! А ты добровольно терпишь все это… Поезжай! Прокатись, отдохни, повидайся со всеми. А я займусь транспортом; приведу все в порядок. Буду сидеть сам целый день в канцелярии. Довольно! Я их всех подтяну!

Они узнают, что такое старший врач. Пожалуйста, поезжай. Я понимаю, что сидеть дома одной скучно. Но такая поездка доставит тебе большое удовольствие, развлечет и освежит тебя…

– Я только не понимаю, почему мне нужно уезжать отсюда? Я тебе не мешаю заниматься твоими обязанностями. Но, если я уеду, ты останешься совершенно один! А я привыкла к госпиталю; о моих руках не беспокойся: кончится война, и все поправится. Мне будет скучно без тебя. Эта поездка не доставит мне радости, как раньше, когда мы ездили вместе. Да и все наши знакомые и друзья, вероятно, разъехались. Единственно, кого я хотела бы повидать, это брата и сестру. Но брат, ты знаешь, лежит в Москве в госпитале…

Все мои доводы остались тщетными. На следующий день я пошла в госпиталь, проработала до обеда, затем попрощалась со всеми и сказала, что уезжаю домой. Вернувшись, стала укладывать свои вещи.

– Ваня, хочешь, я оставлю тебе Мими? Она будет развлекать тебя.

– Да, да! Пожалуйста, оставь ее…

* * *

Раннее весеннее утро. Солнце только что вышло из-за горы и сразу осветило купол церкви, верхушки деревьев, а затем покрыло своим теплом и холодные бугры свежих могил, и транспорт, и нашу беседку, в которой я чувствовала себя счастливой и которая уже стала для меня «моим домом». Но вот и он уже разрушается моими же руками! Уже

разрушен! Стоят перевязанные крест-накрест мои сундуки и чемоданы. Мою кровать вынесли. В палатке остались одинокая кровать мужа да стол… Пришли Гайдамакин и Ткаченко и стали выносить сундуки…

– Ваня! Неужели я правда уезжаю! Как мне тяжело оставлять тебя! Как мне не хочется ехать…

– Мне тоже тяжело расставаться. Но это необходимо, хотя бы на месяц или на два. Чтобы я мог привести в порядок все дела. А ты отдохнешь и опять приедешь сюда со свежими силами… – Он крепко прижимает меня к груди, целует мою голову. – Тиночка! Родная моя! Моя единственная, любимая… – Потом слегка оттолкнул меня и сразу заторопил: – Скорее собирайся. А то на поезд не поспеешь…

– До свидания! Береги себя. Не забывай меня!.. Мими, люби моего Ваню, развлекай его…

Мы вышли из палатки. Ваня усадил меня в двуколку. Еще последний поцелуй – и двуколка трогается. Я оглядываюсь и вижу, что Ваня стоит около палатки. На руках у него Мими. Вот и церковь. Мы спустились, обогнули ее и выехали на дорогу. А вот и большие камни, где мы догнали казачий полк, когда ехали в Ольты. С одной стороны дороги тянутся плоские берега Ольты-Чая, а с другой – почти голые холмы. Только в оврагах заросли терновых кустов да низкие, корявые сосенки. Мы с мужем приезжали сюда верхом на охоту, и он убил дикого голубя. Насколько было тогда легко и радостно на душе – и как тяжело теперь.

– Ткаченко, что это? Ты слышишь, какой-то зверь пищит!

Ткаченко сидел мрачный. До сих пор не сказал ни слова. Он стал прислушиваться тоже. Я оглянулась назад и вижу –

бежит Мими. Она высунула язык, едва дышит и слабо взвизгивает.

– Стой, Ткаченко! Стой! Собачка бежит за нами! – Когда Ткаченко дал ее мне, она вся дрожала и продолжала слабо всхлипывать и скулить. Точь-в-точь как дети, когда долго плачут и потом не могут успокоиться.

Как быстро доехали до Карса! Вот уже и ущелье! Хотя еще утро, но на улицах полное оживление. Правда, больше всего солдат. На вокзале все такая же толпа и давка, как и в то утро, когда я приехала сюда. Точно с тех пор никто и не расходился. Пришел носильщик и взял мой багаж, а я пошла покупать билет. Когда багаж был сдан, я пошла к моему вагону. Носильщик нес ручные вещи; Ткаченко нес собачку. Слегка расталкивая публику, мы добрались до вагона первого класса и стали ждать, когда откроют двери. По адресу Ткаченко все время отпускались полушутки, полуругань.

– Ты что, собачку получил за храбрость? Эй, куда с собакой лезешь! Людям нет места, а он, вишь, с собакой еще лезет.

Вот первый звонок, и все напролом бросаются в двери. Но кондуктор просит раньше показать билеты.

– Не сюда! Это первый класс. В следующий вагон иди…

– Откройте двери! Почему дверь не открыта! – кричали в толпе перед вагоном третьего класса, который стоял рядом с первым классом.

– Дверь открыта с другого конца, – говорит кондуктор. Толпа бросается к другому концу, но там своя, такая же толпа…

Вагоновожатый показал мне купе и мое место. Это было двухместное купе, и на одном из диванов сидел старый военный болезненного вида. Когда он увидал, что я вошла с собачкой, сразу же выразил свое неудовольствие. Но я его успокоила, сказав, что собачка очень спокойная и послушная. И сирота; потеряла своего хозяина. Я рассказала ему историю собаки, и полковник скоро сделался другом и покровителем моей Мими.

Вот и опять сижу в вагоне и чувствую себя совершенно растерянной и выбитой из колеи. Раскаяние, что я послушалась мужа! Уехала и оставила его в таком ненормальном состоянии. Неизвестность того, какой перелом произошел в его душе… Действительно ли он займется работой по хозяйству? Или отравленный алкоголем организм возьмет верх, и он махнет на все рукой и будет опять только пить? А я в это время буду далеко, на Волге, куда и письма идут бесконечно долго, и не буду ничего знать о нем. С другой стороны, остаться в Баку, сидеть дома без дела! Еще, чего доброго, от тоски и одиночества попаду в Яшину пьяную компанию и буду развлекаться по ресторанам… Нет, лучше поеду на Волгу, посмотрю, как живут мои родные во время войны. Когда приехала домой, в Баку, нашла там письмо от брата: «Из восемнадцати дырочек, которые сделали в моем теле немцы, атакуя мой дорогой Осовец, шестнадцать затянуло. Но две почему-то не хотят заживать. Однако валяться в госпитале надоело. Доктор предложил мне поехать на кумыс в степи, но я отказался. Хочу поехать к Капе. Буду у нее отлеживаться. В московских госпиталях уход отличный, сестры внимательные и хорошенькие. Но мне очень хочется подышать родным – камским – воздухом».

Ну, вот и дело для меня! Поеду к сестре, буду ухаживать за ним. Еду на Волгу! Повидаю всех. Поживу у сестры. Когда брат подлечится, будем веселиться. Грибов-то сколько там, рябчиков! Стерляди! На бабушкино плесо будем с рыбаками ездить на ночь и метать снасти…

Как я помню все это! Самое интересное, когда рыбаки едут ставить снасти с вечера на далекое плесо и сами ночуют там же, вблизи поставленных снастей, чтобы рано утром вынуть их, а пойманную стерлядь доставить к первому пароходу. Для дальнего плеса были специальные лодки. Посреди лодки садок, полный воды, куда бросали снятую с крючков рыбу и везли к пристаням. Если увидят, что пароход уже идет, рыбу ловят сачками, кладут в плетенку с крапивой и несут на пароход. Заснувшую рыбу никогда не продавали. Да ни один рыбак и сам есть ее не станет. Просто выбрасывали в Каму. А поехать с рыбаками на ловлю в ночное – это неописуемое удовольствие. Днем рыбаки сидят на берегу, точат крючки, чинят снасти и вешают их на перекладину, которая лежит на воткнутых в землю рогатках-подставках. Когда снасть приготовлена, ее кладут поперек лодки. На каждой снасти по сто крючков, а в лодке таких снастей бывает иногда по десяти и больше. Когда все готово, старший в лодке рыбак идет на кухню и получает хлеб, просо и соль. До захода солнца лодки должны быть на месте и снасти разметаны (выбросить в воду крючки, привязанные к бечевке. Большие поплавки указывают место, где снасти поставлены). Молодой парень сидит на носу лодки и тихонько гребет двумя веслами; старший кормовой выбрасывает снасти из лодки, петлю за петлей. К ним привязаны поплавки, которые и держат их на нужной глубине. Эта работа очень медленная и требует большой

осторожности и навыка; иначе крючки запутаются и пропадет вся многочасовая работа. Когда все снасти поставлены, (их ставят вдоль низкого берега Камы), лодки пристают к берегу, и сейчас же рыбаки начинают варить ужин.

– А ну-ка, Семен, пока видно еще, набери-ка хворосту! – скажет старший рыбак, а сам тем часом чистит стерлядь.

Котелок и таганок-трехножка, и всякие другие припасы, нужные для рыбацкого хозяйства, всегда находятся в лодке на корме. Небольшая ее часть заделана в виде шкафчика-буфета, где рыбаки и держат все свое хозяйство: хлеб, крупу, соль, баночку с лавровым листом (обязательная приправа к ухе) и, как особая роскошь, иногда, луковку. Тут же лежат деревянные ложки и (на двоих – одна) небольшая миска. Рыбаки варят уху замечательно. Много есть любителей, которые специально приезжают из города к рыбакам поесть стерляжью уху.

Сначала ставят таганок-трехножку, на него котелок с водой, потом подкладывают мелких щепок, которые посуше, подожгут, и огонь, быстро пробежав по щепкам, сразу разгорается. Старший рыбак всегда сам вылавливает из садка рыбу и сам ее чистит. Как только закипела вода, он бросает в нее выпотрошенную и вымытую в Каме стерлядь, сидит рядом на корточках с ложкой в руке и глаз не отводит от котелка, ждет, когда он закипит, чтобы снять пену. Вот пена снята. Тогда он бросает в котелок один лавровый лист и еще время от времени осторожно ловит ложкой и выбрасывает собравшуюся пену. Наконец, на поверхности воды появляются пятна жира. Рыбак зачерпывает уху и, подув на ложку, пробует. «Кажись, готова»! Тогда, захватив

тремя пальцами соль, растирает ее, посыпает ею уху и, еще раз зачерпнув ухи, пробует и говорит: «Семен! А ну-ка, принеси луковку!» Семен пошел к лодке за луком, а старший рыбак отгребает жар из-под котелка, чтобы уха больше не кипела. Принесенную луковицу он чистит, режет мелко и бросает в котелок, но не дает кипеть, а только чтобы лук заварился. Сняв котелок с таганка, выливает уху в чашку, оба рыбака, перекрестившись, не спеша, начинают есть, опуская ложки в чашку по очереди. Уха съедена. Тогда вынимается стерлядь и так же не спеша съедается. Оба крестятся. Семен берет чашку и ложки, идет к реке и моет их. День закончен! Завернувшись в зипуны с головой, чтобы не кусали комары, ложатся спать. На следующее утро чем свет встают и едут вытаскивать снасти, а пойманную стерлядь бросают в садок и везут домой. Если на утренних пароходах стерлядь продана не вся, то оставшуюся пересаживают в большой садок, который всегда стоит на якоре недалеко от берега. В этом же садке, кроме стерляди, держат и налимов. На такую ловлю выезжает не одна лодка, а иногда десять и больше. Все рыбаки ночуют вместе; но ест каждая лодка отдельно – обычно старший рыбак со своим помощником. И варят стерлядь не всегда, а иногда и кашу из проса.

* * *

На другой день по приезде в Баку я пошла к портнихе.

– Мадам Семина, я не смогу сшить вам все платья к сроку, – заявила она. – Платья попроще закажите какой-нибудь другой портнихе.

Я разыскала еще одну портниху. Но и она взяла тоже только часть моего заказа и послала меня к третьей. Теперь я

езжу каждый день на примерки – то к одной, то к другой, то к третьей.

Нина с детьми едет в Пятигорск, а с ней и Маня.

– Ты приезжай туда же с твоей Волги, – говорят они.

В Баку стоит жара. Но только доехала я до Петровска, как стало прохладно, а по ночам и совсем холодно. А в Царицыне – так и днем еще прохладно. На Волге, на пароходе, вечером нельзя было выйти без пальто на палубу, так было свежо. Пароход новый, огромный – так называемый теплоход. Великолепные каюты с ванной. Большой зал для танцев, читальня, нарядная столовая и изысканный стол. Но публики маловато! В особенности в сравнении с прежними годами, когда я ездила по Волге. Тогда в самый разгар лета трудно было достать отдельную каюту. Многим приходилось спать в салонах. За завтраком и обедом всегда не хватало столиков, и только за хороший «на чай» лакей занимал его для вас заранее. Теперь в первом классе ехали все какие-то толстые, старые дяди и много дам, тоже не первой молодости. Сколько раз я ездила по Волге и Каме, я и сосчитать не могу. И как бывало всегда весело! Сколько было интересных знакомств! Вечером всегда пение и танцы. На палубе публика слышала до утренней зари пение соловьев в Жигулевских горах. В некоторых местах пароход идет так близко от берега, что видно все, что там происходит. Иногда днем вдруг раздается крик: «Заяц! Заяц!» А бедный зайчишка уже напуган, видя, что пароход совсем близко от берега; но, когда еще услышит крик людей, перепугается до смерти и удирает в гору – только беленький хвостик мелькает – и со страху ныряет куда-нибудь под кусты. А публика начинает спорить: «Я мог бы убить его на

таком расстоянии!» – «Да ничего нет и мудреного! Особенно, если еще мелкой дробью!» – скажет другой. Тут, конечно, примут участие и другие слушатели. И чуть до ссоры не доходит в горячем споре.

А по другую сторону парохода в это время плывет навстречу плот. Пароход начинает отходить от берега, чтобы избежать мели, и проходит совсем близко от плота. На плоту, конечно, поднимается беготня и ругань по адресу капитана парохода: «Ты что ж это, толстопузый! Утопить нас хочешь?» – кричат с плота. «Вороти в сторону, такой-сякой! Разорвешь плот своими волнами!» Но пароход уже прошел, а огромные волны перекатываются через плот и смывают пожитки в Волгу. Плотовщики стараются вытащить их из воды и спасти, и потрясают в воздухе мокрыми зипунами, красными рубахами, портянками, выкрикивая нецензурные ругательства. Но пароход уже далеко. А матросы смеются и отвечают шутками, которых лучше не слушать…

Выхожу почти на каждой пристани. Везде поражает обилие продающейся еды! Чего-чего только нет на лотках на берегу! Целые горы вареных и жареных кур, гусей, уток; вареная печенка, яйца, пироги, квас хлебный, стерлядь копченая… Мне так хочется всего накупить. Все это, конечно, можно заказать в буфете, и все подадут красиво и вкусно. Но это не интересно! А вот когда видишь все эти вещи на лотках, тут, на берегу, то все кажется особенно привлекательным.

Вечером вышла на палубу. Ждала соловьиного пения, но вместо него до меня долетели снизу, из третьего класса, звуки тягуче-грустного бабьего пения. Пел, видно, целый хор, в один голос, уныло… И вдруг слышу: щелк! щелк!.. И

опять тишина… Стою. Боюсь пошевелиться… «Ну! Ну! Пой же! Пой, соловушка!» – говорю я мысленно… Пароход шел теперь под крутым берегом, где глубоко. Горы над ним покрыты цветущим душистым лесом. Незаметное течение воздуха доносит аромат черемухи, молодого березового листа и сосны… Пароход стал опять отходить от берега. Соловья больше не было слышно… Пошла спать. А наутро была уже в Казани.

Пароход подошел к пристани около девяти часов утра. Я решила оставить вещи на нем, а самой поехать в город, который находится в семи верстах от Волги. Вышла на пристань и пошла по набережной к стоянке извозчиков. Здесь меня поразила ужасающая грязь. И движение тут было удивительное, не меньше, чем на фронте. Бесконечные вереницы ломовиков, везущих ящики, тюки, мешки. Извозчики на старых клячах. Лихачи, шикарно подкатывающие к пристаням своих седоков. Грузчики, несущие на своих спинах пятипудовые мешки и ящики, задевающие прохожих и кричащие: «Эй, барыня! Поберегись! Не то задену!..» Сновавшие в толпе оборванцы предлагали свои услуги донести багаж до «номера»… Нищие протягивали руки и просили копеечку… Бесконечные ряды торговцев и торговок всякой снедью, расхваливающих во все горло и с особым припевом свои товары… «Барыня! Квасу не желаете ли?! Копейка кружка с добавкой!» И для соблазна зачерпнула ковшом квасу, подняла его высоко и медленно льет его обратно в деревянное ведро, взбивая пену. Горы копченой воблы, пудовые караваи хлеба белого, серого и черного, как земля. Долго я стояла, прежде чем смогла перейти через улицу и взять извозчика. Когда проехали бесконечную дамбу и Адмиралтейскую слободку, въехали наконец в город.

– Куда везти-то вас? – оборачиваясь ко мне, спросил извозчик.

– Вези на Вознесенскую. Хочу посмотреть университет. А потом в Рыбнорядские номера. Что они, существуют еще у вас?

– Как же, стоят! А вы, барыня, разве не здешняя будете?

– Нет. Я приехала повидаться с родными и посмотреть, как живут знакомые. Боюсь только, что никого не найду в городе.

– Ежели женщины, то, может, и дома. Если на дачу не поехали. А мужчины – поди нипочем не найдешь, кроме перестарков. А то всех угнали на войну, – говорит извозчик.

– А почему так мало народу на улицах? Тоже из-за войны?

– Да господа-то по дачам разъехались. А простой народ – кто поехал в деревню на полевые работы, а кого тоже угнали на войну. Вот спустимся на Рыбнорядскую площадь, там больше народу будет, базар.

Мы спустились на Рыбнорядскую площадь, где в старое время в утренние часы тысячи народу приходили покупать свежую рыбу, дичь и разную зелень. Все это стояло здесь целыми рядами возов.

Скучно показалось мне в городе, в котором я с мужем прожила первые счастливые годы. Друзья и знакомые разъехались кто куда. Застала только мать подруги. Живет все в той же квартире. Но вместо четырех дочерей только одна младшая, Зина, живет с ней. Остальные три вышли замуж и уехали с мужьями. Я поднялась на третий этаж. На

мой звонок дверь открыла маленькая рыжевато-бурая старушка и уставилась сквозь очки на меня.

– Вам кого угодно? – спросила она.

– Надежда Евграфовна! Вы не узнаете Тину?

– Тину? Какую Тину? А!.. Да неужели это ты? Каким образом ты здесь в Казани? Где Иван Семенович?..

– Ваня на фронте. А я поехала посмотреть на родные места и повидаться со всеми. Но неудачно, оказывается, все разъехались...

– Да, да. Почти никого нет. Я вот сижу одна. Зина другой раз и ночевать домой не приходит; все у подруг. То на пикниках, то на катаньях! А мне скучно одной-то. Вера живет далеко. Письма приходят редко. Соня, хотя и близко живет, да тоже пишет редко. Муж у ней больной туберкулезом. А ты надолго приехала сюда?

– Нет! Сегодня же еду дальше, к сестре.

– Жалко! Осталась бы, погостила у меня? Может быть, и Зина придет домой. Она так тебя любит! И будет очень огорчена, когда узнает, что не увидела тебя.

Я не задерживалась; попрощалась с ней и поехала обратно на пристань. В семь часов вечера мой пароход отошел от пристани и пошел вверх на Пермь. А через двое суток я сошла там, на пристани, где меня уже ждал муж моей сестры – Ива.

– Здравствуй, Тина! А мы не поверили сначала твоему письму, что ты едешь сюда! Поверили только, когда получили телеграмму, что ты взаправду едешь. Надолго ли приехала? Как же ты решилась оставить Ваню? – забрасывал он меня вопросами.

– Как чувствует себя Харитон? Давно ли он приехал? Как Капа, поправилась? Довольна ли, что дочь родилась, а не сын?

Так забрасывали мы друг друга вопросами, усаживаясь в бричку. Наконец тронулись в дорогу. От Камы до Ижевского завода сорок верст. Едешь все время по Екатерининскому тракту. Мы проехали большое торговое село, поднялись в гору и выехали на большую трактовую дорогу. От самого села и до Ижевского завода эта дорога обсажена по обе стороны березами, которые за сто лет своей жизни образовали сплошную тенистую и прохладную аллею. Дорога была очень широкая. Но ездили только по одной стороне, а другая половина вся заросла кустами и мелким березняком. Эту важную дорогу, немощеную, чинили время от времени, сгоняя из деревень мужиков с подводами. Они возили песок и гальку, засыпали глубокие ямы и вырубали кустарник. Но проходило некоторое время, кустарник вырастал снова, на дороге появлялись новые ямы и выбоины. С раннего детства, сколько я себя помню, я ездила с моей бабушкой по этой дороге из села Гольяны на Ижевский завод. И сколько раз я видела, в особенности после дождя, как повозки, ехавшие навстречу друг другу, не хотели сворачивать с дороги и уступать другому наезженную колею. Поднимались ругань и крик: «Вороти правея!» – кричит мужик встречному. Но и тот, в свою очередь, кричит то же самое: «Нет! Ты ворочай правее! Дай мне сперва проехать!» После долгих и бесплодных пререканий оба едут друг другу навстречу, не уступая дороги, пока не сцепятся колесами. И опять принимаются ругаться с новой силой, а потом соскакивают с телег прямо в грязь, потрясают кулаками перед носом друг у друга и готовы стоять так без конца. Тогда моя бабушка

посылала кучера, чтобы прекратить ссору и очистить дорогу для нас. Зимой и летом, в дурную и хорошую погоду, бесконечные обозы тянутся в обе стороны по этому тракту. С Ижевского завода везут в Гольяны длинные черно-коричневые ящики, в которых упакованы ружья. А из Гольян везут на завод пустые ящики, кокс, уголь, чугун и белую глину.

Опять родные поля, деревни и речь с ударением на «о».

– Господи! Что это? И до вас дошла цивилизация? Или кончилась вся галька на Каме, так стали мостить булыжником? – говорю я, показывая на двух мужчин, стоявших на коленях и укладывавших рядами круглые камни мостовой.

– Это пленные работают. Нагнали их в наши края много. Надо же утилизировать живую силу! Вот и выдумали для них занятие – мостить дорогу булыжником.

– Все сорок верст будут мостить?

– Все зависит от войны, как долго она продлится. Может быть, и успеют все сорок верст вымостить. А может, и не успеют... Кто его знает? Ежели эти двое пленных будут мостить все время, то война должна длиться сорок лет, чтобы вымостить все сорок верст! Вот две недели уже будет, как мы ездили здесь за Харитоном Дмитриевичем. С тех пор у них прибавилось с аршин мостовой-то! – говорит кучер. – Старики они. Куда им спешить-то? Работают себе помаленьку, – снова говорит кучер. – Небось, которые помоложе были, так тех бабы разобрали по своим дворам на полевые работы! Да оно и правда! Время-то страдное, руки нужны шибко! Хлеб нынче уродился хороший, а робить некому. Что одна-то баба наробит? И в поле работа, и дома

хозяйство. А тут еще и ребята малые. Ну, значит, начальство и разрешило бабам чужих мужиков брать. Они и повыбирали, которые помоложе. «Мой-то, – говорит, – Захар молодой был, когда его угнали на войну? Ну, и я хочу пленного взять тоже молодого!» Никто старых-то брать не хочет. Вот их и заставили мостить дорогу. А пошто она нам мощеная?! Мы и так ездили! Хорошо было. А ему старику – что? Работа нетяжелая; начальство над ними не стоит. Сколько сробит, столько и ладно. До ночлега идти недалеко: вон тут за лесом деревня. В ней и квартируют.

Все это кучер говорил с видимым сочувствием к работавшим. Когда мы проезжали мимо пленных, они не подняли головы и даже не посмотрели на нас. Все так же, не спеша, они продолжали укладывать булыжники, медленно кладя их близко друг к другу и поколачивая по каждому деревянным молотком. В это время совершенно неожиданно для меня недалеко за кустами вдруг раздался пронзительно-резкий свисток. Я от неожиданности даже вздрогнула.

– Что это! Кто свистит? – Я знала, что здесь нет железной дороги.

Кучер хохочет:

– Да это у нас чугунка[20] тут ходит. Поди, свалилась опять, ну и зовет народ, чтобы шли поднимать ее.

– Какая здесь чугунка? Откуда она взялась у вас? – и вдруг опять слышу, но уже как будто жалобный крик: «Пить!

---

[20] «Чугунка» – старинное просторечное наименование железной дороги.

Пить!» Теперь мне чудился в этом свисте слабый, беспомощный плач упавшего ребенка.

– Вот! Беспременно теперь сам паровоз свалился! Ну и зовет мужиков поднимать!

Мне объяснили, что это узкоколейная настоящая железная дорога, выстроенная на скорую руку еще в начале прошлого года для подвоза оружия к пристани. Платформы этой дороги, нагруженные ящиками с ружьями, привозят на пристань, целиком вкатывают на баржи, и пароход тянет их по две и по три до Царицына. Там их выкатывают опять на рельсы, составляют из них поезда, которые идут уже прямо на фронт без всякой перегрузки и задержек. Когда платформы нагружены, то редко случается, чтобы сваливались. Но пустые, да еще на поворотах, они сваливаются часто. Сваливаются и паровозы.

– Хочешь, встань на сиденье к кучеру. Может быть, увидишь оттуда «крушение поезда», – сказал Ива.

Я влезла на козлы и стала смотреть туда, откуда валил черный дым. Но самого паровоза не видела.

– Ничего не вижу, кроме дыма.

– Ну вот! Это самое и есть! Знамо дело, он лежит! Потому и свистит! И трубы потому не видно.

Наконец наша тройка взлетела на бугор, и я сразу увидела весь завод. На огромном пространстве, точно в парке, виднелись красные, зеленые, коричневые крыши небольших домиков-особняков. Самого завода не было видно. Он стоит ниже городка. Только огромные трубы торчали ввысь и дымили день и ночь. Еще несколько поворотов мимо деревянных домиков, и мы на всем скаку въехали во двор. Около крыльца на скамейке сидели мои

сестра и брат. Увидев въезжавшую тройку, они встали и пошли к нам навстречу. Брат опирался на палку; его высокая, худая фигура слегка склонилась вперед. А сестра все такая же: стройная, высокая. Она обожала брата. Он самый младший в семье; когда мать умерла, ему было только два года, сестре десять, а мне четыре. Сестра раньше не любила меня, особенно когда мы были маленькими и жили вместе. Теперь первая радость встречи прошла в слезах, поцелуях и отрывочных фразах и вопросах.

– Ну вот, опять все вместе! – говорила сестра, утирая слезы на глазах и успокаиваясь. – А я не думала, что мы еще соберемся когда-нибудь все вместе. Когда его ранили, – сестра взяла руку брата и погладила ее, – я просто думала, что умру от горя. А ехать к нему не могла, ожидала Танечку… Потом сама болела долго. Только много позже получила наконец письмо от самого Харитона, что ран хотя и много, но не все тяжелые, что надеется скоро поправиться и приехать к нам. И вот он уже и здесь! Теперь мы все поедем в деревню, там будет лучше для него… Да и начались уже полевые работы. Нужно смотреть за всем.

После недели жизни на заводе я с удовольствием поехала в деревню. Завод меня мало интересовал. В самом городке жили рабочие, чиновники, солдаты, несколько человек офицеров и генерал – на положении военного губернатора. Конечно, был там военный собор и общественный клуб. Но больше всего было, как говорили, публичных домов. Меня возили посмотреть, как работает завод. Я пришла в полный ужас при виде раскаленного докрасна чугуна, безумной жары от него и массы полуголых рабочих. Завод работает день и ночь, не останавливаясь ни на одну минуту. Больше пятидесяти тысяч рабочих работают в несколько смен. По

свистку рабочие и начинают, и кончают работу. Не успеют отойти одни, их места занимают другие рабочие. У огромных ворот, которые имеют три прохода (два – для пеших, а средний – для подвод), стоят солдаты и чиновники, которые осматривают проходящего рабочего, предъявляющего при этом карточку с его именем, фамилией и названием цеха, в котором он работает. Подводы тоже обязаны предъявлять свои пропуска о том, что она везет, сколько и из каких мастерских. Когда раздается фабричный свисток, рабочие должны входить на завод в одни ворота, а в другие выходить. Эта смена продолжается пятнадцать минут. И если кто из рабочих не поспеет вовремя подойти и ворота уже закрыты, то он уже никак не может попасть на завод, хотя бы он был самый нужный мастер. Ворота чугунные, резные и очень высокие, с кирпичными столбами, наверху которых укреплены огромные двуглавые орлы. Средние ворота, которые для пропуска подвод, открываются и закрываются по мере надобности и пропускают подводы целыми караванами. Теперь через них же входит на завод и выходит из него с шипением и свистом маленький паровоз, который тащит за собой по двадцать и больше платформ, пустых в одну сторону и нагруженных ящиками – в другую.

* * *

Мы выехали с завода рано утром и после обеда были в усадьбе сестры, в двадцати восьми верстах от завода, около деревни Колюшево. Ехали мы все время по проселочной дороге, вдоль бесконечных обработанных полей. Жатва ржи была в полном разгаре. Одна из работавших около дороги

баб выпрямилась и поклонилась нам. Из-за колосьев ржи видна была только ее голова.

– Посмотри, какая рожь! Едва бабу видно, – сказала сестра с восхищением собственницы. Куда глаз хватал, всюду кругом, на каждой полосе жали бабы и девушки в одних рубахах, подпоясанные кто пояском, кто головным платком. Местами стояли распряженные телеги, а лошади, привязанные вожжей к телеге, паслись тут же на меже. Вон баба подошла к суслону[21] и жадно пьет из берестового туеска. Тут же, с теневой стороны под суслоном, двое ребят; один лежит спеленатый, а другой – совсем тоже еще маленький – возится с чем-то рядом. Мать напилась и дала пить и игравшему ребенку.

– Бог на помощь! – сказала сестра бабе. Баба выпрямилась и приветливо, не торопясь, ответила:

– Спасибо.

Кучер остановил лошадей.

– Рожь-то у тебя очень хорошая уродилась! Густая, высокая! Вон сколько наставила суслонов. Да и жать-то еще много осталось. Что, одна жнешь? Где же твоя семья?

– Да вот вся и семья тут, – она показала на своих маленьких ребят. – Да мамонька-свекровь больная осталась дома.

– Что с ней? – спросила сестра.

– Да хто ее знает? Давно уже кашляет. Все как-то перемогалась, но работала; домашнюю работу справляла и за

---

[21] Суслон – связанные вместе снопы. – *Примеч. авт.*

ребятами смотрела. А вот теперь слегла совсем. Лежит, не пьет, не ест. Целый день все одна, некому и воды подать. А что я сделаю? Жалко ее, но не пропадать же урожаю! И нанять, чтобы пособить мне, некого. Сами видишь – все жнут. И сама не знаю, когда я и управлюсь одна-то? У нас еще есть другая полоса ржи; поди, скоро осыпаться станет… А тут еще ребята вот все плачут! Жарко ведь им целый день в поле на солнце да на ветру…

Баба села, машинально взяла маленького на руки, вынула грудь и дала ее ребенку, который не плакал и не просил есть. Другой ее белоголовый мальчик лет двух, в одной расстегнутой рубашонке и босой, стал теребить мать, хныкать и что-то просить… Сестра спросила:

– Что он просит у тебя?

– Да сахару с хлебом. – Баба протянула руку к холщовой котомке и стала шарить в ней.

– Постой! Вот, на ему от нас гостинцы, – сестра открыла корзинку, вынула конфет и белого хлеба и послала ей с кучером.

– Спасибо! – сказала она. – Я ведь за мужика своего получаю «способие». Жить можно! И скот у нас есть; хлебушко родился. Только вот одна беда, что мамонька-то хворает; ребят не на кого оставить дома.

– Ну теперь, Бог даст, война скоро кончится, и все вернутся домой, – сказала сестра. – Ну, прощай! Бог поможет тебе.

– Спасибо на добром слове, прощайте, – сказала баба, кладя младенца на землю и вставая…

Снова полосы ровной желтой ржи. Точно море: чуть колышется и переливается от набегающего ветерка. Если бы не межи между полосами, на которых растет высокая ромашка, васильки да душистая и сладкая кашка, то это поле казалось бы делом рук одного человека – сеятеля, – так оно было ровно!

У сестры в усадьбе жизнь простая: такая же рабочая, страдная, как и у крестьян. Вечером говорили о том, как бы на завтра побольше достать рабочих. А утром первым вопросом сестры было, сколько сегодня пришло народу работать? Днем сестра уходила в поле, а мы с братом уезжали в лес. Сначала мы хотели посадить его на положение выздоравливающего больного. Но он сразу отказался от всякой нашей опеки. Ездил в поле, где работали молодые девушки (один, без сестры), а вечером, когда они возвращались с поля, пел с ними песни. Сначала мы с ним ездили в лес на тележке, но потом стали ездить верхом. В лесу собирали рыжики, которых в наших краях очень много, охотились на рябчиков, которых тоже великое множество. Наконец собрались и поехали на сенокос с ночевкой. У сестры были луга в Закамье. Это великолепные заливные луга с высокой, мягкой и душистой травой. Но ехать туда далеко, и поэтому ездили всегда на несколько дней. Брали с собой еду – хлеб, картофель, крупу, огурцы и зеленый лук… На этих лугах было много мелких озерков и болот, образованных весенней водой, оставшейся после разлива Камы. В этих озерках водилось много карасей и небольших щук. Косари уехали на сутки раньше и взяли мешки с едой только для себя. На следующее утро поехали мы: я, брат, девки и молодые бабы – сгребать сено, которое вчера накосили уехавшие мужики. Сенокос в наших краях

считается самой приятной летней работой. Все были нарядны, мужики в красных новых рубахах, сшитых еще ранней весной и хранившихся для сенокоса. Бабы и девушки в ярких юбках, красных кофтах, с белыми или пестрыми фартуками. На головах – новые платки, на ногах – лапотки; у девок – длинные косы, в косах – яркие ленты. На косьбу все идут охотно. Почему-то никто не считает эту работу тяжелой, всем она кажется легкой и приятной. С утра и до вечера раздается во всех углах покоса пение, прерывающееся визгом и криком. Это парни или молодые мужики гоняются за какой-нибудь девкой. А она убегает от них или отбивается чем попало и куда попало. Часто другие девушки бегут на выручку подруги, которую парень поймал, бросил ее в свежий вал сена и забрасывает ее большими охапками этого же сена. Тогда несколько девок нападают на парня и бьют его. На выручку парня прибегают другие мужики и парни, и получается общая свалка. Крик и визг стоит такой, что ничего нельзя расслышать. Только мелькают юбки, красные рубахи да лапти разных размеров. Какой-нибудь девке удастся вырваться из этой свалки, и она бросается бежать. За ней, конечно, гонится парень. А когда догонит, то так ее огреет широченной ладонью, что, кажется, она непременно расплачется от боли. Но девка повернется к парню и сама даст ему оплеуху не меньшей силы.

На покосе всегда выбирался староста из степенных мужиков. Он наводил порядок и смотрел за работами. Если увидит, что молодежь очень уж развозилась, подойдет и, ни слова не говоря, каждого попавшегося, все равно – девку или парня, бьет чем попало:

– Что это? Играть сюда приехали да сено мять? Живо возить копны да метать новый стог! – строго прикрикнет он.

И все слушаются без возражений. Целый день работы утомляет всех. К вечеру девки и бабы двигаются вяло. А староста знай только покрикивает:

– Шевелись, девушки! Подносите сено проворнее! Засветло домечем стог. А там уж пойдете рыбу ловить на уху! – Солнце давно уже закатилось. Но работу всё не кончают.

– Дяденька Савелий, – спрашивает девушка, – когда же мы пойдем ловить рыбу-то? Темно уж стало! В темноте только лешего поймаем вместо рыбы…

– А вы бы меньше днем-то играли с парнями! Тогда бы и засветло рыбу-то ловить пошли.

Но потихоньку, незаметно, две-три женские фигуры отходят и бегут к озерку. Сняв с себя лапти и нижнюю самотканую юбку и завязав ее у пояса, как мешок, они осторожно входят в черную теплую воду. Через минуту обе уже кричат со страху:

– Ой! Что-то попало живое под ноги!

Но это не мешает им очень скоро вытащить на берег полную юбку как золото блестящих карасей. Их сразу несут на речку чистить и мыть. Она извивается тут же по лугам, неглубокая и неширокая, но с водой черной, как вакса. После заката солнца вода кажется особенно жутко-неприятной. Оба берега речки сплошь заросли ивой, калиной, черной и красной смородиной.

Пока девки ловили рыбу да чистили ее, староста отпустил и других:

– Бабы, девки! Довольно работать! Пора ужин варить! – кричит он.

Сразу начинаются смех и шутки. Девки собирают хворост, разводят костер. Над костром висят котлы. В одном варится каша, в другом – уха из карасей. Мужики моются на речке. Слышно их фырканье и отрывочные фразы: «Иван!» – «Да ну тя к лешему!» – «Да не плещись!» – «Стой, стой! Кто-то меня тянет за ногу!» – «А ты вот побалуй. Ежли без креста, так и вправду схватит за ногу да и утащит!» – говорит кто-то из мужиков.

– Ужинать!.. Мужики, ужин готов! – закричала баба. – Скорее! Рыба перепреет!

На траве разостлан брезент, и вскоре все уже сидят вокруг, поджав ноги, и чинно хлебают уху. На брезенте стоят две большие чашки, каждая на десять человек. Всех рабочих двадцать человек: восемь мужиков и двенадцать женщин. Уха съедена, и в этих же чашках подают пшенную кашу; вместо коровьего масла в кашу льют подсолнечное. Несмотря на то, что женщины работали так же, как и мужчины, весь день, за ужином мужики сидели спокойно и ели, а женщины услуживали и угощали их; резали хлеб и подавали соль, а две постарше заведовали кухней-котлами, разливали уху, раскладывали кашу и подавали на стол.

– Ешьте, ешьте, мужики! Наварено много! Хватит всем, – угощали стряпухи.

На столе-брезенте лежал зеленый лук, свежие огурцы и крутые яйца. Огромный каравай черного хлеба резался на ломти через весь каравай и уничтожался едоками с невероятной быстротой…

– Ух! Ну и поужинали! – сказал кто-то с тяжелым вздохом. – Спасибо, стряпухи!

– А сами-то вы когда ужинать будете? – спросил староста.

– Да что нам! Мы уже поужинали, – ответили стряпухи.

– Ну, спаси вас Христос! – Все крестятся и тут же ложатся спать, подложив под голову зипуны.

– Ай не замерзнем? Ночь, поди, теплая будет, – сказал Савелий.

– А вот девок положим промеж собой! Тогда теплее будет, – говорят мужики. А молодые парни не ложились еще. Они подбрасывали хворост в костер и приглашали девушек садиться поближе к огню. И скоро понеслось в ночной тиши их тягучее и нежное пение. Недалеко, в кустах, не вытерпел и защелкал соловей. На дальнем болоте, потревоженные необычайным шумом, проснулись утки, и закрякал селезень.

На другой день после отъезда мужиков на покосы поехали туда и мы. С нами ехали двенадцать женщин и три мужика. В двух телегах везли всех нас да еду на три дня для всех рабочих. Мы с братом взяли одеяла и охотничье ружье. От усадьбы до Камы нужно было ехать восемь верст, а там нас ждал огромный паром. Погрузили телеги, поставив их поперек парома, а распряженных лошадей привязали к телегам. Два мужика стали к рулевому веслу, а женщины сели и стали грести. Весла были так велики и тяжелы, что одному человеку нельзя было их сдвинуть. На каждое весло село по две женщины. Нам нужно было переплыть широкую и быструю Каму. Как только мы отошли от берега, паром стало относить вниз по течению.

– Налеги на весла! Налеги! – командовал рулевой. И бабы гребли изо всех сил. Паром покачивался, лошади беспокойно переступали ногами и пряли ушами; мужик, смотревший за

ними, успокаивал их голосом и похлопывал по шее. Наконец паром переплыл Каму. Нас отнесло вниз довольно далеко, и теперь нам приходилось подниматься вверх вдоль плоского берега.

– Стой! Брось грести! – раздалась команда. – Приехали!

Я посмотрела на берег и не увидела никакой пристани, а паром остановился довольно далеко от берега. Берег был плоский, песчаный. Обломанные кусты ивняка доходили почти до самой воды, всюду валялись пни и поломанные стволы деревьев, принесенные половодьем. Иногда пни проплывали сотни верст и были точно отполированы речным песком и галькой. Когда паром остановился, один из мужиков соскочил прямо в воду по самую грудь и стал тянуть паром ближе к берегу. Но не очень-то близко подошел он к берегу. Паром был тяжелый, скоро сел на мель, закачался и накренился. Лошади заскользили. Одна прыгнула в воду и потащила за собой телегу, к которой была привязана.

– Девки! Бери весла! Толкай паром от берега! – раздалась команда рулевого.

А мужик выхватил нож и обрезал повод, которым была привязана лошадь. Как только она освободилась – сразу поплыла к берегу. С телегой долго пришлось повозиться, пока ее вытащили на берег. Вторая лошадь ни за что не хотела прыгать в воду. Ее толкали сзади, тянули за повод, но она упиралась в низкий борт всеми четырьмя ногами и не желала сходить в воду. Наконец ее прямо столкнули, и тогда она пошла на берег, отряхиваясь и отфыркиваясь. Для телеги подвели под колеса две доски и по ним ее скатили.

– А вы что не выходите? – закричал один из мужиков на стоящих на носу баб и девок. – Что, ждете, чтобы вас на

ручках вынесли? Выходите, выходите! И так сколько времени потеряли! Вон где уже солнце.

– Дяденька Трофим, возьми меня на ручки! Я ножки боюсь замочить! – со смехом просила девушка, но в следующую минуту она первая спрыгнула в воду и пошла к берегу. Около самого берега нагнулась к воде и давай брызгать на мужиков.

– Ах ты, вредная! – сказал мужик. Бросился за девкой, догнал ее, схватил в охапку, принес и бросил в воду. Девка страшно визжала и отбивалась, но была выкупана с головой, нитки сухой на ней не осталось. Остальные женщины сняли с ног лапти, спокойно спрыгнули в воду и вышли на берег. Я хотела сойти по доске, которую положили под телегу, но она не доходила до сухого песка. Брат вошел в воду, взял меня на руки и вынес на сухое место. Лошадей запрягли, мы сели и поехали, подпрыгивая на каждой кочке. Когда приехали на покосы, мужики встретили нас приветливо.

– Поздно, поздно приехали, – пожурил староста. – Ну, девки, за работу! Трава пересохла, ожидаючи вас…

Женщины пошли к кустам, сняли с себя лишнюю одежду, взяли грабли и стали сгребать свежую просохшую траву, которая лежала толстым валом. Две девки подходили к сену и ручкой грабель начинали подбрасывать его вперед, и оно заворачивалось в огромный вал. Его оставляли около места будущего стога, а женщины шли обратно к следующему ряду и таким же образом гнали и его к тому же месту. Когда сгребли все ряды с одной стороны луга, то начинали таким же образом сгребать их с другой стороны. В конце концов на середине его получается один огромный вал из сена. Тут тогда и начинают метать стог. Сено, скошенное между

кустов и в овражках, сгребают отдельно, и бабы приносят его небольшими охапками на руках.

Я пошла к косарям смотреть, как они косят. Трава доходила мужикам до пояса; густая, она вся пестрела цветами. Восемь мужиков шли в ряд. Под могучими взмахами их кос трава ложилась ровными рядами. Я присела на свежескошенную траву и увидела в ней много свежей земляники. Вытаскивая за стебельки спелые ягоды, я ела их.

Как прекрасен мир без войны, без пушек, без ран и убийств. Мне так хорошо здесь! Я, кажется, забыла не только войну, но и Ваню. Давно я не чувствовала такого душевного спокойствия и радости. Как, в сущности, немного нужно человеку, если жить вот так, как живут эти люди: работают с удовольствием, поют, веселы. Едят скромно, что Бог пошлет. Нет у них ни зависти, ни недоброжелательства друг к другу. А, может быть, те вон женщины завидуют мне, что я лежу на мягкой траве, ем ягоды да еще рассуждаю на их счет, что они всем довольны?

– Тина Митревна, пойди посмотри. Гнездо здесь, – звал меня мужик. Я подошла и увидела гнездышко и в нем четыре крошечных птенчика, совсем еще недавно вылупившихся.

– Что это за птички?

– Да, поди, жаворонки, – сказал мужик и посмотрел вверх, задрав голову. Посмотрели и другие мужики: – Да вон, вишь, над головами кружится; беспременно их мать. Не бойся, не тронем! Иди, корми их, – говорит он.

– Надо уйти отсюда подальше, – сказала и я, а тут подошел староста и говорит:

– Пора полдничать! Вон солнышко-то где.

Мужики побросали косы и пошли к речке, где была сложена провизия и накрыта брезентом. Женщины увидели, что мужики идут завтракать, тоже побросали грабли и пошли туда же. На завтрак горячего не полагалось, ели холодный вареный картофель, творог со сметаной, зеленый лук, огурцы, крутые яйца и много свежего хлеба. Все это запивали водой из этой черной речки. Быстро поели и прилегли ненадолго.

– Что, девушки! С непривычки-то заморились небось? – говорят мужики.

– Да где уж нам; знамо непривычные, впервой, видишь, вышли на покос-то. А то все сидели дома у окошечка да ручки маслом мазали, чтобы белые были… – говорит молодая баба, Матрена, скаля белые, крепкие зубы, высмеивая мужиков. Все хохочут…

– Даст бог, завтра с косьбой-то покончим! Может, не успеем сметать? Придется в понедельник ехать сюда одним мужикам. Завтра ведь суббота, домой поедем, – сказал староста. Отдых кончился. Все поднялись и пошли каждый на свое место, а мы с братом остались сидеть.

– Я давеча думала, что они вот довольны всем, и работа им не в тягость. А кто знает, может быть, и завидуют нам, что мы можем сидеть в тени деревьев. Нет, лучше я пойду и стану тоже сгребать сено.

– Брось, Тиночка! Не стоит. Они чувствуют себя гораздо лучше, если мы будем от них подальше. Пойдем лучше на озеро. Посмотрим на уток. Может быть, и убьем. Да нет! Стрелять не стоит, только напугаем; а если и удастся убить, все равно достать нельзя, ни лодки, ни собаки нет.

– Нет, на озеро сейчас идти не стоит. Жарко! Ты ложись, засни, а я пойду сгребать сено. А под вечер пойдем на охоту. – Я взяла грабли и пошла к женщинам.

– Что, пособлять пришла нам? – поддразнили меня бабы.

– Да, у вас веселее! А сидеть-то под деревом скучно.

– Только вот ручки загорят у тебя на солнышке-то.

– Да постой, какую ты взяла граблю-то? Ведь это мужикова грабля – чижолая. И вот, я дам тебе свою, она полегче, – и указала мне, где я могу грести. Никто на меня больше не обращал никакого внимания. Все работали маленькими группами, и каждая группа пела свою песню. Иногда подхватывали ее и другие, и тогда по всему лугу разносилось их нежно-тягучее и грустное пение.

– Пой с нами! Разве не знаешь наших песен? – сказала сгребавшая рядом со мной девушка. Но пение кончилось. – Вот постой, сейчас начнут другую, – снова говорит она. – Матрена, начинай «Казачку»! Хорошая эта песня, жалостливая, – обращаясь ко мне, поясняет она.

Матрена, запевала, чуть-чуть приостановилась, опустила голову и запела: «Потухло солнце за горой, сидит казачка у окна. Она сидит, с тоскою смотрит, и льются слезы из очей». Бабы сразу стали сморкаться.

– Поди, казак давно убит, а она все сидит и ждет его… – говорит девушка, вытирая слезы кончиком головного платка. – Правда, что вы были на войне, на фронте, и видали, как наших мужиков и парней убивали? – девушка остановилась и смотрела на меня сквозь слезы.

– Видела.

– Убьют, закопают… А мы здесь ждем их… Ни письма, ни весточки. Не знаем, где и косточки зарыты, негде и поплакать на могилке… – и девушка начала плакать и сморкаться в фартук.

Подошла баба и стала ее успокаивать:

– Полно, Дарьюшка! Бог даст, получишь письмо; жив твой Степан. – Но молодая женщина уже глухо, беззвучно рыдала.

– Только ведь месяц я с ним прожила. Угнали в солдаты. А тут эта война. И не видела я его больше. – Она присела на землю. Я стояла перед ней, не зная, что делать. Я ее принимала за девушку; она казалась мне такой молодой и по-девичьи спокойно-беспечной… А сколько горя скрывала она под этой беспечностью… И только под жалобно-тягучее пение не выдержала и расплакалась.

– Вставай! Мужики идут, – сказала баба.

Молодая женщина сразу вскочила, натянула платок на глаза и стала сгребать сено. Где-то в дальнем углу покоса пели: «Выйду ль я на реченьку! Погляжу ль на быструю! Не увижу ль милого, сердешного своего?!» Грусть, тоска и одиночество слышатся в каждом слове их пения. И мне тоже стало нестерпимо грустно. Забытая временно война снова встала перед глазами! Вспомнились страшные раны; ненужные смерти молодых, сильных людей, просьбы умирающих: «Сестра, напишите домой письмо! Умер, мол, от ран». – «Скажи, адрес твой как? Куда писать-то?» Но умирающий уже не слышит… А тот обрубок, который бил себя своими обрубками и не хотел жить, чтобы не быть лишним ртом для семьи! Все встало опять передо мной… Чуть что не слышу их стоны, плач и предсмертные просьбы…

Сразу все стало тусклым и неприветливым: и луг, и скошенные цветы, и жаворонок в небе. Я пошла к брату, но его не было там, где я его оставила. Я села на одеяла и заплакала. Нет! Надо ехать туда, где нужна моя помощь! Здесь я все равно не буду спокойна ни минуты больше! Нужно скорее уезжать отсюда. Где же брат? Я встала, готовая бежать. Но куда?! Я пошла к озеру и увидела брата. Он сидел, опустив голову.

– Харитон! Что ты делаешь?

– А вот сижу и смотрю, как все прекрасно. Точно первый раз все вижу.

Я заметила и в его глазах грусть.

– Да! Очень все красиво; но мне жаль Капу, что мы ее оставили одну. Я думаю, лучше нам поехать домой?

Он сразу согласился. Мы пошли к стоянке, позвали старосту и сказали, чтобы он отвез нас к берегу. А там мы на маленькой лодочке переедем Каму и наймем кого-нибудь довезти нас до дому.

– Неладное вы затеяли! – сказал староста. – Куда вам грести? Не справитесь! Отнесет далеко. А ежели волна, то, не дай бог; потонете еще… Вот я схожу к соседям. Они каждый вечер уезжают домой, так, может, перевезут и вас.

Умный мужик, он смотрит на нас как на неспособных к такой работе. Он ушел, но скоро вернулся.

– Одного они могут взять! Ну, да там видно будет; может быть, еще кто возьмет. Надо только ехать пораньше. Я пойду запрягу и довезу вас до берега.

– Постой, – остановила я его, – мы и пешком дойдем, тут недалеко. А вещи ты завтра привезешь.

– Ну что ж! Ступайте. Времени еще много до вечера, дойдете. А то лошади нам здесь нужны сейчас, копны возят.

Мы пошли. Брат, не любивший ходить пешком, скоро сказал, что ружье ему все плечо оттянуло.

– Давай мне, я понесу.

– Ну вот! Что ты! Ни за что не дам.

– Пожалуйста, дай. Я хочу испытать, как чувствуют себя солдаты на походе.

– Ты этого все равно не поймешь. Ружье для солдата самое главное. Солдат с ружьем не расстается никогда. Даже когда его ранят, он его не бросит. Конечно, если не потеряет сознание. Здесь же другое дело. Хочешь, так неси его. Через пять минут все плечо оттянет, и ты сама не рада будешь, что взяла его. Давай лучше посидим, – закончил он.

Мы сели на край дороги в тени деревьев. Брат снял ружье и положил рядом с собой. Когда мы отдохнули и пошли дальше, я все-таки взяла ружье и повесила его себе на плечо.

– Да оно совсем не тяжелое! Во всяком случае, не такое тяжелое, как винтовка!

– Ну, попробовала? Теперь давай его мне, – сказал брат. Я ни за что не хотела, чтобы он нес ружье. У него до сих пор еще не закрылась одна из ран.

– Нет, уж извини! Я понесу его до берега.

– Тогда я сяду и буду сидеть, пока ты не отдашь его мне.

– Ну, вставай! Пойдем! А то опоздаем, все уедут, и нам придется идти обратно к нашим рабочим.

Но брат лег и вытянул длинные ноги.

– Смотрю и чувствую, как прекрасно все кругом. Но почему-то и грустно мне, – говорит брат.

– Мне тоже, родной мальчик, грустно! Поэтому-то я и решила поехать домой. Может быть, от Вани есть письма…

В это время позади нас захрустели ветки, и мягкий голос спросил:

– Отдыхаете в тени деревьев? Денек-то жаркий, как раз для сенокоса…

Мы оглянулись. Из березовой рощи, около которой мы сидели, вышел священник в рыжем подряснике, в большой соломенной шляпе, в руках – лукошко. Мы хотели встать, но отец Николай остановил нас.

– Сидите, сидите! – махая на нас рукой, сказал он. – Я тоже посижу с вами, устал… – Отец Николай был из богатого села Гольяны. Он знал нашу бабушку и нас с самого рождения.

– Вот где довелось с вами встретиться, – сказал он, опускаясь на землю. – Слышал, что приехали птенчики в родные места. Но забыли меня, старика! Не захотели меня навестить! – ласково журил он нас.

– Мы недавно еще здесь, отец Николай. И мы собирались к вам, да не успели еще.

– Да и я думал, что вы не можете не зайти ко мне, будучи здесь. А почему вы тут сидите? Откуда идете?

– С покоса! Мы идем к берегу, хотим, чтобы нас кто-нибудь перевез на тот берег.

– У меня лодка есть, вот и поедем вместе. Зайдете ко мне, попьем чайку, а вы расскажете о себе, как жили. Где ваш муж?

– На фронте, на Кавказе…

Отец Николай раньше называл нас по имени и на «ты». Но теперь почему-то вдруг застеснялся, величает по отчеству и даже на «вы».

– А вы, отец Николай, за грибами приезжали сюда?

– Приезжал посмотреть. Сено косят у меня. Ну, и рыжиков кстати набрал. Урожай нынче Бог дал всему: хлеб родился – старики не запомнят такого; трава высокая, густая – не прокосишь. Я люблю сам косить. Да нынче что-то тяжело стало. Пробовал сегодня, коса путается в траве, густая очень, не по силам мне уже. А грибов всяких родило столько, что можно армию накормить! А собирать некому, все на работах, кто жнет, кто сено убирает. Все поспело в одно время! Положим, это и всегда так было! Только раньше молодые мужики были дома, а теперь почти одни женщины да старые мужики. Ну, если отдохнули, пойдемте к берегу.

Мы пришли на берег. Отец Николай подошел к своей лодке, которая была вытащена далеко на берег, а весла прикреплены цепью и замком к борту. Кама была гладкая, как зеркало, и мы переехали ее без всяких затруднений. Лодку опять вытащили на берег, весла заперли на замок и пошли к отцу Николаю пить чай. Он обещал дать нам лошадь, чтобы доехать до дому.

Жена отца Николая, старая попадья, угостила нас маринованными рыжиками, напоила чаем с ватрушками и уговаривала остаться ночевать. Но нам хотелось скорее добраться до дома, и мы отказались.

– Пойти бы в церковь да отслужить благодарственный молебен? – предложил отец Николай. – Да помолиться бы и о исцелении ран! – глядя на брата, сказал он…

– Отец Николай, мы сейчас не готовы: одежда грязная, сами не мыты, устали. Мы лучше приедем специально для молитвы, и все вместе помолимся и о живых, и о мертвых, съездим на могилки к маме и бабушке, – сказала я.

– Господь тебя благослови, пускай так и будет! Приезжайте в воскресенье.

Нам дали старую лошадь, запряженную в такую же старую линейку, и мы поехали.

– Лошадь-то в воскресенье кто-нибудь пригонит к вам.

Когда приехали домой, было уже темно. Сестра не ждала нас сегодня и, увидев, встревожилась.

– Что случилось? Почему вы приехали сегодня?

– Заскучали по тебе! Вот и приехали, – успокоил ее брат.

– Тебе, Тиночка, есть письма. Вероятно, от Вани, – сказала сестра.

В моей комнате на столе лежали четыре письма – три от Вани и одно от Нины. «Тиночка! С самого твоего отъезда не переставая вывозим раненых день и ночь. Но количество их все не уменьшается. А у меня до сих пор нет младшего врача. Езжу сам за ранеными, а иногда отвожу их и до Карса. Несмотря на работу и усталость, чувствую себя одиноким. Утешаюсь тем, что хоть тебе хорошо! Когда будешь возвращаться на Минеральные Воды – сообщи, чтобы я мог направлять мои письма туда…»

Бедный мой Ваничка! «Ни на какие Минеральные Воды я не поеду! А поеду прямо отсюда в Ольты, к Ване», – решила я.

– Тина, иди ужинать, – позвала сестра.

– На будущей неделе я должна ехать к Ване! – заявила я. Сразу у обоих лица стали грустными.

– Что с ним случилось? – спросили в один голос и брат, и сестра.

– Ничего особенного пока. Но я должна быть ближе к нему. И, в конце концов, ведь я сестра милосердия! Должна же я исполнять свои обязанности! А я уже месяц ничего не делаю.

– Я вот уже шесть месяцев ничего не делаю! – сказал брат.

– Ну, ты уже исполнил свой долг! У тебя еще и старые раны не зажили! Ты теперь должен отдохнуть, лечиться и не спешить возвращаться на фронт.

– Но ехать такую даль для того, чтобы прожить две недели! Ведь ты не успела еще даже как следует отдохнуть от дороги, – сказала сестра.

Мы разошлись по своим комнатам грустные. Точно что-то неведомое пробежало между нами и разъединило нас навеки… И никогда больше мы уже не увидели друг друга. Это был последний вечер, который мы провели вместе, такие близкие друг другу.

Брат уехал осенью в степи на кумыс. Но угроза туберкулеза не исчезла, он постоянно кашлял. А раны его то затягивались, то снова начинали гноиться… Вначале, после моего отъезда от сестры, мы с ней переписывались довольно аккуратно; но потом моя жизнь пошла так быстро и странно, что часто я не успевала ей отвечать, а потом, во время революции, и совсем переписка прекратилась. Только будучи уже беженкой, во Франции, я получила от нее письмо. Муж ее не был мобилизован (он служил на

оружейном заводе), и они жили нормально до самой революции. Во время революции стало невозможно жить на заводе (постоянные убийства чиновников), и сестра с мужем и детьми уехали в усадьбу. Однако скоро и там появились, сменяя друг друга, то белые, то красные[22]. Все проходящие войска и банды забирали все, что только попадалось им на глаза. Месяцами шли бои за обладание нашей усадьбой, с одной стороны, и деревней – с другой.

«Все перебито, перестреляно! Скот режут и поедают. Лошади забраны и угнаны. В доме ночуют то красные, то белые. Все теплое, меховое растащили. Я ожидала рождения ребенка (Кадя и Таня живы). От недоедания у меня опухли ноги и образовались на ступнях раны, ходить не могла совсем. В это время, не помню кто, белые или красные, пришли и стали отбирать последнее, что у нас осталось. Ивик запротестовал. Тогда его стали бить и погнали в окопы. Я осталась с детьми, больная, в холодном доме и без всякой еды. Дети напугались, сначала тихо лежали со мной, но потом стали плакать и просить есть. Больше всего просила Таня. Кадик, наоборот, успокаивал ее и даже меня: “Мамочка, не плачь! Скоро вернется папа и принесет нам еду, затопит печку, и у нас будет тепло”. Не знаю, сколько прошло дней, может быть, только один-два, может быть, больше… Но стал и он просить есть… Я встала, закутала его в шаль и послала к няньке, которая ушла от нас домой в

[22] Территория Прикамья, о которой идет речь, летом 1918 г. стала центром противобольшевицкого восстания и ожесточенного сопротивления коммунистической власти.

деревню. У нас давно уже не было никого из прислуги. Жила одна только нянька. Но потом и она ушла; у нас для нее стало голодно. Долго не возвращался Кадик… Какие муки я пережила, послав в деревню в такое время одиннадцатилетнего малька в мороз, полураздетого, голодного!.. Хотелось бежать за ним самой! Но ноги мои меня не слушались! Они были как бревна… Опухли так, что даже валенки не могла надевать на них. Наконец, когда было уже темно, я услышала скрип шагов и голоса няни и моего мальчика: “Мамочка! Вот хлеб. И няня при шла…” – “Господи! Да что это ты ребенка послала в такой-то мороз!” – напустилась она на меня. Но, видя, что я плачу, в комнатах почти мороз стоит, и услышав, что и Таня проснулась, и тоже плачет, она остановилась и посмотрела кругом: “А где же Иван Миколаевич?” Я рассказала, что его угнали в окопы… Старуха пошла, нарубила дров, принесла их и затопила печку, согрела воды, накормила детей и дала и мне горячей воды с хлебом. Сахару давно уже не было в доме. Так потянулись дни, один за другим, похожие друг на друга. Нянька жила со мной, вернее, только ночевала у меня, а днем ходила в деревню и доставала то хлеб, то молоко, то масло. Денег у меня не было, да их и не брали! Как плату за все просили одежду, полотно, холст или куски материи. Все за это время обносились. Купить что-нибудь было негде… Няня, не спрашивая меня, брала что попадется, несла в деревню и там меняла на то, что нужно было для питания детей. В комнате теперь было тепло. Мы жили все в одной комнате. В остальных все было разгромлено. То солдаты там жили. То раненых туда сносили. Печи топили самым безобразным образом. Навалят дров больше, чем можно. Печь дымит; вываливаются угли и горящие поленья… Все полы прожгли;

стены и потолки закоптили… На полу грязь, навалено сено (как только не сгорел дом?), на котором лежали раненые. Часто где-то поднималась стрельба! Все, кто мог, убегали. Раненых бросали на произвол судьбы… А потом приходили другие – их враги… И они тоже приносили своих раненых… И так и лежали вместе – и красные, и белые… А когда посмотришь на них, то это были все те же русские, несчастные люди… Прошло две недели с тех пор, как Ивика увели, и я не знала, что с ним и где он! В одну страшную ночь кто-то постучал в дверь дома. Няня встала и открыла дверь. Мы увидели двух мужиков. Они вошли в комнату, неся что-то тяжелое, и положили свою ношу на пол… “Вот! Принесли твоего хозяина!..” – разгибаясь, сказал один из мужиков. Тина! Я не помню, как я сползла с кровати и очутилась на полу, около него. Воротник шубы и шапка закрывали лицо. Я раскрыла воротник и увидела его! Он был жив. Но глаза закрыты. Запекшиеся синие губы… Нос заострился. Я припала к нему и звала его в отчаянии: “Ивик, Ивик! Ты дома! Я с тобой!” Но никакого ответа… “Что с ним? – спросила я у мужиков. – Откуда вы его принесли?” Мужики присели на корточки и охрипшими голосами зашептали: “Тише! Мы вместе рыли окопы. Сначала он обморозил себе ноги. Просился домой. Да где там! Ругают, бьют! Грозятся пристрелить! Домой не пустили! А он стал хворать все больше да больше. А вчера не стал и спрашивать – просто вылез из окопа и пошел домой! Однако ушел недалеко… Его увидели и давай стрелять! Он упал. Пробовал встать, но не мог… Когда стемнело, мы выползли из окопа, подобрали его и принесли вот к тебе…” – “Будет плата какая нам? – спросил мужик. – А нам нужно ворочаться в окопы, пока темно. А то и с нами также расправятся”. – “Что я вам

дам?! У меня ничего нет!" – "Пошто говоришь, что ничего нет? А вот на ем шуба! Она ему теперь не нужна, а нам в окопах шибко нужно". Я посмотрела кругом! У меня не было больше ничего, чтобы хоть накрыть его, если я отдам им шубу! Тут нянька не вытерпела и крикнула на мужиков: "Да что это! Креста на вас нету?! Человек еще не помер, а вы последнюю одежонку снимаете с него!" – "Хрест" теперь ни к чему не нужен! А я так думаю, он этой ночью кончится. – Мужик показал на Иву. – Так закопать же его надо. Не в комнате же его держать будешь?! Вот мы, как стемнеет, и придем; могилку выроем. Вопче поможем схоронить его. Теперь попов не полагается. Везти на погост не нужно. Да и лошади-то у тебя нету. Он нам говорил, что нету. – Мужик опять показал на Ивика. – Ну, как дело справим, похороним его, значит, тогда ты шубу-то и отдашь нам..." Наконец они ушли. Няня заперла за ними дверь. Мы стали раздевать Ивика. Нянька постлала постель на диване, и мы его подняли и уложили. Я думала, что мы не сможем поднять его. Но он так был худ, что даже я не почувствовала тяжести. Пробовали стянуть валенки с ног, но не смогли. Точно они были налиты водой, и вода в них замерзла... Чувствовалось что-то тяжелое и мертвенно-холодное. Мы его обложили бутылками с горячей водой. Но он и так весь горел... Ранен он был в бедро. Рана не была забинтована, но кровь не шла. Я всю ночь просидела около него. Он был так слаб, что даже не стонал. Ни разу не открыл глаз, не отозвался на мои слова... В пять часов утра умер. Я упала, потеряв сознание. И пришла в себя только тогда, когда у меня родился (прежде времени) мальчик. Мы его окрестили Иваном – Ивик. Весной пришел и Харитон. Как-то под вечер я увидела старика, идущего к нашей усадьбе. Он согнулся весь и едва переставлял ноги. Я

подумала, что вот, у бедняги так же, видно, опухли ноги, как и мои. Старик был страшно худ, и рваная одежда висела на нем. Когда он поравнялся с воротами и поднял голову, я увидела, что это был не старик – борода черная. Он подошел к крыльцу и помахал мне палкой. Я пошла, чтобы узнать, что он хочет. Но я хожу очень медленно и тоже с палкой. (После родов опухоль хотя и спала немного, но раны на ступнях не заживают.) Когда я вышла в сени, человек был уже там. И вдруг я слышу глухой голос: «Капа, здравствуй!» Я сначала не могла понять, кто мог меня так назвать? Но это был он, мой родной мальчик! Я обняла его со слезами радости и горя и подумала: вот и он умирать пришел домой, как и Ивик!.. Идут все умирать в родное гнездо, где когда-то было радостно, уютно и тепло. Я крикнула Машу. Ты ее знала, это младшая сестра Ивы. Она замужем, и муж ее служил тоже на заводе, но, спасаясь от расправы рабочих, бежали с завода к нам. Маша прибежала, мы помогли Харитону раздеться и уложили его в постель. Когда мы его уложили, он весь как-то скорчился и выглядел совсем по-детски. «Где ты был? Откуда ты пришел?» – спросила я. Больше года я ничего о нем не знала. Он рассказал нам, что командовал какими-то бандами. Сражался, попал в плен; опять сражался до тех пор, пока не заболел и не попал в госпиталь. Осенью ему сделали операцию, вырезали аппендицит. Пролежал он там целую зиму: рана не зажила. В госпитале было ужасно: ни лекарств, ни перевязочных материалов, ни еды. Печи не топлены. Правят всем один-два служителя, грязные, грубые… Раненых и больных офицеров, лежавших в госпитале, всех ликвидировали. Доктора ходят как потерянные. Ничем не могут помочь ни раненым, ни больным. “Ну вот, как потеплело, доктор и говорит мне: “Послушайте, Павлов, если

у вас есть дом или вообще место, куда бы вы могли уйти и питаться, то ваша рана лучше всего сама заживет. А здесь, в этой мертвецкой, будете валяться, пока вас отсюда за ноги не вытащат!" – У нас в госпитале каждый день умирали по несколько человек… Ну, вот я и здесь! Долго я шел эти тридцать пять верст. Никто меня не тронул, все принимали за больного мужика и даже кормили, когда ночевал в деревне". И вот, Тина, мы зажили вместе… Два обломка на развалинах прежнего, в буквальном смысле. Я с тоской и болью смотрела на моих детей. Что их ждет? Сейчас голод! А дальше будем еще больше голодать. Куски материи и полотна, которого, я думала, хватит на сто лет, за одну зиму были обменены на молоко, хлеб, масло. Я думала, что новорожденный Ивик не выживет, так он был слаб и хил. Но он выжил и живет: хотя и слабенький, но растет…»

Но все это я узнала гораздо позднее, уже будучи беженкой во Франции, в [19]24 году. И сколько могла, посылала им денег. Хотя самое страшное было уже позади.

Но я забежала слишком далеко вперед. Если говорить по порядку, не забегая вперед, то сейчас мы все еще молоды и счастливы. И не подозреваем, какое величайшее несчастье надвигается на нас всех и на Россию.

На следующий день была суббота, и муж сестры, Ивик, приехал домой. Когда он узнал, что я собираюсь уезжать, то и слышать не хотел об этом…

– Да что ты выдумала! Столько лет не видались, в такую даль ехала! Не успела даже как следует отдохнуть – и вдруг обратно?! Вот я покажу тебе мой пруд. Я напустил туда разных рыб. Поедем ловить. Да, наконец, я специально для тебя взял отпуск, чтобы побыть с тобой.

Вечером возвратились рабочие с покоса и жнецы. Их стали кормить, расставив под навесом длинные столы. Сестра сама угощала их. Им подавали много разных блюд, и таких все вкусных, что у меня слюнки текли. Самое любимое и почетное блюдо – суп из свинины с лапшой. Ива, муж сестры, угощал всех домашним пивом, которое варили очень крепкое и держали в бочках в погребе специально для рабочих. Водки не было. По случаю войны она была запрещена в продаже. Неимоверное количество подавалось всякой еды. Ведрами приносили холодный хлебный квас и пиво. Под самой крышей горели керосиновые лампы. Лица у всех были красные и потные, оживленные и возбужденные. Все говорили одновременно, и голоса сливались в общий гул… После десерта – сладких пирогов – стали петь песни. Сначала все пели одну песню общим хором. Но по мере опьянения каждый запевал свою, не слушая других, а то, что самому хотелось. На конце стола, где было потемнее, сидели девки. А среди них сидел брат. Одна из девушек поила его из своего стакана пивом. Другая держала в пальцах кусочек жареного поросенка и предлагала закусить. Знакомые бабы увидели меня и стали усаживать с собой:

– Садись, Митревна! Ты ведь наша! Пособляла нам грести сено. – И каждая протягивала свой стакан, чтобы чокнуться со мной.

В голове стола, на председательском месте, сидел староста по покосу и объяснял Иве:

– Иван Миколаевич, не думай, што мы робим тебе ради денег. Нет! Мы любим тебя! Вот што! А деньги што?! Деньги – ништо… Нынче мы тебе сено поставили. А ежели

што нам нужно, то придем к тебе, а ты нам тогда одолжение сделаешь. Вот оно как! А деньги – ништо!!

До позднего вечера под навесом, за столами, старые и молодые пели и разговаривали. И, пока не ушел последний человек, мы все время были с ними. Всех угощали, и каждого в отдельности. Только в одиннадцать часов мы сами сели ужинать. Но есть никому не хотелось; все понемногу закусили и выпили там, под навесом, за общим угощеньем.

– Харитон! Ты, кажется, никого из девушек не желал обижать?! Со всеми выпил! – сказал Ива.

– А за что их обижать? Они – девушки хорошие!..

Сестра и Ива радовались, что полевые работы быстро подвигаются.

– Господа! Пора спать! Завтра ведь едем в церковь, – посоветовала я.

На следующее утро все встали довольно поздно. Пока напились чаю, оделись да доехали, так попали в церковь к концу службы. Сестра взяла с собой Кадю, чтобы причастить его. А Таню, которой было шесть с половиной месяцев, оставила дома с няней. Обедню служил другой священник, не отец Николай. После проповеди священник сказал, что отец благочинный после молебствия о здравии будет служить общую панихиду по убиенным воинам и просит, чтобы молящиеся не расходились. После окончания обедни наш старенький отец Николай вышел в золотом облачении и стал служить молебен. Пел сельский хор. Не знаю почему, но мне стало грустно, точно это был не молебен о живых, а отпевание! После окончания молебна мы подошли к кресту, а затем отец Николай ушел в алтарь и скоро вернулся в черной рясе и начал служить панихиду по воинам, на поле

брани живот свой положившим. Сразу послышались рыдания, всхлипывания. Сотни молодых, старых и детей стояли на коленях со свечами в руках. Вот, вот это и нужно им, там, в общих могилах, убитым без покаяния, без причастия, зарытым без отпевания. А здесь все сразу помолятся за них и поплачут. Пускай плачут все, все. Вот и отец Николай плачет, плачет и Капа, плачу я. И я вижу, как и брат вытирает бегущие по лицу слезы. Плачьте за всех тех, кто уже погиб! И за тех, которые еще погибнут…

После панихиды мы поехали на кладбище и там отслужили панихиду. Потом я пошла в земскую больницу, доктором которой был наш друг.

– Пожалуйста, Тина, приходи обедать. Не обижай попадью. Она вчера весь день готовила, хлопотала и сегодня напекла пирогов и ждет всех, – сказал отец Николай.

Больница стояла недалеко от кладбища и была обнесена изгородью. Это был целый поселок. Большое деревянное здание, где был приемный покой, амбулатория и больница на двадцать пять кроватей. Там же делали и несложные операции. Аптека давала лекарства больным совершенно бесплатно. Дом для врача; другой для фельдшера и акушерки. В самом дальнем углу двора – мертвецкая. Зимой и летом по воскресеньям с раннего утра и почти до вечера десятки телег стоят вокруг изгороди больницы. Это все приехали лечиться, воспользовавшись воскресным днем, крестьяне из дальних и ближних деревень. А если у кого лежит в больнице родственник, так и его навестить кстати. Болезни у крестьян все тяжкие, застарелые. Если кто попадет в больницу, так лежит там месяцами. Всякий мужик или баба, если заболеет, то сначала перемогается, не идет к

доктору. Попробует свои домашние средства. Когда станет невмоготу, пойдет к «бабке». И эта бабка сколько еще мучает больного, пробуя на нем всякие снадобья, пока больная или больной не свалится с ног. Только тогда уже его везут в больницу. То же самое и с хирургическими больными. Перелом кости или вывих, или лошадь лягнула, бревно придавило. Даже и в этих, часто тяжелых, случаях, первым делом всегда зовут «бабку» или костоправа. И только когда начнется воспаление или гангрена, везут в больницу.

Когда я вошла в здание больницы, в приемной комнате было много ждавших очереди к доктору. На скамейках, на полу, вдоль стен, сидели молодые женщины, мужчины и дети всех возрастов. В комнате была духота, а в открытое окно роями летели мухи. Спавшие на коленях у матерей дети беспокойно метались и плакали. Дверь, ведущая во внутрь больницы, была закрыта. Но, когда я вошла, эта дверь открылась, и девушка-санитарка в белом фартуке назвала какую-то фамилию больного. Со скамейки встали двое, мужчина и женщина, и, поддерживая друг друга, пошли в коридор. Санитарка пропустила их и опять закрыла дверь. Когда я подошла к этим же дверям, за которыми скрылись больные, женщина, сидевшая около них, сказала:

– Да там уж трое больных! Доктор занят!

– Я не больная. Мне нужно только сказать ему несколько слов.

В коридоре на меня пахнуло лекарствами. Он был почти темный; были открыты только две двери, из которых шел свет. Одна в аптеку, где аптекарь развешивал лекарство и заворачивал его в отдельные пакетики-порошки на один

прием, а потом сложил их в стопку и, не надписывая, передал ждавшему у дверей мужику.

– Три раза в день по одному порошку принимай. Запивай водой, – сказав это и передав порошки, фельдшер повернулся, подошел к стойке и опять стал развешивать лекарство для следующего больного.

Немного дальше, с левой стороны, в раскрытую дверь слышны голоса. Там кабинет доктора, и он спрашивает что-то у больного. В самом конце коридора, где было совсем темно, была еще одна дверь, ведущая в палаты больницы. Когда кто-нибудь выходил или входил туда, то в просвет двери видны были койки. Я прошлась по коридору и заглянула в кабинет доктора. У самой двери сидели те самые больные мужчина и женщина, которых только что вызвала санитарка. Перед столом сидела еще одна больная, а по другую сторону его – доктор. Он поднял голову, и я ему помахала рукой. В коридоре было так темно, что доктор не узнал меня. Но в это время из палаты вышла женщина в белом халате, подошла ко мне и спросила, что мне угодно.

– Я бы хотела на минуту видеть доктора, если только это возможно! Я приезжая.

– Так идите прямо в кабинет. Он будет рад хоть немного передохнуть. С восьми часов сегодня принимает больных. А их еще хватит до вечера…

Мы вместе с ней вошли в кабинет. Но доктора за столом уже не было. А из-за закрытой двери слышен был его голос. Санитарка сказала, что доктор осматривает больную. Не прошло и десяти минут, как он вернулся.

– Тина Дмитриевна! Здравствуйте! Наконец-то вы собрались к нам! Слышал, что вы приехали, но повидать вас никак не удавалось. Идемте к жене, там и поговорим.

– Нет, я только на минуту зашла. Хотелось только поздороваться и узнать, как вы поживаете. А сейчас меня ждут у отца Николая обедать. Все мои уже там. Не могу заставлять ждать себя.

– Надолго ли приехали? Где муж? Так хочется поговорить, расспросить обо всем, что там делается. Ведь вы были на фронте, всего навидались! Я как-то, давно уж, видел Ивана Николаевича, так он мне рассказал, что вы оба на фронте работаете.

Мы вышли на двор и сели под дерево на скамейку. Доктор закурил.

– Вы курите? Хотите папиросу? Какая огромная и интересная работа для врача на фронте, – затягиваясь папиросой, говорит доктор. – А я тут все лечу застарелые болезни, одна на другую похожие. Прописываю порошки да касторку. Но даже и результатов лечения никогда не знаю! Уедут в деревню, и только изредка случайно услышишь, поправился ли больной или умер. В палатах лежат подолгу. Сначала заинтересуешься больным, ходишь к нему по два-три раза в день, следишь за ходом болезни. Но когда больной лежит пять-шесть недель, один день лучше, другой хуже. Температура ползет по кривой, несколько десятых кверху, несколько книзу. Спросишь больного, как он себя чувствует, и всегда один ответ: «Да, подходяще! Дай тебе Бог здоровья за твои хлопоты-то». Я попросился на фронт, но мне отказали. Да и семья у меня большая. Куда уже мне ехать! А хотелось бы! – мечтательно проговорил он. Но,

вспомнив, что у него еще сидят с утра больные и ждут очереди, он стал прощаться со мной: – Тина Дмитриевна, если останетесь еще здесь, приходите к нам. Мы будем очень рады.

– Нет, доктор; мы едем домой, сейчас же как только пообедаем.

Мы распрощались: доктор пошел на свой фронт, а я – обедать к отцу Николаю. Матушка-попадья накормила нас стерляжьей ухой, налимьим пирогом, а на закуску были поданы грибы во всех видах: и маринованные крошечные рыжики, и рыжики жареные, боровики соленые, крошечные, не больше наперстка. Рябчики жареные и они же маринованные. После обеда мы сидели у них недолго. Только что приехали домой, няня сказала, что ко мне приходила Степанида. Ребенок у нее хворает.

– В прошлое воскресенье ездила в больницу, да, видно, не полегчало. Сходи уж! Сделай Божескую милость! Степанида-то шибко горевала, что не застала тебя. Она вот как жалеет девчушку-то! Махонькая она еще, весной только родилась, а все же жалко… Пойди! Сходи…

– Что я могу сделать, чем помочь, раз доктор не помог?! Я ведь не доктор и лечить я не имею права…

– Да што ты, Господь с тобой! Какое такое право нужно тебе? Помоги, да и только! Чать муж-то у тебя доктор?! Пойди! Пойди, пожалуйста…

Пришлось пойти. Все равно нянька не дала бы покоя.

– Да как я ее двор-то найду?

– Какая мудрость-то! Спроси кого ни на есть, всякий покажет, не столица ведь тут у нас!

Пошла. По дороге попался мальчик, шел к нам в усадьбу. Ему на вид было лет семь. Босой, пестрядинные штанишки висят ниже бедер на одной пуговице, такая же рубаха, ворот расстегнут, рукава до локтей, волосы льняные, спутанные, мордочка грязная, глазки востренькие. Не доходя несколько шагов до меня, мальчик остановился на краю дороги, как бы пропуская меня.

– Здравствуй! Ты куда идешь? – спросила я. Молчит, опустив голову…

– Идешь играть к Каде? Ну, иди!.. – И я пошла дальше. Но сейчас же услышала позади шлепающие, быстрые шаги. Оглянулась… Мальчишка бежал за мной. Но, как только я повернулась к нему, он остановился, не добежав до меня.

– Что ты хочешь? – Опять опустил голову. Молчит. Я подошла и нагнулась к нему. – Где ты живешь? Где твоя мама? Э! Да ты не умеешь говорить! Ну, прощай, я пойду в деревню. – Я сделала несколько шагов и остановилась. – Послушай! Ты знаешь, где живет Степанида? – Кивнул головой. – Пойдем, покажи ее двор. Я дам тебе пятак.

– А ты дохторша? – еле слышно спросил он. – Ты Тина Митревна?

– Ну да! Конечно, я…

– Мамка послала меня за тобой. Ребенок у нас хворает шибко; животом мается, – вдруг осмелев, заговорил мальчик толково, серьезно, как взрослый. Мы пошли.

– Кто болен-то? Брат или сестра твоя?

– Сестра. Она маленькая еще.

– А отец где?

– На войну угнали.

– Мужики-то дома есть еще?

– Нету, только дедушка да я.

– Какой же ты мужик? Ты еще маленький…

– Мамка меня так зовет и дедушка, когда кличет помогать ему: «Данило, – говорит, – пойди подержи лошадь, ты ведь уж мужик!» Мамка тоже, когда будит утром, всегда говорит: «Вставай, вставай! Вон мужики-то встали уж все! И в поле поехали уже!» Когда тятенька был дома, он брал меня в поле, боронить. Вот наша изба, – сказал он, стрелой помчался вперед и скрылся во дворе. Сейчас же из дома вышла женщина, а с ней и мой провожатый.

– Здравствуйте! Это вы Степанида, у которой болен ребенок?..

– Я самая! Милости прошу в избу… – Мы вошли. Посреди избы висела люлька, в которой пищал ребенок.

– Что с ним? – подходя к ней, спросила я. В люльке лежал живой трупик. Бледно-восковое личико, тоненькие ручки и ножки; от постоянного трения одной о другую на пятках кожа растерта до мяса. – Понос у нее? Чем кормишь ее?

– Когда дома – грудью. А так молоком коровьим да кашей. Да она, почитай, ничего и не ест теперь. – Степанида показала молоко, которым она кормит ребенка. Оно весь день стоит в печке и стало совершенно красным, густым, как топленые сливки. Я объяснила, как могла, что это вредно для ребенка. Но когда я дошла до указания, что молоко нужно разбавлять водой, то баба просто обиделась на меня:

– Пошто его разбавлять водой-то? Слава богу, корова-то своя; молока-то хватит.

Через несколько дней девочка у Степаниды померла. Но практика моя не прекратилась. Меня звали все время: то к больному ребенку, то к взрослым. Я ходила по избам, как акушерка, с чемоданчиком, в котором у меня была самая простая аптечка, взятая для себя: касторка, каломель[23], пузырек с каплями опиума, аспирин, хинин, йод, вата и бинты. Вся неделя прошла в хождении по избам.

Потом поехали на пруд ловить рыбу. Рыбы не оказалось совсем никакой! Поехали мы втроем – я, брат и Ива. Сестра была занята. Приехали мы к какой-то луже, покрытой травой и ряской. Кое-где и прямо целые кусты росли из воды. Брат не пошел ловить рыбу.

– Я лучше посижу да посмотрю, сколько вы наловите стерлядей, – сказал он.

Ива и я спустились к «пруду». Тут же, около берега, стояла лодка-плоскодонка, чуть не до половины залитая водой. Одно широкое весло плавало в лодке. Ива взял весло и стал им выплескивать воду из лодки.

– Тина, садись на корму, там суше, – сказал он. – Подожди, я подам тебе руку. – Ива вошел в лодку, стал посреди нее, подал мне руку, и я стала на дно прямо в воду!

– Ива, я промочила ноги!

– Ничего, вода теплая! Иди на корму и садись на скамейку. – Только я шагнула, держась за руку Ивы, как

---

23 Каломель – однохлористая ртуть, благодаря широкому спектру действий являлась популярным препаратом в начале XX в., несмотря на возможность тяжелых побочных действий.

что-то слабо крякнуло под ногами… Еще один миг – и мы уже стояли в воде на дне пруда. Прогнившие доски в лодке не выдержали тяжести и провалились. На крик прибежал брат. Но вместо того, чтобы помогать нам, он стоял на берегу и хохотал, как сумасшедший… Вылезли мы из потонувшей лодки мокрые, грязные, пошли к тележке и поехали домой.

Мой отъезд назначен на воскресенье, с утренним пароходом. Сестра ужасно огорчена, но я не могу оставаться дольше. Мы все объездили, все посмотрели. Были на охоте, ездили в поле; видели, что снопов в поле много и урожай хороший. Все это было интересно и приятно. Но моя душа была далеко, там, на фронте, где муж. Сестре-то хорошо! Ее муж с ней и никуда уезжать не собирается. В субботу привезли телеграмму от Вани: «Здоров все благополучно целую твой Ваня». Казалось бы, и тревожиться нечего! Жив, здоров! Чего еще нужно во время войны? Но на сердце неспокойно… Нет! Скорее туда, к нему!.. Брат собирается ехать на кумыс. Утром в воскресенье все мы встали рано. Но все какие-то грустные, хотя утро было такое же прекрасное, как и вчера. Сели пить чай. А сестра плачет:

– Тина, пожила бы еще! Так грустно расставаться! Кто знает, соберемся ли мы еще когда-нибудь вместе?!..

Вот я уже и на пароходе. Сестра, брат, Ива и Кадя стоят на пристани. Сестра говорит мне ласковые слова и так сильно плачет, что у меня на душе становится все тяжелее. Но вот и свисток! Пароход едва заметно стал отходить от пристани… Кричат последнее «прости»… Машут платками… Родные мои! До свидания! Прощайте!.. Далеко уже осталась пристань. Хорошо видна еще только стоящая на горе церковь. Но мне показалось, что я еще вижу, как мелькает

белый платок сестры… Пароход делает поворот, огибая островок, и сразу все скрылось – и село, и церковь на горе, и пристань, и Капин беленький платочек… Когда все это скрылось, то я почувствовала, что потеряла все и навсегда. Какая безграничная тоска… Долго я не могла успокоиться. Давно уже скрылись в ушедшей дали родные места, а я все стою на корме и смотрю туда, где остались мои близкие и тоже вероятно смотрят вслед моему пароходу?..

* * *

До Казани я доехала без всяких приключений. В Казани пересела на волжский пароход. У меня была отдельная каюта с ванной. Но я не воспользовалась ничем. С утра у меня болела голова, а к вечеру поднялась температура. Я прилегла, чтобы согреться, но меня продолжало лихорадить, и я не встала с постели до самого Царицына. В первый же вечер температура поднялась выше сорока. На пароходе не оказалось доктора, был только фельдшер. Ночью кто-то входил в мою каюту несколько раз, брал мою руку, щупал пульс. Утром температура не упала, а к вечеру опять поднялась еще больше. У фельдшера был растерянный вид человека, который не знает, что делать. Он спросил меня, хочу ли я послать кому-нибудь телеграмму, чтобы дать знать, что я больна. Я попросила спустить меня на берег в каком-нибудь городе, где есть больница. Но по дороге больше не было городов, а ложиться в сельскую больницу я не хотела. Так я лежала в каюте между бредом и действительностью трое суток. Фельдшер давал мне только аспирин да воду. В этом заключалось все лечение. Но молодость и здоровый организм побороли мою, может быть, опасную

болезнь. Через трое суток наш пароход пришел в Царицын, где нужно было выходить и пересаживаться на поезд. В это утро температура немного упала, но я чувствовала страшную слабость и не могла не только ходить, но даже сама одеться. Фельдшер сказал, что, если бы ему разрешили, то он мог бы проводить меня до Минеральных Вод.

– Пожалуйста! От кого это зависит? Спросите, я вам заплачу за все.

– Это зависит от капитана парохода. Я пойду спрошу его. – Он скоро вернулся и сказал, что капитан разрешил ему сопровождать меня. – Это потому, что ваш муж доктор и находится на фронте…

Пароход давно уже стоит у пристани, а я все еще сижу в каюте! Спрашиваю фельдшера, почему мы не едем на станцию?

– А вот, как вся публика сойдет и не будет больше толкотни, так мы и пойдем. Спешить некуда! До поезда еще времени много.

Наконец горничная одела меня, и меня повели под руки, с одной стороны фельдшер, а с другой – горничная. Я была так слаба, что не могла даже стоять без посторонней помощи. Так меня довели и посадили на извозчика.

Когда мы приехали на станцию, пришли к поезду, а мой провожатый сказал, что везет больную, то оказалось, что в поезде есть свой фельдшер. Он пришел и, обращаясь к моему фельдшеру, сказал:

– Вам не надо ехать. Я также могу смотреть за больной, как и вы.

Мы быстро пришли к соглашению, что двум фельдшерам делать нечего. Я поблагодарила пароходного фельдшера за его помощь и предложила ему деньги, но он отказался.

– Я ничего для вас не сделал, а только исполнял свои обязанности.

Оба они, как две заботливые няни, уложили меня в кровать в отдельном купе, и новый фельдшер обещал «наведываться» ко мне: «А если что нужно, звоните, я сейчас же приду».

То ли перемена климата, то ли острый приступ болезни прошел, но я теперь чувствовала себя много лучше, чем утром, когда встала. За дорогу от Царицына до Минеральных Вод я еще больше окрепла, температура спала. Поэтому, когда на станции Минеральные Воды я не увидела Нины, которой была послана телеграмма, чтобы она встретила меня, я не очень огорчилась. С помощью фельдшера и носильщика я пересела в поезд, который идет в Пятигорск, совершенно не ожидая, что меня кто-нибудь встретит и в Пятигорске. Здесь я подождала, пока спешившая публика вышла. И только тогда мой носильщик, не спеша, вынес вещи, взял извозчика, усадил меня – и через несколько минут я была уже дома.

На мой звонок вся прислуга и дети выбежали навстречу.

– Барыня поехали встречать вас, – сказала няня. Меня раздели и уложили в постель. Нина и Маня вернулись только к вечеру, и когда узнали, что я приехала, то страшно возмутились. По их словам, они ходили и искали меня в каждом вагоне, пока не убедились, что все пассажиры уже вышли из поезда.

– А тебя не было! – закончила Нина.

– Ну, а теперь ты веришь, что я здесь лежу? Ты получила мою телеграмму?

– Получила, но мы опоздали на поезд, который ушел на Минеральные Воды. Мы решили тебя ждать здесь. И мы ждали! Но тебя не было!

Позвали какого-то знаменитого московского доктора, который практикует здесь только летом. У меня оказалось воспаление тонких кишок. Доктор предписал строгую диету и выписал лекарства. Здоровье мое быстро стало улучшаться. Я получила от мужа несколько писем. Кажется, у него жизнь без перемен! И слава богу! Написала ему все подробно о своей болезни. Дети больше всего рады, что я больна. Играют у меня в комнате до тех пор, пока их не уведет няня. Нина и Маня живут, по-видимому, весело, никогда не бывают дома. Возвращаются всегда поздно ночью. Всегда веселы, хохочут, спят долго. Встают утром поздно. Сейчас же одеваются и, веселые и нарядные, уходят на весь день до поздней ночи. За две недели, что я здесь, они завтракали дома не больше трех раз и ни одного раза не обедали дома.

Получила от Вани телеграмму: «Береги себя, прими все меры, пишу все инструкции, что делать. Пиши о здоровье часто».

Сегодня получила от него письмо. Полно инструкций, что делать, как питаться, какие принимать меры, лежать и не двигаться (а я уже встаю и хожу). Бедный мой Ваня! Он все еще беспокоится, а я почти совсем поправилась. Письма так долго идут! Хотя я ему писала, что меня лечит знаменитый по желудочно-кишечным болезням московский доктор. Понемногу доктор разрешает кое-что есть; моя диета

улучшается и расширяется. Вчера Нина и Маня пристали ко мне, что нельзя сидеть все время дома:

– Если ты будешь сидеть все время одна дома, то ты все лето не поправишься. Ешь рисовый отвар! Читаешь Ванины письма! Да от этого и здоровый человек заболеет! А уж больной – никогда не поправится. Идем лучше в цветник. Там ты увидишь публику, послушаешь музыку, и сразу тебе станет лучше. В цветнике прекрасный ресторан; они приготовят для тебя все, что нужно. Идем, идем! Довольно тебе сидеть и киснуть.

Они так пристали ко мне, что даже поехали со мной к доктору на прием.

– Хорошо! Я спрошу доктора, можно ли мне выходить и сидеть в саду.

Доктор, конечно, разрешил; только по вечерам не сидеть долго, если есть сырость. Но, боже мой! Я так похудела, что ни одно платье не годится мне никуда. Все висят как на вешалке. Пришлось позвать портниху и ушивать платья.

Цветник произвел на меня очень сильное впечатление. Как раз, когда мы приехали туда в двенадцать часов, играл оркестр. Масса солнца, цветов и нарядной публики! Мы пошли в ресторан, заняли столик. Я добросовестно заказала для себя самый скромный завтрак. А в меню было столько вкусных вещей! Но все запрещенных для меня… Мы сидели на террасе, слушали музыку и завтракали. Все скамейки около оркестра были заняты ранеными, которых здесь тысячи. В Пятигорске много госпиталей для выздоравливающих офицеров и солдат. Первый мой выход в свет закончился благополучно. Хотя я ушла домой очень рано, но Нина и Маня все же успели познакомить меня кое с кем из

своих знакомых. На первый раз я довольно сильно устала и уехала домой, а они остались в цветнике. Дома я застала письма от сестры и брата: «Тиночка, родная, получила твое письмо. Меня очень тревожит твое недомогание. Что с тобой? Почему не пишешь? Давно уже ничего от тебя нет. Я осталась в усадьбе одна с детьми: Ива уехал на завод, Харитон на кумыс, от тебя нет писем. На душе тоскливо и как-то тревожно!» Это писала сестра.

«У меня есть собственная кобылица-кормилица, – писал брат. – Три раза в день эта кормилица приходит туда, где я лежу, и калмык доит ее, а я тут же пью это теплое молоко. Лежу на кошме целый день и наблюдаю, как носятся табуны лошадей по степи. Трава высокая, маленьких жеребят едва в ней видно. Жара страшная! Но калмыки ходят в теплых халатах и в барашковых шапках. Таких, как я, здесь много. Но мне жаль, что нет здесь тебя! Чудные лошади для верховой езды и бесконечные пространства для поездок. Пока не скучаю. Все ново и нравится», – закончил брат свое письмо.

По мере выздоровления меня стало больше тянуть к людям. Каждый день после завтрака я еду в цветник и сижу там, пока есть солнце. Всюду раненые. Много оживленных и бодрых, но много и таких, которых вывозят в креслах сестры и санитары. В Лермонтовской галерее дамы Красного Креста шьют противогазовые маски. Много дам приходит помогать им как добровольцы. У меня быстро завязались новые знакомства среди них. Я пошла в комитет и попросила дать работу и мне. Председательница этого комитета, очень милая и приветливая, Анна Михайловна Васильева. Всех вновь пришедших она ласково принимает и не спрашивает, умеет ли шить, всем дает работу. Скоро стало приходить так

много желающих помогать, что стали выносить столы из галерей в цветник. С утра и до вечера работают. Одни уходят, а на их место приходят другие. И целый день работа не прекращается. Вокруг площадки, на которой были расставлены столы для работы, сидели и раненые, греясь на солнце и разговаривая с дамами. Фотографы – профессионалы и любители – все время щелкали аппаратами, снимая нас и группами, и в одиночку. А на другой день приносили карточки и предлагали их купить, а любители – просто дарили. Кого, кого там только не было! Даже очень богатые беженки из Лодзи и Варшавы. Все новости приходили в цветник из «первых рук»: как с театра военных действий, так и с поля флирта. И офицерские жены, матери, сестры и невесты, и просто не знающие, как убить время «курсовые»[24] – все всё знали! И кто за кем ухаживает, и у какой дамы какую награду получил муж и за что, и т. д.

Сегодня после завтрака я не пошла в цветник. Был дождь, и я побоялась сырости. А в три часа пришел почтальон и принес письмо от Вани. Письмо ужасное! Хорошо, что никого нет дома. Я так плакала!.. Муж пишет, что его с транспортом посылают на Ванский фронт: «Это, во-первых, страшно далеко в Турции, а во-вторых, совершенно дикие места. Дорог нет! Шайки курдов стерегут русских из-за каждого камня. Транспорт буквально лепится по горам и обрывам. Одна двуколка упала с обрыва и разбилась. С ней погиб и наш Энвер-паша. Собака ехала в этой двуколке, и ее раздавило». Письмо было написано с

[24] То есть принимающие курс лечения на Минеральных Водах.

похода. Не знаю, что делать! Сижу, плачу и молюсь, чтобы Бог спас его… У меня нервная потребность что-то делать, двигаться. Не могу сидеть. Пошла на телеграф и послала телеграмму, чтобы берегся… Теперь живу ожиданием писем. Их давно уже не было. Я чувствую себя здоровой. Не могу сидеть дома сложа руки и ждать писем. Пойду в цветник. Там у меня завязались новые хорошие знакомства. Познакомилась с беженкой из Лодзи. Она полька, очень хорошенькая, жена крупного фабриканта. Мы с ней подружились. Сидим за одним столом и шьем маски, хотя обе не умеем шить. Около нашего стола все время толпились раненые и учили нас шить маски. Мы оказались очень способными ученицами и скоро стали преуспевать в нашей работе. Я научилась шить на машинке, а моя подруга иголкой: она пришивала тесемки к маскам, которые я сшивала на машинке. Наша председательница прямо не могла нахвалиться нами. Иногда мы всей группой шли завтракать тут же в ресторан около Лермонтовской галереи. Такие завтраки проходили весело и шумно.

Часто случалось, что я целыми днями не видела ни Нины, ни Мани. И вдруг как-то Нина вернулась одна и рано. Вид у нее был обиженный.

– Нина! В чем дело? Почему ты так рано вернулась домой?

– Ах! Знаешь! Этот человек всюду меня просто преследует и совершенно отравляет мою жизнь.

– Так позови городового, и его заберут в участок! – говорю я.

– Да нет же. Это я говорю об Алексее! Сейчас встретила в цветнике наших полковых дам. Они сначала спрашивали

меня, получаю ли я письма от Алексея. Я сказала, что давно уже от него не было ничего… – «Так он ведь к немцам в плен попал! И притом очень странным и совершенно необычайным образом! Приехал раненый Марков и рассказал: после атаки полк отступил от наших окопов. А он остался там!! Он не был ранен! Вся его рота ушла! Его видели наши офицеры и кричали ему, что они отходят, чтобы он торопился за ними… Но он так и не вышел! Остался в окопе!» Понимаешь? Они так это говорили, точно Алексей нарочно хотел остаться в окопе и попасть в плен! Это ужасно! Точно меня по щеке ударили! Какой позор! У всех мужей ранят или убивают! А мой Алексей сам в плен сдался… Теперь не могу людям в глаза смотреть… Хоть уезжай! Да куда уедешь? Домой? Так теперь и в Баку все это знают уже! – Она бегала по комнате, жестикулируя и куря. – Лучше бы убили его, чем такой позор для всех нас! – Она посмотрела на меня и, как бы оправдываясь, сказала: – Знаешь, этот позор ложится ведь и на твоего мужа!

– Ну при чем тут мой муж? Он не обязан отвечать за своих братьев.

– Но я уверена, что об этом будут говорить и что Ивану Семеновичу, конечно, будет неприятно слышать это.

– О чем будут говорить? Не заставлял же мой муж своего брата сдаваться в плен! Алексей даже не писал Ване ни одного раза…

– Нет! Он опозорил всю семью! – говорила она, продолжая ходить по комнате.

– Нина! Ты ведь не знаешь, что там было. Может быть, у него был сердечный припадок, и он не мог выйти из окопа, а

солдаты не догадались вывести его. Ты думаешь, в плену-то сладко жить?..

Но все эти разговоры скоро забылись. Да просто ей и некогда было долго возмущаться чем-нибудь… Жизнь кругом кипела. Было столько развлечений, что времени не хватало ни на что. Утром – в цветник, ужинать – в Кисловодск. Едва успеешь переодеться только.

– Сегодня все приглашены на завтрак в Кисловодск. Поедем с нами!

– Как же я поеду? Меня-то никто ведь не приглашал. Да я никого и не знаю из тех, к кому вы едете…

– Ну, вот пустяки! Приедем – познакомишься. Тебя и так все знают! Мы говорили уже о тебе, что ты сидишь затворницей и оплакиваешь живого мужа. Всем хочется с тобой познакомиться. Ты теперь здорова! Можешь есть все! Почему тебе не поехать с нами?

Правду сказать, мне и самой хотелось поехать в Кисловодск. Там живет мать младшего врача Вани, и он просил меня навестить ее и познакомиться. Так и решили! Когда надела новый костюм, который только что принесла от лучшей портнихи в городе, я почувствовала себя очень хорошо. Мне хотелось быть среди людей, слушать музыку, пение. Словом, мне хотелось жить так же, как жили все кругом меня!

Приехали в Кисловодск. На вокзале к нам подошли какие-то элегантные мужчины, поздоровались с моими спутницами как старые знакомые. Потом познакомили с ними меня.

– Наконец-то мы видим вас! А до сих пор все только говорили о вас! Как ваше здоровье? Кончили наконец болеть?

Мы пошли в курзал. Мужчины подошли к столику, который был великолепно сервирован. Около двух приборов стояли в вазочках прекрасные розы. Сейчас же подошел метрдотель и получил приказ поставить прибор и для меня. Прибор поставили; еще букет свежих роз, которые, кажется были даже еще лучше, чем другие. Завтрак был великолепный. Оркестр играл чудные вещи и совсем не громко, а как-то мягко и грустно. Настроение у всех стало еще лучше. И, когда мужчины предложили после завтрака ехать на тройках к «замку коварства и любви», я сразу согласилась. Мы ехали на двух тройках. Экипажи удобные, а лошади так мчались по ровной степи, что дух захватывало. Но когда приехали к замку, то я совершенно разочаровалась! *Никакого* замка там и не было. Стояло низкое длинное здание, а на нем надпись «Ресторан». Рядом еще какие-то домишки, еще попроще! Не только не было нигде никакого замка, но даже и кабачок, заменявший его, был из плохеньких.

Подошел какой-то человек и предложил, не хотим ли мы подняться на гору и посмотреть, где жила царица Тамара? «Конечно, хотим! Идемте!» Пошли… Но, когда увидели, куда он нас ведет, сразу отказались от этого удовольствия. Никакой лестницы и даже ничего, напоминающего ее, нигде не было! Надо было, держась за веревку, взбираться внутри узкой щели между двумя скалами, упираясь спиной в одну из них и переступая мелкими шагами по противоположной. Никто, конечно, не захотел продолжать эту безобразную гимнастику, и все решительно отказались и от коварства, и от любви! Мы походили, где можно было пройти свободно, и

вернулись к нашим экипажам. Мужчины предложили зайти в ресторан, где готовят только кавказский шашлык и пьют настоящее вино. Но и это никого не соблазнило.

– Я предлагаю чай в беседке, – сказал Александр Павлович. Согласились на это, чтобы закончить нашу поездку к замку. Пошли в самую дальнюю беседку. Туда нам подали самовар и лимонад. Попили лимонаду, чая никто не хотел, жарко было, и поехали обратно в город. Приехали к парку. Я поблагодарила за поездку и стала прощаться со всеми.

– Куда вы уходите от нас? Мы еще обедать будем! – заявили мужчины.

– Спасибо. Я должна сделать визит одной даме.

– Какой теперь визит? Вечер на дворе, никого не застанете дома…

– Все равно, я должна непременно быть сегодня у нее.

– Послушайте, господа, у меня явилась прекрасная идея! Только, прошу вас, давайте сядем на скамейку, и я изложу ее вам, – сказал Сергей Сергеевич. – Я хочу предложить устроить пикник, – сказал он, когда мы уселись в парке. – Поедем к Синим камням. Это далеко в ущелье, чудесное место, сосновый лес, речка. Возьмем повара, палатки. Я угощу дам охотничьим гуляшом. Поедем с ночевкой, посмотрим закат солнца и восход. – Он замолчал, выжидая, что ему возразят. – Место я знаю хорошо. Каждый год езжу туда. И повар у меня отличный. Для дам будет отдельная палатка, и для мужчин тоже.

Первая ответила Маня:

– Я думаю, это великолепно. Я никогда еще не была на Синих камнях. Да и ты, Нина, тоже?

– Нет, я не была там. Мне кажется, что поездка будет очень интересной. Поедем, конечно!

– Для вас, Тина Дмитриевна, у меня есть отличный полушубок. Чтобы вы не простудились, мы вас вечером в него закутаем. – И, не дожидаясь моего ответа, он уже решил, что я тоже еду с ними.

– Но я не могу, спасибо. Я не поеду с ночевкой.

– Что вы! Как можно расстраивать компанию? Я только для вас и устраивал эту поездку!

– Как? Только для нее? – сразу раздалось со всех сторон.

– То есть для всех вас, дам, – поправился он поспешно.

– Ты, Тина, тоже едешь! Решено, что все мы едем на пикник! – заявила Маня.

– Теперь нужно решить, когда! – сказал Александр Павлович.

– Ну, это решайте вы, мужчины. Мы готовы ехать в любой день, – снова сказала за всех Маня.

– Хорошо. Для подготовки всего необходимого для пикника нужно не больше двух дней. Как только все будет готово, мы сообщим вам.

Все согласились. Хотя я и не давала своего прямого согласия, но все решили, что я согласна и еду с ними. Я попрощалась, вышла из парка, взяла извозчика и сказала адрес, куда ехать. Старый казак повернулся ко мне:

– Пожалуй, сегодня можно проехать. Дождя не было. Но если после дождя, так туда совсем нету проезда. А вы что, дачу хотите у Евсеихи снять?

– А разве ты ее знаешь?

– Я ее? Как же, знаю.

– Нет, я хочу только повидать ее и познакомиться с ней. Ее сын, доктор, служит вместе с моим мужем на фронте.

– Знаю и его, очень хорошо. Выросли ведь здесь. Отец-то его был у нас войсковым писарем. Умер теперь. А мать, старательная женщина, собирала грошики и учила сыновей-то. Еще один у нее был, горбатенький. Да повесился. Пил он шибко! А умный был; учился в Петрограде. А летом вернулся домой и повесился… А вот и имение Евсеихи.

Я расплатилась с извозчиком и вошла в калитку. На длинном и узком дворе стояли три маленьких домика. К домикам вели, извиваясь, цементные дорожки. А между дорожками и домиками всюду было много фруктовых деревьев и цветов. Деревья еще молодые, но от тяжести плодов их ветки склонялись почти до земли, и все были подперты палками и досками. Я залюбовалась этим игрушечным садом, где каждый кусочек земли был использован! Даже под деревьями были посажены цветы. Я так долго стояла и смотрела, что не заметила, как подошла какая-то женщина и спросила:

– Вам что? Не квартирку ли нужно?

– Ах, тут так красиво! Точно в сказке! Нет. Квартиры мне не нужно, а я хочу видеть г-жу Евсееву.

– А я же и буду Евсеева! – сказала женщина.

– Да? Здравствуйте! А я жена доктора Семина, вместе с которым служит ваш сын.

Женщина сразу вся просветлела! Она до такой степени обрадовалась, что не знала, что и сказать.

– Ах ты господи боже мой! Да пожалуйте в комнаты! Вот, как я рада! Сашенька писал мне, что вы здесь и можете прийти ко мне познакомиться! «Жена, – говорит, – моего начальника живет в Пятигорске». Но адреса не написал. А то бы я давно сама съездила к вам познакомиться. Рада очень видеть вас! – она опять взяла мою руку и стала трясти ее.

Евсеева была еще не очень старая женщина. Но тяжелая физическая работа и плохая одежда делали ее старухой. На ней было ситцевое платье и грязный фартук. Волосы чуть с проседью, непричесанные. А руки у ней были, как у мужика, большие и грубые, точно она всю жизнь пахала землю и рубила дрова.

– Вот как я рада, что вы зашли ко мне, – усаживая меня на стул, снова говорит она. – Сашенька-то у меня единственный сынок. Был еще один, да помер. Пишет он, что очень доволен службой. И муж ваш ему нравится. Дай-то бог, чтобы и Сашенька мой ему понравился тоже. Он хороший мальчик! Тихий, добрый! Только одна беда, запойный он у меня! Пока не пьет – золотой! А как найдет на него этот запой – образ человеческий теряет!.. Когда он дома живет, так я его запираю на эти дни. А вот кто там за ним приглядит?!

Я чуть не упала в обморок от ее слов! Это настоящее несчастье!.. Воображаю, что они там вдвоем натворят!! Один пьет запоем! А другой – каждый день, хотя и незапойный!.. Я потеряла дар речи, совершенно не могла говорить! Даже эта старуха стала мне сразу противна! И ее сад потерял всякую прелесть в моих глазах!.. Когда я уходила, я больше им не

любовалась. Старуха пыталась объяснять мне сорта и названия абрикосов, слив и груш, но я ее совсем не слушала и только спешила уйти скорее от нее. Все было заслонено для меня этим страшным словом «алкоголик»! Да еще и запойный! Бедный мой Ваня! Рок преследует его!.. Столько времени не было помощника! И вот прислали наконец… запойного пьяницу!.. Его надо было посадить в сумасшедший дом, а не на войну посылать! Чем он может быть полезен армии? Теперь для Вани спасения нет! Сопьется окончательно!.. Я поторопилась проститься, обещая, что еще зайду перед отъездом. Но в душе уже решила, что ни за что не хочу видеть больше эту женщину! Нарожала алкоголиков и запойных пьяниц! Да еще расхваливает их! Теперь и она сама, и ее сын казались мне злейшими моими врагами… Я просто ненавидела их обоих и боялась их… Точно они замышляют погубить и Ваню, и меня!..

Она показала, как пройти к вокзалу по кратчайшей дороге: мимо дворца эмира Бухарского и затем по тропинке уже прямо к вокзалу. Там стоял поезд, готовый отойти в Пятигорск. Я села и через несколько минут была в Пятигорске. Взяла извозчика и хотела ехать домой. Но когда извозчик выехал на главную улицу, я почувствовала, что просто боюсь очутиться сейчас в одиночестве. Решила послушать музыку и постараться забыть все хоть на время. Первый раз я ехала вечером одна в цветник. Подъехав к входу в него, я услышала чудную музыку струнного оркестра. Парк был полон веселой, нарядной толпой. Меня сразу захватило ее настроение, и я как-то сразу же забыла и старуху, и ее сына. Кажется, я первый раз в жизни почувствовала себя действительно молодой. Так все здесь показалось мне красиво и радостно! Я шла, как-то особенно

легко ступая. Я чувствовала, что я молода, хорошо одета, и что все на меня смотрят и, может быть, даже любуются мною… Нежная музыка, слегка опьяняющий запах цветов и духов, сдержанный нервный смех, возгласы, говорящие больше, чем слова, и слова более выразительные, чем их смысл, делали вечер каким-то волшебным… Я шла куда-то, не имея никакой цели, хотелось только быть среди людей… Сама того не замечая, я свернула в боковую аллею. Тут было гораздо меньше света, но музыку слышно так же хорошо. На всех скамейках сидело по несколько человек. У скамеек виднелись костыли сидевших там раненых. Отовсюду несся оживленный разговор и смех. Я хотела уже вернуться опять на главную аллею, но услышала знакомый смех, и сейчас же кто-то позвал меня:

– Тина! Иди сюда, мы здесь! – Я пошла на зов и увидела большую группу людей. На двух скамейках, сдвинутых вместе, сидели несколько офицеров и мои подруги.

– Господа! Кто не знаком, знакомьтесь сами! – объявила Маня. Мужчины встали и поздоровались. Другие представились. Некоторых я уже знала по работам в Лермонтовской галерее.

– Ты каким образом очутилась здесь? Мы были уверены, что ты в Кисловодске останешься ночевать, – сказала Нина.

– Раздумала. Может быть, от Вани есть письмо? Вот и приехала.

– Не знаю! Мы дома не были.

Все офицеры были ранены и присланы в Пятигорск для общей поправки. Один ходил еще с палкой. Двое с

костылями, некоторые были из Осетинского полка[25], а один – драгун, заявивший, что ему надоело сидеть без дела. «Хочется в свой эскадрон – сесть на коня и опять гоняться за немцами».

– Ну, расскажите что-нибудь из ваших боевых похождений! – попросила Маня.

– Что расскажешь? Я плохой рассказчик. Вот ротмистр Цугаев – мастер рассказывать!

– Но извините. Сегодня ваша очередь, ротмистр Олегин. Я вчера рассказывал! – заявил Цугаев. – Да, кроме того, ваша дивизия ведь с первых дней войны попала на фронт. Вы, значит, больше нас видели…

– Ну, ладно. Вот какой был у нас однажды случай с немцами: в сражении под Лодзью отбили мы у них тяжелые пушки. Их было четыре. Ну, взять-то у немцев мы их взяли, а вывезти в тыл не можем! Во-первых, они страшно тяжелые, а их передки во время нашей атаки бежали! Значит, надо как-то выкатывать их. А немцы с ближайших позиций держат весь этот участок под сильнейшим артиллерийским огнем! Эскадрон, взявший пушки, охраняет их, но увезти не может. И все время несет ненужные потери. А тут еще пришло донесение, что подходит наша пехота и займет этот участок, а что мы должны отойти в резерв. Наш командир полка приказал оставить при пушках офицерский караул из желающих, с тем чтобы вывезти их, когда бои кончатся. Вызвали добровольцев охранять пушки. Желающих было

---

[25] Очевидно, имеется в виду Осетинский конный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии.

больше, чем нужно. Командовать ими был назначен тоже доброволец, корнет Басов, и охрана расположилась насколько возможно укрыто впереди батареи. Потери они начали нести сразу, и одним из первых был убит корнет Басов. Его место тотчас же занял другой молодой офицер. Но и он тоже был убит почти сейчас же. Готов был вступить в командование и третий. Но это запретили, и вся охрана была отведена в более укрытое место.

– А что же сталось с вашими тяжелыми пушками? – спросили мы все.

– Потом, когда немцев оттеснили дальше, мы вывезли две пушки, а другие две отдали пехоте, бывшей рядом с нами. За первые месяцы войны наша дивизия отправила в тыл целый вагон немецких касок и разного кавалерийского оружия. Но вот никто не выносит немецких аэропланов; ни наши драгуны, ни пехота. Был еще один трагический, но и довольно забавный случай. Их было вообще много, но я расскажу только про один, чтобы не утомлять дам. В самом начале войны прислали в наш район аэроплан и с ним летчика-француза. Стояли мы тогда около одного местечка, а штаб наш был в самом местечке. Аэроплан охраняли солдаты. И вот француза послали сделать разведку. Все, конечно, вышли посмотреть, как француз полетит. Это было еще тогда ново. Пока он летел низко над местечком, все с интересом наблюдали за ним. Но, когда аэроплан стал набирать по кругу высоту, чуть не все солдаты, у кого только была винтовка в руках, открыли стрельбу по французу… И сбили его! Мало того! Когда он очень счастливо сел на землю довольно далеко от местечка, так его чуть не убили наши же солдаты! Прискакал драгун в штаб и докладывает, что немецкий аэроплан сбили, а летчика солдаты бьют.

Начальник штаба, полковник Левандовский, как был, выскочил из комнаты, сел на первую попавшуюся лошадь и, к счастью, доскакал вовремя и спас француза от расправы солдат. Картина была драматическая… Француз по-русски ни слова. Естественно, был в бешенстве! А чем он больше злился и по-своему ругался, тем солдаты были больше уверены, что делают святое дело. Когда полковник Левандовский растолкал толпу солдат и ворвался в круг, то француз уже был в самом жалком виде…

– Что же с солдатами сделали? – спросили мы.

– Конечно, ничего! Что можно было сделать! Потом сами они переполнились жалостью к нему и своей виновностью: «Кто ж его знает! Лопочет не по-нашенскому, не разберешь ведь его! Немец как будто? Они каждый день над нами летают…»

Мы так заслушались рассказчика, что не обратили внимания, что уже поздно. Оркестр кончил играть и ушел. Столики освободились. Аллеи опустели. Мы попрощались, взяли извозчика и поехали домой.

– Какие все интересные люди! И как интересно все рассказывают! – делились впечатлениями мои спутницы.

– Сегодня еще почему-то не было Кашукова. Вот рассказчик! Прямо душка! Мы тебя завтра с ним познакомим. Он одного полка с Цугаевым.

– Я не пойду больше вечером в цветник. Муж на войне, а я буду ходить и развлекаться!

– Не говори глупостей. Оттого, что ты будешь сидеть дома и лить слезы, война не прекратится. И мужу твоему не будет от этого лучше на фронте.

И вот на другое утро я опять была в цветнике, нарядная и беспечная… Пришла наша полька, и мы все отправились завтракать, а после завтрака пошли шить маски. Мы с полькой так навострились в этом, что шьем скорее всех из наших знакомых дам. Кругом, куда ни посмотришь, в тени и на солнце сидят выздоравливающие раненые. Многие лежат на носилках или в креслах. Сестры милосердия ходят между ними. Кому дают лекарство, кому – молоко с печеньем, кому – просто воду. В три часа, когда закрылась галерея и работы прекратились, мы поехали на Лермонтовскую гору, а оттуда на «Провал». Потом вернулись домой, отдохнули немного, переоделись и опять поехали на музыку в цветник. У самого входа в него стоял Цугаев. Увидев нас, он очень обрадовался. Мы с ним прошлись немного. Кто-то со скамейки крикнул:

– Добрый вечер! Пожалуйте сюда! Здесь есть место посидеть.

Мы подошли, и я опять увидела новое лицо. Это был офицер, молодой еще и очень красивый. Он хотел привстать, чтобы поздороваться с нами, но все накинулись на него:

– Сидите! Сидите! – У него одна нога была вытянута и лежала на костыле. Все подходили сами к нему здороваться.

– Как вы себя чувствуете? Почему вчера не были в цветнике? – спрашивали мои приятельницы. – Нездоровилось вам?

– О, пустяки, немного поднялась температура, и доктор не пустил. Вот и все. И совершенно напрасно не пустил! Я сегодня, когда встал с постели, чувствовал себя так, точно опять неделю пролежал в постели. Но сейчас – отлично!

Мы сели и, конечно, сразу же стали перебирать по косточкам каждого проходившего мимо нас. Потом попросили штабс-ротмистра рассказать что-нибудь. В это время мимо нас шел какой-то раненый офицер и приветливо поздоровался с нашими мужчинами. Он шел, опираясь, с одной стороны, на костыль, а с другой – на руку молодой дамы. Когда они прошли, наш новый знакомый сказал:

– Вот мы с ним одновременно были ранены. Это его невеста приехала повидаться с ним. Болтались как-то мы вокруг немцев и порядочно отравляли им жизнь. То подойдем так близко к их окопам, что они взбудоражатся и откроют по нам отчаянный огонь. То заберемся к ним в тыл, порубим и пожжем обозы. Словом, всячески мешали немцам жить спокойно. И вот однажды, неожиданно, вылетел из леса на нас немецкий эскадрон! Лошади у них громадные – во! – Он широко разводит во всю длину обе руки. – И в карьер на нас! Ну… Мы, натурально, повернулись к ним хвостами и тоже в карьер от них!.. Однако куда там! Наши лошади – во! – И он снова разводит руки, но не больше, чем на пол-аршина одна от другой… – Скачем! Через несколько минут у наших лошадей языки наружу: во! – Он опять разводит обе руки, но шире, чем когда показывал рост своих лошадей. – Ну, думаем, пропали!.. Не уйти от немца! Нечего делать! Надо спасаться!.. Поворачиваем коней и карьером на немцев! В шашки! А немцы… «Кругом марш» и… к нам хвостами, и больше чем карьером… Ушли-таки от нас… Кроме тех, конечно, которые… не ушли…

– Вы в тот раз и были ранены? – спросила я.

– О, нет. Это случилось спустя некоторое время. На этот раз немцы загнали нас в болото и открыли по нам бешеный

огонь, а лошади завязли в топи. Тогда много было раненых и людей, и лошадей.

– Князь! Пожалуйте сюда! – закричал Цугаев, увидев в толпе вчерашнего драгуна Олегина. Мы потеснились и дали место и ему.

– Вам, кавалеристам, воевать легче, чем пехотинцам. Вас лошади возят, а тем нужно собственными ногами месить грязь, – сказала Нина.

– Ну, знаете, когда как! Другой раз мотаешься целый день; десять верст в одну сторону, двадцать пять – в другую! Да под дождем! Весь мокрый, лошадь мокрая! Даже в сапогах вода! А ночь? Где она застанет полк, там и ночуем. Иной раз намотаешь повод коня на руку и ложишься прямо в грязь, под ноги лошади. Обыкновенно от каждого полка в нашей дивизии вечером посылается офицер в штаб дивизии получать распоряжения на следующий день. Каждый молодой офицер, несмотря на понятную усталость после целого дня в седле, на разведке, а то и в бою, рад был случаю проехать в штаб за распоряжениями. Приедешь в штаб, который помещается тоже в какой-нибудь халупе, с керосиновой подслеповатой лампочкой. А там всегда почти сухо и тепло. Начальник штаба, полковник Левандовский, всегда завален работой выше головы. В нашем кавалерийском корпусе было восемь полков да конная артиллерия. Половина полков гвардейские, а одним из них вдобавок командовал великий князь – кузен царя. Каждому полку нужно указать все: где ночевать, где выставить сторожевое охранение, куда идти завтра утром и что делать. Пока он не продиктует нам весь этот длинный и сложный приказ, мы у него на шее. Иногда среди диктовки он засыпает, а мы, когда

напишем фразу, которую он нам продиктовал, будим его: «Господин полковник, мы уже записали, что дальше?» Он, не открывая глаз, продолжает диктовать нам дальше. Потом вдруг вскочит и говорит: «Господа офицеры, давайте пить чай!» Ну, тут вестовые приносят стаканы горячего чая, которого, по правде сказать, мы выпивали бесконечное число стаканов. Да! Хорошо было ездить за приказаниями в штаб! Во-первых, высушились, во-вторых, согрелись и попили чаю. И, наконец, привезли в полк последние новости и приказ. Но, как только выйдешь на двор, снова охватывает сырость и, не успеешь доехать до полка, опять весь мокрый. Пехота живет спокойнее. Пока нет атаки, сидит себе в окопе. Правда, под ногами вода, но голову можно накрыть какой-нибудь рогожкой, да и прикорнуть где-нибудь в темном углу, пока нет тревоги. А у нас – всегда смотри за лошадью – ее не бросишь. Поэтому-то, даже когда усталость и сон совсем одолевают, приходится ложиться у нее прямо под ногами. Один раз наш корпус три дня гоняли десятки верст по полям в дождь и снег! Все – лошади, люди, офицеры и штаб корпуса, словом, весь корпус – промокли до костей и оголодали до полного истощения. И вот наконец получили давно жданный приказ расходиться по указанным вблизи селениям для «приведения полков в порядок». Значит, отдых наконец! И не на несколько часов, и не где и как попало, а, может быть, на три-четыре дня! И по домам и сараям!! Можно наконец обсушиться и отчиститься от грязи и мокроты!.. Полки разошлись по своим стоянкам и стали устраиваться, как могли... А вслед за полками уже скакали ординарцы с приказом, что все офицеры приглашаются к польскому помещику на торжественный обед в его замок. Штаб наш находился уже там. Почистились, как могли, и

поехали. Темно! Хоть глаз выколи! Дождь льет еще сильнее, чем днем. Найти дорогу в полной темноте и под проливным дождем было не так легко, но все же мы попали к пану. Но тут попали в новую переделку! На огромном дворе стояли коновязи Туркменского конного дивизиона. Трудно себе представить более благородное и великолепное животное. Но еще труднее подойти к нему! Все они – совершенно бешеные жеребцы невероятно злобного характера. Они признают только своего хозяина, с которым выросли. Редкий туркмен сядет на чужого коня. Каждый ставит своего совершенно отдельно от других и привязывает его голову и заднюю ногу к кольцам железных кольев, вбитых крепко в землю. Как только мы въехали во двор, эти лошади-звери стали визжать и лязгать цепями. Наконец мы устроили наших лошадей и смогли пройти в дом. Приходим, а там свет, тепло! Заглянули в огромную столовую – так и ахнули! Громадный стол был накрыт на всех офицеров. Роскошная сервировка! Лучшие вина! А с нас течет вода. Нам предложили переодеться и отвели даже комнаты для ночлега. Мы спросили старого камердинера, где наши старшие начальники: генерал Шарпантье и полковник Левандовский. Они оба оказались в ваннах. Ну, значит, все благополучно! И мы разошлись по комнатам и стали приводить себя в порядок. Старый пан прислал нам белье, халаты, теплые туфли. Нашу одежду и обувь взяли сушить. Блаженство, да и только! И мы все теперь только думали, как бы поскорее добраться к столу. И даже немного трунили над нашим начальством, что долго плещутся в ваннах. Вдруг стук в двери и голос вахмистра: «Ваше высокоблагородие! Где начальник штаба? Телефонограмма получена!» Понимаете! Сердце так и упало! Неужели немцы? Неужели опять

надевать мокрую амуницию?! Открываю дверь. Вахмистр стоит мокрый, грязный, под ногами лужа грязной воды. Подходит старый пан и спрашивает, в чем дело. Я говорю, что сам еще не знаю и что надо передать телеграмму начальнику штаба. «Идемте, я вам покажу его комнату», – говорит пан. Приходим. Я стучу в дверь – никакого ответа. Открываю дверь, вижу: великолепная комната, прямо царская кровать, а на кровати лежит приготовленное, уже вычищенное, платье полковника. А полковника Левандовского все же нет и в этой комнате. Стучу в ванную. Тишина. Открываю дверь (не забудьте, что ведь война) и вижу полковника мирно спящим в ванне! Разбудил и передал телефонограмму. Он тут же ее распечатал прочел и сказал: «Приказано немедленно выступать и быть к утру в “А”! Там получим важную задачу!.. Соберите офицеров-ординарцев в мою комнату, чтобы записать приказания».

– Бедные! – пожалела Нина. – Быть у пирога и уйти от него голодными!

– Ну, положим, от пирога-то мы голодными не ушли! Так пообедали и выпили у пана, пока нам подавали лошадей (часа через два), что и теперь всегда вспоминаем этот пир, хотя замок давно-давно уже сгорел, а пан где-нибудь в плену у немцев… И потом, знаете, походная жизнь затягивает! Мне вот надоело жить здесь! Тянет в полк, где все близко, все ясно и все дорого! Хорошо бы теперь пойти с разъездом. Чувствуешь, что и ты сам, и твой конь, и все драгуны с их лошадьми, все что-то одно целое, напряженное, как натянутая струна… Знаешь, что идешь на какую-то близкую опасность, но не боишься ее, а только хочешь быть в ней первым, быть хозяином в том столкновении, которое может произойти каждую минуту. До чего развивается звериное

чутье, что слышишь другой раз за полверсты приближение человека.

– Хотелось бы здесь, на Кавказе, остаться воевать! Свои, родные, знакомые места, – с грустью сказал Цугаев.

Все замолчали. Гуляющих на аллее стало меньше. Пора домой. Мы встали, попрощались и пошли к выходу…

На другой день, только мы встали, оделись и не успели еще уйти из дому, как приехал к нам Александр Павлович приглашать на завтра ехать на пикник.

– Все готово! Все мельчайшие мелочи, кажется, предусмотрены. Сбор – в Кисловодске на вокзале в 11 часов утра.

– Так рано? Да мы еще спать будем в это время! – сказала Нина.

– Как же быть? Все распоряжения уже сделаны! Милые дамы! Один раз постарайтесь встать пораньше! Утро такое прекрасное. Ехать по холодку будет так хорошо!

– Хорошо. Я их разбужу чуть свет! И в одиннадцать часов мы будем на вокзале в Кисловодске, – решительно заявила Маня. Так программа и осталась без изменения.

Когда на следующее утро мы приехали в Кисловодск, наши кавалеры встретили нас на вокзале. Они были в элегантных охотничьих костюмах. Мы уселись на линейку, запряженную тройкой, и поехали. Сначала ехали по парку, потом мимо Красных камней и, наконец, выехали на открытую, хотя и довольно волнистую равнину с видом на далекие горы, покрытые лесом.

– Вот, мы едем туда, к этим горам, – сказал Сергей Сергеевич.

А через час мы были уже на месте, у входа в замкнутую горную долину. Она была почти окружена высокими крутыми холмами, у подножия которых, на большой поляне, были разбиты две палатки и большой навес, под которым стоял накрытый стол. Тут же, недалеко, текла речка, через которую были положены бревна для перехода на другую сторону. Когда линейка остановилась, Александр Павлович показал нам нашу палатку. В ней стояли три походные кровати с одеялами и подушками. С потолка свешивался фонарик с лампой. На стене висело зеркало.

– Вот как шикарно! – сказала Маня. В это время заиграл рожок…

– Что это такое? – спросили мы все в один голос.

– Тревога! Немцы наступают на нас, – говорит Маня, – а может быть, медведь!

– Нет, для боевой тревоги эти звуки слишком нежны, – сказала я.

– Ну, ты ведь у нас боевая дама! Нужно считаться с твоим авторитетом, – насмешливо сказала Нина.

– Дамы! Завтрак готов. Мы ждем вас! – позвал кто-то из мужчин из-за палатки.

– Так это они нас дудкой-то вызывали к столу! – говорит Маня.

– Конечно! Я сразу догадалась! – ответила Нина.

Мы вышли и пошли в столовую – под навес. Повар в белом колпаке стал раскладывать по тарелкам «гуляш», который мне совсем не понравился, но хозяева очень его хвалили. После обеда все собрались подниматься на гору

смотреть пещеру, в которой когда-то какой-то разбойник кого-то убил. Я сразу же отказалась от этой экскурсии.

– Я буду сидеть здесь и смотреть на ваши гимнастические упражнения.

Пошли все, кроме меня. Маня захватила с собой плед.

– Я в него завернусь и скачусь прямо тебе под ноги, – сказала она.

Как только все они перешли речку, Сергей Сергеевич вернулся обратно.

– Я не могу оставить вас в одиночестве!

– Напрасно! Вы лишаете себя удовольствия! Мне же здесь хорошо. Я буду отсюда наблюдать за подъемом, а больше всего за спуском.

– Да подыматься-то ничего! А спускаться будет трудно! В особенности в дамских туфельках. Я нисколько не лишаю себя удовольствия, что не пошел с ними; я много раз уже поднимался здесь и все достопримечательности пещеры знаю и видел достаточно. А с вами я рад посидеть здесь!

И мы стали наблюдать, как они взбираются, цепляясь за каждый кустик, чтобы не упасть. Наконец они добрались до пещеры и вошли туда. Ненадолго, однако. Уже минут через пять они вышли оттуда и крикнули нам, что все видели:

– Трупы убитых еще лежат здесь, а разбойники прячутся где-то недалеко. Сергей Сергеевич, дайте мне руку и помогите спуститься, – кричит Маня.

Нина и ее спутник стали осторожно спускаться зигзагами по скату горы. Маня постояла, посмотрела, а потом завернулась в плед, легла и покатилась вниз. Чем дальше она катилась, тем все быстрее!.. В несколько секунд она

докатилась до речки, и только какой-то куст не дал ей свалиться в воду!.. Сергей Сергеевич бросился, чтобы помочь ей встать. Когда она встала, вид у нее был ужасный! Весь плед носил следы коровьего пастбища, волосы растрепались, шпильки, гребешки были растеряны по дороге! Но она хохотала, как сумасшедшая!..

– Скорее экспресса спустилась! – хохоча, говорила она.

Нина и Александр Павлович спустились более благополучно, если не считать потерю каблука с новой туфли. Пошли в палатку и стали приводить себя в порядок. Потом решили смотреть закат солнца. Мы немного прошлись по поляне и опять услышали призывной рожок, который уже слышали давеча перед обедом.

– Вот и к ужину зовут! – сказал Сергей Сергеевич.

Мы опять пошли в столовую под навес. Рядом с ним горел костер, и повар что-то жарил на вертеле. Есть не хотелось, но мужчины пили довольно много и подливали в стаканы дамам. После ужина кто-то предложил играть в ловитки. Преглупая игра! Ночью, когда даже и луна светит ярко, бегать по неровному лугу в туфлях на высоких каблуках прямо невозможно! За мной погнался Сергей Сергеевич. Я с детства не выношу, когда за мной гонятся. Меня охватил страх, и я с криком побежала от него!.. Я вбежала в нашу палатку и заперла дверь на крючок. Но Сергей Сергеевич со смехом просунул руку в отверстие и стал снимать крючок. Это было так страшно видеть, что я вонзила все пять ногтей моей руки в его руку и увидела, как из нее сразу брызнула кровь! Рука исчезла в отверстии, а через несколько минут прибежали Маня и Нина, спрашивая меня с тревогой, что случилось.

– Тина, что ты сделала с Сергеем Сергеевичем? У него из руки кровь льет!

Я объяснила им, что совершенно не могу выносить, когда кто-нибудь гонится за мной. Нина пошла и извинилась за меня. Через минуту пришел и Сергей Сергеевич и тоже просил извинить его, что он напугал меня. Эта глупая игра испортила всем нам прекрасный вечер. Рука Сергея Сергеевича болела и была замотана носовым платком. Решено было ехать обратно в Кисловодск. Когда выехали из ущелья, луна была уже высоко. Вечер был прохладный, и Сергей Сергеевич в знак мира укрыл меня своим полушубком. Но, когда мы пришли на вокзал, где было светло, как днем, я увидела, что мой синий костюм стал совершенно белым. Он весь был покрыт белой шерстью, которую потом долгое время никак нельзя было отчистить. Домой мы вернулись поздно. Через несколько дней Сергей Сергеевич приехал приглашать нас на прощальный обед. Он уезжал в Петроград в свое министерство, а Александр Павлович – в свое имение.

Ваня пишет, что в первых числах сентября пришлет несколько человек из команды на Северный Кавказ за покупками для команды. «Посылаю тебе Гайдамакина, чтобы тебе было ехать безопаснее. Мне нужно кое-что сшить. Когда вернешься в Баку, сходи к моему портному, закажи ему все по прилагаемому списку и привези».

Приближалась осень. Вечера стали прохладными, и оставаться долго в цветнике уже нельзя было. И работы по шитью масок прекратились в цветнике и перебрались на зимние квартиры, в галерею. Получила письмо от

Гайдамакина: «Барыня! У нас баринова белья маловато стало. Так что пришлите. Или, может, сами когда привезете?..»

Пора уезжать домой и приготовляться к отъезду на фронт и к работе. Опять надо надевать коричневое платье, фартук и белую косынку на голову. Пошла попрощаться с дамами, с которыми я шила маски. В цветнике пустовато. У раненых, которые сидели на скамейках, лица все новые.

Сегодня уезжаю домой. Нина и Маня остаются еще в Пятигорске. По железной дороге беспрерывной лентой в обе стороны идут эшелоны с солдатами, лошадьми, повозками. И я сразу чувствую опять войну. Пролетевшая летняя комфортабельная жизнь была только временной передышкой и отдыхом от той напряженной и суровой страды войны, от которой я отошла, уступив настояниям Вани. Приехала в Баку. Там жара стоит еще сильнее, чем когда я уезжала. Дома горничная сказала, что Мими пропала.

– На другой день после вашего отъезда она убежала и больше не пришла домой.

Пришел Яша, рассказал все новости:

– У нас новая и очень хорошенькая квартирантка. Муж у нее тоже военный врач. Он уезжает на фронт и поручает мне охрану жены…

Хожу по магазинам. Нужно купить Ване белье, да и себе прибавить кое-что. Неизвестно, когда еще удастся приехать сюда опять… Заказала для него две пары брюк и две суконные рубахи. Через неделю приехала Нина с семейством. Я рада! Дети каждый день приходят повидаться

со мной. Иногда и ночевать остаются у меня. Только маленьких няня берет домой.

Приехал Гайдамакин от Вани. Спрашиваю его, доволен ли муж, что приехал к нему помощник?

– Не могу знать! Ничего не говорят…

Сегодня, совершенно неожиданно, пришла Нина, а с ней офицер Сальянского полка, приехавший в отпуск. Мы обрадовались ему. Думали узнать много обо всех, кого знали, и вообще о войне на Западном фронте. Но он меньше всего хотел говорить обо всем этом.

– Приехал, как полагается по закону, отдохнуть от войны! Думаю, что с месяц проживу здесь. А вы, милые дамы, развлекайте меня, пока я жив! За этим ведь только и приехал! Хочу за этот месяц забыть не только то, что было, но и то, что еще будет! – Владинский был холостяк, и очень элегантный. Это его первый отпуск с объявления войны.

– Владислав Владиславович![26] Что вы знаете об Алексее? – спросила я.

– Собственно, почти ничего! Каким-то образом Алексей остался в окопе, когда полк, а с ним и его рота, отошли от занимаемой нами позиции. Наши окопы заняли немцы, и в них забрали и его! Вот и все!..

Они посидели недолго и ушли к Нине. Несколько дней после этого я никого не видела. Вдруг неожиданно пришли

---

[26] Возможно, мемуаристка ошибается: в 206-м пехотном Сальянском полку был Николай Антонович Владинский (поручик в 1909–1910).

Яша, Нина и Маня и привели с собой новых квартирантов познакомиться. Сам доктор мне понравился. Простой, веселый, но сдержанный. Но жена его – не очень! Кстати и некстати все время вставляет чуть ни в каждую фразу: «у нас в институте», «у нас в Петрограде», «когда папа был губернатором». А во время разговора как-то все поджимает свои тонкие губы, как бы считая недостойным открыть рот в незнакомом доме.

– Как вам нравится наш Баку?

– Мне очень не нравится! – заявила очень решительно докторша.

– А вам, доктор?

– Мне все равно! Я скоро уезжаю на фронт, и меня все это совсем не занимает. Вот чему я рад, это что оставляю семью в вашем доме. И для детей хорошо, и для жены! Я рад, что мы познакомились с Ниной Ивановной и с Яковом Семеновичем. Жаль только, что вы уезжаете!

Доктор был прямо очарователен. Он запросто, без всякого приглашения, наливал себе по очереди из всех бутылок и пил. Да еще и других угощал! Он был высокий и страшно худой. Жена же его – маленькая и довольно полная, без подбородка, с большими глазами и крошечным ротиком.

– Тина Дмитриевна, спасибо за радушный прием! Будем знакомы, как хорошие друзья, – сказал доктор на прощанье.

Сегодня Нина звонила по телефону и передала приглашение Владинского на ужин:

– Он заедет сам к тебе, но просил предупредить тебя, чтобы ты не приняла какое-нибудь другое приглашение. Ужин будет у «Яра».

В день ужина Нина пришла и спросила меня, какое я надену платье.

– Право, не знаю еще.

– А как ты думаешь, что надеть? Этот ужин Владинский устраивает специально для нас.

– Кто тебе сказал это? Он сам?

– Ну, пойми! Мы ведь дамы его полка. А что ему за интерес приглашать, например, Маню, которую он совсем не знает!

– Разве она не будет на ужине?

– Я думаю, что она, конечно, будет там. Но мы для него все же представляем, конечно, больший интерес, чем она! Он говорил мне, что я красива, как роза в полном расцвете перед увяданием.

– Слушай! Надевай то, что тебе больше всего хочется! И предоставь и мне такую же свободу. Это будет интересно для нас обеих.

– Хорошо! Будь готова к девяти. Он за нами заедет.

К девяти часам я была готова. Сама не знаю почему, я надела черное кружевное платье. Оно было единственным черным платьем в моем гардеробе. До войны я терпеть не могла черных платьев. Но иногда приходилось бывать на официальных и обязательных обедах, на которые трудно было найти что-нибудь более удобное. Еще слава богу, что мы жили в городе в своем доме и были сравнительно свободны. Офицеры же, которые жили в казенных квартирах, при казармах полка и на глазах командира полка, обязательно должны были бывать каждую субботу в полковом собрании. Сам командир полка любил играть в

карты, но очень заботился, чтобы всем было весело. В течение вечера он несколько раз выходил в танцевальный зал и смотрел, как молодежь веселится, кто танцует и кого нет в зале. Молодые офицеры поэтому приходили в собрание как на повинность. Пока командир играл в карты, они сидели преимущественно в буфете, предварительно выставив «сторожевое охранение». Как только специальные наблюдатели дадут знать, что командир полка идет в зал, все офицеры выходят из буфетной и из всех дверей входят в танцевальный зал. Он подходит к одному из штабс-капитанов и спрашивает:

– Штабс-капитан Корешков, отчего вы не танцуете? Где ваша супруга?

– Господин полковник, она в баню пошла. Наша очередь пришлась как раз сегодня.

Так как эта оговорка приводилась очень часто, то командир отменил баню для офицеров по субботам. Но когда в полк приезжал кто-нибудь из высшего начальства, то всегда устраивали обед или ужин, и непременно с дамами и с танцами.

– Доктор Семин, я непременно отдам приказ, чтобы все чины полка жили в поселке, – говорил полковник моему мужу. – Что за вольность? Живут в городе! Не желают являться в собрание! Зал всегда пустой. Оркестр играет, а танцующих две пары.

Поселок Сальянского полка стоял за городом. Это был настоящий городок! Все здания каменные, двухэтажные. Площадь, на которой стоит полковая церковь, широкие улицы; собственная баня для солдат и для офицеров и их семейств. Великолепное полковое собрание с буфетом и

столовой, которая вмещала не только своих офицеров, но и сотню гостей.

– Нет! Право, нужно, чтобы все офицеры жили на моих глазах! А то я не знаю, что делают мои подчиненные, которые живут в городе. Может быть, они пооткрывали лавочки и торгуют мелочью?

Сам он никогда не пропускал ни одной субботы. А в понедельник в приказе непременно будет написано, что «В субботу вечер был очень оживлен, много танцевали, и ужин прошел весело. Но командир полка не видел в собрании поручика В-го!» И т. д.

Когда муж перевелся в Сальянский полк, его предупредили, что для нас обоих обязательно бывать по субботам в собрании полка. Но за дальностью расстояния я постепенно стала изменять этому обычаю и приезжала только на большие официальные обеды. И командир полка не приставал к мужу, зная, что трудно справиться с медициной. Старший же брат обязан был бывать каждую субботу. Но он всегда бывал там один.

– Вы что, опять один? А где Нина Ивановна? – спрашивал командир полка.

– Не может, господин полковник. Ожидает прибавления семейства.

Проходит несколько месяцев.

– А вы опять один! Когда же наконец привезете жену? – снова спрашивает командир.

– Господин полковник, как только поправится!

– Читал в приказе, опять девочка! Ну что же, поздравляю.

В десятом часу пришла за мной Нина и Владинский. Я была готова. Мы вышли, сели в поджидавший нас фаэтон и поехали в ресторан «Яр», который был совсем недалеко от нашего дома. Этот ресторан был самый лучший в городе; кухня, напитки, обстановка и кабаре были великолепны. Как только фаэтон остановился, Владинский соскочил, помог нам выйти. Мы вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Нас перегнал метрдотель, распахнув перед нами дверь. В комнате стоял накрытый стол, маленький диванчик, кресла в разных углах и еще одна дверь, которую нам показал Владинский:

– Эта комната для вас, дамы. – Там был туалетный столик, зеркало, стул и тоже небольшой диван. Мы разделись. Нина оказалась в атласном, малинового цвета, платье, которое к ней очень шло. Оно было драпировано так искусно, что когда она садилась или шла, то нога открывалась до колена. Верхняя половина платья с большим вырезом спереди и сзади.

– Как хорошо, что ты надела это платье, я так люблю его, – сказала я, но вдруг невольно замолчала. На шее у нее была прелестная подвеска, которую я видела в первый раз. На тонкой платиновой цепочке висели три подвеска, один подлиннее, а два, по бокам, покороче. Каждый подвесок состоял из трех бриллиантов, одного большого, больше, чем большая горошина, и двух поменьше. Девять бриллиантов на платиновой цепочке! На нежной коже, обрамленной малиновым атласом, эта драгоценность выглядела и очень красивой, и очень дорогой. И Нина была необыкновенно эффектна и очень привлекательна!

– Откуда у тебя такая прекрасная вещь? Я первый раз вижу ее на тебе.

Она прижала к губам палец в знак молчания, хотя дверь в соседнюю комнату была плотно закрыта.

– Я это выиграла на пари… – она показала на запертую дверь.

– Он проиграл это тебе?! Как это могло случиться?!

– Да очень просто! Как-то мы с ним обедали в ресторане, поспорили, и он проиграл пари. Вот купил эту вещь и преподнес ее мне на память.

Я смотрела на нее в недоумении. Мы молчали…

– Что ты смотришь на меня так, точно я его ограбила и собираюсь теперь убить! – не выдержав моего взгляда, сказала она.

– Не знаю, что ты дальше собираешься сделать с ним. Но я чувствую, что ты его ограбила! Это-то уж верно!.. Откуда у него взялись такие деньги? Он человек небогатый, это мы знаем, всегда жил только на жалованье.

– Он сказал мне, что накопил много денег за это время. Он первый раз взял отпуск, а жалованье все время получал большое. Но довольно об этом! Пожалуйста! Ты всегда готова испортить мне настроение, – вдруг обиделась она. – Идем! Ведь он ждет нас.

Мы вышли. Владинский сидел на диване, повесив голову; вид у него был грустный.

– Простите, мы вас заставили ждать! А вы, кажется, заскучали или задремали?

– Нет, не задремал, а заскучал. Вспомнил, что опять нужно возвращаться на фронт. И лезть в окопы. Опять атаки,

смерти, ранения… – Он быстро встал, взял руку Нины и поднес ее к губам. – Но сегодня хорошо! Я счастлив! А что будет потом, не стоит говорить… Прошу! – Он пододвинул стул. Нина села. Потом подошел с другой стороны и так же усадил меня.

– Что прикажете, милые дамы? Вот чудная русская водка, холодная, как лед, рябиновка, зубровка… За Россию будем пить! За армию! Значит, надо водки! – наливая, говорил он.

Стол весь утопает в цветах. Лакей подает все новые кушанья и все новые бутылки. Когда он открывает дверь, чтобы войти, снизу, из общего зала, доносятся музыка и пение. Владинский придвинул свой стул совсем близко к Нине и целует ее руки все выше и выше. Сначала она сопротивлялась и не позволяла.

– Выше позволенного места целовать нельзя! – говорила она.

Но Владинский не соглашался:

– А я хочу вот здесь! – показывал он выше локтя и целовал…

– Владислав Владиславович! Вы, кажется, забыли о моем присутствии?! – возмутилась наконец я.

– А что? Разве я позволил себе что-нибудь неприличное? – и он брал мою руку и тоже целовал ее.

Создалось какое-то странное настроение. Точно время остановилось в нашей комнате, где сидели мы трое, забыв все, что творилось за этими стенами. Где-то стреляли. И от каждого выстрела падали и умирали такие же молодые люди, как и этот вот, временно получивший отсрочку… Владинский встал на колени перед Ниной и стал целовать у

нее туфлю. Нина резко поднялась, отошла от него и села на диван. Владинский, не вставая с колен, пополз к ней и стал просить позволения поцеловать ножку. Нина была, видимо, смущена и не знала, что делать… Она встала и сказала:

– Идем домой! Поздно уже!

Но Владинский продолжал умолять хотя бы только об одном поцелуе!

– Уеду! Убьют! И никакого следа не останется от поцелуя! – говорил он. – А я, пока буду жив, буду вспоминать и хранить его в моем сердце!

Владинский сидел на полу около дивана и казался жалким и смешным…

– Мы уезжаем, – повторила Нина.

– Нет, нет! Не уезжайте, прошу! Тина Дмитриевна, побудьте со мной! Мне так грустно. Я не хочу оставаться один. – Он встал, подошел к столу, налил вина и, подняв бокал, сказал: – Мне так хорошо с вами! А если вы уедете домой, я буду чувствовать себя одиноким и несчастным. Уезжать на фронт в таком настроении очень тяжело. Через неделю я уеду в полк. Я чувствую, что больше никогда не вернусь сюда – убьют!

– Бедный вы! – Я его поцеловала с жалостью, по-сестрински. – Мне жаль вас очень. Но не всех же убивают и на фронте. И вы вернетесь живым и здоровым. И мы все опять будем кутить и вспоминать эти страшные и тревожные дни, которые будут уже далеко позади.

– Спасибо, милая Тина Дмитриевна! Хоть вы пожалели меня. Ниночка, пожалейте меня хоть вот так же! – Нина его поцеловала. Он обнял ее за талию, крепко прижал и стал

целовать. Я подошла к дверям и открыла их настежь. Из коридора ворвались звуки музыки, но скоро замолкли. Я постояла, послушала, но музыка не возобновлялась больше.

– Господа! Пора домой, поздно, – сказала я. Мы оделись и вышли на улицу.

– Пойдем пешком, прогуляемся, – предложила я. Но Нина отказалась, говоря, что она терпеть не может ходить, да еще ночью. Мы взяли автомобиль и через пять минут были у моего подъезда.

– Как я не хочу ехать домой! – сказал Владинский. – Поедем на Биби-Эйбат![27] Дождемся там восхода солнца.

Мы согласились. Предрассветная свежесть действовала возбуждающе. Спать не хотелось. Приехали на самую высокую точку над городом. Чудный вид на всю бухту, тишина. Город спит. Остров Нарген чуть виднеется во мгле, быстро тающей перед близким восходом солнца. В гавани видны сотни больших и малых пароходов. Но трубы их не дымят. Вон там, за Черным городом[28], небо уже порозовело. Скоро брызнули из-за моря первые лучи солнца. А еще несколько минут – и показалось и само солнце! Сразу все стало красновато-золотым. Остров Нарген еще несколько минут тому назад был бесформенной массой, а теперь уже отчетливо видны на нем новые бараки.

---

[27] Биби-Эйбат – поселок в Сабаилском районе Баку.

[28] Черный город – название восточных районов Баку, ранее бывших его пригородами, где в конце XIX – начале XX в. сосредоточились предприятия нефтяной промышленности.

– Что это за постройки там, на Наргене? Я первый раз их вижу, – спросил Владинский.

– Там живут пленные турки, – ответила Нина. – Ну, вот и видели восход солнца и спящий город! Теперь едем домой! Я страшно устала и хочу спать.

Приехав домой, мы поблагодарили Владинского и попрощались с ним. Он уехал, а мы поднялись в мою квартиру. Нина осталась у меня и легла на Ванину кровать.

Когда мы легли, я ее спросила:

– Зачем ты ему кружишь голову? Он влюблен в тебя, тратит на тебя деньги, точно на кокотку. И меня еще втягиваешь в это грязное дело! Зачем я была нужна на этом ужине? Вам без меня было бы гораздо лучше. Это ты заставила его пригласить меня! Глупее, чем на этом ужине, я еще себя никогда не чувствовала. Я отлично видела, что я вам так же нужна, как пятое колесо в телеге.

– Ничего подобного! Он хотел непременно угостить ужином нас обеих. Я предложила ему пригласить и Маню, но он сказал, что ее присутствие будет его стеснять, так как он ее знает очень мало.

– Ну, довольно об этом! Давай спать!

Я проснулась в первом часу дня и позвонила. Когда пришла горничная, я сказала, чтобы она открыла ставни, а сама пошла в столовую. Через минуту слышу крик Нины:

– Зачем открыли ставни! Я хочу еще спать!

Я послала ей кофе. Нина весь день пробыла у меня и ушла только после наступления темноты…

Получила письмо от Вани: «Когда будешь заказывать у моего портного вещи для меня, закажи и себе штаны и рубаху для верховой езды. Он без примерки сошьет тебе. У меня есть две верховые лошади: одну зовут “Чек”, а другую – “Шорник”. Шорник – очень большая киргизская лошадь, а Чек – маленькая ростом, но с хорошим ходом, иноходец. Приедешь и сама выберешь, какая тебе понравится больше».

На другой день пошла к портному, который знал моего мужа с тех пор, когда шил ему его первую гимназическую форму. Он знал всех братьев мужа и шил на них всех. Но когда я сказала, что хочу брюки для себя, старик сразу обиделся:

– Мы дамские «брюки» не шьем!..

Мне долго пришлось его уговаривать. Наконец согласился.

– Если принесете мерочку, то можно будет сшить, – сказал старик, смягчившись. – Вашего супруга я знал вот каким, – он протянул руку над полом и показал, какого роста был муж.

Муж пишет, чтобы я накупила больше съедобных вещей. «Здесь ничего достать нельзя. Город Ван разграблен, а жители разбежались кто куда». И вот опять Гайдамакин закупает всякую всячину, чтобы везти с собой.

– Барыня, если я вам не нужен, разрешите мне сходить в синематограф?

– Иди, конечно! Ты мне не нужен.

Только он ушел, пришла Нина:

– Едем в театр, получили ложу.

– В какой театр?

– В Маиловский.

– Там опера! А что идет сегодня?

– Да тебе не все равно, что идет?

– Кто купил ложу?

– Хорошо не знаю кто, но, кажется, Коженков.

– Я не пойду, я его и видела-то два раза всего-навсего!

– Ну, так что? Не один же он там будет! Будут и другие. Но он очень симпатичный и простой человек. А добр – так прямо до глупости!

– И этот, с липкими волосами, будет там?

– Ты говоришь о Бакланове? Да, будет. Но ты можешь не обращать на него никакого внимания. Хотя он и из рабочих, но старается казаться по меньшей мере вице-губернатором. Мы поедем с Яшей. Маня у меня. Ты будь готова…

И вот я опять еду нарядная. У подъезда театра сотни фаэтонов подъезжают вереницей. Городовые в белых перчатках покрикивают на фаэтонщиков:

– Не задерживай! Не задерживай! Проезжай!

Из фаэтонов выходят молодые нарядные дамы и барышни, поддерживаемые под руки кавалерами. Когда мы вошли в ложу, я обвела взглядом весь театр. Все полно; все ложи заняты; в партере ни одного свободного кресла. Много раненых. Вон напротив нас несколько лож, занятых ими. Они все в халатах, это прямо из какого-нибудь госпиталя или лазарета. Тут же с ними и сестры в белых косынках и в чистых халатах. Много раненых и в других местах, но те в офицерской форме, хотя у многих забинтованы головы, у других руки на перевязи, третьи с костылями. Многих родственники или жены поддерживают под руку. Дамы

очень нарядные. А сколько драгоценностей! Всюду блестят бриллианты, жемчуга! На каждой армянке надето украшений на тысячи рублей.

Вместо увертюры оркестр сыграл национальный гимн, который весь театр выслушал молча стоя. Как только опустился занавес последнего акта, наши мужчины стали торопить нас одеваться и выходить из ложи.

– Скорее! Идемте! Нужно занять фаэтоны, пока публика не хлынула на улицу, – говорил Яша, держа меня крепко за руку.

– Мы отлично можем дойти пешком до дому. Ведь тут всего четыре квартала.

– Нет, нет! Мы едем ужинать в ресторан.

– Я не могу. Поезжайте вы, а я пойду домой.

– Ты одна не можешь ехать домой ночью. А я не могу везти тебя. Вся компания из-за этого расстроится. Поедем с нами! Это очень интересно. Ты ведь никогда там не видела программы? Чудное кабаре! Да мы ведь не будем там долго, поужинаем, посмотрим программу и домой.

– Уговорили! Поехали!

Приехав в «Яр», прошли по коридору в небольшую и узкую, по-видимому, заранее заказанную и приготовленную для нас, ложу, передняя часть которой была задернута толстыми портьерами. Посреди ложи стоял длинный, уже накрытый и уставленный закусками и бутылками стол. Вдоль обеих стен стояли скамьи-диваны, на которых лежали мягкие тюфячки. Своей передней частью ложа выходила в общий зал, но благодаря портьере нас не было видно оттуда,

тогда как мы, если бы захотели, могли наблюдать в щелки, что происходит в зале.

Я этим и воспользовалась, раздвинула портьеру и в узкую щелку стала смотреть: прямо против нашей ложи была сцена, на которой танцевала шансонетка, высоко закидывая голые ноги. Зал был весь заставлен столиками, за которыми сидели дамы и мужчины. Многие были в военной форме. Под самой нашей ложей столики тоже были заняты. Пока я рассматривала сцену и зал, на стол были поданы горячие блюда, и Маня потянула меня за руку.

– Давайте сначала ужинать и пить, а потом будем веселиться, – сказал Яша. – Ну, что? Ведь тебе нравится здесь? Ты всегда сначала поломаешься, а потом рада. Небось, твой муж не повел бы тебя сюда, и ты никогда не узнала бы, что есть такие места!

К нам в ложу доносилась из зала музыка, пение и гул голосов. Давно уже выпили водку, съели жаркое и запили его обильно вином. Потом ели что-то сладкое и его тоже запивали вином.

– Эй, человек! – крикнул Бакланов, и лакей, который, должно быть, стоял за дверью, вошел сразу. – Принеси-ка, брат, закусочки да чего-нибудь тепленького выпить, скажем, хоть коньячишки и водчонки!

Через несколько минут все было подано, и закуска, и бутылка коньяку, и бутылка водки. И опять все стали пить… Только теперь я заметила, что Маня ни на одну рюмку не отставала от мужчин.

Через стол ко мне тянется с рюмкой Коженков и кричит:

– Ну, давай чокнемся да поцелуемся!

И я чокаюсь и протягиваю ему руку. И меня нисколько не удивляет, что меня называют на ты. Но он садится на свое место, обнимает Нину и говорит ей:

– Краля ты моя! Давай поцелуемся!

– Целуй скорее, да уступи мне очередь! – говорит Бакланов, тоже обнимая Нину. В это время из залы до моего слуха долетели звуки любимого, модного в то время романса «Ямщик, не гони лошадей». Я отдернула портьеру и увидела на сцене молодую женщину, которая пела. Я стала ей подпевать, но, должно быть, так громко, что, когда я замолчала, то из ближайших лож и из-за столиков раздались громкие аплодисменты и крики: «Браво, ложа!» Я спряталась, но крики не прекращались. Вдруг дверь открылась, и несколько незнакомых мужчин старались войти к нам. Лакей загораживал им дорогу и что-то объяснял. Яша сорвался с места, оттолкнул лакея и захлопнул дверь. Бакланов бросился за Яшей. Хотя дверь была и закрыта, но слышно было, как за ней ссора все разрасталась.

– Наших бьют, пусти! – говорил Коженков Нине, которая сидела с краю и не пускала его.

– Сиди! Без тебя обойдется!

Но Коженков кричал все громче:

– Бей их, бей! Я помогу!

– Замолчи ты, окаянный! – зажимала ему рот Нина…

Наконец Яша и Бакланов вернулись.

– Сволочи! Пришлось объяснять им, что мы кутим с родственницами.

– А кто смел заглядывать сюда?! Пустите меня! Я морды всем разобью…

– Все улажено, не кричи! – сказала Бакланов. Но из залы еще хлопали и кричали. Яша стал протискиваться между мной и Маней, чтобы выглянуть в зал, но Маня оттолкнула его и сказала:

– Пусти меня! Когда я выгляну, сразу все замолчат! – Она перешла на мое место, раздвинула портьеры настолько, чтобы высунуть голову, и стала раскланиваться: – Спасибо, спасибо!

Хлопки сразу прекратились, и нас оставили наконец в покое.

– Давайте пить за одержанную победу над врагом! И за победителей!

Сколько времени еще пили и сколько выпили, не знаю, но вошел метрдотель и попросил Яшу в коридор. Когда он вернулся, то сообщил:

– Все разошлись, зал пустой, идемте в гостиную, там все для нас приготовлено.

– Рано! Мы еще водку не допили, – сказал Коженков. Перед каждым стояло по несколько рюмок водки и коньяка и стаканы с вином. Скатерть залита, куски балыка, вазочка с икрой, редиска, куски хлеба, блюдо с остатками жаркого, грязные тарелки, вазочки с растаявшим мороженым…

– Идемте из этого стойла! – снова сказал Яша.

Мы вышли, поддерживая друг друга, и спустились по лестнице в зал. Он был уже темный. Впереди нас шел лакей со свечой и освещал нам дорогу. Мы пришли в большую гостиную, посреди которой был накрыт стол и горели в двух канделябрах свечи. В вазах стояли свежие цветы. Комната обставлена с ресторанной роскошью. Мягкая мебель,

зеркала, ковры, пальмы. Сели за стол. На нем стояли фрукты, фисташки, и на обоих концах стола из серебряных ведер со льдом торчали горлышки бутылок шампанского. Лакей откупорил и разлил по бокалам.

– Чем закусывать-то? – спросила Маня. Яша протянул ей фисташки.

– А мне солененьких огурчиков! – орет Коженков. Он сидит теперь со мной рядом, а Яша по другую сторону. Напротив нас сидят Нина, Бакланов и Маня.

– Подать соленых огурцов! – снова орет Коженков.

– Ванька, брось, не ломайся, – говорит Яша, – обойдешься и без огурцов!

– Ну, ладно! К черту огурцы! – быстро соглашается он. – Но чтобы в шампанском недостатка не было! Слышь? – оборачиваясь к лакею, говорит он.

– Заготовили, не беспокойтесь, – ответил старый лакей.

– Подливай! Чтобы пустых бокалов не было! – опять приказывает Коженков лакею.

– Пей, милосердная! Не трусь! С нами не бойся, не выдадим! – протягивая ко мне полный бокал шампанского, говорит Коженков. – Позовем, так сам полицмейстер сюда приедет и станет оберегать нас. Наш фронт покрепче, чем твой! – он неопределенно махнул рукой.

– Одним словом, работаем «на оборону»! Предлагаю тост за «оборону»! – кричит Бакланов, протягивая через стол свой бокал. – Всем наполнить бокалы и пить до дна. А ты спой нам так, чтобы за сердце щипало. Мы тебя не выдадим!

Маня перегнулась через стол со своим бокалом, чтобы чокнуться со мной, и напевала: «Тина ты, Тина! От нас ты не

уйдешь, а с нами пропадешь…» Все подхватили, стали напевать, чокаясь и разливая шампанское на стол и на мое платье.

Вдруг у Мани на голове вспыхнул ее шикарный султан из эспри[29]. Она так далеко перегнулась через стол, что очутилась как раз над свечой для закуривания папирос, которая стояла около меня. «Пожар» быстро потушили, но от великолепного украшения остались одни черенки, которые она выдернула из головы и выбросила. И снова стали пить. Бакланов предложил выпить за погорелицу.

А Коженков сказал:

– Так и быть! Пожертвую на погорелое место пятачок.

– Новое куплю, – сказала Маня. – Что нам рупь? Что нам два! Да и сто рублей не деньги…

Яша два раза куда-то уходил из-за стола и, когда возвращался, то таинственно переглядывался с Баклановым. После третьего раза объявил:

– Едем, автомобили готовы.

Еще выпили подорожную и вышли. Я села с Яшей и Маней в один автомобиль. Долго мы ехали, кружились где-то по незнакомым улицам. Яша не сказал никакого определенного адреса, а все время говорил:

– Вправо, влево, прямо.

– Куда мы едем? – спросила я.

---

[29] Эспри – украшение в виде пера или пучка перьев, которое прикалывается к женской прическе или женскому головному убору; собственно – длинные перья.

– Кататься! – ответил Яша. – Стой здесь. Подождем их.

Оказалось, что второй автомобиль потерялся. Они поехали по другой дороге. Мы остановились около какой-то крепостной стены. Высокие и массивные ворота были заперты. Над воротами были окна, плотно закрытые ставнями. Нигде ни одного огонька.

– Куда мы приехали? – снова спрашиваю я Яшу.

– Подожди, сейчас. Вон они приехали, – и он вышел из автомобиля.

– Выходи, – сказала Маня, вышла сама и помогла выйти мне.

– Что это такое? Куда мы приехали? – подходя к нам, спросила Нина.

– Да мы сами не знаем, – ответила Маня.

– Тише! – сказали, подходя к нам, Бакланов и Коженков.

А Яша пошел к воротам и стал стучать в них особым образом. И сейчас же пониженным голосом позвал нас:

– Тише! Идите сюда! – Мы подошли к воротам. – Сейчас откроют. Только не шумите! – таинственным шепотом предупредил Яша. В массивных воротах осторожно открылась маленькая калитка и пропустила нас под темный свод ворот. Мы соблюдали полную тишину. Держась друг за друга в темноте, потихоньку шли на слабую полоску света. Яша огляделся и сказал: – Стойте здесь. Я сейчас вернусь!

Я увидела квадратный дворик, кругом которого тянулась стеклянная галерея, обсаженная виноградом и цветами. Дом спал. Везде было темно. Только в одном окне нижнего этажа горела маленькая лампочка.

– Чего мы стоим? Что это за таинственный дом?! – спросила я.

– Тише! Одну минуту подождите, сейчас нам скажут, можно ли идти дальше, – ответил Бакланов.

В эту минуту на верхней галерее показалась фигура мужчины. Он перегнулся через перила и, не видя нас под воротами, но, слыша наш разговор, спросил: – Кто там? – Мужчина был молодой, очень хорошо одет, но, должно быть, выпивший.

– А! Наконец-то! Доброе утро, сеньор! – пропела я.

Но мне не дали продолжать дальше. Кто-то зажал мне рот и оттащил меня вглубь темной подворотни:

– Что ты делаешь! Нельзя этого делать! Нас могут увидеть, а потом узнать на улице или в обществе!

– Идемте скорее! Путь свободный, – появляясь около нас, сказал Яша. Мы вышли из-под ворот и вошли в галерею, где нас встретила пожилая женщина и повела в комнату. Мы очутились в длинной и узкой комнате. Вдоль стен стояли диваны, а посреди стол.

– Извините, что пришлось задержать. Некоторые гости еще не ушли, и я боялась, чтобы вам не встретиться с ними, – сказала женщина. – Сейчас придут девушки и подадут вино.

Она вышла. А мы сразу почувствовали, что что-то неладно! Маня, Нина и я сели все три вместе на одну скамейку, которую нам подвинул Бакланов. Вошли «девушки»!! У одной была гитара. Они сели на диван и стали петь всякую ерунду. Все были безголосые, некрасивые. Принесли вино. Мы заметили, что в комнате не было ни Яши, ни Коженкова.

Маня нагнулась к моему уху:

– Ты понимаешь, где мы?..

– Неужели это дом терпимости?!.. Зачем нас сюда затащили?!.. Я в полном отчаянии!..

– Почему? Нужно все в жизни знать и все видеть! Посмотри! Здесь совсем нормальная обстановка! – Она обвела взглядом комнату и остановила его на стене, широко открыв глаза. Потом опустила их вниз и тихо сказала мне: – Не смотри на стену!..

Нина что-то говорила Бакланову и как-то смешно, истерично всхлипывала:

– Что это такое! Как вы смели привезти нас сюда?! Где Яшка?

В это время вошла женщина, отрекомендовалась нам «хозяйкой» и стала нас занимать, рассказывая, что ее «дом» – лучший в городе.

– Я считаю моих «девушек» высокопорядочными! Не вы первые приезжаете к нам посмотреть на нашу жизнь. Да и не только для этого! Нередко к нам приезжают «на работу» такие же дамы, как и вы!.. Они зарабатывают здесь деньги на наряды…

Я толкнула Нину…

– Где Яков Семенович? Найдите его немедленно и приведите сюда! – сказала Нина хозяйке.

Но та совершенно спокойно ответила:

– Он сейчас придет сам!

– Сейчас же найдите Яшку! Я здесь не останусь ни одной минуты больше! – обратилась Нина к Бакланову. Бакланов вышел и сейчас же вернулся, а с ним вошел и Яша.

Нина вскочила:

– Едем! Это подлость – привозить нас сюда! – сказала она, идя к выходу из комнаты, но в дверях столкнулась с Коженковым.

– Ты куда? – загораживая ей дорогу, вскрикнул он.

– Подлость! Подлость привозить нас сюда! – отталкивая его, говорит она.

Тот сначала опешил:

– Да ты постой! Погоди, не пори горячку! На́ вот лучше денег пачку, – обнимая ее, говорит Коженков. – Да мы еще вина даже не выпили! И уже уезжать?!

Но и я, и Маня тоже встали и пошли к дверям:

– Мы хотим ехать домой немедленно!..

Все мужчины сейчас же согласились, и мы тем же порядком вышли, соблюдая полную тишину, сели в автомобили, которые ждали нас все время. Теперь Нина, я и Яша сели в один автомобиль и поехали прямо домой, а Маня, Коженков и Бакланов поехали в другом. Они должны были завести Маню домой. Я села в угол автомобиля и закрыла глаза, чтобы не видеть больше этих ворот. Когда мы подъехали к моему подъезду, дворники уже подметали тротуар. Нина осталась у меня, а Яша пошел к себе.

Когда я проснулась, яркое солнце пробивалось сквозь ставни и освещало всю спальню. Это была моя самая любимая комната в моей квартире. В ней каждый предмет был выбран мною с любовью. Бледно-розовые обои, красного дерева мебель, кровати, зеркальный шифоньер, туалет, кресло и розовато-красный ковер. Все, что здесь находилось, я люблю, и все мне близко и дорого! Сейчас по

всей комнате валяются мои и Нины платья и принадлежности туалета, разбросанные после возвращения из нашей вчерашней дикой поездки. Сразу встала у меня перед глазами вся мерзость и пошлость, до которой я дошла! Как я теперь посмотрю в глаза Ване? Смогу ли я все ему рассказать или буду всю эту грязь носить в душе?..

– Нина! Проснись! – «Как она может спать так спокойно и мирно?..» – Проснись же, пожалуйста! Неужели тебя не мучает совесть! Как ты можешь спать! Ты помнишь, что было вчера?!

Она открыла глаза и сначала ничего не могла понять. Потом вдруг быстро села:

– Боже! Неужели все это правда было?! Неужели это все было на самом деле?! Неужели это не сон?! Что мы наделали!! Ведь мы опустились на самое дно! А у меня дети! Муж в плену!.. – И вдруг она как-то неестественно захныкала и заплакала, но без слез.

– Что мы теперь будем делать! Как мы покажемся в обществе?! Я не могу поехать к Ване, не могу смотреть ему в глаза! Я знаю, что мне делать!.. Я должна покончить с собой!.. – вскрикнула я в отчаянии.

– Да ты с ума сошла, что ли?! – вскричала Нина и стала искать папиросы, чтобы закурить. – Да разве мы виноваты?!.. Разве мы сами туда поехали?!.. Ведь это все Яшка подстроил в согласии с другими! И я уверена, что и Маня все знала заранее!.. А теперь мы из-за этого должны умирать?! Да с какой стати! Напоили нас и завезли в этот притон! Ты же видела, что Яшка чувствовал себя там как дома! Он всех там знает и для них он там свой человек!

– Все равно! Мы упали так низко, что ниже уже некуда! Ваня! Ваня родной! Прости меня! Я умираю!..

– А ты помнишь, что говорила там эта старая ведьма?..

– Что?

– А что такие же «дамы», как мы, приезжают к ней не из любопытства «посмотреть», а просто «на работу»!

– Да что же это такое! Как она смела с нами так разговаривать?!

– Нет! Теперь я прямо уверена, что Маня была в курсе дела; она любит подобные проделки! Ее хлебом не корми, а дай поглядеть какую-нибудь пошлость и гадость. Я ее заставлю сознаться во всем!

– Хорошо. Но нам-то от этого не будет легче!..

– А в конце концов, Тина! Я начинаю задавать себе вопрос: что особенного в том, что мы были в этом доме?!.. Ведь наши мужья там бывали не один раз!.. И вовсе не из любопытства только!..

– Нет, неправда! Я не знаю, как твой Алексей, но Ваня никогда не был там, наверно!..

Мы надели халатики и пошли в столовую пить кофе. Вошел Гайдамакин, поставил кофейник.

– Писем от барина нет?

– Нет, нету, – как-то хрипло ответил он.

– Ты что – не здоров?

– Нет, здоров.

Нина посмотрела на него и сказала:

– Что, Гайдамакин, с похмелья голова болит?

– Никак нет, зубы у меня болят.

– Ты сходи сегодня же к зубному врачу, а то на фронте лечить трудно. Зубных врачей там мало, – говорю я.

– Пройдут сами, – мрачно ответил он.

Когда он вышел, Нина сказала:

– Знаю я, какие у него болят зубы; просто был пьян вчера, а сегодня с похмелья голова болит.

Нужно как можно скорее уезжать отсюда! Иначе пропадешь с ними. Когда Нина ушла домой, я сказала Гайдамакину, что будем укладываться в дорогу. Кажется, я все купила и для мужа, и для себя. Последний вечер решила провести с детьми. Пришла к Нине задолго до их обеда. Дети очень обрадовались моему приходу.

– Тетя Тина! Мамы нет дома. А ты побудешь с нами? – спрашивали они меня.

– Да, а где мама?

– Она у дяди Яши и скоро придет.

– Хорошо. Я, дети, скоро уезжаю к дяде Ване. Что ему передать от вас?

– Скажи дяде Ване, чтобы он приехал на Рождество, – говорит Надя. – И ты, тетя, поцелуй его за нас.

– А правда, что турки убивают русских солдат? – спрашивает Таня.

– Правда.

– А дядя Ваня лечит турок?

– Лечит, когда привозят раненых или больных в госпиталь.

– А кто страшнее – турки или немцы?

– Немцы, конечно! Ты ж знаешь, что они взяли папу в плен, – чуть не плача, говорит Таня. Она очень любит своего отца.

– Тетечка, это правда, нам очень скучно без папы. Мамы дома никогда нет, папа в плену. И мы всегда одни.

– Ну, как одни? С вами ведь няня и Григорий…

– Да! Но они чужие! Хоть бы скорее дядя Ваня приехал.

– Почему так долго дядя Ваня не едет домой?

– Война, – трудно уехать с фронта. Его не пускают.

– Тетя, мы играем в войну. Мальчики – солдаты, а девочки – сестры милосердия. Только никто не хочет играть в турок, потому что русские солдаты их бьют! Когда падают русские солдаты, мы их поднимаем и лечим… А турок – нет.

– Это неправильно! Их тоже нужно подбирать и лечить!

– А ты, тетя, лечила турок?

– Конечно.

– А они страшные ведь?

– Нет. Когда они не стреляют, то не страшные! А просто такие же несчастные, как и наши раненые солдаты.

– Хорошо, тетя. Мы завтра расскажем всем девочкам, что турок нужно тоже лечить. Тетя, всем девочкам их мамы сшили формы сестер. А мы с Таней просто головы завязываем тряпочками, а на фартуки берем Лелины пеленки.

– Жаль, что я не знала этого раньше. А теперь у меня нет времени, а если бы вы сказали мне это раньше, я вам сшила бы настоящие фартуки и косынки.

– Тетечка, а ты не можешь сейчас сшить? Ведь они маленькие?

– Нет, теперь поздно. Спать пора!..

– Пора только для Мары и Лели. А мы можем еще посидеть, – сказала Надя. Но скоро пришла няня и объявила, что нужно мыться и ложиться спать. Обе девочки смотрят на меня со слезами на глазах: «Заступись, тетя, за нас», – хотят они сказать. Но вместо этого говорят совсем другое.

– Ложитесь, дети. А я посижу около вас, пока вы не заснете.

– Ты нам расскажи что-нибудь о войне и перекрести нас. – Это говорит Таня, которая просто не может никогда заснуть, пока ее не перекрестят «на сон». Когда нет дома мамы, то она просит няню: – Няня, перекрести меня! Завтра мама тебе отдаст твой крест обратно…

Долго я сидела около них. Чем больше я рассказывала, тем больше они расспрашивали, а сна ни у кого ни в одном глазу!

– Тетя, а как турки стреляют? А как они попадают в плен? А кто страшнее – турки или немцы? – и так бесконечно.

– Тетя, поцелуй еще раз. Тетя, перекрести меня покрепче, – просит Таня.

– Ну, довольно, дети! Теперь уже все сделано крепко и много раз! Спокойной ночи! Спите, – хочу уже уходить, но неожиданно оказывается, что «мы забыли тебя поцеловать для дяди Ванички». Снова поцелуи, крепкие и многочисленные, которые нужно отвезти дяде Ване. Наконец

отцеловались, и выхожу в столовую. Няня собирает детскую посуду.

– Заснули? – спрашивает она.

– Нет еще! Но меня отпустили.

– Они любят разговаривать о войне, о плене. С тех пор, как отец-то попал в плен, как только стану укладывать спать, сейчас же начнут расспрашивать, как живет папочка в плену. Скучают, поди? А только сказать не могут, – закончила няня.

В это время вошла Нина.

– Дети легли спать? Ты здесь?

– Да, я приходила попрощаться с детьми. Завтра уезжаю.

– Неужели завтра?

– Да, если ничего не помешает.

Дети услышали голос матери и стали кричать:

– Мама, мама! Иди, перекрести нас!

Нина ушла и скоро вернулась:

– Идем к Яше. Там у него играют в карты.

– Идем. Мне нужно попрощаться со всеми.

Мы прошли по двору, поднялись на второй этаж и вошли в гостиную, где за карточным столом сидели пять мужчин и Маня Кассер. Вокруг стола, прямо на полу, стояли бутылки и стаканы. На столе перед каждым игроком лежали стопки денег. Посреди стола, небрежно брошенные, лежали сторублевки. Как только банкомет увидел нас, он прикрыл рукой деньги и заорал во все горло:

– Привели! Ну, идите сюда. Вот около меня счастливое место! – Но я сразу заявила, что играть не буду, и стала здороваться со всеми. Яша сидел мрачный. Стопка денег

перед ним была меньше, чем у других; видно, ему не везло. Кроме Коженкова и Бакланова, были еще двое новых гостей. Один был Митя Байков, такой же беспутный кутила, как и Яша. А другой Костя Руфин, который не имел никаких определенных занятий, а жил на средства богатой «тети». Он был еще с гимназических лет поклонником Нины.

– Садись! Что можно предложить выпить? – сказал Яша.

– Спасибо. Ничего не надо! Я пришла попрощаться. Завтра уезжаю к мужу на фронт. У меня еще много дела сегодня. Даже укладываться еще не кончила.

Я быстро попрощалась со всеми и ушла домой.

На другой день, когда все было готово и отправлено на вокзал, я поехала к отцу Нины, чтобы попрощаться и с ним.

– Хорошо делаешь, что уезжаешь! Тут добром у них не кончится! Все пьянствуют, веселятся! Всем море по колено!.. У Нины муж в плену! Россия в несчастии! А им хоть бы что! Дети брошены на няньку. А мать сидит день и ночь в Яшкином притоне!.. Ты уж, пожалуйста, расскажи Ивану Семеновичу все, что он тут проделывает. Иван Семенович на фронте, Алексей в плену! Теперь полная им свобода! Все прямо «с ума взбесились»! Все кабаки полны народу. Стыдно мимо них по улице ходить! Все пьянствуют, кутят! Жены бросили мужей, мужья жен. Куда мы идем! Чем все это кончится – прямо не представляю себе! И откуда у всех столько взялось денег? До войны все жили скромно. Прислуг не имели, ели одно блюдо. Матери сами нянчили своих детей! Вот у меня живет квартирантка. Была простая женщина; муж служил в управе, получал тридцать пять рублей в месяц. И жили совсем неплохо! Мать сама мыла, стирала, кормила ребят, шила на себя и на них. И вдруг стала

барыней. Мужа забрали на войну не то чиновником, не то прапорщиком. Словом, он стал получать большие деньги! Ну, жена сейчас же наняла какую-то девку, накупила нарядов, приказала называть себя не иначе как барыней! Теперь только и слышно целый день, как она кричит на эту девку: «Дура! Дура! Я этого не хочу! Я барыня!» Не стала сидеть дома, бросила смотреть за ребятами. А муж здесь тоже защеголял в галифе и, когда встречался, так говорил не иначе как: «Мы – офицеры». Потом его куда-то послали, а жена стала получать большие деньги, особенно против того тридцатипятирублевого оклада, который получал ее муж до войны. Пешком эта «барыня» ходить перестала, но и фаэтонщикам платить не любит. Приедет на фаэтоне, сунет татарину двугривенный и бегом от него в калитку! Фаэтонщик за ней! «Мадам, мадам! Это мало! Далеко вез!» Тут она загнет такие словечки, что ни одна барыня о существовании их никогда и не подозревала! Но конечно, в первую очередь: «Ах ты, татарская рожа! Да мой муж офицер! И кровь проливает свою для защиты отечества! А вы тут денежки наживаете! Нахальная татарва!» Татарин-фаэтонщик посмотрит со злобой на эту «мадам», подберет вожжи, с презрением сплюнет и уедет. Это мы теперь каждый день наблюдаем. А ведь раньше не только никогда она не ездила на фаэтонах, а и пешком-то в город ходила один раз в месяц, когда муж получит жалованье! Вчера ее старшенький мальчик выпил поташ[30] из бутылки,

---

[30] Поташ (карбонат калия) – кристаллический порошок (в очищенном от примесей виде – белого цвета) со щелочными свойствами. До XX в. был одним из важнейших промышленных

которая стояла на кухне. Керосинщик только что налил, а девка еще не успела убрать бутылку. Мать еще спала, как и полагается «барыне». Слышу крик ребенка! Я был в подвале, как раз под их квартирой. Я побежал туда. Мать с растрепанными волосами, неодетая, мечется по кухне с мальчиком на руках. Льют на него воду, молоко, а у него изо рта идет кровавая пена! Он весь выгибается от боли. Я увидел бутылку от поташа на полу, залитом ядовитой жидкостью, и сразу понял, что случилось. Надо как можно скорее везти в больницу! Сам побежал на улицу, нашел фаэтон, усадил на него мать с ребенком. Она как была с растрепанными волосами, так и поехала, только надела платье на ночную рубашку. В больнице ее оставили вместе с ребенком. Сегодня я ходил, спрашивал девушку, как мальчик. Она говорит, что еще жив, но очень плох. Доктор говорит, что помрет.

Я собралась уходить. Иван Яковлевич пошел за какой-то знаменитой фуфайкой для мужа.

– Вот подарок Ивану Семеновичу от меня! Замечательная егерьская фуфайка! Лет, никак, двадцать пять как куплена. Все берег ее, чтобы хорошему человеку подарить. Теплая, легкая! Пускай носит на здоровье…

– Иван Яковлевич, может быть, она вам самому пригодится? А я для Вани накупила всего довольно…

– Нет, нет, мне не надо. А дарить больше некому.

– Ну, спасибо! Я передам ему.

химических реагентов; широко применялся в качестве бытового антисептика, для дезинфекции.

– С каким поездом уезжаешь? Я, может быть, приду проводить тебя…

Пошла от него пешком и совершенно неожиданно встретила жену офицера Кабардинского полка. Вид у нее был совершенно больной. Лицо измученное, одета во все черное… Неужели убит муж?! Но спросить, конечно, не посмела. Это была такая хорошая и дружная пара, и у них тогда был уже сын лет семи и новорожденная дочь. Средств не было никаких, кроме офицерского жалованья.

– Как вы очутились здесь, в Баку?

– Я служу на железной дороге. Меня перевели из Тифлиса. Вот хожу и ищу комнату или маленькую квартиру. Я здесь пока одна. Дети остались у сестры в Тифлисе. Но я не могу без них жить! Хоть бы Сережу выписать пока! Но у меня нет даже комнаты! А Сережа ходит в гимназию, ему нужно учить уроки; нужно место, где спать. Я сама пока живу на вокзале. Мне разрешили спать в той же комнате, где мы работаем днем. Как только все служащие расходятся по домам, я остаюсь полной хозяйкой в комнате. Сплю на диване. Но для Сережи это не годится – жить без своего угла… Хоть бы скорее найти какую-нибудь комнату и выписать Сережу!

– Неужели это так трудно?!

– Для меня очень трудно! В городе есть комнаты и квартиры – сколько угодно! Но дорогие – мне не по карману…

– Как досадно, что мы не встретились раньше! Я сегодня уезжаю на фронт к мужу! Но вы непременно зайдите к нам в дом и спросите брата моего мужа, какие есть в доме свободные комнаты или квартиры. У нас вообще не сдают по

одной комнате, но я скажу брату, что вы жена офицера Кабардинского полка! Этого будет достаточно, чтобы брат сделал все, что только возможно и даже невозможно.

– Спасибо! Но я теперь уже не кабардинка. Муж убит еще весной. Я его похоронила в Тифлисе. Все, что у меня теперь есть, это дети! Сережа – портрет отца, – у нее задрожали губы, и по худым и бледным щекам потекли слезы. – Не могу я жить без детей! Я совершенно становлюсь ненормальной, когда их нет около меня. Не могу ни спать, ни есть. И не могу работать как следует. Меня могут выгнать со службы. А у меня нет других средств, кроме моего жалованья. А когда дети со мной, я спокойнее, могу думать и работать.

– Где теперь кабардинцы?

– На Западном фронте. Много убито наших офицеров! Капитан Ваксман убит. Он был тяжело ранен, заразился столбняком и умер. Его похоронили на фронте. Оба Строевы, отец и сын, убиты.

Я не могла слушать дальше это страшное перечисление имен близких когда-то людей…

– Я очень тороплюсь! До свидания! Зайдите же. Сегодня у меня много еще работы дома… – быстро и коротко попрощалась и пошла домой.

– Барыня, все готово! Билеты куплены, багаж сдал. Поезд отходит в шесть тридцать.

– Хорошо, еще время есть.

Пришли Нина, Яша и Маня. Яша принес бутылку вина, открыл и разлил вино по стаканам.

– Ну, выпьем. Гладенькой дорожки тебе, – говорит Яша.

– Скатертью дорога, ты хочешь сказать?

– Все равно – разница небольшая!

– Ну, спасибо за все! Смотрите за нашей квартирой! – Я отпила немного вина, поставила стакан, посмотрела кругом и пошла в маленькую гостиную надевать шубу.

– Тина, нужно присесть перед отъездом, – сказала Маня.

– Ах, правда! Я забыла. – В семье у нас это делается всегда. Хотя на секунду, но все сядут и перекрестятся перед тем, как выйти из дому. Прощаться начинают только после этого. Почему я сегодня забыла? Никогда ведь не забывала! Мы все сели. Но мне это показалось сегодня чем-то искусственным, странным! Вот, такой пустяк, а больно кольнуло сердце!

Приехали на вокзал. Народу так же много, как и в предыдущие разы. Сначала отошел поезд на Ростов-Москву; потом швейцар возвестил:

– Первый звонок, Тифлис – Батум!..

И вот наконец, слава богу, все осталось позади! Я еду к Ване!.. Наконец!.. А в этом Яшкином кабаке пускай все хоть обопьются!

Часть вторая. Опять на фронт

Глава 1

Поезд пришел в Тифлис на следующий день вечером. Я решила остаться в Тифлисе до завтра, чтобы повидать окружного медицинского инспектора и поговорить с ним о Ване. Выйдя из вагона, я пошла в зал первого класса, где меня должен был найти Гайдамакин, как мы условились с ним. Но весь вокзал – это сплошная огромная толпа, двигающаяся по всем направлениям и никогда не останавливающаяся. Я едва добралась до зала. Но там, кажется, было еще больше народу. Гайдамакин меня ни за что не разыщет в этой толпе. Люди ходили толпами друг за другом, точно в майский день по Головинскому проспекту. Диваны, стулья, кресла – все было занято людьми. Всюду навалены горы сундуков, корзин, дорожных мешков, чемоданов. И толпы двигающейся публики переправляются через все эти препятствия, почти не задерживаясь и нисколько не смущаясь. Вокруг всех обеденных столиков не только все места были заняты, но за каждым стулом стояло по несколько человек в очереди и ждали, когда освободится место. И как только кто-нибудь встанет из-за стола, на освободившееся место сразу бросается несколько человек. Все заказывают много всякой еды и непременно кофе. Никогда я раньше не видела ничего подобного. Все эти, очевидно, небогатые люди, которые боялись раньше и подойти к буфету первого класса, теперь, не стесняясь, заказывали все, что попадается на глаза в малопонятном для них списке блюд. Эта публика пришла в первый класс только теперь, во время войны. До войны они ездили и сидели в

третьем классе, брали в буфете только кипяток в чайник, который возили с собой, со вздохом платили за него зажатый в кулаке большой медный пятак. Потом развязывали корзинку, вынимали домашнюю еду и, перекрестясь и не спеша, ели холодные котлеты, пирожки и старого жареного петуха, запивая бесконечным количеством чая. Оставшуюся еду аккуратно опять заворачивали в газетную бумагу и укладывали обратно в корзинку. А тут – все сидят за столом первого класса, заказывают такое количество еды, которое в нормальное время не съели бы и в два раза… Я встала около мраморной колонны и решила ждать здесь Гайдамакина. Толпа – точно морской прибой: то вдруг движется густой беспрерывной волной в зал, то обратно, к выходу из зала. Наконец я увидела Гайдамакина, ныряющего среди толпы, точно среди морских волн. Временами я вижу его голову, потом она пропадает. И вдруг он вынырнул рядом со мной!

– Чемоданы принес?

– Принес.

– Вот, Гайдамакин, запомни. Завтра в десять часов здесь же, на этом месте, ты найдешь меня. У тебя есть место, где спать?

– Есть. Я буду ночевать вместе со всеми солдатами, которые везут вещи для нашего транспорта.

– Ну, хорошо! А теперь идем. Найди мне извозчика, и я поеду в гостиницу, а ты ступай к ним. А где эти солдаты?

– Они в третьем классе, ждут меня.

Я села на извозчика и поехала на Головинский проспект. Там самые большие и лучшие гостиницы в городе. Мы объехали их все и не нашли нигде ни одной свободной

комнаты. Тогда повернули обратно на Михайловскую, где тоже была хорошая гостиница. Но тоже безрезультатно.

– Дайте хоть кресло, на котором я могла бы пересидеть ночь.

– Нету! Еще с вечера все занято, – сказал швейцар.

Я вышла, села на извозчика и не знала, что мне делать…

– Вот, около вокзала есть еще номера, – сказал возница. – Да там только вам будет страшно, поди? Всякий там народ останавливается… Ну и пьют тоже! Да иной раз шум и драки бывают.

– Вези! Попробуем. Все равно другого ничего нет.

Объехали и «номера»! Подъезжая к некоторым, мы видели, как с шумом и треском открывалась дверь и из нее выкидывался какой-нибудь пьяница-скандалист. Тогда мой извозчик, не останавливаясь, ехал дальше к следующим «номерам».

– Здесь не стоит спрашивать, – говорил он, дергая вожжами. После нескольких безрезультатных остановок извозчик обернулся ко мне: – Барыня! Я больше не знаю «номеров». Здесь мы объехали все. В другие и ехать нельзя – опасно.

– А где ты живешь? Может быть, у тебя найдется для меня место переночевать?

– Ну, где там! Мы живем в тесноте, да и далеко отсюда…

– Ну, что же, вези обратно на вокзал!

Когда приехали к вокзалу, было уже четверть второго ночи. Два с половиной часа ездили, а в результате у меня все же нет места для ночлега. Я даже позавидовала Гайдамакину, который, наверное, спит в тепле и под крышей. Заплатив

извозчику, я позвала носильщика, чтобы взял чемодан, а сама протянула руку, чтобы достать маленький ручной саквояжик, который лежал позади, в открытом верху фаэтона. В этом саквояже я возила все мелкие вещи – умывальные принадлежности, носовые платки, письма, духи, пудру. И там же было мое сестринское свидетельство и несколько сторублевок запасных денег. Но сколько я не искала, а моего чемоданчика нигде не было. Сразу холод пробежал по спине и остановился где-то в сердце! Не денег и вещей жаль, а какой-то безотчетный страх охватил меня. Меня ограбили в городе на освещенных людных улицах, а что было бы со мной, если бы я остановилась ночевать в одном из этих «номеров»? Никто бы и трупа моего никогда не нашел!..

– У меня пропал чемоданчик с документами, – сказала я извозчику. Но тон, которым ответил мой возница, удивил меня. Сразу с покровительственного, добродушного – сделался грубым.

– Кто же ездит ночью по таким улицам! Конечно, жулики везде есть. Но я отвечать не могу! Я говорил вам, что места здешние «плохие».

Чемодан отдала носильщику на хранение, а сама пошла в жандармскую комнату и рассказала все, что произошло со мной. Дежурный жандарм все записал, но, конечно, никакой помощи оказать не мог. Я пошла в дамскую комнату и, когда открыла дверь, то пришла в полное отчаяние… Эта дамская комната когда-то служила местом отдыха для проезжающих пассажирок первого и второго классов. Там стояли мягкие диваны и большие кресла; была приличная женщина – горничная – для услуг и поддержания порядка и чистоты.

Всегда чистая уборная, умывальник с горячей и холодной водой. Словом, там были все удобства, необходимые пассажирам, и, конечно, всё содержалось в полном порядке и чистоте. Сейчас же я увидела какую-то грязную ночлежку. На мебели и на полу сидели и лежали группами и в одиночку. Многие сидели скорчившись, поджав под себя ноги и укрывшись кто чем мог, – шубой, пальто или шалью. Некоторые еще не спали и разговаривали; другие что-то жевали. Как только стало светать, все зашевелились и стали выползать из-под своих покрышек. В одну минуту около уборной образовалась длинная очередь. Тут были и старухи, и молодые, и подростки. Лица у всех заспанные, волосы растрепанные, одежда помятая. Они уже знали друг друга и весело переговаривались, как давно знакомые. Те, кто выходил из уборной, занимали очередь около умывальника. Но он скоро засорился, и грязная вода потекла через край, заливая пол. Незапиравшаяся дверь в уборную делала пребывание в этой ночлежке совершенно невыносимым. Когда рассвело, пришла женщина, которая должна смотреть за чистотой этой комнаты. Но сама она была так ужасно грязна, что самое понятие о чистоте было для нее, очевидно, недоступно. Как только она пришла, ночлежницы стали сдавать ей вещи на хранение. Она запихала вещи в стенной шкаф и заперла его на замок. Очевидно, большинство спавших здесь женщин пользовались вокзалом как гостиницей. Я не могла дольше оставаться тут и вышла в столовую. Решила, если буфет будет открыт, выпить кофе. Но было еще очень рано, и в столовой не было никого. Столики стояли никем не занятые и без скатертей, стулья перевернуты. Только в самом дальнем углу за столиком, накрытом свежей скатертью, сидел элегантный и совсем еще

молодой генерал. Я решила сесть где-нибудь подальше от него, но случайно еще раз взглянула в его направлении. И вдруг узнала в нем своего старого хорошего знакомого – генерала Зубова…

Я так обрадовалась ему после всех неудач и бессонной ночи среди грязных ночлежников и загаженного вокзала, что чуть не бросилась сама к пустому месту за его нарядно накрытым столом. Но, к счастью, он сам увидел меня, сразу узнал и пошел ко мне, удивленный странной встречей, но обрадованный и с ласковыми словами привета:

– А вы что делаете в этом грязном месте и в такое странное время, на границе ночи и рассвета?! Почему вы одна? Где ваш верный телохранитель и нянька – денщик?.. Идемте сразу к моему столу. Выпейте кофе и рассказывайте мне ваши приключения и затруднения…

Меня не надо было уговаривать! Я была готова плакать от радости, усталости и голода… Но, конечно, плакать я не стала, а свои ночные неудачи рассказывала в комическом тоне… Зубов слушал меня внимательно, но даже не улыбнулся на мои попытки рассмешить его…

– Вы сами не знаете, на границе какой опасности вы были все время! Сам Бог вас спас! Его благодарите за то, что вы живы и невредимы!.. А что вы не спали всю ночь, так это пустяки. Выспитесь при первом удобном случае.

Он так ласково, по-отечески, со мной говорил, что я забыла обо всем. А в его присутствии мне уже не грозила никакая опасность. Не вставая из-за стола, он сделал все, что было нужно. Пришел жандарм, за которым генерал послал лакея. Он продиктовал ему, что нужно написать в протоколе о пропаже моих документов, а через некоторое время

дежурный жандарм принес переписанный протокол, на котором генерал расписался, как лично знающий меня. Я стала благодарить его и только теперь обратила внимание, что он выглядел нездоровым и каким-то усталым.

– Сергей Евгеньевич[31], что с вами? Вы были больны?

– Был. И очень жалею, что еще жив…

Я подумала, что убит один из его сыновей. У него было два сына, и оба были на Западном фронте.

– Что-нибудь случилось с вашими сыновьями?

– К счастью, нет, но со мной случилось много неприятного… Я еду сейчас на Минеральные Воды по приказу, как в ссылку… Вы приблизительно знаете мою семейную жизнь. Поэтому я не стану тратить слова на объяснения. Еще в начале войны я встретил женщину в форме сестры милосердия. Она работала в одном из крепостных госпиталей. И полюбил ее. Мне казалось, что и она отвечает мне тем же!.. Но позднее я заметил, что она тяготится нашими отношениями. В один ужасный вечер я сидел у нее в комнате. Наш разговор становился все более запутанным и тяжелым… Совершенно неожиданно она схватила револьвер, приложила его дуло к своему виску и сказала, что застрелится! В ужасе, желая остановить ее, я схватил ее за руку. И в этот же момент раздался выстрел, и она упала мертвой. Это было ужасно…

---

[31] Вероятно, мемуаристка ошиблась: комендантом Карской крепости был генерал-лейтенант Сергей Александрович Зубов.

Он замолчал и дрожащей рукой долго не мог зажечь спичку, чтобы закурить папиросу. Он сидел молча, опустив голову и, казалось, весь ушел в пережитое…

– Ну! Потом был суд… Меня оправдали в предумышленном убийстве… Но я чувствую себя совершенно разбитым, и оправдательный приговор не мог, конечно, уменьшить мои страдания. Если бы меня послали на фронт, хотя бы простым солдатом, я мог бы, может быть, весь уйти в работу и забыться… А меня послали на Минеральные Воды – для поправления здоровья!.. – Помолчав, он продолжал: – Которое мне совершенно не нужно… Когда ее хоронили, я весь гроб покрыл живыми цветами и почти один шел за ним. На суде это мне было почему-то поставлено в вину. Но мне это безразлично! Я нравственно был совершенно разбит и страдал безумно… Мне хочется забыть весь мир. Когда мой поезд пришел сюда ночью, я нарочно остался на вокзале и не поехал в гостиницу, чтобы избавиться от жадно-любопытных взглядов. Ведь все газеты писали так много и правды, и неправды, что каждый смотрит на меня с невольным интересом…

– Слава богу, я ничего не читала, – искренно сказала я. – Люди больше всего падки на чужое несчастие.

Он взял мою руку и молча прижал ее к губам.

– Какое счастье для меня, что я встретил вас, может быть, в последний раз в моей жизни, перед отъездом отсюда навсегда! У меня будет самое лучшее воспоминание о вас на весь остаток моей жизни. Со дня ужасной драмы вы первый человек, с которым я разговариваю с чувством душевного облегчения!..

Пришел носильщик и сказал, что поезд подан и место для его превосходительства занято. Мы попрощались самым сердечным образом. Генерал пошел в свой вагон, а я поехала в город к окружному инспектору. Было уже около одиннадцати часов утра, когда я вошла в его приемную и увидела там много ожидающих своей очереди для приема. Все ожидающие с тоской смотрели на двери кабинета инспектора. Врачи, пришедшие по службе, ожидали приема в длинном коридоре без окон, но с целым рядом выходивших в него дверей и с широкой крутой лестницей, ведшей прямо к выходной двери на улицу. Ни одного стула в этом коридоре не было. А врачи часами, стоя, ждали очереди, когда их примет окружной инспектор. По коридору из одной двери в другую, пробегали чиновники с пачками бумаг. Но дверь в кабинет инспектора ни разу не открывалась, и из нее никто не вышел и не вошел. Я подошла к группе врачей и спросила:

– Инспектора еще нет?

– Нет, он здесь. У него какая-то сестра сидит уже два часа! Мы вот с девяти часов ждем. Но он еще никого не принял.

– Может быть, его там нет? – говорю я.

– Какое там – нет! – сердито говорит один из врачей. – У него кто-то уже два часа сидит! А мы вот стоим и ждем у моря погоды…

Я села на ступеньку лестницы и стала смотреть на проходящую по улице мимо стеклянных дверей публику. Опять в коридоре какое-то движение! Я встаю и иду туда, куда устремились все. По коридору быстро шел один из

чиновников управления. Врачи обступили его и стали спрашивать:

– Что же это такое! До сих пор инспектор ни одного еще человека не принял! Есть у него там кто-нибудь?

– Да, есть. Инспектор занят.

– А нельзя ли постучать и как бы нечаянно войти туда? – предлагает какой-то врач.

– Нет, нет! Пожалуйста, подождите еще немного. Я думаю, посетитель скоро уже выйдет!.. – И чиновник быстро бежит дальше.

– Это черт знает что такое! Мне по спешному делу нужно видеть его. А я два часа торчу тут, – возмущался один из врачей. – Да что это за болтун сидит столько времени у него?! Почему инспектор держит одного человека так долго, когда его ждут тут столько других?

В коридоре стоял тихий шум голосов, все говорили полушепотом. Я устала стоять и опять села на ступеньки. Вдруг в коридоре наступила тишина, раздался звук открываемой двери. Из инспекторского кабинета вышла сестра милосердия! Она быстро прошла мимо врачей, метнула взгляд в мою сторону, сбежала с лестницы и выбежала на улицу… Я встала и пошла к ошеломленным врачам.

– Вот! Видите теперь, кто два с половиной часа занимал время инспектора полумиллионной армии! А десятки врачей ждали! Ждали сотни госпиталей и десятки тысяч раненых и больных! – сказал старый врач.

В это время все тот же чиновник прошел в кабинет инспектора и сейчас же вышел обратно:

– Идите, коллеги! Кто первый?

Но все врачи показали на меня:

– Уж идите вы лучше первая. А мы после.

Когда я вошла, инспектор сидел за письменным столом. Он привстал и поздоровался со мной. Я объяснила ему, кто я такая.

– Доктор, вы знаете моего мужа. Вы знаете, что он с первого дня войны находится на фронте со своим транспортом.

– Да, я знаю.

– За это время он совершенно изменился. И к худшему. Он стал сильно пить и чувствует себя очень плохо.

– Что же я могу сделать для вас в этом отношении?

– Переведите его в тыл на госпитальную работу. Дайте ему отдохнуть в человеческой обстановке хоть несколько месяцев. Работа в госпитале его отрезвит, и он опять войдет в нормальную жизнь.

– Милая барыня! Ко мне столько приходит врачей и их жен! И все просят о переводе на лучшие места или убрать хоть временно с фронта. Но куда же я всех их переведу? Где я возьму для них хорошие места в тылу? И кто же будет тогда работать на фронте? Доктор Семин знает свое дело. Его транспорт работает лучше всех других транспортов, взятых вместе! Если я такого работника сниму с налаженного дела, то сразу нарушится работа целого района!

– Доктор, дайте мужу возможность хоть на короткий срок уехать оттуда, иначе он погибнет. Я это знаю! С ним уже были припадки горячки. Я еду к нему сейчас потому, что он страшно пьет и чувствует себя совершенно больным…

– Хорошо! Я могу вам обещать только одно: когда вы приедете туда, скажите ему, чтобы он подал рапорт о болезни. Тогда я дам ему отпуск на месяц, на два по болезни. А там будет видно. Может быть, и удастся устроить его где-нибудь в тылу…

Я его поблагодарила и ушла. До вечера и отхода моего поезда время тянулось бесконечно долго. Я не знала, что мне делать и как убить время. К знакомым не хотелось идти. Тяжело слушать рассказы об убитых и искалеченных. А это было теперь неизбежным разговором в каждом доме. В Тифлисе живет много кабардинских семей. Среди них нет почти ни одной семьи, у которой не было бы кого-нибудь убитого или раненого. Ни помочь им, ни облегчить их горя я не могу, а слушать душераздирающую драму семьи – невыносимо тяжело. Поэтому решила ни к кому не идти. Просто похожу по Головинскому, посмотрю на публику, на магазины. Прежде всего, пойду пообедаю в ресторане… Пошла в гостиницу «Ориант», тут же на Головинском. При ней был великолепный ресторан. Его кухня славилась на весь Кавказ. Но в огромном зале не было ни одного свободного столика.

– Подождите, пожалуйста. Скоро должны освободиться столики, – сказал лакей.

Я села в одно из кресел, которые стояли в разных местах зала под пальмами. На эстраде играл струнный оркестр. За каждым столиком сидели военные с нарядными дамами. Столики были заставлены едой и винами. Настроение у сидевших за столиками было приподнятое, веселое. Некоторые подпевали под оркестр. Слышался смех. Сидеть одной в таком месте очень грустно. Музыка и веселый,

счастливый смех других нагоняют безотчетную грусть… Мне хотелось уйти… В это время подошел лакей.

– Пожалуйте! Столик освободился!

Он повел меня в дальний угол и усадил за маленький столик. Я пообедала и опять вышла на Головинский. В это время на солнечной его стороне было много гуляющих. Конечно, больше всего было военных. У некоторых из них на груди виднелись белые Георгиевские кресты. У других – совсем молодых, безусых, – были новенькие полковничьи погоны. И положительно у всех на эфесе шашки красные темляки[32]. Несмотря на оживленность веселой толпы, среди которой я шла, мне было скучно. Я поехала на вокзал. Там все как-то больше подходит к моему настроению. В городе гуляли люди, у которых был свой дом, своя комната. На вокзале все были только временно, проездом; и среди них мне было легче. Утром, когда я уезжала в город, вокзал был почти пустой. Теперь он был опять переполнен, как и накануне. Я подошла к мраморной колонне, оперлась на нее спиной и стала ждать Гайдамакина, как мы условились с ним вчера. Он тоже пришел много раньше, чем мы условились. Я рассказала ему все, что случилось со мной прошлой ночью.

– Вот ведь какое несчастье! Я сплю, а вас ограбили, и я ничего не знаю!..

– Солдаты из команды здесь?

---

[32] То есть все гуляющие – награжденные орденом Св. Анны 4-й степени.

– Здесь. Сдают продукты в багаж, с собой брать ничего невозможно. Вон тысячи народу ждут поезда. Не знаю, как место для вас найду.

– Хоть бы скорее сесть в поезд. Так устала стоять тут…

– Барыня, я боюсь, вы не доберетесь и до вагона. Столько народу, и все лезут к самому краю, чтобы, значить, сразу стать ближе к дверям.

– Ты хочешь, чтобы и я пошла и стала тоже к самому «краю»?

– Да вы посмотрите, что делается!

– Хорошо! Идем…

Мы вышли и стали двигаться по течению к концу платформы, где должен стоять поезд, идущий на Джульфу. Но толпа была такая огромная, что ни о месте, ни о спанье не могло быть и речи. Солдаты, офицеры, чиновники: в галифе, с красными крестами на рукавах и без крестов. Всех рангов чиновники, сестры милосердия, врачи и просто штатские люди. Армяне по обыкновению едут целыми семьями с мешками, узлами, корзинками, со множеством женщин. И откуда только они берут столько женщин? У каждого армянина, куда бы он ни ехал, всегда с ним три-четыре армянки, и непременно с грудным младенцем. Всегда и всюду они первые у железнодорожной кассы и у дверей вагона. Когда они займут вход в вагон, то ни один человек не разорвет эту живую армянскую цепь, пока все они не пройдут друг за другом. Как они держатся так крепко друг за друга в толпе, я не знаю и не могу сказать, но они как-то ширятся и становятся цепкие, колючие, и всякий, кто попробует пройти мимо них или разорвать их цепь, непременно сдастся. «А ну их! Пускай лучше пройдут все. А я

уже за ними как-нибудь проберусь», – говорят все, кто ездил в поездах Закавказских железных дорог. Так случилось и со мной.

Вот наконец и поезд на Джульфу – Эривань подан. Меня все время толкали, как будто к поезду. Но когда поезд подошел к платформе, я оказалась далеко от дверей вагона. У входов же в вагон с обоих концов стояли плотной черной массой армяне, ехавшие в свои родные места. Как только открыли двери в вагон, конечно, они первые вошли туда, а за ними уже военные. Я думала, что никогда не попаду в вагон. Но толкаемая толпой и почти безо всяких усилий с моей стороны, я очутилась в вагоне, стиснутая и прижатая к стене так сильно, что думала, что задохнусь. Около самого моего носа стоял какой-то гигант, как мне показалось, и от его солдатской шинели шел запах табаку, дыма и мокрой шерсти. Не было никакой возможности отодвинуться от него хотя бы немного…

Но вот впереди произошло какое-то движение, гигантская спина отодвинулась от моего лица… Легче стало дышать!.. Хорошо, что у военных не было никаких вещей или были маленькие корзиночки или пакетики. А что было бы, если бы меня прижали армяне?

– Кондуктор! – кричал кто-то впереди вагона. – Немедленно освободить места для военных, едущих на фронт! Это безобразие! Весь вагон, все купе заняты армянами и частной публикой! А для тех, кто едет на фронт, нет места! Это невозможно! Нам нет дела, кто куда едет. Но для нас, военных, должны быть места!

Наконец-то нашелся энергичный человек и потребовал для военных законные удобства. А то все обычно считают,

что военный «как-нибудь устроится», что о нем нечего заботиться, он может и постоять.

– На то он и «военный»! – говорит кто-то впереди меня.

Это действительно так.

– Весь вагон забит частной публикой, а мы, военные, хоть на крыше поезжай на фронт! А платим мы такие же деньги, как и частная публика, – продолжает кто-то.

– Места для едущих на фронт! – раздалось вдруг из-за могучей спины, за которой я стояла. – Прежде всего места для военных! Места для едущих на фронт! – еще раз закричал гигант.

– Пришел наконец и обер-кондуктор, – говорит кто-то позади меня. Через несколько минут началось движение в коридоре, и как будто стало немного свободнее. Я рада была и этому, стало легче…

– Сестра, сестра! Идите сюда! – кричит кто-то. Я вытянула шею и старалась увидеть, откуда неслись эти слова. Через два купе от меня стоял в дверях офицер, махал рукой и звал какую-то сестру. Он смешно вытянул кверху голову и махал рукой:

– Сестра! Идите сюда! Господа, пропустите сестру! – Я оглянулась, чтобы увидеть эту сестру и помочь ей пробраться к офицеру (должно быть, это ее муж зовет?). Но кто-то похлопал меня по плечу и сказал:

– Сестра! Идите же. Это вас зовут. Место для вас есть!

Но я не могла сделать ни одного шага ни вперед, ни назад. Нужно было большое усилие и ловкость, чтобы раздвинуть эту плотную человеческую стену и проложить себе путь. А я едва стояла на ногах от усталости, духоты и

давки со всех сторон. В это время резким толчком поезд рванулся и затем медленно стал двигаться вперед… Все бросились к окнам, чтобы хоть через чужие спины взглянуть в последний раз на близких, оставшихся на платформе. Те тоже смотрят в окна вагонов, стараясь увидеть уходящее дорогое лицо, послать последний поцелуй, перекрестить… Но в тысячной толпе не всем удается найти родное лицо… Все машут, выкрикивают дорогие имена, стараются вложить все свое чувство в слова прощания…

Дрожащая материнская рука крестит все окна вагона, где уже не разобрать ничего сквозь слезы и сумрак ночи. А поезд увеличивает свой ход, и крики становятся слабее и скоро совсем затихают… Стоящие в коридоре и увозимые в неведомое, но грозное будущее, остались одни со своими думами, кто из них вернется на этот вокзал сам и встретит опять радостных близких?.. Немногие!.. Одних привезут в Навтлуг, на товарную станцию и осторожно вынесут на носилках. Сопровождающий фельдшер скажет: «Ранен в живот! Осторожно несите…» Других привезут в простом деревянном гробу. Вагон отведут на запасный путь. Потом выгрузят… «Сначала раненых нужно вынести», – скажет начальник поезда. А вот сейчас все они стоят, сжатые со всех сторон. И не имеют места не только полежать, отдохнуть, а даже просто сидеть. А на перроне остались жена и сын, которых не мог даже разглядеть в тысячной толпе, чтобы послать им последний поцелуй. Где-то в этой толпе стоит жена, держит на руках сына и говорит ему: «Вон, смотри, Бобочка, там в окне, верно, папа стоит!» Мальчик вытягивает шейку к окну, куда показывает мать, старается разглядеть папино лицо, но в глаза лезут всё чужие бороды и усы, а папиного лица нигде не видно!.. «Видишь, Боба, папу?

Пошли ему поцелуй», – говорит мать, которая держит мальчика на своей груди и сама ничего не видит, кроме Бобиного пальто. «Видел?» – ставя его на пол и плача, спрашивает мать. А поезда почти уже не видно, и только стук колес заглушает плач оставшихся на перроне.

Плачут все, молодые и старые. Старик в военной шинели с отставными погонами на плечах успокаивает маленькую старушку:

– Не плачь! Володенька вернется жив и невредим, – говорит он, а сам украдкой утирает глаза…

В нашем вагоне все как-то само собой утряслось. В коридоре стало свободнее, даже можно было, хотя и с трудом, пройти. Кто-то потянул меня за рукав.

– Сестра, идите в наше купе, мы для вас бережем место!

Это опять тот же самый офицер, который раньше звал… Мы пробрались до купе. Хотя там уже сидело больше, чем полагается, но, когда я вошла, сидевшие на одном из диванов военные потеснились, и я села между ними.

– Мы, сестра, для вас давно бережем место. Садитесь к окну, вам будет там лучше, – вставая, говорит один, который казался постарше других. Только теперь я почувствовала, как я безумно устала, простояв на ногах несколько часов.

– Спасибо вам, господа, что дали мне место.

– Мы сразу же заметили, что вам приходится плохо, но не могли вас вызволить. Вас затерла толпа, точно льдом в половодье. Мы за это место бились много раз. Желающих было много, но мы все атаки отбили и позицию для вас удержали. А теперь не уступим нашу позицию ни перед какой атакой – будем биться до последней капли крови, –

смеясь, говорили они. – Устраивайтесь, сестра, с комфортом! Нас только трое останется на нижнем диване.

Так и сделали; двое из них легли на верхний диван, а мы втроем устроились на нижнем, но ночью к нам пришли еще двое из коридора и попросили посидеть немного:

– Ноги затекли стоять, – сказал один из них. Они сели на краешек дивана, положили головы на руки и, кажется, сразу заснули. Когда рассвело, ночлежники ушли, а я вытянула ноги, которые тоже затекли, и заснула. Проснулась я, когда поезд уже подходил к Эривани. Закатное солнце освещало голые горы, а Арарат казался вот тут – рядом.

Наконец поезд пришел на станцию Эривань. Я вышла из вагона и смотрела на блестевшую вершину Алагеза. Самый город Эривань находился от станции в двух верстах и не был виден отсюда. Дальше до Джульфы[33] пейзаж очень скучный – ни одного деревца, ни кустика не было видно. Всюду голые, красно-бурые, невысокие горы. После заката солнца быстро стемнело…

– Джульфа! – проходя по коридору, кричал кондуктор. Все стали укладываться, готовиться к выходу. Поезд замедлил ход и остановился. Станция – небольшое, низкое белое здание, плохо освещенное. Пришел Гайдамакин, взял мой чемодан, и мы вышли. Тут же, неподалеку, стояла линейка и пассажиры садились в нее. Я спросила, есть ли извозчики и где гостиница? Мне сказали, что извозчиков

---

[33] Джульфа – город в Азербайджане, железнодорожный узел, в годы Первой мировой войны – крайний пункт железнодорожной ветки, связывавший эту часть Кавказа с Тифлисом.

нет, а гостиница находится в версте от вокзала. Пока шли эти расспросы, линейка уехала и мы с Гайдамакиным пошли пешком в гостиницу. Ночь была лунная, теплая, и я шла с удовольствием. Но когда мы пришли в гостиницу, то оказалось, что все комнаты были уже заняты. Единственное, что мне предложил хозяин гостиницы – это стул:

– Мадам, – сказал он, – я вам поставлю на галерее стул, и вы будете там сидеть. Это вам ничего не будет стоить. А спать вы все равно не сможете. У нас остановилась армянская дружина, и они сегодня кутят! Ну, знаете, раз много мужчин и все много пьют, то шума бывает много. Но что поделаешь? Завтра, может быть, они будут уже с турками драться! Завтра, может быть, кто-нибудь из них будет убит! Нельзя сегодня им мешать выпить вина и петь родные песни…

Я не могла не согласиться с его доводами (другого выхода и не было). Итак, первую ночь в Джульфе я просидела на стуле, положив голову на перила и любуясь на полную луну. Галерею окружал виноградник, а перила и столбы были обвиты вьющимися розами. Недалеко от меня на полу сидел Гайдамакин. Из-за двери позади меня все время был слышен женский смех. К утру оттуда вышли женщина и какой-то военный.

– Барыня, вот освободилась комната. Я пойду спрошу хозяина дать ее вам?.. – Он скоро вернулся и сказал, что хозяина нет, пошел спать. Гайдамакин зашел в комнату, осмотрел ее, вышел и сказал: – Если бы послать наши простыни, так вы бы могли поспать там.

Светло! Мало-помалу все стало затихать в гостинице. Даже у дружинников тишина. Из некоторых комнат

выходили постояльцы и уходили совсем из гостиницы. Взошло солнце. Гайдамакин пошел в буфет и принес мне горячего кофе.

– Барыня, я говорил с хозяином, он пришлет вычистить комнату для вас.

Пришел армянин с веником и стал делать вид, что подметает. Я ему сказала, что нужно переменить на постели белье, а подмести можно после.

– Белье! Зачем белье менять?! Я вчера только менял.

– Но сегодня на нем спали какие-то люди!

– Да ведь только одну ночь спали!..

– Вот вы и перемените теперь…

– Зачем его менять? Оно совсем еще чистое? – Мне пришлось сильно настаивать, чтобы заставить его снять грязное белье. Но он заявил, что чистого белья у них нет.

– Хорошо, у меня есть свое.

Так и сделали. Но спала я недолго. Гайдамакин принес мне кувшин воды. Я умылась и пошла к коменданту, чтобы получить пропуск в Персию. Когда я показала ему единственный документ, выданный мне вокзальным жандармским управлением, комендант – злобный чахоточный офицер – уставился на это свидетельство, как бык на новые ворота. Он поворачивал его во все стороны и что-то искал: какое-то, по-видимому, мошенничество?

– Что это за документ? Я не могу на нем поставить пропуск!.. – Он говорил скрипуче, неприязненно. – Куда вы и зачем? В вашем свидетельстве ничего не указано. Куда я должен разрешить пропуск?

– Но у меня ничего нет больше, кроме этого свидетельства. Вы видите, что это мне выдано взамен украденных моих документов.

– Госпожа Семина (так, по крайней мере, написана ваша фамилия в этой бумаге), я не могу поставить на этом свидетельстве пропуска и ничем не могу быть вам полезным. – Он протянул мне свидетельство.

– Что же мне делать? Не ехать же обратно в Тифлис!..

– Я ничего не знаю и ничем помочь вам не могу, – закончил он аудиенцию. Попросту говоря, он выпроваживал меня из своего кабинета.

– Мне кажется, что вы здесь находитесь не для того, чтобы заявлять о своей бесполезности, а для того, чтобы всячески помогать и облегчать все трудности, в которых находятся в настоящее время люди. Во всяком случае, вы должны поставить пропуск на мое свидетельство. Вы видите, что оно выдано Тифлисским жандармским управлением и засвидетельствовано комендантом Карсской крепости Зубовым…

Никакого впечатления! Этот высохший от туберкулезных бацилл капитан был глух ко всему, что хоть немного не подходило под букву закону. Ему подай сестринское свидетельство!

Я ушла. Прийдя в гостиницу, Гайдамакин сказал мне, что муж прислал за мной лошадей. Я рассказала, что комендант не дал мне пропуска. Требует показать ему украденные у меня документы! Когда я рассказала все это Гайдамакину, какой-то старый полковник, стоявший недалеко от нас и, должно быть, слышавший мой рассказ, подошел ко мне и представился.

– Ищу попутчика или попутчицу! А вы, сестра, куда едете? Не в Хой[34] ли? Вот бы вместе нам поехать! Дешевле, да и веселее.

– Да, я еду в Ван[35].

– И отлично! В Ван ведь надо ехать через Хой.

– А вы едете в Хой или дальше?

– Я еду в Дильман[36], но сначала заеду в Хой.

– Мой муж прислал за мной лошадей, но выехать-то я отсюда не могу. Комендант не дает пропуска.

– Как так? Почему не дает?

– Видите ли, у меня в Тифлисе украли документы. – И снова я рассказала все свои злоключения старому полковнику.

– У вас есть кто-нибудь в Тифлисе, на кого бы вы могли сослаться, как на заслуживающего доверие свидетеля?

– Конечно! Инспектор Окружного медицинского управления Гопадзе.

– Ну так вот, этого совершенно достаточно! Идемте к коменданту, – сказал полковник.

---

[34] Хой – город на северо-западе Персии, в Иранском Западном Азербайджане севернее озера Урмия, на пути из Тавриза (Тебриза) в Эрзерум.

[35] Ван – город близ восточного берега озера Ван, административный центр. До 1915 г. – неофициальная столица турецкой Армении.

[36] Дильман – уездный центр в Персии.

И вот я опять у коменданта, но когда мой полковник стал говорить с ним, то тот сразу сбавил тон.

– Хорошо, я пошлю телеграмму в Тифлис Окружному медицинскому инспектору и дам вам пропуск, но только до Хоя. И, пока я не получу ответа на мой запрос, вы не должны никуда выезжать из Хоя.

Когда мы возвращались, я опять чувствовала себя счастливой. Полковник нанял фаэтон, и на другой день мы выехали из Джульфы. На лошадях, присланных мужем, поехал Гайдамакин с моими вещами в Ван, не заезжая в Хой. Дорога от Джульфы до Хоя была страшно пыльная. Красная глина, размолотая тысячами колес до мельчайшей пудры, толщиной в пол-аршина, поднималась за нашим экипажем густым столбом высоко к небу. К вечеру мы приехали на питательный пункт. Заведующий пунктом накормил нас. Для меня отвел отдельную комнату. На другое утро, чуть свет, мы напились чаю и опять поехали дальше вглубь Персии. Дорога была такая же, как и вчера. Только к вечеру мы подъехали к Хою. Теперь мы ехали в сплошном красном облаке. Все время мы обгоняли табуны скота, который гнали домой на ночь. Наш экипаж переехал мост, а потом въехал в крытый караван-сарай. На меня эти темные, узкие крытые улочки произвели потрясающее впечатление! Мы ехали по ним так долго, что я думала, мы заблудились и никогда не выедем на свет Божий. Всюду одно и то же, – крошечные лавочки с вялеными фруктами, кэбавни[37], горячий лаваш[38], менялы

---

[37] Кебаб – мелко нарубленное баранье мясо, нанизанное на плоский вертел, жарится на горячих углях. – *Примеч. авт.*

денег. Всюду ковры, ковры, ковры и ковры. Идут закрытые чадрой[39] персиянки и звонко цокают каблуками чувяк[40] по плитам. Гонят десятки навьюченных осликов, и погонщик – старый перс – тычет их в круп заостренной палкой. Какой-то приторно-затхлый запах в этих улочках вызывает тошноту и головную боль. Но вот, слава богу, опять выехали на открытую улицу, переехали мост и остановились перед гостиницей. Это была гостиница только для русских. Мне дали комнату на втором этаже. Запах караван-сарая чувствовался и здесь во всем здании. Я как поднялась в свою комнату, так в этот вечер больше и не спускалась. Мне принесли чаю, черствый хлеб, кусочек сыру, и этим я поужинала. Потом сразу умылась, как могла, и легла спать. Умывальные принадлежности были более чем примитивны – небольшой медный кувшин с водой, медный тазик и ведро для грязной воды. На другое утро я рано привела себя в порядок, спустилась и сейчас же увидела моего попутчика-полковника.

– Ну что, сестра, отдохнули? Пили чай? Нет? Ну так пойдем искать столовую. Я тоже еще ничего не пил.

---

[38] Лаваш – тонкий сочень из пресного теста, повешенный на тонкую палочку, печется над горячими углями. – *Примеч. авт.*

[39] Чадра – большой кусок материи, у богатых – шелковый, а у бедных – из простого ситца, которым персиянки закрываются с головой и только оставляют щелку для глаз или сетку вроде тюля. – *Примеч. авт.*

[40] Чувяки – туфли из цветной кожи с загнутыми кверху носками и невысокими каблуками, но без задков. – *Примеч. авт.*

Мы нашли столовую тут же в гостинице. Довольно большая комната, простые грубые столы и такие же стулья; а чад из кухни, очевидно, никогда не выветривался из этой столовой. Нам подали чай с персидским горячим чуреком[41], молоко, вареные яйца и овечий сыр.

– Что вы, сестра, думаете делать после завтрака? – спросил меня полковник.

– Пойду искать госпиталь и скажу там, чтобы дали мне знать, если придет на мое имя телеграмма.

– Я вас провожу туда. Я знаю, где госпиталь, и знаком со старшим врачом.

Мы позавтракали и пошли в госпиталь. Там разыскали мы старшего врача, и я рассказала ему все. Он сразу же предложил поселиться у него в госпитале.

– Эта гостиница единственная для всех, и там одной женщине жить неудобно, – могут быть недоразумения. А здесь вы в полной безопасности. Сразу же перебирайтесь сюда.

Я вернулась в гостиницу, сложила вещи, взяла перса-носильщика и перебралась в госпиталь. Меня поместили в комнате с тремя сестрами. Познакомилась со старшей сестрой и предложила работать в палате, пока получу известия из Джульфы.

---

41 Чурек – хлеб из пшеничной муки на дрожжах, формы овальной лепешки в пол-аршина длины и толщиной в один вершок, румяный и хорошо пропеченный. – *Примеч. авт.*

– Сначала отдохните, а работа всегда найдется, – сказала сестра.

Тягуче-медленно тянется время. Вот уже скоро неделя, как я приехала в Хой, а ответа от коменданта Джульфы все еще нет. Госпиталь большой. Много персонала. Личные отношения друг с другом хорошие, и меня приняли ласково и просто. Но мне скучно, и я встречаюсь с ними только за едой. Получила от мужа телеграмму, что вышлет за мной лошадей, как только я сообщу, что разрешение на проезд в Ван получено. А его-то все еще нет! Показала телеграмму мужа старшему врачу.

– Сестра Семина, мы должны послать в Ван продовольствие и добавочный персонал – одного врача и сестру – в отделение нашего госпиталя. Так я думаю, вам незачем и телеграфировать вашему мужу и ждать, когда он пришлет за вами лошадей. Вы можете ехать с нашим обозом. Место найдется. А ехать всем вместе будет и безопаснее, и удобнее. Путь-то ведь немалый…

Прошло еще несколько дней и наконец я получила разрешение ехать в Ван. В разрешении сказано, что сестре Семиной разрешается ехать в санитарный транспорт доктора Семина. Мы завтра рано утром выезжаем из Хоя. Наши двуколки были уже нагружены с вечера. Нужно было только решить, по какой дороге ехать. Хорошая дорога шла через Дильман, но она была много длиннее прямого пути. Зато этот последний не всюду даже можно назвать дорогой. Это старая караванная тропа для вьючных животных. Она много короче первой дороги. И поэтому, хотя она и не безопасна от курдских шаек, но теперь по ней нередко направляли наши обозы в Ван. Вечером в столовой за

ужином все обсуждали вопрос по поводу выбора этой дороги для нашего похода. Поднялся большой спор. Многие из персонала трунили над молодым врачом-армянином, который ехал с нами в Ван.

– Не бойтесь, коллега! С вами две сестры едут! Они спасут вас от курдов!

Другие говорили, что никакой опасности для нас на этом пути нет. Шайки курдов, которые раньше нападали на дороге на наши обозы, отогнаны вглубь страны. Третьи уверяли, что теперь на этой дороге стоят наши казачьи посты, которые и охраняют транспорты. Четвертые возмущались:

– Да что вы трусите – с вами ведь едут три солдата. Возьмите винтовки! И если курды нападут, вы сможете отстреливаться. А тем часом на стрельбу подойдут казаки с поста и выручат вас.

– Сестра Семина, если вы боитесь ехать, то вам лучше подождать лошадей вашего мужа и ехать через Дильман. Та дорога хотя и длиннее, но зато безопаснее…

– Конечно, я поеду с вашими двуколками. – По правде сказать, мне очень хотелось как можно скорее покинуть хотя и гостеприимный, но чужой мне госпиталь и добраться до мужа.

И вот рано утром на следующий день мы уселись на тюки сена, положенные в двуколки как сиденья, и тронулись в опасный путь. Весь персонал вышел нас провожать, и каждый давал наставления, как нужно отстреливаться, если нападут курды. Как только мы проехали Хойские сады, сразу же начались горы, вначале невысокие, но чем дальше мы ехали, тем они становились выше. Скоро мы вошли в ущелье, дно которого составляло широкое и почти сухое русло реки.

Мы ехали по многовековой караванной дороге, которая извивалась вдоль подножия высоких гор, покрытых кустарником и редким лесом. Под колеса двуколок все время попадались большие камни, которые нельзя было никак объехать. Солдаты как будто не замечали этого и ехали рысью. Но нас так подкидывало, что под ложечкой делались колики, и мы просили остановиться, чтобы хоть немного перевести дух. Мы держались обеими руками за края двуколки, но усидеть на твердых тюках сена не было никакой возможности. У солдат были винтовки, а у доктора револьвер. Все поглядывали с большой опаской на близкие горы и громадные камни, которые лежали почти что около самой дороги, и из-за которых каждую минуту могли раздаться выстрелы. Солдаты не знали, сколько верст нам ехать до казачьего поста, где мы должны были ночевать, и поэтому гнали лошадей вовсю, чтобы засветло туда приехать. Не останавливались даже для обеда. Когда было уже близко к вечеру, мы увидели высоко над дорогой, на краю обрыва, человека с винтовкой. Мы все сразу решили, что это выследивший нас курд, и ждали каждую секунду, что вот-вот раздастся выстрел…

– Стой! – сказал доктор. – Видел курда с ружьем?

– Видел, – ответил наш солдат.

Мы остановились. Остановилась и передняя подвода… Один солдат соскочил с нее и подошел к нам.

– Вы видели курда? – спросил его доктор.

– Где? Нет, мы не видели. – Солдат оглядывается и кричит своему товарищу: – Слышь! Курды!

Тот, точно его кто-то сдунул с двуколки, стоял уже около нас и расширенными глазами смотрел на доктора и спрашивал:

– Где ж ён? Я ничего не вижу!..

– А мы видели курда на самой верхушке горы. Он был с ружьем, но теперь его не видно. Должно быть, спускается к нам или дает сигналы другим курдам. Каждую минуту могут напасть на нас! Где ваши винтовки? – строго спросил доктор. Оба солдата бросились к двуколке и вытащили винтовки.

– Все равно, будем ли мы стоять или ехать! Нас курды и так, и этак расстреляют! От Хоя мы отъехали далеко, и возвращаться назад нельзя – лошади не дойдут... А впереди где-то скоро должен быть казачий пост. Так уж лучше мы поедем вперед.

Солдаты ушли на свою подводу, и мы тронулись дальше. Доктор взял винтовку нашего солдата, готовый каждую минуту открыть огонь по неприятелю. Но мы больше не видели курда с ружьем. Наш солдат, который сидит на доске двуколки, говорит:

– Один курд на нас напасть побоится! Он теперь дал сигнал своим товарищам, и вот нужно ждать их каждую минуту. Как только к ним подойдет подкрепление, так они спустятся с горы и захватят нас!

Момент был жуткий! Доктор крепко держал винтовку обеими руками наготове и зорко всматривался в каждый камень. Ждал, что вот-вот покажется страшная рожа!..

– От курдов пощады ждать нельзя, – говорил доктор (он был армянин). – Они сначала нас, мужчин, всех перебьют, а потом и вас, сестры!

– Доктор, пожалуйста, вы меня первую застрелите, чтобы не попасть к ним в руки! – говорит сестра. Она сидела бледная; выбившиеся из-под косынки волосы развевались жидкими косичками по ветру. Обеими руками она держалась за меня, а голову спрятала за мою спину.

– Сестра, верьте мне! Буду защищать вас до последней пули! Но одну оставлю для вас, а самую последнюю для себя! – торжественно проговорил доктор.

«А мы, я и три солдата, остаемся на милость курдов?» – подумала я, но ничего не сказала… Да и что скажешь? Я здесь чужая для всех. Что со мной будет, никого не интересует. Каждый думает о себе! Как быстро все меняется. Совсем недавно я жила в собственном доме, за крепкими стенами, за дубовой дверью, которую запирали и на замок, и еще на цепочку… Когда я спала, все в доме ходили на цыпочках, чтобы не разбудить меня… Для мужа я – самое дорогое в жизни. Будь он здесь сейчас, он жизнь отдал бы, чтобы защитить меня!.. А вот сейчас сижу с людьми рядом, локтями касаемся друг друга. А они меня даже и не замечают. И им совершенно безразлично, что будет со мной. Вот убьют меня сейчас, и труп мой будет валяться, почернеет, засохнет, как и труп лошади, мимо которой мы только что проехали. Потом пошлют солдат, казаков. Будут преследовать курдов. Да будет уже поздно!..

Вдруг меня так подбросило, что я едва попала обратно на тюк. Солдат изо всех сил хлестал лошадей, и они мчались, не разбирая ни дороги, ни камней. Доктор стоял на дне двуколки на коленях, опираясь на винтовку. Сестра одной рукой обняла меня за талию, а другой держалась за край двуколки! Но ничего не помогало. Мы обе качались из

стороны в сторону и нас подбрасывало так высоко, что я удивлялась, как это мы еще попадали обратно на тюк сена… Револьвер валялся у нас под ногами и подпрыгивал, стуча о пол. Я взглянула на переднюю двуколку. Она мчалась вперед, как и мы. Оба солдата качались и подпрыгивали, удерживаясь с трудом на сиденье… У одного солдата фуражка была нахлобученной до ушей. Другой был без фуражки, и волосы у него развевались, как перья. Они оба хлестали лошадей, не жалея… И вдруг на всем скаку их двуколка с треском налетела на камень и так сильно накренилась, что оба солдата из нее вылетели. Лошади остановились… Наш кучер не отставал от первой двуколки. Он едва сдержал лошадей, чтобы не налететь на нее. От неожиданной остановки мы все попадали. Доктор толкнул головой в спину солдата. Тот сунулся носом в хвосты лошадям. А мы с сестрой упали на доктора!.. В этот момент раздался такой страшный выстрел, какого я не слышала и во время Сарыкамышского боя!.. Курды стреляют прямо у меня под ухом… Я закрыла глаза и не хотела вставать… Я ждала новых выстрелов, но стрельба прекратилась… Была тишина, и пахло порохом. Кто-то под нами зашевелился, и я услышала голос доктора:

– Да вставайте же вы! Совсем меня придавили!..

Я открыла глаза и встала. Другая сестра тоже поднялась. Наш солдат стоял около двуколки.

– Сама выпалила! – сказал он. – Хорошо еще, никого не задела пуля!..

Доктор тоже поднялся, сел на сено и стал рассматривать винтовку.

– Как это, черт ее побери, она сама выстрелила? Не понимаю!.. – Но, вспомнив курдов и опасность, угрожавшую нам, он говорит: – Что же вы стоите?! Поезжайте скорее!..

– Да вон у них двуколка перевернулась! Они поднимают ее.

Передняя подвода еще лежала на боку, и солдаты возились около нее. Мешки и ящики с макаронами валялись на земле.

– Скорее! Скорее трогайтесь!

Наш солдат пошел помогать. Пошел и доктор. Потом пошли и мы с сестрой… Ни двуколка, ни лошади, ни солдаты – никто не пострадал. Просто под колесо попал большой камень, и от толчка выкинуло солдат и несколько мешков и ящиков. Общими усилиями двуколку подняли; вывалившуюся поклажу положили обратно; солдаты сели на свои места и поехали. Наша двуколка не отставала от них ни на шаг. Доктор сел на прежнее место, на тюк сена. Винтовку поставил между ног и держал ее за ствол кверху дулом.

– Что же курды на нас не нападают? Испугались? Увидели, что мы вооружены или ждут удобного случая, чтобы напасть? Эта сволочь нападает храбро, когда видит безоружных…

– Они, ваше высокоблагородие, ночи ждут, чтобы зарезать нас спящих, – говорит наш солдат. Доктор меняет положение и поворачивается беспокойно к солдату: – А где мы будем ночевать?

– А кто ж его знает? Где придется!.. Где ночь застанет, – спокойно отвечает солдат.

– Но так же нельзя. Нас так мало! Мы не можем выставить караула! А если заснем, то нас курды спящих всех убьют!..

– Тоже и я говорю! Вырежут беспременно! Начисто всех вырежут! И перекреститься не дадут! – вторит солдат… – Вот только стемнеет, они нас всех кончат!.. Они завсегда так… Днем за камнями притаятся и следят… А как станет темно – режут всех начисто!..

У доктора начинают бегать пальцы по стволу винтовки…

– За каким дьяволом мы сюда поехали? Короче дорога, опять же! Ну, эта короткая дорога прямо ведет в ад! Я ведь не за себя волнуюсь! На моей ответственности две беззащитные женщины!.. – сказал доктор. Хотя мы с сестрой сидели и ничем не показывали страха, но доктор стал нас успокаивать: – Вы, сестры, не волнуйтесь! Мы будем вас до последней капли крови защищать!

– Доктор, вы за нас не беспокойтесь, – говорит сестра. – Ведь если нападут курды, то перебьют всех вместе. Живыми никого не оставят, ни мужчин, ни женщин. На то и война!

Доктор предложил нам папиросы, сам закурил и ничего больше не говорил… Солнце стояло уже низко и освещало только верхушки гор. В ущелье становилось темно… Вдруг с передней подводы солдаты что-то закричали нам и показали на гору над нашим ущельем… Все глаза повернулись туда…

На вершине, на фоне неба, стоял человек с ружьем… И не успели мы даже как следует испугаться, как раздался новый крик:

– Смотрите! Смотрите! На нашей стороне тоже курд с ружьем!.. – Он был ярко освещен заходящим солнцем, но мы не успели его разглядеть… Он скрылся…

– Вот когда пришел конец! Они весь день следили за нами. А теперь, когда наступает ночь, они окружили нас и расстреляют с обеих сторон, как зайцев!.. Мы в ловушке! – дико вращая глазами, говорит доктор. Сейчас начнется стрельба…

– Зачем они ждали ночи? Ведь днем лучше, виднее стрелять по нам! – спросила я.

– Просто кровавые инстинкты! Хотят заманить жертву так, чтобы ей некуда было уйти, – объясняет доктор.

А в ущелье становится все темнее. Солнце уже зашло за горы. С передней подводы опять что-то орут и тычут руками в сторону сухого русла реки…

– Черти! И чего орут? Не все ли равно, какой конец нас ждет?!.. Они же первые попадут под курдские пули. Гораздо легче было бы умереть без всякого предупреждения! А то кричат: «В вас стреляет курд, берегитесь!» Как же убережешься, когда в тебя уже стреляют!.. – Доктор в ужасе поворачивается туда, куда показывают солдаты. Я очень боюсь, как бы опять не выстрелила сама винтовка, она так дрожит в докторских руках!..

– Боже мой! Смотрите! Что это?.. На нас летит курдская конница?!

С противоположной стороны по сухому руслу реки скакал наперерез нам страшный курд… На горе стоял другой… На нашей стороне опять появился тот, который все время выслеживал нас. Окружены со всех сторон! Теперь уже ни назад, ни вперед! Крышка! Смерть… И вдруг скакавший на нас курд снял шапку и радостно махал ей, как бы приветствуя свою добычу. Передняя подвода остановилась в

ожидании (все равно не ускачешь). Остановились и мы, наехав вплотную на переднюю…

– Ну что же! Умирать, так с музыкой! Будем отстреливаться до тех пор, пока не перебьют всех, – сказал доктор, крепко сжимая в руках винтовку. А смерть так близко, что ближе уж некуда… Вот-вот затрещат выстрелы! Упадут солдаты, а потом и мы с сестрой (женщин всегда убивают последними). Но где же курд? Мы его потеряли из вида… Вдруг он сразу выскочил из-под берега с нашей стороны, и совсем близко от нас! Сначала показалась голова. Потом и весь всадник… Он продолжал махать шапкой и кричать:

– Стойте! Стойте! Вот здеся спуск к речке! – И он показывал нам рукой совершенно не замеченный нами спуск в русло, который мы уже проехали. Всадник выбрался из-под крутого берега и подскакал к нам. Мы вздохнули глубоко, всей грудью! Это был наш русский – казак!.. – Что ж это вы пропустили дорогу на переправу?! Я кричу, кричу вам. Ворочайте! Вон спуск где!.. – Казак поехал вперед, показывая нам дорогу.

Мы повернули, спустились, переехали по дну русла и поднялись на другой берег. Здесь в небольшом закрытом ущелье мы увидели длинное, из грубого камня здание без окон и с одной дверью. Нас встретил старший казак – урядник[42] – и повел в помещение поста. Недалеко от двери,

---

[42] Урядник – здесь: младший командир и унтер-офицерский чин (обобщенно) в казачьих частях Русской императоской армии. Старший урядник – командир взвода, младший урядник – его помощник.

посреди сарая, горел большой костер, а вдоль стен было разостлано сено для спанья. От костра шло приятное тепло и свет. Слава богу, кончились страхи и ужасы. Мы находимся среди своих, да еще среди казаков! Теперь нам ничего не угрожает!

– Сейчас принесут вам ужин, – сказал урядник. – Мы уже поужинали. А вы запоздали маленько. Мы вас ждали раньше. Суп варили из барашка! Да не дождались и поужинали без вас. Казакам нужно было идти на посты. Наш часовой заметил вас еще до полудня и все время доносил нам на пост о вашем продвижении. Ну, я зарезал барашка и сварили хороший, с рисом, суп для всех.

– А где же курды? Мы видели на горах курдов с ружьями. Если бы ваш казак не приехал за нами, они бы напали на нас ночью и перебили всех! – говорю я.

– Нет. Это вы наших часовых казаков за курдов принимали… Теперь тут тихо. Курды ушли дальше. А раньше, правда, нападали на всякого, кто ехал по этой дороге. Мы их выжили отсюда. По обеим сторонам дороги на горах день и ночь стоят казачьи посты.

Слушая все это, наш доктор сидел в непринужденной позе, курил и меланхолически смотрел на огонь. Все, значит, было напрасно! Геройство, готовность на подвиги и самопожертвование для спасения женщин. Оказывается теперь, что мы весь день ехали под охраной казачьих часовых!..

После горячего супа мы легли и всю ночь отлично проспали на мягком, душистом сене. На следующее утро, как только стало светать, мы выехали с поста, а к вечеру уже подъезжали к Вану. В этот день мы все время видели то на

одной, то на другой стороне дороги высоко, на самом гребне гор, вооруженных людей. Но сегодня эти фигуры своим появлением вызывали в нашей душе спокойствие, уверенность, что нас охраняют и, если понадобится, защитят… За несколько верст до Вана ущелье стало расширяться, и вскоре мы выехали на широкую долину и увидели впереди и немного вправо от себя громадное Ванское озеро. Скоро мы подъехали к какому-то курдскому или турецкому селению. Там был русский комендант и команда солдат. Здесь было тепло, как летом. Около домиков цвели вьющиеся розы и нарциссы; на пруду, близко около дороги, плавали дикие утки, гуси, лебеди, а на отмелях бегало бесконечное множество куликов. Одни искали еду, другие гонялись друг за другом, третьи сидели на берегу и чистились. В воздухе стоял птичий крик и шум хлопанья крыльев.

– Что это за птицы? – спросила я коменданта.

– Божьи! Прилетели на зимние квартиры. А мы их пугаем. Но я заметил, что они уже привыкли к нам и не пугаются, как раньше. Я иногда бросаю им в воду ячмень. Ух! Как они кидаются на него!..

Поехали дальше. Наконец вот и Ван! Мы въехали в какую-то улицу, и наши подводы остановились около низкой глинобитной стены. Вглуби за ней видны были два здания. На шесте висел флаг с красным крестом.

– Кажется, приехали! – сказал доктор и соскочил на землю. Я тоже слезла, поблагодарила доктора, попрощалась со всеми, и, расспросив у подошедшего к нам солдата, где стоит транспорт, пошла в указанном им мне направлении. Для верности я спрашивала дорогу и у других встречных

солдат. Улицы были довольно широки. Но огромные деревья, растущие по обеим сторонам, пропускали мало света. Чем дальше я шла, тем становилось все темнее и тем больше чувствовалась сырость и затхлость. В домах двери были сорваны, окна выбиты. Всюду валялись какие-то тряпки, битая посуда, поломанная мебель. Около дверей – втоптанная в грязь подушка. В другом доме, на втором этаже, из выбитого окна висели женские платья и стеганое шелковое одеяло... Дома тут были все большие, двухэтажные, но жуткие: ни одного целого окна или двери я не видела... Я старалась как можно скорее пройти мимо них и боялась даже смотреть в черные отверстия окон и дверей. Мне казалось, что там лежат трупы убитых... Я свернула в какой-то переулок, более узкий и темный, чем другие, и услышала журчанье ручья – арыка. Здесь пахнуло на меня еще большей сыростью. Но нигде ни одного огонька! С одной стороны улицы стояли разрушенные дома, а с другой – высокая глухая глиняная стена, в которой были крепкие, наглухо запертые ворота. Не было видно ни одного человека. Кого спросить, куда идти? А ночь спускалась быстро, и в этой мертвой улице было уже совсем темно. Я остановилась и старалась сообразить, где бы мог тут жить муж? Мне объяснили, что, как только я сверну с широкой улицы в переулок, то первый и будет его дом. Но как тут разберешь, где кончается один дом и где начинается другой? Кроме одной сплошной глиняной стены, я ничего не вижу... Опять я пошла вдоль нее в поисках дома и двери, но, кроме огромных закрытых наглухо ворот, я ничего не нашла... Я вернулась опять к той улице, по которой пришла. Было уже совсем темно. Разрушенные и мертвые дома казались еще страшнее, чем днем... Чувствовала я себя, точно заблудилась

среди топкого болота. Я стояла на углу и не могла шагу сделать ни в одну из этих черных, мертвых и бесконечно страшных своей пустотой и молчанием улиц… И вдруг впереди, в середине огромных ворот, открылась калитка и осветила человека, который шел из нее прямо на меня… Это был солдат. А когда он подошел ближе, то оказалось, что это был санитар из транспорта мужа.

– Здравствуйте! Где живет старший врач?.. – Санитар смотрел на меня, как на сошедшую с другого света, и молчал. Я повторила вопрос… Санитар молча мотнул головой в сторону ворот, но вдруг точно опомнился и заговорил:

– Барыня! Здравия желаю! А я ведь не признал вас. Здесь! Здесь мы и стоим. Вот и ворота! – он перешел улицу, открыл калитку в воротах и заорал во все горло. – Барыня приехала! Гайдамакин! Барыня приехала! – Я вошла в калитку и очутилась в большом помещении, из которого шла лестница на второй этаж. С нее кубарем скатился Гайдамакин. А следом за ним и Ваня!..

– Тиночка! Ты откуда? Как ты приехала? Только четыре дня, как я послал Ткаченко за тобой…

– Я его не видела! Я приехала на госпитальной двуколке, которая привезла продукты в здешний госпиталь. Да еще одного врача и сестру. Вот я с ними и приехала.

– Я не ждал тебя сегодня! По моим расчетам, ты должна бы приехать не раньше, чем дней через пять. Ткаченко поехал через Дильман. Это дальше, но безопаснее.

Мы поднялись на второй этаж и вошли в комнату мужа. Комната была длинная; часть ее отгорожена ширмой, за которой он спал. В передней части комнаты стоял стол; вдоль стен стояли широкие деревянные скамьи, на которых

лежали шерстяные тюфячки. На столе – керосиновая лампа. Несколько стульев. Стена на улицу была без окон, только под самым потолком были крошечные оконца. Муж сказал, что это бойницы. Но со стороны двора стена комнаты состояла почти сплошь из стекол, и даже все были целы! Вся мебель, полы и стены до половины высоты – все было из орехового дерева с замечательной тонкой резьбой. Другая половина комнаты была такая же, но на диванах лежали наши толстые шерстяные тюфяки. На одном из них и спал муж.

– Раньше всюду кругом лежали тюфячки. Но я приказал их выкинуть. До прихода русских здесь жили турецкие солдаты. А среди турецких войск страшный тиф.

– Что это за странный запах в комнате!

– Видишь ли, я не ждал тебя сегодня. И не приготовился к встрече. У меня вчера были гости и, как полагается, выпили порядочно. Я почти весь день спал, а комната не проветривалась. У меня здесь есть кое-кто из друзей. Я тебя познакомлю с ними. Хорошие парни: один корпусной врач, Ващенко, другой ветеринарный корпусной врач, Щукин, и еще несколько человек, но все очень хорошие ребята и любят выпить. Но ты не думай, что это просто какие-нибудь забулдыги, нет, это всё люди семейные. Когда они узнали, что ты приезжаешь и что, следовательно, всякие попойки у меня прекратятся, то решили вчера кутнуть как следует. Я думал, что до твоего приезда у меня будет время принять нормальный вид. Но ты неожиданно приехала раньше и расстроила все мои расчеты.

– Где ты достаешь напитки, чтобы напаивать столько народу?

– Вот в этом мне повезло! Когда я занял этот дом, то внизу, в кладовой, нашли не только десятки пудов сухого кишмишу, но и всех размеров медные котлы и трубы. Здесь край замечательно богатый! Всюду сады, роскошные виноградники. Из винограда здесь выделывали коньяк и водку. Вот я и устроил в саду свой винокуренный завод, и теперь у меня заготовлен большой запас водки. Я тебе потом покажу завод… Виноградной водки у меня есть несколько ведер. Водка отличная, крепкая! Слабого человека прямо с ног сшибает! Только вот запах ужасный… Что ни делал, а не мог уничтожить эту сивушную вонь. Очень трудно очищать от масла. Но, если хорошенько повозиться, то в конце концов можно достигнуть лучших результатов…

Смотрю я на него, и сердце больно сжимается… Ничего от прежнего моего Вани не осталось! Лицо опухло, глаза красные, отекшие, даже веки отвисли настолько, что видна слизистая оболочка, воспаленная, красная… Он заметил мой грустный взгляд.

– Тиночка! Не смотри так на меня! Я знаю, рожа опухла с перепою… Но я ведь не ждал тебя сегодня! Я надеялся, что просплюсь к твоему приезду…

«Всюду одно и то же! – с тоской подумала я. – Там, в тылу, пьют дорогие напитки, слушают музыку и сидят с нарядными женщинами… Здесь пьют вонючий самогон под пошлые анекдоты и пьяные разговоры без смысла и без радости… Сущность же всюду одна – всё и вся летит в пропасть! Все разваливается… Нет спасения никому и нигде! Вот я преодолела все препятствия, приехала к мужу искать у него защиты и спасения от захватывающей пошлости и разврата. А здесь, оказывается, все то же самое, только под

другим видом. Разве можно говорить с этим тонущим в своем бессилии человеком так, чтобы разрешились все давящие меня сомнения и чтобы после этого на душе стало легко, как после Причастия, и радостно, как в Светлое Пасхальное утро?!. Ничего уже не осталось от этого когда-то сильного и цельного человека. Весь он стал бесформенной алкогольной развалиной!..» Такая горечь подступила к горлу, что я едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. Слезы градом текли из глаз…

– Тиночка, родная! Что случилось? Почему ты плачешь? – он стал на колени, гладил мои руки и целовал меня, и говорил ласковые слова, какие только знал… А я не могла выговорить ни одного слова… Все напряжение моего настроения за эти дни вырвалось наружу, и я исходила слезами… Потом немного успокоилась. Но уже ничего не хотелось говорить ему. Первый раз за всю совместную жизнь мне просто не хотелось говорить ему всего того, что лежало у меня на душе… А когда я ехала сюда, то мне казалось, что он – единственный человек, которому можно доверить всю себя, все свои помышления и сомнения, у которого можно найти защиту даже от своих собственных сомнений и слабостей…

– Тиночка, родная! Прости меня! Я даю тебе слово, что, пока ты со мной, капли вина в рот не возьму! А теперь не плачь. Успокойся. Расскажи, как ты ехала. Я так тебя ждал! Ведь ты знаешь, как я тебя люблю! Мне невыносимо видеть твои слезы…

На другой день, после утреннего чая, муж повел меня в сад, показал свой водочный завод и тут же, при мне,

приказал немедленно разрушить его до основания… Потом мы пошли смотреть город, и он мне все показал и объяснил:

– Когда мой транспорт пришел сюда, то во всех этих домах лежали армянские трупы… Турки жестоко с ними расправились! Поголовно вырезали всех женщин и детей, и стариков, и молодых….Никому не было пощады!.. Даже те, которым удалось бежать из города, тоже почти все погибли! Одних настигли и убили. Другие погибли от голода и болезней… Некоторые и сейчас еще прячутся в пещерах и лесах… Среди них много одичалых детей, родители которых убиты. Мои санитары на днях видели одного такого, когда транспорт ездил за ранеными. Они пробовали его поймать, но не могли. Он был совершенно голый и, как только заметил людей, как зверь, куда-то спрятался, и сколько его ни искали, так и не нашли. Здешний комендант, очень энергичный человек, собрал команду солдат-армян, которые лазят по горам и всюду ищут этих одичалых детей. Нескольких поймали и уже привезли и сдали коменданту. Я на днях видел их… Это сплошной ужас! Одни кости да кожа! Животы огромные, как пузыри надутые… И до такой степени дики, что, если протянуть к ним руку, кусаются совсем по-звериному. Мы с доктором Ващенко ходили по домам… Таких насмотрелись картин, что все виденное до сих пор – было просто детской шуткой. Армяне здесь жили очень богато, и турки не только убивали их, но и грабили убитых. Все дома были разграблены. Грабители могли унести только немногое, деньги и драгоценности… Остальное, что нельзя было унести, старались изломать, уничтожить… В одном богатом доме мы увидели: на пороге, очевидно, собственной комнаты, лежала женщина с разрубленной головой, а внутри комнаты на кроватке – совсем крошечный ребенок,

истыканный не то кинжалом, не то штыком. В другом доме наши солдаты обратили внимание на большое пятно крови на потолке! Послали на крышу посмотреть. Там оказались три трупа – мужчины и двух женщин… Похоже, что это была семья. Они, вероятно, спрятались, но были найдены и убиты. Я видел очень много этих страшных армянских трупов. Все они были убиты холодным оружием. Большинство были зарублены или заколоты сзади, видимо, когда бежали от страшной смерти… Больше всего и раньше всего подверглись разграблению богатые квартиры. Беднота тем временем бежала в горы. Но их потом преследовали, догоняли и многих убили. Но все же кое-кто спасся… Мы видели женщин с отрезанными ушами, с отрубленными руками. У некоторых трупов головы валялись на большом расстоянии от тела… После этого избиения и грабежа все турецкое население бежало из города вслед за отступавшими турецкими войсками. Когда через несколько часов после этого в город вошли наши войска, то на улицах валялись одеяла, подушки, простыни, одежда, медная посуда. В раскрытые двери домов виднелось еще больше богатой добычи. В таких случаях никакая дисциплина и строгость не может удержать многих, даже хороших солдат, от искушения подобрать брошенное добро. Одиночные люди подбирали кто подушку, кто одеяло. Если начальство замечало это, то их заставляли бросать вещи… Но это не останавливало других делать то же самое… «Мы никого не грабим, – говорили они, – у нас голову не на что положить ночью, а эти вещи ничьи – брошенные… Мы их ни у кого не берем…» Но когда наши войска стали преследовать отступавших турок, то оказалось, что многие солдаты были так нагружены подобранными вещами, что почти не могли двигаться. Я сам

видел, как некоторые солдаты тащили на своих плечах швейные машинки. Другие – по два, по три стеганых одеяла, медные тазы, пудовые котлы… Я говорил с офицерами, как все это остановить… «Что мы можем сделать, солдаты считают это своей военной добычей, и хотя из сил выбиваются, но тащат. Когда же не сможет тащить, устанет, то все равно бросит…» Так оно и было. На одной из стоянок, будучи больше не в силах нести швейную машинку и несколько одеял, солдаты разбили прикладами машинку, а одеяла сожгли на костре. Медную посуду тоже ломали и бросали… Мои санитары стали было тоже подбирать всякую дрянь, но я сказал, что всякого, замеченного с чужими вещами, немедленно отдам под суд, и приказал сейчас же выбросить все, что они натащили в транспорт. Участь бежавшей из города армянской бедноты ужасна. Они прячутся от людей в горах и пещерах и гибнут и группами, и в одиночку. Сколько мы видели детских трупиков, высохших, как мумии! Однажды, когда мой транспорт шел к Вану, мы остановились на ночлег. Ты видела, что дорога почти все время идет вдоль гор. Мы выбрали место, съехали с дороги и разбили бивак. В походной кухне суп был готов, и команда сейчас же стала ужинать. Я сидел тут же, около своей двуколки. Вдруг кто-то говорит: «Смотрите! Что это такое?..» Из-за камней вылезли к дороге не то люди, не то какие-то звери… Они согнулись и почти ползком направились в нашу сторону… Когда они подошли поближе, мы увидели, что это люди. Но они были страшны своей худобой, истощением и почти черной наготой… «Клеп! Клеп!» – протягивая руки, едва выговаривали они единственное слово, которое приблизительно знали по-русски. Мы сначала приняли их за турок. Но ар-

мяне-санитары стали говорить с ними по-армянски, и выяснилось, что это ванские беженцы. Команда их накормила и все, что только было лишнего – хлеб, суп, чай, сахар, – все им отдала. После этого те ушли назад в горы. У них там пряталось еще много народу. Мои санитары-армяне пошли их провожать и помогли унести данные им припасы.

Однажды приехали мы в большое село (по-турецки – «караван-сарай»). Там стоял наш русский пост, а вокруг расположились армянские беженцы. Пока команда распрягала лошадей и приготовлялась к ужину, мы с заведующим хозяйственной частью пошли посмотреть этих беженцев. Они всегда располагались поблизости от русских, потому что наши части и разные команды всегда делились с ними едой. Мы ходили среди беженцев и фотографировали более интересные картины их тяжелой жизни. Видим, в стороне от других на тряпье лежит женщина, вернее, человеческий скелет, обтянутый черной кожей. У груди этого скелета шевелится крошечное существо. Настолько маленькое и черненькое, что только с трудом можно было разобрать, что это ребенок... Ножки и ручки – как тоненькие обгорелые сучки. Голова почти голая, туго обтянутая черной кожей. Он теребил изо всех сил высохшую грудь матери. Когда мы нагнулись и пригляделись к женщине, то она оказалась – мертвой... Я взял ребенка, а заведующий позвал ближайшего армянина. Мы показали ему мертвую мать и ее ребенка и спросили, что с ним делать? Армянин посмотрел на мертвую женщину и махнул рукой. «Он тоже помрет, – сказал он, показывая на ребенка. – Мы все помрем с голоду! Есть нечего!» Мы не знали, что нам делать? Не оставлять же ребенка умирать около трупа матери! Подошли еще несколько армян. «Сколько месяцев этому ребенку? –

спросили мы. – Где ее муж или семья?» – «Семьи нету!.. Мужа убили турки. А это ее первый сын. Она его все время несла на руках. Она молодая. Ей было всего восемнадцать лет. Ребенку два года. Никого у него не осталось родных...» Два года!.. А ему можно было дать, судя по его костям, пять-шесть месяцев... Заведующий взял ребенка и понес в команду. Когда мы рассказали, как нашли ребенка, два санитара – один грузин, а другой армянин – изъявили желание взять его. У обоих были свои дети дома, но оба не колебались. «Пускай растет с моими ребятами! Хлеба всем хватит!» – сказал грузин. Но армянин запротестовал: «Это ребенок моего народа! Разрешите взять его мне!» Я счел справедливым отдать ребенка армянской семье... После этого я не видел этого ребенка несколько недель. Что Карапетьян делал с ним, чем и как его кормил, я не знал. К моей помощи он не обращался. Но однажды принес его сам показать мне. Я прямо глазам своим не поверил! Совершенно другой ребенок! Побелел, оброс мясом, на голове выросли черные волосы. И даже смеется! Я спросил, как он его выходил? «Да сначала день и ночь кормил жеваным хлебом и мясом. Мальчик совсем не умел есть! Теперь понемногу научился жевать. А сейчас и суп солдатский ест со мной из одной тарелки!» Я заметил, что оба они очень любят друг друга. Мальчик держался крепко за шею приемного отца. Я разрешил ему поехать в отпуск и отвезти домой ребенка...

Мы шли посреди улицы. Под ноги все время попадались какие-то тряпки, и я как-то невольно старалась их обходить.

– Ну, теперь-то ничего! А вот ты бы посмотрела, что было, когда мы пришли сюда! Ступить некуда было! Непременно наступишь на руку, на ногу или на голову

трупа!.. Всюду вонь и зараза! Целые роты собирали трупы и хоронили их. Но говорят, что даже и сейчас еще в некоторых домах есть трупы. Вот здесь царство ангорских кошек. Но только совершенно одичалые! Питаются трупами своих хозяев!.. Но красивы чрезвычайно. Многие из офицеров отправили в Тифлис. В команде санитары хотели поймать одну для тебя, когда узнали, что едешь сюда. Высмотрели красивую. Она приходила и лежала на крыше перед моими окнами. Устроили засаду и поймали. Но она искусала поймавшему ее солдату руку; другого исцарапала, выбила окно, выпрыгнула и убежала. У санитара рука распухла и болит. Ну, вот и госпиталь! – показал муж. Мы зашли в большой двор, где было длинное двухэтажное здание буквой «Г». – Вот канцелярия. Пойдем туда. Может быть, старший врач уже там.

Когда мы подошли к дверям канцелярии, нас окликнули:

– Доктор Семин, кого вы ищете?

Муж обернулся:

– Вас, коллега! – К нам подошел врач, заведующий госпиталем. – Позвольте познакомить. Моя жена. Только вчера приехала с вашими обозными двуколками.

– Да, да, мне говорили об этом приехавшие с вами врач и сестра…

– Я боюсь, что вы, доктор, не нуждаетесь в рабочих руках? Я пришла предложить вам мою помощь в работе.

– Ошибаетесь! Я очень рад! У меня совершенно недостаточно персонала. Хотя теперь и прислали еще врача и сестру, но и это для нас недостаточно. Всякая помощь принимается с благодарностью. У меня вон сколько сыпнотифозных! А там всего-навсего одна сестра, которая работала бессменно.

Когда уходила спать, то тяжелобольных приходилось привязывать к кровати, чтобы не выбросились из окна. Это варварство! Но ничего не поделаешь! Сестра должна иметь отдых! А теперь еще ловят по горам и лесам армянских детей и тоже везут к нам. Вон мы соседний дом уже очистили для них! Очень, очень рад вашему приезду! Хоть сейчас идите работайте!..

– Нет. Жена еще не отдохнула, – сказал муж.

– Да я не так уж и устала! Завтра, доктор, я приду с утра.

– Вот и отлично! Приходите!

Мы попрощались и пошли обратно домой. Когда мы пришли, Гайдамакин сейчас же подал нам обед. Муж вышел и скоро вернулся.

– Ходил посмотреть, что делает мой младший врач. Он у меня под замком сидит. У него запой. Если его не запереть, то он уходит из дому в одном белье и так и ходит по улицам. Если попадется на глаза генералу Чернозубову, беды не оберешься! Он страшно преследует за пьянство. Когда войска отряда шли сюда, транспорт мой шел вместе с ними походным порядком. Тогда я перезнакомился со всеми. На одном из ночлегов я устроил у себя небольшой кутеж; вино у меня всегда было в запасе. Пришел доктор Ващенко, Щукин и несколько офицеров из штаба Чернозубова. Выпили хорошо, так, что даже вина не хватило! Пришлось послать двуколку за новым запасом. Только перед рассветом стали расходиться из моей палатки... А через короткое время, когда я еще спал, пришли из штаба с обыском, чтобы отобрать у меня всякие напитки! Меня разбудили. Я, конечно, обозлился и послал к чертям всех, кто пришел обыскивать меня. Вместо же того, чтобы отбирать у меня мое

вино, я предложил им лучше выпить его… И все, что еще было у меня, мы выпили сообща. После этого обыскиватели ушли тоже совершенно пьяные! Потом мне передавали, что Чернозубов грозится отдать меня под суд. Но пока он своей угрозы еще не выполнил. Генерал бы, собственно, никогда и не узнал об этой попойке! Да его адъютант с пьяных глаз, уйдя от меня, вместо своей палатки ввалился в генеральскую и стал кричать своего денщика. «Эй! Где ты, скотина, дрыхнешь? Снимай сапоги!» Ну, тут поднялся невероятный переполох! Прибежал часовой. Зажгли огонь. И генерал видит, что его собственный адъютант вдребезги пьян, влез в его палатку, да еще его же ругает!.. Утром, конечно, допрос. В результате пришли ко мне, чтобы обыскать и отобрать у меня все напитки…

Насчет кошек же санитары не успокоились. Прошло два-три дня после моего приезда к мужу. Как-то вечером мы сидели в комнате, и муж что-то рассказывал мне. Вдруг в темных сенях мы услышали какую-то возню и приглушенные голоса:

– Лови! Держи! Держи ж ты, черт! Она мне вцепилась в руку!

– Как же! В твою руку!

– Это ты держишь мою руку!..

– Эх, дьявол! Отпустил! А совсем в руках была!..

Снова возня, сопение и отрывочные слова…

– Поймал! Поймал! Держи!..

– Где? Где она?..

– Да подо мной!.. Смотрите, ребята! Держите ее за шею!.. Ну держишь, штоль?

– Держу, держу! Подымайсь… Ох, окаянная! Царапается. Всю руку мне ободрала!

Муж открыл дверь в сени. Там была полная темнота. Но недалеко от нашей двери на полу копошилось несколько солдат.

– Что вы делаете? – спросил муж.

– Кошку поймали!..

– Опять?.. Что вы с ней будете делать?

– Посадим в ящик. Покормим, привыкнет; тогда принесем барыне.

Дикая кошка сидит в ящике. На отверстие поставлена корзинка. Солдаты разошлись.

Утром, подавая кофе, Гайдамакин смотрит мрачно:

– Проклятая кошка! Только зря руку всю исцарапала, – чтоб ей провалиться! Ночью ее разве разглядишь? Зашла в сени на приманку, все как следует. Ловили ее, окаянную. А утром смотрю в щель, а она не та! Я открыл дырку в ящике, чтобы лучше посмотреть, а она как сиганет, да прямо в стекло! Так и высадила пол-рамы! Вот ведь какую поймали!..

Не то из конюшни, не то из какого-то сарая муж приказал делать под его руководством баню. Арык протекал под нашими окнами. Воды в нем было сколько угодно. Когда я приехала, то баня уже функционировала.

– Кругом тиф-сыпняк! А у меня не было еще ни одного заболевания в команде! Строго слежу за чистотой помещения и белья. Заставляю мыться в бане часто. Топят ее

чуть ли не каждый день. Я и сам хожу в эту баню с удовольствием…

На другой день я пошла на работу в госпиталь, хотя муж просил сегодня еще не ходить, отдохнуть. Но я чувствовала себя хорошо отдохнувшей. Пришла в госпиталь и познакомилась со всеми. Главный врач назначил меня в хирургическое отделение.

– Сестра Семина, я вас назначаю помощницей в хирургическое к доктору Финштейн.

Я пошла в «хирургическую» комнату и увидела, насколько примитивно все было оборудовано. В этот день не было операций, только перевязки. Доктор Финштейн здесь был за «хирурга». Молодой, недавно окончивший университет и еще не имевший никакой практики по хирургии, он «набивал руку» (как он сам выражался) на попадавшем к нему «разнообразном материале». Старший врач был занят по хозяйственной части; тот врач, с которым я приехала, заведывал сыпнотифозными. Был еще фельдшер и четыре сестры. Одна из них работала в тифозном отделении и к перевязкам отношения не имела.

Прошла неделя с тех пор, как я приехала в Ван. Погода стояла чудесная, целые дни светит яркое, теплое солнце. Мы с мужем ходили в турецкую часть города. Беднота и нищета потрясающие. Здесь не было ни одного дома, похожего на дома в армянской части. Всюду жалкие домишки – лачуги. И все пусто, брошено. В армянской части хоть кошки остались. А в турецкой – все мертво. Ни кошек, ни собак – все ушли за турецкой армией и населением. Встретили коменданта генерала Термена.

– Доктор Семин, не хотите ли купить ковры? Солдаты только что их откопали. А мне нужны деньги для содержания детей, которых у меня набралось уже около пятидесяти человек; все найденные в горах и в лесу; совершенно голые, больные и дикие, как зверьки. Пойдемте, посмотрите ковры. Может быть, что-нибудь и понравится вам.

Мы вошли во двор, который был обнесен каменной стеной. Там, рядом со свежевзрытой землей, валялись какие-то ящики, мешки, тряпки, поломанная мебель, корзины. Мы зашли в комнату, бывшую раньше лавкой. В ней все было перебито и изломано; дверей не было; вместо окон – дыры в стенах; пол разворочен; полки сорваны со стен. Посреди помещения вырыта яма, земля лежала рядом, как у свежевырытой могилы. Тут же лежали перепачканные землей ковры, ситцы, женская обувь, шали, головы сахару в синей толстой бумаге; катушки ниток. Все это выбрасывалось из этой «товарной» могилы вместе с землей.

– Вот, доктор, ковры! Выбирайте! Ничего, что они запачканы; зато большинство их очень хорошего качества.

Муж купил два молитвенных коврика, один был очень старинный, редкого рисунка и красок.

– Отнесите ковры доктору на квартиру, – сказал генерал Термен двум солдатам. – Госпожа Семина, может быть, вы иногда сможете зайти и посмотреть за моими ребятами. Домик, где они живут, находится позади вашего госпиталя. Мы сделали в стенке проход, и это теперь совсем близко от вас.

Мы попрощались с Терменом. Муж пошел домой, а я в госпиталь. Когда после работы я вернулась домой, муж ходил по комнате, чем-то возмущенный. Руки заткнуты за

ременный пояс. Изо рта валил папиросный дым, как из пароходной трубы.

– Что случилось?

– Да этот идиот удрал из дому в одном белье!

– Какой идиот?

– Да Евсеев! У его дверей сидит неотлучно его же денщик. Так вот ведь какой он хитрый! Как только денщик ушел в уборную, а Евсеев, очевидно, следил за ним, он вышел из комнаты, спустился по лестнице, вышел на улицу и побрел куда глаза глядят. Послал погоню за ним. На днях только было в приказе по корпусу, что всякий замеченный в пьяном виде на улице будет предан суду. А тут на! Пьян! Разгуливает по городу босой и в одних кальсонах. Это черт знает что такое! Нет! Я его завтра же отчислю… Довольно! Он совершенно негоден для работы в транспорте. Ведь я все время сам за ранеными езжу. Я ничего не имею против выпивки вообще. По совести сказать, я сам пью ведрами! Но будь же человеком… Не теряй головы… Нет! Довольно я ему прощал! Теперь – к черту…

В это время кто-то постучал в дверь.

– Войдите!

Вошел санитар:

– Поймали! Привели доктора Евсеева, – сказал он.

– Где поймали?

– Да тут, не очень далеко, квартала три отсюда. Я в лавочку ходил за табаком, а он только вышел на штабную улицу. Я иду, смотрю. Что б, думаю, это такое было? Турка – не турка? Может, армянин какой, раздетый турками? Далеко еще было. Но когда я подошел поближе – вижу: наш

младший врач в одних подштанниках! Тут же враз выбежали наши санитары и тоже увидали его. Ну мы его просим: «Идемте, мол, домой, вид у вас не “благородный”!» А он: «Наплевать мне на ваш благородный вид!.. Пойдем лучше да выпьем!» Ну, мы его взяли под ручки и привели домой…

– Идем! Теперь я его запру на замок и буду держать до тех пор, пока не протрезвится! Гайдамакин, снеси доктору Евсееву ужин, – сказал муж, когда мы сели за стол. – Но дверь опять запри на замок.

Сейчас же после ужина я пошла спать. Здесь нет вечеров. По-моему на фронте сутки состоят только из двух частей: дня, который принадлежит целиком работе и еде, и ночи – времени для отдыха и сна, если нет работы, конечно. Дома вечера особенно приятны. Сидишь на мягкой удобной мебели, читаешь или слушаешь музыку или муж рассказывает что-нибудь. Время тянется приятно-счастливо… А здесь с утра, с перерывами только для еды, и до позднего вечера всегда есть бесконечная работа: то раненого спешно нужно оперировать, то поднялась температура – нужно узнать причину, то кровотечение – нужно сказать доктору. А там раненый жалуется на боль, то кто-нибудь просит пить. И так без конца… Хоть не выходи из палаты все двадцать четыре часа. А когда, наконец, вырвешься и уйдешь, то всегда такая усталая и до того измученная, что только и думаешь, как бы скорее лечь в постель. Ведь завтра с утра начнется то же самое, что было и сегодня. И так изо дня в день, месяцами. А ведь многие сестры работали по два года без отпусков.

Проснулась я от шума голосов. Было совершенно светло. Муж встал так тихо, что я ничего не слышала, и теперь с кем-то разговаривал. Я прислушалась.

– Как только все будет готово, сейчас же и выезжайте!.. – Осторожно закрылась дверь.

– Ваня, с кем ты разговаривал? Кто и куда собирается ехать?

– Ты проснулась? – входя за перегородку, спросил он.

– Как ты встал так осторожно, что я ничего не слышала?

– Меня разбудили. Я встал; оказалось, получена телефонограмма – требуют транспорт, взять раненых. Я уже отдал распоряжение готовиться. Сейчас чай будет готов. Но ты не вставай! Еще ведь рано. Мы к вечеру вернемся. Я думаю, ехать не очень далеко. Это для нас новое место; я еще не смотрел на карту, но, во всяком случае, думаю, что недалеко. Гайдамакин уже подал самовар. Хочешь, я принесу тебе чаю?

Как только муж вышел из комнаты, я стала одеваться…

– Ваня, я хочу поехать с тобой! Я сегодня вечером вступаю в дежурство и могу днем не приходить. Да и раненых у нас мало.

– Ну, это ты напрасно! Здесь каждый раз обстреливают транспорт, когда мы ездим за ранеными. В горах шайки курдов и партизан-турок. И вообще ничего интересного в поездке нет. Все горы и горы! Дорога грунтовая ужасная. Вот только озеро очень уж хорошо. – Он подумал… – А знаешь?.. Хорошо!.. Поедем!..

Мы выпили наскоро по чашке чая, вышли на улицу, где уже нас ждал Ткаченко, сели на двуколку и стали догонять транспорт, который уехал немного раньше нас. На самом выезде из города стояло низкое белое здание, которое было все изрешечено и продырявлено пулями. Это турецкое комендантское управление. Шоссе кончалось около этого

здания, и дальше пошла грунтовая дорога. Показались первые лучи восходящего солнца и осветили гладкую поверхность озера. Оно было необычайно красивое и казалось бесконечным, как море. Дорога шла вдоль берега озера с одной стороны, а с другой – вдоль цепи гор.

– Здесь зимует масса всякой водяной и болотной дичи. Мы ездили несколько раз на охоту. Я убил гуся из винтовки, он упал далеко в озеро. Мы долго ждали, пока прибой принес его к берегу. Потом меня с этим гусем снял доктор Ващенко. Я покажу тебе карточку.

В стороне от нашей дороги виднелись сады и красивые дачи, которые доходили до самых камышей. Долго мы ехали вдоль озера. Далеко позади уже осталась полоса камышей. Кончились и дачи ванских армян-богачей. А мы все еще не видим дороги, на которую должен свернуть от озера транспорт.

– Стой, Ткаченко! Вот, кажется, она и есть, та самая дорога, на которую нам нужно свернуть.

Мы ехали впереди транспорта. Ткаченко остановил лошадей, а муж развернул карту и стал проверять. Подошел и подпрапорщик Галкин.

– Вот проверяю, та ли это дорога, куда нам нужно свернуть? Как бы к туркам в гости не попасть! Да нет! Кажется, это наша дорога.

Транспорт свернул с главной дороги и стал подниматься в горы по очень трудной дороге. Долго мы тащились, ныряя и переваливаясь, по этой ослиной дорожке. Но вот наша двуколка въехала на пригорок, и мы увидели внизу и, как мне показалось, совсем близко, лагерь наших войск. В небольшой лощине стояли палатки. Дымили среди них

походные кухни; повсюду стояли лошади и обозные двуколки, между ними сновали солдаты. Казалось, мы уже приехали; лагерь уже совсем близко. Но пришлось еще порядочно кружиться по извилистой тропе между холмов, скал и небольших бугров. Наконец после какого-то спуска мы очутились в лощине, где был устроен перевязочный пункт. Мы остановились. Муж соскочил с двуколки и пошел к большой палатке, где развевался флаг Красного Креста. Я тоже слезла и пошла за ним и сразу наткнулась на раненых, лежавших повсюду. У большой палатки перевязочного пункта их было еще больше! Одни уже были перевязаны, другие еще ждали своей очереди. Тяжело раненных несли прямо в палатку, где полковые врачи и фельдшера перевязывали безостановочно. Санитары и солдаты носили в ведрах воду и поили раненых. Солнце поднялось высоко и сильно нагревало закрытую со всех сторон лощину. Кругом не было ни одного деревца или кустика. Вон какой-то доктор нагнулся над раненым, лежавшим прямо на голой земле, и накладывает повязку. Мы подошли к палатке. Там было еще теснее. Стояло несколько носилок с ранеными. Пахло загнившей кровью, йодом, грязным бельем и потом. Муж нагнулся к врачу, который сидел на корточках и записывал показания раненого – какой части, когда и где ранен, имя, фамилию, возраст…

– Коллега, сколько у вас раненых, которых можно нагружать?

Тот выпрямился, посмотрел на мужа, как бы не соображая, что от него хотят, но потом сказал:

– Около двухсот уже есть готовых. Можете сразу грузить их.

Они оба вышли из палатки.

– Что, ночью бой был? – спросил муж.

– Бой? Избиение, а не бой! Рота отошла, чтобы отдохнуть. Несколько дней и ночей беспрерывного боя так измучили людей, что они просто не могли больше сидеть в окопах – засыпали. А тут наступило как будто затишье… Командир роты выставил сторожевое охранение, а людей вывел за окопы и разрешил поспать немного… Очевидно, и стража-то тоже заснула!.. Турки подкрались тихо, незаметно и вырезали спящих. Почти бесшумно… Немного из них и раненых осталось. Турки, как дьяволы, резали, кололи, рубили, так что наши и проснуться не успели. Думают, что это были не регулярные солдаты, а курды и партизаны. Кое-кому все же удалось проснуться и поднять тревогу. С соседнего участка прибежала помощь. Но было поздно. Наших уже кончили! Стали преследовать турок. Ворвались в их окопы и здорово им всыпали! Вон сколько взяли пленных!..

Доктор показал на беспорядочную, тесно сбитую толпу турок, окруженную нашими солдатами. Подошел подпрапорщик Галкин и получил распоряжение грузить раненых.

– Только сразу мы не сможем взять всех. Придется, может быть, раза два приехать сюда.

Я вернулась в палатку перевязочного пункта и предложила свою помощь. Какой-то врач сразу согласился и передал мне своего раненого.

– Сестра, нате вот моего раненого, а я пойду покурю!

Я стала перевязывать. Муж и еще несколько человек из транспорта пошли смотреть место ночной драмы. Когда

вернулся, он был очень расстроен. Он позвал меня, и мы пошли к двуколке.

– Хорошо, что ты не пошла со мной. Какой ужас представляет эта поляна, покрытая людьми, убитыми во сне. Целые ряды их как легли, так, видно, и заснули моментально. Я ходил среди них: некоторые закурили, но засыпали, не успев даже выкурить папиросу. Один развел маленький костер, вынул из кармана письмо, но даже из конверта не успел его вынуть – заснул вечным сном. Лица у всех спокойные. Так и не проснулись и от ран не мучились! Очень немногие пытались бежать. Это видно по трупам: все они заколоты в спину и падали лицом вниз. Ноги подогнуты, шапка отлетела в сторону. У некоторых головы отрезаны совсем. Почти у всех убитых ружье крепко зажато в руке или между ног. Капитан роты чудом остался жив. Но на него смотреть тяжело. Сидит на камне, обхватив голову руками, также около убитых. Мы пробовали говорить с ним. Ничего не отвечает. Даже папиросу не взял. Насилу его растормошили. Так нельзя! Человек может сойти с ума… Я закурил папиросу и ткнул ее ему в рот. Тогда он стал курить машинально. Мало-помалу стал отвечать и на вопросы: «Мои люди несколько ночей не спали. Но этой ночью, как нам показалось, турки оставили нас в покое и обратили свое внимание на соседний участок. Я выставил охранение, отвел роту несколько назад и разрешил людям лечь и отдохнуть. Все моментально легли на землю, кто где был! Даже есть никто не стал, так всем хотелось спать! Я сам тоже заснул как убитый… Проснулся от какого-то шума… Открыл глаза и вижу, как будто вся рота бегает по поляне! Но как-то странно! Перепрыгивают друг через друга, взмахивают руками, точно бьют друг друга… Придя немного в себя, я

услышал стоны. Кто-то закричал… Наконец я очнулся совершенно и сообразил, что на нас напали турки и избивают спящих людей! Я стал стрелять. Несколько ближайших ко мне солдат тоже проснулись и присоединились ко мне. Стрельба вызвала тревогу в соседних ротах. Все бросились к нам, и мы штыками обратили турок в бегство, переколов часть из них, а часть захватили в плен…» Очень тяжело было слушать этот рассказ… Ну, теперь надо выступать! Вон Галкин идет с докладом…

Только к вечеру транспорт пришел в Ван. Стали выносить раненых, и небольшое помещение госпиталя сразу все заполнилось. Раненых клали на пол. Только тяжело раненным достались койки. Сейчас же стали и кормить. Обед был еще утром заказан по телефону в госпиталь. У многих промокли повязки; у некоторых поднялась температура.

– Не хочу я есть, сестра, дайте только пить! – говорит раненый. У него голова горячая, губы засохли.

Сейчас же после обеда стали подбинтовывать и перевязывать. Некоторых пришлось брать на стол в перевязочную. У меня был список раненых с высокой температурой и с кровотечением. Я сказала об этом доктору Финштейну. Жалко мне было давать этих раненых для практики неопытного доктора…

– Посмотрим, посмотрим! Приготовьте, сестра, все для операции! Я сейчас освобожусь, и тогда возьмем раненого в операционную…

Я пошла, зажгла спиртовку под ванночкой с инструментами. Санитары принесли раненого и положили на стол. Пришла еще одна сестра, и мы стали его раздевать. Пониже ребер, на боку, лежал толстый слой ваты и марли, которые

промокли от крови. Когда я сняла эту вату и марлю, обнажилась большая рана, в которую вошел бы мой кулак. Подошел доктор и зондом потыкал в рану и пощупал ее края. Вид у него стал совсем растроенный. Он не знал, с чего начать…

– Может быть, сегодня положить просто тампон? А завтра, если кровотечение не остановится, сделаю операцию! Сегодня уже поздно и темно (над столом горела керосиновая лампа).

Я хорошо, на совесть, забинтовала рану; санитары положили раненого на носилки и унесли в палату. Я положила под спину ваты и одеяло, чтобы было удобно опираться. Раненый лежал на здоровом боку. Дала ему пить… Слава богу! Спасла сегодня одного от предприимчивого доктора! Завтра неизвестно еще, что будет! А может быть, утром их повезут в Хой, а там, как-никак, есть настоящие врачи. Там будет и уход, и до некоторой степени контроль… Теперь принесли еще одного раненого. Его осторожно переложили с носилок на стол. Я разрезала промокшую марлю и сняла вату, которая тоже была пропитана свежей кровью. Доктор Финштейн стал осматривать рану, без сожаления тыча в нее зондом, а у несчастного солдата слезы катились градом от нестерпимой боли. Ведь живое мясо, только что разрезанное, вернее, разорванное куском стали! А этот неуч-садист тычет без толку и без малейшей осторожности в поисках сам не зная чего!.. Я держу ногу, а у самой мурашки бегают по спине…

– Не могу найти – не прощупывается! А должен быть! – говорит он и снова тычет. – Я уверен, что осколок или пуля должны быть здесь! Поэтому рана и кровоточит!

– Может быть, наложить тугую повязку и подождать часа два? Если не промокнет, то оставить до утра? Я сегодня дежурная и буду смотреть за ранеными. А в крайнем случае вызову вас, доктор.

– Ну нет, из-за этого я вставать не буду, да и живу я далеко, в турецкой части.

– Что же делать? Если вы уверены, что в ране осколок, то ведь нужно делать операцию?

– Слушай! Когда тебя на позиции первый раз перевязывали, не говорил ли доктор, что у тебя в ране пуля или осколок?

– Никак нет, не говорил ничего.

– Ну, хорошо! Тампон и тугую повязку! – И доктор вышел из перевязочной, недовольный оборотом дела.

Ох! И этот спасен!.. Всю ночь я осторожно поднимала одеяло и смотрела, не промокла ли повязка. Но все было благополучно – кровотечение, видимо, остановилось… К девяти часам утра приехали двадцать пять санитарных двуколок с доктором Евсеевым. Нас еще в шесть часов утра предупредили, чтобы раненые были готовы к отправке в Хой. Мы подбинтовали кого нужно, напоили чаем и стали помогать санитарам укладывать в двуколки. Я спросила доктора Евсеева, где мой муж.

– Иван Семенович уехал за ранеными еще в четыре часа утра. Я думаю, он скоро должен вернуться с ними.

– Александр Евграфович, у вас в транспорте есть тяжело раненные. Пожалуйста, посмотрите за ними. Идемте, я вам покажу их. Один, кажется, ранен в почку.

– Хорошо, покажите. Да только вы не волнуйтесь – доставлю благополучно всех!

В это время подошел доктор Финштейн.

– Сестра, тех раненых, которых мы вчера осматривали, нужно оставить до следующей эвакуации. Я думаю, что необходимо сделать им операцию!

Я позвала санитаров и сказала раненым, что их оставляют пока в госпитале.

– Не хочу я, сестра, оставаться здесь! Я хочу ехать! – чуть не плача, говорит Лаптев.

– И я тоже не хочу, – говорит Курочкин. – Тащили, мучили! А теперь обратно вытаскивать хотят! И опять терпеть муки!.. Не хочу.

– В чем дело, сестра? – спросил меня кто-то. Я оглянулась. К двуколке подошел главный врач госпиталя, а с ним Евсеев и еще какой-то врач. Я рассказала, что мы погрузили тяжело раненных, а теперь доктор Финштейн сказал, что их нужно снять для операции. Все трое подошли к двуколке.

– Ничего! Доедут! – поворачиваясь ко мне, говорит незнакомый врач. – Не стоит еще больше их мучить! Вот доктор Евсеев будет смотреть за ними.

– Сейчас должен вернуться транспорт с позиции и привезти новых раненых. Места для них нужно освободить, – обращаясь к доктору Финштейну, сказал незнакомый врач. Потом он обратился к Евсееву: – Если у вас все готово, то трогайтесь!

Транспорт ушел.

Старший врач обратился ко мне:

– Сестра Семина, вы ведь были дежурная? Идите домой, пока ваш муж не вернулся. А потом опять приходите помогать. Доктор Ващенко, вы не знакомы? Это жена доктора Семина. – Мы поздоровались, и я пошла домой. По дороге меня догнал доктор Ващенко.

– Транспорт вернется не раньше трех часов. У вас есть время поспать и отдохнуть. Я не знал, что вы были дежурная. Здесь тяжело работать, недостаточно персонала. Иногда привезут сразу несколько сот раненых, и всех нужно перевязать, накормить и оказать помощь. Персонал с ног сбивается, некогда ни есть, ни спать. А потом опять перерыв, и раненых подвезут какой-нибудь десяток-другой. Мы не задерживаем здесь их долго. С продовольствием трудно…

Мы дошли до моего дома и попрощались. Придя, я первым делом попросила у Гайдамакина теплой воды, чтобы помыться.

– Барыня, я топил баню. Я стираю белье, но воды теплой много. Если хочите, так идите в баню. Я сейчас приберу там.

– Мое белье не трогай! Я его сама помою. Слышишь?

Гайдамакин морщится и отворачивается, опустив голову:

– Когда ж вы мыть-то будете? Вам и пообедать нет времени! А я пропадаю без дела…

Пока я мылась, Гайдамакин сварил мне кофе. Но хлеб был черствый, как камень! А сгущенное молоко – один сахар. И все такое невкусное, что прямо в тоску вгоняет.

– Барыня! У меня есть жареное мясо. Подать? Ведь вы вчера не ужинали.

– Гайдамакин, я иду спать! Ты разбуди меня около трех часов. – Но сколько я ни лежала, а заснуть не могла. Встала,

оделась и пошла в госпиталь. Только вошла в госпитальный двор, увидела сестер. Они куда-то шли и, увидев, меня, закричали:

– Сестра Семина! Идемте с нами кормить детей! – Они несли ведро полужидкой каши, тарелки и ложки. Мы пролезли в узкую, только что проделанную калитку, просто дыру в стене, прошли мимо колючего шиповника и остановились около небольшого домика с новыми дверями и с окнами, забитыми досками вместе стекол. В щели между этих досок следили за нами несколько пар детских, блестящих, как раскаленные угольки, глаз. Как только мы подошли ближе и стали открывать замок, эти угольки исчезли. Слышно было только, как босые ноги шуршали по голым доскам нар. (На день подстилки и одеяла выносились на двор на просушку.) Когда мы вошли в дом, большая часть детей забилась под нары, выглядывая оттуда со страхом. Остальные сидели на нарах и не могли с них сползти. Животы их были так огромны и вздуты, а ножки и ручки так тонки, что не верилось, что все это составляет одно тело. Несоразмерно огромная голова на тонкой шейке казалась надутым безобразным шаром. Только большие черные глаза были ненормально оживленные, полные животного страха, как бы ища убежища, куда им спрятаться. Несмотря на то, что сестры приходили каждый день и приносили им еду, уход и ласку, дети все же были страшно дики и неприветливы. Но все они отлично понимали, что в ведре им приносят еду! Из-под нар и других убежищ они выползали и хватали за ведро. Некоторым удавалось запустить руку и в ведро. Жидкая каша капала, просачиваясь сквозь пальцы, но они засовывали их в рот и обсасывали. Сестры дали им имена, но

это мало помогало! Никто не знал своего имени и не отзывался на него.

Мы разлили кашу по тарелкам, раздали ложки, но не все понимали назначение их. Большинство ело просто с тарелки, как едят щенки или котята. Но делали это так быстро, что не успевали мы раздать пищу всем, как многие уже опять протягивали свои уже пустые тарелки и просили без слов добавки… Пришел санитар-армянин, который приставлен к детям, и сказал:

– Транспорт с ранеными приехал. Много пленных привезли.

Я сейчас же пошла в госпиталь. Еще издали увидев Ваню, я прямо пошла к нему.

– Здравствуй, Ваня! Много привез раненых?

– Хватит вам! Полные двуколки. Да еще в придачу раненых турок. А ты, что же, и домой не ходила после дежурства?

– Сестра! Идите записывать раненых, – позвал меня доктор.

Раненых турок всех заперли в одной комнате, а у дверей поставили часового. После раздачи обеда раненым и больным я сдала свое дежурство другой сестре и пошла домой. На углу госпитальной и нашей улицы я увидела Ваню. Он шел навстречу мне:

– Тиночка, что ты так долго завозилась там? Ведь серьезно раненных сегодня нет. Гайдамакин сказал, что ты совсем не отдыхала?

Когда мы пришли домой, стол был уже накрыт, и мы сели обедать. Но обед показался мне ужасным. Суп был мутная

бурда. Жареное мясо – черное и твердое, как осиновая кора…

– Гайдамакин! Хоть бы ты достал какую-нибудь курицу или коровье вымя, или хоть собачьи мозги. Я не могу больше есть это мясо. У меня под ложечкой болит от него.

Гайдамакин сразу стал мрачным.

– Где тут достанешь курицу? Турки все забрали и увезли в Турцию. А «близь» Дильмана ничего нельзя достать… Вот и хлеб тоже черствый, как песок…

– Нужно послать двуколку в Дильман, – сказал муж. – Гайдамакин, позови ко мне подпрапорщика.

На следующее утро, как только я пришла в госпиталь, доктор Финштейн был уже там. И сейчас же сказал мне:

– Сестра, у нас сегодня будет большая операция. Приготовьте все и, как будет все готово, скажите. Я сейчас пришлю раненого.

Я приготовила инструменты, стол, халаты и стала ждать. Вдруг открылась дверь, и в комнату вошли двое солдат: один был с ружьем. Свободной рукой он поддерживал под руку другого.

– Вот, сестра, пленного вам привел! Ему будут делать операцию. – Пленный был в одной рубахе с расстегнутым воротом и в штанах. Он был высокий, блондин, с большими голубыми глазами… Одной рукой он закрывал рот. Я его усадила на стул, а как только вошел доктор, уложила его на спину и прикрыла простыней. Вымыв руки, доктор подошел к раненому, отнял его руку ото рта и сказал:

– Посмотрите, сестра, как его разделали!

Я увидела черную дыру вместо рта. Ни нижней, ни верхней губы не было. Ни челюстей, ни языка. Одна большая круглая дыра!..

– Сестра, держите его в сидячем положении! Мне будет удобнее делать операцию.

– Как же мы его удержим в таком положении? Ведь мы должны дать ему хлороформ…

– Ну, хорошо!.. Тогда кладите его и давайте хлороформ. Инструменты готовы?

Я надела раненому маску и стала капать хлороформ. Другая сестра стояла у инструментов. Как только он заснул, я сняла маску с его лица, а доктор стал его осматривать. Ни одного зуба не было во рту… Не было и самих челюстей! Конец языка был оторван, а оставшаяся часть его страшно распухла, почти заполнив страшную дыру, бывшую раньше ртом…

– Отлично будет жить и без челюстей! А эту дыру постараюсь зашить наподобие рта, – говорит доктор.

– Что вы хотите, доктор, делать с ним?..

– А что я могу здесь сделать? Вот только обрежу острые концы костей и куски кожи да зашью дыру, чтобы он мог пить и есть!

Каждый кусочек раздробленных костей, которые он отламывал с хрустом, заставлял всю меня вздрагивать, отдаваясь болью в моем сердце… Потом стал накладывать швы… Просто так! Схватит в одном месте, посмотрит…

– Вот, разве, еще здесь схватить?.. Потом вот еще здесь! – И шил так, как делают это маленькие девочки, когда неумело шьют кукле шляпку… В конце концов получилась

вместо рта маленькая круглая дырочка, в которую едва мог пройти палец…

– Ну, вот и новый рот готов! – отходя и любуясь своей работой, сказал он.

– Доктор! Да как же он есть то будет?!.. Ведь дырочка рта так мала, что в нее чайная ложка не пройдет!!..

– Ну что вы? Правда? Вы думаете?.. Ну что ж! Можно сделать и побольше! – он снял два шва. Дыра стала вместо круглой – немного продолговатой…

– Как же мы его кормить будем?

– Ну, это уже ваше дело, а не мое! Да это и неважно. А важно то, что мне удалось поработать на живом человеке! Сейчас только и можно набить руку по хирургии! А после войны можно уже будет открыть хирургическую лечебницу или получить место хирурга в больнице!

Доктор кончил свою страшную операцию. Я разбудила турка, и он сел на стол. Но вдруг, поддерживая раненого, я почувствовала под своими пальцами какие-то твердые и круглые предметы в спине несчастного…

– Доктор, что-то у него есть на спине!

Стали смотреть и нашли несколько круглых картечных пуль. Они были неглубоко под кожей… Пришлось еще сделать несколько ран. Доктор разрезал кожу и вынул картечины. Когда турок окончательно проснулся, первым движением было поднять руку ко рту… Его глаза выражали боль, испуг и недоумение… Он в бессильном отчаянии опустил руки… Позвали часового, который стоял за дверями. Он взял раненого под руку и повел его обратно в комнату-тюрьму.

После операции мы пошли кормить обедом раненых, а потом я ушла домой и легла в постель. Устала, и неприятное ощущение в горле, и небольшая боль не то в желудке, не то где-то рядом. Есть не хотелось. Но к вечерней работе все же пошла в госпиталь. Оперированного турка не видела. У дверей стоял другой часовой, и я ничего не спросила. А дежурная сестра ответила мне, что ей не до турок, со своими не знаешь, как управиться! На другой день утром, когда я пришла в госпиталь, часовой, увидев меня, сказал:

– Сестра, всю ночь раненый кричал и бился в дверь. Его успокаивали другие турки-товарищи. Но он все кричит и вырывается. Воды просил, я два раза приносил им по полному кувшину.

Подойдя к дверям и услышав стон, я попросила открыть двери. Когда я вошла в комнату, в ней стояла страшная трупная вонь. Но, бог ты мой, какой вид у моего раненого! Лицо опухло. Прекрасные голубые глаза смотрели на меня мутным, бессмысленным взглядом. Повязка была сорвана, швы лопнули, и из них торчали куски шелковых ниток! А из черной и теперь огромной дыры-рта шел гной. Раненый сидел на койке, что-то бормотал и показывал пальцами на рот… Другие пленные старались тоже что-то объяснять, но я ничего не понимала.

– Сур! Сур! – говорили они, показывали на кувшин с водой и для большего пояснения сами зачерпнули воды и стали пить.

– Сестра, они говорят, что он просит пить, а пить-то не может! Вода вся выливается назад. Проглотить-то не может!.. Ведь дыра у него только вместо рта! – стал объяснять мне часовой-солдат. – Бедняга! Вот как его

раскромсали, – с сердечной жалостью простого русского человека говорил солдат. (Почти пятьдесят лет прошло с тех пор, а я не могу забыть этого турка и его страдания.)

– Почему же ты не позвал доктора?

– Да где ж его найдешь! Никого ночью не было. Только одна сестра дежурная.

– Хорошо, я сейчас позову доктора. – Я вышла и, не имея сил подавить свое волнение и жалость к страданиям человека, заплакала.

– Сестра, что с вами?..

– Ах, доктор! Он страшно страдает! – Я показала на дверь, где были заперты пленные. Это был доктор Финштейн.

– Хорошо, я посмотрю, успокойтесь!

Я пошла в палату, где тоже было не меньше страданий…

– Сестра! У нас обнаружилось среди раненых трое сыпнотифозных, – говорит дежурная сестра. – Мы их отправили в сыпное отделение.

Я перевязала раненого, который лежал на столе, когда вошел доктор Финштейн.

– Что у него, сестра?

– Чистая пулевая рана! – Он нагнулся и стал пальцами нажимать вокруг раны.

– Пули в ране нет? Больно тебе, когда я нажимаю?

– Больно-то больно! А пули там нет. Доктора, которые перевязывали на позиции, смотрели и сказали, что нет.

– Ну, хорошо! Сухую повязку.

Когда унесли раненого, он сказал:

– Сестра, это неизбежно должно было случиться! Он бы все равно погиб! Рот – это такая грязная вещь, а вы видели, что у него во рту одна сплошная рана. А я ведь только почистил, обрезал острые концы костей и зашил!..

На другое утро подали транспорт и погрузили на него раненых и пленных. Когда транспорт вернулся из Хоя, я спросила Евсеева, как он довез раненого турка?

– Помер в первый же день пути! Мы его сдали на казачьем посту, и его там похоронили; его товарищи прочли молитву над ним…

Прошло несколько дней после всех этих волнений. Как-то после обеда к нам в госпиталь заехал генерал Термен и сказал:

– Сестры! А ведь дети-то у нас совсем голые!.. Их нужно одеть. Идут холода, а природа, к сожалению, не наделила их пушистой шерстью. И наши звереныши просто погибнут от холода. Стекол в окнах нет, да и купить негде! А послать за ними нужно в Хой или в Дильман. Это далеко. И денег нет. Но зато у меня есть ситец, мы нашли его в армянских тайниках. Вот было бы хорошо, если бы вы, сестры, пошили хотя бы только рубахи. Но только длинные! Чтобы было теплее! Только бы нам прикрыть их от холода. Да и больше будут походить на человеческих детенышей!

– Я умею шить и кроить, – сказала сестра Ольга. – Я накрою для всех и буду показывать другим, как шить. – Скоро дети были одеты в пестрые, яркие рубахи.

Через улицу, против госпиталя, стоит дом, мимо которого я хожу каждый день. Нижний этаж без окон. Толстая дубовая дверь всегда плотно заперта, а окна на втором этаже заделаны толстыми решетками. Там лежат сыпнотифозные… Я всегда прохожу мимо, не задерживаясь, так как не работаю в заразном отделении. За ними смотрит специальная сестра и санитары. Сегодня ночью эти тифозные подняли настоящий бунт, который услышало начальство. Эти несчастные, исключительно тяжелобольные, среди них были и раненые, требующие всегда особенно тщательного и непрерывного надзора, при высокой температуре и в беспамятстве оставались на всю ночь в полном одиночестве и без всякого ухода!.. Специально ими заведующая сестра запирала дом на ночь на замок, а сама уходила домой на всю ночь. С шести часов вечера и до восьми утра больные оставались совершенно одни. Больных в беспамятстве она привязывала к койке! Сколько их погибло в этих ужасных условиях – осталось навсегда тайной… Но сегодня ночью один из больных, сохранивший сознание, стал кричать «караул!» и трясти оконную решетку. Кто-то, проходивший по улице, услышал и поднял тревогу. Пришли какие-то солдаты, сломали замок и вошли в эту сестринскую тюрьму, где стояли крик и плач:

– Пить! Пить!.. Воды!.. – неслось со всех сторон.

– Сестра каждую ночь запирает нас на замок! А сегодня воды нам совсем не оставила! – говорили больные солдаты.

В комнате стояла вонь от нечистот… Пустой кувшин от воды валялся на полу. Ни простынь, ни одеял, ни подушек на койках не было. Только голые сенники, сбитые в комок, лежали на досках. Некоторые больные лежали на голом

полу!.. О привязанных к койкам раненых с пролежнями говорить даже страшно, в таком ужасном виде они были… Сестра жила далеко от госпиталя, криков умирающих о помощи не слышала… Она устроила себе уютную квартиру (рассказывала это сама), собирая из пустых брошенных домов уцелевшую от разгрома мебель! Там же жил и главный врач…

После вечерней работы, вернувшись домой, застала Евсеева у нас в столовой. Они с мужем пили вино из больших чайных стаканов. Как только я вошла, Евсеев взял свой стакан с вином и собрался уходить. Потом посмотрел на стакан, в котором вина было меньше половины, и сказал:

– Тина Дмитриевна, разрешите долить стаканчик! А пить уж я буду у себя в комнате.

– Куда же вы уходите? Сейчас обедать будем, – сказала я.

– Что это? У обоих опять начался запой? – спросила я мужа, когда вышел Евсеев.

– Нет никакого запоя! Я устал и решил выпить немного. Пришел Евсеев. Я предложил ему выпить тоже. Но он от одного стакана уже пьянеет…

Пришел Гайдамакин и стал накрывать на стол.

– Я послал в Дильман двуколку закупить свежего хлеба, кур, яиц, если найдут, и боржомской воды. Я подозреваю, что у тебя с печенью неладно… Хотя ты и не пьешь вина. Гайдамакин, долей бутылку! – Гайдамакин взял бутылку и вышел.

– А ты разве забыл, что дал мне слово не пить, пока я с тобой?

– Нет, не забыл! Но я только сегодня!.. Скучно!.. Невыносимо скучно!.. Знаешь, что нет выхода! Пей не пей – все равно нет выхода! Два года подбираю и вывожу раненых! А они не уменьшаются… Сегодня вывезу всех, а завтра опять набираются сотни таких же жалких, изуродованных бывших людей. Десятую тысячу ведь я их вывожу! И все они похожи один на другого – все как один! Разница только в том, что у одного рана побольше, у другого – поменьше. У одного – в голову, у другого – в ногу. И конца нет этому!

– Тебе, Ваня, непременно нужно уехать в тыл и отдохнуть!

– Хорошо это говорить! А как я уеду? Если бы мог, конечно, уехал бы сейчас же. Так все надоело здесь!

– Подай рапорт о болезни и, тебе разрешат уехать хотя бы на несколько месяцев. А там, может быть, устроишься где-нибудь в лазарете или в госпитале.

– Хорошо, очень хорошо ты говоришь!.. Ну а кто же здесь-то будет работать, в транспорте?! Стоит мне уехать на неделю только, и здесь все пойдет к черту!

– Да что пойдет к черту? Чего ты беспокоишься? Раз ты уедешь, пришлют другого, хотя бы временно, или будет заменять Евсеев.

– Ну, нашла заместителя! Ведь он же совершенный рамолик[43] и развалина! Он же умственно ненормальный! Я хотя и пью, но головы не теряю и держу всю работу в своих

---

[43] Рамолик – расслабленный, немощный, впавший в слабоумие человек.

руках. А у такого типа в одну неделю все придет в полную негодность! Весь транспорт развалится: лошадей покалечат, двуколки разобьют! Транспорт сразу выйдет из строя… А у меня он, хотя и потрепанный, но вполне работоспособный…

– Допустим! Но нельзя же губить себя ради лошадей и двуколок! В другом месте ты сможешь принести еще больше пользы России! А здесь ты погибнешь, сопьешься!..

– Все равно! Отсюда нет выхода! Раз попал – крышка! Кого сюда пошлют? Все там пускают вход и тетей, и сестер, и жен, лишь бы только никуда их не посылали из больших городов. А за меня и просить-то некому! Да если бы и нашелся кто-нибудь, чтобы похлопотать за меня, так все равно ничего из этого не выйдет!

– А вот и выйдет! Ты попробуй! Напиши рапорт. И увидишь, что и тебе тоже дадут заслуженный тобою отдых!

– Почему ты так уверенно говоришь? Надеюсь, ты не ходила просить кого-нибудь за меня?

– А если бы я просила – разве это такое большое преступление с моей стороны?

– Неужели ты была у инспектора? Не может этого быть! Я тебя не узнаю… Ты для меня новая какая-то…

– Да! Я была у инспектора и все ему рассказала! Я умоляла его помочь мне спасти тебя! Дать тебе работу в тылу, хотя бы ненадолго. И он обещал мне сделать это, если ты подашь рапорт о болезни…

– Ни за что я этого не сделаю! Это позор! Кажется, вся наша семья состоит из подлецов!.. Ни у кого нет ни чести, ни сознания долга!.. Черт знает что такое!.. Как ты могла пойти

и просить, чтобы меня, спившегося алкоголика, перевели в тыл?!

– Ваня! Ты не видишь, как люди устраиваются. А это не есть ведь устройство!.. Ты болен! Ты погибаешь здесь! И здесь для тебя нет спасения!.. Вон, первый твой помощник доктор Штровман, тот при первом же выстреле уехал! У него было уже припасено место в Самаре. А ты просто больной и уставший человек, нуждающийся в отдыхе.

Но муж даже не обратил внимания на мои слова, так был поглощен своими мыслями. Я очень хорошо понимаю его состояние. Гордость, самолюбие и высокая порядочность не позволяли ему поступить так, как поступали многие, иногда совершенно не стесняясь в средствах для достижения своей цели. И он не мог согласиться с моими доводами. Бросить транспорт и работу в нем!.. Он думал, что это равносильно тому, если бы боевой офицер или генерал бросил свою часть, полк или дивизию и стал бы проситься о переводе в тыл, на спокойное место… Я чувствую и знаю, что он никогда не сделает ничего подобного. Ну, что же! Значит, так и должно быть! От судьбы не уйдешь… А я его не оставлю одного, что бы ни случилось, пока война не кончится. Он делает большое дело! Может быть, оно и не такое заметное, как могло бы быть внутри страны. Но он служит России, спасая многих раненых своевременной помощью и вывозом их в госпиталя тыла. Так было в прошлом году в Сарыкамыше. Муж всегда шел первый на позиции на горы! И за ним уже шли и санитары. Они на руках спускали по обледенелым скатам полузамерзших тяжелораненых, грузили их на двуколки и вывозили в ближайшие к фронту госпиталя. Конечно, я бесконечно жалею его, родного, близкого мне человека, но все, что он делает, – нужно для России! А другой на его

месте, может быть, и не сумеет сделать то, что делает муж! Господи! Спаси и сохрани мне моего мужа и помоги Родине моей выйти из этого тяжелого испытания!.. Дай вернуться всем к мирному труду и к своим семьям!.. Я в душе молюсь, и невольные слезы текут по моему лицу. Муж сидит, опустив голову, и ничего не замечает. Поданный обед не тронут.

– Ваня! Родной мой! – я встала перед ним на колени, положила голову на его руки и плачу…

– Что ты, Тиночка, любимая моя деточка!.. Не плачь! Ничего мы с тобой не можем изменить… Тысячи гибнут каждый день молодых, здоровых людей… Им так же хотелось жить по-человечески. А их сваливают в общую яму – и конец! Ни жены, ни матери, ни дети их никогда не узнают, где могила их отца, мужа или сына… А мы с тобой еще в очень хороших условиях живем. Самое главное – это то, что мы вместе! Да и вон в какой прекрасной комнате живем! Моемся каждый день, едим правильно и неплохо, – он показал на стол и на нетронутую еще на нем еду. – А там, в окопах, ведь такие же русские люди! А они ведь лишены всего этого! Едят, когда придется, не спят по несколько ночей… А про мытье уж и говорить нечего, всех вши заедают! И только когда не могут уже больше держаться на ногах, падают, где придется, и засыпают… Ты сама видела результаты там, на поляне, где рядами лежат заснувшие навеки солдаты вырезанной турками нашей роты!.. Понимаешь ли ты весь ужас положения? Легли, чтобы отдохнуть после тяжелого дня и многих бессонных ночей… и не проснулись!.. А теперь лежат, сваленные в одну общую яму… Когда я ездил за ранеными в последний раз, присел я на камень и курю… Лошади отдыхали, и нагружать раненых было рано. Подошли ко мне несколько человек врачей,

офицеров, а с ними тот капитан, который командовал этой вырезанной ротой… Он был все еще в совершенно подавленном состоянии… Стали разговаривать о боях, о Западном фронте, о тыловой жизни. Один из врачей стал рассказывать: «Я только что вернулся из отпуска. И прямо вам скажу, что рад, что опять я здесь! Узнать нельзя нашу публику в городах! Все какие-то взвинченные! Говорят совсем не то, что говорили раньше, до войны. Всюду пьянство, разврат. Куда ни придешь, мужья и жены или разводятся, или уже развелись! Дети в семьях стали лишними, матерям смотреть за ними некогда! А рестораны полны веселой, нарядной публикой. У всех деньги без счету. Походил я по кабакам и ресторанам (для этого и поехал!). И насмотрелся!! Все они переполнены толпами здоровых и крепких молодых людей….Одеты – как модные картинки или под восточного бандита с целым арсеналом оружия на нем… Это всё спекулянты! Всё – коршуны, питающиеся и жиреющие на трупах жертв войны!.. Они всегда кутят группами. Шушукаются, встают, бегают, что-то записывают, подсчитывают, шепчут друг другу на ухо, требуют шампанского, заказывают музыку, какая им нравится. Прямо скажу вам, господа: я рад, что вернулся сюда, в тихое, святое место!» – закончил врач. «Еще раз приходится пожалеть, что турки меня не прикончили вместе с моими солдатами», – сказал вдруг молчавший до сих пор капитан. «Успеете! Времени еще много для этого впереди», – ответил молодой офицер. «Все равно деться нам некуда! Турки ли расстреляют, от тифа ли умрем? Вон, каждый день роют новые братские могилы!.. А кончится война, мы же будем опять расплачиваться и за фронт, и за тыл, когда вернемся домой». – «Неизвестно еще, до чего довоюемся, если в тылу

уже сейчас идет такое разложение! – сказал капитан. – У нас здесь все же какая-то нормальная жизнь. А в тылу бездельники, кутилы и спекулянты – все только и дрожат наяву и во сне, как бы их, несмотря на всю протекцию и подкупы, не погнали на фронт. Из страха перед возможностью попасть на фронт они всеми способами ведут пропаганду против войны среди женщин и среди подобных себе. Война, мол, ужасна! Довольно лить народную невинную кровь! – капитан вскочил, швырнул папиросу и опять сел. – Неужели все это действительно происходит? – спросил он меня. – Я ведь на фронте с первого дня мобилизации и ни разу еще не был нигде в тылу. Но доктор Ващенко ездил домой. И он рассказывал почти то же самое! Мы здесь живем прямо как святые. Разве только иногда выпьем какой-нибудь сивухи. А в тылу много ведь соблазнов! Главное, денег много и время не так занято...» Больше всего его поразило то, что семьи разваливаются. Многие мужья, вернувшись с фронта, не найдут того, что оставили, когда уезжали из дому... А прошло-то всего только два года с начала войны!

«Я тоже с первого дня на фронте. Жена живет в глуши, у тещи. Пишет редко. Здоровье у нее неважное. Пять ведь человек ребят! Сама на всех шьет, моет, кормит! К ним туда и новости-то наши доходят, когда мы о них уже забыли!» – оживился наш капитан, как только заговорил о семье. Полез в нагрудный карман, вытащил серый растрепанный конверт, повертел его в руках и опять положил в карман и застегнул пуговицу. Я подумал, что у него в конверте карточка всей его семьи, и он хотел показать ее мне, но почему-то раздумал. «Вот, видите, капитан! Жизнь ваша очень нужна вашим детишкам! И если вы спаслись сейчас от турецкого кинжала, то от этого выиграла и Россия!!» Когда транспорт был готов,

я попрощался с капитаном, но он пошел проводить меня до моей двуколки. Я просил его, если он будет в Ване, чтобы зашел к нам… Вот, родная моя Тинушка, это жизнь войны! И мы ничего не можем изменить в ней! Мы только крошечные, самые ничтожные колесики в этой огромной машине войны. Но без нас эта машина не может работать! Она остановится! Поэтому мы останемся на своих местах и не будем нарушать правильную работу этой машины… – Он все время гладил мою голову. – А если совершенно испортятся и выйдут из строя такие маленькие колесики, как я, то их заменят другими. Вот и все!.. Но все же лучше, чтобы все колесики работали подольше и без остановок… Так, моя родная Тиночка!

Вошел Гайдамакин:

– Подогреть обед?..

– Разве мы еще не обедали?

– Никак нет! Обед простыл уж. Я возьму и подогрею…

– Ты видишь, при многих лишениях мы с тобой живем еще по-барски и, если еще приносим хоть маленькую пользу нашей Родине, то мы должны благодарить Бога.

– А вот и суп! Где бутылка с вином?

– Я думала, что она тебе не нужна. Ее вынесли, я приказала…

– Нет! Неплохо бы выпить стаканчик…

На другой день, когда я пришла в госпиталь, раненых уже напоили чаем и стали приготовлять к отправке. Доктора Финштейна еще не было в госпитале…

– Как же быть? Вон тот раненый жалуется, что всю ночь не спал. Болела рана. Его нужно осмотреть и перевязать, – сказала дежурная сестра.

– Мы и без доктора перевяжем! Через час подадут транспорт за ранеными. Мы должны их приготовить к отправке! Санитары, несите вот этого в перевязочную. – Мы перевязали троих тяжелораненых. Я стала разбинтовывать четвертого. Но пришел доктор и стал торопить нас.

– Доктор! У него болит рана. Он всю ночь не спал. Посмотрите рану!

– Теперь, сестра, нет времени перебинтовывать его. Да я все равно ничем не могу помочь ему. А транспорт из-за одного раненого мы не можем задерживать! Положите сухую повязку, и пускай выносят. – И доктор вышел…

– Сестра! Снимайте бинты! Я пойду и скажу, чтобы подождали, пока мы его перебинтуем!

Мы с сестрой стали его перевязывать.

Раненый все время стонал и жаловался:

– Всю ночь так и мозжит! Совсем заснуть не мог. Хочу повернуться на другой бок, и тоже не могу!.. Нога-то как колода чижолая! Товарищи ругаются, что им не даю спать… А я бы и рад сам заснуть, да куды там – больно! Так и промучился всю ночь…

– Что же не позвал санитара или сестру?

– Да я звал! Так разве дозовешься кого? Всю ночь никто в палату не приходил к нам… Ну да спасибо, теперь лучше стало, как перевязали рану-то!..

– Я рада, что тебе лучше стало. С Богом езжай! Вот подживет рана, домой тебя пустят.

– Ох, сестра! Как охота поехать-то домой!.. Жена живет с родителями. Старые они у меня. Отец помаленьку по хозяйству еще справляется, ему моя-то жена помогает. А мать по домашности у печки возится! Да за внуком смотрит. Сынок ведь у меня годовалый есть! Жена писала – большой вырос. И лицом похож на меня… – как-то весь просияв и забыв и про рану, и про то, что она «мозжит», рассказывал раненый о том, что больше всего ему дорого и близко…

Раненого унесли. Я тоже вышла во двор, увидела мужа и доктора Евсеева. Они проверяли раненых по списку, и муж приказал выезжать. Транспорт тронулся, вытянулся по улице, стал заворачивать за угол и скоро весь скрылся вдали.

Глава 2

– Ну, ты сегодня свободна! Всех раненых отправили. Идем домой. Я получил от доктора Щукина записку – приглашает на охоту. Он заедет к нам после обеда, и мы поедем пока втроем. Он хочет поохотиться на бекасов, у него прекрасное охотничье ружье. А к вечеру туда приедет доктор Ващенко и другие на вечерний утиный перелет.

Мы пришли домой и стали приготовлять закуску, чтобы взять с собой и, конечно, выпивку тоже. Приехал доктор Щукин – маленький, щуплый, с рыжей бородкой. И сейчас же заторопился.

– Скорее! Скорее! Едемте! Погода прекрасная; как раз ходить по болоту.

Мы поехали к Ванскому озеру, которое было от города в десяти верстах. Местность была совершенно ровная. Дорога, как все дороги в Турции, простая, грунтовая, но довольно

хорошо накатанная. Проехали мы несколько верст. Стали попадаться вдоль пути домики. Начиналась дачная местность. Но мы поехали по боковой дороге, отходившей в сторону от дач, тянувшихся почти до самого озера. Не доезжая до озера, мы остановились. Щукин сказал, что дальше ехать не стоит.

– Вы располагайтесь вот здесь, на валу, под деревьями. А я пойду по болоту бекасов стрелять!

– Подождите, сейчас откроют вино! Выпейте для удачи, – сказал муж.

– Ну нет! Это уж не полагается! – отказался Щукин и спустился с вала прямо в болото, которое тянулось вдоль полосы камышей.

Ткаченко принес ящик с закуской и вином. Разостлали одеяла, и мы сели. Муж взялся за вино и закуски… Совсем недалеко от нас, прямо из-под ног доктора Щукина, вылетали небольшие птички, делали дугообразный перелет и опять садились дальше в кочки болота. Доктор шел к тому месту, где садились маленькие серенькие птички. Они взлетали опять. По дороге вылетали еще другие и, так же описав дугу, комом падали в зеленую траву, которая покрывала все болото. Но вот раздался первый выстрел, и какая-то несчастная птичка упала! Доктор подошел, подобрал и, потрясая первой добычей в воздухе, крикнул:

– Это ваша, Тина Дмитриевна!

Потом выстрелы стали раздаваться чаще, и мы видели, как доктор кружился по болоту, гоняясь то за одной, то за другой птицей, которые улетали от него. Издали его стрельба казалась нам безрезультатной. Но он уже был на другом конце болота, и мы плохо его видели. Солнце уже спустилось

низко. Скоро должны были приехать и другие охотники. Наконец доктор Щукин вернулся к нам и показал свой трофей. Это была одна-единственная маленькая птичка с длинным клювом. Больше ему не удалось убить ни одной…

– Напуганы!.. Не подпускают близко! Не успею подойти, а они уже снимаются… Тина Дмитриевна, после охоты мы поедем к вам и зажарим эту дичь. Но, пожалуйста, вся птица вам, а головка мне!..

В это время из-за бугра, с другой стороны дороги, показались несколько человек…

– А! Вот и охотники!

Те тоже увидели нас и помахали нам руками. Когда все подошли, поздоровались, муж предложил выпить. Все выпили…

– Вон утка! Утки летят! Это еще только одиночки, – сказал один из охотников.

– Но, пожалуй, пора уже становиться на места. Скоро уже начнется перелет! Мы должны занять места до начала тяги, – сказал доктор Щукин. Все пошли к дороге недалеко от камышей. У всех охотников были винтовки. Только у одного доктора Щукина было охотничье ружье.

– Поэтому я лучше здесь встану на последнее место, – сказал он. – Если вы все промахнетесь, то я уже наверняка убью…

И он стал расставлять всех по номерам. А сам встал последним. Меня поставил около себя; потом встал муж, а дальше все другие. Мне дали винтовку, которую я держала первый раз в руках. Муж стал объяснять, как нужно целиться в утку. Солнце село где-то за горами, и сразу стало темнеть.

– Тише! – скомандовал доктор Щукин. – Утки летят!

У меня по телу пробежала дрожь. Я стала сжимать винтовку в руке, а палец невольно сам тянет за собачку… Вдруг позади меня раздался выстрел! Потом другой, третий!.. Муж тихонько сжимает мою руку, чтобы я не волновалась. Но в это время над моей головой с шумом и свистом пролетала целая вереница уток… Я выстрелила. Мне показалось, точно из пушки выстрелили совсем около меня, такой был сильный звук выстрела! Я ничего не видела и не знала, убила ли я утку или нет, но мне хотелось еще стрелять! Муж взял мою руку и сказал:

– Видела? Ведь ты убила утку! – и взял от меня винтовку. Все охотники окружили меня и стали поздравлять.

– Вот так здорово! Первым же выстрелом убили! – говорили они. Но я стояла, ничего не понимая. Я знаю, что я не целилась, а выстрелила в вереницу, которая была над головой. Но все видели, что утка упала сразу после моего выстрела.

– Нет, нет! Я не могла убить! Это кто-нибудь другой, но не я, – стала я оправдываться. Потом выяснилось, что я выстрелила одновременно с мужем и, конечно, убил утку он, а не я. Пошли все к озеру искать утку. Но она упала в камыши, а лодки не было, поэтому поиски отложили до утра. Мы пошли по песчаной косе, которая отделяла ту небольшую полосу воды между берегом и озером, на которой ночевали утки, гуси и множество других водяных птиц. Было почти уже совсем темно, но было слышно, как утки с шумом и кряканьем летели над нашими головами и садились на воду. Хотя они нас, может быть, и не видели, но, должно быть,

чувствовали наше присутствие и беспокоились. Селезни крякали не переставая…

– Если бы была лодка, так прямо можно было бы руками наловить их сколько угодно, так много их тут! – сказал кто-то позади меня.

– Но так как у нас нет лодки, то едемте домой, – предложил Щукин. Мы вернулись к двуколкам.

– Господа! Едемте ко мне выпить по стаканчику вина и закусить, – предложил муж.

– Хорошо! Выпить всегда неплохо! Но насчет закуски отказываемся. Нас в штабе будут ждать, – сказал доктор Ващенко.

Приехали мы домой, и доктор Щукин сам стал объяснять Гайдамакину, как нужно жарить единственную, но особенно замечательную дичь. Гости выпили по стакану вина и уехали, кроме доктора Щукина, который остался у нас ужинать. Когда подали жареного бекаса, который без перьев оказался немногим больше воробья, доктор Щукин отрезал себе головку, а птичку положил мне на тарелку. Я хотела отдать половину мужу, но он отказался. По правде сказать, так в этой птичке и еды-то никакой не было!

Как только уехал доктор Щукин, я пошла спать.

– Ваня! Ложись спать! Поздно уже, и ты устал…

– Нет, я посижу еще. А ты ложись и спи. – Просыпаюсь ночью, вижу: в передней половине комнаты горит свет, а на постели мужа нет. Я встала и заглянула за перегородку. Муж сидел боком к столу, положив на него локоть, а голову на руки. В стакане было немного вина, но бутылка была почти пустая.

– Ваня! Ты еще не ложился спать! Ведь уже три часа утра.

Он поднял тяжелую, одурманенную голову, посмотрел на меня мутным взглядом…

– Хорошо, хорошо! Ты иди и спи. А я еще посижу. – Он протянул руку, взял бутылку и налил в стакан. Я взяла стул и села к столу напротив него. – Ну, хорошо. Хочешь вина, на́, пей, – предлагал он.

– Мне холодно сидеть тут. Идем спать, а вино завтра допьешь.

– Нет! Я лучше сегодня его допью! Завтра будет другое…

Я взяла стакан и выплеснула вино прямо на пол.

– Напрасно ты вылила вино. Теперь мне придется позвать Гайдамакина или самому идти на кухню искать вино…

– Пожалуйста, Ваня! Не делай этого. Пойдем спать. – Он смотрел на меня мутными, воспаленными глазами, и мне казалось, что он совершенно ненормален, что он уже сошел с ума… Вот в таком состоянии он может что угодно сделать! Вплоть до убийства…

– Завтра у меня много операций в госпитале. Да и генерал Термен просил меня смотреть за детьми, – вру я, чтобы отвлечь его от вина и мрачных мыслей (ведь он сам знает, что всех раненых сегодня вывезли).

– Хорошо! Идем спать! Я не пойду за вином на кухню. Только жалко, что ты вылила вино на пол, я хотел его допить…

– Завтра допьешь. Иди ложись, я потушу лампу и приду тоже.

Когда я легла в постель, у меня зубы стучали от нервного напряжения и волнения. Я поняла, что мы – обреченные жертвы, и что для нас нет ни спасения, ни выхода. Мы так же погибнем, как гибнут и другие! Только одни гибнут от пуль, другие – от тифа, а третьи – от алкоголя! Конец же для всех один! Утром муж встал мрачный. От чая отказался.

– Принеси вина и что-нибудь закусить, – приказал он Гайдамакину.

– Ваня, пойдем в детский лазарет. Посмотрим, что там делается.

– Хорошо, только дай мне выпить стакан вина…

Мы пошли в госпиталь, а оттуда в детский домик.

В это время как раз сестра и санитар шли кормить детей. Так же, как и в первый раз моего прихода сюда, дети сразу набросились на ведро с кашей, но санитар ведро поднял высоко и что-то по-армянски говорил им. Они мало его слушали и, плача и крича, продолжали тянуться к ведру. Многие уже были одеты в пестрые, длинные рубахи. Но кашу все еще многие ели как животные, прямо слизывая ее с тарелки языком. На нарах лежало много стеганых теплых одеял и подушек, собранных в брошенных домах. Но вонь в комнате по-прежнему стояла ужасная. Муж вышел.

– Я буду тебя ждать снаружи, – сказал он.

После кормления детей мы пошли домой, и я стала шить рубаху для детей, скроенную сестрой. Но много мне сшить не удалось. На следующий день муж получил из штаба предписание ехать в Тавриз за ранеными.

– Что за дикая мысль посылать отсюда, когда гораздо ближе к Тавризу есть другие перевязочные пункты! – Муж

читал несколько раз бумагу. – Не понимаю, откуда в Тавризе наши раненые взялись? Ну, да это все равно! Раз приказывают, значит, нужно ехать! Поеду я туда сам. Я знаю персидский язык, и это много облегчит поездку. Сегодня должен вернуться из Хоя доктор Евсеев. Он с половиной транспорта будет работать здесь. Хочешь ты поехать со мной?

– Да, хочу. Тем более что в госпитале сейчас нет работы.

– Хорошо. Посмотришь новые места. Я был в Тавризе несколько раз и знаю его хорошо… Гайдамакин! Позови старшего по транспорту ко мне, так как подпрапорщик уехал с Евсеевым. – Пришел солдат, и они выяснили, сколько осталось санитарных двуколок, что все в исправности, что лошади в порядке. – Завтра мы выступаем в Персию, в Тавриз, за ранеными! Скажи команде, чтобы готовились. Я поеду с транспортом сам. Выедем, я думаю, в восемь часов утра. – Солдат ушел. Утром следующего дня мы выехали на юго-запад в Персию.

* * *

Два дня мы ехали до Тавриза[44]. Ночевали прямо в поле. На костре варили еду. Дорога ничем не замечательна.

---

[44] Тавриз (Тебриз) – крупный город у озера Урмия в Иранском Восточном Азербайджане, административный центр. В Персии в годы Первой мировой войны вокруг Тарвиза разворачивались кровопролитные боевые действия между русскими и турецкими войсками.

Скучные голые горы да изредка бедные персидские деревни… После суток езды, к обеду следующего дня, мы приехали в какой-то маленький городок и остановились на главной улице. По-нашему, это была просто-напросто деревня. Но тут зовется городом и есть караван-сарай, то есть базар. Санитары распрягли лошадей и дали им корм. А мы с мужем пошли в караван-сарай поесть персидской снеди. Еще не дойдя до базара, мы уже слышали мелкий, дробный стук ножей – это кебабщики рубили баранье мясо для кебаба. Всякий перс, попадая на базар, непременно ест горячий кебаб, завернутый в только что испеченный тонкий сочень (лаваш, по-восточному).

– Хочешь съесть горячий кебаб? Пойдем вон к тому. Кажется, он почище других…

Мы подошли к прилавку, на котором перс раскатывал тонкое тесто. Он скосил глаза в нашу сторону, но никакого любопытства внешне не проявил. Но когда муж заговорил с ним на его родном языке, он сразу переменился! Что они говорили, я, конечно, не поняла, но перс схватил в обе руки по тяжелому ножу и тут же на прилавке с усердием стал рубить мясо, которое и без того было уже мелко изрублено.

– Сейчас он нам приготовит кебаб, – сказал муж. А перс раскатал из теста два тонких сочня, повесил их на тонкую палочку и держал над горячими углями. Когда сочни были готовы, он их положил на прилавок, взял горсть рубленого мяса, помял в руке и стал налеплять его на тонкий и плоский железный прут-шампур, все время раздвигая по нему мясо, пока оно не образовало тонкую полоску вокруг шампура. Тогда он его положил на мангал, где только что испек сочни, и поворачивал все время над раскаленными углями. А жир,

капая на угли, распространял острый аромат жареного мяса, лука, перца, щекоча ноздри и вызывая аппетит. Через несколько минут кебаб был готов. Перс осторожно снял ножом мясо с шампура на сочень, свернул его в пирожок и дал его без тарелки в руки сначала мужу, а потом и мне. Это так было вкусно, что я, не кончив еще есть первую порцию, сказала мужу, чтобы заказал вторую для меня. Но когда я доела эту первую порцию, то почувствовала себя вполне сытой. После кебаба мы выпили горячего чая, походили по базару и пошли к транспорту. За это время лошади отдохнули, и мы тронулись дальше. К вечеру мы остановились на ночлег где-то в поле. Съехали с дороги, распрягли лошадей. Солдаты развели костры и стали варить ужин. Я всегда любила сидеть у костра где-нибудь на берегу Волги или Камы. Но и здесь, в поле без воды, было очень хорошо. Вдруг позади меня раздался чей-то голос.

– Барыня, хочите куриного супу? – Это подошел один из санитаров транспорта. – Мы наварили курей. Хороший суп!

– Спасибо, ешьте на здоровье сами.

– Да вы не стесняйтесь. У нас ведь много! На каждого по куре, а то и больше придется, – убедительно говорит солдат.

– Откуда же вы достали столько кур? Купили?

– Ну, что вы, барыня! Да разве у перса укупишь куру?! На ней перья да кожа, а стань торговаться, так перс за нее запросит как за барана!.. Ну, и мы не просты! Сами наловили! Ни одна и не пикнула даже! У нас тоже есть умеющие люди по этой части! Не хуже казаков!

– Слушайте! Как же это можно? Ведь мог бы выйти скандал, если бы персы заметили!

– Почему допускать до скандала? Мы действовали чисто, у нас – ни шума, ни скандала! Право, барыня! Скушали бы супу с курятинкой! Где еще другой раз удастся сварить такой суп?..

На другой день к вечеру мы были в Тавризе. Остановились мы в бывшей немецкой фабрике ковров. Вернее, во дворе фабрики, где уже были какие-то русские солдаты. Никакого помещения мы не занимали; наши солдаты спали в двуколках. Мы с мужем пошли в город искать гостиницу, чтобы взять комнату. Мы были в двух из них, но все, что нам показывали, было ужасно! Грязь, двери не запираются, окна выходят на общий балкон, занавесок нет, уборная во дворе для всех – общая!..

– Нет, я не хочу здесь ночевать, в этой грязи! Моя двуколка идеал чистоты по сравнению с этой комнатой и кроватью.

– Ну, раз ты не хочешь брать комнату, так идем обедать, – сказал муж. Тут же, в нижнем этаже, под гостиницей, был ресторан. Но ни одного свободного столика там не было. Все были заняты важными, по-видимому, военными в шикарных френчах с огромными накладными карманами, с массой разных невиданных мною значков на груди, с широкими погонами на плечах – не то адмиральскими, не то генеральскими! За некоторыми столиками сидели и дамы. Тоже очень нарядные. В ушах и на руках – масса крупных бриллиантов. Все военные – толстые, упитанные, выхоленные, очень важные – сразу видно, что, по меньшей мере, командующие армиями! Я подумала, что это какой-нибудь деловой банкет высшего командного начальства, и смотрела с уважением на этих важных людей.

Невольно взглянула и на мужа и сравнила его с окружающими… Рядом с ними он просто был оборванцем! Правда, все на нем было совершенно еще годное для носки и даже не очень поношенное. Но искать у него хоть маленький намек на элегантность было совершенно безнадежно! Да и откуда ей было быть, когда все, что на нем было надето, покупалось в разное время, в разных местах и находилось в постоянной носке, пока не приходило в негодность. Даже дорогая каракулевая папаха тоже помята и выглядела неважно. Вот уже вторую зиму муж в ней спит, когда приходится ночевать в поле прямо на земле. Невольно взглянула я и на себя в зеркало. Я увидела там просто замухрышку! Мне сделалось просто неловко стоять перед этими нарядными дамами! На мне было коричневое помятое платье, черный фартук с красным крестом на груди; на голове – белая косынка. Сверху шуба с воротником из лисицы, бывшей когда-то черно-бурой… И так мне стали все эти сравнения смешны, что я невольно засмеялась. Главное для нас теперь было то, что мы были голодны. Муж обратился к лакею:

– Мы пришли обедать, дай нам столик.

– Абаждите немного! Вот господа скоро кончат обедать. Тогда и столики освободятся, – сказал лакей. Муж страшно обозлился.

– Мне нет дела до ваших господ! Немедленно дать мне стол и обед! – крикнул он, обращаясь к хозяину, толстому армянину, который стоял за стойкой.

– Тише, Ваня. Видишь, что какой-то банкет у начальства.

– Какое там, к черту, начальство! Это всё обвешанные наградами уполномоченные и тыловые интенданты… Кто же другой может быть здесь, в тылу, в большом городе?!

Армянин позвал лакея и что-то сказал ему.

– Подождите! Сейчас стол освободится. – Из дальнего угла встали и вышли двое в штатском. – Вот, пожалуйте! Стол освободился. – Мы поели, пошли к своему транспорту и спали в двуколке.

На другой день муж пошел узнать насчет раненых. Он скоро вернулся и сказал, что раненых направили по другому пути, и в Тавриз они не попали. Поэтому мы можем выезжать обратно, как только люди и лошади отдохнут.

– А пока мы пойдем смотреть Тавриз и караван-сарай. Может быть, купим ковры, если увидим что-нибудь особенно хорошее.

Мы пошли прямо в караван-сарай. Он был замечательно интересный, во много раз больше, чем Хойский. Ковры сотнями лежали не только в лавках, но и на тротуарах, и даже на мостовой, где по ним ходят и ездят. Каждый торговец коврами расстилает перед лавкой на тротуаре и на мостовой много огромных ковров. Их не убирают ни днем, ни ночью до тех пор, пока под ногами людей и животных не сойдет лишний ворс и ковер не станет мягким и тонким. Тогда его моют, сушат и после этого держат в лавках для продажи. Торговлю в лавках ведут только мужчины-персы. От раннего утра и до вечера, когда с минарета раздается призыв муэдзина к молитве, работа в лавках не прекращается. Но как только раздается этот призыв, товары складываются, слегка прикрываются циновками, а хозяева и приказчики-персы всовывают ноги в чувяки и, цокая каблуками по плитам, идут к ближайшей мечети на молитву. Редко у кого лавка запирается на замок. Да и двери даже имеются не во всех лавках… Но зато по улицам всю ночь

ходят сторожа и бьют колотушкой в чугунную доску. Звук этих ударов разносится далеко и гулко и как бы говорит хозяевам, что они могут спать спокойно, а воров предупреждает, чтобы они были осторожны и помнили бы о своих руках, если они у них еще не отрублены. У каждого торговца-перса есть подушка, на которой он всегда сидит на покрытом ковром полу, поджав под себя ноги, а неподалеку стоят его расписные сафьяновые, с загнутыми кверху острыми носками, чувяки. На голове маленькая каракулевая шапочка. Она никогда не снимается. Шелковый широкий халат, подпоясанный куском пестрого шелка. Борода и ногти ярко-красного цвета (выкрашены хной). Во рту чубук кальяна. В Тавризе самый большой караван-сарай из тех, что я видела в Персии. Это целый крытый город. Он весь покрыт крышей, и улицы его тянутся и извиваются во всех направлениях. Идешь по ним и не заметишь, как очутишься в такой узкой улочке, что встречных два груженых ослика едва могут пройти мимо друг друга. Но есть и несколько широких улиц, где расположены главные лавки с «заграничными» товарами. В эти лавки, где все товары продаются дороже, приезжают на разукрашенных осликах богатые персиянки. Они еще издалека видны среди моря человеческих голов. Десятки осликов идут в обе стороны. Одни из них в богато убранной сбруе – уздечка украшена кистями из яркого гаруса с серебром. На высоком седле, закутанная в черную шелковую чадру, сидит персиянка, дама из богатого персидского общества. Около ее стремени идет маленький «адъютант» – сын, или родственник, или наемный слуга. Ни одна персидская женщина никуда не поедет без провожатого. Такой телохранитель, смотря по хозяйке, так же одет богато. На нем хорошего сукна

кафтанчик, а если летом – шелковый халат, так же, как и у взрослых, подпоясанный широким куском яркого шелка; на голове – высокая шапка светлого каракуля, на манер наших казачьих, а на ногах – сафьяновые расшитые серебром сапожки. Мальчик-телохранитель одной рукой все время держится за стремя своей матери или госпожи, а ослика ведет старый слуга-перс. Таким образом богатые персидские женщины передвигаются всюду: и в гости, с визитом, и, главным образом, в караван-сарай, любимое место всех восточных женщин. Все различие между богатой и бедной только в том, что украшение ослика у менее состоятельной победнее. Да, может быть, бедная персиянка сама правит ослом. Но около ее ноги так же держится за стремя маленький сын, только одет он не так богато и ярко. Самые же бедные персиянки идут пешком, закутанные в ситцевую чадру и звонко стуча задками чувяк. Но и с ней так же рядом бежит ее сын или брат, держась за ее чадру, ибо руки ее всегда спрятаны. Часто такая бедная женщина несет на голове огромный узел, где лежит все ее имущество (одежда и посуда), а в руках, под чадрой, держит еще и ребенка.

Толпа так густа, что все задерживают и толкают друг друга, особенно в полдень. На базаре стоит одуряющий, пряный, специфический восточный запах. На лотках и плоских медных подносах лежат груды сладостей, всегда ярко окрашенных, чаще всего в розовый цвет. Зато толпа совсем не ярка. В ней выделяются белые чалмы на головах, большей частью стариков, изредка мелькнет зеленая – святого человека. Тонут в общей массе мало заметные серые острые папахи ничем не выделяющихся персов. Но все это только пятна на основном черном фоне! Женщины составляют главную массу толпы. Покрытые чуть не сплошь

с головы до ног черными чадрами, они стоят и ходят по кривым и тесным переулочкам базара. Даже дети, которых так много в этой толпе, не оживляют ее мрачный оттенок.

Неожиданно я вдруг очутилась в центре одного из таких черных пятен женской толпы... Муж сразу оказался оттесненным куда-то далеко от меня. А острые, жадные, любопытные руки хватали меня за платье, обувь, ощупывая и осматривая меня с самым бесцеремонным и назойливым интересом, как интересную вещь... Вдруг одна из этих черных назойливых ворон, державшая меня за руку, откинула свою чадру с лица и обдала меня блеском своих прекрасных, лучистых, громадных глаз и радостью улыбки и жемчужно-белых зубов. Но только на короткое мгновение, и снова чадра закрылась! И невозможно было сказать, которая из этих ворон скрывает под своей чадрой столько радостно-лукавой молодой красоты... Как песчинки в пустыне, все одинаковы и все равны под чадрами... И только молодой смех звучит с разных сторон радостью, которую не могут убить даже эти мрачные чадры. Персы сидят целыми днями на базаре, прислонившись спиной к стене или просто на корточках, и курят. Кто из них и когда работает, не знаю. Но, пока не закроется базар, тысячи праздных людей сидят и ходят, ничего не делая и ничего не покупая. Да даже и едят очень мало! Обошли мы с мужем весь базар, посмотрели ковры, но не могли ни на чем остановиться. Ковры все так хороши, что хотелось бы все их купить. Но возить их трудно, а дома у нас их и так много. Зато мы накупили много сушеных и вяленых фруктов и орехов. В конце концов мы зашли в персидский ресторан, поели шашлыка, выпили чаю и затем пошли в транспорт.

Узнав, что санитары тоже уже пообедали, муж приказал запрягать, и через час транспорт уже выезжал из Тавриза обратно в Ван. В том городке, где несколько дней тому назад санитары наловили персидских кур, мы не остановились, а проехали верст десять дальше и заночевали прямо в поле. На другой день, на походе, мы увидели большое стадо дроф совсем близко от дороги. Я подумала, что это домашние индюки, так спокойно они ходили и щипали траву. Но старший солдат подошел к нашей двуколке, сказал, что это дрофы, и просил разрешить пострелять по ним хорошим стрелкам из винтовки.

– Нет, это опасно! Вон по той стороне котловины идут обозы. Как-нибудь специально из Вана съездят пораньше утром и поохотятся. А теперь опасно! – сказал муж.

Я видела, как был разочарован солдат, но он ничего не сказал и ушел, а транспорт продолжал свой путь дальше. Когда мы вернулись «домой», доктор Евсеев отрапортовал, что в транспорте все благополучно, что его вызывали на позицию только один раз и не за ранеными, а за тифозными больными. Санитары-охотники вечером пришли проситься ехать на охоту. Дела в транспорте не было, и муж разрешил. Уехало человек десять в эту же ночь, а на другой день вечером вернулись и привезли двух убитых дроф. Вся команда ела их целую неделю. Принесли и нам крыло, которое мы никак не могли съесть до самого отъезда.

Вскоре после возвращения в Ван, в декабре, муж получил предписание ехать на замену другого транспорта в Хой. Транспорт стал готовиться в дорогу. Муж осмотрел все двуколки и лошадей и совершенно случайно обнаружил спрятанное в двуколках добро, натасканное из разрушенных

армянских домов. Несмотря на строгое запрещение мужа, санитары не могли утерпеть, чтобы не взять брошенное добро. И в двуколках под сенниками были запрятаны медные тазы, казаны, стеганые шелковые одеяла, подушки и другие вещи. Я пошла в госпиталь попрощаться, но там никого не застала – уехали на охоту. Рано утром транспорт выступил из Вана. Не успели мы отъехать несколько верст, слышим крик:

– Стой! Лови! Держи! – Транспорт остановился. Оказалось, почти в каждой двуколке были кошки. Почувствовав, что их куда-то везут, они вышибали крышки ящиков и убегали. Мы видели, как они бежали в горы.

– Пропали денежки! – с сожалением сказал наш Ткаченко. – Говорили, что здешних кошек в Тифлисе покупают по двадцать пять рублей. Солдаты ночей не спали, ходили облавой на этих кошек. Эта была охота потруднее, чем на дроф!

Приехали в Хой и, конечно, никакого помещения для нашего транспорта не нашлось. Транспорт остановился лагерем на площади между «Европейской» гостиницей и тем госпиталем, в котором я жила перед отъездом в Ван. Был уже декабрь на дворе, и ночи были очень холодные. У нас в палатке стояла железная печка. Когда она топилась, то было еще сносно. От безделия солдаты с утра до вечера болтались в караван-сарае. Но однажды пропало несколько казаков! Через несколько дней нашли их трупы во рву за крепостной стеной. Она шла вокруг всего караван-сарая, а ров был глубок, но только без воды. Только весной он наполнялся водой… После этих убийств муж запретил отпуски, и только разрешалось ходить группами, и то ненадолго. Как-то

пришел к мужу санитар-армянин и сказал, что на базаре продают очень хорошие шкурки куниц. Мы поехали с мужем и купили десять шкурок. Когда наш санитар узнал, сколько мы за них заплатили, то сказал, что с нас в три раза взяли больше, чем спрашивали с него. Муж дал ему денег и просил купить еще, если он найдет. Он принес несколько, но сказал, что мы совершенно испортили цену. Шкурки не отдают теперь уже дешево! До прихода русских в Хой шкурка куницы продавалась там по рублю. Теперь за такую шкурку просят десять рублей! Да и то все раскупают нарасхват. Персы тяготятся пребыванием русских войск в их стране. И, несмотря на высокие цены, неохотно ведут с нами дела. Но только муж заговорит с ними по-персидски, они сразу меняются. Охотно разговаривают, продают дешевле. В особенности если узнают, что мы из Баку. В Персии нет городка или деревни, из которых не уехал бы кто-нибудь на заработки в этот чудесный золотой город. Продававший нам шкурки перс обещал достать их для нас еще, сколько мы захотим.

Жить в Хое скучно – в непривычной обстановке, без дела. Да и как можно жить зимой в палатке?! Вечером еще ничего: топится железная печка; на ней всегда стоит чайник и греется вода. Хоть и совсем не хочется пить чай, но пьешь его все время. Это главное развлечение… Под потолком подвешена на проволоке керосиновая лампа. Муж сидит на своей койке, я на своей. Читаем газеты, хотя и очень старые. Днем сидеть в палатке невозможно. Без лампы – темно, а зажигать ее днем неприятно. Главное и постоянное занятие – топить чугунку…

Ходила в госпиталь. Но у них у самих нет никакой работы. Сейчас на Ванском фронте полное затишье. Где-то

на другом фронте идут бои, и наши войска наступают. Кажется, на Эрзерумском направлении[45]. Вот где теперь много работы!.. А мужа заткнули на край света, в эту дыру! Решила пойти походить по улицам и посмотреть, как живут персы. С нашей площади я пошла в первую попавшуюся на глаза улицу. По правде сказать, ее и улицей-то назвать было нельзя. Идешь, как по дну узкой пыльной канавы, а по обе стороны тянутся высокие каменные стены. Изредка попадается в этой стене маленькая, едва заметная дверка-калитка. А что за ней, никак не увидишь. Только чувствуешь, что там идет какая-то своя, невидимая для тебя жизнь. Да видишь безлистые ветки деревьев. Дверки в стене окованы солидным железом. Висит толстое кольцо или молоток, чтобы постучать, когда нужно, чтобы открыли эту дверку, которая всегда на запоре… Далеко я прошла по этому ущелью-улице и ни одного человека не встретила по пути. Все жутко-тихо и мертво. Невольно повернула обратно к лагерю. Вдруг кто-то схватил меня крепко за руку! И не успела я опомниться, как очутилась втащенной в маленький дворик! Калитка за мной захлопнулась, и толстый брус уже положен поперек ее в глубокие пазы. Передо мной стояла молодая персиянка, втащившая меня во двор. Она хохотала как сумасшедшая, показывая блестящие белые зубы. Молодая, с непокрытой головой. Черные волосы заплетены в четыре косы с массой вплетенных в них серебряных монет.

---

[45] Эрзерумская операция – крупное зимнее наступление Русской армии на Кавказском фронте во время Первой мировой войны /с 28 декабря 1915 г. (10 января 1916 г.) по 3 (16) февраля 1916 г./, завершившаяся разгромом противника и взятием Эрзерума.

На руках медные браслеты, на шее – яркие стеклянные бусы. Одета в красного ситца длинную кофту и такие же шаровары. На босых ногах чувяки без задков. Она опять взяла меня за руку и повела в дом. Дворик был небольшой. Посреди квадратный бассейн с проточной водой. Вдоль стен – грядки с цветущими нарциссами. Дорожки выложены плитами. Чистота. Солнце ослепляющее. Дом занимал весь фасад двора. Вся стена его была стеклянная. Из дверей вышли еще две женщины постарше той, которая затащила меня, а с ними три девочки и мальчик лет восьми. Все смотрели на меня, как на белую ворону, и быстро что-то говорили. Мы вошли в дом, и они стали показывать мне свою гостиную. Это была длинная комната, одна из стен была из цветных стекол и выходила на дворик. В ней было прохладно, но темновато, часть стен и пол были завешены и устланы коврами. Ковры на полу лежали один на другом. И груды подушек. Стояли низенькие столики, украшенные перламутром, серебром и слоновой костью. Всюду медные кувшины всех размеров и подносы от самого маленького и до огромного. Они висели на стенах, стояли на столиках и на полу. Около наваленных подушек стояли кальяны. Женщины сели, кто на подушки, кто прямо на ковры, и знаками приглашали сесть и меня. Чтобы не показать, что трушу, я села на минутку. Но сейчас же встала и сказала, что все у них мне очень нравится, и хотела уже уходить. Но старшая из женщин сделала мне знак, чтобы я опять села. Потом она что-то сказала одной из молодых женщин, и та вышла из комнаты, позвав с собой мальчика. Через несколько минут они вернулись, неся на подносе сладости, и стали меня угощать. Хотя страх у меня не прошел и мне больше всего хотелось поскорее очутиться на улице и на свободе, я все же

делала радостное лицо и хвалила все единственным словом, которое я знала по-персидски, – «якши»! Они все от души хохотали. Глаза у всех черные, блестящие и очень красивые. Зубы белые, ровные. Волосы у всех густые, длинные, заплетенные в несколько кос, а на лбу челка. То ли день был будний, рабочий, но все женщины были в ситцевых одеждах. Я встала и стала их благодарить. Женщины окружили меня кольцом, трещат что-то все вместе и показывают на мою одежду. Они бесцеремонно поднимали подол юбки и расспрашивали обо всех предметах моего туалета. Дико хохотали над лифчиком и панталонами. Потом они расспрашивали меня, кто я – «ханум»[46] или «кызы»[47]. Я объяснила, что я ханум и что муж мой доктор, и они поняли меня. Я стала опять прощаться с ними. Думаю, довольно шуток, пойду домой! Но не тут-то было! Только я хотела перешагнуть через порог, одна из женщин схватила меня за руку и насильно усадила опять на подушку, а старшая из женщин что-то сказала молодой, и та быстро убежала из комнаты. «Вероятно за веревками, чтобы меня связать», – подумала я… Но девушка вернулась с большим подносом, на котором лежали сушеные фрукты и сладости, чтобы я взяла с собой домой. Я молчала, но зато все остальные громко разговаривали, размахивали руками и все время показывали на меня. Я снова решительно встала, чтобы идти к дверям, но они опять стали рассматривать мою одежду. Когда все было рассмотрено, одна из них, та самая, которая захватила

---

[46] Ханум (*тюрк.*) – госпожа, дама; здесь: замужняя женщина.

[47] Кызы (*тюрк.*) – незамужняя, девица, буквально – дочь.

меня в плен, стала показывать, как они одеты. Она подняла кофточку, а под ней не было ничего! Даже рубашки! Так же прямо на тело надеты шаровары да чувяки на босу ногу! Я стала пробираться к дверям. Но та же молодая женщина взяла меня за руку и повела через сени к лестнице. По ней мы поднялись на крышу. Перед нами за домом расстилался большой сад. Сад этот и вся земля дальше были обнесены высокой глиняной стеной. Вдали виднелись ворота для скота и телег. Я с тоской смотрела туда, где была площадь и мой Ваня, но ничего не могла разобрать, всюду только плоские крыши и голые деревья садов.

– Летом здесь хорошо, ты приходи к нам, – сказала женщина.

Точно я к ним пришла сама, а не была затащена силой! Потом мы спустились с крыши и вышли во дворик, где были все женщины и дети… Прощаюсь, смело иду к воротам, которые заперты. Только теперь я заметила, что по обе стороны ворот, около самой стены, стоят уборные, конечно, без дверей. Но внутри чисто! Стоят медные с длинными носками кувшины. Тут же протекает ручей-арык… Я беру толстый брус на воротах и начинаю его поднимать. Но смуглая рука молодой персиянки ложится на мою руку и крепко ее сжимает, так, что я не могу больше открыть задвижку. Она смотрит некоторое время в мои глаза своими черными блестящими глазами, как бы любуясь моим страхом перед ней. И вдруг начала хохотать!.. Потом сняла мою руку с бруса, сама открыла калитку и, прежде чем выпустить меня на улицу, высунула голову, посмотрела в обе стороны. Потом пожала мою руку и отпустила меня наконец на свободу!.. Только я перешагнула через порог калитки, как она захлопнулась, а когда я отошла на некоторое расстояние,

то уже не могла бы сказать с уверенностью, из которой калитки я вышла. Не знаю, наблюдали ли за мной или нет, но ноги мои сами, по собственной воле, так быстро бежали, что я не успела и дух перевести, как была уже на площади около нашего лагеря! Муж заметил меня и шел навстречу.

– Где ты была столько времени? Я послал искать тебя. И сам ходил по улицам, спрашивал встречных солдат, но никто тебя не видел. – Оказывается, он проходил два раза мимо калитки, за дверями которой я была в «гостях-плену»… – Никакие силы не могли бы тебя найти! Разве только с обыском идти в каждый дом. Да и то они могли так тебя спрятать, что мимо бы ходили, но тебя бы не нашли. Не забывай, что это Азия!

Значит, я счастливо отделалась от гостеприимных хозяев! Но после этого уж никуда ни шагу с площади одна не ходила. Так прошли три недели полного безделия. Санитары держатся как-то странно. Встретишь кого-нибудь из них подальше от транспорта и спросишь – куда идете, сейчас же его глаза забегают по-воровски:

– Да так что прачку искал!.. – Или еще что-нибудь в этом роде…

Сегодня мужа вызвали к главному врачу Жуковскому. Вернулся он оттуда как-то особенно раздраженным.

– Чем больше я приглядываюсь к людям, тем больше убеждаюсь, что все они, без исключения, сволочь…

– Что ты, Ваня! Почему ты так думаешь?

– Вот сейчас главный врач позвал врачей санитарных транспортов для обсуждения, кому из нас ехать в Урмию, чтобы сменить стоящий там транспорт. И что же? Все, конечно, кроме меня, стали жаловаться, что устали и не

хотят ехать в эту дыру. У одного скоро должна родить жена; у другого – уже родила; третий – сам нервный и нуждается в продолжительном отдыхе, и так далее. Пошли счеты между собой. До того договорились, что стали считать, чей транспорт больше прошел верст. Раненых-то они вывезли кто тысячу, а кто и того меньше! А главный врач – деликатный полячек. Сидит, слушает и мило улыбается да изредка вставляет: «Коллеги, вы уж как-нибудь между собой поладьте!» Они все там друзья и приятели! Называют друг друга по имени и отчеству. Два года сидят на одном месте, играют в карты, выпивают... Как не быть друзьями! А я для них чужой... Вот, скажу я тебе, когда я вышел от главного-то врача, то ясно убедился, что я действительно чужой всем! Где бы я ни был, с кем бы я ни встречался, всегда чувствую, что я неподходящий, чужой! Сколько людей я за это время встречал. И, кажется, все ничего, по-хорошему... выпиваем, закусываем, тосты говорим. Но как только разойдемся, уже навсегда сразу забыли друг друга! Вернее, они все меня забывают очень быстро. Чужой! Помнишь студенческие годы? Сколько народу приходило ко мне: то за книгами, то костюм взять на время, то сапоги... Старые продрались, а новых купить не на что. Все приходили и брали, кому что нужно. Я уж не говорю и не помню, сколько я давал денег малыми суммами! А тогда, в восьмом году, когда готовился побег политических из тюрьмы. Ко мне же пришли и взяли несколько костюмов и деньги! А как кончили – уехали, и никто никогда ни одного письма мне не написал! Даже Петька Юзбашев, с которым я учился в гимназии и кончили вместе, а потом вместе все годы провели в университете! Ведь я за него держал несколько государственных экзаменов. И уж он-то, казалось бы, мой друг! А вот только разъехались,

точно никогда и не знал он меня! Ни разу мне не писал, ни одного раза не зашел. А ведь он тоже бакинец и бывает в Баку. Да почему я это все рассказываю тебе? Правда, тяжело как-то становится жить! Скучно! Ну, да черт с ними со всеми! Все прошли мимо. Зашли, взяли, что им было нужно, и ушли! Я не жалею. Ушли и ушли! Только вот ты не уходи, не оставляй меня! А больше мне никого и не нужно… Кончится война, вернемся домой в привычную домашнюю обстановку. И заживем опять по-прежнему: я засяду у себя в кабинете за книги и за стетоскоп, а ты будешь заказывать наряды, ходить в театр да возиться с детьми… Тиночка, родная моя! Если бы сейчас вернуться домой, я думаю, что я бы еще выправился, попал бы опять на дорогу! А так я чувствую, что погибну, сопьюсь!.. Ну так вот! Сидят эти старшие врачи и спорят. Стараются каждый показать побольше своих заслуг, чтобы увильнуть от поездки в неприятное место. Тогда доктор Жуковский предложил, чтобы мы тянули узелки. Ну, мне стало окончательно противно, и я предложил добровольно свой транспорт туда. Только просил, чтобы сначала дали возможность починиться. Транспорт-то весь расхлябался, а где там, в дыре, станешь чиниться? Все сразу обрадовались. И вот мы завтра же выступаем в Джульфу. Там погрузимся на поезд и прямо в Тифлис. Сдам транспорт в ремонт, а сами поедем домой. Поживем хоть немного по-человечески. Закажу себе кое-что из одежды, обтрепался-то ведь порядочно!..

Приехали в Джульфу и ждали несколько дней состава для перевозки нашего транспорта. Наконец погрузились и через сутки были на станции Навтлуг. Тут нам и выгружаться. Какой-то военный чиновник подошел, назвал свою фамилию и сказал, что он помощник коменданта станции. Он указал

место для транспорта и ушел. Муж поручил подпрапорщику Галкину выгружать транспорт, а сам поехал в управление узнать, куда его вести. Я осталась на станции ожидать его возвращения. Скоро он вернулся и привез адреса починочной мастерской, куда должен сейчас же идти транспорт, и тут же неподалеку казармы, где будут жить санитары и стоять лошади.

– А вот и адрес гостиницы, в которой нам дадут комнату. Она реквизирована специально для приезжающих с фронта. Иначе найти помещение невозможно.

– А для чего нам комната, раз мы сейчас же поедем домой?

– В том-то и дело, что уехать не разрешили! Но инспектор обещал отпустить, как только будет возможно. А вы, Александр Евграфович, куда денетесь? Хотите с нами в ту же гостиницу?

– Да нет! Я думаю вместе с командой поселиться пока. А потом буду просить вас, Иван Семенович, отпустить меня к матери в Кисловодск хотя бы на несколько дней.

– Хорошо. Только чего вам ждать-то? Поезжайте сейчас же, ну, хоть на две недели. А когда вернетесь – поеду я.

Мы взяли извозчика и поехали в гостиницу. Гостиница была на Эриванской площади, рядом со штабом фронта. Дали нам крошечную комнату с одной кроватью, а для мужа пришлось поставить его походную. И началась новая городская жизнь, немногим лучше той, которую мы оставили там, в разрушенных городах фронта. Утром около уборной очередь. Прислугу никогда не дозвонишься. Воды в умывальнике нет. Сапоги, выставленные на ночь за двери,

остаются нечищены. Убирать комнату приходят тогда, когда мы собираемся уже ложиться спать.

– Нет! Нужно, чтобы Гайдамакин жил здесь же. А то черт знает что такое делается! – сказал муж. И Гайдамакин вскоре очутился на стуле в коридоре, недалеко от двери, а спать уходил куда-то в подвал, где спали и другие денщики.

Тифлис находится в каком-то напряженном настроении. К этому времени наши войска уже подошли к самому Эрзеруму и ожидалось взятие его с часу на час. Всюду только об этом и говорили. Тысячи раненых и еще больше обмороженных везли с фронта в Тифлисские госпиталя. Сколько их замерзло и лежат засыпанные снегом, никто сосчитать не может. Да теперь и не до них! Вот придет весна, стает снег, тогда и видно будет. Тогда станут рыть огромные ямы братских могил и свалят туда всех, известных и неизвестных, как никому не нужный хлам… Только в деревнях будут ждать весточки от сына или мужа в надежде, что он лежит где-то раненый, а, может быть, теперь едет домой…

Мужа не оставляют в покое ни на один день: его посылают то в один, то в другой госпиталь в помощь или заменить отсутствующего врача. Я его совсем и не вижу целыми днями. Только обедать ходим вместе. Написала домой, чтобы квартиру держали теплой и ждали бы нас.

Без стука вдруг открылась дверь, и Гайдамакин, просунув голову, кричит:

– Барыня! Наши взяли Эрзерум. Экстру[48] продают! Народу сколько на улицах, страсть!.. – Захлопнул дверь и скрылся.

Я быстро надела шубку и вышла на Эриванскую площадь. Боже мой! Что делается всюду! Огромная толпа что-то кричит, двигается. Все балконы увешаны коврами и флагами. Мальчишки-газетчики, не закрывая рот, выкрикивают геройскую победу наших войск и имена героев! Точно праздник! Лица у всех радостные, веселые. Я иду в толпе, но на сердце нет радости и веселия. Только вернулась в гостиницу – пришел муж.

– Тина, отец Смирнов ранен! – входя в комнату, говорит он. – Пойдем, навестим его.

Приехали в госпиталь. Комната отца Смирнова утопала в цветах. Несколько дам и мужчин стояли и сидели перед кроватью отца Павла, который рассказывал им глухим грудным голосом:

– Что-то сробели! А может быть, просто устали… Но не хотят выходить из окопа! Офицеры уговаривают, ругают. Угрожают перестрелять всех тут же на месте… Ничего не помогает! А немцы засыпают нас снарядами! Носу нельзя показать! Раненых и убитых выносят все время… А все-таки выходить не хотят. Как-никак – все же убежище… – рассказывал отец Смирнов. Его черные волосы на висках стали совсем белыми… – Взял я крест, с которым хороню убитых, выскочил на вал окопа и кричу: «С нами Бог! За мной, братья!..» – и побежал к проволочному заграждению,

---

[48] То есть экстренный выпуск газеты.

не оглядываясь… В душе-то страх, – пойдут ли за мной солдаты?.. Но не успел я добежать до проволоки, вдруг слышу: «Ура! Ура!..» И уже догнали меня и перегоняют!.. Добежали мы до проволоки… Я споткнулся и упал. А солдаты смяли колючую проволоку, и «ура!» уже несется далеко впереди!.. Так с маху и ворвались в немецкие окопы!.. А я все лежу там, где упал, и радостно мне сознавать, что окопы взяты… Но хочу встать – и не могу. Сначала думал, что зацепился за проволоку; сделал усилие подняться, но от боли потерял сознание. Пришел в себя уже только на перевязочном пункте. Вижу, около меня стоит наш командир полка, врачи, сестры… Сначала понять не мог, в чем дело, почему я лежу, а командир полка передо мной стоит. «Ну, что, батя, как себя чувствуете?.. Вы герой, батя! Благодаря вам мы взяли немецкие окопы и батарею, которая нам не давала жить! Я вас представлю к Георгиевскому кресту. Вот только доктор говорит, что ногу придется отнять. Тазобедренная кость перебита в нескольких местах!..» Что же! На все Божья воля! Я рад, что хоть чем-нибудь мог послужить России! Меня сначала перевезли в варшавский госпиталь, но там я недолго пролежал, эвакуировали в Петроград и там уже мне сделали первую операцию. Ногу мою не отрезали, а только выпилили полтора вершка раздробленной кости и опять соединили все вместе. Доктор говорил: «Ничего, батюшка! Лучше иметь хоть и покороче, свою, чем длинную, да чужую – деревянную. Всего ведь только на полтора вершка одна будет короче другой». Когда мне стало немного лучше, я просил отправить меня на Кавказ, в Тифлис. Вот и лежу здесь и не чувствую, что у меня рана и что одна нога короче другой! Столько каждый день навещает меня друзей и знакомых! И семья моя пока живет здесь. И, слава Господу, я

жив и даже чувствую себя счастливым среди многих таких же раненых русских солдат…

– Помните Володю, моего старшего сына? – обратился отец Павел к мужу. – Он кончил училище и вышел офицером в Кабардинский полк. А второй – Сергей, кончает весной. Он пошел в артиллерию. Я счастлив бесконечно, что и мои сыновья послужат России. А если моя короткая нога позволит мне, то и я еще послужу ей!

– Отец Павел, это у вас офицерский Георгиевский крест?[49] – спросил муж, видя ленточку, приколотую к иконке, которая висела на спинке кровати.

– Да, Иван Семенович! Дали мне наивысшую награду за мою храбрость. Хотя я таковой за собой и не чувствую, но и отказаться от царской милости не имею права!..

* * *

– Как быстро прошли две недели! – сказал муж. – Сегодня вернулся из отпуска доктор Евсеев. Завтра я пойду проситься в отпуск. А то транспорт починят и прикажут выступать. А я ведь ни одного дня еще и не был свободным…

Но и на следующий день в отпуске ему отказали! А вместо отпуска прикомандировали для работы к госпиталю.

– Поезжай ты домой одна, – сказал он мне, – может быть, я скорее вырвусь отсюда, когда буду один!..

---

[49] В исключительных случаях представителей военного духовенства действительно награждали орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени.

И вот я еду в скором поезде в Баку… Чисто, удобно! Пришла из вагона-ресторана, а мне уже приготовлена постель – белоснежные простыни, в головах – электрическая лампочка для чтения. В аршине от дивана – дверь в уборную, где теплая вода! Я помылась, переоделась и легла в постель. За шесть месяцев первый раз я почувствовала, что легла в настоящую постель… Приехала домой и сразу позвонила к Нине. Все очень огорчились, что Ваня не приехал. Больше всего дети. Но через неделю вдруг получила телеграмму: «Еду, Ваня». Поднялась суматоха! Все стали готовиться к встрече: Яша хотел устроить у себя большой обед, приглашал гостей. Но и Нина хотела устроить обед у себя, чтобы дети могли видеть дядю Ваню.

– Как ты думаешь, Тина, на сколько времени он едет сюда? – спрашивали Нина и Яша.

– Ничего я сказать не могу! Может быть, на неделю?

Решили, первый обед будет у Нины, чтобы дети видели дядю. Но обед только для своей семьи: никого чужого не приглашать. Приехал Ваня рано утром. Не снимая еще пальто, он все ходил по комнатам очень грустный. Все рассматривал.

– У меня такое чувство, точно я первый раз все это вижу! Жаль только, что все закрыто, а не так, как было до войны. – Потом он умылся, переоделся и пошел к себе в кабинет. Открыл книжный шкаф, посмотрел книги.

– Тина, как все здесь хорошо! Как мне все нравится. Вот бы остаться и никуда бы не уезжать больше!..

Пришли Нина и Яша. Потом приехал отец Нины – Иван Яковлевич и Марья Яковлевна. Все расспрашивали. Наперебой задавали вопросы о войне, о боях, скоро ли мир,

как армия относится к войне? А в это время приходят все новые и новые гости и снова задают всё те же вопросы. Пришла старуха-квартирантка, которая знала всех Семиных, когда они были еще маленькими, а с матерью дружила до самой ее смерти. Когда она увидела мужа – сразу заплакала:

– Вернулся! Жив! Слава Богу! Хоть один вернулся!.. А вон Алексея-то забрали немцы! Поди, живого-то и не выпустят? Голодом, говорят, морят. Чтобы, значит, мерли побольше.

Муж отвечает на все, что у него спрашивают. На коленях у него сидят с одной стороны Надя, а с другой – Таня, которых привела нянька. Я видела, что муж счастлив держать девочек и чувствовать, что он дома. По кавказскому обычаю гостя нельзя отпустить, не угостив его вином. Поэтому в столовой все время открываются новые бутылки, все время чокаются и говорят тосты и пожелания. Точно праздник! Все радостные, приветливые и веселые… Пришли кое-кто и из старых квартирантов. Наконец Нина сказала, что обед ждет нас всех у нее. Чужие ушли, а мы все пошли к ней. Там еще две девочки прибавились, Мара и Оля. Обед тянулся долго. Несколько раз все выходили из-за стола в галерею, чтобы там сниматься. Потом опять садились за стол и пили.

– Дорогой Иван Семенович! Завтра прошу ко мне обедать! Сам приготовлю все! – говорил Иван Яковлевич. Но Яша возмутился.

– С какой радости Ваня поедет к вам, когда я все уже приготовил и гостей пригласил! Если хотите, приезжайте лучше и вы ко мне. А после, когда-нибудь, и к вам поедем обедать!

– Да постойте! Время есть, у всех побываю и пообедаю, – сказал Ваня.

– А кстати, на сколько дней дали тебе отпуск? – спросил Яша.

– Да ни на сколько! Неопределенно. Сказали, что, когда я буду нужен, то меня вызовут телеграммой.

В это время вошел денщик Алексея, которого он оставил дома как хранителя семьи, и протянул мужу телеграмму… Муж взял, раскрыл и прочел вслух: «Немедленно выезжайте, ваше присутствие необходимо!» Я видела, как грустно сразу стало его лицо… Все пили до самого отъезда на вокзал. Иван Яковлевич плакал и говорил мужу:

– Пропадем! Все пропадем без вас… И «дом развалится»! И на кой черт вы им понадобились там?!

Усадили мужа в купе, и поезд увез его. Увез навсегда… Мы стояли на платформе вокзала и смотрели с тяжелой грустью вслед уходящему поезду. Все были подавлены и грустны до слез.

Я пока осталась дома. Когда транспорт будет готов к выступлению, Ваня сообщит мне. Через пять дней я получила письмо, что транспорт готов и что его торопят выступать на фронт. Вслед за тем пришла телеграмма: «Приезжай скорее!» И вот я снова в дороге!.. Через день после моего приезда в Тифлис транспорт стал грузиться на поезд, чтобы ехать в Урмию.

Приехали мы опять в Джульфу, выгрузились и, не заходя в Хой, пошли через Дильман в Урмию. К вечеру первого же дня мы приехали в большое сирийское селение Дильман. Мы въехали в широкую улицу и уже хотели остановиться на ночлег, как услышали душераздирающий женский вой. В

буквальном смысле вой! Несколько женщин выли и причитали на разные голоса настолько ужасно, что муж послал солдата узнать, в чем дело. Солдат вернулся и рассказал, что плачут женщины по их мужьям. Они должны выть и будут выть всю ночь, пока убитых не схоронят! А похороны будут завтра утром. В прошлую ночь шайка разбойников напала на село, и в перестрелке несколько молодых айсоров[50] были убиты.

– Ну их! Пускай воют, раз это полагается! Но я не хочу слушать это вытье! Поедем ночевать за селение. Авось на нас не нападут разбойники…

Было еще светло, и мы решили осмотреть стариннейшую сирийскую церковь. С нами пошел и доктор Евсеев. Когда мы подошли к церковной ограде, то увидели идущих к ней же и плачущих женщин. Мы остановились, чтобы пропустить их. Одну молодую женщину вели под руки. Все женщины были в широких длинных ситцевых юбках; поверх их кофты; на головах – платки. Женщины плакали и причитали, но не так громко, как дома. Огромное церковное имение было обнесено высокой глиняной стеной. Недалеко от ворот стояла церковь. Здание ее было длинное и низкое. Вокруг него шла широкая каменная дорожка, обсаженная сиренью и жасмином. Сама церковь обсажена и полупокрыта вьющимися розами. В глубине сада виднелось еще другое здание, двухэтажное. К нему от церкви вела такая же каменная дорожка. Это был дом епископа. Имение занимало

---

[50] Айсоры – народ, возводящий свое происхождение к древним ассирийцам и называющий себя сирийцами.

много десятков десятин. Был чудный теплый вечер. Однако сознание, что в нескольких шагах от нас лежали убитые молодые люди, отравляло настроение. Мы вошли в церковь. Там была полная тишина. Посреди церкви стояли окруженные свечами гробы. Все женщины стояли на коленях и молились, хотя никакой службы не было. Я подошла к одному из гробов и заглянула в него. В нем лежал молодой айсор в белой холщовой рубашке, расшитой цветными нитками на манер малороссийских. У запястья рукав собран и вышит. Руки сложены на груди. И руки, и вся рубашка забрызганы кровью. У айсоров хоронят в той одежде, в которой застигла смерть. В церкви стало совсем уже темно, и мы вышли из нее. Вслед за нами вышли и женщины, а церковь заперли на ночь. Утром мы проснулись опять от плача и причитаний. Было еще совсем темно. Но женщины уже шли в церковь, и вскоре начался печальный похоронный звон. Все санитары проснулись, и муж приказал запрягать и ехать дальше.

Весь этот день был какой-то мрачный и печальный. Точно мы уходили в какую-то неведомую даль навсегда, и ветер плакал, прощаясь с нами…

Для обеда транспорт остановился за персидской деревней. Лошадей не распрягали; только освободили подпруги и дали корм. Солнце. Тепло, но ветрено. Я вышла из двуколки и села на стул. Муж ушел к команде. Я чувствовала, что что-то мне мешает, что-то нагоняет тоску… Точно кто-то тупым ножом водит по стеклу… Но я не могла понять, что именно угнетает меня… Да ведь это собака воет!

– Где она, Гайдамакин!.. Чья это воет собака?..

– Да кто ее знает, чья она? Привязалась к нам, проклятая! Давал ей есть – не ест, а залезла под двуколку и воет… Стали ее гнать, но она отбежит немного, сядет и опять воет! Команда вот даже обедать не может! Все говорят, что это не к добру… Застрелить бы ее! Да персюки кругом шляются… Еще подстрелишь кого…

Пришел муж.

– Ваня, ты слышишь вой собаки?

– Не только слышу, но и видел ее сам. Черт ее знает что с ней?! Может быть, заболела бешенством? Это бывает! Пока окончательно не взбесится – воет! Чувствует близкую свою гибель… Нужно уезжать отсюда, – сказал он и пошел к солдатам…

Через несколько минут мы уже ехали. К вечеру похолодало, и пошел снег.

– Ну! Все беды на нас сыпятся! То выли женщины. То выла собака… А теперь снег… И мы засветло до Урмии не доедем. Вот какая грязь уже на дороге!..

Так до Урмии мы и не доехали в этот день. В десяти верстах от нее заночевали в поле. Шел такой густой снег, что стало совершенно темно. Мы съехали немного с дороги, распрягли лошадей, укрыли их попонами, дали корму. Солдаты нарубили свежих ивовых веток и развели костры, проклиная теплый южный край. Попили чаю, закусили, и я легла в мою двуколку. А мужу постлали прямо на снег, около двуколки. Он спал не раздеваясь. Только снял сапоги, а на голове папаха. Ему стлали сначала медвежью шкуру, потом на нее тюфяк из овечьей шерсти и одеяло из верблюжьей шерсти. Если была плохая погода, то сверху еще накрывали буркой.

На следующее утро, когда солдаты встали и зажгли костры, я выглянула из двуколки и увидела, что муж был совершенно занесен снегом! Даже головы не было видно! Странно, но у меня мелькнула мысль – «точно насыпь над могилой»!

В эту последнюю перед Урмией ночь все спали плохо! Опять выла собака и мешала спать…

– Эй! Дневальный! – крикнул муж. – Разбуди кого-нибудь и пошли, чтобы прогнали собаку! – Потом я услышала, как муж разговаривал с кем-то: – Это наша собака воет? – спрашивал он.

– Нет! Наша дома!

– Так пристрелите ее, черт ее побери!..

– Да ничего не видно! Мы ходили, искали ее… – Потом солдат ушел, и все стихло. Я заснула. Проснулась опять оттого, что собака выла жалобно и совсем близко от нас… Ваня тоже проснулся и сразу крикнул дневальному, чтобы застрелил ее. Все кругом заговорили, зашевелились. Скоро показались огоньки костров, хотя еще была темная ночь. Около нашей двуколки тоже запылал костер. Гайдамакин поставил чайник греть воду для чая. Потом Гайдамакин просунул ко мне чашку горячего чаю.

– Стряхни с барина снег, – сказала я и выглянула из двуколки. Муж уже сидел на постели и пил чай. Как только рассвело, стали запрягать, и транспорт снова пошел вперед к новому месту своей службы и работы… Воющей собаки утром никто так и не видел. А когда взошло солнце, то все мрачное и неприятное скоро забылось.

Приехали в Урмию. Спросили у проходящих солдат, где штаб и поехали по указанному направлению. На улицах

грязь непролазная! Против штаба, по другую сторону улицы, когда-то, должно быть, был чей-то сад, а теперь в глубокой размешанной со снегом грязи стояли лошади, казенные фургоны, хозяйственные двуколки. Тут же ходят солдаты по колено в грязи. Транспорт остановился посреди улицы. По одной стороне ее шли казачьи сотни и салютовали стоящей у показанного нам здания штаба группе офицеров.

– Вон там стоит какой-то генерал, – выглядывая из двуколки, сказал муж.

Когда прошли казаки, военные стали переходить на нашу сторону улицы. Муж вышел из двуколки и стал ждать. Самый молодой из подходящих офицеров приложил руку к козырьку и назвал себя:

– Генерал Левандовский.

Я спряталась внутрь двуколки. Муж отрапортовал, что только что пришел и не знает, где поставить транспорт.

– А! Вы пришли на смену стоящему здесь транспорту? Так пока становитесь хотя в эту грязь! А когда тот транспорт уйдет, займете его место! Кто знает здесь, где живет старший врач? – обратился генерал к сопровождающим его офицерам.

Потом все ушли обратно на другую сторону улицы и вошли в калитку, за которой, в глубине, виднелся большой дом. Наши солдаты неохотно въезжали и ставили своих лошадей в эту грязь. Подпрапорщик подошел к мужу.

– Я боюсь, что мы здесь загубим лошадей. Это сплошная зараза. Тут стояли до нас тысячи лошадей! Когда сухо, то еще можно терпеть. Но теперь, вон, до колена жидкая грязь!..

– Ничего не поделаешь! Другого места нет. Я сейчас пойду к этому старшему врачу и расспрошу, где стоит его транспорт. Может быть, мы сможем поставить туда же и наш? – Муж ушел, а я осталась сидеть в двуколке, которую Ткаченко поставил на бугорок, как на остров, с которого, если ступишь, то уйдешь по колено в жидкую грязь. Пришел какой-то чужой солдат и сказал, что меня просят пить кофе к старшему врачу санитарного транспорта.

– У нас есть свой старший врач! – сказал Ткаченко.

Мне не оставалось ничего другого, как принять приглашение. И, в подражание персидским дамам высшего общества, которые выезжают с визитом на осле, я поехала в санитарной двуколке. Другого выхода и не было, иначе утонешь в грязи! Ехать пришлось всего-навсего два квартала, но с завитушками; то есть проехали полквартала – повернули, потом еще полквартала – и опять завернули в узкую улочку, с одной стороны которой стена была вышиной с двухэтажное здание, а с другой – только в рост человека. Наконец остановились около крыльца! Дом двухэтажный, но окна выходили на улицу только на втором этаже, а у первого вся стена была глухая. Мы вошли в сени. В них оказались три запертых двери. Солдат открыл дверь направо и пропустил меня в комнату. Там за столом сидели мой муж и еще один врач. Оба встали, Ваня познакомил нас, и хозяин пригласил нас за стол.

– Егор, сделай яичницу и кофе, – сказал хозяин провожавшему меня солдату. Комната была большая, высокая; два окна выходили во двор, пол кирпичный; ближе к дверям, посреди комнаты, стоял простой деревянный стол, за которым и сидели эти два врача. На столе стояли чашки,

черный хлеб, соль на блюдечке, вилки и заржавленные ножи. Все здесь было мрачно и напоминало скорее склеп, чем жилую комнату.

– Тина, доктор уступает нам эту комнату. Он спит наверху, а здесь столовая, – сказал муж. – И, знаешь, под полом этой комнаты течет речка!

Две недели мы жили в этом склепе без солнца и света. В нем было, правда, два окна, но и они выходили под крышу. Ни один луч солнца никогда не проникал в комнату. Уборная для всех жильцов дома была в подвале, где протекал арык и естественным образом омывал эту уборную. Поперек арыка были по всему подвалу перекинуты доски, и, таким образом, целая рота могла одновременно пользоваться этой примитивной уборной. А ниже дома, где ручей выходил наружу и весело бежал дальше по открытой улице, айсорки в нем мыли посуду и умывались сами. После обеда открывались калитки всех домов улицы, из них выходили молодые женщины и девушки и, смеясь и разговаривая, мыли и чистили медную посуду песком, беря его со дна ручья…

Грязь подсохла за эти две недели. Солнце греет по-летнему. Цветут персики и миндаль. А маленькие персидские и айсорские дворики полны цветущих гиацинтов, ирисов и фиалок. Но почему нет радости? На сердце тяжесть и давящая тоска! Ваня тоже мрачен. Пьет еще больше, чем всегда… Посылает за вином за десятки верст. Привезут целую ведерную бутыль, а через несколько дней уже опять посылает за новым вином…

– Ваня! Ведь еще есть вино!

– Мало!.. Нужно, чтобы всегда был запас! Близко вина уже нет. Приходится посылать за ним далеко. А это занимает много времени – два-три дня…

Наконец транспорт, который сменил муж, ушел из Урмии. Две недели старший врач переписывался с Главным управлением и с Хоем, выпрашивая для себя хорошее место. Не знаю, удалось ли ему это. После его отъезда мы перешли наверх в его комнату. Она была хотя и меньше той, нижней, нашей, но зато очень светлая. Три окна, в которые целый день светит солнце. Одно окно закрыли ставней и поставили около него мою кровать, а кровать мужа поставили у противоположной стены. В стене этой есть выемка наподобие полки, где он кладет папиросы, стакан с вином и револьвер. Посреди комнаты стоит железная печь. По вечерам приходится еще топить ее. Была и еще кое-какая мебель, стол, три стула, умывальный таз и медный кувшин для воды; да еще на полу медвежья шкура. В стене было углубление вроде шкафа, куда я повесила свое и мужа платье.

– Ваня, почему ты не выходишь никуда из комнаты? Даже в команду совсем перестал ходить. А всюду так хорошо! Цветут деревья!..

– Да! Да! Это весна идет! Я знаю… Но почему-то она такая неприветливая, тяжелая и скучная. Меня день и солнце раздражают. Я бы хотел, чтобы была все время ночь… Топилась бы печка, и ты всегда бы со мной сидела!..

– А ты бы пил не переставая?! Да? Ты этого хочешь?.. Но, родной мой, я и так ведь все время сижу дома!

– Нет! Ты часто уходишь и подолгу не возвращаешься!..

– Но тебе это только так кажется!.. Я хожу в лазарет и каждый день бываю в транспорте! Посмотрю лошадей, поиграю с Султаном[51], поговорю с санитарами и потом иду домой. Иногда только пройдусь до русского консульства, там огромное поле и масса подснежников! Нарву их и иду к тебе… Вот, я все хочу поехать посмотреть караван-сарай. Поедем вместе. Говорят, он интересный.

– Нет! Я не поеду! Да и ничего там нет интересного! Все они на один лад – как в Хое, в Тавризе, так и здесь.

– Так ты дай мне денег. Я возьму Гайдамакина и поеду посмотрю…

– У меня нет денег!.. Нужно сказать заведующему хозяйством, чтобы открыл денежный ящик… Хотя я не знаю, есть ли там мои деньги?

– Разве ты жалованье не берешь?

– Нет. Я говорю всегда заведующему, чтобы он выдал, сколько нужно, денег на расходы Гайдамакину или послал бы за вином. Вот и все! Да и на что мне деньги?! У тебя все есть, а покупать здесь нечего.

– Ваня! А ты знаешь, сколько ты получаешь в месяц?..

– Да! Кажется, около семисот рублей.

– Где же эти деньги?

– А ты что? Требуешь отчета? Я же тебе сказал, что деньги выдаются на расходы Гайдамакину. А ты не представляешь себе, сколько стоит вино! Да, наконец, эти

---

[51] Собакой. – *Примеч. ред.*

деньги мои! У тебя есть свои деньги. Напиши Яше, и он вышлет, сколько ты хочешь.

В Урмии стоит много разных полков, которые, как говорят, скоро пойдут на Мосул. Но пока все улицы полны казаков и солдат. Единственный лазарет Красного Креста был переполнен больными казаками и солдатами. Как-то я зашла в лавочку, которая была как раз напротив нашего транспорта. Там я увидела белый хлеб. Хлеб оказался сухим, как камень. В лавочке я увидела сестер из лазарета, и мы познакомились.

– У нас в лазарете только и разговору, что о вас. Все знают, что приехал новый врач, да еще с женой. И все удивляются, почему не приходят к нам познакомиться. У нас очень хороший главный врач Бакин. Есть и другие еще, и даже одна женщина-врач. Приходите непременно! У нас все бывают. Меня зовут Маруся, а ее – Феничка, – показала она на другую сестру маленького роста. Пожалуйста, приходите вместе с мужем! – снова стала приглашать сестра Маруся. – Вы мне очень понравились. Сама я из дома бежала, кончила курсы в Красном Кресте и попала в лазарет к Бакину. Мой отец – директор Екатеринославской гимназии. Страшно строгий! Я до сих пор боюсь писать домой!.. – Глаза у Маруси огромные, серые, но печальные. Она высокая, волосы светлые, губы толстые, рот большой, а нос прямо ужасен! Торчит загнутая кверху пуговица, а в ней две дырочки. Она держала меня за руку и говорила: – Я вас сразу полюбила, как только увидела, – и смотрит на меня влюбленными глазами. – Я буду вас считать не просто сестрой, а своей родной сестрой. У нас дома была большая семья: пять сестер и один брат, – болтала, не переставая, сестра Маруся.

– Скажите, а у вас в лазарете много работы? Что, если я приду помогать сестрам?

– О! Пожалуйста! Все будут рады! Несколько сестер просились к Пасхе домой, но доктор Бакин не пускает. Говорит, что некому будет работать… Только у нас лежат почти всё казаки да солдаты, да и то не раненые, а только больные. И нет ни одного офицера!

– Мне все равно, Маруся, кто они. Лишь бы свои русские люди!

– Сестра Семина, где вы живете?

– Да вот в саду, рядом с лазаретом, стоит наш транспорт. А мы с мужем занимаем дом в том переулке, позади Духовной семинарии.

– О! Я знаю! Там жил доктор Марин, который уехал теперь. Мы бывали у него в гостях, и он тоже бывал у нас в лазарете.

– Я скоро приду к вам в лазарет, – сказала я, и мы распрощались.

В воскресенье я пошла в церковь. Начало Великого поста. Служба долгая, монастырская. В церкви все очень просто, даже скорее мрачно. Строго соблюдаются мужская и женская стороны. Я вошла в церковь, остановилась у порога на правой стороне. Но сейчас же ко мне подошел не то монах, не то семинарист и попросил перейти на женскую левую сторону. Когда открылись Царские врата, из алтаря вышел в темном облачении епископ Сергий… Меня поразила суровость и красота его тонких черт лица.

– Ваня, давай будем говеть. Может быть, Бог исцелит тебя, и ты опять станешь прежним; бросишь пить, в доме опять наступит мир, радость и веселье…

– Пить я не брошу… А веселиться я тебе не мешаю!.. Веселись, сколько хочешь. Приглашай своих новых знакомых. Тебе скучно со мной и неприятно смотреть на пьяного мужа, у которого рожа распухла от пьянства…

– Ваня, сходи к доктору Бакину, познакомься! Там есть и другие врачи, много сестер… Они живут по-семейному. По вечерам играют в карты. У них бывают и из полков врачи, и офицеры. Сестра Маруся, с которой я познакомилась в лавочке, из хорошей семьи; ее отец – директор гимназии…

– Всех к черту! Никого не хочу!..

Пошла одна к доктору Бакину. Познакомилась и предложила помогать в лазарете.

– Это очень хорошо, сестра Семина! Тогда я отпущу сестер в отпуск.

Я рассказала ему, что муж много пьет, стал очень мрачный и никуда не выходит, что это меня очень беспокоит…

– Успокойтесь! Я сам пойду к нему познакомиться…

Со следующего дня стала работать в лазарете. Сестры приветливы со мной, врачи тоже. Мне дали отдельную палату, в которой лежит девять человек с разными болезнями. Один с воспалением легкого; у двоих лихорадка; один с ушибом в бок (лошадь лягнула); у двоих тоска по родине – вялые, нет аппетита, к вечеру маленькое повышение температуры, ночью потеют. Доктор думает, что оба туберкулезные… Остальные с мелкими болячками:

нарыв на пальце; упал с лошади и содрал всю кожу с лица; у одного опрелость ног.

Сегодня сестра Маруся рассказывала, как все ненавидели генеральшу Чернозубову, когда она работала в их лазарете.

– Как мать-игуменья смотрела за нами! Все расспрашивала, где мы бываем и что делаем после работы в лазарете. Мы ее терпеть не могли! Но сказать этого никто не смел – жена ведь корпусного командира! Помощи от нее в лазарете никакой не было!..

После вечерней работы иду домой. Идти так легко! Шла бы и шла – хоть сотню верст. А идти-то всего два квартала! Да и то я еще захожу в сад, где стоит транспорт; посмотрю на лошадей, поговорю с санитарами и затем через двор, где живут санитары, выхожу в ворота, как раз против нашего переулка. Сделаю еще сотню шагов, и вот и наш дом!..

– Ваня! – кричу я. – Пожалуйста, пойдем погуляем! Видишь, какой прекрасный вечер! Я так хочу подышать свежим воздухом…

– Ты уже подышала довольно. Иди домой лучше. А я никуда не пойду…

Поднимаюсь, вхожу в комнату. На столе – бутылка, уже почти пустая; тяжелый запах кислого вина и табачного дыма и еще чего-то неприятного… В комнате неприветливо, пусто. В углу, где стоит моя кровать, темно. Не зная, что делать, я села на кровать. Ваня отпил вина и стал ходить по комнате. Потом подошел, погладил меня по голове.

– Тина! Мне очень жаль тебя!.. Но я не могу побороть себя и бросить пить. Смотри на меня, как на больного, которому недолго осталось жить. Видишь, где границы печени? – он осторожно нажимает бок пальцами левой руки,

а правой стучит по ним. – Слышишь, какой тупой звук? А это – начало конца… Года не протяну…

Но конец наступил гораздо скорее… И совершенно для меня неожиданно… Сегодня, только что я вернулась домой, муж сказал, что у нас обедают гости.

– Приехал судебный следователь для вскрытия. Он был у меня и просил меня присутствовать при вскрытии трупа для медицинской экспертизы. Вскрывать будет врач из лазарета Бакина.

Следователь оказался бакинцем и очень симпатичным. Я его просила заходить к нам почаще. У него с мужем оказались общие знакомые. На другой день вырыли труп убитого офицера и вскрыли. Муж присутствовал при вскрытии.

– Шесть месяцев тому назад офицеры одного из стоящих здесь полков играли в карты и, как водится, выпивали и закусывали между робберами. Убитый, судя по всему, должно быть, был отвратительный тип. Так в один голос говорят все свидетели, присутствовавшие при убийстве. Он говорил что-то очень грубое и оскорбительное о чьей-то жене или любовнице. В результате был убит за это одним из присутствовавших офицеров… Пуля застряла в шейном позвонке. От врачей требовалось сказать, смертельная ли была рана. Убийцу будут судить военным судом, и для защиты очень важно установить, какого рода была рана. Убийство произошло в двадцати верстах от Урмии, и, когда раненого везли в лазарет, он по дороге умер. Это большой козырь у защиты. Но у нас никакого сомнения быть не могло: рана была смертельна.

Все это мне рассказал муж, когда вернулся домой после вскрытия.

Работы для транспорта почти никакой нет. Один-два раза в неделю свезут больных на пристань Урмийского озера, вот и все. Муж совсем перестал ходить в транспорт. Каждое утро к нему приходил с докладом подпрапорщик Галкин, а с ним всегда и Султан. Этот, как только войдет в комнату, идет прямо к мужу и ласкается, и сидит около него, пока муж разговаривает с Галкиным. Потом так же уходит до следующего утра. Сегодня ездила верхом. Сколько ни ехала, по сторонам все тянулись сады и сады! Доехали до деревни; свернули к речке. Как хорошо здесь! Вода весенняя, быстрая!.. Ворочает огромные камни... Я слезла с лошади и села на камень. Со мной ездил Ткаченко. Я люблю его. Серьезный мужик и любит поговорить...

– Что, довольны солдаты, что попали в Урмию? Отдохнули? Работы ведь здесь почти никакой, – спрашиваю я.

– Да. Оно правда, работы нет. Вон морды какие нажевали!.. Да только скучно здесь!.. Податься некуда! Все одно и то же! Едим, спим, ходим на базар – вот и все! А я так скажу, барыня: нехорошо сидеть на войне без дела! Вон команда с тоски не знает, что и делать... Ссорятся между собой, спят, шляются без толку да деньги сорят зря... А наш-то старший врач, на мой глаз, так совсем плохо выглядит! Шибко стал пить здесь... Это ведь тоже от безделья!.. Совсем перестал приходить в транспорт. Вчера дневального побил.

– Что ты говоришь! Не может быть!

– Правда, правда! Вы только, барыня, не говорите ему... Я-то понимаю, что человек от безделья пропадает! А

солдаты шибко обижаются… Вон, Клюкину выбил зуб, и он забыть этого не может… А меня так ни разу не ударил! Это тоже правда…

Все сразу потеряло свою прелесть – и вода, и солнце, и цветы… Едем обратно молча. Только въехали в наш переулок, я увидела Ваню. Он сидел на окне.

– Барыня! Сделайте милость, не говорите ничего барину…

– Хорошо каталась? Далеко ездила? – спросил муж, как только мы подъехали к дому.

– Хорошо. Но мне скучно без тебя… Чего ты, Ваничка, сидишь все время дома? Божий мир так хорош!..

– А я так отлично себя чувствую! Сижу и попиваю вино.

– Ваня, если тебе так хорошо жить с вином, то, может быть, мне лучше просто уехать домой? К чему мне здесь терпеть лишения, раз я тебе не нужна? Ты отлично можешь жить с вином и без меня!..

– Нет, Тиночка, это две вещи разные! Без тебя я сразу сопьюсь совсем! А когда ты со мной, я только пью. Все равно бросить пить я не могу! А ты не обращай внимания на мое питье. Лучше пей и ты сама со мной! По крайней мере, не будешь замечать, что я пьян…

Приближалась Пасха. В лазарете сестры только и говорят об этом и ждут наступления праздника с нетерпением. Один из стоящих кавалерийских полков будет праздновать свой полковой праздник и приглашает на это торжество весь город. Разумеется, в лазарет были присланы приглашения всему персоналу. И теперь сестры готовятся с волнением к

этому дню. И сестры, и врачи по десять раз спрашивали меня, буду ли я на этом празднике.

– Нет, не буду! Мы ни с кем не знакомы, и нас не приглашали.

– Ерунда! Я вас приглашаю, – говорит молодой врач. – Раз приглашают всех сестер и врачей, то вы, как наша сестра, обязаны идти вместе с нами. Право, здесь удавиться можно с тоски! Единственный случай представляется послушать музыку, потанцевать и выпить.

– Без мужа я не пойду!

– Да что же нам делать, если доктор Семин прячется от людей? Наш старший врач сам пошел к нему… Так он напоил и его. А сам так и не приходит к нам знакомиться! – говорит женщина-врач, Софья Мефодиевна.

Но, как это ни странно, мы все же получили приглашение на полковой праздник. И это удивило не только мужа, но и меня. И я пережила немало неприятных намеков.

– Каким образом и на каком основании прислано нам это приглашение, если я ни с кем не знаком и никому не делал визитов? Значит, ты знакома с ними! И благодаря этому и мне прислали это приглашение!

Мне было оскорбительно даже оправдываться и уверять, что я совершенно ничего не знаю, и никакого желания у меня нет идти на этот праздник. Но мое молчание только еще больше раздражило его воспаленный алкоголем мозг.

– Вот ведь ты познакомилась же где-то с этим доктором Жуковским! И он провожает тебя каждый день! А сколько у тебя еще знакомых там, которые боятся приходить сюда и которых я не знаю?!

– С доктором Жуковским я познакомилась в лазарете, и тебе бы самому следовало сделать ему визит. Он семейный и очень приятный человек.

Когда я собралась идти в лазарет на вечернюю работу, муж спросил:

– Куда ты? Опять в лазарет?.. Сиди дома! Там и без тебя обойдутся! Хочешь, поезжай лучше верхом с Ткаченко или Гайдамакиным. Лошади совсем застоялись.

– Хорошо. С удовольствием. Но я согласна ехать только с тобой!

– Нет, я не поеду. А хочешь, пошлю за твоей подругой – сестрой Тарасовой?

Я согласилась, и сестра Маруся через пять минут была уже у нас. Я ее познакомила с мужем, и мы пошли в транспорт. Там для нас поседлали лошадей, и мы поехали.

– Тина Дмитриевна! Можно мне расшевелить вашего мужа и заставить его выйти из дома? – вдруг сказала сестра Маруся.

– Как это вы сделаете, Маруся?

– О, все мужчины одинаковы! Стоит только расшевелить его, и он не будет сидеть дома.

– Что вы хотите сказать? Я вас не понимаю, Маруся? Вот вы какая!..

– Ну, если я позволю ему поухаживать за мной, так разве он после этого будет сидеть и киснуть в комнате? Он придет к нам в лазарет и будет стараться понравиться мне!..

Я прямо чуть не свалилась с седла! Эта ее уверенность в своих чарах была неподражаема!.. И я сказала:

– Хорошо. Попробуйте!..

– Отлично. Раз вы одобряете мой план, я сейчас начну действовать!.. Я мужчин знаю. Он только что познакомился со мной, и я на него произвела хорошее впечатление. Теперь я пойду прямо к вам на квартиру и скажу ему, что вы пошли в лазарет. И затем сама поведу атаку на него. Когда вы вернетесь, то он будет уже мой!

– Ну, знаете, это немного уж чересчур. Я вовсе не собираюсь передавать вам мужа!..

– Так ведь если он влюбится в меня, он сразу оживет, мужчиной сделается!.. А он мне понравился!..

Я не могла не рассмеяться… Мы вернулись в транспорт. Маруся ушла «отбивать» от меня моего мужа, а я села на ступеньку крыльца и стала разговаривать с санитарами. Но что-то вдруг точно ударило меня!.. Я, кажется, с ума сошла! Как могла я так легко и шутя отнестись ко всей этой бессмыслице?! Как могла позволить делать какие-то дурацкие опыты?!.. Я вскочила и выбежала на улицу… и нос к носу столкнулась с… Марусей?! Вид у нее был совсем смущенный, и можно было подумать, что кто-то ее высек…

– Маруся! Что с вами случилось?!

– Я от вашего мужа иду…

– Ну?..

– Да он какой-то странный… Сколько я ни говорила с ним, он смотрит на меня и молчит… Потом вдруг предлагает вина. Я выпила. Но разговор так и не вышел. Он так смотрел на меня, что мне стало страшно!.. Потом вдруг заговорил… «Бедная вы, – говорит, – девушка!.. Если уж очень вам хочется кого-нибудь соблазнить, так на меня времени не теряйте! А лучше всего уходите скорее! А я люблю только свою жену». Ну, я и ушла…

Я пошла домой. Муж ходил по комнате и сердито спросил:

– Зачем эта обезьянья рожа приходила сюда? Я ее выпроводил и, надеюсь, надолго отбил охоту приходить сюда… Стала кокетничать со мной. А я дал ей понять, что с ее красотой нужно сидеть в темной комнате и без зеркала. Тогда она обозлилась и быстро ушла…

Бедный Ваничка! Я тоже оскорблена за тебя!..

– Гайдамакин! Будем чистить квартиру! Ведь скоро Пасха, – говорю я.

– Ну вот! Разве я сам не почищу?

– Галкин, пришлите кого-нибудь побелить комнату, – сказал муж подрапорщику.

И на другой день нас трое – я, Гайдамакин и еще один санитар – обмели комнату, побелили ее и вымыли окна. Я старалась всячески помогать им. Во время нашей работы в окно влетели два воробья. Они пищали и били друг друга так, что перья летели. Оба солдата бросились ловить их. Но поймали только одного, а другой улетел. Поймал его солдат Пронин и держал в кулаке.

– Оторви ему голову! – сказал Гайдамакин. Но я заступилась за воробья и велела отпустить его на свободу.

– Нет, барыня. Ему нужно оторвать голову, чтобы кровь его пролилась в этой комнате. А то случится несчастье.

– Не смейте этого делать у меня в комнате! Сейчас же отпустите воробья!

Оба солдата посмотрели друг на друга, как бы без слов говоря: «Непонимающая дура, что с ней поделаешь!» И

воробья выпустили. Гайдамакин только чмокнул, «пеняй, дескать, на себя, если не хотела слушать доброго совета».

Как-то пошла ко всенощной. Прихожу, а служба еще и не начиналась. В коридоре на полу сидят казаки, присланные командиром сотни говеть. Я подошла к ним и села на подоконник. Казаки были забайкальцы. Все бородатые, с длинными, в кружок остриженными волосами.

– Что, сестрица, тоже говеть пришли? – спросил меня казак, жуя черный хлеб с сахаром.

– А вы разве говеете?

– Да, прислал наш сотенный командир. Небось сам-то не говеет. А нас заставляет. А какие у казака грехи? Да еще на войне! Вот сидим да сахар с хлебом жуем. Церковь-то еще заперта. Рано, должно.

– С чем будете пить чай, если сахар съедите с хлебом?

– Чай мы пьем с солью да с салом. Так у нас все делают в Сибири…

Почему все время я чувствую тоску и тяжесть на душе?.. Вот и в церкви нет душевного успокоения. И на работе, около больных… Нигде! Точно кто-то идет за мной тяжелый, мрачный и давит меня… Сегодня ночью проснулась от собачьего воя под моим окном. Ночь была лунная, светлая, как день. Я подошла к среднему окну, которое никогда не закрывалось, и выглянула на улицу. Перед домом сидел наш Султан, тявкал и подвывал. Жалким, худым казался он мне сверху в неверном свете луны.

– Султан, Султан! – тихо позвала я его, чтобы не разбудить Ваню. – Что ты плачешь?.. Замолчи!.. – Он слабо повилял хвостом и замолчал. Но когда я легла в постель, он

опять тоскливо завыл… Утром пришел Галкин с рапортом, и, как всегда, с ним пришел и Султан. Но сегодня он вел себя как-то совсем странно… Подпрапорщик, постучав в дверь, вошел в комнату. Но собака не пошла за ним, а осталась в сенях…

– Султан, пойди сюда! – позвал муж. Собака нехотя и осторожно вошла… Но сделав два шага, вдруг остановилась, уперлась передними лапами. Шерсть на загривке поднялась дыбом. Он заворчал и стал пятиться к дверям, в очевидном страхе… Потом повернулся и быстро убежал.

– Что с Султаном? Он болен? Смотрите за ним, теперь весна! Собаки бесятся, – сказал муж. В этот же день Султана застрелили. Через несколько дней заметили странности и у другой собаки – Энвер-паши… Пришлось и ее застрелить…

– Всем приходит конец! – как-то особенно мрачно сказал муж. – Теперь очередь за мной… Но я не смерти боюсь! Я боюсь с ума сойти… Я отлично понимаю собак: у них тоска перед смертью… И мне иной раз хочется завыть от тоски… Я чувствую себя ужасно! Не сплю по ночам… Голова – как раскаленный котел… Черт знает, что мне все время мерещится…

– Ваня! Родной мой! Прекрати пить хоть на несколько дней! Дай отдохнуть твоему мозгу и организму. В тридцать три года ты – совершенно разбитый человек! Подай рапорт о болезни. Позовем доктора Бакина; он освидетельствует тебя, и тебе дадут отпуск для лечения. Поедем домой. Поправишься – опять работать будешь. А к тому времени и война кончится…

Он покачал головой:

– Поздно!.. Сердце больное. Печень больна… А главное, мозг мой болен… И не могу я уже бросить пить. Ну, что ж!.. Конец – так конец!!

– Неправда! Никакого конца нет! Все от тебя самого зависит. Только остановись! Не пей! Все пройдет, и ты поправишься!..

В Вербную субботу пришла я из лазарета и застала у нас гостя – судебного следователя.

– Зашел к вам напомнить о том, что на чужбине вы, может быть, и забыли. Сегодня ведь Вербная суббота! Вспомним молодость – пойдем за вербой! Пойдемте, Иван Семенович! Вспомните студенческие годы, как хлестали друг друга вербой да еще приговаривали: «Верба хлес, бей до слез!» И, правда, иной раз так огреют, что слезы из глаз пойдут. Это называлось шуткой…

– Нет, идите вы с женой вдвоем. А я посижу дома, – сказал Ваня.

Когда уже я собралась идти, то и гость сказал:

– Тина Дмитриевна, идите вы одна. А я останусь с Иваном Семеновичем и попью чайку.

Церковь была полна молящихся. Больше всего, конечно, было военных – офицеров, казаков и солдат. Был там и весь наш лазарет. Все сестры нарядные, веселые. У каждой есть тут же друг-приятель. Все в белых чистых косынках, белых фартуках с красным крестом на груди. И все молоды, оживлены, немного всегда влюблены в кого-нибудь. Или, по крайней мере, взволнованы весной, торжественностью праздника и обществом молодых мужчин. Самые дурнушки были не хуже скромных, но радостных первых весенних цветов…

Служба кончилась. Пришла домой и побила вербой обоих мужчин. Но праздничное настроение у меня сразу пропало. Оба они были нетрезвы и моего настроения не заметили…

Наступила Страстная неделя.

– Ваня, дай мне денег, я поеду на базар, куплю что-нибудь для Пасхи…

Но на базаре не было ничего интересного. Все та же баранина, каймак (сгущенное буйволиное молоко) и сушеные фрукты. Возвращаясь домой, встретила следователя К. А.

– Садитесь, подвезу! – крикнула я ему.

– А я к вам иду, Тина Дмитриевна.

– Вот и отлично. Будем пить чай.

– Нет! Раз я вас уже встретил, то не пойду. А лучше расскажу, зачем я шел к вам. Вы, конечно, собираетесь готовить пасхальные кушанья. Так вот, у меня денщик – бывший повар Маилова[52] и, нужно думать, отличный повар. Он все умеет готовить: печения, куличи и пасху! Если хотите, я его пришлю к вам, и вы с ним поговорите.

– Спасибо! Очень вам буду благодарна. Только купить-то здесь ничего нельзя. Из чего же мы будем приготовлять пасхальную снедь?

– О! Об этом вы не беспокойтесь! Он сам все найдет, что нужно.

---

[52] Речь идет об одном из братьев Маиловых, Данииле, Иване или Илье Лазаревичах, предпринимателях, бакинских армянах – миллионерах, владельцах рыбных промыслов на Каспии.

– Ваня, я сейчас встретила следователя К. А. Он шел к нам, чтобы предложить своего денщика, если мы хотим готовить пасхальный стол. У него денщик – бывший повар Маилова!..

– Никакой Пасхи я не хочу. А ты лучше поезжай домой в Баку и там и устраивай все!.. Твое присутствие здесь стесняет меня. Утром меня тошнит, и я должен бежать в подвал. Да и ты не можешь жить в такой обстановке… Ты мне здесь ничем помочь не можешь. А один я буду делать что хочу. Стесняться некого будет!..

Домой? Но дом – это только квартира со знакомой и удобной обстановкой! Но пустая… Он – здесь один! Я там… Тоже одна!.. Две половинки разбитого целого… Да я просто не смогу жить в вечной тревоге за него!.. Я не могу оставить его одного в этом состоянии почти полной невменяемости… Господи! Что с нами происходит! Почему все рушится?! Оба мы молоды, здоровы, любим друг друга! Что же нависло над нами такое мрачное, давящее, угрожающее гибелью?!..

* * *

Целый день на душе тяжесть. Другой раз не хочется и домой идти из лазарета. Там все приветливы, веселые, без горя и забот. А приду домой – давящая тоска. Муж или пьян, или полупьян… Почти и не разговариваем. Так, какие-то полуслова. Он всегда мрачный, весь как-то углублен в самого себя. Веки опухли и нависли над глазами, а глаза красные, воспаленные… Ничего не осталось от прежнего Вани! Узнать нельзя! Сидит безвыходно в комнате или лежит на кровати. Встанет, подойдет к столу, выпьет вина, не закусывая, и

опять ложится… Или ходит молча взад и вперед по комнате…

Однажды утром, когда Гайдамакин подал чай, я сказала ему:

– Я уезжаю сегодня домой. Принеси мои чемоданы. Сейчас я пойду в лазарет. Как только вернусь, буду укладываться.

– Ты напрасно спешишь и радуешься! – громко сказал муж, входя в комнату. – Никуда ты не поедешь! Будешь смотреть на мою пьяную рожу до тех пор, пока я не сдохну!..

Я ничего не ответила и ушла в лазарет на утреннюю работу. Вернулась около часу дня. Как и всегда, я шла через сад, где стоял транспорт, и, сокращая таким образом путь, выходила на нашу улицу. Один из санитаров дал мне несколько сорванных им цветущих веточек миндаля и персиков. Подходя к нашему окну, я, как и всегда, позвала:

– Ваня!.. – Но он даже не выглянул из окна…

Поднялась наверх, вошла в комнату… Он ходит взад и вперед, охватив голову руками.

– Я схожу с ума!.. Голова горит… В глазах красно… Тина, спаси меня!.. Только не посылай меня в сумасшедший дом! Это самое ужасное!.. Все что угодно делай со мной, но только не отдавай меня туда… Слышишь? Не смей отправлять меня туда!.. Я не хочу заживо идти в могилу!.. Лучше смерть!..

Он почти бегал по комнате, сжимая руками голову. Красные воспаленные глаза были полны безумия и ужаса!..

– Как болит сердце!.. Как невыносимо бьется… – говорил он, растирая левой рукой грудь около сердца…

Я растерялась. Не знала, что мне делать… Столько страха и горя я еще никогда не испытывала…

– Гайдамакин, скорее беги, позови доктора Бакина! – крикнула я.

– Не нужно! Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел меня в таком состоянии!

Я хотела намочить ему голову водой, но он не подпускал меня даже подойти к себе и продолжал метаться по комнате. Остановился около стола, взял чайный стакан с вином, посмотрел на него с отвращением и выпил. Я чувствовала сама, что не могу больше выносить это мучение! Что мне делать? Застрелюсь!.. Я знала, что его револьвер всегда лежит в нише около его кровати. Схвачу его и сразу покончу со своими мучениями!.. Нет больше сил терпеть эту муку!.. Я посмотрела на то место, где всегда лежит револьвер, но там его нет… И мы, как два зверя, запертые в одной клетке! Один мечется в бреду полубезумия, то стонет, то хватается за свой яд, то умоляет спасти его от него!.. А я сижу в темном углу и изнываю в отчаянии, не зная выхода из непереносимых мучений… И вдруг я увидела, что уже настала ночь! Окно совсем черное… Муж лежит на кровати, на спине. «Спит», – подумала я, тихонько встала и пошла к дверям. Но только я стала поднимать крючок на дверях, муж неожиданно спросил меня:

– Ты куда?..

Я вышла и спустилась во двор. Он был глубокий, как колодезь, и посреди него до сих пор лежал грязный лед. Я сняла туфли и встала на него. Во дворе темно, как в могиле… Нигде не видно ни одного огонька. Жду, когда закашляю… Но мне даже не холодно. Хоть бы заболеть и умереть!.. На

верхней галерее показался Ваня. Но я знаю, что он не может увидеть меня. Он постоял, посмотрел и стал спускаться по лестнице. Я жду. Он спустился до второго этажа и пошел в канцелярию, но сейчас же вышел и опять стал спускаться ниже. Сейчас он должен пройти по нижней галерее; привыкнувшими к темноте глазами увидит меня стоящей на льду… Я надела туфли и пошла к нему навстречу.

– Тина, что ты тут делаешь?

– Так стою. Ничего не делаю.

Вот я опять в комнате. Но не кашляю!

– Ваня, что же делать? Мне безумно тяжело видеть, как ты гибнешь. Я не могу больше выносить этого. Пусти меня домой! Ведь ты же сам вчера предлагал, чтобы я ехала…

– Знаю! Надоело смотреть на пьяного мужа? А там много развлечений и ухажеров? Терпи! Недолго уже! Скоро все кончится…

– О чем ты говоришь? Что кончится?..

– Ничего! Ложись спать. Поздно уже.

На следующее утро муж проснулся ласковый, добрый. Но чай пить не стал. Его все время тошнило и рвало. Все пьет вино, но оно не задерживается, сейчас же выходит обратно.

– Мне нужно, чтобы хоть капля задержалась в желудке! Тогда будет лучше. Смогу пить сколько угодно…

Я пошла в лазарет.

– Сестра Семина, правда, что вы уезжаете из Урмии? – спрашивали меня сестры и врачи.

– Нет, нет! Никуда я от вас не уеду! Тут и помру с вами!..

Пришла домой. Муж говорит:

– Ну! Все заказал для Пасхи. Этот повар приходил сюда. Он испечет что-нибудь. Но насчет кулича он не уверен. И не знает тоже, достанет ли творогу для пасхи. Гайдамакин сварит окорок, зажарит баранью ногу и покрасит яиц. Послал двуколку за вином. Его у нас мало осталось, если кто-нибудь зайдет, надо же угостить!

Проснулась сегодня утром, открыла глаза, а лучи яркого солнца доходят почти до самой кровати мужа. Вспомнила, что ведь сегодня Страстная суббота. Этот день с раннего детства был для меня днем радостного и тревожного ожидания – возьмут ли к заутрени? В прошлом году не взяли. Я горько плакала тогда от обиды. Но мне сказали, что в будущем году, когда я подрасту, меня возьмут непременно. Потом, когда я на целый год выросла, мне и платье новое сшили, голубое. Должны непременно взять! А сколько было пережито волнений, страхов и бурных слез, пока не наладилось все и мы не вышли из дому торжественной процессией под унылый звон колоколов… Следующие годы у подростка новые волнения. Тетя с утра еще сказала, что к заутрени пойдем все вместе к Покрову. А и я, и Вера, моя подруга, условились, что пойдем в крепостной собор. Там нас будут ждать знакомые гимназисты, которые после обедни пойдут провожать нас домой. А вот самая первая, светлая и радостная Христова заутреня… Я иду по тихим ночным улицам, и со всех сторон несется благовест. Он, мой будущий муж, держит меня за руку и говорит:

– Как мы будем счастливы всю жизнь!..

Как он любит меня!.. С тех пор мы не пропускали ни одной Пасхальной заутрени во все годы совместной жизни… Конечно, пойдем и сегодня!

– Ваня! Ваничка, родной мой, ведь сегодня Великая суббота. Наша светлая Христова суббота, мы пойдем с тобой в церковь! – присев к нему на кровать, тормошу его. Открыл воспаленные глаза… – Ты помнишь первую заутреню, когда ты мне сделал предложение?.. Мы были так счастливы тогда! Решили, что будем ходить всю жизнь на каждую Пасхальную заутреню.

– Ну, а сегодня не пойдем!..

– Послушай, Ваня! Нельзя так жить! Мы лишены обычной домашней обстановки… Мы отвыкли от всего, из чего слагается привычная жизнь и что делало ее привлекательной и полной… Мы огрубели, и все радостное и красивое нам стало недоступно. Только церковь и служба в ней – единственное, что осталось здесь от прежней жизни… Особенно люблю я Пасхальную заутреню… Я так люблю ее торжественность, ее радостное пение, оживление, счастливые лица… Мне говорили в лазарете, что айсоры страшно религиозны и на Пасху приходят в церковь в национальных живописных лучших айсорских нарядах.

– Ну, хорошо! До вечера еще далеко. Там будет видно…

– Только, пожалуйста, сегодня не пей! До заутрени хотя потерпи, – уходя в лазарет, просила я.

После работы, только я вышла из ворот лазарета, ко мне колесом подкатился маленький персючок, напевая и приплясывая:

– «Разлука – ты разлука…» Давай пятак! – протягивая грязную руку, просит мальчуган. Он каждый день аккуратно

встречает меня этим пением и получает свой пятак. Как бы ни было грязно и холодно, он кувыркается, разбрызгивая грязь и напевая песню, которой его научили казаки. Он вытащил из-за пазухи бубен и стал петь и приплясывать: «Перстенек золотой, талисман мой дорогой!» Давай пятак!

Я дала ему десятикопеечную серебряную монетку, но он признает только пятак. Так его научили казаки. Иногда детей бывает двое или трое. Один, самый маленький, все пытается стать на голову, но более тяжелый зад перетягивает, и он шлепается всем тельцем в грязь. Все хохочут – и артисты, и публика! А дети спохватываются и сразу протягивают руки:

– Давай пятак!

При первой встрече мальчуган встретил меня грубейшей русской руганью; он низко кланялся мне и самым любезным тоном осыпал меня грубейшими ругательствами. Я просто от него шарахнулась в сторону. Но он шел за мной, приветливо кланялся и продолжал произносить бранные слова, как твердо заученный урок. Наконец я остановилась и схватила его за ухо (голова-то была гладкая, бритая, как яблоко).

– Нельзя это говорить!.. – Он убежал. На другой день, только я вышла после работы, а он уже издали кувыркается и поет. Подкатился мне под ноги и запел «Перстенек». Я дала ему пять копеек. Он их моментально засунул в рот и убежал. С тех пор каждый день встречает меня, поет и пляшет, но больше не произносит ругательств. Только неизменно просит и получает «пятак».

Сестра Маруся подарила мне большой пучок свежих душистых нарциссов, а сестра Феничка – огромный пучок фиалок. Наши санитары принесли цветущих веток персиков,

абрикосов и сирени, и я пришла домой с целым снопом цветов. Дома я застала гостей. Сидели у нас следователь К. А. и доктор Евсеев. Гости сидели за столом, ели и пили. На столе стоял окорок, жареная баранья нога, печения и кулич, похожий на торт. Сначала я думала, что они пьют чай – перед каждым стоял чайный стакан, у кого наполовину отпитый, у кого еще полный, у кого пустой. Но вместо самовара на столе стояла четвертная оплетенная бутыль с вином…

– А, Тина Дмитриевна! С наступающим праздником! – поднимая стакан, поздравлял меня следователь. – Выпейте с нами вина…

Вскоре доктор Евсеев ушел. Под вечер ушел и следователь.

– Видишь? У нас все готово к встрече Пасхи… А теперь я лягу и посплю до заутрени, – сказал муж, ложась на кровать.

Гайдамакин принес крашеные яйца и поставил на стол.

– Барыня, я не успел отпроситься у барина сходить к заутрени, – шепотом сказал он мне. – Как вы ушли, у нас весь день были гости.

– Иди, иди! Мы тоже пойдем. – Гайдамакин ушел, а я села на подоконник. Ночь уже наступила. Полная луна стояла высоко на чистом небе и светила очень ярко. Тени были короткие, пахло цветами, полная тишина! Нигде ни шороха, ни звука… «Святая ночь! – подумала я. – Который час? Может быть, уже пора одеваться и идти в церковь?» Я оглянулась. В комнате не был зажжен свет, но все было видно как днем… Ваня лежал на спине, вытянувшись во весь рост, и крепко спал, подложив руку под щеку и склонив голову немного набок… Эта великая и торжественная ночь

всеми переживается так радостно. Но у меня только чувство грусти и одиночества. Нет радости ожидания Светлого Воскресения – такого великого торжества!..

До сих пор у меня была семья, но сейчас я чувствую полное одиночество. Единственный близкий и дорогой мне человек спит, оглушенный вином… Мое душевное состояние безразлично для него… Он даже не сознает, что и сам он катится в темную, глубокую яму и тащит за собой и меня. Все кругом торжественно собираются к заутрени в церковь, а я сижу одна и караулю спящего пьяного мужа!.. Нет! Это невозможно! Я совсем пропаду! Так жить невыносимо!..

– Ваня! Ваня! Вставай, пора идти в церковь! Вон люди идут уже, нарядные, с вербой, с цветами! Посмотри, какая прекрасная, светлая ночь! Точь-в-точь, как та, наша, – первая…

Долго он не мог проснуться и понять, чего я от него хочу… Наконец проснулся. Сел на кровати.

– Не стоит идти! У меня болит голова… Давай лучше ложиться спать. – Он подошел к столу, налил вина и выпил.

В дверь постучал доктор Евсеев:

– Идемте в церковь! Пора! – Войдя и увидев, что мы совершенно еще не готовы, он стал уговаривать: – Пойдемте хоть ненадолго. Примем христианский вид!

Но муж заупрямился:

– Нет! Я не пойду. Я только сейчас проснулся.

– Ну, а вы, Тина Дмитриевна, идете?

– Да, я хочу. Но только вместе с Ваней!

– Ну, как хотите. А я пошел…

– Ваня! Идем, родной! Мне очень тяжело оставлять тебя одного дома.

– А ты тоже останься, не ходи! Ложись спать. Давай я сниму с тебя туфельки и помогу раздеться…

– Что ты! Что ты, Ваня, говоришь? Как я могу лечь спать, когда все идут в церковь! Ведь это бывает только один раз в году!

– Давай мы из окна лучше послушаем! Наверное, ведь будет слышно, когда запоют «Христос Воскресе». А ты разденься, надень халатик, и мы будем сидеть на окне и слушать!

– Нет! Я хочу слушать пение в церкви, видеть людей, ощущать радость этой службы со всеми вместе! Пойдем ненадолго. Как только пропоют «Христос Воскресе», мы сразу пойдем домой. Пожалуйста, Ваня, выйди из этой черной ямы! Ты увидишь, как все красиво и радостно вокруг нас! – Я стала на колени перед ним, гладила его руки и целовала. – Ваничка! Тебе только стоит надеть сапоги, и ты готов…

– Нет! Я не пойду! И тебя прошу тоже не ходить. – Он стал снимать с меня косынку. Я отстранила его руку и встала.

– Хорошо. Я пойду одна. А ты слушай из окна, если хочешь…

– Нет! Пожалуйста, не ходи! Я очень прошу тебя остаться, – настаивал он, а сам подошел к столу и пьет вино.

Я взяла со стола мелкие деньги, поправила косынку и пошла к дверям. У дверей остановилась, посмотрела на него. Он, не поднимая глаз, пил вино и повторил:

– Останься! Не ходи!..

Я ушла!! В доме, кажется, никто не остался. Все окна были темные, только внизу, у входных дверей, стоял дневальный санитар.

– Все ушли в церковь, кажется? – спросила я.

– Все, все. И доктор Евсеев ушел, и заведующий тоже, и писаря, и денщики. Хозяйки-айсорки давно ушли. Все ушли!

Пошла и я… Точно из темной, душной ямы вырвалась… И невольно хотелось глубже и полнее вдыхать ароматный весенний ночной воздух… Вот и ворота. А в глубине двора – ярко освещенная, переполненная церковь… Толпа офицеров, солдат, сестер и врачей группами заполняли и двор около церкви. Айсорки – нарядные, в пышных шелковых платьях, с шелковыми красивыми шалями на головах, длинными серьгами в ушах, бирюзовыми кольцами в ноздрях и медными браслетами на руках. Мужчины все в белых вышитых рубашках и накинутых на плечи широких кафтанах…

Церковь была на втором этаже. Я поднялась и с трудом стала пробираться к входу в церковь. Но войти в нее было совершенно невозможно – она была полна народа. Я встала в коридоре у стены. К обеим концам этого коридора поднимались снизу широкие лестницы, по которым беспрерывным потоком шли офицеры, солдаты, казаки, и, как белые цветы среди них, сестры. Я так увлеклась, наблюдая этот людской поток, что не заметила, как кто-то спросил меня:

– Разве вы одна? А где же ваш муж? – Оглядываюсь. Около меня стоит доктор Жуковский. У него полная рука свечей. Он дал мне одну. В это время, энергично работая локтями, пробиралась ко мне сестра Маруся. Со всех сторон

стали вспыхивать огоньки. Лица озарились светом, и скоро в коридоре стало жарко и душно.

– Смотрите! Вон и наш генерал! – сказал доктор Жуковский, показывая на группу офицеров, стоящих против дверей в церковь. Он тоже не вошел в церковь, а стоит в коридоре. Все вокруг нас тихо разговаривали. Вдруг откуда-то обошло всех приказание очистить проход для крестного хода. А как очистить, когда люди стоят вплотную, плечо к плечу?! Но незаметно, как волна, люди переливаются, и там, где, казалось, невозможно было одному человеку протиснуться, теперь образовался проход… И опять пробегает в толпе: «Освободить лестницы!» Мы стиснуты и прижаты к стене до последней возможности. Я думала, что задохнусь. Потушила свою свечу, чтобы не поджечь соседа…

В это время в коридор вынесли крест. За ним, склонив высокие древки, вынесли хоругви и иконы. Процессия стала спускаться по лестнице. Я видела только головы и клобук епископа. Я сделала попытку присоединиться к крестному ходу, но сестра Маруся удержала меня:

– Не ходите! Задавят… Обойдется и без вас!..

В коридоре стало свободнее. В открытые окна вливался свежий весенний воздух, и с ним печальное похоронное пение крестного хода… Оно все удалялось и почти перестало быть слышным… Когда крестный ход вернулся, в коридоре стало еще теснее. Свечи приходилось держать выше головы, так плотно люди стояли друг к другу. Лица у всех были сосредоточены и напряжены… И вдруг, точно могучий вздох облегчения, разнесся возглас: «Христос воскресе!» А толпа поспешно и радостно ответила: «Воистину воскресе!» У меня мурашки побежали по телу и слезы катились из глаз. Больше

я не могла оставаться в церкви. Меня тянуло скорее домой. Я сделала движение, чтобы выйти из толпы. Но тело и ноги были как свинцовые – не двигались. В ушах стоял шум; горло сжимало что-то горькое; дышать было трудно. Огоньки свечей казались мутными. Я бессильно повисла на руке сестры Маруси. Она помогла мне, мы вышли, спустились по лестнице и прошли вглубь сада. Здесь была тишина. Я скоро оправилась, и мы вернулись к церкви. Тут было много народа. Всюду мелькали белые косынки сестер. Слышалось со всех сторон: «Христос воскресе!» Когда мы подошли, нас обступили и стали поздравлять. Вдруг кто-то сказал:

– Посмотрите, какая странная луна!

Какое-то безотчетное беспокойство охватило меня и больно кольнуло в сердце. У меня вырвался тяжелый вздох. Не прощаясь ни с кем, я пошла домой. На углу нашего переулка меня догнали сестры и врачи из лазарета.

– Сестра Семина, мы идем к вам христосоваться с доктором.

Все вместе мы подошли к нашему дому. Я увидела, что окно в нашей квартире открыто, как я его оставила, уходя в церковь.

– Спит! – сказал кто-то. – Ничего! Мы его разбудим!.. Сердиться он на нас не станет. Сегодня всем грехи прощаются…

– Ваня! Христос воскресе! – громко крикнула я.

И все стали кричать:

– Христос воскресе! – Но в окне по-прежнему никого не было видно…

– Не показывается!.. Спит крепко! – сказал один из врачей.

Я повернулась к ним, и мне показалось, что сестры с испугом смотрят на темное отверстие окна… В улочке было уже темно от длинных лунных теней. Лица казались страшными. Все как-то быстро стали прощаться и ушли к свету, на освещенную улицу. Там толпа оживленных людей двигалась, смеялась, говорили все одновременно, и все были в приподнятом праздничном настроении.

Я вошла в сени… Не встретила никого. Даже дневального не было видно… Поднялась на второй этаж… И тут была полная тишина. Нигде ни одного огонька… Ни малейшего движения… Что же это такое? Неужели все спят? Или не вернулись из церкви? Подошла к нашей двери и открыла ее… Тишина здесь чувствовалась еще сильнее. «Точно могила…» – подумала я. Луна сбоку освещала полкомнаты. Вижу с порога, что Ваня лежит на кровати…

– Христос воскресе!.. Ваня!.. Вставай!..

Но он ничего не ответил… Я подошла к самой кровати и нагнулась, чтобы поцеловать его:

– Христос вос… – И вдруг почувствовала что-то липкое и тепловатое… – Ваня!! – Схватила его голову и повернула к себе…

Еще теплая рука крепко сжимала револьвер…

Часть третья. Поход на Мосул

Глава 1

Три дня я пролежала в лазарете. За мной неотступно ухаживали сестры Феничка и Маруся. По очереди они всю ночь сидели у моей постели. Не оставляли меня и днем. Я не спала ни одной минуты и не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Казалось, что жизнь кончилась… Ушла вместе с душой Вани. Я не чувствовала тела. Не было и мысли… Я видела сестер; приходил доктор Бакин, брал мою руку, щупал пульс и говорил:

– Очень слабый…

Я видела, как сестра Маруся плакала и гладила мою руку… Я не замечала ни дня, ни ночи и не было воли, чтобы закрыть веки…

– Не спит?

– Нет, доктор. Лежит все время с открытыми глазами…

– А все же ничего снотворного ей давать нельзя! Сердце плохо работает, пульс слабый.

Пришел доктор Евсеев. Постоял, посмотрел и ушел.

Пришел Гайдамакин.

– Барыня, сегодня похороны барина… – Что-то резко и больно кольнуло в сердце! – Сколько несчастий за эти дни у нас в транспорте случилось. Баринов Киргиз (лошадь) ослеп в первый день Пасхи. Ветеринарный фельдшер Акименко пошел посмотреть ее – и сам ослеп тоже. Он теперь здесь в лазарете лежит…

Гайдамакин ушел. Пришел доктор Бакин.

– Тина Дмитриевна, сегодня похороны вашего мужа. Можете пойти туда?..

– Доктор, да ведь она не может ни двигаться, ни говорить. Сердце едва бьется! – сказала сестра Маруся. – Лучше ее не трогать!..

– Нет! Как раз я думаю, что ей это принесет пользу! Надо, чтобы она снова увидела его… Дайте ей крепкого кофе и безотлучно будьте с ней…

– Я сейчас встану и пойду, – с трудом сказала я пересохшим языком.

– Ну, вот и хорошо! – Доктор сел на край моей кровати, взял мою руку и похлопал по ней. – Возьмите себя в руки. Мы все переживаем страшное и тяжелое время. И все мы можем не выдержать и поступить так же, как поступил ваш муж… За то время, что вы тут лежите, в транспорте случилось много непонятных вещей… Ослеп ветеринарный фельдшер. Ослепла верховая лошадь покойного доктора…

Опять больно кольнуло в сердце… «Покойного»!.. Вот уже не называют даже его имени!.. Остался только труп… Человека нет больше!.. К чему он столько мучился, волновался из-за всякого пустяка?! «Лошадей бы не покалечили… Санитары бы жили в гигиенических условиях… Скорее гоните лошадей, чтобы не померзли раненые…» Теперь все кончилось!.. Лошади слепнут… Фельдшер тоже ослеп… И сам он – «бывший» – «покойник»…

Когда доктор ушел, сестра Маруся помогла мне встать. Мне стало дурно и кружилась голова. Но кофе подбодрил меня. Мы пошли в тот дом, где я жила с Ваней и где теперь он лежит один… Покойник!..

После отпевания[53] мы с Марусей сели на лазаретную линейку. Впереди несли гроб. Похоронили его рядом с могилой офицера, на вскрытии которого муж присутствовал для судебной экспертизы. С похорон вернулись опять в ту же сестринскую комнату…

Прошла неделя. Как-то зашел навестить меня доктор Жуковский.

– Что вы думаете делать, Тина Дмитриевна? – спросил он.

– Не знаю еще. Но, как только немного окрепну, поеду домой.

– Вот этого-то как раз я бы вам не советовал делать! Доктор Бакин мне говорит, что сердце у вас очень слабое. Если вы поедете сейчас домой, то с вами может повториться то же самое, что случилось после смерти вашего мужа. Вернуть его к жизни вы не вернете, а себя погубите прежде времени! Дома все вам будет напоминать прежнюю совместную жизнь. И там вы не поправитесь и не окрепнете душевно. Вам сейчас нужна работа. Нужна новая обстановка, в которой вы могли бы забыться. Только работа спасет вас!.. Я хочу предложить вам очень тяжелую работу. Не думайте, что я не думаю о ваших страданиях и не жалею вас! Как раз наоборот! Я хочу только помочь вам в вашем горе! Скоро весь наш отряд пойдет вперед, в Турцию, на Мосул. Это будет очень трудный и опасный поход! В Турции

---

[53] По уставу Русской православной церкви отпевание самоубийцы возможно лишь в том случае, если доказано, что человек покончил с собой в состоянии помрачения рассудка.

совершенно нет дорог. Придется идти по дикой, бездорожной горной стране, по едва проходимым тропам, по кручам и обрывам. Лазарет доктора Бакина выделяет летучий перевязочный пункт; может быть, и питательный тоже. Нужны люди! Один или два врача и несколько сестер. Жизнь и работа, повторяю, будет очень тяжела и опасна. Передвижение для всех – только пешком или верхом на лошади. Придется все делать для себя самой. Питание простое и очень скромное. Может случиться, что и день, и два – совсем никакого не будет. По горам, без дороги, нелегко будет подвозить продовольствие для войск отряда. Но я думаю и верю, что это вас отвлечет от вашего горя. А когда пройдет острое чувство потрясения, тогда поезжайте домой.

– Ипполит Иванович, сердечное вам спасибо за ваше хорошее отношение ко мне, в котором я теперь нуждаюсь! Вы правы – мне нужна работа. И чем она будет тяжелее, тем лучше для меня. Я поеду с летучим отрядом и буду работать в нем…

– Ну, вот и отлично! Я все устрою; поговорю с доктором Бакиным. Должен сознаться, что мы уже говорили на эту тему, и он со мной вполне согласен. А вы набирайтесь теперь сил для крестного похода…

С первого дня, как меня приняли в лазарет, я поселилась в комнате с сестрами Феничкой и Марусей Тарасовой и так и осталась с ними. Еду сначала они мне приносили в нашу комнату. Но вскоре я сумела заставить себя ходить вместе с ними в общую столовую. Первый мой приход в столовую произвел на меня особенно сильное впечатление, когда я увидела, как много народу работает в лазарете. За столом

сидело не меньше чем человек двадцать пять. Две сестры, дежурные по столовой, разливали суп, раскладывали жаркое по тарелкам, резали хлеб, наливали кофе. А два служителя разносили все по столам. Лазарет занимал несколько домов. Один, двухэтажный, был для больных и раненых; другой – для аптеки и медикаментов, склад-цейхауз; третий – канцелярия, в которой постоянно работали несколько писарей; четвертый – для столовой и кухни. В нем же жили врачи. Против этого дома жили сестры, и дом был очень большой. В каждой комнате жило по несколько сестер. В нем была лестница на крышу, где по вечерам все собирались, пели песни и валялись на разостланных коврах и даже танцевали. Туда приходили врачи и знакомые офицеры. Теперь в лазарете главной волнующей всех темой для разговора были догадки о том, кого из врачей и сестер пошлют с летучим отрядом. Всем надоело сидеть на одном месте. Всем хотелось испытать новые впечатления и переживания. Но главной причиной всеобщего стремления идти в поход была та, что все войска уходили из Урмии с отрядом. А с ним, значит, и все интересные знакомые офицеры.

– Останутся только интендантские и всякие другие тыловые крысы! – сказала сестра Маруся. – Я думаю, что всех нас троих непременно пошлют, – добавила она. – Раз решено, что, вы, Тина Дмитриевна, едете, а мы с Феничкой должны смотреть за вами, то, конечно же, нас не станут разлучать!..

Но однажды Маруся вихрем влетела в комнату в полном отчаянии и бешенстве. Глаза совершенно скошены к переносице! Из ноздрей, казалось, летели искры, а изо рта ругательства!

– Проклятая Сонька! Я ей подложу свинью! Я ей отомщу!..

– В чем, Маруся, дело?! – накинулись и мы на нее.

– А вы знаете, кто из врачей едет с летучкой?!.. Сонька!! И, конечно, меня она не берет!..

Столько накопилось у нее обиды и злости, что Маруся горько расплакалась…

– Черт с ними! И с летучкой, и со всеми походами! Я не о них плачу. Но я не хочу расставаться с вами, Тина! Я так вас полюбила! Мне так хорошо сознавать, что у меня есть настоящий друг. А теперь вы уедете, и я опять стану дикой и невыносимой!.. Ведь сами же они все об этом говорят!..

Женщину-врача, которая назначалась в летучку, я мало знала. Она долго была больна сыпным тифом и только недавно поправилась. Как-то я возвращалась с вечерней работы к себе в комнату. Из одной открытой двери меня кто-то позвал:

– Сестра Семина! Зайдите ко мне на минутку… – Я вошла.

– Мы с вами вместе едем с отрядом. Я сама выбрала сестер: Феничку, вас и фельдшерицу, дочь нашего лазаретного фельдшера. Феничку я беру только потому, что вы ее, кажется, любите!..

Я не выдержала и сказала:

– Марусю Тарасову я тоже люблю…

– Ну, эту шальную я ни за что не возьму! Она там будет скакать по горам, упадет и разобьется, а я за нее отвечай, – сказала женщина-врач.

Наступил день выступления. Всех просили брать вещей как можно меньше. Я вынесла чемодан, тюфяк, одеяло и подушку, завернутые в один сверток, и ручной саквояжик с мелкими туалетными принадлежностями. Посреди двора стояло несколько хозяйственных двуколок и линейка для нас – сестер и врача. Санитары ехали на двуколках. Они были нагружены с верхом и покрыты брезентом: там было белье для раненых, одеяла, мешки для сенников, медикаменты, сгущенное молоко, галеты, крупы, чай, сахар. Как-никак, нас ехало пятнадцать человек! Нужно везти еду и для себя, и для раненых и больных. Да еще везли огромные палатки для раненых, для сестер и для санитаров. Обоз получился большой. Когда мы сели на линейку, Маруся, плача, прощалась со мной, с Феничкой и другими, но с женщиной-врачом нет. Бедная Маруся! Она так же некрасива и смешна, когда плачет, как и когда смеется. Она плакала и почти громко говорила:

– Ничего! Я ей подложу свинью при первом же удобном случае.

Весь персонал лазарета вышел нас провожать. Все желали нам успеха и наград за наши будущие подвиги…

И вот я еду работать с людьми, которых почти не знаю и для которых я сама чужа и безразлична… Вот кладбище… Здесь лежит мой Ваня!.. Всегда он был моим заступником и защитником… А теперь сам только покойный… Ваня, Ваня, чувствуешь ли ты, что я так близко от тебя?… Хочется соскочить и пойти к нему… рассказать, как невыносимо тяжело мне жить без него… Как мучительно оставлять здесь его одинокую могилу… Стараюсь скрыть слезы, но Феничка заметила и ласково гладит мою руку. Не хватает сил

попросить хоть на минуту остановиться, чтобы пойти проститься с ним… А линейка уже проехала… и увозит меня все дальше и дальше…

Из Урмии мы ехали все время на запад, к горам, которые виднелись вдали синей полосой. К ним поднималась постепенно и почти незаметно огромная равнина – степь без кустов и деревьев, но вся покрытая травой и цветами. Местами ее пересекали неглубокие овраги, по дну которых бежали весенние ручьи. Первая ночевка была прямо в степи. Когда солнце стало опускаться к горам, весь отряд остановился. Один из офицеров стоял на дороге и показывал, кому куда заезжать. И скоро все кругом оживилось. Выросли палатки; загорелись костры, и тысячи людских и лошадиных ног стали затаптывать свежую, нетронутую степную траву… Пелена дыма скоро покрыла всю местность кругом, и вся она заполнилась сложным, но негромким шумом лагеря.

Наши санитары поставили для нас палатку, разожгли костер и стали варить еду, а мы стали приготовлять для себя постели. Для полноты картины к нам сейчас же пришел первый раненый. Это был молодой казачий офицер, Митя, как его называли мои спутницы. Феничка и женщина-врач радостно и приветливо встретили Митю и принялись расспрашивать его… Я видела его в первый раз. Нас познакомили. Митя произвел на меня очень хорошее впечатление, и таким оно осталось навсегда. Он мне напоминал моего брата Харитона. Впоследствии мы с ним сделались друзьями до самой его смерти. (Его убили после революции свои же казаки.) Митя был высокий, стройный,

черноволосый, черноглазый и почти безусый (что его очень огорчало). Ласковый, услужливый и добрый. Он пользовался общим расположением.

– Митя, что с вашей рукой? – спросили его. Рука была вся забинтована.

– Обжег! Персидский губернатор устроил для начальника отряда и для нас, всех офицеров, проводы. А я предложил устроить фейерверк, но не очень удачно. Всю ладонь обжег. Болит страшно. – Мы перевязали ему руку. А так как это был единственный раненый, то мы все четверо принимали в этом участие и старались применить все наши знания. Руку ему забинтовали на целый год! Когда кончили, Митя заявил, что завтра утром опять придет.

– Нет, нет, не приходите! Так часто менять повязку не нужно.

– Разве? – удивился Митя. – Теперь я сожалею, что не обе руки обжег… Я бы приходил два раза в день: одну руку перевязывали бы утром, другую – вечером…

– Я вам, Митя, разрешаю приходить к нам и без этого! – сказала женщина-врач.

– Вот за это – спасибо вам! Завтра же утром приду.

На другой день к обеду весь отряд пришел на питательный пункт, где уже ждали нас и очень хорошо накормили. А после обеда отряд выступил дальше. Два дня мы шли, постепенно поднимаясь, к горам, которые виднелись вдали. Погода была чудная; небо голубое; солнце яркое; тепло. На третий день к вечеру отряд подошел к самым горам. Тут уже стояли биваком какие-то казачьи полки. Нам указали наше место, и санитары стали ставить палатки. Мы им помогали, развязывая наши вещи и устраивая постели. Ночью все

казалось таинственно и красиво. Когда мы утром вышли из палатки, то вчерашнюю голую степь узнать было нельзя. Всюду стояли лошади, обозы, палатки. Между ними повсюду – множество казаков. Мы в смущении вернулись в палатку. Что же нам делать?..

– Сестры! Мы здесь не женщины, а медицинский персонал! Не будем обращать ни на кого никакого внимания и открыто пойдем в горы!.. – сказала женщина-врач. Но, в конце концов, мы так никуда и не решились пойти и просидели весь день в палатке. Но зато, как только стало темнеть, она решительно позвала санитара: – Тишкин! Веди нас туда, где нет казаков!..

Пришел к нам отрядный врач и сказал, что дальше нет дороги, а только караванная тропа и поэтому мы, как и весь отряд, будем перегружаться на вьюки, что займет много времени. Несколько дней мы жили вполне благополучно. К нам приходили гости из полков, врачи и офицеры. Мы их угощали чаем с галетами и со сгущенным молоком. Но вот пошел дождь!.. В первый день он лил «сорок дней и сорок ночей»! На другой совсем нас затопил… А на третий – вся долина покрылась водой! Тысячи лошадиных и казачьих ног размесили воду с глиной в море жидкой, глубокой грязи, и не было никакой возможности нигде ни пройти, ни проехать… Мы сидели целый день на своих койках, поджав под себя ноги, и пили чай. Выйти куда-нибудь из палатки было совершенно нельзя. Что хочешь, то и делай!.. Дня через три, проснувшись утром, мы увидели, что потоп пришел в самую нашу палатку… Все наши вещи плавали в воде, которая поднялась почти под самые койки! Феничка взвизгнула и, как была в постели, так и прыгнула прямо в воду и стала ловить ящики с перевязочными материалами, галетами,

мылом. Мешки с крупой и мукой, все наши вещи, чемоданы, обувь – все было в воде… Я все же не слезла с кровати. Что могла достать с нее – поймала; что уплыло далеко – оставила плавать…

Феничка открыла полы палатки и стала кричать:

– Тонем! Тонем… Тишкин!..

За открытым входом в палатку я увидела волны бурного моря, а над ним – сплошную мутную завесу дождя! Прямо потоп, да и только!

Женщина-врач подняла голову с подушки и сказала:

– А знаете? Ведь мы можем все здесь потонуть! Посмотрите, сколько воды льется с неба. А когда еще с гор вода хлынет на нас, тут мы все и потонем…

Долго никто из санитаров не приходил спасать нас. Им хорошо лежать в двуколках под брезентом: сухо и тепло! А мы – тонем!.. Наконец пришли! Стали окапывать палатку; делать канавки, чтобы вода вытекла из нее… А дождь все идет и идет! Когда вода ушла из палатки, санитар вымел метлой ее остатки. Феничка на спиртовке стала варить кофе. Встала и фельдшерица и стала помогать ей. Хотела встать и я, но Софья Мефодиевна сказала:

– Вы не вставайте. Сыро и холодно! А они и вдвоем управятся!

Мне и самой не хотелось вставать. Слабость какая-то. Так бы все и лежала. Как я поеду дальше сотни и сотни верст верхом?.. Ну, как по дороге расхвораюсь и где-нибудь свалюсь!.. Что тогда будет со мною в горах, где нет ни госпиталей, ни жилья?.. Ну, да все равно! Чем скорее, тем лучше…

Слава богу! Сегодня дождь, кажется, перестал. Выглянуло солнце, и на душе как-то стало легче. Весенний теплый ветер быстро сушил землю. Появились тропинки… Рано утром на следующий день отряд длинной вереницей потянулся в горы. Начальник отряда, генерал Левандовский, и с ним большая часть войск, ушли. На биваке остались немного казаков для конвоя нашей летучки да колесные обозы, которые возвращались обратно в Урмию. Нам тоже пришлось кое-что отправить обратно в Урмию. Возвращается туда и наша фельдшерица – обратно в лазарет. Она не умеет ездить верхом. Нам дали вьючных лошадей для обоза и верховых казачьих – для нас. Седла у них тверды, как камень. Я не могла ехать на нем даже шагом!.. А казаки смеются…

– Что вы, сестрица? Да мы вам дали самое мягкое седло, а вы посмотрели бы другие!.. – Но все же вынули свою набивку и положили мою подушку. Стало лучше немного…

Как странно! Когда мы жили в палатке и смотрели на горы, они казались нам вот тут, совсем близко. Теперь мы поднимаемся и поднимаемся к ним, а они все еще далеко от нас. Точно уходят, и мы не можем их догнать… Мы поднялись уже очень высоко. Горы расступаются перед нами, но все так же далеки. Тропа вьется по склону горы, сплошь покрытому какими-то цветущими кустами и необычайной красоты и величины пионами и тюльпанами. Таких огромных и красивых пионов я и в садах никогда не видела.

– Смотрите! Смотрите! Голубая поляна! – кричит Софья Мефодиевна.

Внизу, около болота, большая поляна, в буквальном смысле голубая. Но до нее было далеко, и никто не мог

сказать, что это такое. Караван наш остановился. Урядник послал двух казаков узнать, в чем дело. Все следили за ними. Видим вдруг, что они нагнулись и стали что-то собирать с земли.

Софья Мефодиевна тихонько говорит мне:

– Это бирюза! Я вижу ясно! Ведь в Персии ее повсюду много. А тут она прямо поверх земли лежит… может быть, до нас здесь ни один человек еще не был?

Но в это время казаки уже возвращались к нам, и мы еще издали увидели в руках у них что-то голубое…

– Несут! Несут! – Вот они уже поднялись на тропу… Только тогда мы увидели, что это «голубое» – только незабудки…

– О, и страсть же сколько их там, – говорит казак, – просовывая пучок под уздечку моей лошади. Другой дал мне такой же пучок в руки.

Караван шел медленно, почти незаметно, но непрерывно поднимаясь все выше в горы… Изредка попадались маленькие селения с крошечными, но отлично обработанными полями кукурузы. Первую ночь мы ночевали около одного из таких селений. Но в дома его мы не заходили. Каждый из них был огорожен и окружен фруктовыми деревьями, сиренью и жасмином. Я – привычная к верховой езде – не чувствовала большой усталости и боли в ногах. Но мои спутницы были разбиты и не могли сделать ни шагу.

– Я завтра не могу ехать дальше! – чуть не плача, говорит женщина-врач.

Феничка же просто втихомолку плакала.

– И зачем меня послали на такую муку! – плача, говорила она. – Теперь я не могу ни вперед ехать, ни назад вернуться!.. Меня бросят здесь одну и курды убьют меня…

Но все казаки приняли участие в нашем жалком положении и стали делать советы, что нужно сделать, чтобы избавиться от боли.

– Перво-наперво не лежите и не сидите! Все время ходите, разминайтесь!..

– А как будешь ходить и разминаться, когда ступить не можешь?

– Идемте, сестры, мы вам покажем, как жили курды. (Казаки Софью Мефодиевну, женщину-врача, принимали тоже за сестру, да она и не обижалась.) – Пока варился суп и грелась для ножной ванны вода, мы кое-как пошли посмотреть деревню. Вернувшись, наскоро поели, погрели ноги в горячей воде и легли спать. Больше не были способны ни на что. К удивлению, утром мы чувствовали себя совсем неплохо и поехали дальше.

– Кажется, я взяла на себя непосильную задачу! – говорит женщина-врач. – Эта поездка и работа просто не для женщин! Мы можем не доехать до места. И все заболеем! А это будет позор для всех нас, а особенно для меня!.. Но и возвращаться теперь уже поздно…

А караван тихонько шел и шел всё дальше. А мы волновались и сомневались… Временами старший казак останавливал лошадей и говорил: – Ну, слезайте, сестры, разомните ноги…

Кругом горы! Мы все время поднимаемся. А впереди нас все горы и горы. Все покрыты дубовым лесом. Иногда ущелье совсем суживается, и тогда тропа подходит к самому краю пропасти над рекой, бурлящей где-то глубоко под нами… Жутко и посмотреть в пропасть… А каково сорваться в нее с нашей узкой тропы?.. Хорошо еще, что лошади не боятся этого обрыва… Только через трое суток мы догнали штаб. Нам отвели место на биваке и сказали, что мы должны развернуться и быть готовыми к приему раненых. Мы здесь вышли уже на большое плоскогорье с перелесками и полянами, между которыми бежала речка. На одной из полян мы поставили палатки – нашу и для лазарета. Санитары и все наше хозяйство поместились на другой поляне рядом. Главные войска ушли вперед, а со штабом остались несколько сотен казаков для охраны. Мы поставили большую палатку, на двадцать пять человек, натянули холст на походные кровати, набили подушки сеном; развели марганец, борную кислоту для обмывания ран и стали ждать раненых. Их привезли на вьючных носилках. Потом привезли их еще. Потом привезли просто больных, а потом наконец и просто тифозных… Мы у себя не задерживали ни раненых, ни больных. Перевяжем, накормим, отдохнут сутки – и отправляем дальше в Урмию, в лазарет. От этой работы у нас оставалось много свободного времени, которым пользовались для собственных дел. Около нашей поляны протекал ручей, куда мы ходили мыться и мыть свое белье. Иногда даже уходили довольно далеко в горы, где все для нас было ново и интересно. Но начальство узнало об этом и запретило нам уходить из лагеря. Пришел доктор Жуковский и принес категорическое запрещение уходить за пределы лагеря. Наши разведчики доносят, что ближайшие к нам

селения пусты, все население бежало. Но несомненно, что курды прячутся в окружающих горах и могут напасть каждую минуту на отдельных людей или на малые группы. Разведка наша ходила далеко вперед и по сторонам пути наступления нашего отряда – и всюду сталкивалась с небольшими партиями курдов. Как-то вернувшиеся из разведки казаки рассказали, что они доходили до богатого городка с дворцом местного хана. При их приближении жители бежали вглубь страны, оставив город совершенно пустым…

– Вот, шут их задери, как богато жили эти самые ханы! – рассказывали казаки. – Чего только у них нет! Хоромы высоченные! Зеркала по пять аршин!.. Ковров – что! Страсть… Посуды сколько! И вся медная!.. Если бы да все забрать – вот бы богатым был!..

И в доказательство того, что у ханов всего было много, казаки дали нам по куску от разбитого ими пятиаршинного зеркала и по куску необычайной красоты и ценности порезанного ковра!.. Они не могли увезти с собой ковры – так они были огромны. Поэтому они порезали их на куски и поделили между собой. А чтобы порадовать сестер, принесли и нам по куску и от ковра, и от зеркала. Потом, когда отряд пошел дальше и везти большие куски зеркала стало опасно – заметят, они их разбивали на более мелкие куски и прятали в переметную сумку, а ковры приторачивали к седлу. Да и не один этот разъезд ходил в богатые ханские поместья. Ходили и другие, пока было чем поживиться. Пошлют разъезд куда-нибудь совсем в другую сторону, но они непременно «завернут», куда нужно, и всякий раз возвращались с добычей. Как-то два казака пришли к нам в летучку и принесли кусок ковра в аршин шесть или семь.

– Вот, сестра, не купите ли? Дешево отдадим! – Меня в лагере знали и считали богатой. Я этот ковер купила, свернула и завязала его, наклеила записку с моим именем и отправила его в интендантский склад в Урмию. Так все делали, когда хотели что-нибудь отправить. Разрешили это и мне. Каждый день из Урмии приходил к нам караван с продовольствием для отряда и, сдав груз, возвращался в Урмию порожняком. Иногда везли туда мешки с кедровыми орешками или табак. Табака этого было всюду так много, что казаки и солдаты подстилали тюки его под себя вместо тюфяка и спали на нем. Десятки тысяч пудов этого табака интендантство отправляло в Тифлис. Табак был листовой, великолепных сортов и прекрасно сохранившийся. Это была страна необычайных богатств!

Высоко в горах, в труднодоступных местах, живут в своих поместьях курдские ханы, а с ними их подданные, простые курды. Они работают на ханов и кое-что имеют и сами тоже. Бедному курду немного нужно. У него жен мало. Зато у хана их всегда столько, что содержание и наряды их обходятся ему очень дорого. Жены простых курдов ведут сами все работы и в поле, и по дому, ибо их мужчины почти всегда отсутствуют по разбойным и грабительсикм делам – своим и ханским. Многочисленные жены сидят, поджав под себя ноги, красят ногти, едят сладости и жирный плов. Они не работают ни в поле, ни по дому.

Однажды казачий разъезд вернулся из разведки с ребенком. Его нашли в брошенном курдском селении. Конечно, девочку эту привезли к нам. Куда же еще было ее деть?! Казак отдал ребенка Феничке. Это была девочка лет двух. На ней яркое ситцевое платье; в ушах – серьги; на шее – стеклянные бусы; на руке – медный браслет; волосы

заплетены во множество косичек; босая; под платьем ничего больше не было. Девочка не плакала и с любопытством смотрела на все своими большими черными глазами. Феничка сразу же взяла ее на полное свое попечение. Софья Мефодиевна заявила, что мы не можем держать ребенка у себя. Отправим его в Урмию, в лазарет доктора Бакина. Но Феничка заупрямилась и ни за что не хотела ее никому отдавать...

– Она никому не будет мешать! Я буду за ней смотреть! – Так и не позволила отправить ее. Все свободное время она возилась с ней. Из мешков сделала ей постель; из простыни сшила рубашку и панталоны. От последних пришлось, впрочем, сразу отказаться. Дали ей имя Таня, и девочка скоро стала отзываться на него. Она быстро привязалась к Феничке и всюду ходила за ней... Но вот принесли приказ нам свернуться и идти дальше вместе с отрядом. На наше место приходил другой перевязочно-питательный отряд, которым заведовал священник. Накануне нашего выступления этот отряд пришел. Феничка сдала свою питомицу другой сестре и просила отправить ее в лазарет к доктору Бакину, но сестры сменившего нас отряда тоже полюбили нашу Таню и оставили ее у себя. Мы потом часто слышали от приезжающих в штаб офицеров и казаков, что девочка стала очень забавная, что ее все любят и даже научили ее говорить по-русски. Всех, кто бы ни приехал на пункт, она тащила за руку в столовую и называла дядей. Конечно, общее внимание приносило ей много вреда и портило ей и характер. Некоторые даже учили ее курить или заставляли заучивать глупые фразы... Бывало привезут партию раненых, а она уж тут как тут.

– Хочешь курить? – спрашивает она раненого. Тот обрадуется, а у нее, конечно, и папирос-то нет… Нередко и выбранят ее за это… Но, в общем, много было радости всем от этого маленького существа…

Опять в поход! Утро. На нашей поляне еще нет даже солнца, но все уже встали, и лагерь полон движения. Палатки уже сняты. Офицеры в походном снаряжении отдают последние распоряжения. Солдаты скатывают шинели и палатки. Казаки седлают, приторачивают вьюки. Кое-кто еще пьет чай. У нас все вещи уложены еще с вечера – и лазаретные, и свои. Санитары в десятый раз осматривают узлы и вьюки. Все готово и ждет только команды к выступлению. Наша летучка пойдет в самом хвосте всего отряда, но санитары волнуются. До сих пор мы шли одни, самостоятельно; останавливались, когда хотели и сколько хотели. А теперь мы будем все время на глазах у начальства и должны согласовать свое движение с отрядом.

Колонна собралась очень большая. Пехота, пушки, пулеметы, радиостанция, несколько казачьих сотен, штаб, наш перевязочный пункт, обозы! Пушки и пулеметы были в разобранном виде навьючены на спины лошадей. Радиостанция и обозы тоже. Вся эта колонна должна растянуться, как говорили, на много верст; двигаться можно только шагом. А в некоторых местах лошади и совсем не могли взобраться на кручи без помощи людей! Первым выступил из лагеря штаб, впереди которого шла часть казаков. Потом пехота и обозы, потом мы и опять солдаты и казаки. Не прошли мы и часу, как на узком повороте тропы наткнулись на труп лошади. Она только что пала от солнечного удара. Шерсть ее блестела, как золото. Это была лошадь молодого казачьего офицера Вани Сапожникова,

который вчера еще показывал на ней приемы казачьей джигитовки. Он недавно только приехал в отряд к генералу Левандовскому, очень любил свою лошадь и гордился ею. Бедный! Что он теперь будет делать без лошади?.. Потом я узнала, что у всех офицеров были запасные лошади. А у генерала – начальника отряда – их было двенадцать и четыре мула для вьюков.

Чем выше поднималось солнце, тем становилось все жарче и жарче! Двигались медленно и часто останавливались. Поминутно слышен крик:

– Стой! Слезай!..

Слезешь и, не выпуская повода лошади из рук, стараешься куда-нибудь укрыться от жгучих лучей солнца под выступ скалы. Солдаты и казаки, потные, грязные, выбились из сил, все время поправляя вьюки и седла, сползавшие на хвосты лошадей. Жара безумная! Нигде ни одного дерева, под которым бы можно было укрыться! Камни и скалы раскалились так, что сесть нельзя. Воды нет. Ниже и выше тропы на крутом каменистом скате растут корявые карликовые дубы. А далеко внизу, в узком ущелье, бешено бежит, бурлит и пенится полноводная река Заб. Но мы только видим ее издали, и это усиливает мучения нашей жажды. Мы взяли с собой по бутылке воды на человека, но всю уже выпили давно. Язык сохнет, губы потрескались от жажды. И вода тут же, всего в каких-нибудь 600 футах ниже нас… А вот достань ее с нашей вертикальной кручи!..

– Стой! Слезай! – Эта команда передается из уст в уста и доходит до нас. Мы слезли с лошадей и ищем хотя бы малейшую тень. Только бы хоть голову укрыть! Но ее нет

нигде! Солнце прожигает насквозь так, что в глазах красные круги. Подходит офицер.

– Дайте, ради бога, хоть несколько капель воды! – говорит он запекшимися губами. Мы смущены. Хорош наш передовой пункт, когда не можем даже воды дать напиться! Феничка в отчаянии!

– У нас нет воды! – отвечает она. Офицер сел около скалы на раскаленную тропу. Мы над его головой устроили из моего пледа навес, а Софья Мефодиевна сняла с него фуражку и стала обмахивать его. Немного отошел человек…

– По коням! – снова раздается команда. Садимся и едем. Но недолго. Вскоре опять остановились. Теперь есть хоть маленькая тень! Поворот тропы, а над ней нависает скала. В падавшую от нее тень мы все и сели. Прохладно, но пить всем хочется безумно! Подошли к нашей тени и казаки из нашего прикрытия и присели около нас. Для первого знакомства они старались занять нас интересным и приятным разговором:

– Да! По такой-то дорожке далеко не уйдешь! К примеру сказать, ежели теперь вот отсюда, с этой вот горы, да во фланг нам нападут на нас турки или хотя бы, скажем, курды? Ну, что мы можем поделать с ними отсюда вот, снизу?! Ничего не можем!.. Просто, как курей, всех перебьют… Отряд-то наш тепереча растянулся на версты!.. И не соберешь его, как они всех нас кончат!.. – убедительно говорит бородатый казак. – Так и покатимся все в поток кубарем!

– Ну, зато хошь воды напьемся, как докатимся до нее! – сказал другой. – Страсть как пить хочется!..

– Напьешься… Как же… Когда брюхо-то прострелят!

– А откуда же здесь возьмутся турки? – спросила Софья Мефодиевна, слушая этот приятный разговор и поправляя пенсне на носу.

– Как откуда?! А что мы, знаем, что там за горами делается? Мы-то вот сейчас здесь, по эту сторону горы, а они – по ту… Притаились и ждут, когда напасть на нас!.. А уж на что лучше время для нападения, как не теперь! Доведись нам бы так-то увидеть турок – любого бей на выбор! Охулки на руку не положили бы! Всех бы враз перебили!.. Имущество же забрали бы, конечно, себе!..

Феничка слабо взвизгнула и схватила мою руку:

– Господи!.. Погибли мы! Убьют!.. Сбросят в эту бурную речку, и унесет наши трупы в неизвестное море… А там ведь акулы!.. Всех съедят!.. И никто никогда даже не узнает ничего о нас!..

– Эй! Поднимайсь! Заснули, что ль? – кричит впереди какой-то солдат. Мы соскочили на тропу…

– Лошадей вести в поводу! – снова раздается команда. Мы завернули за скалу, под которой сидели, и увидели наконец обещанный уже нам страшный крутой подъем. До него самого было еще далеко и впереди нас стояли еще десятки вьючных лошадей, которые должны были подняться раньше нас. Я отдала повод моей лошади казаку, а сама пошла смотреть, как взбирались на эту кручу лошади. До подъема было далеко. На узкой тропе под тяжестью вьюков лошади топтались, пятились, задевали друг друга; вьюки сползали – то на один бок, то на другой… Иногда у них рвались ремни и веревки. В раскаленном воздухе стояла солдатская ругань:

– Стой ты, окаянная! Чтоб тебе подохнуть! – пиная сапогом под брюхо лошадь, говорит измученный солдат. Великолепная верховая лошадь, которую ведет в поводу владелец-офицер в полном ужасе от толкотни, шума и предательской пропасти под узкой тропой… Вся в пене, храпит и боится каждого шага вперед….Ее подталкивали казаки, но лошадь скользила, пятилась и неминуемо должна была скатиться в пропасть. Кто-то из начальства сверху крикнул: – Завяжите ей глаза! – Ей накинули на голову мешок, и лошадь, не видя пропасти, одним духом взбежала наверх. Весь штаб сидел наверху и наблюдал за подъемом отряда. Пришла и моя очередь. Я веду свою лошадь в поводу и начинаю восхождение.

– Ну, ну, сестра, держитесь! – кричат казаки, окружают мою лошадь и кричат на нее: «Хо, хо, хо!» И лошадь вдруг сама заспешила; быстро, скачками стала взбираться, наступая мне на пятки. Подъем был невероятно крут и – сплошная голая скала! Но не очень длинный. Не успела я и дух перевести, как была уже наверху.

– Браво, сестра! – раздается недалеко от меня. Кто-то взял у меня повод моей лошади; усаживает меня на камень. – Отдохните! Нате вот воды.

К пересохшим и потрескавшимся моим губам поднесли маленькую крышку от фляжки, где воды-то было не больше двух глотков. Но они меня привели в чувство и освежили.

– Молодчина, сестра! Прямо настоящий кавалерист!

Я открываю глаза и вижу: стоит передо мной весь штаб во главе с начальником отряда генералом Левандовским. Я быстро встаю. Генерал помогает мне и говорит:

– Это было самое трудное место. Теперь будет легче. Пойдет спуск.

Я взяла повод из рук офицера и поблагодарила его. В это время к нам подошли Феничка и Софья Мефодиевна. Они едва одолели подъем. Феничка с истерическим смехом все повторяла:

– Вот наконец поднялись! Не свалились.

А Софья Мефодиевна потеряла одно стекло из пенсне. Вид у нее был смешной и совсем растерянный. Она беспомощно щурила близорукие глаза и взволнованно говорила:

– Вот и мы наконец благополучно взобрались!

Генерал был очень мил и внимателен ко всем.

– Садитесь, сестры, отдыхайте. Ваше имущество еще не скоро поднимут. Вьюки, может быть, придется на руках поднимать; лошади с грузом не берут этой голой скалы. Пробовали высекать ступеньки, но скала только звенела от ударов кирки, а ступенек так и не могли вырубить.

Пришла очередь подниматься и нашим лошадям! Первая же лошадь, тяжело нагруженная посудой, заскользила, стала пятиться, затем упала на передние ноги, перевернулась и покатилась в пропасть. Ремни ее вьюка лопнули и нагруженный на нее огромный котел, опережая лошадь и подпрыгивая на камнях, полетел как бомба. Из внутренности котла посыпались оловянные тарелки, ложки и другие мелочи нашего хозяйства. И все это понеслось с грохотом и звоном в пропасть и в поток. Лошадь тоже, кувыркаясь и обдирая бока о камни и деревья, катилась в пропасть и, взмахнув копытами, бултыхнулась вслед за своей поклажей в бурлящий поток. Все стояли и смотрели на трагедию бедного

животного, но никто ничем помочь ей не мог… Только сестра Феничка, плача, подсчитывала потери.

– В чем мы теперь будем варить суп? Как мы будем кормить раненых? Вся посуда погибла! Галеты, мешок с крупой, палатка для санитаров… Все, все погибло!

Вдруг крик. Сорвалась вторая лошадь и так же, кувыркаясь, катилась в поток, а за ней катились чемоданы, свертки с постелью. Мы смотрели в ужасе. Неужели и эта – наша лошадь? Софья Мефодиевна, бледная, пенсне свалилось с носа, в полном отчаянии.

– Мы не можем идти дальше! Все наше имущество погибло! Не с чем будет работать! – Кричит старшего санитара: – Тишкин! Тишкин! Где наши инструменты и перевязочные материалы?! У нас все погибло! Мы не можем идти дальше! Мы сейчас же должны вернуться обратно!..

Никто однако не обращает на нее никакого внимания, и подъем отряда продолжается своим чередом. Пришел снизу какой-то офицер и доложил начальнику отряда, что почти все уже поднялись. Внизу остались еще несколько вьючных лошадей, но их сейчас поднимут. Штаб сел на коней и пошел дальше. Вскоре поднялись к нам и наши казаки и сказали, что все благополучно и что можем и мы двигаться дальше. Мы сели на лошадей и после небольшого и легкого подъема вышли на высокое плоскогорье, где было много прохладнее. Перед нами открывался вид на громадное волнистое пространство. Река Заб казалась голубой лентой далеко внизу. За ней были горы, покрытые густым и, как потом мы узнали, дубовым лесом. Сначала мы ехали по совершенно открытой местности. Но скоро пошли дубовые рощи. Стало еще прохладнее. Солнце все так же ярко, но сюда, под

деревья, его лучи не проникали, и мы шли в густой тени. Часа через полтора начался очень пологий спуск, а вскоре мы вышли из леса. Вдали мы увидели мост, по которому наш отряд перешел реку Заб. Некоторые части отряда уже перешли его и, свернув с тропы, спускались к самой реке, где было ровное место, покрытое травой и небольшими кустами. Берег казался почти плоским; река в этом месте разлилась широко и текла тихо, спокойно.

– Не иначе как будем делать привал! – говорит казак, ехавший рядом со мной. – Кони шибко притомились. Да и люди тоже. Страсть, как все пить хотят. Место, видать, подходящее, вода, луг зеленый. Самое место для коней.

И он не ошибся в своих предположениях. У моста стоял казак и всех направлял на луг, к воде, где уже разбивали лагерь. Мы подъехали туда же, и нам указали место для нашего перевязочного пункта. Это было около самой воды и кустов.

Как только мы слезли с лошадей, сейчас же пошли к реке пить. Но не успели мы дойти до воды, как нас позвали и сказали, что сырую воду пить нельзя. Санитары стали ставить палатки, разводить костер и варить воду для чая. Хорошо! Пить эту воду нельзя, а мыться-то в ней можно?.. Мы пошли, сели на берег, сняли обувь и опустили ноги в воду. Ах, как хорошо после жары и пыли чувствовать прохладу и свежесть воды. Но вдруг из-за кустов, по течению, выплыла на нас страшная лошадиная голова… Мы в ужасе выскочили из воды! Но и голова последовала за нами и тоже полезла на берег… Мы перепугались и стали кричать! Прибежали казаки, солдаты. Из воды вышла израненная и ободранная лошадь. То был мул одного из адъютантов

генерала Левандовского, который сорвался на подъеме и свалился в реку. Несчастный мул едва стоял на ногах. Кожа на боках содрана до крови; одно ухо почти оторвано; одну переднюю ногу держал на весу. Седла на муле не было, как не было и чемоданов хозяина. Все обступили и осматривали бедное животное.

Становиться на ночлег было еще рано. Но после трудного перехода все страшно устали, а впереди неизвестно еще когда попадется подходящее место для лагеря. Поэтому приказано было на этой стоянке заночевать. Из штаба пришел молодой офицер Ваня Сапожников и сказал, чтобы мы не разворачивали много вьюков, так как завтра утром отряд выступит дальше рано и у нас не будет времени, чтобы уложиться и навьючить лошадей, и можем задержать весь отряд.

– Генерал просит вас всех ужинать в штаб, – добавил он. – Ужин в штабе уже варится, – сказал он на наш отказ идти по его приглашению. – А у вас ведь нет еще ничего, и если ваши санитары начнут готовить сейчас, то вы будете есть ваш ужин ночью. Ведь завтра вас чуть свет разбудят сигналом, и все должны быть готовы к выступлению, – резонно говорит он.

– Хорошо, мы придем, – сказала Софья Мефодиевна.

Но Феничка зафыркала и захихикала истерически:

– Нет! Я ни за что не пойду туда! Там всё важные офицеры да генералы, а я – замарашка, грязная.

– Да что вы, сестра! Разве в гости вас приглашают? Просто по-походному генерал заботится, чтобы все были сыты и здоровы.

Но упрямую хохлушку-казачку трудно было убедить резоном… Она так и не пошла ужинать с нами. Мы пошли вдвоем с Софьей Мефодиевной. При штабе были повара и служители, и все у них было приспособлено: посуда и люди. На ужин подали вареного барашка, хлеб и чай. Вот и все. Хотя было еще не поздно, но мы с Софьей Мефодиевной едва сидели. Глаза слипались. А все остальные, во главе с генералом, разговаривали и обсуждали события сегодняшнего дня. Все много смеялись над адъютантом Вачнадзе, мул которого упал в реку, но в конце концов спасся и нашел своего хозяина, неразлучного друга в походе. После короткого ужина мы сразу ушли и стали устраивать свои постели. Санитары разбили для нас маленькую палатку, нарубили веток и настлали их толстым слоем. Поверх их мы положили одеяла и сразу все трое улеглись.

– Знаете, несмотря на тяжелую обстановку похода, я чувствую себя гораздо крепче за эту неделю, чем в лазарете, где у нас было, конечно, больше удобств и комфорта! – сказала Софья Мефодиевна. – Там я все время чувствовала слабость и никак не могла окрепнуть как следует. И есть никогда не хотелось… А здесь, видели, как все ели этого вареного барашка?! Чуть ли не с шерстью и костями!.. И я могла бы съесть и больше! Да совестно как-то стало… А вы, Феничка, что ели?

– Мы с санитарами сварили чай…

Утром проснулись от беспокойного и приятного звука рожка.

– Вставайте! Вставать! – Тишкин хлопает каким-то прутом по палатке и говорит: – Все уже повставали! Уже вьючат лошадей.

Мы быстро вскочили, оделись и вышли из палатки. Солнца еще нет, но уже светло. Хорошо бы выпить чаю или кофе! Но варить его нет времени. Санитары быстро сняли нашу палатку и заворачивают в нее подушки и одеяла. Вдруг крик:

– Змея! – под ветками и одеялами, на которых мы спали, мирно свернувшись в кольцо, лежала змея! Ей, видно, спалось неплохо в нашем тепле.

Быстрыми шагами шел к нам доктор Жуковский и нес стакан горячего кофе.

– Тина Дмитриевна, выпейте! Больше нет, только для вас принес, – говорит он, протягивая стакан, и сразу уходит. – Не опаздывайте! Отряд сейчас выступает, – бросает он на ходу.

Мы садимся на лошадей и смотрим, как вытягивается впереди пестрой лентой наш отряд. Скоро тронемся и мы. Все уже готово, и все на местах. Когда очередь дошла до нас, мы тоже втянулись в общую линию и выбрались на тропу, которая шла вдоль высокого дубового леса, все время поднимаясь выше и выше. Вид отсюда на только что оставленную нами стоянку был великолепен!.. Луг, на котором был разбит лагерь, издали казался особенно ярко-зеленым, а река – широкой и гладкой, как зеркало под лучами только что вышедшего из-за гор солнца… Утро было прекрасно! А если еще прибавить, что все мы были молоды, здоровы и сильны и самая мысль о войне, борьбе и убийстве казалась нелепостью и просто не занимала никого из нас… все вокруг говорило только о жизни и красоте ее…

Весь день мы то поднимались на страшные кручи в буквальном смысле на хвостах лошадей, то сползали с них по

едва заметным карнизам отвесных скал над пропастями. Но все же большую часть дня мы шли пешком, ведя в поводу лошадей. Часто до нас доходила команда: «Стой!» – останавливаемся и садимся куда попало. А через минуту слышим опять: «Двигайтесь!» Тропа настолько узка, что негде было сделать привала для еды! Так весь день и шли. У кого был с собой хлеб, тот едет и жует помаленьку. Делится и с другими, а у кого ничего нет пожевать – курят…

Снова раздается: «Стой…» Я слезла с лошади и села на горячий камень. Рядом со мной сел казак. Он ехал позади меня. За ним шли Феничка и женщина-врач, а дальше обоз Красного Креста и санитары. Казак дельно, хозяйственно вытащил из-за голенища сапога сухую корку черного хлеба, отломил кусок и не спеша стал жевать.

– Хочите, сестра, корочку?! Нате, пожуйте маленько. До вечера-то еще далеко, а раньше вечера никак остановки не будет, – он отломил кусок корки и протянул его мне. Я не хотела этой корки, которая весь день была у него за голенищем сапога! Но, если я скажу ему, это может его обидеть. Выручила меня сестра Феничка. Она шла к нам, пробираясь среди лошадей и помахивая узелком.

– Тина Дмитриевна, ведь вы голодны? Вот я принесла вам галеты и несколько кусочков сахару. С галетами это выходит очень вкусно! – говоря это, она уселась рядом со мной, развязала узелок и протянула мне свое угощение. В узелке оказались только крошки, похожие на ржаные отруби… Сахар мы отдали казаку, для которого он с хлебом – большое лакомство. Крошки выбросили….

Солнце опустилось уже совсем низко, а мы всё идем и идем… Нигде нет сколько-нибудь подходящего места для

ночлега. Наконец тропа стала шире, не так крута, и мы смогли ровнее сесть в седле…

– Сестра, хочите пожевать корочку хлеба? – опять предлагает казак. – У меня еще есть немного.

Я с раннего утра ничего не ела, и теперь под ложечкой жжет, а во рту горечь.

– Дай, пожалуйста, если есть лишний кусок!..

Казак вытащил из-за голенища корку хлеба, разломил ее пополам – одну половину дал мне, а другую стал есть сам. Тропа расширилась, и мы с ним могли ехать рядом.

– У меня за голенищем чисто! Я там завсегда вожу ложку и хлеб. Ешьте – не брезгуйте!..

Как-то сразу вдруг наступила ночь. Несколько минут тому назад был еще день и светило солнце. А только вот зашло оно за гору, сразу наступила почти полная темнота… Совсем не бывает здесь зорь, как у нас в России! А мы всё идем и идем… Теперь уже не слезаем с лошадей и не видим, куда они идут. Только слышим цоканье подков по голому камню тропы… Даже не пугаемся, когда она скользит. Может быть, прямо в пропасть!.. Наступила какая-то жуткая тишина. Я не вижу даже моего казака, и мне кажется, что я одна на этой тропе. Мне страшно!..

– Феничка! Где вы? – кричу я.

– Здесь! – чуть слышно пищит она где-то позади меня…

Ветка задела меня по лицу. Я всматриваюсь… Кругом деревья и много лошадей. Справа и слева силуэты людей. Но тишина продолжается. Вдруг, точно удар хлыста, разрезал воздух выстрел! Еще и еще… Мы остановились. Кто-то говорит:

– На той стороне ущелья турки! Должно быть, заметили нас и подняли со страху стрельбу.

– Красный Крест и лошадей отвести в безопасное место! – раздается чье-то приказание. – Дежурный, выслать на выстрелы разведчиков! Занять переправу! Не стрелять без приказания…

Какая-то невидимая рука ведет мою лошадь. Мы спустились куда-то с тропы, и под ногами у лошади захлюпала вода. Стало прохладно… Где-то под деревом, куда мы спустились, была такая темнота, что я не видела даже головы моей лошади. Кругом слышалось движение людей и лошадей, но разобрать что-нибудь было нельзя… Все это вызывало тревогу перед невидимой опасностью, но даже и она забывалась под влиянием громадной усталости большого и трудного перехода…

– Ваше превосходительство, недалеко отсюда есть подходящее место для ночлега, – докладывает кто-то генералу.

– Хорошо! Ведите туда Красный Крест и всех вьючных лошадей, – отдается приказание.

Я ничего не вижу, но чувствую, что кто-то взял мою лошадь за повод и повел. Мы стали подниматься. Лошадь моя спотыкалась. По лицу больно били ветки…

– Кто идет?! – вдруг резко разнеслось по ущелью. Слышно, как со всех сторон застучали затворы винтовок…

– Свои, свои! – Остановились. Мимо нас в темноте, шурша по камням, прошли солдаты и казаки, ведя лошадей в поводу.

– Эй, земляки! Дайте проводника, мы идем в селение, а дорогу не видно, – говорит кто-то из наших конвойных.

– Да на что вам провожатых, селение туточка вот совсем близко, – говорят солдаты и идут дальше.

Опять стали подниматься, но скоро снова остановились.

– Слезай! – кричит кто-то…

– Должно, приехали на ночлег, – говорит казак, ехавший рядом со мной.

– Сходи, узнай, где наше место ночлега, – сказала женщина-врач. Казак слез и ушел в темноту вместе с лошадью… Наступила полная тишина. И опять совершенно неожиданно вынырнул около нас казак и сказал: – Слезайте!..

– Ну, где же наше место для ночлега? – спросила женщина-врач.

– Да вот тут, где стоим, тут и спать будем. Никаких хором для нас не настроено, – засмеялся казак…

Мы слезли с лошадей. Санитары стали развязывать вьюки и ставить наши походные кровати, где было по-ровнее… И через несколько минут мы уже смогли лечь, не раздеваясь, на их голую парусину. Лошадь мою казак куда-то увел. Я укрылась пледом, но сон не шел ко мне. Так безумно хотелось спать, когда я сидела на лошади, а вот теперь лежу, а сна нет! Доктор Жуковский был прав, говоря, что обстановка похода будет тяжелая… В ней поневоле все забудешь! Не только личное горе, но и весь мир, кажется, ушел куда-то в бесконечную даль… Остались кругом только горы да жара дня, холод ночи, усталость до боли и голод до тошноты… А еды нет! Она идет тут же с нами, но никто не

знает, когда удастся получить ее. Так мы и улеглись и рады были, что могли вытянуть наболевшее за день в седле тело.

Вдруг я увидела: недалеко впереди вспыхнул огонь костра и стал весело разгораться… Видно было, как вокруг костра мелькали черные тени. Потом разгорелся другой костер… До нас доносился говор, смех и стук посуды…

Феничка наклонилась ко мне и шепчет:

– Вот! Поехали с женщиной-врачом и лежим теперь забытые и голодные. А был бы у нас мужчина-врач, так и у нас бы горел костер и была бы еда и для нас… А наша-то вот лежит и не думает о людях, которые целый день ничего не ели…

– Она, Феничка, тоже ведь устала…

– Устала, устала!.. Ну, и сидела бы в лазарете! Так нет же! Сама ведь захотела ехать…

Вдруг совсем близко от нас кто-то остановился и крикнул:

– Где тут перевязочный пункт?

– Здесь, – сказала Софья Мефодиевна. – Что нужно?..

«Господи, неужели раненый!» – подумала я. Сейчас нужно распаковываться, доставать перевязочный материал, инструменты, перевязывать!.. И это когда не хочется даже думать от усталости! Феничка еще больше нагибается ко мне и почти шепотом говорит:

– Раненый или раненые?!

Но пришелец подошел к нам ближе и сказал:

– Генерал Левандовский просят доктора и сестер ужинать. Да где вы тут? Я никого не вижу… Да вы, никак,

легли уже спать?! Идемте, идемте! Вас там ждут! – повторил неизвестный посланец.

Софья Мефодиевна и Феничка ушли. Я не пошла. У костра могли заметить, что я плакала. Феничка прислала мне кружку чая и хлеб…

Проснувшись утром, мы с удивлением увидели, что наш санитарный отряд был единственным, спавшим под открытым небом.

Феничка сразу запищала:

– Вот! Смотрите, что значит мужчины! Все спали в палатках, кроме нас!..

Однако плакать по этому поводу было уже поздно… Да и не стоило – выспались мы отлично. Поэтому мы просто встали и пошли к источнику умываться. Источник бежал из скалы, вода была холодная, как лед. Пониже источника солдаты сделали запруду и мыли свое белье. Санитары уже развели костер и грели воду для кофе. Утро было прекрасное. Солнце только что вышло из-за гор и осветило наш табор: три парусиновые койки, раскрытые чемоданы, разбросанные вещи, сваленные тюки, мешки, ящики. Невдалеке спали санитары. Тут же стояли и наши лошади. Вид лагеря был похож на лагерь контрабандистов.

Пришел доктор Жуковский и сказал, что мы должны здесь развернуться, ждать прибытия раненых и кормить проходящих одиночных солдат. Он указал нам место для пункта под большим деревом, недалеко от воды. С непривычки мы устраивались целый день, точно собирались оставаться здесь год. Около штабных палаток было большое оживление. Выше нас, на горе, под низкими палатками-шалашами, стояла полевая телефонная станция, откуда

все время неслось: «Урмия, Урмия, Урмия!.. Верхнеудинск, Верхнеудинск, Верхнеудинск!.. Говорит штаб отряда, говорит штаб отряда!..» – и так весь день и всю ночь. Все время носились взад и вперед посыльные – пешие и конные... Начальником связи был наш знакомый Ваня Сапожников. Когда он освобождался на время, то приходил к нам отдохнуть от телефонной трескотни и попить чаю.

На другой день утром войска и штаб отряда ушли дальше. На месте остались мы, телефонисты да немного казаков для охраны. Но и мы тут простояли недолго. Нам дали живой инвентарь – барашков. Санитары резали их по мере надобности. С обеих сторон мы получали телефонограммы. С позиции сообщали, что столько-то идет к нам носилок с ранеными. А из тыла заказывали приготовить еду для команд солдат и казаков, шедших к отряду. Это были по большей части отставшие от своих частей или транспорты, подвозившие продукты и патроны. Среди них были, конечно, и больные. Их мы держали два, три дня. Подлечим, подкормим и они, отдохнув, идут с новыми силами дальше.

Как-то под вечер мы пошли пройтись... Поднялись на ту горку, где стояли телефонные палатки, и услышали, точно целая рота разговаривает!.. «Штаб отряда!.. Штаб отряда!.. Я слушаю! Я слушаю!..» Мы подошли и увидели, что Ваня Сапожников лежит на животе в палатке головой наружу, держит в руке телефонную трубку и, не переставая, говорит: «Я слушаю! Я слушаю!..» Внутри палатки несколько солдат сидели на корточках и все говорили по телефону что-то совсем непонятное для нас. Ваня нас заметил, улыбнулся одними глазами и показал свободной рукой, чтобы мы не

уходили. Но сколько мы ни стояли, разговор не прекращался ни на минуту. Мы показали ему знаками, чтобы он приходил к нам, когда будет свободнее, и ушли к себе. Была уже ночь. Мы давно уже легли спать. Вдруг слышим:

– Я пришел ужинать, сестры! Куда вы запропастились?! – Это был Ваня Сапожников. – Воспользовался «первым свободным временем», по вашему приглашению…

Пришлось встать и выйти из палатки.

– Какой же теперь ужин?! Давно все спать легли!

– А я только что освободился и голоден, как волк!

Мы накормили его как могли. Когда он поел, предложил нам пойти поговорить со знакомыми по телефону:

– Хотите, пойдем разговаривать с Митей Трухиным? Теперь самое время! Турки спят, и телефоны свободные, – предложил Ваня.

– Так ведь и Митя спит тоже! Устал ведь не меньше вас.

– Ничего! Телефонная трубка у него, наверное, и во сне около уха. У нас здесь спокойнее, а на позиции нельзя ведь отойти от телефона ни на одну минуту. Мне сказали сегодня, что его скоро переведут в ставку штаба заведывать связью, а меня пошлют на его место.

Через неделю к нам на пункт приехали студенты и сестры милосердия из тыла и сменили нас. Наша же летучка пошла вперед за отрядом. Весь день идем по такой же тропе, как и раньше. Нас сопровождает казачий конвой. Жара страшная. Лошади устали. Мокрые от пота, они едва помахивают хвостами, отбиваясь от мух и оводов… Пройдя немало верст, остановились, слезли и присели на край тропы, держа лошадей в поводу.

– А вы дорогу знаете? – спросила женщина-врач у казаков.

– Нет, никогда здесь не ходили… Да не заблудимся, не бойтесь!.. Все равно свернуть-то ведь некуда! Одна ведь тропа… Беспременно приведет к нашим. Мимо ставки никак не пройдем. Казаки остановят! Всюду посты и маяки из казаков штаб оставляет… Наши войска дошли до самого Ефрата-реки, сказывали раненые, которых в тыл везут. Наши-то войска по эту сторону на высоком берегу, а турки – на низком. Нашим-то сверху легче охранять берег. Сиди да постреливай, который ежели турок сунется на нашу сторону. Забайкальцы со своей позиции рыбу глушат ручными бомбами. Бросит сверху бомбу в реку и ждет… Как она в воде разорвется, рыба сейчас же всплывает кверху брюхом. Поближе к берегу, внизу в кустах, другие казаки караулят. Как только увидят, что рыба всплыла, палками ее и выгребают на берег… А чаще просто лезут в реку и ловят прямо руками. Сказывают, страсть, сколько ее там!..

– А турки разве не стреляют по ним?..

– Иной раз стреляют… Да не всегда! Им ведь тоже любопытно посмотреть…

– Уже вечер, а никакого признака лагеря еще не видно. Где же мы сегодня ночевать-то будем? – спрашиваем мы казаков.

– А в селении…

Перед закатом солнца мы увидели вдали группу ехавших нам навстречу казаков.

– Это вы будете перевязочный пункт? – останавливаясь, спросили они нас.

– Мы! Мы! Где тут селение? Мы устали и хотим место для ночлега!

– Да вот тут, совсем недалеко уже… Нас послали встречать вас. Мы стоим на охране дороги.

– Вы нас проводите до селения?

– Нет. Туточка недалеко – всего версты полторы будет. Там вас другие казаки встретят. А мы идем дальше…

Долги же казачьи версты! Идем, идем, а селения все нет!.. Наконец ущелье расширилось, и мы увидели внизу целый город из палаток. Из-за поворота тропы выехали новые казаки и повели нас к нашему месту для бивака. Мы свернули на новую тропу, по ней обогнули весь лагерь и остановились в роще из больших деревьев с разрушенными сараями среди них. Это было наше место для перевязочного пункта. Было уже почти совершенно темно. Мы стали помогать санитарам развязывать тюки и ставить наши походные кровати. Опять будем спать под открытым небом!

– Тишкин! Разводи костер! Грей воду для чая, – командовала Софья Мефодиевна.

У нас было кое-что из съестного, и мы решили не готовить горячего ужина, а лучше скорее лечь спать. Только мы стали устраиваться и разбираться в своих вещах, как пришел доктор Жуковский и сказал, что нас ждут в штабной столовой ужинать. Долго отказываться не приходится, когда хочется есть; мы согласились и через неколько минут сидели уже в «столовой». Она была на лугу, под тысячелетним дубом. Небольшой квадрат этого луга служил столовой. По четырем сторонам его была вырыта канава – место для ног сидевших вокруг стола. На столе – свечи в стеклянных колпаках; с нижней ветки дерева, над столом, свешивался

фонарь с лампой-молнией… Было удобно, светло, красиво! А мы были так голодны, что старались не замечать злобных комаров, которые кусали нас с остервенением… Нас встретили очень приветливо. Расспрашивали, почему мы запоздали.

– Мы вас ждали раньше, – сказал генерал Левандовский.

– Что-нибудь случилось?

На ужин был опять вареный барашек… Но мы старались не замечать и этого.

– Устраивайтесь здесь надолго! Мы будем стоять тут до тех пор, пока наши войска не возьмут Мосул, – сказал генерал.

Я чувствовала себя несчастной. Я так устаю на походе, что, как только солнце скрывается за горами, я совершенно становлюсь неспособна бороться со сном. Вот и теперь! Все за столом болтают, шутят, смеются, а я чуть не засыпаю.

На другой день мы встали чуть свет и стали устраивать наш перевязочный пункт. Палатку для раненых и больных поставили под ореховым деревом. Под другим деревом поставили палатки для нас, а между палатками – стол, которым будем пользоваться для обедов и ужинов и мы, и больные. В нашей палатке стояли три койки и помещался склад продуктов и медикаментов. Всем этим заведывала сестра Феничка. Мясо нам дали в живом виде и, конечно, барашков.

Доктор Жуковский, видимо, не очень-то доверял женщине-врачу. Сегодня он пришел к нам и сказал, чтобы мы обращались к нему без стеснения, если что-нибудь нам не совсем понятно.

– Вы ведь люди штатские и многого не знаете, а у войны существуют свои законы и порядки…

Раненых всегда привозят к вечеру. К этому времени мы варим много супа, чтобы, прежде всего, накормить их. Палатка рассчитана на двадцать пять человек, но на всех часто не хватает. Тогда легко раненных мы кладем на землю, в тени дерева. Как-то рано утром принесли нам записку, что сегодня прибудет партия раненых, среди которых есть один офицер. Мы сейчас же потребовали транспорт и всех уже бывших у нас раненых отправили в тыл, чтобы освободить места для вновь прибывающих. К десяти часам утра мы смогли уже погрузить их, и транспорт ушел в тыл.

Феничка, озабоченная, все время бегает в «кухню» смотреть, как варится суп и каша. Кухня эта была под открытым небом: в косогоре был врыт котел, который нам дали в штабе, и в нем и варился суп для раненых, больных и команды. Мы, три женщины, обедали в штабе со всеми офицерами. Их каждый день было за столом человек двадцать пять или тридцать. Обед в штабной столовой мало чем отличался от обеда для раненых и команды. Та же баранина, только вместо каши – «каклеты» из баранины. По заведенному еще до нашего прихода порядку в отряде нас пригласили обедать в штаб на все время похода, как и каждого офицера, который попадал в штаб отряда.

Целый день мы строили догадки – не ранен ли кто-нибудь из знакомых офицеров? После обеда пришел транспорт, и мы увидели на одной из носилок Митю Трухина. Мы подошли и хотели помочь ему добраться до палатки, но он бодро сам слез с носилок, пошел в палатку и лег на указанные ему носилки. Голова у него была вся

забинтована. Открытым оставался один только глаз, да и тот был опухший. Мы чуть не плакали, видя бедного мальчика в таком состоянии, и старались наперебой друг перед другом помочь ему.

– Митя! Вот негодяи! Как они вас подстрелили?.. Куда вы ранены?

– Ранен я в голову выше глаза. Я уже два дня как ранен, но меня нельзя было везти – очень сильная была головная боль. Сегодня, впрочем, уже гораздо лучше…

– Лежите у нас подольше. Мы будем смотреть за вами хорошо, – сказала Феничка, но тут вошла Софья Мефодиевна:

– Довольно разговаривать! Вы утомляете раненого!..

Наше внимание отвлекли другие раненые: еще один тяжело ранен в грудь. Его привели под руки и посадили около столба. Он не мог лежать. У него было прострелено легкое. Нужно его скорее отправить в тыл. Такой раненый не может получить у нас существенной помощи и будет тяготить и беспокоить всех находящихся в общей палате с ним. Это свистящее дыхание всегда вызывает жуткое чувство. Он с трудом вбирает в легкие воздух и с шумом и свистом выдыхает его. Раненый полусидит с открытым ртом, в глазах ужас, лицо серое, вены надулись, голос хриплый, едва выговаривает слова. Но носилки еще не вернулись, и мы не можем пока отправить раненых в тыл. Из штаба приходят навещать Митю. Он чувствует себя хорошо и с удовольствием мечтает о Тифлисе…

– По крайней мере, побываю в большом городе, выпью хорошего вина, послушаю шансонеток! Ради этого иногда

стоит даже пробить череп! – говорит он. – С первым же транспортом посылайте меня!

Как только вернулся транспорт, мы стали грузить раненых. И особенно наказывали санитарам смотреть в дороге за нашими тяжелоранеными. Когда эти носилки вернулись к нам порожними, сопровождающий их санитар рассказал, как этот наш тяжелораненый выпал из носилок.

– На повороте носилки застряли между камней… Вдруг как хряснет наша носилка! Я не успел подбежать, а он уже лежит на земле! Ну, думаю, кончили человека!.. А сестры-то просили смотреть и беречь его! Вот тебе и уберег!.. Ну, подняли. Положили в тень. Отошел – слышим, свистит, глаза открыл… Жив!! Я шибко обрадовался. Связали носилки. Положили его на них и доставили на «питательный». Ну, там уж хорошо, сестры смотрят… Вот дорогу там вы прямо не узнаете, какую строят! Широкая!.. И сколько сот нагнали персюков!.. Работают шибко… Рвут скалы, по которым мы шли сюда, засыпают рвы… Скоро, сказывали, колесный транспорт станет ходить сюда. Провиант свежий доставлять будут. Не то, что теперь! Пока привезут хлеб, а он весь уже заплесневел…

– Ну, а как вы хорунжего Трухина, благополучно доставили? – перебивая объяснения санитара, с тревогой спросила я.

– Хорошо! Не беспокойтесь! Он сам слез с носилок и шел пешком в трудных местах. Санитар только маленько поддерживал под руку…

Как-то пришел из штаба адъютант и сказал, что генерал просит сестер или доктора посидеть с пленными курдами, среди которых есть одна почтенная курдская княгиня. Мы с

доктором Софьей Мефодиевной пошли. Перед палаткой начальника штаба на разостланном большом ковре сидела в кружок группа курдов. Поджав под себя ноги, в живописных одеждах и все пожилые (так мне казалось, но на самом деле были среди них и молодые), они образовали живописную группу. Во главе ее сидела ханум и выделялась, как черная ворона. Она вся распушилась и занимала чуть ли не четверть ковра. Свою черную шелковую чадру она откинула и сидела с открытым лицом. Под чадрой было черное шелковое платье, широкое и ничем не схваченное, падавшее пышными складками. На ногах – башмаки с низкими каблуками, в руках – красный ситцевый платок, которым она вытирала пот, катившийся с ее лба крупными каплями…

Мы сели поближе к ней и слушали, но не понимая ни слова по-курдски, молчали. Старая ханум говорила что-то своим ханам твердо и властно… Видно было, что она привыкла командовать и повелевать и что ханы привыкли повиноваться. К счастью, заседание скоро кончилось. Мы встали и хотели уже идти домой, но генерал нас просил взять ханум к себе на пункт, угостить кофеем и быть с ней очень любезными и внимательными:

– Пожалуйста, уделите ей внимания, сколько только вы сможете! Эта курдская аристократка очень влиятельная и может быть весьма полезной для нас при продвижении наших войск вглубь страны, нам совершенно неизвестной. Нам необходимо установить самые дружеские отношения с местным населением, и она нам может очень помочь в этом своим авторитетом… Мы ее отпустим домой с почетом. А всех ханов задержим.

Переводчик сказал старой ханум, что мы ее просим пойти с нами в Красный Крест пить кофе. Старуха недоверчиво посмотрела на нас, потом на своих однопле-менников, и с гордым видом пошла с нами. Мы повели ее на пункт, показали ей наши палатки и, как могли, пригласили ее отдохнуть. Я показала ей на мою койку, но она сверкнула на нас своими гордыми глазами, скинула чадру, поправила волосы (они у нее были заплетены в четыре косы), опять надела чадру и вышла из палатки. Только очень наблюда-тельный человек мог бы заметить, что она волнуется. Несмотря на свой большой рост и тучность, ханум делала быстрые движения. Ее черные глаза метали искры во все стороны.

От поданного кофе она отказалась; села на скамью и все время косила, как лошадь, глаза туда, где был штаб отряда. Наконец оттуда показались и шли к нам сам генерал с переводчиком и с ним двое из штабных офицеров. Переводчиком в штабе был айсор Ага Петрос. Он был влиятельным человеком среди айсорского населения. К концу войны за ним очень стали ухаживать англичане, старавшиеся купить его чинами и орденами. Но он до конца оставался очень дружествен нам и оказывал очень полезные услуги нашим войскам. Генерал Левандовский стал объяснять ханум через переводчика, как мы, женщины, работаем в отряде и как мы нужны всем – и раненым, и больным, и даже здоровым.

– Вот эти три женщины кормят раненых, перевязывают их раны, ухаживают за больными и рады быть полезными и для вас, ханум. – Переводчик ей все перевел, она взметнула большими черными глазами на нас, но ничего не сказала. Генерал еще раз предложил ей кофе, поблагодарил ее за

посещение отряда и сказал, что если мы можем быть ей полезными, то он всегда будет рад оказать ей услугу. Она встала, поблагодарила нас и сказала, чтобы мы приезжали к ней в гости, и ушла. Ушли и все штабные.

Получила письмо от Нины. Пишет, что она перебралась с детьми в мою квартиру… «Я знаю, что тебе будет тяжело вернуться одной в квартиру, где ты жила с Иваном Семеновичем. Я стараюсь изменить все, чтобы ничего не напоминало тебе о твоей драме…» Странно!.. Я ведь совершенно не просила ее об этом!.. «Яша женился на Мане. Свадьба была очень шикарная. Мы с Маней танцевали танго…» Ничего на них не действует! Муж в плену! Брат только что погиб! А они танцуют танго!..

Другое письмо получила от Гайдамакина: «Барыня, Тина Дмитриевна! С горячими слезами пишу вам это письмо!.. Плачу по барину и за свою судьбу тоже… Меня посылали в полк на Западный фронт в мою роту, а здесь уже никого нет из старых солдат… И даже моего ротного убили!.. Все чужие мне здесь!.. Что буду делать, как буду жить, не знаю… Так же всё думаю и о вас!.. Вы тоже теперь живете среди чужих людей… До свидания! Напишите мне, как Вам тяжело жить! Ваш денщик Гайдамакин».

Написала Нине письмо: «Меня очень удивило, что ты бросила свою квартиру и перебралась в мою, не предупредив и не спросив меня об этом. Впрочем, все равно!.. Располагайся, как тебе удобно… Только не трогай мою спальню… Оставь в ней все как было… Спасибо тебе, что ты понимаешь мое душевное состояние…»

Вот уже восемь недель, как мы стоим здесь – в этой курдской деревне. Много сотен раненых и больных прошло через наш пункт. Мы, все три, здоровы и, как мне кажется, сильно окрепли физически и душевно. В свободное время я исходила все ближайшие горы. Но все же чувствую, что устала и хочу домой… Только как сказать об этом? Софья Мефодиевна сразу обидится, а Феничка, если я уеду, ни за что без меня не останется. Мы так сжились вместе, что и мне будет тяжело расставаться… Все здесь так сердечно ко мне относятся!.. Жизнь наша как-то наладилась и идет своим порядком – для такого тяжелого времени даже совсем неплохо… Работы сейчас стало много меньше, и я думаю, что с нею и без меня отлично справятся…

За целое лето не выпало ни одной капли дождя… Все деревья стоят голые. Листья давно пожелтели и опали. Мы все очень загорели и черны, как арабы… Пришел с позиции транспорт. Привез несколько человек больных и раненых. Было уже поздно, и мы не стали тревожить перевязками, а только всех накормили. А они были рады, что попали в тихое и спокойное место, и скоро все заснули. На следующее утро мы стали их всех опрашивать и записывать: кто чем болен; кто, когда и где ранен и куда ранен. Один оказался раненым в «палец» правой руки. Палец висел только на кусочке кожи, черный, ладонь распухла…

– Как это тебя так ранили, только в один палец попали? – спрашиваю я. Но тут вошла женщина-врач и сразу приняла горячее участие в этом пальце.

– Ах, как почернел палец и ладонь! А у тебя нет температуры? – щупая пульс и лоб у солдата, спрашивает она. – Это очень опасно!.. Может начаться заражение, а там гангрена и

смерть. Нужно немедленно отнять палец! Сестра Семина, приготовьте инструменты! – вдруг приказала она мне официальным тоном.

Я зажгла примус, поставила на него ванночку с инструментами, которые мы ни одного раза еще не употребляли со времени выезда из Урмии. И вот инструменты готовы. Раненый сидит на стуле против открытой полы палатки, чтобы светлее было делать операцию. Софья Мефодиевна, серьезная и озабоченная, все время поправляет на носу у себя пенсне.

– Нужно отгородить простынями операционную от больных, чтобы они не видели операции. Позовите санитаров, чтобы они держали простыни, – распорядилась она.

Наконец все готово! Но когда мы уже приготовились окончательно к операции, вдруг пришел доктор Жуковский. Как и всегда, он очень приветливо поздоровался со всеми и сразу же обратил внимание на наши серьезные лица и на приготовленные хирургические инструменты. Посмотрел и предмет операции, молодого парня, сидевшего с видом полного равнодушия, точно и не ему собираются отрезать палец.

– Что вы собираетесь делать? – спросил доктор Жуковский. Он осмотрел руку парня.

– Хочу ампутировать у него палец. Боюсь заражения, – сказала женщина-врач.

Доктор Жуковский еще раз осмотрел рану.

– Нельзя сейчас делать это! Да у вас ведь и подходящих инструментов нет! Отошлите его в Урмию, там в госпитале и сделают операцию!..

Но наша женщина-врач не хотела упустить случая проявить свои знания как хирурга и хотела во что бы то ни стало сделать операцию. Война всех делает смелыми и решительными… А солдат все равно ничего не может сказать, что бы у него ни отрезали! Должен молчать! Вот и все! И из-за этого солдатского пальца поднялся целый спор между двумя врачами… Доктор Жуковский, как мне показалось, хотел удержать от этой операции нашу женщину-врача. А та впала в амбицию и ни за что не хотела уступить своего права на солдатский палец… Солдаты кругом стали прислушиваться, в особенности те, которые лежали близко к перевязочному столу. Санитары, державшие простыню, переминались с ноги на ногу, не зная, что им делать…

Жуковский первый спохватился и сказал:

– Идемте отсюда. Я вам объясню, в чем дело…

Они вышли. Санитары свернули простыню и тоже вышли. Мы остались с Феничкой, которая фыркала, посмеиваясь, и говорила:

– Никогда больше я никуда с женщиной-врачом не поеду! Один позор и бестолочь!

А врачи наши в стороне продолжали спорить. Софья Мефодиевна говорила, что она хочет отрезать палец исключительно для спасения человеческой жизни. Доктор Жуковский уверял ее, что палец нисколько не угрожает жизни своего владельца… Я стою перед раненым солдатом, который слушает спор по поводу его искалеченного пальца с равнодушным видом.

– А ты хочешь, чтобы тебе отрезали палец? – спрашиваю я его.

– Да што! Мне все равно! Только ребята говорили, что без пальца-то отпустят «вчистую» домой – на фронт больше не пошлют…

– Вот чего захотел! – говорит старый солдат, койка которого стоит близко от перевязочного стола. – Так-то бы все поотстреливали себе по пальцу и пошли бы по домам, к женкам! А кто воевать-то за тебя станет?! Да и женка-то такого «ероя» выгонит ведь из хаты метлой!..

– Ну так, сестра, скажите им: я не хочу отрезать пальца!.. Раз все равно не пустят домой «вчистую»! А палец только привяжите, – он живо прирастет!..

В это время в палату вошли оба доктора. Софья Мефодиевна, не глядя на раненого, прошла дальше в палату, а доктор Жуковский подошел к злополучному солдату, осмотрел внимательно палец, перевязал его и спросил:

– Почему ты хотел отстрелить себе палец? Кто тебя научил этому?..

Простодушный парень, не подозревая, что топит себя, так и ляпнул начистоту:

– Да ведь многие солдаты так делают! Их и отпускают домой вчистую! Ну и я тоже отстрелил свой, чтобы домой попасть!..

– А ты знаешь, что тебе за это грозит?

– Никак нет! – Солдат был молодой и неискушенный… Так и говорил, что бог на душу положит…

– Расстрелять тебя ведь могут!.. Глупый ты! Вот повезут тебя в Урмию, и там тебя будет судить военно-полевой суд! И тебя могут расстрелять за это!

– Расстрелять?! – у солдата расширились глаза. Он побледнел и как-то весь осунулся и поблек… Только теперь, видно, дошли до его сознания серьезность его преступления и ужас перед возможным наказанием.

Доктор Жуковский ушел из госпиталя, а к раненому солдату приставили часового с ружьем, как к арестованному преступнику… Бедный весь день ничего не ел и ни с кем не разговаривал.

Вечером пришел из штаба генерал. Солдата вывели из палатки, и генерал сам допрашивал его. Я видела издали, как он отвечал на вопросы, едва шевеля побелевшими губами. Несчастный солдат! Все кончено для него! Не только нет никакой надежды уйти «вчистую», но даже и побывать дома! Смерть! Расстрел! Ему не уйти от них!.. А он уже написал матери, что скоро приедет домой… Мечтал уже, как будет есть горячие лепешки, которые мать напечет ему утром на завтрак… А после еды погнал бы лошадей на речку поить… Потом пустил бы их пастись, а сам лежал бы на траве… Вон, никак, девки пришли купаться? Солнышко-то шибко греет… Повернулся. Лег на брюхо… Смотрит на стадо гусей… Тоже знакомые – тетки Степаниды гуси. Все серые, как один… Он их знает… А вон спускаются к речке свиньи… Сразу полегли на мелкое место брюхом, замутив воду… Это непременно свиньи Трошиных… А девки-то визжат в воде, брызжутся… Вон среди них та, которая больше всех люба ему!.. Раз пустили «вчистую» и на войну больше не пошлют – можно и свадьбу справить!.. Со страдой управимся, хлеб продадим, тогда осенью и поженят нас… А тут в глаза смерть смотрит. Сам генерал допрос ведет… Завтра в Урмию, суд и расстрел…

Генерал Левандовский после допроса подошел к нам и сказал:

– Несчастный, глупый!.. Какие-то негодяи научили его, что если он отстрелит палец, то его пустят домой «вчистую». А вместо этого ему грозит расстрел. Мне его ужасно жаль, но ему ничем нельзя помочь! Суд неизбежен, и приговор возможен только один – расстрел…

На другой день его отправили в Урмию. Когда палец ему подлечили, был суд. И его приговорили к расстрелу. Но на утверждение приговор этот прислали начальнику отряда генералу Левандовскому, который его не утвердил, а приказал прислать солдата обратно на позицию, где он мог бы заслужить право на жизнь, защищая Родину. Когда нам это рассказал доктор Жуковский, мы плакали от радости и считали нашего генерала самым благородным человеком…

Теперь у нас полная палата раненых казаков-забайкальцев. Таких спокойных и безразличных даже к своему ранению людей я за всю войну еще не видала. Что ни спросишь, – все один ответ: «Да подходяще!» Видно, что ему тяжело лежать в такую жару раненому; весь потом обливается, не может сам повернуться; другой не может и пить попросить! Подойдешь, поправишь подушку, дашь пить….

– Что, тяжело лежать-то? Жарко?

– Подходяще, сестрица.

Никогда не пожалуется, не застонет…

– Болит рана? – спрашиваю.

– Подходяще… – вот и весь ответ.

Наконец я собралась уезжать домой. Феничка плачет. Софья Мефодиевна говорит, что потребует от доктора Бакина, чтобы пункт сняли и поедет в лазарет, который перевели в другое место. Кажется, к генералу Назарову, у которого идут все время бои с турками и раненых, по слухам, очень много.

– Я не хочу оставаться здесь одна с этой неинтеллигентной Феничкой! – говорит она, сама дочь сельской акушерки.

Первые два дня я ехала верхом, дорога еще не дошла до нас. Наконец приехали на питательный пункт, откуда когда-то начался поход нашего отряда. Место прямо узнать нельзя. Целый городок палаток и деревянных построек вырос… Дорога от него идет широкая, ровная. Только я слезла с лошади, ко мне подошел санитар моего мужа, Клюкин.

– Здравствуйте, барыня! – по прежней привычке назвал он меня.

– А! Здравствуй, Клюкин! Ты как очутился здесь?

– А вон наш транспорт стоит. Мы приехали за ранеными сюда.

– Почему ты в валенках?

– Да сапог до сих пор не получили еще! Теперешний старший врач не больно о нас заботится. Ему бы только бумаги были в порядке, а на нас никакого внимания не обращает. Хоть все подохни! Покойный наш старший врач первым делом заботился о команде да об лошадях. У нас все получалось вовремя. Разве мы ходили летом в валенках?! Эх, барыня! Вот как мы часто вспоминаем покойника. Раньше нам воюй хоть сто лет! А теперь все только и думки, как бы дожить до мира, да скорее по домам.

– Но ведь команда не была довольна мужем? Всегда ведь были претензии и даже жалобы?

– Да, он точно строг был, покойник. За все наказывал. Вот, видите, зуба нет, выбил еще в Сарыкамыше, и я этого не мог забыть. Всегда таил злобу. Всегда хотелось делать не так, как он требовал. А иной раз думал: постой, будет праздник и на моей стороне! А теперь, верите ли, барыня, я готов все отдать, чтобы он был с нами… Вот как нам тяжело жить.

– Но, Клюкин, не может быть, чтобы муж обращался с вами так плохо!..

– Нет! Это истинная правда! Но мы все ему простили.

До Урмии я доехала по ровной, широкой дороге, но нигде не увидела ни одного цветочка. Исчезли кусты сирени и жасмина. Не было и ручейков, в которых мы мылись и освежались. Все срыто, выровнено, и мне показалось – скучно и одиноко, как в городе. В Урмии жара, пыль. Лазарета нет. Ушел на другой фронт, оставив в Урмии пункт вроде нашего, с врачом и сестрами. В помещении, где был наш лазарет, теперь какие-то интендантские чиновники. У них на крыше каждый вечер играет оркестр, слышно пение и хлопание пробок. Сестры в общежитии, где я прожила два дня, спешно шили ситцевые платья, чтобы можно было выходить по вечерам на музыку и вообще гулять по Урмии.

– Скучища здесь ужасная, – жаловались сестры. – Никого нет из офицеров, одни интендантские крысы-чиновники.

– Скажите, пожалуйста, здесь сестра Семина? – спрашивал незнакомый мужской голос. И не успела я выйти в сени, как увидела полковника Жигулина, который несколько раз был у нас на пункте раньше.

– Здравствуйте, Тина Дмитриевна, я только что приехал с позиции, еду в отпуск, узнал, что вы еще здесь и остановились в общежитии сестер, пришел предложить вам ехать дальше вместе. Мне дают в штабе линейку. Завтра приходит пароход из Сауч-Булаха. Будет брать раненых и, конечно, возьмет и нас.

– Вот хорошо! Спасибо вам, что вспомнили обо мне.

На другое утро мы выехали рано. До озера было только восемнадцать верст, и дорога была очень красивая. По обеим ее сторонам росли высокие тополя. Местность кругом совершенно плоская. Вдоль дороги с обеих сторон тянулись селения, окруженные садами и хорошо обработанными полями. Но сейчас было еще рано, и в полях никого не было. Мы выехали пораньше по двум причинам: во-первых, рано утром не так жарко, во-вторых, надо было не опоздать получить место на самом пароходе. Пароход этот, собственно говоря, попросту маленький катер, который больше десяти человек к себе на борт не мог взять. Если не поспеть первым, то попросят садиться на баржу, которую катер тащит на буксире. На катере не было удобств. На барже же было прямо ужасно. Палуба ничем не затенена. Солнце жарит во всю. Уборной почти нет (будочка торчит на корме для всех). Этот катер перевозит по Урмийскому озеру в одну сторону солдат, военные и интендантские припасы, а в обратную забирает раненых и немногочисленных пассажиров. Иногда он тянет за собой по две баржи, полные людей и груза. Раненых рядами кладут на палубе баржи. Сопровождают их фельдшер и несколько санитаров. На палубе стоит не прикрытая ничем бочка пресной воды для питья. Еды в дороге не полагалось – путь недолгий. А если кто и заголодает, так и сухарь пожует. Зато когда пароходик

привозил раненых к пристани Даналу, там для них был питательно-перевязочный пункт с врачами и сестрами. Раненых и больных выносили в чистые и прохладные бараки, перевязывали, кормили и отправляли их дальше в Тифлис. Бараки были выстроены во время войны. Их было очень много – целый городок. Они стояли совсем на песке, на берегу озера. Там же был домик и для проезжающих сестер и врачей. Были даже баня и лавочки с разной мелочью. Но не всегда проходили благополучно перевозки раненых даже и по такому маленькому и спокойному озеру. Вода в Урмийском озере настолько насыщена солью, что в ней утонуть прямо невозможно. Даже если бы привязать на шею камень, то голова пойдет на дно, а ноги останутся в воздухе. Купаться в этой воде нельзя – слишком солона. Но жара все же загоняет людей в воду. Никто из них не знает поначалу, что нужно иметь с собой ведро пресной воды, чтобы после купания обмыться от соли. Полощется с наслаждением… Но когда выйдет из воды, обсохнет и оденется – сейчас же по всему телу начинается зуд. Кожа становится красной, как если бы ее густо смазали йодом! Нужно немедленно обмыть ее пресной водой и смазать вазелином или каким-нибудь жиром, как при ожоге. Нередко бывает и волнение на озере. Когда подует хороший ветер, то плыть на маленьких баржах очень опасно. Если нет в трюмах никакого груза, волнами их бросает с боку на бок, как пустые скорлупки; раненых катает по палубе от одного борта к другому. Иной раз и смоет за борт… Бывали случаи, что сами баржи переворачивались кверху дном. Бочки с пресной водой срываются со своих мест и катаются вместе с ранеными по палубе. Соленые волны заливают всю палубу и уносят с собой в озеро все, что не привязано крепко… А что

не смоют, то вымочат, поломают, разобьют. Больные и раненые не имеют сил сопротивляться ударам этих волн, и их приходится либо привязывать, либо прятать куда-нибудь. Даже здоровым и крепким людям, и тем не легко бороться с качкой и частыми ударами коротких тяжелых волн… После бури утопленники, люди и животные, плавают на поверхности воды, не идут на дно, как им полагалось бы, если бы вода не была так насыщена солью… Такая буря была на озере незадолго до моей поездки. Десятки раненых были смыты волнами с баржи, и все они погибли… Все это нам рассказал очевидец – капитан катера, когда мы хотели плыть через озеро на барже.

Когда наш пароходик пришел к пристани в Даналу и мы вышли на берег, жара там оказалась еще сильнее, чем в Урмии, хотя время шло уже к вечеру… Мы сразу же пошли к ждавшему нас составу поезда, половина которого состояла из санитарных вагонов с красным крестом. Другая половина предназначалась для пассажиров. Даже здесь, в глуши и в стороне от городов, на станции было много народа, ожидавшего отхода поезда. А в вагонах уже все места были заняты. На полках лежали чемоданы, постельные свертки, корзинки с едой. Нам пришлось положить наши вещи куда попало и ждать, когда придет кондуктор и разберет наши права на места…

Поезд отошел от станции, но никто не приходил к своим вещам. Не видно было и кондуктора. Мы стояли, не имея места, куда могли бы сесть. В соседнем отделении группа мужчин и женщин играли уже в карты. В другом отделении пили вино и пели песни… Полковник Жигулин не выдержал, сбросил чьи-то вещи с верхней полки и сказал мне:

– Полезайте, сестра, наверх и ложитесь. Я найду себе место внизу…

Однако эти его поиски места сразу вызвали в вагоне целый скандал! Пассажиры стали отпускать оскорбительные словечки по адресу офицеров:

– Пользуются своим правом сильного, да еще вооруженные! – говорил один с наглым видом. – Война! Война! А может быть, я и сам военный?!

– Ах так?! Тогда почему вы не в форме? Дезертировали? – сказал Жигулин.

Я позвала полковника Жигулина и попросила его прекратить ссору.

– Если они хотят, я лучше слезу и уступлю им место. А то еще и до драки дойдет!..

– Ну, нет! Это все ведь спекулянты. Они знают, что я пристрелю каждого при первой же попытке напасть на меня!..

Мало-помалу все в вагоне успокоилось и затихло. Я заснула. Но долго еще слышала сквозь сон, как полковник Жигулин кому-то говорил и угрожал:

– Революционеры! Разрушители и грабители Родины! Я вижу вас всех насквозь. Вижу ваше неуважение к армии и к офицерству!

Я невольно открыла глаза и увидела, что он стоял, прислонившись спиной к перегородке, и держал в руке револьвер. А сидевшие пассажиры выглядели арестованными… Я посмотрела на часы. Было уже три часа ночи, но никто в вагоне не спал, кроме меня… Я окликнула его. Он быстро обернулся и сказал:

– Спите, спите, сестра! Я вас охраняю!..

Потом оказалось, что он выходил на каждой станции, заходил в буфет и выпивал. Должно быть, выпил немало лишнего… Долго я его уговаривала, чтобы он лег спать. Но он упорно стоял на своем:

– Я, Тина Дмитриевна, солдат и воин, а моя страна в опасности! Я не имею права лечь спать, когда, вон, сидят разрушители! – он показал рукой, в которой был револьвер, на соседнее отделение…

Я опять заснула. Но пассажиры, которые раньше нас захватили лучшие места, просидели со своими дамами без сна всю ночь, очевидно, побаиваясь решительного вида Жигулина…

Поезд пришел в Тифлис под вечер. До отхода бакинского поезда оставалось еще полтора часа, но я решила сидеть на станции, никуда не ездить и никого не видеть. Вещи сдала носильщику, а сама стала искать место поспокойнее… Когда я прохаживалась по перрону, меня кто-то окликнул по имени. На скамейке сидели, как два нежных голубка, Курдюковы. Мы поздоровались. Но встреча меня не обрадовала. Я боялась, что они станут расспрашивать меня о смерти мужа… Они усадили меня с собой и спросили, откуда я взялась на Тифлисском вокзале.

– Откуда вы едете, такая черная?

– Из Урмии. Работала на позиции, в горах Турции, почти три месяца. Там не только кожа на лице чернеет, а даже лист на деревьях давно почернел и опал…

– Тина Дмитриевна! Я не буду говорить вам ни о сожалении, ни о сочувствии. Я давно думал, что Иван Семенович кончит так, как он и кончил… Что-то в нем было

странное! Не от мира сего был он… Богатый, избалованный жизнью, он никогда не мог ни подделаться, ни приспособиться ко времени и обстоятельствам… Это-то и толкнуло его искать забвения своей неприспособленности к жизни в вине… Как и многих других, оно его и погубило…

– А вы разве, Леонид Николаевич, не с полком?

– Нет, я состою главным врачом в одном из стоящих здесь госпиталей.

– Ждете кого-нибудь? Где ваш сын?

– Нет, мы никого не ждем, а приходим сюда каждый вечер и наблюдаем, как публика уезжает и приезжает. Здесь встречи, проводы, плач и смех – все перемешалось… Сами мы никуда не собираемся и никого не ждем. Только наблюдаем… Наш Ганя женился и устроился у воинского начальника на распределительном пункте в Навтлуге.

– Слышали, вероятно, как много убитых у кабардинцев?

– Да! Мы все новости получаем из первых рук, – сказала Курдюкова.

Вот им и война не в тягость, подумала я… Подошел носильщик и сказал, что поезд подан. Я попрощалась с Курдюковыми и пошла в вагон…

Дорога была особенно скучной. В Баку, на станции, никто меня не встретил; точно в чужой город впервые приехала… Чувства, что приехала к себе домой, не было совершенно… На мой звонок дверь открыла бывшая моя горничная. И сразу расплакалась… Потом выбежали дети и радостно стали меня целовать. Но, видя мои слезы, притихли.

– Кто бы подумал, что вы, барыня, вернетесь вдовой! – сказала Даша, утирая глаза передником… – Как только Нина

Ивановна получила письмо, что вы приезжаете, я сейчас же приготовила вам спальню в белой комнате. Вашу спальню Нина Ивановна взяли себе…

Мы поднялись. Я вошла и села на первый попавшийся стул в бывшей моей гостиной. Так больно сердце бьется… Ничего нет прежнего… Все чужое… И все так полно воспоминаний… Я плачу и не могу остановиться. Надя и Таня обнимают меня, говорят ласковые слова:

– Тетичка, ты плачешь по дяде Ване!.. Мы любим тебя. Не плачь, – а сами тоже плачут вместе со мной…

Мы перешли в комнату, приготовленную мне Дашей. Мне теперь все равно, где ни жить…

Дети весь вечер расспрашивали меня о дяде Ване, сами того не подозревая, какое страдание причиняют мне своими расспросами. Нины не было дома. Мы обедали одни. После обеда маленькие две девочки сейчас же пошли спать. Мара просила меня перекрестить ее много-много раз… В бывшей моей столовой была теперь детская, а рядом, в белой комнате, моя спальня. Хотя и за это спасибо. Я рада, что дети близко от меня…

Утром Надя говорит:

– Как хорошо было спать, тетичка! Проснусь, посмотрю, дверь в твою комнату открыта! Значит, правда ты тут рядом с нами спишь…

Даша, подавая утром кофе, сказала:

– Нина Ивановна вернулись ночью. Я сказала, что вы приехали. Она хотела идти к вам в комнату, но я просила вас не будить, так как вы устали и поздно легли спать…

Как тяжело мне здесь! Не хочется выходить из комнаты. Не хочу никого видеть. Не хочу ни с кем разговаривать… Сижу, точно в гостинице. Да и правда! Жизнь моя сейчас на распутье. Прошлое кончилось… Настоящего нет. Будущее неизвестно, безразлично… Нужно работать! Иначе сойду с ума в этой обстановке…

К завтраку вышла Нина.

– Здравствуй, Тина! Я вчера никак не могла прийти домой вовремя, к твоему поезду, – говорит она, входя и здороваясь со мной. – Бакланов справлял открытие своего нового механического завода. Пригласил всех нас к завтраку в новый ресторан «Луна», и мы все там засиделись почти до утра.

– Ну и отлично! А ты получила мое письмо о приезде?

– О да! Получила.

– Где Алексей? Пишет что-нибудь?..

– Пишет-то пишет, да все открытки только. И во всех просит посылать ему свиное сало и всякие жиры. Меня уже просто тошнит упаковывать это сало, а он только его и хочет. Не знаю, для чего ему столько его нужно? Может быть, он сапоги мажет?.. Яша и Маня живут очень счастливо. Маня купила для своей квартиры новую мебель красного дерева. Смерть Ивана Семеновича всех нас потрясла до глубины души… Яша, получив телеграмму, всю ночь не спал…

– А ты что, все лето прожила в Баку, почему не поехала в Пятигорск?

– Да Ванька просил не уезжать! У него жена все умирает, да никак не может умереть!..

– Какой Ванька?!

– Ты его знаешь, Коженков.

– А, помню! Это тот, что чайниками торгует да иконками? Красная такая рожа? Лавки скобяного товара у него?

– Да, да! Но, знаешь, у него денег куры не клюют! Эти его лавки с иконками приносят ему доход больше, чем наши дома!..

– Может быть! Но он ведь все-таки просто спекулянт. Ему нужно быть на фронте, с ружьем в руках. А вот благодаря деньгам он сидит в большом городе, пьянствует и спекулирует да чужих жен развращает… Да брось говорить о нем! Он мне ни с какой стороны не интересен! Лучше расскажи мне, как живет Соня. Все еще работает в морском лазарете?

– До сих пор работала, но сейчас должна его бросить – третий месяц уже беременна…

– Неужели?! Вышла замуж?..

– То-то вот, что еще не вышла!.. Мы все хотим заставить «его» жениться. А он, негодяй, говорит, что ребенок не от него!..

– Да кто «он»?!

– Он?.. Просто смазливая сволочь! Из русских немцев… Чтобы не идти на фронт простым солдатом, устроился в лазарете служителем. Красивый, наглый… Соня и соблазнилась, но когда она сказала ему, что беременна, то он ее же стал обвинять, говоря, что она, вероятно, жила с лазаретным доктором… Соня возмутилась и пригрозила, что пойдет к доктору и все расскажет, и тот, наверно, его откомандирует, пошлет на фронт. Тогда он предложил ей сделать аборт. Соня пришла ко мне посоветоваться. Я сразу

заявила ей, что вместо того, чтобы рисковать жизнью, лучше заставить его жениться…

– А отец знает?

– Пока еще нет.

– Нужно торопиться, иначе трудно уже будет скрывать положение…

Запуганный немец женился на Соне. Иван Яковлевич очень был рад выдать дочь за солидного человека, как он называл нового зятя. После свадьбы молодые поселились у отца. Соня бросила работу в лазарете. А Виктор, ее муж, продолжал ходить и исполнять работы до самой революции.

– Знаешь, Ванькина жена была именинница, так я ей послала черные розы! – продолжала Нина посвящать во все семейные дрязги и новости.

– А что это означало?

– Смерть! Ведь я тебе говорила, что жена у Ваньки в последней стадии чахотки. Ванька вчера говорил, что он ждет каждую минуту ее смерти. Он и домой перестал ходить: «Боюсь, – говорит, – я на нее смотреть, точно на покойницу…»

– А ты разве хочешь ее смерти? Для чего тебе чужой муж, у тебя свой еще живой…

– Да! Живой! Кажется, я никогда от него не избавлюсь. Сколько в нашем полку убитых офицеров! А он хоть бы что… Сидит в плену и отъедается свиным салом… Ненавижу я его! Лучше бы он там умер! – Нина, взволнованная, быстро встала, прошлась по комнате, закурила. – Всю мою жизнь искалечил! Молодости я с ним не видела! Я только сейчас

жить начала… – Помолчав, она сказала: – Пойдем к Яше. У него всегда кто-нибудь есть из гостей. Даша накормит детей завтраком.

Я отказалась. Только она ушла, вернулись дети с прогулки.

– Тетичка, а мамы дома нет? А ты будешь с нами завтракать? Тетичка, я сяду рядом с тобой, – сказала Мара.

– И я! И я тоже!.. – вдруг заявили они все.

После завтрака Оля пошла спать, а к Маре пришла учительница. Но Мара со слезами на глазах сказала мне:

– Тетя Тина, раз ты приехала, так пусть это будет праздник! И заниматься сегодня не нужно…

Прошло два дня, как я приехала. Но сидеть без дела в этой обстановке я больше не могла! Пошла в госпиталь попросить работу. В госпитале меня встретили очень приветливо, а доктор Захарьян был прямо как отец родной!

– Вернулись к нам? Хотите работать? Это очень хорошо!.. Читал в газетах о смерти вашего мужа… Ничего не поделаешь! Неизвестно, как еще мы все выкрутимся из этого положения! Вон на Западном фронте немцы прут и прут! А наши всё отступают без патронов и снарядов… Первая палата будет ваша. Приступайте к работе хоть сейчас, – закончил доктор Захарьян.

* * *

И вот я опять у знакомого дела! Опять бинты, перевязки, операции, дежурства… Стоны и бред раненых и больных. Слезы радости и отчаяния…

– Сестра, почитайте письмо из дому, жена прислала, – просит раненый.

– «Кланяется тебе низко жена твоя Авдотья Миколаевна. Слава богу, все живы и здоровы. Хлебушко родился, но убрать-то некому. День-денешенек работаю в поле – никак спины не разогну. А вечером вернусь домой, а работы и того больше… Сынок твой малый помогает мне. Но какие у него силенки?! Всего-то ведь только восьмой годок пошел! У тятеньки твоего страшная высыпала грыжа, и он ничего робить не может. Больше все лежит. Приезжай домой!! Хоть ты и без ноги, а все же свой хозяйский глаз будет…»

Только прочла письмо, пришла сиделка и сказала:

– Вас, сестра, доктор просит!..

– Сестра, звонили из заразного лазарета, сейчас привезут несколько больных для операции, – сказал дежурный врач. – Сколько у вас в палате есть свободных мест? Два только? Хорошо! Возьмите двух себе, а остальных пошлите на второй этаж.

Через несколько минут привезли больных. Мы их приняли; я взяла двух: Сергея Морозова и Ивана Темникова. Оба страшно слабые и у обоих высокая температура. Пришел доктор, осмотрел их, но только безнадежно махнул рукой:

– Зачем зря мучают перевозкой?! Вот у этого, Темникова, перитонит! Он безнадежный… Морозов, может быть, и выживет как-нибудь, хотя и у него по всему телу нарывы, как результат плохого ухода…

И действительно, Темников лежал с открытыми глазами, ни на что не реагировал. Через несколько часов началась агония, и он ночью умер. Морозов был – кожа да кости… Не мог ни говорить, ни пошевелить рукой или ногой… Только

глаза были живые… У него, кроме нарывов, все тело еще было в пролежнях. Рот тоже весь заполнило желтой, вонючей и липкой, как смола, гадостью… Много недель я возилась с ним. Через каждые три-четыре дня ему вскрывали его нарывы с горячим густым гноем. Некоторые из них после двух-трех дней опять вздувались, и их приходилось снова вскрывать… Весь он был обложен ватой и подушками. Когда нужно было его брать на перевязку, то санитары боялись до него дотронуться – всюду кровь, гной и мокрая вата… Температура не падала. Доктор каждое утро, увидев меня, первым делом спрашивает:

– Ну, как Морозов? Жив еще? – Доктор был почти уверен услышать отрицательный ответ…

Но Морозов выжил! Температура медленно стала падать. Раны стали подживать. Новые нарывы больше не появлялись. Рот стал очищаться… И наконец больной стал произносить отдельные слова. Вначале неясно, едва слышно. Потом громче. В конце концов молодой организм победил-таки болезнь! Температура опустилась до нормальной; появился аппетит; раны затягивались; рот очистился… Как-то пришли сестры из других палат, и мы его подняли, поставили на ноги и хотели поучить ходить. Но он страшно испугался и попросил положить его обратно на кровать.

– Страшно мне! Упаду!.. – сказал он. Но прошло еще несколько дней, и Морозов сам уже попросил меня поднять его и поучить ходить. После этого силы стали быстро возвращаться к нему… Он вспомнил, что у него есть дом и родители…

– Сестра, ведь я чуть не целый год не писал домой! Пошлите, пожалуйста, телеграмму, что я жив!..

Он оказался из богатой купеческой семьи, которая уже оплакивала его, как умершего, не получая от него никаких известий. Мы послали телеграмму в Саратов, где жили его родные, и скоро получили ответ: «Выезжаю к тебе, твоя мать». Все в госпитале были рады за Морозова. Мать приехала и увезла его домой…

* * *

Все несложные операции делали в госпитале свои врачи. Но раз или два в неделю приезжал к нам в госпиталь из больницы «Совета съезда нефтепромышленников» доктор Окиншевич – знаменитый хирург и делал особо сложные операции. Мне пришлось несколько раз быть на этих операциях. Вот тогда-то я увидела и поняла из объяснений докторов, сколько вреда причиняют поспешные перевязки на фронте! Правда, когда идет бой и раненых везут сотнями и даже тысячами и требуют скорее отправлять их дальше в тыл, чтобы очистить место следующим… сколько неправильных сращений и всяческих осложнений на этой почве! По году раненые валяются по госпиталям! В одном полежит несколько месяцев. Поковыряют, поковыряют, надоест возиться с незаживающей раной – его отсылают дальше, в другой госпиталь.

На прошлой неделе доктор Окиншевич делал операцию головы. И мне пришлось держать эту голову. Солдат был ранен в лобную кость. Хотя рана была тяжелая и опасная, но и солдат оказался не из слабых: выжил, и рана (выше глаза) зажила. Но у него появились сильные головные боли.

Никакие лекарства не помогали. И вот его тоже прислали к нам в госпиталь на исследование. Консилиум врачей решил попробовать сделать операцию и посмотреть, не надавливает ли какая-нибудь неправильно сросшаяся кость на нерв или на мозг. В день операции солдат сам пришел в операционную, лег на стол. Я его накрыла простыней, надела маску, а один из врачей стал капать хлороформ. Когда больной заснул, доктор Окиншевич приступил к операции. Там, где была рана, кость сильно вдавлена – образовалась ямка; кожа сморщена, в рубцах… Доктор сделал разрез кожи и приподнял ее. Между неровными зигзагами раздробленной кости (как в засуху потрескавшаяся земля) образовался красный хрящевидный нарост, который скрепил кости, а центр глубоко вдавлен воронкой. Доктор, очень осторожно стуча молоточком по долоту, стал пробивать еще не совсем затвердевшее соединяющее вещество, а потом приподнял кость: с внутренней стороны ее наросло такое же серо-красное вещество, которое упиралось прямо в мозг. Эта операция продолжалась больше часу. Несколько раз еще надевали маску на больного и снова давали хлороформ. Каждый раз больной шумно начинал дышать и снова засыпал. Но пары хлороформа доходили до моего носа, и я начинала засыпать тоже… Тогда доктор, державший пульс больного, толкал меня и, нагнувшись ко мне, говорил: «Сестра! Сестра! Не спите, скоро операция кончится». Я поднимала голову и старалась открыть глаза шире… Доктор Окиншевич выпрямил черепную кость, сшил ее в нескольких местах, натянул кожу, наложил швы, положил марлю, вату, а другой доктор забинтовал. Больного увезли в палату и разбудили…

Через несколько дней доктор Окиншевич делал операцию больному из моей палаты. У него воспаление нерва ноги. Больной с трудом пришел в операционную, лег на стол и сказал:

– Хоть отрежьте ногу, но я больше не могу терпеть этой боли…

Когда все было готово к операции, доктор сделал разрез выше колена с обратной стороны ноги, в совершенно здоровом месте. Разрез был вершка два длины и вершка полтора глубины. Из глубины этого разреза доктор вынул тонкий шнурочек, на котором были какие-то кусочки, как на струне у шерстобитов, когда они бьют шерсть для валенок или пряжу для тканья сукна. С обоих концов этого шнурка, там, где уже начинался чистый нерв, доктор туго перевязал его шелковой ниткой, а рану зашил. Через несколько дней больной уже вставал и пробовал ходить, не чувствуя никакой боли в ноге…

Когда же это я начала работу в госпитале?! Как будто только вчера или, самое позднее, неделю тому назад!..

Сегодня прихожу домой, а Надя спрашивает:

– Тетичка, нынче у нас не будет елки? Мама говорит, что не будет… Потому что все стало страшно дорого, да и ничего достать нельзя. Но Даша говорит, что у нас есть еще много старых игрушек и украшений для елки. Только бы купить елочку…

– Хорошо, купим! Купим! До Рождества еще далеко!

Дети смотрят на меня расширенными глазами:

– Тетя, да совсем уже не далеко… Но раз ты обещаешь, значит, у нас будет елка! – Я ушам своим не поверила, что уже декабрь, и приближается Рождество!..

Пришла Нина посмотреть, легли ли дети спать. Увидев меня, она сказала:

– Знаешь, скоро все полетит к черту! Будет революция!..

Сначала я не поняла ее и переспросила:

– Что? Откуда ты это взяла? Кто будет революционировать? Не вы ли с перепою да от кутежей строите революцию?..

– Слушай! Ты не читаешь в своем госпитале газет и ничего не знаешь, что делается на Западном фронте!.. Снарядов в армии нет! Продовольствия нет! Солдаты не хотят больше быть пушечным мясом! Хотят домой идти!.. А в городах скоро будет настоящий голод! Сейчас уже ничего купить нельзя, все страшно дорого! Да и достать ничего нельзя!..

– Постой! Однако вы каждый день кутите, и у вас все есть самое изысканное и лучшее!

– Ну, меня можешь не упрекать. Я ни копейки ни за что не плачу… Советую тебе читать газеты… Ты увидишь, куда мы идем…

– Все равно! Куда бы мы ни шли, но те люди, которые исполнили свой долг перед Россией, теперь нуждаются в помощи и уходе… Их мы не можем ни бросить, ни забыть… Все мы должны отдать наши силы и нашу работу им! Это единственное, что я могу и постараюсь сделать…

Нина ушла к Яше, а я легла рано спать. Завтра у меня опять операция, и я дежурная…

* * *

Только пришла в госпиталь, переоделась и вошла в палату.

– Сестра! А вы будете присутствовать при моей операции? – спрашивает больной, которому сегодня будут делать операцию: у него рана не заживает уже целый год. Каждый день я его перебинтовываю, а гной все выделяется. Рана сквозная, кость прострелена, и, кажется, в ней есть трещины и осколки. Его понесли на третий этаж в операционную. Он заснул, не выпуская моей руки из своей… Потом доктор сказал, чтобы я держала ногу.

Там, где была незаживающая рана, доктор сделал разрез до кости и острой ложечкой стал скоблить ее… Вид этой кости серо-коричневого цвета был жуткий… Мои руки были почти около самой раны; каждый скребок отдавался в них и шел к моему сердцу и в голову. Гры, гры, гры!.. Точно по моему сердцу скребли… Нога стала тяжелая. Скребущие звуки становились все более глухими и отдаленными… Я выпустила ее из рук…

– Сестра! Держите ногу крепко! – Голова доктора была над моей головой, и он так громко крикнул, что я сразу очнулась и крепко охватила ногу обеими руками… Мои ногти были сини, но крик доктора помог. Моя слабость стала проходить, и я достояла до конца операции и сама наложила повязку. Когда носилки с больным вынесли в коридор, чтобы спускаться по лестнице, я увидела доктора, который сидел там на скамейке и курил. Вид у него был усталый. Он поднял голову и сказал:

– Спасибо, сестра! Но вам нужно отдохнуть хорошенько.

Носилки благополучно спустили, больного уложили на койку.

Подошел санитар и сказал:

– Сестра! Вон еще один мучается. Сколько раз я его поправлял, а только отойду, он опять – ноги в одну сторону, руки в другую. Все норовит лечь поперек койки.

– Хорошо. Я посмотрю. – Подхожу, больной лежит спокойно, глаза закрыты. Пощупала пульс – слабый, едва прощупывается. Позвали доктора.

Доктор посмотрел пульс и сказал:

– Агония, умирает.

Ночью еще двое умерли, правда, не в моей палате, но я, как дежурная, присутствовала при агонии. Нас, дежурных сестер, четыре, на каждый этаж по одной, один врач и четыре сиделки. Много в госпитале, в каждой палате, тяжело раненных. Есть немало безнадежных… Но настолько устаешь от всего, что как-то не думаешь об их смертях. При первой же свободной минуте идешь в дежурку и сразу ложишься на кровать и болтаешь всякую ерунду. Это еще с вечера, а часа в два, в три сестры ложатся, накрываются одеялом и даже тушат лампу.

– У меня в палате все благополучно, – говорит сестра, укрываясь одеялом. – Правда, один умирает, но доктор сказал, что он умрет к утру.

После двух часов ночи сиделка пришла к нам в дежурную и разбудила сестру, – у ней в палате умер раненый, как раз тот самый, который должен был умереть утром. Мы пошли в ее палату, но застали уже труп.

– Сходи позови санитаров вынести его, – сказала сестра.

– А не нужно ли позвать доктора? – спросила я.

– Нет, смерть несомненная! К чему же беспокоить доктора.

Пришли санитары и унесли тело в мертвецкую. А мы вернулись в дежурку и опять легли. Мерить температуру полагается в шесть часов утра. Но, чтобы успеть измерить пятистам человекам, мы начинаем мерить около пяти часов и только-только успеваем закончить к приходу доктора. Потом поим чаем, меняем белье на койках и на раненых. Санитары и сиделки прибирают палаты, выносят все сосуды, моют полы, вытирают пыль. Когда утренняя уборка закончена, приходит доктор, каждый в свою палату, и начинается опрос и осмотр больных. Доктор смотрит кривую температуры, спрашивает сестру о каждом больном, а также назначает диету на один только день. Сестра записывает, и список посылает на кухню. Потом доктор говорит, кому сегодня делать перевязки. Составляется список, передается в перевязочную.

Только я пришла в перевязочную, сейчас же принесли раненого. Положили на стол. Доктор спросил его фамилию и сказал, что делать:

– Промойте рану перекисью водорода.

Только закончила перевязку одного раненого, а на столе уже лежит другой. Доктор, приподняв очки на лоб, говорит:

– Тампон положите! У него выделение есть из раны.

И этого унесли… А на столе уже опять новый.

– Это Овчиников? Его доктор отметил на операцию.

Так один раненый сменяет другого. А время летит, и не замечаешь его…

– Сестра, мы сегодня запоздали – уже двенадцать часов. Кончайте! Раненых сейчас будут кормить, – говорит доктор, снимает очки, встает и уходит. Вскоре и я закончила бинтовать последнего и отправила его в палату. Мою руки, снимаю халат, косынку и все это бросаю тут же в перевязочной, где уже лежали груды халатов, рубах, солдатских кальсон, косынок и окровавленных бинтов… Наконец могу идти домой, предварительно сдав список моей палаты дежурной сестре. Идти мне недалеко, и я с наслаждением вдыхаю свежий воздух по дороге. Пришла домой, помылась и легла в постель. Сейчас же пришла Даша и принесла кофе и какую-то еду.

– Барыня, разве вас кормили в госпитале-то?

– Нет, не кормили…

– Ну вот! Поешьте хоть рисовых котлеток. Мяса не достала: пойду после завтрака; армяшка обещал спрятать для меня кусок мяса… Вы вот ничего не видите, а как трудно стало все доставать! Куда ни придешь, всюду очереди. Стоишь, стоишь… И все злющие стали! Ругаются, если сунешься вперед, чтобы купить скорее и идти домой. Ведь я теперь одна на весь дом, комнаты нужно убрать, детей напоить чаем и скорее бежать за покупками. Если опоздаешь, ничего не достанешь – ни мяса, ни масла! И куда все подевалось?! Недавно еще сколько всего было. А теперь в лавках-то, почитай, насквозь пусто! Молоко молочница один день принесет пять кружек, а на другой две… Ничего разобрать нельзя, что делается! – сокрушенно говорит она.

Я смотрю на нее и только теперь замечаю, что она как-то иначе, по-бабьи серьезно, стала разговаривать. А ведь недавно была еще совсем девочкой.

– Другие прислуги идут за покупками рано, а я не могу – не на кого оставить маленьких девочек.

– А мать где?

– Да они спят! Барыня приходят поздно и не позволяют будить их.

Я выпила кофе, Даша взяла посуду и ушла.

– Сегодня суббота, у меня уборка, – сказала она.

Не могу спать! Встала, оделась и решила пойти к отцу Нины, Ивану Яковлевичу. Старик был полон энергии и рассказал мне, что Нина не пускает детей к ним.

– Вот уж никогда я не думал, что она переплюнет даже меня! А на что я был беспутный человек!.. Но она перещеголяла и меня! Все бросила! Дом, семью – и наслаждается жизнью… Как-то она будет расплачиваться за все, когда вернется Алексей?! Он ей покажет!..

Соня не заступается за сестру. Она страшно растолстела, но чувствует себя счастливой…

Только что я приехала домой, вбежала в комнату Надя.

– Тетя! Пожалуйста, объясни нам: турок нужно убивать или только ранить?!

Она была в форме сестры милосердия, страшно возбужденная, раскрасневшаяся…

– Мы играем в войну. Я и другие девочки – русские сестры милосердия, и мы перевязываем только русских солдат… Но когда валяются раненые турки, что нужно с ними делать?

– Поднять, тоже перевязать их раны и положить на койку, так же как и русских солдат…

– Ну, вот видишь, тетя, мы и стали подбирать и турок! А Жоржик Зиберман говорит, что турок нужно всех убивать, а не перевязывать.

– Раненых убивать нельзя…

– Да, это правда, но наши солдаты убили всех турок, и нам не с кем больше играть. Мальчики, которые изображают турецких солдат, лежат и не хотят вставать. «Мы, – говорят, – уже убиты». А у нас других мальчиков нет. И приходится убитым опять воевать!.. Это нехорошо выходит. Правда, тетя? – и она быстро убежала на двор, где шла «война»…

Пришла Нина.

– Ты дома? А я не знала! Какие жуткие вещи происходят на Западном фронте!..

– Откуда ты знаешь, что там происходит? Днем ты спишь, а ночью в ресторанах сидишь…

– В ресторанах-то все новости, самые свежие, и получаются! А вот ты в своем госпитале ничего не знаешь!

– Это верно!

– Брось ты ходить туда. Отдохни!.. Ты вся пропахла лекарствами и болезнями… Ни к чему!.. Всем все равно не поможешь, а жизнь и молодость уходят! И неизвестно еще, когда война кончится. Ты состаришься за это время в госпитале… Я решила ни для кого ничем не жертвовать, а жить и брать от жизни все, что она может дать!..

– Отличный лозунг! Продолжай в том же духе.

– Вчера мы были в «Луне». Там негры танцуют. Катя была с нами.

– Как она-то попала в вашу компанию, скромная институтка?

– Ну, знаешь, я за ее скромность копейки не дам! Она только оглядывается да ротик бантиком складывает… А когда никто не видит и не слышит… Ого, какие она шутки выкидывает!

– Это вы ее сбили с пути!..

– Ванька говорит, что если у него жена умрет, то он для меня выстроит замечательный какой-то дом!

– Слушай, Нина!.. Ведь Алексей жив… И он вернется домой, как только его пустят немцы.

– Да, да! Но ты мне не напоминай об этом… Это самое больное место в моей жизни. Положим, я и Ваньку не очень люблю! Но и Алексея не хочу! Опять пойдут скандалы… Я, кажется, писала тебе, что Владинский убит?

– Да, я знаю!.. Яша знает о твоих отношениях с Коженковым?..

– Конечно, знает! Ванька столько денег ему проигрывает каждый вечер… Ну, я иду. Меня ждут у Яши. Ванька говорит, что, когда я сижу около него, то он готов все свое состояние проиграть… Ну, Яша и доволен, конечно.

– Да!.. Заведение у вас как следует!.. И девочки удобные! Ты да его жена…

Она ушла. А я пошла навестить мою знакомую кабардинку. Нашла я ее с величайшим трудом. Она жила во дворе армянского дома дешевых квартир. Я не сразу ее и узнала: худая, огрубевшая, какая-то черная стала. От прежней молодой и нежной женщины ничего не осталось.

– Заходите, заходите, Тина Дмитриевна! – Я вошла в маленькую стеклянную галерейку, которая служила кухней и столовой. Маленький некрашеный стол, две такие же табуретки. На ящике стояла керосинка, а на керосинке кипел чайник. В отворенную дверь я заметила, что комната была перегорожена занавеской из распоротых мешков, сшитых, как занавес. По одну сторону занавеси стояла деревянная тахта, застланная простым одеялом с подушкой, а около нее такой же простой некрашеный стол и табуретка. На столе – гимназические учебники и чернильница…

– Мы хорошо теперь устроились, – сказала она. – У Сережи свое место, где он может заниматься и спать. И у меня тоже. Я сплю за перегородкой, как в отдельной комнате… А когда только приехала в Баку, жила прямо на станции! Спала в канцелярии; только когда все служащие разойдутся, могла лечь на кожаный диван. Я ходила к вам и разговаривала с братом вашего мужа. Но он мне сказал, что у него нет дешевой квартиры или комнаты… Теперь я вижу, что и лучше, что я живу здесь… Здесь все жильцы – такие же бедняки… Нам с ними лучше. А в вашем большом и богатом доме даже одеваться надо лучше. А у меня ничего ведь нет! Жалованье такое крошечное, что только и хватает, чтобы не умереть с голоду да заплатить за эту комнату… А ведь еще нужно платить за Сережино образование в гимназии, за учебники. Форма тоже дорогая. Растет он быстро! Вон, уже у куртки рукава стали коротки…

Она рассказывала о своей жизни и в то же время приготовляла чай, чтобы угостить меня.

– Вы очень плохо выглядите, – сказала я, – много работаете…

– Работаю я не больше, чем другие, но питание мое неважное… Все дорого стало, и я не могу покупать достаточно для двоих. Сама ем, что придется и что подешевле… Вот только стараюсь питать Сережу… Я больше всего боюсь за него, чтобы он не заболел. Если я и его потеряю, то конец! Не переживу его ни на один час… Когда мужа убили, у меня были дети… Я должна была жить для них! Но когда умерла Кися, я хотела покончить с собой. Не могла только Сережу оставить одного… Теперь живу для него только, для одного!..

Я смотрела на нее и видела сплошное страдание в ее потухших глазах… Она выглядела совершенной старухой. За год страданий и горя кончилась женщина!.. Худая, желтая, вся в морщинах…

* * *

На другое утро, когда я пришла в госпиталь, в дежурке волнение. Целая буря! Только я вошла, как со всех сторон раздалось:

– Семочка, Семочка!.. У нас новая фельдшерица!

– Ну? Вот хорошо! Где она?

– Слушайте, Семочка! Вчера поздно вечером, – стала рассказывать дежурная сестра, – я спустилась, чтобы посмотреть вашу палату. Вижу в докторской дежурке свет. Я думала, там сидит доктор. Открыла дверь и увидела посреди комнаты стояла молодая женщина, а с ней наш главный врач. Он точно ждал моего прихода…

– Сестра, вот у нас будет новая фельдшерица, – сказал он мне и сразу же вышел из комнаты. Точно сбежал… Не успела

дверь закрыться за ним, как незнакомка подошла ко мне и отрекомендовалась: – Я фельдшерица и буду жить здесь…

– Ну что же? Очень хорошо! Пускай живет…

– Я не верю даже, что она фельдшерица, – говорит сестра Мариам…

– Ну! Идемте работать! Уже восемь часов!..

Мы все гурьбой вышли из дежурки и разошлись по своим палатам делать утреннюю работу – мерить температуру, давать лекарства, наводить вообще чистоту и, наконец, поить чаем. После обхода доктора начинались перевязки и операции.

В первом этаже были три палаты: первая моя, на двадцать пять человек, причем нередко ставились и добавочные койки; вторая была маленькая, на восемь коек. В ней работала сестра Аня, страшно беспокойная и суетливая. Всегда у нее что-нибудь случалось необычное в палате: то ни с того ни с сего пропадал раненый, то прежде времени умирал… Она всегда бегает по коридору расстроенная и озабоченная. И всегда что-нибудь у всех спрашивает: «Сестры, где дежурный доктор? У меня умер раненый!» Или: «Сестры! Не видели ли вы главного врача? У меня пропал раненый». И все в этом роде…

Сестра третьей палаты, крупная армянка Мариам, была чересчур спокойная, никогда никуда не спешила и во всем всегда опаздывала. В перевязочной задерживала доктора и сестру, подававшую материал для перевязки. На кухне – поваров и санитаров с обедом для раненых… Сегодня в перевязочной была новая фельдшерица, которая должна была подавать все нужное для перевязок, как это делала до сих пор старшая сестра. Но с первой же минуты фельдшери-

ца всех нас привела в полное недоумение. Даже доктор стал нервничать: то поднимает очки на лоб, то спустит их на самый кончик носа, то совсем снимет и вертит между пальцев… Перевязки совсем остановились. Сестра Аня попросила у нее шарик ваты с борной кислотой. И вдруг «фельдшерица» запустила всю руку в банку со стерилизованными ватными шариками, взяла один и протянула его сестре Ане… Та пришла в ужас.

– Что вы даете мне? Я не возьму его!.. Вы должны брать щипцами, а не рукой!

– У меня руки чистые, – сказала «фельдшерица» и бросила шарик. Потом взяла щипцами новый шарик и протянула его сестре.

– Я просила борный, – язвительно сказала сестра. Та покраснела, но не знала, что ей делать и вертела щипцы с шариком в руке. Никто ей не помогал и не подсказал, что борный раствор тут же на столе в бутылке и налит в тазик. Наконец «фельдшерица» повернулась к столу с перевязочными материалами и стала читать этикетки на бутылях. Потом хотела прямо обмакнуть шарик в бутыль, да щипцы не пролезли в горлышко.

– Вот в этом тазике борная, – показала я ей.

Сегодня перевязки шли очень медленно, и работу мы закончили с большим опозданием. Доктор, фыркая, отодвинул свой стул в угол и сказал: – Нужно, чтобы подавала перевязочный материал знающая сестра! Сейчас уже обед, а у меня еще не все больные осмотрены. – И ушел…

* * *

Перед Рождеством приехал в город Шаляпин и пел в Маиловском театре. Из дирекции позвонили в наш госпиталь и сказали, что для раненых и сестер в театре оставлено несколько лож. Это случилось как раз в мое дежурство, и главный врач назначил меня и еще одну сестру идти в театр с ранеными. Маиловский театр находился от госпиталя только через площадь. Отобрали раненых, у кого нет температуры и кто мог ходить сам, отвезли их задолго до начала концерта в театр и усадили на стулья. А мы, сестры, стояли позади них. Мы были в белых чистых халатах; на головах – белые длинные косынки. Поверх халата я надела бархатное манто, отделанное куницами.

– Сестра Семина, вы так нарядны, точно едете на бал в белом платье, – сказала сестра Мариам.

Шаляпин пел «Блоху». Театр был переполнен. В ложах и в партере сидели нарядные дамы и мужчины. На дамах сверкали бриллианты. Много военных в форме. Но почти все они были или с костылями, или с рукой на перевязи, или с забинтованной головой. Иных поддерживали родственники под руку… У всех раненых на груди сверкают и блестят их боевые награды. А у дам – драгоценности…

Наши раненые были очень рады. Некоторые плакали. Нервы-то звуков музыки не выдержали… Вернулись в лазарет все расстроенные, и сестры в повышенном настроении. Ночь прошла благополучно: ни у кого не было повышенной температуры или бреда. Утром солдаты делились своими впечатлениями с теми, которые оставались в госпитале. Один рассказывал своему соседу по койке, что он только ослаб маленько, а то бы мог так же спеть, как и

Шаляпин… После перевязок и одной операции я наконец пошла домой.

Как легко дышится, когда выйдешь из госпиталя на холодный, свежий воздух. Свои три квартала я каждый день с удовольствием иду до моего дома. И парадную дверь я теперь открываю сама своим ключом. В передней встретила Дашу.

– Нина Ивановна дома?

– Спят!

– А где дети?

– Надя и Таня играют во дворе, а маленькие – в детской. Сегодня очень холодно на дворе.

Я помылась и пошла в детскую посмотреть и поздороваться с детьми. В большой детской (бывшая моя столовая) стояли четыре кровати; одна, Олина, была еще с высокими стенками, а три другие были уже настоящие кровати. Девочки так были заняты своей игрой, что не обратили никакого внимания на мой приход и продолжали разговаривать.

– Мара, дай теперь мне, я ведь тоже балерина!

– Хорошо, ты иди за мной, я буду главная балерина и буду идти впереди…

От Мариной кровати до Лелиной была протянута не то ленточка, не то тряпочка, изображавшая из себя натянутый канат. Рядом с «канатом» шла на цыпочках Мара и, широко расставив руки и слегка нагибая и поворачивая голову, балансировала и старалась удержать равновесие так, как если бы она действительно шла по канату. А Леля, тоже

широко раскрыв рот и расставив руки, стояла у конца «каната» и не спускала глаз с Мариниого искусства опытной балерины…

– Мара! Я тоже хочу ходить по канату и быть балериной!

– Хорошо. Иди за мной, – разрешила Мара. И Леля, еще шире расставив руки, совсем скосив рот набок и высунув язык, балансируя ногами, руками и ртом, шла за Марой около натянутой тряпочки…

– Что это у вас, дети, цирк?

Они обе бросились ко мне.

– Тетя Тиночка, это у нас балет на канате, как в цирке. – На Маре была надета ночная рубашка, подпоясанная красным шелковым шарфом, один конец которого был обмотан вокруг шеи. А Леля просто подвязалась каким-то шнурком, а вокруг талии навесила куклины тряпочки. И получилась «балерина».

– Завтрак подан! – позвала Даша. Прибежали со двора Надя и Таня, разгоряченные и с большим апетитом. К завтраку Нина не вышла. После завтрака все дети пошли гулять, а я пошла спать.

Проснулась я под вечер и решила поехать к Ивану Яковлевичу. Только я вошла в калитку его дома, как сразу услыхала его пение, и на мой стук он сам открыл мне дверь.

– А, здравствуй, здравствуй, милосердная, – весело приветствовал он меня. Он был в какой-то рваной фуфайке, в синем холщовом фартуке, а в руках тряпка и стекло от лампы, которое чистил. В комнатах было уже темно…

– Сейчас, сейчас помогу снять шубку! Только вот зажгу лампу, – сказал он, налаживая большую керосиновую настольную лампу.

– А где Мария Яковлевна?

– Здесь я, на кухне! Мы заправляли лампы. – Она вышла из кухни и, оглядывая меня, сказала: – Вот это настоящий женщин! Не то что наша Нина. И сама не приезжает, и детей не пускает к нам.

Мария Яковлевна была из волжских немок и, хотя всю жизнь прожила в России, но говорит с большим немецким акцентом…

– Вот немецкие женщины все работают для фронта, для солдат! Потому-то у них и победа!.. А у нас скоро и кушать нечего будет! – сказала она. – Я один раз сказала Нине об этом, так она наговорила мне таких вещей! «Вас бы нужно, как немку (какая я немка? Я же ее и вырастила!), в начале войны еще выслать в Сибирь!»

– Я с ужасом думаю, что будет, когда вернется из плена Алексей! – говорит Иван Яковлевич. – Все ее друзья и ухажеры бросят ее, и никто за нее не заступится…

Я собралась уходить, и оба они пошли провожать меня до ворот.

– Позвать фаэтон тебе, Тина?

– Нет, спасибо. Я пойду и по дороге возьму первого встречного. Не стоит вам ходить за ним.

– Никуда я и не пойду! Он сам приедет сейчас же. – И в ту же минуту раздался громкий, чисто разбойничий свист! Иван Яковлевич свистел, точно разбойник на большой дороге… Сейчас же из-за угла показались фонари, и к нам

подъехал шикарный фаэтон. Он весь блестел и переливался черным лаком. Каждая медная бляшка на нем отражала тысячи фонарных лучей. Пара рыжих лошадей его запряжки, молодых и стройных, была прекрасна. Татарин, фаэтонщик, поправил у себя на голове маленькую каракулевую шапочку, завернул вокруг ног полы своего длинного кафтана из великолепного черного сукна, сел, повернулся ко мне и спросил:

– Куда везти?

– На Биржевую, 47, – сказал Иван Яковлевич.

Мягко и быстро фаэтон стал удаляться от оставшихся в темноте стариков…

* * *

Приближалось Рождество. Дети спрашивают, будет ли елка? Нина жаловалась, что все дорого, что трудно достать украшения для елки и вообще все дорого и ничего нет. Дети привыкли за последнее время слышать от всех, что бы они ни спросили, всегда один ответ: «Нету! дорого! нельзя получить!..» Так уходили и забывались любимые кушанья и детские лакомства. Но иногда Марина отказывалась есть котлету, которую трудно было не только разжевать, но даже и разрезать…

– Я, Даша, не хочу есть! Я съем только сладкое, – говорит она, роняя крупные слезы в тарелку.

– Ешь, ешь! Сегодня нету ничего сладкого, – отвечала Даша.

И у всех девочек вытягивались рожицы, а на глазах блестели слезы…

– Когда нет сладкого, это уже последнее дело!.. Вот приедет папа из плена, тогда у нас все опять будет, и мы будем есть только все сладкое, – говорит Таня и начинает плакать. Зараза плача быстро распространяется, и через минуту плачут все… Плачу и я…

Но даже и в этот тяжелый и страшный год у детей была елка. Я купила елочку; Даша вытащила старые украшения, и у детей было Рождество. Даже устроили подарки, пригласили других детей, пели рождественские песни и танцевали. Приехали и дедушка с бабушкой. По старой традиции был накрыт стол по-праздничному; за очень большие деньги достали индюка, поросенка и другие праздничные кушанья. Только вечером я обратила внимание, что наш праздничный стол, который в прежние годы стоял два-три дня почти не тронутый и прямо не знали, куда все деть, нынче в первый же вечер был уже почти пуст, все было съедено.

В госпитале на рождественской неделе для раненых и больных был концерт. Не знаю, все ли получили удовольствие от него. Но мы, сестры, измучились страшно! Каждого раненого и больного (у кого нет высокой температуры) нужно было одеть и отнести на носилках на третий этаж, а там усадить, подложить подушку или одеяло, чтобы было удобно. Таким образом, человек сто или даже больше перенесли санитары наверх и, конечно, выбились совсем из сил. Выбились из сил и мы, сестры… Но устроительницы, дамы общества, были страшно счастливы и горды, что столько сделали для «солдатиков». Только вышло не так-то все гладко… При первых же звуках нежного романса начались истерики не только у офицеров, но и у солдат. Пришлось бегать за валерианкой… Не очень-то радостно слышать о любви нежной девушки, когда нет рук или ноги,

да и тело-то дряблое, разбитое, больное. Дежурная сестра говорила на другой день, что один офицер всю ночь плакал, а у другого даже повысилась температура. Все они терпят долго и молча страдания, но приходит минута, когда от какого-нибудь пустяка нервы не выдерживают. И тогда нет уже сил сдержать себя… Раненый сразу распустится, ослабеет и плачет, как ребенок, о потерянной и загубленной жизни. Я видела простых, сильных духом истинных героев, которые, как дети, плакали безутешно и долго, вздрагивая всем телом от того, что я просила их выпить порцию касторки. «Не могу, не могу пить ее!» – и плачет горькими слезами. И все лежавшие поблизости раненые сочувствовали ему и готовы были сами расплакаться…

* * *

Новый год меня пригласили встречать в «Яре». Огромный зал ресторана был весь заставлен большими семейными и маленькими парными столиками. Мы занимали целую ложу. Сам метрдотель прислуживал нам. Шампанское лилось рекой. Все выпили лишнее, пели, говорили громко и слишком много, не слушая друг друга; лезли с нежностями и с поцелуями. Все здесь были «свои люди», постоянные посетители, тратившие деньги без счета…

– Почему ваша жена не встречает Новый год с нами? – спросила я Бакланова.

– Ну, куда ей! У нее дети. Пускай сидит дома, – сказал он.

Этот разбогатевший рабочий очень гордился «высоким» знакомством с Яшей, Ниной и Коженковым, но жену свою он не знакомил с ними. Как-то Нина сказала, что жена у

Бакланова, должно быть, уродина… Но, когда после революции я познакомилась с ней, оказалось, что она не только не уродина, а, наоборот, очень хорошенькая и очень развитая женщина…

Пир наш продолжался чуть ли не до утра. Женщины были веселы, а мужчины дошли до споров на революционные темы. После четырех часов утра Яша и Маня предложили всей компании поехать продолжать кутеж к ним.

– Выпивка и закуска у нас найдется, – сказал Яша, – едемте!

Поехали… И опять пили… Пили за все и за всех.

– Господа! Предлагаю выпить за армию и за сестер! – предложил Иванов.

– Можно! – согласились все.

– Боже, царя храни… – затянул было Коженков, но почти никто его не поддержал…

– Устарело, Ваня, и надоело! – вставая, сказал резко Бакланов. Я посмотрела на него, и он показался мне совсем каким-то новым: его маленькие, черненькие глазки зло и нахально выглядывали из-под растрепанных волос, а желтая нездоровая кожа еще больше как будто пожелтела. От не остановился на этом, а продолжал говорить: – Все это отжило и уходит в вечность… На смену идет демократия! Ей нужно петь хвалебный гимн! Она будет воевать и праздновать победу!..

– Ну, ты не очень со своей демократией распространяйся… Мы такую пропишем ей победу, этой самой демократии, что она забудет, как ее и звали! – сказал Яша.

Бакланов, скосив свои монгольские глазки в сторону, с неожиданной злобой резко проговорил:

– Кто это будет прописывать? Не ты ли? Не вы ли все, вот, кутящие до утра?! Оставь, брат!.. Пустые слова все это! Поздно теперь говорить их… И опасно! Демократия уже пришла! И заняла свое место!.. И никакая сила ее не победит… И никто не станет защищать твое «Боже, царя храни»… Ты и вспомнил-то о царе и о Боге только сейчас, с перепою… А у народа не сегодня-завтра жрать нечего будет! На фронте нет ни патронов, ни снарядов… А он тут «гимны» распевает… Довольно голыми руками воевать и лить народную кровь. Солдаты бросят скоро фронт и разойдутся по домам. Запоешь тогда другое и ты!..

– Стойте!.. К черту политику!.. Довольно тебе, Бакланов, разводить революцию!.. На́ вот, пей лучше, пока твоя демократия не родилась еще, – сказал Коженков.

– Ну, нет, Ваня! Демократия давно родилась и выросла. На ее защиту пойдет весь народ и весь фронт! А кто из вас пойдет защищать «Боже, царя храни»? Пропили вы своего царя!.. Три года пили и ни разу не вспомнили о нем!.. А теперь поздно… Никакой победы нет и не будет…

Первый раз за все время знакомства Бакланов говорил то, что думал. Сегодня в его словах было столько уверенности и, как мне показалось, презрения ко всем находившимся тут, которых он раньше считал выше себя и дружбой с которыми гордился.

– А ну тебя с твоей демократией к чертовой матери! – вдруг вспылил Яша. – Нечего нам жаловаться ни на дороговизну, ни на фронт, ни на окопы. Живем в собственных домах… Пьем день и ночь!.. Вон полон стол

всего! Наливайте бокалы!.. Сегодня Новый год, и мы будем веселиться… К черту тосты!..

И опять звон бокалов, пожелания счастья, поцелуи, смех и шутки… Яша взял гитару и стал петь модный романс. Бакланова точно не стало. Замолчал, стушевался… На лице приятная, угодливая улыбка…

– Нина, ты пойдешь домой? Я ухожу. Утро уже…

– Нет, я еще не пойду. Зачем расстраивать компанию…

* * *

В новом, семнадцатом, году пока никаких перемен нет. Так же хожу каждый день в госпиталь и так же каждый день перевязываю раны, присутствую и помогаю при операциях. И все так же одним скоблят загноившиеся кости, другим распиливают и поправляют неправильно сросшиеся куски костей и затем снова пригоняют один обрезок к другому, стараясь придать им нормальное положение.

Все озабочены, ходят по опустевшим лавкам и покупают за большие деньги все нужное и ненужное, делая всяческие запасы продуктов. Точно это их спасет от голода, если он действительно наступит!

Была у знакомой, жены товарища моего Вани. Муж ее, призванный из запаса, получил назначение на Западный фронт и работает где-то в запасном полевом госпитале. А докторша беспокоится, что трудно доставать продукты.

– Вы, Тина Дмитриевна, делаете запасы? – спросила она меня.

– Нет, я лично не делаю. Может быть, Нина покупает и прячет; мне это и не нужно…

– Да, вы одна. А я делаю; у меня дети, им нужно всего в достаточном количестве и вовремя. Я запаслась даже мукой и, если понадобится, буду дома печь хлеб для них.

– Нина, делаешь ли ты запасы продуктов? – спросила я, когда вернулась домой.

– Нет! Какие я могу делать запасы и надолго ли их хватит! Лучше ничего не делать.

– Многие делают.

– Ну и пускай их делают! За деньги, в конце концов, все можно купить… Все равно сейчас уже все стало дорого. Если даже накуплю, то где хранить буду?.. Вон у папы на всех шкапах целые склады, точно продовольственная лавка. Да все равно! Если наступит голод, так и запасы не спасут… Если будем голодать, так папа добудет, что нужно, для детей… А ты послушай, что делается на Западном фронте! Газеты пишут ужасные вещи. Вплоть до того, что царю предлагают отречься от престола…

– Это неправда!.. Кто осмелится сказать это царю?..

– А вот ты почитай газеты! Увидишь сама. Солдаты устали воевать, домой хотят! Были случаи избиения офицеров солдатами…

– А разве офицеры не устали? Они тоже хотят домой… Но у них есть сознание долга и чести… Они не бросят фронта и не пойдут домой!

– Я не знаю! Но на фронте голод и нет ни снарядов, ни патронов!..

– Откуда ты это все знаешь?! – сердце тоскливо сжалось… Неужели кончится война и все разойдутся по домам, а

Вани нет, и он не вернется домой… И никогда не будет у меня ни дома, ни семьи…

– Нет! Война не кончится так скоро… Если солдаты бросят фронт, турки придут в Баку, возьмут наши дома! Куда ты денешься тогда с четырьмя детьми?!

– Ну, до этого не дойдет!.. Но воевать довольно!.. Устали все…

– Хорошо! Но как только война кончится, немцы сейчас же отпустят всех пленных. У них у самих голод, и они рады будут избавиться от лишних ртов… А как только распустят пленных, так сейчас же приедет Алексей домой…

– Вот это будет для меня большое несчастье! Ну да до этого еще далеко… А что ты так страшно кашляешь, точно у тебя коклюш? – спросила Нина.

– Не знаю. Спрошу завтра у доктора. Я кашляю уже несколько дней. Но как-то некогда все было обратить на это внимание.

Но спросить не удалось: ночью поднялась температура. А утром позвали доктора, и он определил: воспаление легкого. К вечеру из госпиталя приехали уже три врача, устроили консилиум и определили разлитой бронхит обоих легких. Потянулись кошмарные дни и ночи… Я думала, что задохнусь: жарко, нет воздуха, дышать нечем!.. День и ночь по очереди дежурили знакомые врачи. Днем через каждые два часа они сменяли друг друга. Спасибо им всем… Вот ведь когда заболела! Что бы заболеть в прошлом году, когда был жив Ваня?..

Позже, когда я поправилась, Нина говорила, что все думали, что я не перенесу болезни.

– Ты так ужасно дышала, что в гостиной нельзя было сидеть.

Через две недели мне стало лучше, и я стала поправляться, хотя кашель и был еще очень сильный…

Как-то, влетев в мою комнату, Нина сказала:

– Тина, знаешь, царь отрекся от престола. В городе полное ликование! – и она сейчас же вышла из комнаты.

Царь отрекся! Сам добровольно отрекся от своего народа!.. Как же мы будем жить? И почему она радуется?.. Сердце больно сжалось, как бы в тяжелом предчувствии чего-то непоправимого, ужасного… Никогда я не представляла себе России без царя!.. Это то же самое, что семья без матери… Царь мне представлялся вроде матери для всего русского народа. С ним было спокойно и все ясно… Без него – разруха… Недаром русский народ говорил: «Царь заступится»… Где бы русский человек ни был, всюду он был под защитой и покровительством могущества России и царя… Никто не смел безнаказанно обидеть русского человека!.. А теперь? Все рушилось!..

Нина вернулась в комнату.

– Жаль, что ты не можешь встать и выйти на балкон. Сколько народа идет на нашу площадь! Все одеты по-праздничному, точно на Пасху…

– Не радуйся! Россия развалится, захлебнется в этой грязной волне разрушения, когда солдаты пойдут с фронта по домам… Если солдаты не слушаются своего начальства и бросают фронт, который им поручили защищать, то это уже не защитники наши, а страшная, дикая разбойничья банда… Ты увидишь, что они придут в твой дом, разграбят его, изнасилуют твоих детей и убьют тебя…

– Тина, что ты говоришь! Успокойся! – сказала Нина.

Но я судорожно, бессильно плакала, задыхаясь в кашле…

Пришел доктор, сделал мне впрыскивание, и я заснула… Дальше дни пошли все страшнее и страшнее. С утра и до вечера мимо нашего дома шли толпы с песнями, с оркестрами. Гул с площади доходил до моего окна. Там непрерывно происходили дикие, никому не понятные митинги, доводившие толпу до истерики. Все произносили речи, которых никто не слушал и не понимал…

– Барыня, сегодня парад на нашей площади. Околоточный приказал, чтобы все балконы и окна украсить красным… А музыки-то сколько прошло мимо!

– У нас нет ничего красного, – сказала Нина.

– Есть. Да я не знаю, позволите ли вы порвать для украшения?

– Что есть?

– А шерстяное стеганое одеяло!

– Да ведь оно новое… Ну, хорошо, возьми.

Даша ушла, а Нина присела ко мне на кровать и сказала:

– Ты знаешь, что эта наша революция – первая в истории без капельки пролитой крови? Царь сам подписал отречение, и все успокоились… И теперь будут воевать до победы!

В это время мимо наших окон, звонко цокая подковами по булыжнику, шла какая-то казачья сотня. Визгливый оркестр и громкий посвист казаков как-то странно действовал на душу. Так же они ходили и на царские парады…

– Вон, видишь! И казаки идут на парад народа, – сказала Нина и вышла из комнаты.

– Барыня! Хоть бы вы подошли к окну. Сколько опять идет музыки-то. Казаки вон идут! У всех красные башлыки! Настоящая революция! – Даша бросилась к окну. – А вы лежите! Хоть бы в окно посмотрели…

– Не хочу смотреть! Уйди!..

Слова Бакланова оправдались… Демократия родилась, точно саранча, вылезла из-под земли и быстро распространяется повсюду…

Я поправляюсь. Встаю и хожу по комнате, но кашель очень беспокоит меня и моих докторов. Из-за него не могу еще идти работать.

– Тетя! У нас в гимназии сегодня был митинг, – говорит Надя. – Теперь все свободны, и нам никто не может сказать, чтобы мы учили уроки. И классная дама не имеет права запрещать нам играть, сколько мы хотим! Это сказала одна наша девочка. Она самая умная в нашем классе; у нее отец доктор. Мы сегодня выгнали одну учительницу из класса! Учительница вошла в класс во время митинга и сказала, что это нехорошо для девочки – влезать на парту и кричать, как извозчик… Ну, мы стали кричать: «Долой, долой отсюда». Она ушла. Тетя, это не только у нас в классе митинги, а во всех классах! И даже на нашей площади и на улицах!..

Как-то к нам пришел денщик нашей соседки. Муж ее – адъютант Сальянского полка. Я спросила его, рад ли он, что царя нет больше.

– Не знаю еще! Говорили, что большая свобода всем выйдет; домой пустят; землю отберут от помещиков и нам, крестьянам, отдадут. Жалко царя тоже!.. Мы ему присягали. – И он замолчал. Точно вспомнил, что клялся верой и правдой служить царю!.. – А теперь, выходит,

измена… Может быть, наследнику послужим еще. Разное говорят… Будто власть теперь перейдет к солдатам. Другие – что наследник взойдет на престол?.. Не разобрать!..

Еще в первые дни революции Яша сказал:

– Слава богу, кончилось это гнетущее ожидание. Меня могли каждую минуту потребовать к воинскому начальнику и послать на фронт. Но теперь конец войне!..

– Вернее, конец всякому благополучию. А воевать будут!

– Да нечем воевать-то! Ничего нет! Ни пушек, ни патронов… Говорят, что солдаты не слушаются начальства, бросают ружья и уходят с фронта… Устали, что ли?..

– А конечно, устали! Вот бы на смену им послать таких, как ты… Ты ведь три года пьянствовал, пальцем не шевельнул, чтобы помочь Родине воевать!..

Напрасно только Яша радовался, что фронт распадется, и войне конец!.. Как только отпраздновали «единственную, бескровную», сразу же потребовали его, хотя и не к воинскому начальнику, а к комиссару… Только всего и разницы было! Да еще, что жить он стал не в казарме, а в реквизированном частном доме на нашей же Биржевой улице, теперь переименованной в улицу Свободы… И с утра до вечера обучают военному искусству сотни запоздалых солдат под палящими лучами солнца, стараясь сделать из них солдат… А в это время Маня сидела тут же на тумбе под зонтиком или в чьем-нибудь подъезде, в тени, и глядела, как ее муж валялся в пыли, стреляя в невидимого врага, и ждала, когда кончится мучение ее дорогого Яши. Домой Яша приходил злой, раздраженный и измученный до последних сил. Маня старалась каждого нового комиссара заманить к

себе на обеды и ужины. Таким образом ей удалось сразу же задобрить их, и Яше разрешили ночевать дома.

* * *

Когда я в первый раз вышла из дому, была уже жаркая весна. Хотела идти в госпиталь, но у самого подъезда встретила моего палатного врача – доктора Григорьяна.

– Ну что, как ваш кашель? – спросил он.

– Кашляю еще. Но уже могу работать, доктор.

Он взял меня под руку и повел прочь от подъезда госпиталя.

– Нечего здесь вам больше делать! Вы лучше полечитесь еще хорошенько! Вон какой у вас нехороший кашель! – Он рассказал мне все госпитальные новости. – Как только объявили свободу, какие-то подозрительные типы пришли в госпиталь и стали вести беседы с ранеными. Результаты этих бесед сказались сейчас же! Первым делом пациенты госпиталя выкинули фельдшерицу с вещами прямо на мостовую, и всем стали распоряжаться сами раненые солдаты… Главный врач в госпиталь больше не приходит… Делать операции солдаты никому не позволяют. На перевязки приходят только тогда, когда от раны идет вонь… В перевязочной во время перевязок идет сплошной скандал… Раненые говорят сестрам грубости и пошлости… Многие из старых сестер больше не приходят в госпиталь – не могут примириться с ужасным положением дела! Я сам готов каждую минуту бросить госпиталь – работать все равно нельзя!.. Раненые выбрали из своих же солдат комитет, который всем распоряжается, и остановили всю

жизнь госпиталя… Они даже не позволяют принимать новых раненых и больных в госпиталь! Хуже не придумаешь! Вы вот что, сестра Семина, приходите-ка ко мне на дом! Я вас выслушаю. Очень уж у вас кашель нехороший! А в госпитале больше делать вам нечего!

Вот! Оборвалась еще одна жизненная нить!.. Три года работала, забывала самое себя… Старалась помочь, облегчить страдания, как братьям… А они теперь просто-напросто выгоняют сестер и врачей, как своих тиранов и мучителей…

Время шло, и события летели. Три месяца только, как пришла «свобода», а фронт оказался уже не впереди, а в глубоком тылу! Кого ни встретишь – все какие-то грязные, немытые; все куда-то спешат; вид у всех растерянный, печальный… Встретила знакомую А. К. и глазам своим не поверила. Буквально немытая! Одежда помята; ботинки не чищены, грязные, порыжевшие; шляпа смята – набоку; волосы нечесаны, выбились из-под шляпы сосульками!.. Глаза бегающие, испуганные…

– Здравствуйте! Что с вами?..

– Ах, Тина Дмитриевна! Здравствуйте! Я вот бегу к воинскому начальнику. В казначействе не выдают больше жалованье мужа и ничего не могут объяснить мне, почему… Сказали пойти к воинскому начальнику – может быть, он что-нибудь объяснит… Ведь у меня дети, а денег нет… Я уже и так задолжала всюду! – Она метнулась дальше, позабыв попрощаться со мной…

Только пришла домой, прибежала Даша:

– Барыня! Вас зовут к Черняевой. У них квартирантка застрелилась…

Когда я пришла к квартире Черняевой, там уже стояла группа женщин, жаждущая получить новости из первых рук. Они пропустили меня. В комнате, на кровати, лежала молодая женщина в юбке и белой блузке. Светло-русые волосы разметались по подушке. Лицо простое, спокойное… В правой руке зажат большой, военного образца, револьвер. (Я сразу его узнала! Ваня таким же застрелился.) Кофточка вся в крови. Я взяла руку – пульса нет… Кончилась еще молодая жизнь… Тихонько открылась дверь, и бесшумно вошла старуха, квартирная хозяйка, утирая глаза кончиком фартука… Не отходя от дверей, она спросила шепотом, точно боясь разбудить спящую:

– Что? Насмерть порешилась?..

– Да. Мертвая!.. Одна минута – и всё кончилось!..

– Я вот тут, в коридоре, стояла… Слышу, они так это по-хорошему разговаривают, спокойно. Потом он вышел… Пошел в уборную. И только закрыл за собой дверь, как вот, в комнате-то, как стукнет! Я прямо подпрыгнула и не могу сразу-то понять, что случилось… А он мимо меня да в дверь… И кричит: «Она застрелилась! Она застрелилась!» Я, значит, заглянула к ним в комнату, вижу кровь… Ну и побежала за вами… Вы ведь одна во всем доме это дело понять можете, – помолчав, она опять спросила: – Так вы думаете, насмерть кончилась?.. Недавно она к нему приехала… Но, видать, он-то не очень чтобы был рад ей.

В это время в комнату вошел молодой прапорщик в щегольском френче, брюки галифе, высокие сапоги. Все на нем было новенькое и нарядное; да и сам тоже очень еще

молодой, блондин, лицо простое – русское. Не подходя к кровати, он спросил меня без особого отчаяния или огорчения:

– Что теперь делать? Она мертвая?..

– Да, она умерла! Нужно прежде всего сообщить в полицию…

Я вышла из кваритры. Во дворе стояла группа женщин. Меня сразу обступили и стали расспрашивать.

– Неужели правда, что застрелилась квартирантка Черняевой? Молоденькая какая была! Совсем недавно, поди, женились-то. А вот уехал в большой город и разлюбил…

– Да она и не жена ему была! Уж очень простая… А он вон какой шикарный прапорщик, – сказала другая.

– Ну, знаете, теперь все приказчики и конторщики сделались прапорщиками. Так это еще не значит, что они лучше своих жен!

Каждое утро газеты выходят чуть ли не по десяти страниц. И чего только не писали там! Прямо невероятные вещи!.. И все в форме приказаний! Всем, у кого есть «домашние служащие», не задерживать их в дни митингов, посещение которых обязательно для всех домашних работниц и работников!.. Хозяева, виновные в том, что задержали и не позволили пойти своим служащим на митинги, будут привлекаться к ответственности!..

Пришла с одного такого митинга и наша Даша и объявила, правда, сильно смущенная, что на митинге постановили хозяек больше не называть барыней, а по имени и отчеству… И чтобы прислугу не называть на «ты»!..

Даша хохочет, вспоминая, что происходило на митинге.

– Сколько баб-то набралось! Страсть!.. И все стали ругаться нехорошими словами. Прямо ужас! И всё своих хозяек ругают! Ораторша-то останавливает их: «Подождите, мы их, этих хозяек, иначе доймем! Теперь равноправие – все граждане! А ругаться нехорошо. Этим вы унижаете собственное достоинство...» Ораторша вызывала разных женщин и заставляла их рассказывать, как с ними обращались их хозяйки. Ох, и умора!.. Как только станут рассказывать, так и ругаются такими словами, – она запнулась в смущении, – что прямо стыдно и вспомнить!.. Вот еще нам сказали, что, если к нам приходят гости, то чтобы мы их принимали в хозяйской гостиной. И чтобы на митингах рассказывать обо всем, что говорят между собой хозяева...

– Вот мерзость! Сразу из честных людей делают подлецов и шпионов! – сказала Нина. – Кто эта ваша ораторша?

– Никто ее не знает. Она только что приехала из тюрьмы! Когда мы пришли на митинг она сказала: «Смотрите на меня! Я десять лет сидела в тюрьме. Царские опричники засадили меня туда! Я десять лет страдала в Сибири для того, чтобы вы были свободными гражданами... Теперь я научу вас, как нужно жить свободным гражданам». Вот, она еще говорила, что Бога нету и в церковь ходить не нужно: «Только деньги попам носите!..»

Я спросила Дениса, ходит ли он на такие митинги?

– Да, был один раз; ничего!.. Обещают все как следует: свободу и землю, и что скоро по домам распустят! Хорошо говорят!..

Как-то пришел ко мне старший дворник:

– Барыня! Тина Дмитриевна! Что мне делать?! – Он был совсем смущен и расстроен. – Раньше я все знал, что мне делать… А теперь свобода! Ничего понять не могу… Посмотрите, вон, Лебедева посреди двора собрала женщин, митинг устроила и говорит, что Бога нет и царя нет!!! Я подошел к ним, а она, точно я и не старший дворник, прямо смотрит мне в рожу и говорит: «Царь у вас был немец, а Бог – еврей! Царя мы у вас теперь отняли, а Бога вашего убили чуть не две тысячи лет назад!..» Ходил я в участок, а там такое творится, что и сами ничего разобрать не могут… Полон участок дворников, околоточных; все спрашивают друг друга, а понять никто ничего не может. Я увидал нашего околоточного и докладываю ему все, как нужно, по закону. А он выслушал, да только и сказал: «Пускай она, стерва, вышепчется!» И ушел.

Тяжело было смотреть на Афанасия. Все, чему он верил, и все, что считал порядком и законом, рушится!.. И не за что ухватиться, чтобы выровнять и наладить снова жизнь…

– Ничего, Афанасий! Все устроится! Не обращай внимания… А там видно будет…

Мало бодрости было в моих словах. И он ушел понурый, тяжело ступая по навощенному полу… Только он ушел, пришла старая квартирантка. Взволнованная настолько, что посинелые губы дрожат, рот раскрывается, видно, что-то хочет сказать, но не может…

– Да что это такое!.. Почему вы никакого внимания не обращаете?! – наконец выговорила старуха. – Она говорит такие вещи!

– Кто?!

– Да Лебедева!.. Она оказалась еврейкой!

– Ну, так что?! Это ее дело.

– Как – что?! Она ходила в церковь! На Пасху пекла куличи, красила яйца! А теперь говорит, что Бога нет! «А Христос был еврей, и мы, – говорит, – его у вас убили!..» «Так как же ты ходила в нашу церковь!..» – спросила я ее. А она: «Муж-то мой русский. Вот я и ходила… А скажи я вам, что я еврейка, так вы бы меня затравили. Теперь свобода для евреев. Мы еще будем и править вами!»

Старая женщина замолчала, пот и слезы катились по ее лицу, но она не замечала их.

На другой день после всех нервирующих событий и после объявления всех «свобод самой бескровной в мире революции» рано утром на улице около нашего дома я услышала шум и крик толпы… В мою комнату влетела Даша и не то с радостью, не то с испугом сказала:

– Смотрите! Народ пришел грабить сахарные склады!

Как раз против нашего дома, в двухэтажном длинном здании, были склады сухих продуктов. О существовании их я и не подозревала! Каждый день я видела из окна эти крепкие магазинные двери наглухо закрытыми и не думала, что за ними хранятся тысячи пудов сахара. И, я думаю, никто не знал до революции о существовании этих складов… Я встала, подошла к окну и увидела ревущую на улице толпу, которая старалась выбить крепкие двери складов. Сотни баб и мужчин выковыривали из мостовой булыжники и бросали их в двери. Кто-то кричал: «Найдите дворника! Найдите дворника! У него ключи от складов!» – «Бревно нужно! Бревно нужно! Бегите на лесные склады и принесите пару бревен. Враз откроем все двери!» – кричали мужчины. Человек двадцать мужчин и женщин побежали и скоро

вернулись, таща бревна. Стали ими стучать в дверь склада. Первая дверь была выбита, и из нее полетели на улицу синие пирамиды сахарных голов. Их хватали близ стоящие люди, а у них вырывали из рук другие и убегали с ними дальше. Но и у этих тоже отнимали… Бабы и мужчины, которым удалось овладеть добычей, всеми способами отбивались от наседавших на них соперников. Если удавалось вырваться, счастливец бежал вдоль улицы, держа добычу над головой… Из раскрытых же дверей складов вылетали новые и новые синие пирамиды, попадали в руки других ловкачей, которые тоже искали сохраны добычи в бегстве… Какой-то мужчина, захвативший уже одну сахарную голову и зажавший ее крепко под мышкой, свободной рукой старался поймать еще и другую. Но не успел он отойти, как у него вырвали из-под мышки одну голову… Он ругался и стал отбиваться свободной рукой от целой толпы баб, которые, как разъяренные собаки, кидались на него, стараясь вырвать у него и другую синюю голову. Скоро они вырвали у него ее и сами бросились бежать, но и у них тоже другие бабы стали отнимать.

– Вишь, какой коммунист выискался! Две головы сахару забрал, – кричали бабы. Мужчина, потерявши свою добычу, опять бросился к дверям склада, расталкивая толпу локтями и всем своим крепким телом. А толпа все росла и увеличивалась… Из всех переулков, со всех концов улицы бежали новые и новые толпы падких до чужого людей… Толкаясь и ругаясь, все старались пробраться ближе к самым дверям, откуда по-прежнему вылетали синие пирамиды сахарных голов… Две женщины, визжа и ругаясь, вцепились руками в сахарную голову и каждая тянула ее к себе. Вдруг какой-то мужик толкнул одну из баб, вырвал сахарную

голову и побежал с ней прочь. Но бабы его сейчас же догнали и стали тянуть от него свою добычу. Мужик стал отбиваться от баб всем, чем только мог: он лягал женщин, ударял их локтями и головой. Освободив одну руку, бил их по голове и по лицу, они увертывались от его ударов и снова дергали сахарную голову и его руки. Вдруг мужчина обхватил обеими руками сахарную голову, взмахнул ею кверху и опустил на голову одной из нападавших женщин… Сахарные брызги, окрашенные кровью, разлетелись в разные стороны. Женщина опустилась на мостовую…

Раздались крики: «Убили, убили!» Это кричали несколько близ стоящих женщин. Но почти никто из толпы не обратил внимания на упавшую женщину!.. Все взгляды были обращены к складам синих сахарных пирамид. Совершенные звери стали! Кто их так скоро сделал такими?! Я отошла от окна…

– Скажи дворнику, чтобы ворота держал все время закрытыми.

После полного разграбления складов подобрали несколько трупов, совершенно изуродованных…

– Дочиста разграбили все склады! – сказал дворник. – Хотя и татарские они были, но все же это непорядок!..

* * *

Кашель у меня не проходит, и вес не прибавляется. Мои друзья-врачи требуют, чтобы я уехала на месяц или два в Абастуман, чтобы остановить кашель. Уложила вещи и пошла попрощаться с Иваном Яковлевичем.

– Хорошо делаешь, что уезжаешь отсюда! Там, может быть, лучше люди живут. До них этот разврат еще не дошел. – И сразу же стал ругаться: – «Свобода! Свобода!» А жрать почти нечего!.. Всюду очереди… А достать нигде ничего нельзя! А эта татарва! Обнаглели совсем! Говорят, что теперь Баку – их столица! А? Что ты на это скажешь?! Раньше они не решались ходить по тротуару! А теперь идешь, а он толкает тебя в бок, чтобы ты дал ему дорогу! Вот до чего дожили!.. С таким правительством все с голоду подохнем!.. – мрачно закончил он.

Приехала в Боржом, но дальше еще ехать нельзя; были дожди, и грунтовая дорога размыта. Туда ходят только линейки, железной дороги нет. В Абастумане еще лежит снег, а здесь, в Боржоме, тепло, солнце; в курзале играет оркестр… Взвесив все это, я решила пожить здесь и попить боржомскую воду. В Абастуман поеду, когда станет теплее…

В Боржоме тоже была еще тишина; публики было очень мало. У источников по утрам собирались пить воду старики и женщины с обвислыми подбородками, с желтой дряблой кожей, но напудренные и подмазанные. Они пили воду, сколько им полагалось, проделывая положенный моцион, и уходили домой, унося свои больные печени и подагру. Я часами просиживала в совершенно пустом парке, почти не видя ни одного человека. Но эта тишина, солнце, тепло и чудесный воздух было все, чего я хотела… Я целиком уходила в воспоминания и день за днем переживала все, что ушло безвозвратно в прошлое… Снова и снова я проверяла ту прошлую жизнь и пережитую только что драму… Я искала причины случившегося, но не могла найти их… Я видела только печальное лицо Вани и слышала его слова: «Смотри на меня как на больного. Если тяжело, пей вино вместе со

мной...» Неужели ничего нельзя было сделать?.. В чем моя вина?..

Но вот стали появляться кругом какие-то новые лица... Однажды подошел ко мне какой-то господин. Он держал в руках фотографический аппарат и спросил у меня разрешения снять меня. И не успела я дать согласие, как он уже меня сфотографировал.

– Я уже второй день наблюдаю за вами. У вас такое печальное лицо, а ваш костюм и весь облик очень эффектны. – Он представился и оказался присяжным поверенным из Кутаиса. На другой день он принес и дал мне две открытки с моим изображением.

С каждым днем в курзале и парке становилось люднее и шумнее. Я обратила внимание на одну даму. Она была молода, небольшого роста; стриженые волосы были завиты и высоко взбиты; в ушах большие кольца-серьги; губы красные, как мак; крошечные ноги в туфлях на страшно высоких каблуках... И всегда она была великолепно одета... Но что еще больше бросалось в глаза – это ее огромная, белая с коричневыми пятнами борзая собака. Каждый день, а то и два-три раза в день, эта женщина меняла платья, и каждый раз менялся и бант на шее собаки, и такого же цвета, как платье хозяйки. Вскоре мы с ней познакомились. Она оказалась женой артиллерийского офицера, который тоже приехал в Боржом. Он был очень высок ростом и красив. Он часто брал свою маленькую жену на руки и носил, как ребенка. Познакомилась я и еще с одной маленькой и очень хорошенькой женщиной, которая приехала в Боржом отдыхать от двух мужей (как она сама сказала).

– Паршивый этот Боржом! – говорила она. – Здесь всегда живешь на виду у всех! У меня в Тифлисе есть комната, куда я уезжаю и где провожу время как хочу. А здесь я никогда не спокойна! Каждую минуту встретишь кого-нибудь, кого совсем не хочешь видеть! А кого хотела бы встретить – никогда не найдешь… Надоело мне это ужасно!..

* * *

Каждый день собираюсь уезжать в Абастуман!.. Но новые мои знакомые уговаривают меня отложить отъезд еще на денек… Время идет, а я все еще сижу здесь. По правде сказать, я не огорчена этой задержкой. Здесь с каждым днем становится все лучше и веселее. Теперь уже с утра и до вечера парк заполнен интересной публикой. В курзале, около источников, всегда большая очередь, чтобы получить стакан воды. Мне доктор не прописывал пить ее. Но как-то, давно еще, Ваня говорил, что у меня есть предрасположение к образованию камней в почках и что было бы очень хорошо, если бы я стала пить боржомскую воду. Вот я и пью ее… Совершенно неожиданно встретила знакомого, генерала Левандовского.

– Как тут у вас хорошо! – сказал он. – А в Тифлисе чистый ад! Жара! Всюду толпы солдат! В ресторанах не дождешься, когда подадут заказанную еду!.. А здесь совсем другой мир!

На другой день генерал Левандовский пригласил меня поехать в имение великого князя Николая Николаевича, посмотреть оранжереи. Там он поднес мне прекрасную орхидею…

Получила письмо от Нины: «Ужасно все дорожает, – писала она, – а Алексей все просит присылать ему свиное сало. Яша устроился в Баку на распределительном пункте, кем и чем, не знаю. Он с Маней все пружины нажали, чтобы остаться в Баку. Хотели набавлять на квартиры, но по закону военного времени этого сделать нельзя. У Ваньки умерла жена…»

А вот и мои девочки пишут мне тоже: «Тетичка, у нас не было экзаменов. Вот это – так свобода!!»

Хотя кашель мой много лучше, но нужно слушаться врачей и исполнять их предписания. На завтра заказала фаэтон и уезжаю в Абастуман…

Дорога все время шла по легкому подъему долины между горных гряд. Чем ближе к Абастуману, тем выше и круче становились они. А вскоре долина перешла в узкое, крутое и глубокое ущелье, сплошь заросшее густым хвойным лесом. По дну ущелья бурлила, шумела и пенилась неглубокая горная речка. По обеим сторонам его потянулись дачи. Какое чудное, тихое место… Нашла прекрасную комнату. Разложила свои вещи и пошла осматривать Абастуман. Все здесь мне нравилось – улицы, дома, люди… Лавки полны товаров. Чудесный мед, свежие яйца и овощи. Всего много, и все можно покупать без всякой карточки и без очереди. Утром иду брать ванну. Это от моего дома, где я живу, версты две, а то и больше. Но я чувствую такую бодрость, что весь путь иду – точно на крыльях лечу. Ванное здание казенное, и ванны эти в первую очередь даются военным, которые лечатся в местном военном госпитале. Но здание огромное, ванн много, и поэтому имеется полная

возможность удовлетворить требования и частных лиц, хотя по цене довольно высокой. Всякий приезжий, желающий брать эти ванны, должен записаться на нужное ему количество их, получить указание, когда он может их брать. Вода в ванне проточная, и температура всегда одинаковая. Ванны очень глубокие, когда сидишь, то доходит до шеи. Моя очередь была в десять часов утра, но я всегда приходила немного раньше и ждала, когда освободится моя ванна. И другие тоже приходили пораньше и ждали. Все они знали друг друга, так как живут здесь давно и встречаются каждый день. Каждое утро я слышу один и тот же разговор: «Здравствуйте, милая! – приветствует одна другую. – Как спали? Не потели ночью?.. Сколько сегодня вам нужно съесть яиц?» – «Я вчера съела восемь! А сегодня нужно на два больше». – Вдруг они заволновались: «Где же это Ольга Петровна? Не заболела ли? Она вчера плохо выглядела». Но в этот момент дверь открылась и вошла еще одна дама. Она шла медленно и, завидев сидевших дам, улыбнулась им. «А вот и вы! А мы уже стали волноваться, здоровы ли вы!» – в один голос сказали все… «Ну, как чувствуете себя? Ели ли сегодня яйца?..» – «Сало кое-как одолела… Но яиц – не могла! Доктор говорит мне, что я скоро совсем поправлюсь. Он сказал, что мои легкие залиты салом».

Я невольно взглянула на говорящую, и жутко стало на душе… Точно на скелет надето платье. Лицо отекшее… Кожа серая, губы синие… Она с трудом вбирала в грудь воздух, и с каждым ее словом воздух со свистом выходил из раскрытого рта…

Дамы потеснились и дали ей место сесть. Опять все заговорили о том, кто сколько съел яиц или сала. Но странное дело! Ни одна из них не жаловалась ни на болезнь,

ни на плохое самочувствие… Все говорят только о том, что все идет им на пользу, что они поправляются и мечтают скоро поехать домой. Та, что ела свиное сало, на другой день не пришла. А через несколько дней я узнала, что она умерла…

* * *

После ванны иду куда-нибудь, где меньше народа, и лежу на солнце. Воздух густой, сосновый и бодрящий… Хочется говорить и смеяться… С заходом солнца иду домой, сижу на балконе и слушаю музыку – недалеко от моего дома играет военный оркестр. Одной выходить вечером в парк после революции стало опасно… Вчера в парке на проходящую даму напали солдаты и ограбили ее дочиста. Здесь есть большой военный госпиталь, и в нем теперь особенно много больных, раненых и выздоравливающих солдат и офицеров. Пока была Россия, был порядок, люди не боялись друг друга. Но теперь всякий делает, что хочет, а вернее, то, что ему раньше было запрещено человеческим законом. На днях я познакомилась с сестрой милосердия из военного госпиталя. Она таких вещей мне нарассказала, что прямо жутко стало. Солдаты грубят сестрам и врачам, не исполняют предписания врачей, пьянствуют. Уходят из госпиталя, когда хотят. Приходят пьяные с песнями, будят больных, которые только по слабости здоровья не делают того же.

Я чувствую себя хорошо, не кашляю, но жить здесь очень скучно. Это уголок с сосновым лесом, с ярким, теплым солнцем, с минеральными ваннами, с госпиталями и с обреченными на смерть людьми, живущими в нем, отрезанными от всего мира. Газеты приходят сюда чуть ли

не недельной давности, хотя Боржом всего в нескольких часах езды… Да и ночной холод мне не нравится. Утром, когда просыпаюсь, пар от дыхания виден; вода в кувшине замерзает, и этой ледяной водой приходится мыться. Знакомые всё только и говорят о болезнях да о способах лечения от них. Поеду обратно в Боржом. В Боржоме сейчас масса нарядной публики. И жизнь там почти нормальная, есть какая-то связь с внешним миром.

Но уехать отсюда не так-то легко! Здесь имеется почтовая станция, которая держит очень мало лошадей и линеек. Она посылает одну-две линейки в день и, чтобы попасть пассажиром на них, нужно записаться заранее – за 7–10 дней, а то и за 2–3 недели. Есть, конечно, и частные извозчики, но и на них нужна тоже запись вперед. Цены же их зависят только от настроения и фантазии хозяина. Прямо ловушка какая-то! Я не могу жить здесь еще две недели и должна ехать немедленно!.. Я обратилась к однорукому чиновнику, сидевшему на станции в «конторе» и записывавшему очередь на линейку. Он поднял голову и уставился на меня мутными, ничего не понимающими глазами.

– Ваша очередь, г-жа Семина, через две недели, – наконец заявил он. – А до тех пор все места расписаны.

– Я же вам сказала, что я должна ехать в Боржом сегодня же! У меня там дело. Я работаю в госпитале, и мой отпуск кончается! – с жаром ответила я. Но мои слова не произвели никакого впечатления на эту мумию-чиновника…

– Ничего не могу сделать для вас! У меня нет мест на линейке… Вот разве кто-нибудь из записавшихся заболеет и не поедет. Тогда я вам дам знать. А может быть, кто-нибудь

приедет сюда из Боржома на вольном фаэтоне. Тогда фаэтонщик возьмет вас на обратный путь. – Он устало отвернулся от меня и уставился в тетрадь с записями пассажиров, считая разговор со мной законченным…

Я пошла к знакомым Рыхальским и рассказала им свои неудачи и огорчения.

– Не могу я жить здесь еще две недели! А как получить лошадей, не знаю.

– Я и сам тоже беспокоюсь! Мой отпуск кончается, мне нужно вовремя быть в Тифлисе! Но если станция у них так забита, то и я не получу место вовремя!

Рыхальский приезжал навестить больную жену, которая живет здесь все лето. А сам он штабной офицер и не мог пробыть здесь ни одного лишнего дня.

– Знаете, Тина Дмитриевна, что мы с вами сделаем? Пошлем телеграмму в Боржом и вызовем оттуда фаэтон! Иначе мы не выедем отсюда еще бог знает сколько времени. Согласны вы со мной?

Конечно, я была согласна. И через два дня мы выехали из ущелья смерти и печали…

После Абастумана Боржом показался мне раем. Я опять устроилась в прежней своей комнате и сейчас же пошла в парк. Сразу же увидела много знакомых. Все по-прежнему веселы и беспечны. Вокруг дам толпы новых поклонников…

– Тина Дмитриевна, вылечили свою чахотку? – спрашивали меня. – Вы кстати приехали! Мы устраиваем пикник с рыбной ловлей; там же на реке будем ее жарить.

– Если, конечно, поймаем что-нибудь, – добавил один из мужчин…

Как здесь все радостно и приветливо! Цветы, музыка, здоровая и веселая толпа… Ворота в парк были раскрыты настежь, а доска с надписью «собакам и солдатам вход воспрещается» исчезла…

В день пикника ко мне зашла Барсукова с собакой, и мы пошли к сборному пункту – к хорошенькой Вале, у которой два мужа. Еще издали мы услышали смех и громкие мужские голоса, несшиеся из квартиры Вали. Мы открыли дверь, но не успели еще поздороваться, как что-то чавкнуло, а затем раздался крик ужаса хозяйки, и мы увидели, как облизывалась собака.

– Мой зайчик! Мой зайчик, – кричала Валя.

– Держите собаку! Держите собаку! В комнате зайчик! – кричали и мужчины…

– Где зайчик?.. Откуда у вас взялся зайчик? – спрашивала Барсукова, держа собаку за ошейник.

Хозяйка утирала платочком глаза, в которых не было слез. Мужчины стали ползать на коленях по полу, заглядывая под все кресла и стулья в поисках зайчика, которого будто бы проглотил Быстрый.

– Господа! Пора ехать! Нас будут ждать. А поминки по зайчику справим на пикнике, – сказал один из кавалеров.

– Не плачьте, Валичка! Я вам принесу другого, – сказал другой.

Поехали на фаэтонах вдоль речки и в лесу, недалеко от дороги, расположились пикником. Несколько человек пошли ловить форелей. Больше для виду, так как, конечно, ни одной не поймали. Да закуски и так было много.

– Водки по рюмочке, а шампанского по бутылке на человека, – сказал тамада…

После пикника я долго не видела моих новых знакомых дам: одна уезжала в Тифлис к мужу, другая в Батум. Об этом я узнала, когда она вернулась и сама рассказала мне.

– Тина Дмитриевна, я влюблена!.. Теперь уже на всю жизнь буду только его одного любить. Он так красив, как бог!.. И беден как церковная крыса. – И выглядела она действительно счастливой! Глаза блестели; все время радостно смеялась…

Сегодня, совершенно неожиданно, встретила в парке знакомого, полковника Павлова. Он командир стрелкового полка, и мы с Ваней его хорошо знали. Сколько раненых из его полка вывезли, когда он был на Ольтинском фронте и бессменно много недель сдерживал наседавшие на него большие силы турок. Транспорт мужа мог тогда вывозить раненых только по ночам, так как турки были очень близко, и подбирать и уносить наших раненых можно было только на руках и с огромной осторожностью, чтобы не услышали турки, которые очень нервничали и при малейшем подозрительном шуме открывали стрельбу…

– Захар Николаевич, и вы здесь?

– Здравствуйте, сестрица Тина Дмитриевна! Да! Вот привез сюда семью. И сам хочу отдохнуть от этого кавардака, который сейчас всюду. А у вас здесь прекрасно! Все веселы, нарядны! Как-то не хочется ни думать, ни реагировать на то, что творится в больших городах, и на фронте в особенности…

– Все равно ничем помочь нельзя!

– Нет! Вы, дамы, оставайтесь такими, как вы есть! А мы, мужчины, будем думать, как спасти положение… Ведь до чего огрубеваешь, живя месяцами в диких горах и видя, и слыша только солдат да свист пуль… Не хочется ни мыться, ни переменить одежду… А вот приехал я в Тифлис да увидел нарядных женщин, так прямо устыдился своего вида! Жена даже не узнала меня. Взял теперь отпуск на две недели. Но, если бы можно было, так никогда бы не поехал опять на фронт… Я со своим полком живу с первого дня войны. Солдат своих знаю, как родных детей. И всегда любил их столько же… Верил в них… Страдал их страданиями… Неустанно искал способа доставить им радость, удовольствие, отдых, оградить их от ненужных тягостей войны… И вот пришла эта развратная революция! Не стало солдата!.. Беззаветные герои стали трусами и предателями Родины… Недавно в моем полку был такой случай (к сожалению, не последний): командиры рот получили приказ выслать в полк определенное число солдат для разведки. Назначили и собрали их для отправки в полк. Но солдаты, переговорив между собой, заявили: «А ну-ка вы, товарищи офицеры, разведывайте, что вам надо, сами!.. А нам потом скажите, как и что у неприятеля!.. Мы же никуда не пойдем!..»

* * *

Ездила в Бакуриани собирать малину. Там ее масса. Выхожу из открытого вагона и увидела генерала Левандовского со всем своим выводком детей, но без собак, которых он так любит. У него в доме есть собаки всех размеров, пород и мастей. У каждого из детей по собаке, да еще денщики

везут самых больших и свирепых на возу с вещами, когда переезжают на дачу. Сегодня я не заметила ни одной из них.

– Где ваши собаки? – спросила я.

– Одну взяли с собою сюда, и ту уморила по дороге поездная прислуга, – сказал генерал. – Я знал, что на железных дорогах теперь творится что-то невообразимое; поэтому решил взять только Дружка. Бедный сенбернар! В его шубе в это время в Тифлисе он не мог выжить… Совсем там пропадал!.. Он сам ходил на Куру купаться или забирался в коровник в корыто с водой для коров и лежал там… Купил ему билет для проезда в собачьем помещении багажного вагона. Там есть специальная будка, но для сенбернара оказалась она мала. Жара стояла безумная! Дети на станциях выходили и просили вагоновожатого выпустить собаку немного погулять. Но он даже клетку в вагоне не захотел открыть… Хотели дать ей воды. Но и этого не позволили… Собака слышала голоса детей и жалобно выла… Приехали в Боржом, открыли будку: собака лежит мертвая!.. Задохнулась… Я сказал кондукторше, что она убила собаку, не позволив ни разу вывести ее из будки или дать ей воды, хотя это не только разрешается, но требуется по правилам железной дороги. Она нас же стала ругать: «Буржуи собак возят для своего удовольствия в вагонах!»

Приближается осень; по вечерам стало прохладно; в парке нельзя оставаться после захода солнца. Публика собирается в курзале, и все говорят о каких-то мрачных вещах…

– Половина населения помрет с голоду! – говорил какой-то пожилой господин. – Ни за какие деньги ничего нельзя будет достать!..

– А вы не боитесь умереть с голоду? – спрашивали дамы тифлисского миллионера, любимца женщин, Милова.

– С вами я ничего не боюсь! Если каждая из вас даст по кусочку хлеба, я и сыт!..

Не хочется мне ехать в Баку. Работать в госпитале нельзя, а жить с Ниной в одной квартире мне не хочется… Поеду в Тифлис! У меня и там есть друзья. Поживу эту зиму там…

В Тифлисе нашла комнату в гостинице за безумные деньги. Конечно, сейчас же пошла искать комнату за более скромную плату. На Головинском встретила доктора Курдюкова. Оба мы обрадовались друг другу.

– Вы что, Тина Дмитриевна, живете здесь?

– Я только что приехала из Боржома. Ищу комнату.

– Трудная это теперь задача! Особенно найти хорошую комнату. И откуда только народ взялся?! Едут, едут! Полны поезда! Где поместятся?! Что будут делать? Все говорят, что зима будет голодная. Хорошо, если кто сделал запасы… Но, погодите!.. Я, кажется, знаю, где сдается комната. Одна учительница (правда, полусумасшедшая, фыркает и дергается), у которой недавно умерла мать, осталась совсем одинокой. Вам с ней ведь не детей крестить, не понравится – найдете другую комнату.

Он повел меня к этой учительнице. Я сейчас же согласилась на ее условия, взяла комнату и переехала. Комната была небольшая, без отопления и освещения. Одно окно и стеклянная дверь выходили на открытую галерею, по которой ходили жильцы и из других квартир. Условия найма моя хозяйка поставила мне не трудные:

– Если в комнате у вас будет холодно, можете топить камин; дрова сами покупайте и смотрите, чтобы не вывалился из камина горячий уголь. – Условия мною приняты, и я живу у Марии Николаевны, на Грибоедовской улице, четвертый дом от Головинского.

Ничего понять нельзя!.. Ведется ли война, или же фронт солдатами совсем брошен, и они разбредаются по домам? В одной газете пишут, что будут воевать «до победного конца». В другой, наоборот, что заключают мир без аннексий и контрибуций… Спрашивала знакомых офицеров. Говорят, что никакого фронта больше не существует, что солдаты всюду бросают оружие и уходят с позиции, унося только то, что могут взять: легкие пулеметы, ружья и обвешиваются патронными лентами. Я боюсь ходить по улицам не только ночью, но и днем. Город забит толпами расхлябанных солдат. По улицам носятся грузовики, набитые ими, с винтовками и патронными лентами крест-накрест. Вид у них разбойничий, хулиганский; шинель нараспашку, рубаха без пояса, воротник не застегнут, шапка на одном ухе или на затылке. Для развлечения многие стреляют вверх, куда попало. Создается впечатление, что в городе идет бой.

– Сегодня моего шофера остановили солдаты и чуть его не убили, когда узнали, что он ехал в штаб за мной, – сказал генерал Левандовский. – Обвинили его в том, что он ехал с незаконной скоростью. Арестовали его и машину. Но потом мне позвонили из участка и спросили, действительно ли это мой шофер. Я сам пошел в участок выручать Воробьева. Я ценю его. Он у меня много лет служит. Всю войну возит меня и выручал из многих переделок.

Первую половину войны генерал Левандовский, тогда еще полковник, с первых же дней мобилизации ушел с Кавказской кавалерийской дивизией на Западный фронт. Часть хозяйственных учреждений штаба и полков дивизии осталась в тылу. Полки же и командование перешли границу и продвигались вперед уже в Германии… Генерал Левандовский был начальником штаба вышеназванной кавалерийской дивизии, а потом и начальником штаба Сводного кавалерийского корпуса[54]. Однажды генерал, желая сократить путь, чтобы выиграть время и догнать штаб дивизии, приказал своему шоферу свернуть с главной дороги на проселочную. Дело было уже сильно под вечер.

– Ехали, ехали, а следов своих войск не видно. Стемнело! Показалась деревня, и, когда въехали по единственной улице, шофер спросил стоявшего мужика: «Эй! Есть здесь русские войска?» – «Русских я не видел, а вон на горе в окопах сидят немцы!» – показывая рукой, сказал мужик. Я посмотрел туда, куда показывал мужик, – рассказывал генерал Левандовский, – и сам увидел остроконечные верхушки касок. Но немцы еще не стреляли по нам, должно

---

[54] Здесь автор мемуаров, вероятно, ошибается: с должности начальника штаба Кавказской кавалерийской дивизии полковник, а впоследствии генерал-майор В. А. Левандовский был переведен в феврале 1915 г. командиром 1-го Сибирского казачьего полка, затем последовательно командовал 3-й Забайкальской и Сибирской казачьей бригадами. С 23 октября 1917 г. – генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего войсками Кавказского фронта, в июле 1918 г. исполнял должность начальника штаба Кавказского фронта.

быть, не успели разглядеть и принимали за своих... «Воробьев! Нужно как можно скорее уезжать отсюда!» Но как? Улица была узкая, и мой «Бенц» не мог повернуться!.. «Ваше высокоблагородие, я поеду вперед! – сказал Воробьев. – Может быть, проскочим!» Все равно другого выхода у нас не было... И мы поехали почти вдоль самых окопов... Но, видно, немцам показалось подозрительным наше замешательство, и они открыли по нам стрельбу... Кое-как мы все же проскочили, проехали наконец деревенскую улицу и выехали за околицу. Стрельба стала еще сильнее. Пули так и щелкали по кузову... «Стой, Воробьев! Вылезай из автомобиля! Ложись! Сообразим, что надо делать...» Вылез и я, и оба мы легли в канаву. Стало уже совсем темно. Не слыша шума мотора и не видя автомобиля – фонари были потушены, – немцы стрельбу прекратили. Тогда мы вылезли из канавы, сели в автомобиль и поехали дальше... Темно – хоть глаза выколи!.. Дорога вся изрыта ямами и канавами... Я много раз думал, что мы не выберемся и придется бросить машину и уходить пешком. Не знал только, куда мы попадем... А сильная машина все везла и везла нас... Только куда? И вдруг: «Кто едет?!» – услышал я. Слава богу! Свои!.. Сыпятся такие словечки, что ошибиться нельзя! Через несколько минут нас провели и указали дорогу к деревне, где остановилась Кавказская дивизия... Было уже очень поздно, когда я вошел в избу, уставший и голодный. В ней было полно офицеров, ожидающих меня и распоряжений. Вместо отдыха и еды я сразу сел и стал диктовать «диспозицию»...

– Да! Это был не единственный раз, когда я с Воробьевым попадал в трудную обстановку, – снова заговорил генерал Левандовский. – Будучи уже здесь, на Кавказском

фронте, я с моей первой Сибирской казачьей бригадой стоял в Ардагане. Получил телеграмму немедленно ехать в Тифлис в штаб фронта, чтобы получить там важную боевую задачу. И вот мой Воробьев мчит меня по проселочным дорогам, чтобы попасть на ближайшую станцию на поезд. Недалеко от Александрополя, около шоссе, спокойно паслось большое стадо буйволов… Мы не обратили на него никакого внимания. Но как только шум мотора дошел до их слуха, они повернули головы в нашу сторону… А в следующее мгновение все стадо бешенным галопом мчалось наперерез нашему пути. Шофер прибавил ходу. Буйволы тоже… Казалось, столкновение с мчавшимся стадом неизбежно. А результат этого столкновения мог быть только один – от нас не останется и щепы!! Разъяренные животные разнесут нас в клочья, так что от автомобиля и от нас и мокрого места не останется!.. Я никогда не подозревал, что такие тяжелые животные могут бегать так быстро! Хотел стрелять. Но что можно сделать револьвером! «Воробьев, газу!! Нажми на газ!! Скорее!» – кричу я и уже вижу огромные рога и налитые кровью глаза… Чувствую тяжелое их дыхание… Но миг – какой долгий миг!.. И стадо осталось позади. Я оглянулся и увидел только облако пыли… Только теперь я заметил, что мы совершенно незаметно свернули на какую-то другую проселочную дорогу и не могли уже попасть на поезд. Поэтому мы прямо поехали на автомобиле в Тифлис. А теперь, сами посудите, как же Воробьев может ездить «шагом» по городским улицам, когда он привык мчаться по проселочным дорогам… И могу ли я осуждать его за это?! – закончил генерал в оправдание своего шофера.

В городе съезд солдатских депутатов, которые ходят с красными бантами на груди. Кроме этих «депутатов»,

повсюду бродят толпы других, просто самовольно ушедших из полков, солдат. Эти выглядят похуже «депутатов» – грязные, небрежно, кое-как одетые, небритые и немытые. У многих через плечо на ремне или веревке перекинуто ружье. Стоят перед витринами больших магазинов и подолгу смотрят на дорогие выставленные в окнах вещи и, отвернувшись, сплевывают в сторону сквозь зубы или отпускают ругательства по неизвестному адресу.

* * *

Доставать съедобное с каждым днем становится все труднее и труднее. В вольной продаже почти нет ни хлеба, ни сахара; да и другие продукты без карточки нельзя достать. Нет даже керосина, хотя Баку рядом. Получила хлебную карточку. Но для этого приходится долго стоять в очереди. А хлеб по ней дают такой, что на другой же день он заплесневел. Моя комнатная хозяйка дала мне несколько картофелин и научила, как их варить на пару, чтобы не пропало ничего… В комнате нет электричества и нет керосина. Есть у меня керосинка, на которой я варю чай, а если достану, то и кофе. Но эту роскошь я добываю очень редко. Разве кто из знакомых даст немного, а купить нельзя совсем. Сахару выдают один фунт на месяц. В прошлый раз дали вместо сахара монпансье… Какой уж тут кофе с монпансье? Даже и чай неприятно пить с душистыми конфетами, особенно закусывая его черным, смешанным с соломой, хлебом…

Приближается Рождество. А у меня ничего нет! И достать что-нибудь – не знаю, где и как?! Моя комнатная хозяйка приходит из школы, каждый день несет полные руки

пакетов, а ее ученики приносят ей целые бидоны керосина… А она все трясется и сидит вечером с маленькой лампочкой. Как-то у меня совсем не было керосина, и я сидела в полной темноте. Она видела это, но так боялась, что я попрошу его у ней, что потушила свою лампу, пришла ко мне и, гримасничая, сказала:

– Вот ведь как случилось! Ни у вас, ни у меня нет керосина!..

Совершенно неожиданно зашел ко мне Митя Трухин и пригласил ужинать в «Ориент». Это лучшая гостиница в Тифлисе. Я очень обрадовалась, оделась соответственным образом, и мы пошли. На улице почти полная темнота. И в ресторане тоже. Лакей осторожно провел нас к столику и усадил. Потом принес свечу, но пока не зажигал ее.

– Что будете кушать? Мы карточки не имеем, да и блюд у нас теперь не много: есть рыба, фазан, барашек. На десерт – компот из фруктов, – старый лакей был смущен и чувствовал себя виноватым… Мы выбрали что-то, и он ушел.

Митя тоже стал извиняться:

– Какой скандал! Ничего нет! Если бы я знал это, не стал бы и звать вас!..

Настроение у нас было совсем не ресторанное, не веселое. Мы сидели в почти темном зале, и разговор не вязался… Это ведь в Тифлисе самый лучший ресторан. В других, верно, совсем ничего нет! Когда лакей подал еду и зажег свечу, стало как-то лучше…

– А вы, Тина Дмитриевна, все такая же. Нисколько не изменились за это время, что я вас не видел! Но все окружающее изменилось, развалилось и идет к полной гибели… На что уж наши забайкальские казачишки – и тех

сумели развратить в самый короткий срок. Они тоже своих депутатов послали сюда в Тифлис, а потом решили, что этого мало, и стали избивать офицерство. А между прочим, знаете ли вы, что есаул Крутецкий и князь бежали в Турцию, как только началось брожение в полку?

– А что вы, Митя, думаете делать?

– Пока сам не знаю еще. Вот приехал сюда. Пока жив. А что будет дальше – неизвестно. Дом далеко – пешком не дойдешь.

После ужина мы хотели пройтись. Но улицы почти темные, а толпы солдат на них опасны… Я поблагодарила Митю за все, и мы попрощались около моих ворот. Просила его заходить ко мне. Ведь послезавтра Рождество! Он обещал… Но я его больше никогда уже не видела.

Этот Верхнеудинский полк пошел из Тифлиса в Сибирь походным порядком. Но где-то по дороге захватили поезд и доехали до Царицына. А там опять шли некоторое время. Потом опять захватили другой поезд и погрузились. Казаки устроили митинг, на котором решили офицеров своих не брать с собой. Они их раздели, разули и выкинули из поезда… Уже весной я получила открытку от Мити: «Никогда я не подозревал, что наши казаки могут быть грабителями и убийцами! Когда мы, офицеры, нашли достаточный состав теплушек на одной из станций и погрузились, тогда началась расправа с нами… Мы, все офицеры, сидели в одной теплушке. Казаки ворвались к нам и стали избивать нас и выкидывать прямо на рельсы!.. Несколько человек были убиты. Остальные почти все ранены. Я очутился в поле без признаков жилья, без копейки денег, в порванной и окровавленной одежде, с переломанной рукой и с

несколькими ранами и ушибами… Все вещи остались в вагоне… Когда и как доберусь до дома, не знаю…»

* * *

Вот прошло и это совершенно новое для меня Рождество – голодное… и одинокое. Моя хозяйка две недели жарила свинину с капустой (от одного ее запаха у меня под ложечкой начинались судороги и слюни текли без удержу). Эти запасы она складывала в глиняные горшки, крепко завязывала, ставила в чулан и запирала на замок… Чего только у ней нет в этом чулане! Одного керосина пудов пять… Целый мешок картофеля. А капусты со свининой (бигос) она столько нажарила, что прямо на год хватило бы и для нее, и для меня… Сахара у нее, наверно, несколько пудов будет. И где это она все достает?..

В Тифлисе совсем нелепые слухи: турки будто бы серьезно угрожают Баку. В городе масса врачей и сестер. Встретила знакомого врача из Сарыкамышского госпиталя. Их госпиталь закрыт солдатским комитетом. Персоналу сказали: «Идите, куда хотите».

– Никому никаких денег не выдали. Мы приехали сюда, и вот, целые дни бродим по Тифлису без дела и денег. Жалованье прекратили выдавать. Управление закрыли… Хорошо еще, что я один, а семейные так прямо голодают. В бывшем Окружном управлении теперь продовольственный склад. Кое-кто получает оттуда продукты, это, конечно, только для врачей и их семейств. Вы не были там?

– Нет! Я даже не знала, что такой склад существует.

– Ну, вот, если вам туго придется, идите туда… Заведует складом доктор Ващенко.

* * *

Сама природа заодно с революцией. Такие стоят ужасные холода! Еды нет. Отопления нет. Люди мрут как мухи. Все госпиталя и больницы переполнены тифозными. Врачи и сестры, которые не были выгнаны солдатскими комитетами, работали без жалованья, за одну только еду. И работали бессменно день и ночь. В госпиталях не было ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Не было мыла, не было даже горячей воды. Продукты питания поступали нерегулярно и в недостаточном количестве. В госпиталях стоял почти мороз. Тысячи людей умирали почти без медицинской помощи… Каждую ночь на улицах стрельба! Но утром в газетах ничего об этом не пишут… Знакомый врач говорил, что каждое утро к ним в госпиталь приносят раненых солдат, рабочих и даже детей… Стреляют все, у кого есть ружье… А теперь чуть не у каждого есть винтовка! У меня в комнате такой холод, что я сижу в шубе и перчатках. Керосину не хватает даже для маленькой лампочки. Не могу сварить себе чай. К дровам просто доступа нет…

– Куда вы пропали? Почему не заходите к нам? – спросила меня знакомая, Кабачевич[55]. – А я с очередями забыла и про знакомых.

---

[55] Возможно, имеется в виду Ковачевич – жена Радонцы Матфеевича Ковачевича, офицера 80-го пехотного Кабардинского полка.

– Да у меня просто нет времени ходить в гости. Я все время стою в очереди, но получаю что-нибудь редко… А как вы добываете все нужное для семьи?

– Да ведь у меня две почти взрослые дочери! Одну пошлю за одним в очередь, другую – за чем-нибудь другим, а сама иду в третью очередь. Муж устроился на макаронной фабрике ночным сторожем, и он оттуда иногда приносит лом, который нельзя укладывать в ящики для продажи. Но этот макаронный лом – такие же макароны, только в крошках. А стоят дешево. Вот только девочкам мало времени для гимназии и для уроков, а то ничего – устроились неплохо… И сыты каждый день. Тина Дмитриевна, приходите к нам. Мы, может быть, весной уедем в Болгарию, на родину мужа.

Вернулась домой и сразу натолкнулась на новое затруднение: опять нет керосина! Не одно, так другое!! В такое проклятое время жить одной очень трудно… Были бы у меня дети, я бы разослала их во все существующие в городе очереди, и у меня было бы все, что нужно… Вон, у генерала Левандовского пятеро детей. Все они стоят в разных очередях, сменяя друг друга, и получают все, что им нужно. А я должна стоять по несколько часов в каждой очереди, чтобы получить два литра керосина… Но ничего не поделаешь! Придется вечер посидеть без керосина. Но я не смогу ни сварить чай, ни зажечь лампы. Поэтому надо идти в ближайшую очередь за керосином! И я пошла в склад нашего района. Еще издали я увидела длинный хвост из женщин, старых мужчин и детей. Над дверями подвала горела лампочка и освещала близ стоящих… Но дальше от подвала только чувствовалась сплошная линия людей, которую нельзя было ни обойти, ни порвать. Можно было только

стать в конце ее. Я стала последней. Такие короткие стали дни, что не успеешь оглянуться, а уже вечер! Когда я заняла место в очереди, стало уже темнеть. С темнотой и холод сильнее чувствуется… Впереди меня стоял какой-то старик. Он был закутан основательно: голова замотана башлыком, поверх пальто на плечах – шаль, на ногах – галоши, на руках – варежки. Рядом с ним, на снегу, стоял большой бидон для керосина. Он его передвигал по мере того, как подвигалась очередь. От стояния на одном месте у меня закоченели ноги и руки, и я не могла держать бутылку. Я ее зажала под мышку, а руки сунула в рукава… Уже совсем темно. Я вижу только огонек над дверью и ряд закутанных фигур.

– Да что это там! Заснули, что ли? – кричит кто-то впереди меня. – Совсем очередь не двигается! У меня ребята остались дома одни! Керосину нету. В темноте сидят. Ребята боятся, поди!.. Господи! Вот беда! Я стою здесь часа три уже… – чуть не плакала женщина.

Движение вперед, и я, слава богу, стою около самой лестницы. Скоро и керосин!.. Впереди меня всего пять женщин и один старик. Они уже стоят на самых ступеньках; да и бидоны у них небольшие. Скоро и их отпустят. Получу керосин, приду домой, зажгу керосинку, поставлю чайник, и сразу в комнате станет тепло! А еще выпью горячего чая и совсем согреюсь! Я так ясно представила себе все это благополучие, что даже забыла на некоторое время боль в ногах и руках от мороза.

Спустилась наконец и я в подвал. Стою на самой нижней ступеньке у дверей и вижу, как льется тонкая струя керосина в подставленную четвертную бутыль… Вот мужик нагибает

железную бочку, которая стояла на чурбане. Но из крана струя бежит все тоньше и тоньше!.. Еще немного, и она остановилась совсем… Мужик выпрямил бочку, взял четверть, поднял ее и посмотрел на свет.

– Не дотекло маленько! Ну, да другой раз перелью столько же. – И закричал: – Керосина нету! Кончился керосин! Завтра приходите, которые сегодня не получили! – Он кричал куда-то в темноту, выше моей головы, и совершенно не обращал никакого внимания на то, что я стояла около самой бочки.

– Послушайте! У меня дома нет ни капли керосина! Я не могу зажечь лампу!..

– А мне что делать? Видите сами, бочка пустая… Приходите завтра!

– Завтра, завтра! – загудели, стоявшие позади меня. – Завтра опять будем стоять пять часов! И опять керосина не будет! – возмущались в толпе, сбившейся в кучу.

– А я виноват? Ваш керосин я в сапоги себе не прячу! Говорю вам, нету больше! – В толпе все больше и больше нарастает озлобление. Столько часов мерзли, а теперь иди домой без керосина!..

– Ну, вот что, гражданки! Я вам выдам номерки, и у вас завтра будет своя очередь. Сколько вас здесь? – Стали считать: одиннадцать, семнадцать…

– А ты откуда примазался? – вдруг все набросились на какого-то мужчину, который только что подошел. – Вас тут не было! Это неправильно! Мы тут стоим уже много часов!.. В нашу очередь мы вас не принимаем!..

– Да нет! Я после вас! Мне немного нужно керосину… Только бы немного в лампу! А то в комнате темнота.

Нам выдали номерки, и мы разошлись по домам без керосина… Пришла домой. В комнате темно и холодно. Ноги и руки замерзли… Голодна ужасно… Чтобы согреться, легла на кровать, закрылась шубой. Но от холода стучат зубы, и дрожь пробегает по телу.

– Тина Дмитриевна! Вы вернулись? Получили керосин? – спрашивает хозяйка через двери.

– Нет! Керосин кончился как раз перед моей очередью.

– У них всегда так! Идите ко мне. У меня тепло и лампа горит. Захватите сахар. Я вас чаем напою…

И вот я сижу и постепенно отогреваюсь у чужого тепла. А хозяйка рассказывает новости:

– В соседней квартире новые жильцы, какой-то офицер с женой и с собакой… Она не похожа на русскую: голова кудрявая, как у негров; в ушах – большие круглые серьги. Сама маленькая, а он огромный мужчина… У других соседей к кухарке пришел муж – солдат с фронта. Я его встретила на лестнице. Прямо разбойник с большой дороги! Грязный, бородатый, волосы на голове длинные; шинель прожженная, смятая; все нараспашку; гимнастерка без пояса; фуражка блином на затылке. В руках винтовка!.. Я посторонилась, дала ему пройти, а потом потихоньку поднялась за ним и стала смотреть, кого это он идет грабить и убивать…. Слава богу, прошел вашу дверь и стучится в соседнюю… Ну, думаю, на этот раз Бог спас!.. Но сама не ухожу, жду, что будет дальше? Дверь открыла Пелагея. И вдруг кричит: «Степан! Ты ли это?» И бросилась ему на шею… Вот тебе и раз! Я

думала – разбойник, а он оказался солдат и Пелагеин муж! С фронта вернулся.

После чая я согрелась, пошла в свою комнату, легла в постель и заснула. На другой день получила керосин и пошла в продовольственную лавку. Показала свои карточки:

– Дайте мне картошки или какой-нибудь крупы!

– Картошка померзла. А крупы нет никакой…

Пошла домой с керосином, но без продуктов. Придется пить чай с черным заплесневевшим хлебом… Если так будет продолжаться, то я поеду в Баку! Там хоть за керосином не нужно будет стоять в очереди!..

– Здравствуйте! Что это вы несете в бутылке?

– Керосин. А вы что несете?

– Картошку… Была на уроке. Он доктор. Ему клиенты вместо денег приносят продукты. Так вот они и мне дали немного. Я занимаюсь с их детьми. Идемте ко мне. Я и с вами поделюсь картошкой…

Эта добрая женщина была учительница в гимназии генерала Левандовского и давала еще уроки на стороне, чтобы иметь все необходимое для себя и матери. И все же никак не удавалось ей заработать достаточно. По вечерам в комнате матери горела плошка. Маленькая лампа зажигалась, только когда приходили ученики. А как только они уходили, лампочка тушилась, и две старые женщины сидели с лампадкой, от которой больше было копоти, чем света… Когда мы пришли в ее квартиру, она, прежде всего, заглянула в комнату, где лежала ее мать.

– Мама! Ты спишь? – спросила она.

На постели что-то зашевелилось, и совсем детский голос ответил:

– Нет, Аня, не сплю. Жду тебя! – Старушка была так мала и худа, что ее можно было принять за десятилетнюю девочку.

Мать и дочь обе были стары. Но дочь была немного выше матери и покрепче. Я подошла к постели и поздоровалась со старушкой.

– Спасибо, что пришли, – сказала она. – Аня, угости нас чаем.

– Я, мама, обещала дать ей картошки! Тина Дмитриевна! Идите сюда, – позвала меня Анна Николаевна. – Вот вам две большие картофелины. А это будет нам с мамой.

– Анна Николаевна, я не хочу ничего отнимать от вас. Я свободна и могу стоять в очереди. А вы заняты; у вас на руках мать!

– Я только беру для нее. Мне одной ничего не нужно. А она сильно ослабела, совсем почти не может ходить… Мне жаль ее… Я так хотела бы, чтобы она дожила до того счастливого времени, когда всем в России будет легче жить…

– А вы, Анна Николаевна, думаете, что время это уже близко?..

– Несомненно!.. Оно уже пришлю! Почти тут!.. Идет ломка всего отжившего… Все дается трудно. Будет еще много жертв!.. Но зато как потом будет все хорошо!.. Как светла и радостна будет жизнь!!..

– А по-моему, так идет все хуже и хуже! Голод! Убийства! Солдаты бросили фронт. Турки взяли Сарыкамыш, Карс, Александрополь. И, говорят, идут на Баку… Здесь заседают

солдатские и рабочие комитеты и бсуждают мировые политические вопросы. А турки забирают город за городом…

– Милая Тина Дмитриевна, лес рубят, щепки летят!.. Нужно сначала разрушить все старое. А потом станем строить новое здание…

– Не забывайте, что в числе этих щепок – я, вы и ваша мать…

– Да, это несомненно так. Когда строят большое здание, не стоит подбирать каждый упавший гвоздик…

Первый упавший гвоздик была ее мать… Не выдержала «карманная» старушка – так все знакомые Билибиной звали ее мать – и к весне умерла. Анна Николаевна стала после этого как будто меньше ростом, а волосы на голове совсем белые, хотя она всячески старалась сохранить полную бодрость и спокойствие…

Муж Пелагеи с винтовкой в руках уходил из дома с утра и только к ночи возвращался.

– А ночью лежит и все одно твердит – об убийствах… Боюсь я его… Страшный какой-то стал… Ночью не спит, без конца говорит невесть что!.. Прямо с ума рехнулся… Винтовку из рук не выпускает, – рассказывала Пелагея. – Мы, говорит, им покажем!.. Если здесь нельзя развернуться – пойдем во Владикавказ. И все время ругается и грозит всех перебить… Никогда прежде он таким не был! На войну пошел, был смирный… Что сделалось с человеком, не знаю… Говорит: хорошие люди научили, как нужно жить!..

Но недолго он у нее пожил… Забрал все деньги, которые она заработала, и ушел во Владикавказ.

– Как только дам знать, – сказал он на прощание, – приезжай. Тебя там барыней сделаю! У самой прислуги будут… Довольно работать на буржуев!..

– Боюсь я его такого… – но все-таки весной уехала к нему во Владикавказ…

* * *

Голод донял меня! Деньги есть, но купить ничего нельзя!.. Вспомнила слова доктора Беляева и пошла в продовольственный склад врачей. Помещение знакомое: бывшее Окружное медицинское управление. В бывшей канцелярии – тоже канцелярия. Но теперь за столами сидят какие-то незнакомые барышни. Спросила у одной из них, могу ли я получить из склада что-нибудь из продуктов?

– Мы выдаем только своим, то есть врачам и их семействам…

– Я сестра милосердия и вдова врача.

Девушка посмотрела на меня:

– Вы пойдите к заведующему, доктору Ващенко.

Это имя меня подбодрило: ведь доктор Ващенко был друг мужа, и постоянно пили вместе. Они и жили вместе в Ване…

– Здравствуйте, доктор! Вы теперь на новой должности, по времени очень важной, – заведующий продовольствием? Могу ли и я получить что-нибудь из вашего склада? Я совсем заголодала. Ничего не могу купить… Для всех приближается Пасха… А у меня ничего нет!..

– К сожалению, я не имею права выдавать продукты посторонним лицам. Эта организация только для врачей и их семейств!..

– Доктор! Ведь вы знаете, что мой муж был тоже врач!.. А я и по сей день состою сестрой милосердия!.. Разве я не принадлежу к семье врачей?!

– Да, но у нас столько нуждающихся членов… А насчет вдов у нас нет распоряжений… Я не могу поэтому ничего сделать для вас! Все продукты на учете…

Прошла и Пасха, такая же голодная, как и голодное было Рождество!.. После Пасхи я переменила комнату. Живу на Анастасиевской улице, над самой Курой, в армянской семье. Очень приятные люди. С приходом весны и тепла как-то и продовольственный вопрос стал менее острым; не так хочется есть… Пришли ко мне знакомые, и мы пошли смотреть Куру, которая катит свои бурные волны, почти выходя из берегов. Как здесь прекрасно! Деревья уже зеленые; цветут шиповники и какие-то кусты. Мы сели над обрывом и были прямо захвачены красотой весны…

Мои знакомые тоже бакинцы. Они уехали в начале войны из Баку: он офицер, был на Западном фронте; она работала сестрой милосердия в Москве в госпитале. Недавно вернулись в Тифлис, и мы случайно встретились…

– Как красив мир!.. Только живи да радуйся!.. Но человек все испоганил. И себе, и другим жизнь отравляет, – с грустью говорит Сергей Петрович. – Последнее время в Москве мы дольше недели не жили на одной квартире. Сна, еды лишились. Малейший шум на лестнице приводил нас в нервное состояние. Мы соскакивали с постели и ждали, что вот-вот постучат к нам в дверь, и ворвется кровожадная

банда и тут же учинит расправу… Не смерть страшна! Я ее видел много раз; был два раза ранен… Но ужасно это полное бессилие перед диким разгулом толпы насильников, опьяненных своей безнаказанностью… Потом дошли до нас слухи, что появились какие-то «добровольцы», которые открыто борются с коммунистами. Мы решили из Москвы бежать. Добрались до Пятигорска. Но и тут пришлось прятаться. Город был полон коммунистами. Каждую ночь они делали обыски и утром целыми партиями расстреливали захваченных без суда и следствия. Приведут партию на Машук, заставят арестованных вырыть яму – и расстреливают их. Некоторые падали в яму еще живыми… Так их живыми и закапывали…

– Я поступила в ресторан подавальщицей. А он, – она показала на своего мужа, – работал на кухне, делал все, что ему поручали. Целыми вечерами, часто очень поздними, подаю и угождаю клиентам. И часто слышу их рассказы, сколько они убили и кого еще убьют… У меня мороз по коже идет. Думаю, упаду или закричу от страха и мук… Но я виду не подаю, улыбаюсь, за коммунистку иду…

– Почему вы их не травили, не убивали так же, как они убивали беззащитных людей?! – говорит вдруг какая-то женщина, сидевшая рядом со мной.

– Ну, где там! Разве возможно?! Да мы только и думали, как бы скорее выбраться из Пятигорска и добраться до Тифлиса, где тишина, порядок и никаких коммунистов нету…

– Вам бы не в Тифлис стремиться, а в эту героическую белую армию! – снова говорит женщина.

– Позвольте! Вам-то какое дело? Почему вы вмешиваетесь в чужой разговор? – обиженно говорит полковник.

– Потому что я вдова офицера! Мои дети учились в Кадетском корпусе во Владикавказе, пока коммунисты их не выгнали… Двое моих мальчиков ушли в белую армию: старшему было шестнадцать лет, а младшему – четырнадцать!.. А вот вы – здоровый, не калека, с полковничьими погонами на плечах – сидите вот тут и любуетесь Курой… Моим же детям вместо учения в школе приходится сражаться с насильниками и убийцами, – она заплакала…

Мы встали и молча пошли по домам.

– Нет! Довольно с меня!.. Не хочу никуда больше ехать! – сказал полковник. – Мы так устали, изнервничались, пока добрались до Тифлиса!.. И теперь опять ехать, скитаться, мерзнуть, голодать, спать в грязи – на земле!.. Нет, нет! Довольно! Никуда я больше не поеду! Никуда…

Мы расстались.

Бедная Россия! Кому не лень, тот тебя и раздирает… Турки осадили Баку и будто даже уже взяли его… В Тифлисе образовалось Закавказское правительство из представителей грузин, армян и татар, которые грызут друг другу горло. В городе фактически никаких войск нет… Охрану и порядок поручили вновь сформированному эскадрону из мальчиков-кадет да гимназистов. Но офицеры, вернувшиеся с фронта, туда не идут, хотя их в городе тысячи… Турки шагают по Закавказью, занимая город за городом, а русские солдаты продают им за ненадобностью свои пушки. Продали целую батарею и прислали об этом донесение в Штаб, что деньги за проданные пушки получили сполна. В Карсе солдаты арестовали всех офицеров, заперли их в крепостные

казематы и ждут только какого-то депутата, чтобы всех их расстрелять.

Это рассказал приехавший из Карса армянин-офицер. К счастью, он же и выручил всех арестованных по поручению и указанию Штаба фронта. Это была трудная задача. На первый взгляд все очень просто и невинно. Несколько армян устроили попойку для группы руководителей, в руках которых была вся крепость, весь ее гарнизон, а следовательно, и судьба арестованных. Перепоив до бесчувствия начальство и охрану, спасители открыли в казематах двери, вывели из них арестованных, увезли их на вокзал, посадили в заранее приготовленный поезд и увезли в Тифлис, где всех припрятали, а позже увезли и дальше…

* * *

Со всего фронта съехались в город врачи, сестры и другой санитарный персонал. Я встретила много знакомых врачей и сестер. Бродят все без дела и без денег. Некоторые и рады бы уехать домой, да поезда не ходят. Если и идут самовольные эшелоны солдат, то шайки татар часто грабят и избивают их в пути между Баку и Владикавказом. В Штаб фронта явилась однажды депутация от одного из эшелонов, прося назначить офицера сопровождающим эшелоны. Был назначен офицер-фронтовик, который ездил нянькой эшелонов несколько раз… Но потом его убили те же солдаты, которых он довез до безопасного для них Владикавказа. С тех пор такие назначения офицеров, конечно, были прекращены, а Елизаветпольские татары сразу возобновили свои нападения на эшелоны. Особенно важно отметить, что в эшелонах этих нередко бывало по тысяче и больше солдат.

Грабили их начисто: отбирали оружие, амуницию, патроны, припасы и отпускали почти голых…

Много развелось всюду общежитий: для врачей, для сестер милосердия, для приезжих и постоянных…

Встретила знакомую сестру, которая много рассказала:

– Живем в общежитиях; в каждой комнате по десять и больше человек. Некоторые спят за неимением кроватей на полу. Кормят нас фактически один раз в день. Денег ни у кого нет. Не на что купить что-нибудь, если опоздала и осталась без еды… Послали депутацию к командующему фронтом, чтобы нас отправили по домам… Ответили, что дорога закрыта, что во Владикавказе большевики, а через Баку татары не пропускают…

Она же сказала мне, что лазарет доктора Бакина здесь и указала, где живут сестры Маруся и Феничка… Я сейчас же пошла туда, чтобы повидаться с ними. Обеих моих приятельниц нашла почти без перемен! Маруся не унывает. Стала рассказывать мне, что выходит замуж.

– Самый красивый мужчина в лазарете! А вот женится на мне – на некрасивой! Что вы, Тиночка, на это скажете?! Правда, он меня обожает!..

А Феничка злорадствует над несчастием других. Я встретила на улице полковника Жигулина (это ее больное место). Он был в том же отряде, в котором работали и мы… Кажется, он нравился Феничке. Но он никакого внимания на нее не обращал. Отрастил себе бороду. Смешной стал. И весь шик его куда-то улетучился… Тужурка вся закапана жиром, брюки помяты, руки красные… И вообще вид у него – кухонного мужика… Я спросила его, что он делает?

– Помогаю по хозяйству на кухне в госпитале!

Так ему и надо! Не задирай нас!..

– Маруся! А за кого вы выходите замуж? – спросила я.

– За бандита-латыша! Но он очень красив… Устроился в Красном Кресте, чтобы не идти на фронт. А потом его прислали в лазарет к Бакину. Я его сразу заметила и забрала в свои руки… Когда лазарет пришел сюда, он хотел увильнуть от женитьбы на мне… Но я ему такого страху задала – сразу согласился!..

После свадьбы Маруся с мужем-латышом уехала к ее отцу, который был директором гимназии. Дочь с мужем обокрали отца и бежали. Потом они организовали бандитскую шайку и всех и вся грабили и убивали… Сама Маруся была за атамана: «Маруська-атаман!..» Про эту шайку многие знали. Она прославилась жестокостью совершавших-ся ею преступлений.

Сестры жалуются, что от солдат нет проходу. Как только увидят сестру милосердия кричат: «Папиросы, спички! Гоп, сестрички». Или: «Эй, офицерская, четвертак!..» Вчера в общежитии отравилась сестра, недавно вернувшаяся с фронта. Не вынесла оскорблений и обид от тех, за которыми три года без устали ухаживала.

* * *

Турки прошли через Джульфу и осадили Баку!.. Никто не знает, сколько в Баку есть русских войск и смогут ли русские выдержать турецкий напор… Местные татары, по-видимому, с турками заодно… С острова Наргена местные татары выпустили всех пленных… Везде предательство и измена… С русскими теперь никто не желает больше считаться.

В городе ходят тысячи голодных боевых офицеров. И никто не знает, что им делать!.. Но и никто из них не хочет больше воевать… В Штабе фронта теперь начали выдавать всем офицерам по несколько рублей, чтобы спасти их от голода. А грузинское правительство всячески старается помешать этому и требует от Штаба, чтобы все остатки русских миллионов были переданы ему. Пока Штаб просто не отвечает грузинскому правительству, а только торопится раздать эти деньги офицерам, которые, конечно, имеют полное на них право. Многие из них остались ведь с семьями без копейки денег и в буквальном смысле слова голодают…

Тогда комендант города Тифлиса (вроде Маруси-атамана) сделал ночью налет на Штаб и ограбил его кассу. Увезли все медали и кресты – несколько пудов. К счастью, в Штабе предвидели и такую возможность и суммы передали на хранение в Коммерческий банк, который расходовал их по ордерам и чекам Штаба фронта. Только благодаря этому удалось спасти от катастрофы и голода и войсковые части, и отдельных членов их (солдат и офицеров). За сравнительно короткое время было выдано около двадцати миллионов рублей. Из этого порядка было сделано исключение только для трех лиц: для командующего, его начальника Штаба генерала Левандовского и генерала Лебединского, которые не получили ничего. Сделано это было исключительно по их личному заявлению, что они не считают себя вправе воспользоваться льготой, установление которой было сделано их властью, а не существующими законами.

Как-то совершенно неожиданно влетает ко мне Маруся и кричит:

– Нашли доктора Бакина…

Она рассказала мне, что он пропал неделю тому назад. Сколько ни искали его – нигде не могли найти… А сегодня случайно кто-то нашел его за городом, в лесном овраге, раздетым донага и повешенным за ноги… Все думают, что это сделали солдаты! Труп так разложился, что даже жена с трудом опознала его…

– Бедный доктор!.. В такую жару висел и мучился, пока не умер!.. Звери! Вот бы поймать убийц и так же бы повесить! – Маруся скосила глаза куда-то в сторону и, казалось, видела убийцу! Ноздри ее крошечного носика раздувались от гнева…

– Софья Мефодиевна знает об этом? – спросила я Марусю.

– Не знаю! – И добавила: – Терпеть ее не могу. И никогда не разговариваю с ней.

Маруся ушла, а я пошла к Софье Мефодиевне. Она жила в общежитии для врачей и очень обрадовалась, увидев меня. Мне показалось, что она не была ни грустной, ни печальной… Я осторожно стала говорить, что доктора Бакина не могут нигде найти, но она перебила меня:

– Уже нашли. В лесу, за городом, повешенным. Мне недавно позвонили. Ужасно! С ним расправились по-зверски. Ужасно!.. И преступников не нашли… Я с ним давно разошлась, но меня эта смерть приводит в ужас. Мне жаль его… У меня новый друг есть. Помните молодого врача в Грузинском полку?

Я вспомнила его, но не могу себе представить их вместе: тот молодой, красивый и, как всякий грузин, беспечный, веселый. А Соня? Немолодая, некрасивая, нос утиный, глаза маленькие, в пенсне… Тело некрасивое, почти не женственное, губы тряпочками, короткие, около самых десен, зубы… Ну да бог с ними…

Это лето все тифлисцы жарятся в городе. Никто не поехал на дачу. Все боятся нападений и грабежей… Наконец-то дошли и до Тифлиса слухи, что туркам не удалось захватить Баку! Сначала местное русское население приготовилось защищать его: вокруг города были наскоро вырыты окопы; их заняли дружины вооруженных жителей, а вскоре подошли из Петровска регулярные войска, и оборона была налажена более серьезно. Говорили, что вся авантюра была затеяна лично Энвер-пашой и не встретила сочувствия турецкого командования. Когда русские войска стали стягиваться против него на Северном Кавказе и в Закавказье, то Энвер-паша осаду Баку снял, и турки ушли. А город стал чиниться и хоронить убитых… Турки и их союзники-татары побывали только в верхней части города и исключительно в самой богатой армянской части его. Три дня продолжалось избиение, главным образом, армянского населения, пока не подошли из Петровска русские войска. Никто не мог с точностью сказать, кто осаждал город Баку! Одни говорили, что турки с елизаветпольскими татарами, другие, что это были одни только местные татары, а командовали ими выпущенные с острова Наргена пленные турки… Участники обороны Баку видели «и турок, и татар». Наступление их шло со стороны Биби-Эйбата через старое кладбище. Вся горная часть города от старого кладбища до городского сада была перерыта окопами, и каждая улица была забаррикадирована.

Чтобы пройти на какую-нибудь из улиц позади баррикад, нужно было иметь разрешение командующего обороной. Часто жители больших домов выходили на улицу без разрешения и попадали в неприятное положение – их не пускали обратно через линию окопов домой.

* * *

Сахар выдают один фунт в месяц, а чтобы получить его, приходится стоять в очереди три-четыре часа. Чаю совсем нет. Хлеб стал немного лучше, чем был зимой, но паек все такой же, один фунт в сутки на человека. На базаре появились некоторые продукты питания: молодой картофель и даже свежие яйца, но крестьяне не продают на деньги, а обменивают на вещи – обувь, платье и белье.

Как только узнала, что дорога открыта и поезда в Баку ходят регулярно, решила ехать. Писала Нине, чтобы она выслала мне кое-что из вещей. Но она ответила, что это напрасный труд: все равно в дороге все пропадет, и я ничего не получу!.. Я спросила на вокзале, но и там никто ничего не может сказать с уверенностью и не ручаются, что я получу то, что мне пошлют. Решила ехать сама. Но и это оказалось гораздо труднее осуществить, чем я думала!.. В прошлом году, когда я уезжала в Абастуман, мне и в голову не приходило, что наш Кавказ может разделиться на несколько государств… Поэтому я, как и раньше, собрала вещи и поехала на вокзал. Там пошла к кассе и спросила билет в Баку.

– Мы не продаем билетов в Азербейджан![56] Обратитесь на городскую станцию! – Поехала туда…

– Ваш паспорт! – спросил чиновник.

– Какой паспорт? Я ведь еду в Баку – домой!!..

Никто и слушать ничего не хочет… Сначала я совершенно растерялась… Среди публики нашлись, однако, любезные люди, которые объяснили мне, что Баку – уже не Баку только, а целая столица независимого государства Азербейджана. Объяснили мне все и сказали, что консульство находится на улице Петра Великого. Приехала туда. Там уже очередь желающих попасть «за границу» и не уверенных, где ее найти… Стала в хвост и я, и наконец очередь дошла и до меня… За столом, заваленным бумагами чуть не до потолка, сидел чиновник в маленькой татарской шапочке на голове. Он долго допрашивал меня (хорошо еще, что на русском языке) и долго вертел в руках мой паспорт, не уверенный, очевидно, что с ним делать… После подробного допроса, чуть ли не до третьего колена включительно, – кто мой отец, мать, бабушка и мой муж, куда и для какой надобности я еду, – он уже не знал, что еще спросить у меня, и я получила наконец разрешение на «въезд» в Баку и на право покупки билета. Так прошел весь день, и в этот день я уже опоздала на поезд. На другой день я уверенно ехала на вокзал. Купила билет, села в вагон 2-го класса и поехала… Через шесть часов поезд остановился.

---

[56] Одно из возможных в конце XIX – начале XX в. написаний Азербайджана, как «Азербейджан», и «Адербейджан» и т. д.

– Граница… Выходите с вещами! – сказал не то кондуктор, не то солдат… Все вышли, поставили вещи прямо на перрон и раскрыли чемоданы, корзинки и узелки… То ли еще не было опытности, или просто было стыдно играть в «таможенников», но почти никакого осмотра не было… Прошли мимо какие-то солдаты и чиновники, сказали, что наш поезд на Елизаветполь стоит впереди, и мы пошли туда. Новый поезд состоял только из вагонов третьего класса, и я очутилась на скамейке, где сидело пять человек! Рядом со мной сидел какой-то молодой армянин; в руках у него было три куска душистого мыла, которые он все время вертел, не зная, что с ними делать…

Поезд вскоре тронулся. Не прошло, однако, и одного часа, как он снова замедляет ход, хотя не было видно никакой станции. Пассажиры заволновались, и по вагону пронеслось тревожное восклицание: «Татары! Татары!» Поезд остановился… В наш вагон с обоих концов быстро стали входить вооруженные татары-солдаты. На них были русские солдатские шинели; на головах – татарские папахи; в руках – винтовки; через плечо – патронные ленты. На одном была стеганая куртка нараспашку, а под ней – офицерская тужурка. Под тужуркой – красная рубаха с расстегнутым воротом. Не успела я разглядеть как следует это новое войско, как мой сосед-армянин вдруг сунул мне в руки три куска мыла, бухнулся мне под ноги и заполз под скамейку… Это произошло так быстро, что я ничего не поняла и смотрела на куски мыла, не зная, что мне с ними делать… Татары остановились около меня.

– Есть здесь армянин? – услышала я вопрос и увидела совершенно зверское лицо, смотревшее на меня и на мои руки, в которых все еще были куски мыла.

– Говори правду, есть тут армянин?

Но зловещую тишину нарушили все пассажиры вагона сразу:

– Нет! Нету ни одного!..

Татарин стал открывать стоявшие на полках корзинки. В первой же нашел револьвер; он сунул его себе за пазуху и продолжал делать обыск. Они обменялись несколькими словами и вышли из вагона. Наступила подавляющая тишина… Никто не произнес ни одного слова. Через несколько минут мой сосед молча толкнул меня в бок и головой показал на окно. Я увидела там троих вооруженных солдат-татар, которые только что вышли из нашего вагона; они вели троих мужчин. Двое шли молча, а третий все поворачивался и что-то говорил татарам. Те только подталкивали несчастного в спину… Как только эта группа зашла за бугор, раздались несколько выстрелов… Через несколько минут татары вернулись в наш вагон. Они еще раз осмотрели и на ходу спрыгнули с поезда… Поезд стал прибавлять ход и через полчаса подошел к станции Елизаветполь. Только после того, как татары спрыгнули с поезда, армянин выполз из-под скамейки.

– Ты, брат, счастливый! Остался жив! А вон троих убили, – сказал мой сосед. Армянин молчал… Я ему сунула в руки его три куска мыла. Он не обратил на них никакого внимания. Все стоял молча, глядя в пол…

– Куда ты едешь? Ведь убьют тебя! – сказал сосед.

– Семья живет в Елизаветполе. Я не имею от них известий. Не знаю, живы ли они? – Вдруг он повернулся к полке и заглянул в корзинку, из которой татары взяли револьвер. – Взяли! – почти простонал он…

– А ты лучше скажи спасибо, что пистолет взяли, а не тебя. Хуже было бы тогда…

Поезд замедлил ход и остановился. Кто-то на платформе закричал:

– Поезд дальше не пойдет! Выходите все! – Наступили уже сумерки, когда мы вышли на вокзал и, как запуганное стадо, все вместе сели в самый дальний угол зала.

– Поезд на Баку пойдет завтра в десять часов! – объявил какой-то оборванец. Все стали спрашивать друг друга, кто едет в Баку. Таких нас оказалось человек двадцать.

– Вы видели, господа, как убивают беззащитных людей? – спрашивал фармацевт из Караклиса, ехавший с беременной женой и с белым петухом, которого он не хотел оставить в Караклисе потому, что петух был ручной. И другие, все еще взволнованные пережитым, стали делиться впечатлениями.

– Какая жуткая стала жизнь! Хватают людей и ведут убивать без суда и следствия… Никто не может заступиться. Свобода для насильников и убийц… Для мирных людей нет защиты. Нет права даже на жизнь, – сказал старик.

Все продолжали говорить о виденном в вагоне, взволнованные и подавленные чувством своего бессилия… И вдруг, точно в ответ на эти разговоры, в зал вокзала вошла новая группа вооруженных татар под предводительством человека с наганом в руке и с двумя револьверами в кобурах на поясе. Эта новая шайка шла прямо на нас. Когда они подошли, предводитель, помахивая наганом, спросил:

– Кто из вас распространяет ложные и злостные слухи, что в поезде было убито несколько армян?!

Наступила гробовая тишина… Я не смотрела на убийц. Слишком было жутко. Их лица были страшнее смерти… Их глаза, острые, как сталь, были холодны, как лед… Я посмотрела на моих спутников и видела, как живые люди становились живыми покойниками. Глаза стали мертво-печальные; губы побелели; по лицу пробегали какие-то тени; пальцы что-то как будто искали…

– Кто говорил? – снова спросил начальник.

И вдруг из-за наших спин раздался голос:

– Вот он! – Мы все оглянулись и увидели, что за диваном, на котором мы сидели, стоял молодой армянин и показывал пальцем на фармацевта… В углу за диваном сидела молодая чета, на которую мы не обратили внимания… Эта новобрачная пара ехала в Тифлис, предварительно, конечно, заручившись гарантией татарского правительства, что они доедут до Тифлиса благополучно. И вдруг слышат, что несколько человек были сняты с поезда и тут же, на глазах у пассажиров, убиты. Услышав наш разговор об этом, армянин пошел к коменданту и привел с собой эту банду.

Татарин-комендант тыкал нагайкой чуть ли не в самый нос фармацевту и говорил:

– Татары и армяне теперь «брат, брат», – и при этом тер палец одной руки о палец другой, наглядно этим показывая, какие они теперь братья. – Вот какой мы «брат»!! – Но армянин не мог так легко поверить. В душе его оставались сомнения и страх за себя и за свою молодую жену.

– Я не могу ехать с женой без «гарантии»! – сказал он коменданту.

– Послушайте! Почему вы должны верить им, а не мне, – показал он[57] на нас своим хлыстом и вдруг свирепо зарычал: – Я вас прикажу сейчас же всех повесить вот тут, на вокзальной площади!..

Молчавшие до сих пор пассажиры вдруг заговорили все сразу:

– Нет! Это правда! Мы все видели, как вывели из вагона троих и сейчас же расстреляли их. – Наступило тяжелое молчание...

– Хорошо, я расследую это заявление... Если оно окажется ложью, то повешу всех без всяких разговоров!..

Комендант ушел. Жене фармацевта стало дурно. Потом начались схватки, и несчастный муж метался по комнате и не знал, что делать. Только белый петух спокойно сидел в своей плетеной клетке-корзинке и дремал... Впоследствии, встретив еще раз фармацевта, я узнала, что петух вез в зобу их бриллианты.

– Что же мне делать?! – обращался ко всем нам фармацевт. – Пускай меня повесят, но она не виновата!!.. Не может же она разрешиться здесь, вот тут на диване, при всех!..

– Пойдите к этому коменданту и попросите, чтобы ее отправили в больницу, – советовали пассажиры. Он пошел. Но двери оказались запертыми. Пошел к другим, которые выходили на вокзальную площадь, но и они были заперты. Таким образом, мы оказались арестованными... Фармацевт вернулся к дивану и сел на пол около жены. Оба они еще

---

[57] Комендант. – *Прим. ред.*

были молодые. Ребенок, который должен был родиться, был их первый ребенок. Он стал рассказывать, как хорошо им жилось в Караклисе, где он имел аптеку. Но они боялись родов и поэтому поехали в Баку, где у него жил брат и где есть врачи. Он просидел всю ночь, прислушиваясь к малейшему движению жены… Но она лежала, не шевелясь и не жалуясь на боли…

Татары ночью не вернулись нас вешать… Жена фармацевта проспала всю ночь и не родила. Когда рассвело, открылась дверь в зал, вошли четверо вооруженных татар и погнали нас всех, кроме жены фармацевта, в город, который был от вокзала в семи верстах! Теплое солнце только что поднялось и освещало все мягким и теплым светом. Все были очень рады очутиться на свежем воздухе… Когда мы проходили мимо базара, который уже был полон народа, нам не позволили ничего купить и не позволили ни с кем разговаривать, точно мы были страшные преступники…

В бывшей канцелярии губернатора нас допросили, проверили наши паспорта и, не дав отдохнуть, погнали обратно на станцию. Там мы взяли наши вещи, и под тем же конвоем нас посадили в вагоны. Поезд тронулся… Все вздохнули с облегчением. Многие и перекрестились. Чем дальше позади оставался Елизаветполь, тем поезд шел быстрее, и мы наконец доехали до Баку без новых приключений. Фармацевт с женой и петухом сидели со мной в одном вагоне. И что было очень странно, это то, что жена фармацевта, видимо, совсем забыла, что собиралась рожать!

– Доеду до Баку, там и буду рожать! – сказала она, когда я ей напомнила про вчерашние схватки.

* * *

Вот и опять родной бакинский вокзал. И все такой же. Только грязь всюду и запустение… Впрочем, чего же удивляться? Здесь ведь была война, и город был осажден неприятелем. Теперь вот опять почистится и заблестит по-прежнему! Вероятно, и на улицах тоже полный хаос…

Я взяла чемоданчик и пошла пешком домой. Денег у меня было мало, и цен новых я не знала. Сколько теперь возьмет фаэтон до нашего дома? Боюсь и спросить… Однако когда я вышла на площадь перед вокзалом, то никаких перемен там найти не могла. Как и всегда, около подъезда стояла линия фаэтонов и даже автомобилей. Как и раньше, они сами предлагали пассажирам свои услуги, но я отказалась и пошла пешком – всего ведь только два квартала до дома. Смотрю кругом, но ничего необычного не вижу! Нигде нет ни воронок от снарядов, ни разрушенных домов, ни поваленных телефонных столбов. Всё на месте. Все цело и в порядке… Завернула за угол на нашу Биржевую улицу и прежде всего увидела наш дом. Цел и он! Но в самом доме многое изменилось. Дети все очень похудели. И у Нины лицо совсем другое: исчезла та привычная самоуверенность и сознание своего превосходства над окружающим…

– Мы здесь не меньше пережили, чем ты во время войны. Натерпелись… У нас ведь тоже вроде Сарыкамыша было, когда турки осадили город. Наш дом в двух местах ранен снарядом… А главное – нечего было есть! Дети чуть не умерли… Татары не пропускали в город ничего из продуктов. Выдавали всем пшеницу в зерне, а вместо сахара – кишмиш. Мы пшеницу сначала мочили, а потом

варили. Она от этого сильно разбухала и становилась почти мягкая. Но и животы тоже от нее разбухали и становились твердыми как камень. Дети как поедят ее – так и лежат без памяти… Последнее время перед бегством из Баку дети уже почти не могли ходить. Я думала, что они все умрут. Опухли… Кожа стала белая, прозрачная. Мара и Леля лежали, большею частью в полусознании. А Надя и Таня были покрепче и почти все время просили есть. И в такое отчаяние они привели меня, что я решила пойти к отцу, попросить у него муки и самой испечь хлеб. Я у него перед этим год не была. Но тут ради детей решила пойти. Пришла… Но только я заговорила о муке, как они оба набросились на меня: «Ага! Вспомнила про отца, когда нужно что-нибудь! А где же твои поклонники?! Почему ты у них не просишь?! Они-то, наверно, имеют в запасе, что нужно… А почему у тебя нет ничего?! Когда все люди хлопотали и собирали запасы, ты веселилась! А теперь, когда есть нечего, ты пришла ко мне отнимать последнее!!..» Я ушла, не ответив ничего… Вскоре все улицы в верхней части города перерыли окопами и перегородили баррикадами. Всех, и старых, и молодых, погнали на оборону. И я больше не видела никого из наших до бегства из Баку…

– Ну, а разве у Бакланова то же самое было? Ведь у него тоже дети?

– Не знаю… Вероятно, у него все было. Но я к ним не обращалась. Он зарабатывал огромные деньги и имел, конечно, все…

– Что делал Яша?

– Он устроился санитаром: переносил раненых. Ваньку забрали тоже. И еще некоторых знакомых. Но многие откупились – нанимали за себя.

– Как это возможно нанимать за себя?

– А вот делали!.. Поймают каких-нибудь мальчишек, окопы-то ведь тут же, в городе, на улицах. Мальчишки все равно все время тут. Им интересно быть со взрослыми. Ну, их и просят то воду принести для питья, или патроны, или сходить за папиросами. Эти мальчишки много помогли! Их посылали даже в разведку к неприятелю!.. Ты знаешь сына нашего квартиранта Зибермана – Жоржика? Все говорят, что он заслужил Георгиевский крест своим геройским поведением. Его много раз посылали в разведку в самые опасные места. Таких мальчишек около окопов было сотни. Они все поручения исполняли моментально. Бывало и так даже, что говорят: «Послушайте, ребята! Посидите за меня в окопе. Я схожу к доктору. Живот у меня болит. На́ вот тебе деньги и мою винтовку. А если турки покажутся, так ты ведь стрелять можешь?» Эти маленькие герои страшно были польщены, что им взрослые доверяют такую важную вещь! Но от денег отказывались и даже обижались. «На что мне деньги! Я и даром буду стрелять в турка! Только оставьте побольше патронов!» Иногда взрослые уйдут и забудут про детей… А когда вернутся, то «защитники» не раз бывали убиты или ранены. Несчастные армяне дрались до последнего. Когда же турки и татары ворвались в верхнюю часть города, то первым делом они стали резать армянское население… Когда положение стало совсем критическим и турки заняли почти всю верхнюю часть города, всюду на стенах были расклеены объявления: «Если придется оставить город, то населению дадут знать об этом сиренами с

пароходов. Всем будет указано по районам, кому к каким пристаням уходить». Но, когда турки стали стрелять по городу из пушек, то жители, не ожидая сигнала сирен, сами пошли к пристаням, кто куда хотел… Я страшно волновалась и чувствовала, что происходит что-то жуткое, но спросить было не у кого… Поэтому мы с Дашей одели детей, взяли на руки – она Мару, а я – Лелю, и пошли на пристань. Надя и Таня шли, держась за наши платья. От нас до пристани было недалеко. Но Надя и Таня едва шли от слабости… Еще издали мы увидели на улицах сплошную толпу. У всех узлы, мешки и дети всех возрастов. Вся эта людская масса текла к пристаням, как и мы… Когда же мы подошли ближе, то увидали, что стоящий у пристани пароход был совершенно переполнен людьми… Но новые толпы точно не видели этого и, не останавливаясь, всё шли и шли прямо по сходням на пароход, смешиваясь с чужими людьми, теряя своих детей и близких… От плача и крика стоял жуткий гул. Напуганная этой жуткой картиной, я хотела вернуться на берег… Но толпа захватила нас и несла вперед. Мы очутились на пароходе. На нем уже не было места даже стоять. Он был так переполнен, что боялись, что он потонет. К счастью, кто-то распорядился, чтобы пароход отошел от пристани. Какая-то армянская семья разделилась в толпе. Часть ее уже была на пароходе, а часть на пристани. Муж с маленьким мальчиком и с узлом, оставшись на пристани, когда пароход стал отходить, пытался прыгнуть на него, но не допрыгнул и упал в воду. У всех вырвался крик ужаса! Жена, к счастью, не видела этого… Меня охватил такой ужас, что я стала кричать: «Пустите меня на берег!..» Но пароход отошел и стал удаляться от пристани. Плач детей привел меня в чувство. Все четверо плакали и что-нибудь просили…

«Мама, я хочу в уборную», – говорит Леля. «Мама, я устала стоять», – плачет Надя. А места нигде ни одного вершка. К уборной не протолкнешься. Около самой уборной очередь больше, чем за хлебом. Мара просит пить. Даша пошла с ней искать воду, но вернулась, не получив ни капли. Около бочек стояли люди в очереди, а скоро выяснилось, что питьевой воды не хватает. Жара стояла безумная… Потом воду выдавали только детям, да и то очень понемногу… В последний день перед Петровском совсем не было воды. Прямо жутко и вспомнить, что там было… Если бы я хоть что-нибудь подобное могла предвидеть, ни за что не ушла бы из дома. Пускай бы лучше убили турки в доме, чем перетерпеть такие муки. Да! Вот когда мы все вспомнили Бога!! На этом же пароходе ехали многие из знакомых и даже доктор Мартынов, но никто почти не видел друг друга в этой бурлящей толпе… Когда пароход отошел достаточно далеко от Баку, матросы стали наводить порядок. Нашли и нам место: для шестерых дали около двух аршин. Мы все сели прямо на пол. Дети положили головы ко мне на колени и лежали как мертвые. Так мы просидели до самого Петровска… Самое ужасное было водить детей в уборную. Я не могла – меня тошнило. Водила Даша. Фактически никакой уборной уже не было… Она была загажена, даже войти в нее было нельзя. Двери не закрывались; женщины и дети исполняли свои естественные потребности прямо около уборной. Больше суток мы ехали в этом аду… Наконец пароход пришел в Петровск, но городские власти нас без карантина на берег не пускали. Тогда люди, доведенные до отчаяния, стали прыгать прямо в воду… Говорят: «Все равно тут все помрем». На пароходе было уже несколько смертей… Наконец разрешили, и нас выпустили на берег. Пристани и

ближайшие улицы были уже полны беженцами, уехавшими из Баку раньше... Мы с Дашей сразу же пошли дальше от набережной и стали искать квартиру или хотя бы комнату, но всюду было уже полно... Наконец нашли какой-то пустой сарайчик. В нем не было ничего, что можно было бы назвать мебелью. Но пол был деревянный, и это уже было хорошо. Пустая бочка в углу никому не мешала, но могла послужить как стол. Устроиться можно было неплохо... Я пошла к хозяйке сарайчика и спросила, может ли она продать мне подушки, одеяла и тюфяки. Вот ты всегда пеклась о людях, а я нет. И я скажу, что я права. Люди вообще жестоки, и вообще они не имеют никакой жалости к «ближним». Наоборот, при всяком удобном случае норовят содрать с ближнего и с дальнего все, что только возможно! За этот сарайчик моя хозяйка брала с меня как за хорошую комнату в гостинице. Мы спали на полу, а за постель я платила отдельно. А когда мы уезжали, я все ей же оставила... Вот тебе и любовь к «ближнему»! Драла она с меня втридорога за все! Мы пользовались ее кухней – она брала за «огонь» особую плату. Когда мы грели воду, чтобы выкупать детей, она опять брала деньги за «горячую воду»... У хозяйки был муж-рыбак. Он нам всегда продавал свежую рыбу. И я знаю наверное, что он брал за свою рыбу дороже, чем на базаре. Мы, беженцы, бросившие дом и имущество и кое-как сохранившие только жизнь... Но что им за дело до нас?! Это наша беда, а не их!.. Первые две недели город был переполнен беженцами. Ничего нельзя было достать – ни хлеба, ни мяса, ни масла. В городе не было решительно ничего! Даже касторовое масло в аптеках все раскупили. Я встретила на улице доктора Мартынова. Он мне сказал, что многие покупали касторовое масло для еды. Клали его в

кашу, жарили на нем рыбу и картошку. Через две недели городские власти стали выселять беженцев из города и размещать их по окрестным деревням и селам. До этого же все жили лагерем на площадях и улицах. Пищу варили на кострах прямо тут же, где жили… Обратно мы ехали с бóльшим комфортом… И как мы все были рады вернуться наконец опять домой. К счастью, наш дом не подвергся разграблению. Турки не успели дойти до нашего района. Тысячи армян были убиты. Многие дома и сейчас стоят с заколоченными окнами и дверями… Когда турки ушли из города – трупы собирали, вывозили за город и сжигали их там, поливая нефтью.

Через несколько дней мне рассказали, что доктора Захарьяна нашли в его квартире убитым. В другой комнате была убита его жена. Много и других видных армян погибло во время нашествия турок на Баку…

Уложила в ящики всю медицинскую библиотеку мужа и отправила ее в Тифлис. В Тифлисе в это время открывался университет. Учебников не было, а нужны они были очень. Я решила все книги и учебники мужа пожертвовать туда. Давно как-то муж говорил, что если он умрет, то все его книги отправить в Казанский университет. Теперь этого сделать нельзя, дороги закрыты. Но в Тифлисе только что открылся медицинский факультет, и в учебниках там большая нужда…

– Ты что, опять поедешь в Тифлис? – спросила меня Нина.

– Придется! Ведь я там оставила вещи. Да вот посылаю Ванины книги; их нужно отдать в университет.

– Возвращайся скорее! Здесь мы все же все вместе. Да и с едой стало лучше. Говорят, что немцы отпускают пленных. Значит, нужно ждать Алексея, – с грустью сказала она.

Только я собралась идти к Ивану Яковлевичу, чтобы повидаться перед отъездом, вдруг раздался звонок, и в комнату вошла Соня. Дрожащим голосом она сказала:

– Папу только что арестовали и увезли куда-то! Власть в городе в руках татар. Ему предъявили какое-то очень страшное обвинение, за которое ему грозит расстрел. Нужно немедленно ехать в полицию и узнать, где папа…

Это правда странно! За что его могли арестовать? Он политикой никогда не занимался. Разве только выругает кого-нибудь «татарской мордой» – вот и все. Но за это не расстреливают. Но все же за что-то его арестовали…

– Неужели ты ничего не слышала, что говорили полицейские? – допрашивали мы Соню.

– Его арестовали не полицейские, а солдаты-татары. Они сказали, что папа снял телефонную проволоку, которая соединяла казармы и канцелярию правительства, за что полагается высшее наказание! Понимаешь, папе грозит расстрел! Или его повесят, как преступника…

– Что делать?.. Яша, посоветуй! Ведь ты мужчина и больше в этом понимаешь, – сказала Нина.

Но ответ Яши был похож на него самого:

– Я в такое грязное дело вмешиваться не стану! Его все равно повесят, а на меня может упасть подозрение в соучастии! И меня тогда тоже засадят! С татарами шутки плохи… Я и тебе не советовал бы ходить туда. Ты можешь навлечь подозрения на себя и на всех нас. Я скажу тебе, что

татары зря не пришли бы к твоему отцу, если бы у них не было доказательств…

– Что ты хочешь этим сказать? Что папа снял проволоку ради «саботажа»?..

– Я не знаю, ради чего. Но я подозреваю, что это именно он снял эту проволоку…

– Это верно! Он ее снял. И при обыске ее нашли в подвале. Я ее сама видела там – она была смотана в большой круг.

– Поедем, Нина! И расспросим, какое наказание ждет за это, – сказала Соня.

– А куда же мы поедем?

– В полицию.

Они уехали.

Когда Нина вернулась, ее узнать нельзя было… Она сразу как-то состарилась…

– Проклятые!.. За власть свою боятся! Всюду врагов видят! По-русски уже разучились говорить! Где только мы не были!.. Ведь делают вид, что это их не касается и что они ничего не знают. И в полиции, и в тюрьме… Нигде его нет! Один старый тюремный сторож нам сказал, чтобы мы поехали в комендантское управление: «Не иначе, как при ём содержат, раз большой преступник…» Приезжаем туда. Нас заставили ждать в приемной; записали наши фамилии. Потом пригласили к дежурному. Входим, и я вижу нашего бывшего офицера Сальянского полка. Ну, думаю, повезло! Он-то уж поможет мне и разыщет отца… Здороваюсь с ним… А он: «Как ваша фамилия?» Сам сидит, а мы с Соней стоим! Мне так хотелось запустить чем-нибудь в его татарскую

голову… Может быть, пришел бы в себя и узнал бы меня. Но я сдержалась, сказала фамилию и объяснила, что арестовали моего отца и увезли куда-то, и что я хочу знать, где он, и хочу его видеть.

– Я вас об этом не спрашивал. Мне нет дела, что вы хотите… Потрудитесь только отвечать на мои вопросы! – И стал меня спрашивать, где я живу, чем занимаюсь и кем мне приходится арестованный… Проклятые… Проклятые! Пусть кто угодно приходит сюда и занимает Баку, только не эти… Мучил он нас, мучил часа два!.. Все допрашивал. Наконец сказал, что папа содержится при комендантском управлении. И когда его допросят, то переведут в тюрьму…

Нина плакала и вся дрожала… Я согрела горячей воды, налила в пузырь и приложила к ее ногам.

– Никогда я так не жалела папу, как сейчас! И никогда я так его не любила, как теперь люблю. Бедный мой папа! – сквозь рыдания говорила она. – Ходил себе дома… Ругался… все берег, все приберегал и копил… И я была спокойна за него. А теперь – где он?! Что с ним?!. Может быть, голодный сидит, старик!.. Какое несчастие… Я видела Марию Яковлевну. Она рассказала мне, что папа действительно снял проволоку, которая проходила по крыше. Но он, наверное, думал, что она брошена и никуда не ведет… Он боялся за свою крышу. Чтобы не попортило ее…

Через две недели Нина добилась свидания с отцом. Он был уже переведен в тюрьму. Он встретил Нину таким же бодрым, как всегда.

– Не плачь, Нина! Лучше слушай меня! – сказал он ей. – Здесь живут люди хорошие. Но эти негодяи морят их голодом. И мне здесь всегда есть хочется! Так ты слушай!

Поезжай домой и скажи Марии Яковлевне, чтобы она дала тебе пшено, которое в кухне на шкапу. Да кусок свиной копченой грудинки… Да луку побольше! Да керосинку, ту, черную. Она большая, хотя и коптит. Здесь все сойдет! И керосину не забудь… Всеё это передашь дежурному. Тебя не пустят ко мне. Часто нельзя… Я буду варить похлебку! Сам поем, да и других подкормлю! Здесь люди так отощали, что ходить не могут… И мрет же здесь народ! И от тифа, и от голода. Ни докторов, ни лекарств нет! Заболеют и помирают без всякой помощи. И как только умрет, придут не то солдаты, не то сторожа, подхватят за руки и за ноги и вытащат куда-то… Говорят, что тут же за тюремной оградой и закопают. Вот еще вошь заедает нас совсем! Вши и клопы – прямо матерые волки! Хоть из ружья по ним стреляй!.. Ну, ступай, Нина, да по мне пока не плачьте – здесь тоже ведь живут люди… Ну, и я поживу. Да, я думаю, меня скоро выпустят отсюда…

Прошло еще две недели. То Нина, то Сонин муж возили в тюрьму разные съестные припасы для отца. Он обзавелся там полным хозяйством. Сам ел и других кормил. Но его все не выпускали, не допрашивали и не судили… Точно и забыли о нем. Наконец Нина получила от него письмо: «Меня могут выпустить. Нужно внести залог». Нина поехала к начальнику и спросила, сколько нужно залога.

– Знаете, г-жа Семина, это только для вас мы делаем снисхождение. Обычно таких арестованных мы не выпускаем без суда. Но мы знаем, что он старый человек, а в тюрьме тиф!.. Он может каждую минуту заболеть и умереть… Вы люди богатые, и, конечно, для вас деньги не играют большой роли… Его мы не можем выпустить под залог меньше, чем в сто тысяч рублей!.. И знайте! Суда

может не быть целый год, а то и больше. Выпущенный на поруки ваш отец будет жить нормальной жизнью, на свободе. А в тюрьме он, может, и не выживет.

– Таких денег нет ни у меня, ни у моего отца, – сказала Нина и ушла.

Это подействовало! Скоро ее опять вызвали и цену сбавили… Нина, однако, сначала посоветовалась с адвокатом, который прямо ей сказал, что все это самый откровенный шантаж.

– Конечно, если они захотят, то могут вашего отца просто завтра же расстрелять или повесить. Но проще всего для них выпустить его на свободу! Они давно сделали бы это, если бы не знали, что и у вас, и у вашего отца есть деньги. Они просто-напросто хотят получить с вас взятку под видом залога.

Нина добилась свидания с отцом и все ему рассказала…

– Ни копейки не давай!! Негодяи! Сто тысяч хотят содрать за паршивую проволоку, которой вся-то цена пятьдесят копеек! Буду сидеть здесь хоть сто лет! И ничего они не получат!.. Ты вот лучше привези мне еще бочок копченый! Да луку, а если достанешь, то и чесноку бы хорошо! Вошь не любит его. И от тифа помогает тоже!

Как-то вечером пришли Мартыновы. Доктор рассказывал прямо ужасные вещи…

– Знаете, есть лазареты, где весь персонал болен сыпняком!.. И больные, и персонал лежат беспомощные… Разве случайно кто зайдет и даст пить. Тина Дмитриевна! Оставайтесь здесь и работайте! В любом госпитале или лазарете. Всюду будете спасительницей!.. Я сам работаю в лазарете, и у меня на руках больше трехсот больных. А

помощников – три сестры да пять санитаров!.. И это еще хорошо! У других врачей и совсем нет сестер!.. В каждом доме есть тифозные… У кого есть деньги, те, если найдут, нанимают сестру милосердия и платят ей хорошие деньги. Конечно, к черту тифозных больных! Если вы не переболели сами тифом, то через две недели все равно заболеете!.. И чего вам этот Тифлис дался? Зазнобу завели, что ли?.. Так бросьте тифлисского! Здесь своих сколько угодно! И не уезжайте отсюда!.. Скучно жить… До отчаяния скучно…

– Что вы, Сашенька?! О чем скучать? Времена-то какие веселые! Куда ни посмотришь… всюду радость, всюду смех! – сказала Нина.

Доктор Мартынов сидел между мной и Ниной и обеих нас обнимал за талии… Против нас сидела Катюша и новый квартирант Мартыновых, которого доктор привез с Персидского фронта, – офицер, блондин с голубыми глазами и с очень мягким грудным голосом. Катюша украдкой бросала на него взгляды, когда он не смотрел на нее. Сашенька ничего не замечал. Сел на пол у моих ног и просил: – Пойте, Тиночка! Скучно жить…

Только что прошла гроза; едва миновала опасность… И люди опять живут сегодняшним днем, данной минутой… Последние две недели мы часто бывали друг у друга – то Мартыновы у нас, то мы у них. Как только соберемся, сейчас же выпивка, пение. Лишь бы забыться хоть ненадолго. Настоящей жизни нет ни у кого…

О Добровольческой армии стеснялись и избегали говорить… Из всей компании только один Иван Иванович больше всех говорил и всегда беспокоился о чем-то… Этот армянин – русский патриот – собирал деньги и вещи и с

риском для собственной жизни пересылал все на лодке по морю в Петровск для Добровольческой армии. Теперь и он стал осторожен, и к русским больше не приставал с просьбами. А давно ли чуть не со слезами говорил, что жить можно только с русскими?! Тогда от него все только отмахивались: «Ну его! Надоело!» – и старались как можно скорее отдохнуть за выпивкой…

Татары и армяне до сих пор сводят счеты между собой. Каждый день перестрелка, и есть убитые с той и с другой стороны…

Пришла знакомая барышня. Она смахивает больше на молодого парня – курит, стриженая! Юбка чуть ли не выше колен, страстно любит целоваться с женщинами и говорить только о коммунистах!

– Нужно немедленно всем русским записаться в коммунистическую партию и помочь им занять город. Только с коммунистами мы, русские, и можем жить здесь! Иначе татары захватят все, и русских выгонят с Кавказа. – Но ее тоже никто не слушал серьезно и никто не записывался в коммунистическую партию.

Яша хвастался, что собрал коллекцию монет, браслетов и нательных крестов… Монеты служили убитым армянским женщинам украшением (головным), а кресты, может, тоже с убитых?..

Все готово! Собираюсь уезжать обратно в Тифлис. Деньги перевела; книги отправила. Только билет никак не могу достать. На какой поезд ни спрошу, один ответ – нету, все проданы… Спасибо, выручила квартирантка; она служит кассиршей на городской станции и купила для меня билет второго класса. Поезд переполнен до отказа. В купе, где я

сижу, нас двенадцать человек. Сидим, плотно прижавшись друг к другу. О сне и думать нечего. Верхние полки завалены вещами. Коридор набит так, что к уборной и не подойдешь. Ночью все дремлют, стукаясь головами о стенку и друг о друга. Утром на какой-то станции вошли в вагон татары с узлами и мешками... Стало еще тесней. Они, не обращая внимания на протесты публики в коридоре, шли, расталкивая всех мешками и узлами, которые были у них на плечах и в руках. Некоторые из них заглянули в наше купе, вошли и, не говоря ни слова, сели прямо на пол, подложив под себя узлы и мешки. Один татарин сел прямо на мои ноги... Пассажиры стали протестовать и звать кондуктора. Пришел кондуктор:

– Нельзя сидеть здесь! Это второй класс. Иди в третий класс! – Но те и ухом не повели. Просто не обращают никакого внимания ни на протесты пассажиров, ни на кондуктора.

– Выходите, выходите отсюда! В другом вагоне есть места! А это второй класс! – протестовала сидевшая против меня женщина, отодвигаясь вглубь дивана.

– Иок! Моя сиди издез! Твоя нет, Николай! Твоя кончал, Николай! Моя издез сидишь! – сказал сидевший у моих ног татарин и злобно посмотрел на женщину...

Мне некуда было отодвинуться. Он прижал мои колени. Я пробовала высвободить их, но татарин упорно не замечал мой молчаливый протест и продолжал сидеть. На нем была рваная солдатская гимнастерка, а под ней грязная ситцевая рубаха с расстегнутым воротом. От всех них шел отвратительный запах дыма, бараньего сала, пота и грязи. И вдруг я заметила, как из-за его воротника выползла

огромная белая, с синеватым пояском, вошь и остановилась, как бы в раздумье, куда ей идти дальше!.. Меня охватил ужас, что она сейчас поползет на меня!.. Она была так огромна, что я видела ее плоскую на вытянутой шее голову и не то усы, не то зубы, торчавшие впереди… Она была так страшна, что я глаз от нее не могла отвести… К счастью, она не заинтересовалась мною, а может быть, озябла просто. Словом, она повернулась и лениво поползла обратно за воротник своего хозяина. Через несколько станций татары вышли из вагона.

Когда я приехала в Тифлис, мои добрые хозяйки-армянки предложили мне пойти с дороги в серные бани вместе с ними. После купания они заказали кебаб, и, закусив и отдохнув в бане, мы поехали домой. Я чувствовала себя прекрасно…

Вскоре пришли книги, и я стала разбирать их и составлять каталог. Потом пошла в университет предложить их медицинскому факультету в память моего мужа… и совершенно неожиданно встретила там профессора Разумовского, который был в Казанском университете, когда там учился Ваня!

– Мы с радостью и большой благодарностью принимаем дар, – сказал старый профессор. – Имя вашего мужа запишем как жертвователя.

Вот уже несколько дней я чувствую какую-то неопределенную тоску. Не хочется ни есть, ни пить; плохо сплю; в теле тяжесть; едва хожу от слабости… На другой день после того, как я сдала книги в университет, я почувствовала сильный озноб. Потом жар. Легла в постель, чтобы согреться, так как меня трясло от сильного озноба – и шесть недель

была между жизнью и смертью… Когда я легла в постель, то чувствовала потрясающий озноб; а потом от головы стал спускаться жар, дошел до ног и охватил все тело. Не было ни одного вершка холодного на всем теле. Все оно горело как в огне, и ни на минуту не отпускало. Я собрала все силы, постучала в стенку к хозяйкам и попросила их позвать знакомого доктора.

– Не пугайтесь, у вас сыпной тиф… Но мне кажется, не в тяжелой форме, – сказал доктор Божовский после осмотра. – Если ваши хозяева ничего не будут иметь против этого и если у вас есть деньги, чтобы лечиться дома, то я советовал бы вам тут и лежать! У меня есть хорошие сестры, которые работают за очень скромную плату. А с вас, как с сестры милосердия, несомненно, возьмут совсем мало. Поэтому лечитесь дома! Сестру я вам пришлю. Вчера одна очень хорошая освободилась. Если же попадете в госпиталь или больницу, то живой вам оттуда не выйти… Там всюду переполнено, холод, медикаментов нет, ухода нет, еды нет, белье не меняется, посуда не моется. Нет горячей воды, совсем нет мыла…

Я указала доктору несколько адресов моих друзей, попросила его сообщить им и переговорить с хозяйками. Если они согласятся оставить меня в их доме, то немедленно прислать сестру для ухода за мной.

– Я сам буду навещать вас так часто, как только будет возможно, – сказал доктор.

Время затянулось для меня какой-то серой пеленой, и я сквозь нее едва узнавала приходившего ко мне доктора и чуть видела женщину в белом, склонившуюся надо мной… Чем ближе к кризису, тем мне становилось тяжелее. Мне

казалось, что я не теряла полного сознания. Но иногда вдруг я точно просыпалась от того, что сестра трясла меня и даже хлопала по щекам, стараясь привести меня в чувство… Над кроватью у меня висел ковер. На нем все время мне мерещилась крючком скорчившаяся старуха. Вид ее меня страшно раздражал, и я попросила ковер снять. Но и на голой стене старуха продолжала сидеть… Перед самым кризисом доктор спросил меня, не хочу ли я позвать священника. Я поняла, что дела мои плохи, и попросила позвать отца Смирнова. Отец Павел исповедал и причастил меня. Мне стало как-то радостно, легко…

– Отец Павел! Что, я умираю? – спросила я.

– Нет! А теперь, после причастия, вы скоро совсем поправитесь.

Отец Павел после этого дня бывал у меня каждый день и подолгу просиживал, стараясь отвлечь меня от тяжелого настроения. Я ясно его видела и даже разговаривала с ним; но в то же время я ясно видела в ногах на стене старуху…

– Отец Павел! Видите старуху?.. Сидит на стене!

Он испуганно крестит меня.

– Что вы! Никакой старухи нет нигде! Это ваша болезнь… Господь с вами! – Он крестил меня и читал молитвы. Каждый раз, уходя и приходя, он меня крестил, и мне было это всегда очень приятно…

– Какая температура? – спрашиваю сестру, вынувшую термометр. И все 43 держится… Сестра вытирает меня водой с уксусом, но это очень неприятно… Я протестую… Но доктор настаивает на этом… Потом, правда, мне становится легче…

Наступил день кризиса. Доктор заранее принес ампулу камфары и шприц и еще раз просил сестру никак не пропустить момента впрыснуть ее, как только температура упадет… За пятнадцать минут до кризиса температура была все та же. И вдруг меня точно облили холодной водой, и я стала опускаться в яму… Сначала это было приятно и легко: я не чувствовала ни тела, ни боли, а стала куда-то проваливаться…

– Тина Дмитриевна! Кризис миновал благополучно!.. – Я открыла глаза. Сестра стояла передо мной и плакала: – Все кончилось благополучно… Я сделала два впрыскивания, и сердце сразу стало работать лучше!.. Ну, вот, пейте кофе! – Я выпила. Но говорить совсем не могла. С трудом подняла руку к лицу, по которому катились капли холодного пота, наступило полное безразличие и покой, в котором я не чувствовала своего тела…

Сестра не отходила от меня и все время следила за моим пульсом. Пришел доктор Божовский, тоже посмотрел мой пульс.

– Поздравляю! Кризис прошел благополучно… Теперь только питание, и вы скоро будете совсем здоровы, – сказал он.

На другой день я проснулась и почувствовала, что болезни уже нет!.. Жару нет; ничего не болит; только не было и сил даже поднять руку, чтобы перекреститься!.. Сестра все так же поднимала меня, чтобы переменить белье или дать пить. Две недели еще смотрела она за мной. Ходила в очередь за сахаром, за хлебом. Покупала за большие деньги свинину, жарила ее и кормила меня. Потом учила ходить… Но от слабости в глазах был черный снег…

Через две недели доктор взял сестру к другому больному.

– Теперь она вам не нужна, – сказал он. – Питайтесь и набирайтесь сил. Я буду иногда заходить, справляться, как вы себя чувствуете…

При сестре я ходила по комнате от кровати до стула, и все было ничего. Но теперь у меня кончились деньги, и мне нужно было идти в банк за ними. Когда я вышла на улицу, силы меня совсем оставили… В глазах черный снег не давал мне видеть дорогу. Ноги дрожали и подгибались. Я шла около самой стены, держась за все, что попадалось под руки. До банка было недалеко. Но чтобы до него дойти, мне понадобилось очень много времени. Наконец я стою у окошка кассы!.. Протягиваю книжку и требование на нужную сумму.

– Что вы хотите? – спрашивает кассирша.

– Хочу получить деньги!

– Мы выдаем только двадцать рублей в месяц. Напишите другое требование; у вас в записке написано пятьсот рублей…

– Но я очень больна и часто ходить в банк не могу. Прошу выдать мне мои пятьсот рублей…

Кассирша послала меня к директору. Ему я опять стала объяснять, что деньги я положила только на хранение, что я очень больна и что мне нужно именно пятьсот рублей.

– Все это я понимаю и очень вам сочувствую. Но распоряжение правительства ясно: больше двадцати рублей один человек получить не может!..

К моему счастью, он был еще из старых русских чиновников и был человечен… Видя, что я так больна и слаба, что мне нужно лежать в постели, он сказал:

– Вот, что я могу сделать для вас, г-жа Семина. Так как вы не получали уже два месяца ваши деньги, то я принимаю риск на себя и выдам вам за два месяца вперед. – Он сделал нужные надписи на моем бланке, и я пошла к кассе. Когда я подошла к окошку, оно уже было закрыто, и кассирша собиралась уходить. Я показала ей мое разрешение от директора…

– Банк уже закрыт! Приходите завтра! – сказала она, потушила свет и закрыла окно.

Боже… У меня такая слабость… Еще несколько минут разговора с ней, и я упаду… В это время вышел директор; он подошел ко мне, узнал, в чем дело, и приказал выдать деньги. Новая беда: от слабости я забыла, как пишется моя фамилия, и не могу подписать бланк…

– Пожалуйста, скажите мне буквы моей фамилии! – прошу я кассиршу.

Она прямо позеленела от злости!

– Когда вспомните вашу фамилию, тогда и приходите и сделайте вашу подпись. Банк давно закрыт! – добавила она и захлопнула окошко. Я не имела сил отойти от кассы… Чтобы не упасть, я оперлась на окошко спиной. В это время вышел директор и прошел мимо меня. Но вдруг он вернулся и спросил меня, почему я все еще стою тут? Я рассказала ему все. Он взял мою вкладную книжку, а уходящую кассиршу заставил вернуться и выдать мне деньги. Я поблагодарила директора и пошла к лестнице. Она была очень широкая, мраморная, покрытая ковром. Я подошла к перилам, но у

меня не хватило сил и смелости спуститься без посторонней помощи. Я чувствовала, что с первой же ступеньки полечу вниз головой. Я держалась за перила и ждала, что кто-нибудь мне предложит помощь… Но молодым, здоровым служащим, пробегавшим мимо меня, и в голову не приходило, что я жду их помощи. Так все и прошли мимо… Но вот по лестнице поднялся старик, подошел ко мне и спросил, чего я жду! Это был банковский сторож. Он помог мне спуститься, довел меня до дверей…

– Я бы вас проводил и дальше, но не могу! Я один сторож и не могу оставить запертую дверь. Некоторые старшие чиновники после обеда приходят сюда работать, и я должен быть здесь.

Пришла я домой около четырех часов. Мои хозяйки были очень обеспокоены моим долгим отсутствием. Обе они встретили меня на площадке крыльца, помогли подняться в мою комнату и уложили в постель. За ночь я отдохнула, отлежалась и утром пошла в очередь за сахаром. Продовольственный склад нашего района был тут же – на Анастасьевской. К счастью, в складе очереди еще не было. Я подала мою книжку заведующей. Она посмотрела ее и сказала:

– Фунт сахара можете получить, мы только что получили сахар; рис есть, если хотите, могу дать фунт. Махорку получили, если курите, могу четверть фунта дать.

– Я бы хотела вместо махорки получить немного картофеля.

– Картошки нету; но скоро получим и ее. Почаще наведывайтесь, а то разберут все. – Она отвесила фунт

сахарного песку и высыпала в принесенный мною бумажный пакетик. Под рис пришлось пустить носовой платок.

Пока были деньги, я питалась и набиралась сил, и к весне порядочно окрепла. Тех денег, которые выдавал банк, не хватало мне для уплаты за комнату, поэтому я снесла несколько платьев в комиссионный магазин для продажи. Обещали продать их скоро. Пошла узнать, не продали ли уже? Дамы, открывшие этот магазин (жены бывших офицеров), совсем меня смутили. Они сказали, что таких платьев теперь не покупают.

– Слишком шикарны, не по времени!.. Если бы принесли шерстяные, да попроще, да потеплее, то их мы продали бы сразу…

– Хотите, я привезу ковры?

– Нет! У нас много ковров. Их и вовсе никто не покупает!..

Пошла к доктору Божовскому и рассказала ему, в каком я нахожусь положении…

– Я хочу работать. У меня нет денег на жизнь!

– Если хотите дежурство у тифозных, то я могу дать вам работы сколько угодно. Платят хорошо. Попробуйте зайдите в госпиталь на Михайловской. Там тоже нужда в сестрах…

Я пошла. Разыскала госпиталь, вошла в подъезд… Посреди широкой приемной стояла грязная женщина с метлой в руках. Опершись на ручку метлы, она размахивала свободной рукой и что-то говорила сидевшему на скамейке солдату, который, вытянув ноги и закинув руки, курил и время от времени сплевывал на пол. В бывшей приемной госпиталя, где обычно больные ожидали приема у доктора,

была ужасная грязь. Пол был покрыт окурками, старыми бумагами, обгорелыми спичками и заплеван.

Я спросила у женщины, подметавшей пол:

– Где главный врач? Могу ли я его видеть?

Женщина посмотрела на меня:

– На что он вам?..

– Нужно!.. Я сестра милосердия. Хочу работать…

– «Милосердная», значит… Ищешь работу… Буржуйка!.. Нету никакого главного доктора здесь… Был, да весь вышел. – Я повернулась и пошла к дверям… – Стой!.. Что, обиделась? Работу и я могу дать тебе, – перешла она на «ты». Солдат сидел все так же; курил, сплевывал сквозь зубы на пол и никакого участия в разговоре не принимал.

– А что умеешь делать? – снова спросила грязная женщина с метлой.

– Я сестра милосердия и хочу работать в госпитале! Но я хочу разговаривать только с доктором.

– Ишь!.. Иди, разговаривай! – Баба повернулась ко мне спиной. Я хотела ее обойти и идти дальше, но она повернулась ко мне и сказала: – Никакой доктор теперь тебя не может взять… Теперь «камитет» действует!.. А мы «камитетчики»!.. – Она мотнула головой в сторону солдата…

Солдат чуть-чуть скосил глаза в мою сторону и усмехнулся. Он был так же грязен, как и женщина с метлой. Солдатская суконная рубаха была не застегнута, без пояса, вся в жирных пятнах. Штаны от грязи и жира лоснились. Сапоги рыжие, потрепанные. Волосы на голове торчали грязными пучками во все стороны…

Когда я сказала моим хозяйкам, что я хочу идти ухаживать за тифозными больными, они пришли в полный ужас:

– Нет! Если вы решились, то прежде найдите себе другую комнату.

А где найдешь хорошую комнату, когда город переполнен?! Пришлось отказаться от этого намерения.

Все бегают по городу озабоченные и что-то устраивают. Открылось много комиссионных магазинов. Группа офицеров открыла ларек на моей улице и торгуют печеным хлебом. Но стоит им только увидеть молодую даму или барышню, как они моментально убегают в подъезд. Этот ларек был в палисаднике перед шикарным особняком, в котором и жили «новые коммерсанты». Но просуществовал он недолго. Как-то я хотела купить немного хлеба (он был уж очень дорог). Подхожу к ларьку, а там старая не то нянька, не то экономка собирает все в узел и уносит в подъезд.

– Разве сегодня нет хлеба? А я хотела купить немного…

Старуха повернулась ко мне и сказала:

– Закрыли лавочку! Больше не будут торговать. Молодые князья стесняются, старый-то барин простудился, а мне теперь не управиться! Одна я осталась в доме; а он вон ведь какой! В два этажа… Время надо его убрать, а хлеб ведь я сама пекла! Молодые-то князья хотели продавать сами, да стесняются. Лучше, говорят, мы голодать будем, но резать хлеб, развешивать по фунтам, получать деньги, давать сдачи… Нет! Довольно с нас этого!..

Еще двое моих знакомых офицеров открыли починочную сапожную мастерскую… И зарабатывали довольно себе

на жизнь. Но тоже стеснялись своего ремесла. Встретила я на Головинском одного из них и спросила:

– Как поживаете, что делаете?

– Служу в английской армии. Но у них странные порядки… Их офицеры должны все сами делать… Вот видите, какие у меня руки? – он показал черные, обломанные ногти. – Это я сам чинил автомобиль!..

Встретила знакомую. У нее убит муж еще в начале войны. Я ее совсем и не узнала: бледная, сморщенная старуха… Одета в какое-то старье. Спросила ее, как она живет?..

– Да вот ходила искать работу… Мне сказали, что открывается офицерская прачечная. Да меня не взяли… Спрашивают, могу ли я стирать. А где же мне стирать?! Я от слабости едва на ногах стою. «Гладить, говорю, могу немного!» А им нужно, чтобы очень хорошо уметь гладить, и я бы все им делала… Мне какой-то человек ответил: «У нас не школа, а прачечная. Нам нужны люди здоровые и умеющие…» Он, видно, думал, что я больная. А мне просто нечего есть… Все, что я достаю, я отдаю детям. Самой мне почти ничего не достается. После смерти мужа я получала пенсию. Но теперь, после революции, никто ни копейки не дает. Что можно было продать – все продала. Живу в одной комнате; никакой мебели нет… Спим все на одной кровати. Старший мой мальчик зимой заболел тифом. Потом и девочка… И мы так и спали все вместе все время. Девочка поправилась. А у мальчика осложнение – ноги отнялись… Он и сейчас еще не может ходить. Доктор говорит: «Питайте их лучше»! А где я возьму это питание? Как только вхожу в дом, оба плачут и есть просят! А что я им дам?.. У меня нет денег! Мне нечего ни продать, ни заложить!.. А они ждут меня,

ждут хоть хлеба кусок… Страшно и домой идти!.. Не могу больше жить!! Брошусь в Куру вместе с детьми…

На днях под вечер в наш двор зашли две молодые женщины. У одной в руках мандолина, у другой – гитара. Они стали играть и петь… Я посмотрела на них. Было видно, что они не поют, а молят о куске хлеба, хоть маленьком… С верхнего этажа им бросили несколько медных монет. Они их подобрали и, не глядя ни на кого, ушли…

Как-то и у меня на душе тревожно! Не знаю, что делать… Пошла к знакомым. Но и у них не очень-то благополучно. Семья большая, денег мало, все страшно дорого…

– Вот только кончатся занятия в гимназии, мальчишек пошлю работать в оранжерею, – сказал хозяин дома, генерал, оказавшийся теперь не у дел. – Всем нужно сейчас учиться какому-нибудь ремеслу. Образование, знания, опыт оказались никому и ни для чего не нужны. Встретил я на днях когда-то блестящего, прославившегося в боях кавалерийского полковника. Идет в рваном пиджаке; в руках – корзинки с цветочными горшками… Увидев меня, он отвернулся и сделал вид, что не узнал. Но я его остановил… Он мне рассказал кое-что о своей жизни сейчас. «Вот, несу цветы на чужие могилы, чтобы украсить их. Занятие почтенное… Странное, конечно, для старого боевого офицера… Но что будешь делать? Есть-то ведь нужно! А у меня еще и семья! Когда революция развалила армию, я вернулся домой. Пожил два-три месяца… Деньги кончились. Я стал искать какую-нибудь работу. Совершенно случайно мне сказали, что есть брошенные оранжереи. Когда-то в них я покупал цветы. В отличном были виде… Пошел узнать. Хозяин – старик. У него два сына ушли на войну. Одного

убили, а другой без вести пропал. Сам работать не может. “Возьмите их, – говорит. – Сможете сделать что-нибудь, делайте… Там в них много ценных растений! Не дайте им пропасть. Может быть, сын еще вернется. Будет там работать”. Я взял. Никакой цены не мог обещать ему. Я и сам не знал, что у меня выйдет… Пока едва-едва зарабатываю на самое необходимое. В оранжереях было полное запустение. Большая часть растений погибла без поливки и отопления. И очень трудно мне одному работать. А желающих на такую работу нет. Если кто и приходит, то такую запрашивает цену, что лучше совсем бросить все и сидеть дома». Вот, Тина Дмитриевна, великолепное для вас занятие! – сказал генерал. – Подучитесь и войдете компаньонкой к полковнику!.. Очень хорошее дело!.. Пойдите к нему и скажите, что я вас послал…

– Да как же я пойду предлагать себя в опытные работницы, если я никогда не работала в садоводстве?!

– Какие пустяки!.. Все равно он не найдет никого! И вы для него будете просто находка. А эта работа здоровая! Во всяком случае, лучше, чем возиться с тифозными больными.

Ходила в комиссионный магазин. Но из моих вещей ничего не продано. Придется идти наниматься в оранжерею.

– Кто вы? Говорите, вас прислал генерал Левандовский? Да, да, я говорил ему, что мне трудно управиться, но я не могу вам много платить. Посмотрим, как вы будете работать еще, – строго закончил полковник. – Идите сюда, вот видите, все заросло травой, а тут ценные растения! Вы знаете, какие это растения?

– Да! Впрочем – нет, я не знаю…

– Ну, вот! Я так и знал… Приходят наниматься, а сами ровно ничего не знают! Смотрите!.. Вот эту траву выдергивайте! А эту не трогайте, это молодые растения… Когда выполете эту грядку – нужно привезти земли вон из той кучи. Будем пересаживать растения в горшки. – Сказав все это, сердитый полковник вышел из оранжереи. Я осталась одна, смотря вслед удаляющейся высокой фигуре в заплатанных парусиновых штанах. Я стояла, боясь даже дотронуться до каких-нибудь растений, и стала рассматривать пальмы. Их было много, разных пород, в больших кадках. На полу какие-то трубы, лопата, битые горшки, водопроводный кран, из которого текла вода. Пахнет сыростью и цветами… Вдруг я вспомнила сердитого полковника и стала искать сорную траву на указанной грядке. Какую же траву надо выпалывать? Я смотрела на грядку, и мне казалось, что тут все сорная трава. А может быть, это все «ценные» растения? И я стояла, не смея дотронуться до растений… Вдруг входит полковник!.. Чтобы показать, что я работаю, я стала выдергивать подряд все, что попадалось…

– Что вы делаете?! Ведь это растения! – Он схватил мою руку, в которой я держала нежную молодую травку. – Я ведь вам показал, что выпалывать!.. Бросьте полоть! Я сам выполю, когда будет время. Теперь будем пересаживать гвоздики в большие горшки. – Он поднял лопату, вышел из оранжереи, взял тачку, бросил в нее лопату и сказал: – Вон за той оранжереей наберите черной земли и привезите ее мне вон туда! – Он показал на ряд стеклянных оранжерей и пошел по дорожке между ними. Я взяла тачку и хотела ее толкать к черной земле. Но только где же эта земля? Сколько я ни рассматривала, вся земля кругом была черная! Я

совершенно не знала, которую нужно набрать в тачку… Так я стояла и не знала, на чем остановиться и что класть на тачку. Вдруг слышу шаги!.. Опять полковник!.. Я быстро стала бросать землю в тачку и повезла. Из-за угла оранжереи вышел полковник. Взглянул на землю в моей тачке, выхватил ее из моих рук и, что-то ворча, повез ее обратно… Я осталась стоять. Через несколько минут он вернулся и повез землю в оранжерею.

– Подавайте мне те горшки. Я буду пересаживать… – Я принесла несколько горшков. Он ловко стучал по ручке тачки горшком, и оттуда вываливался комок корней. – Видите! Совсем нет земли; одни корни! – И он подсыпал в горшок свежей, привезенной им земли, опускал туда корневой комок, досыпал землей доверху и передавал его мне: – Ставьте вон туда и хорошенько полейте. – Когда таких горшков было много поставлено в ряды, он сказал: – Ну, на сегодня довольно. Приходите завтра пораньше.

Пришла домой, едва отмыла руки от земли и решила ни за что не идти завтра к этому полковнику в его оранжереи. Гадость какая! Буду я возить ему землю да поливать горшки?! Довольно! Но на другое утро я все-таки пошла… Как только я пришла, полковник объявил:

– Заказ получил посадить цветы на могилу!.. Вы поедете со мной помочь мне там.

В две ручные корзинки он поставил по шести горшков с цветами. Одну дал мне, а другую взял сам. Мы сели на трамвай, поехали на кладбище, нашли место и посадили цветы. Пустые горшки он сложил в корзинку и сказал мне отвезти их в оранжерею.

– Я сейчас туда не поеду, – сказал он и ушел. Я осталась на улице около остановки трамвая с корзинками и горшками в руках. Стыд и какая-то непонятная обида за непривычную еще для меня бесцеремонность обращения со мной сжали горло до слез и приковали ноги к тротуару. Я не знала, что мне делать! Неужели я понесу эти корзинки с пустыми горшками? Вот старый нахал!.. Не понесу! Брошу вот тут и корзинки, и эти проклятые горшки!..

Вдруг мелькнула мысль, что он пожалуется на меня генералу, а тот будет высмеивать меня! «Два дня проработали, а старику столько убытков причинили!» Нет. Я не имею права так поступать! Полковник надеется на меня, и я должна отвезти его корзинки!.. И, не глядя ни на кого, я села в трамвай и повезла их в оранжерею. Там я увидела какого-то долговязого парня, отдала ему порученные мне корзинки и ушла.

Никогда больше я не видела ни полковника, ни его оранжереи… Моя заработанная плата, конечно, пропала…

Решила пойти опять к доктору и попросить какое угодно дежурство, а то нечем будет заплатить за комнату. Из моих вещей, данных на продажу, ничего до сих пор не продали…

Как-то иду по улице и слышу, кто-то кричит меня:

– Тина Дмитриевна, здравствуйте!.. Что с вами? Кричу, кричу, а вы точно оглохли!

Оглядываюсь – Евгения Михайловна Рыхальская.

– Вы так углубились в себя, что не замечаете знакомых! Где вы пропадали столько времени?.. С иностранцами веселитесь? Приходите лучше к нам! У нас по вечерам собирается молодежь и веселится. У сестры много знакомых американцев и англичан. Натащили всяких банок с

консервами… Впрочем, у вас, наверное, и у самой их много!.. Приходите к нам непременно! Если у вас нет консервов – дам банку сгущенного молока; у нас его много…

Вот не всем плохо живется! Даже веселятся! И уж, конечно, не пойдут работать в оранжерею…

Как-то пришли ко мне знакомые офицеры. Вид у них был совсем не голодный!.. Я спросила их, работают ли они.

– Мы за неделю зарабатываем по тысяче рублей каждый! А начали с пустяков. Самое выгодное теперь – спекулировать на валюте! Есть у вас деньги? Если есть, то мы купим и для вас. Но долго товар держать на руках нельзя! Купили, подержали день-два и продавайте!.. В несколько месяцев капитал сделаете! – бодро говорили они, перебивая друг друга. – И, главное, работа чистая… Вон, Крутецкий и князь Ухтомский открыли сапожную починочную. Сидят день и ночь, стучат молотком по каблукам и по своим пальцам… Грязные, ногти черные. Теперь боятся даже выйти на улицу, чтобы не встретиться со знакомыми. А наше дело чистое и легкое!..

Муж сестры Крутецкого, бывший прокурор, торгует старыми вещами на солдатском базаре… Я его как-то встретила. Идет мрачный.

– Вот! Обокрали самого прокурора! – сказал он. – Продал я кое-какое барахло и собирался идти домой. Полез в карман, а там ни копейки нет!.. Всё жулики вытащили, и теперь не на что купить даже хлеба!

Недолго длилось благополучие и моих знакомых. Грузинское правительство стало преследовать спекулировавших валютой, и мои знакомые были арестованы. Их выпустили с тем, чтобы они немедленно выехали из города.

Они решили ехать в Добровольческую армию. Один в дороге заболел тифом и, доехав до Пятигорска, умер. Другой был убит в Пятигорске большевиками.

Получила письмо от Нины: «…Папу выпустили из тюрьмы за две тысячи рублей залога. Но он в тюрьме обжился; обзавелся хозяйством и совсем не стремился выходить из нее… Скоро должен приехать Алексей. Яша все еще живет у меня. От Мани нет писем. Жить становится с каждым днем все труднее…»

Решила сходить к отцу Павлу. Давно уже у них не была; а девочки всякий раз так рады меня видеть… Встречают, точно родную. Да и мне с ними приятно болтать о старом счастливом времени. Когда мы с мужем приехали в Кабардинский полк, эти девочки были совсем маленькие: Вере, я думаю, было не больше двенадцати или тринадцати, а Любе, вероятно, лет десять. Но и мне тоже не очень много было – всего девятнадцать… Но Вера была опытнее и практичнее меня. Каждый день прибегала ко мне и учила варить «малороссийский борщ». Мы жили в одном флигеле, как и полагается (врач и священник). Через год Кабардинский полк ушел в Карс, а в Александрополь перевели Дербентский полк. Отец Павел остался в Александрополе, он преподавал в местном реальном училище и в женской гимназии. Первое время отец Павел приезжал в Карс повидаться с друзьями. Его все очень любили в полку. Но время брало свое. И наш «батя» все реже и реже приезжал. Потом мы уехали из Карса. За эти годы дети его выросли: два сына тогда уже были в кадетском корпусе, а теперь оба офицеры. Вера и Люба на зубоврачебных курсах. Есть еще самый младший мальчик, Митя, учится в гимназии. Сама попадья умерла от разрыва сердца, когда получила

телеграмму, что отец Смирнов тяжело ранен… Семья отца Павла все время жила в Александрополе до самого прихода туда турок. За свое тяжелое ранение отец Смирнов получил Георгиевский офицерский крест. А когда поправился, то был назначен настоятелем военного Тифлисского собора.

– Сколь высоко вознесла меня эта отпиленная двухверш-ковая косточка в моей ноге! – шутил он, щуря маленькие черненькие хохлацкие глазки. – Я и не мечтал никогда о такой милости, и заслуга-то моя не больше ведь, чем других русских солдат! А я считаю себя таким же солдатом, как и все!..

Ну, вот, прихожу я к Смирновым. Они жили недалеко от меня и занимали очень хорошую квартиру (по случаю). Поднялась по широкой мраморной лестнице и позвонила. Долго не открывали. Я уже собралась уходить, когда услышала звон цепочки, и дверь открылась.

– Заходите, заходите, Тина Дмитриевна! Я не хотела открывать. У нас больной в квартире. Но вы сами сестра милосердия и ничего не боитесь, – сказала Вера и повела меня в комнаты. – Несколько дней тому назад кто-то позвонил, – стала рассказывать Вера, – я тоже не хотела открывать, но вдруг подумала: а если это звонит Володя или Сережа! И побежала. Открываю дверь и вижу оборванца!.. В грязной солдатской гимнастерке, в рваных сапогах, на голове шапка. Вид бандита! Я захлопнула дверь… Снова раздался звонок. Прибежала Люба. Я ей сказала, что у дверей стоит разбойник. А она: «Что ты, Вера! А вдруг это от Володи!! Или от Сережи – прислан солдат с письмом! Теперь все похожи на бандитов… Открой! Посмотрим! На двоих сразу не нападет!» Я открыла дверь… Бандита уже не было.

Ушел. Мы слышали, как он тяжело стучал ногами, спускаясь по лестнице. Люба кубарем скатилась за бандитом. Я за Любой! Догнали его… «Кто вы? Что вам нужно? Почему вы приходили к нам?» – спросили мы. И только теперь я заметила, какой он несчастный! Совсем еще молодой. Бледный, худой, а глаза горят, тяжело дышет, весь какой-то взлохмаченный… Что-то говорит, но понять нельзя. Дрожащими руками стал шарить в кармане (я подумала, что ищет револьвер или нож), потом сел на ступеньку и с трудом вытащил грязную смятую бумажку и протянул ее мне. Я расправила ее и сразу узнала почерк Володи. Читаю, а буквы прыгают в глазах… «Люба! Да это от Володи! Но я понять не могу, что он пишет? На, прочти!» – «Володя просит оказать всяческую помощь подателю этой записки!..» Ну, мы его подняли и повели наверх, в квартиру. Уложили в папином кабинете на тахту. А у него жар! И он ничего не может сказать. Только бормочет… Пришел папа. Мы все ему рассказали. Папа позвал доктора, который его осмотрел и сказал: «Сыпняк». Мы его хотели сейчас же отправить в госпиталь. Но папа сказал: «Раз его Володя прислал к нам, значит, он его боевой товарищ! Если мы его отошлем в госпиталь, он наверняка там умрет, и это огорчит Володю». – «Папа, оставьте его у нас! Я буду за ним ухаживать», – сказала Люба. И вот этот не известный никому молодой человек лежит весь в жару, бормочет что-то, а мы не понимаем его и даже не знаем его имени… Но Люба день и ночь около него! Только папа ее сменяет, чтобы она поспала… А я и не подхожу к нему. Если умрет, так мы даже не знаем, кто он. Если бы мы его не догнали тогда на лестнице, он бы упал на улице и его подобрали бы как «неизвестного» и отвезли бы в госпиталь… Люба сейчас спит.

– Вера, если вам трудно будет с ним возиться – позовите меня. Я заменю вас около него…

Я ушла, а вскоре поступила на дактилографные курсы, и все время у меня уходило на поездки туда и обратно. Да три часа в день я стучала на всевозможных системах машинок… Совсем и забыла про Смирновых и их больного. Эти курсы работы на пишущих машинках открыл инженер Крижановский с женой. Она заведовала учащимися, которых было человек 10–12, учила нас разбирать и чистить машинки и давала все нужные указания по обучению. Мне эта работа очень понравилась. Я аккуратно приезжала и все положенное время стучала по клавишам машинки. Через четыре недели нам выдали свидетельства об успешном окончании курса. Нас научили быстро печатать всеми пальцами. Потом мы должны были научиться разбирать машинки, чистить и опять собирать их. За это время мы с Крижановской очень подружились, и наша дружба продолжалась до самого бегства из России.

Вот «курсы» я окончила! «Диплом» в кармане. Но денег от этого у меня не прибавилось! В банке по-прежнему выдают двадцать рублей в месяц, и на них по-прежнему ничего не купишь. Пошла в комиссионный магазин и, к великой моей радости, узнала, что проданы мои серьги.

* * *

Иностранные войска начинают постепенно уходить из Закавказья. Они скупают русское богатство за бесценок и целыми автомобилями увозят в Батум, а там и дальше – домой… Голодные русские рады, что иностранцы покупают за гроши все, что у них осталось ценного, благодарят и

кланяются. А иностранцы, купившие тысячные вещи – меха, драгоценные камни, золото и платину – за каких-нибудь 10–12 долларов, чувствовали себя благодетелями. Когда я вошла в «комиссионный» магазин, из него выходили какие-то иностранные военные; а дамы (жены бывших русских офицеров), владелицы магазина, провожали этих военных и на всех языках говорили им всяческие любезности и благодарности за то, что они купили у них. Покупатели сели в стоявший у тротуара автомобиль, наполненный коврами, серебряной посудой и другими драгоценностями, и уехали прямо в Батум…

Вспомнила про Смирновых и пошла к ним. Сколько недель не была. Жив ли их больной?.. Поднялась, звоню. Никто не открывает двери!.. Может быть, их из квартиры выселили? Теперь это делается просто… Еще раз позвонила. Слышу, как повернули ключ в замке, чуть-чуть приоткрылась дверь, и сердитый голос спросил: «Что нужно?..»

– Ах, это вы, Тина Дмитриевна! А я не хотела открывать… Входите, пожалуйста.

– Ну, как ваш больной? Поправился?

– Уехал!..

– Поправился и уехал?

– Да… Поправился и уехал!! – с каким-то ударением сказала Вера. – Да вот я позову Любу. Она за ним ухаживала. Она вам все и расскажет…

– А где отец Павел?

– Он в собор ушел…

Пришла Люба. Тоже какая-то невеселая!..

– Вы, Тина Дмитриевна, так давно у нас не были! А за это время столько случилось происшествий… Помните, к нам пришел больной? Молодой человек с запиской от Володи. Он так быстро свалился без памяти, что мы не успели даже спросить его – кто он… Две недели он лежал в страшном жару. Бредил и метался… Мы боялись, что он умрет. Папа написал на фронт Володе обо всем и просил скорее ответить, как его имя и фамилия. Но до сих пор ничего от него еще не получили…

– А здесь все уже кончилось… – сказала Вера.

– Я его выходила… День и ночь проводила около его постели… Только папа сменял меня, чтобы дать мне немного поспать и отдохнуть. И, как только стал поправляться, он объяснился мне в любви… Я сказала об этом папе. А папа ответил: «Ну! Он, может быть, все еще бредит!» Однако вскоре Шура (так его звали) попросил у папы официально мою руку. Папа нас благословил, и мы стали женихом и невестой… Потом он написал своим родителям в Эривань. Мы знали уже, что его отец там губернатор. Через несколько дней к нам приехала его мать. Родители не знали ничего о нем и оплакивали его, как мертвого! А тут он не только жив, но и собирается жениться!.. Мать целовала без конца сына и меня, как будущую его жену. Я ей понравилась, и она согласилась на нашу свадьбу. Устроили помолвку… Она сама составила список моего приданого. «Я записываю только самые для тебя нужные вещи!» – сказала она. И эти нужные (а вернее, совсем никому не нужные) вещи обошлись папе в пятьдесят тысяч рублей!.. Я страшно испугалась… Где папа возьмет такие деньги?! А она всякий раз повторяет: «Это, Люба, необходимо иметь в нашем доме!.. Ведь отец твоего будущего мужа – губернатор!! И ты должна быть одета лучше

всех в городе!» Папа соглашался на все! Лишь бы я была счастлива!.. Как-то мать и сын ушли в город. Возвращаются, а я босая бегаю по комнатам. Она прямо в ужас пришла. «Люба, разве это возможно? У тебя ноги будут большие, как у простой девки!» – «А отчего им быть большими? Я так с детства летом хожу босая». Курсы свои я забросила… Это она мне сказала, что ее сыну неприлично иметь жену – «зубного врача». И я, подавленная ее надменным тоном, послушалась и не стала ходить на лекции… С тех пор как мать приехала, она нас ни на минуту не оставляла вместе с сыном. Всегда она с нами! И всегда учит меня, как нужно жить в губернаторском доме… Наконец все приданое куплено. Тогда она объявила, что вместе с сыном поедет в Эривань, чтобы отец его благословил на брак со мной, но меня не приглашают ехать с ними. Уехали… Сказали, что только на четыре дня, а как только вернутся, сейчас же будет свадьба. Хорошо еще, что папа никого не приглашал и не делал никакого официального объявления о нашей свадьбе. Папе не понравилось, почему отец его сам не приехал сюда и не благословил нас обоих!.. Прошло четыре дня… а ни жениха, ни матери нет!.. Прошла неделя… Жениха все нет!.. И даже ни одного слова от него нет. Я говорю папе: «Сбежал!» Но папа не хочет верить. «Что ты, Люба! Ведь это не какие-нибудь простые люди! Сам губернатор, правитель целой губернии! Он бесчестно не может поступить. Что-нибудь случилось и задержались! Приедут!» Но они не приехали… Наконец мы получили коротенькое письмо. Да и то не от жениха, а от его матери. Вот что она написала: «Извиняюсь за сына. Он чувствует себя еще совсем больным и нуждается в лечении… По совету доктора он уехал на Принцевы острова… Вас он считает свободной… Он никогда

вас не любил. А если объяснился вам в любви, то это под влиянием высокой температуры!..» Тина Дмитриевна, скажите, почему они, эти высокоблагородные люди, ворвались насильно в наш простой, мирный дом и причинили нам столько горя?.. Ведь мать сразу же, с первого дня знала, что ее сын меня не любит… и жениться на мне не хочет! Почему она лгала и разыгрывала из себя моего друга? Почему она ввела бедного папу в долги?.. Накупила тряпок, которые мне совершенно не нужны!.. Оторвали меня от моей работы… Два месяца я не ходила на лекции. Все это еще можно как-нибудь простить его матери, которая вообще думать не привыкла. Да и что для нее деньги, которым она цены не знает и которых она никогда не зарабатывала?! Всегда жила на деньги мужа!.. Но он! – Этот жалкий трус!.. Ведь я выходила и спасла его от верной смерти!.. И он не нашел в себе смелости хотя бы написать папе простую записку и поблагодарить того, который тоже не спал ночи, сидя у его постели. Что они думают?! Что я стану его оплакивать, искать?.. Нет! Такого ничтожества мне в мужья не нужно… А вот папу безумно жаль! Он страдает и за себя, и за меня. Ему обидно, что люди за добро платят злом… А теперь еще этот долг ему нужно выплачивать. Он ведь занял деньги на мое приданое. У нас нет почти ничего! Все в этой квартире чужое. Нас просили жить в ней, чтобы сохранить ее. Владельцы уехали в Добровольческую армию. Все наше имущество, что мы вывезли из Александрополя, у нас отняли по дороге курды… У нас все было нагружено на два фургона. Но, когда мы отъехали от Александрополя несколько верст, мы заметили, что за нами гонятся курды. Мы соскочили с фургона и спрятались в кустах. И мы видели, как курды повернули наших лошадей и погнали фургоны обратно в

Александрополь… Мы остались с тем, что было на нас. В числе этого было немного спрятанных денег. Пока было светло, мы сидели в кустах. Когда же стемнело, мы вышли и всю ночь пробирались к станции. Когда пришли к ней, то оказалось, что поезда не ходят… Мы шли дальше… Только на следующей станции нашли поезд и сели в него. Добрались до папы без копейки денег и только в одних платьях. Все потеряли. Но тогда еще папа получал жалованье, как настоятель собора. Теперь грузинское правительство не платит ничего. Говорят даже, что собор закроют. (Грузинское правительство собора не закрыло. Но, чтобы отделаться от русского священника, его арестовали. Продержали два месяца в тюрьме и выпустили с условием, чтобы он немедленно выехал из Тифлиса.) Папе приходится платить за наше с Верой учение, и еще Митя тоже учится.

– А вы, Люба, опять учитесь?

– О, да! Не только учусь. Но еще стараюсь наверстать потерянное время!.. У нас много забот и без меня… Давно нет писем от Володи и Сережи. Володя после распада Западного фронта приехал к нам. Но прожил всего несколько дней и заявил, что не может сидеть сложа руки и смотреть на «расхлёстанную солдатню»… Уехал в Персию к Сереже. Сережа тоже артиллерист. Он командует батареей. У нас еще жила двоюродная сестра Нюра, она дочь маминой сестры. Она приехала к нам из Полтавы. Училась вместе с нами в гимназии. Потом встретила артиллерийского офицера, товарища Сережи, и вышла за него замуж. Он тоже служит на Персидском фронте. После революции она уехала к мужу в Персию. Последнее их письмо мы получили три месяца тому назад. Они пишут, что среди солдат, да и некоторых офицеров, есть коммунисты. Приходится отбиваться от

своих русских солдат, а не от турок… Так что, как видите, наша семья разделилась на две половины – одна здесь, а другая в Персии. Когда уезжала Нюра, папа дал ей ваш бакинский адрес. На всякий случай…

– Вот и хорошо! Я скоро еду домой в Баку. – Я собралась уже уходить, когда пришел отец Павел. Конечно, он задержал меня.

– Всегда рад видеть вас, Тина Дмитриевна! – приветливо сказал он. – Верочка, хорошо бы попить чайку… На дворе такая жара, пить хочется! А холодную воду пить, по кавказскому обычаю, вредно. Давно я вас не видел! Вы все такая же!..

– И вы тоже, отец Павел, все такой же! Живой, веселый и полный энергии…

– Нет, Тина Дмитриевна, не тот! На душе неспокойно! От мальчиков моих нет давно писем. А время, сами знаете, какое теперь!.. Совсем не знаю, где они и что с ними. Были в Персии… Но там фронт тоже развалился… И ходят слухи, что и там объявились коммунисты не только среди наших солдат, но даже и среди офицеров. Два сына и племянница с мужем там, но ни от кого нет ни слова. Володя мой… Помните его?.. Он тогда еще был худеньким кадетом и таким остался… Кончил училище в начале войны. Вышел в артиллерию. Попал на Западный фронт. Когда все там развалилось, приехал домой ко мне. Побыл неделю, изнервничался и уехал к Сергею в Персию. Тоненький, стройный, затянутый, как девушка… Сережа – тот прямо кряж! Крепкий парень… Отличные дети!.. Ласковые, простые, не гуляки. А Митю видели? Вырос-то как! Выше меня стал!.. А помните, там, на «казачьем посту»! Он еще

совсем был маленьким… Все предлагал «горяченьких»… В руках ничего нет, а он будто перебрасывал что-то из руки в руку и предлагал «купить горяченьких». Сам ведь выдумал… – И отец Павел оживился, вспоминая жизнь, когда он растил детей и вырабатывал из них честных людей и горячих патриотов. Получая скромное поповское жалованье, даже и в такой глуши трудно было жить. И он, чтобы иметь нужные гроши, давал уроки и в реальном училище, и в женской гимназии.

– Пожалуйте чай пить! Самовар закипел! – сказала, входя, Вера.

– Верочка, а где Митя? – спросил отец Павел, когда мы сели за стол.

– Он ушел с товарищами в Каджеры. Они там будут ночевать… Не беспокойся! С ними пошли и взрослые.

– Отличной хозяйкой стала ваша Вера!.. Надо теперь замуж ее выдать! Она и мать будет хорошая…

– Куда нам замуж!.. Женихи для нас еще не родились! Да и кто на нас женится? Поповны ведь мы… – с горечью сказала Вера.

– Ну что ты, Верочка! И для вас родились женихи!..

– Только где их разыщешь?

– Весь мир чуть не перевернулся!.. Вон наши мальчики недалеко от нас. Что тут до Персии?.. Ведь меньше двух суток! А писем нет вот уже три месяца! – пробовал успокоить отец Павел. Но Вера, блестя слезами на черных глазах, не могла не высказать накопившуюся обиду за себя и за оскорбленную сестру…

– Если все они такие же, как этот Любин жених, так лучше бы они никогда не приходили в наш дом…

– Вера! Я ведь просил, чтобы никогда больше об этом не было разговора! – строго сказал отец.

– Я, папа, все рассказала Тине Дмитриевне! Она наш друг и не станет смеяться над нами! – сказала Люба.

– Мы здесь чужие! Хотя родились и выросли здесь… Поедем на твою родину, в Полтаву. Может, там люди добрее будут к нам… Вон наша мама! Приехала на Кавказ семнадцати лет. Всю жизнь прожила в Александрополе. Год лежала больная в постели… Кто зашел навестить ее?! А когда умерла, мы одни с ней остались две ночи и два дня!.. Никто из полковых дам не пришел и не сказал нам ласкового слова… Мы, трое детей, были около ее тела… А когда ее вынесли в церковь – туда пришли жены наших фельдфебелей. Никто, кроме них, не пришел на отпевание мамы!.. Почему к нам такое враждебное отношение?.. Да еще тогда, когда наш отец был тяжело ранен и находился далеко от нас… А в гимназии что мы слышали, кроме «Поповны! Поповны!»?! У нас нет друзей! Я не могу дождаться, когда уеду отсюда! Поедем к твоим… Будем там работать! – сказала Вера. – Когда я слышу, как плачут и жалуются дамы, что у них отняли денщиков и их эгоистические удобства, мне нисколько не жаль никого!..

– Вера, остановись! Я всю жизнь прожил здесь и пожаловаться ни на кого не могу. Ко мне всегда все относились хорошо! Покойная мама сама ни с кем не хотела дружить и всю жизнь прожила затворницей. Но я не знал, что к вам в гимназии относились плохо. Учились вы все хорошо и

кончили хорошо! – закончил отец Павел. Но видно было, что новое черное облачко набежало на его душу…

– Да, да! Тебе жилось хорошо. Тебя любили, но нам нет здесь счастья… Мы только поповны! И не имеем права на счастье… – сказала Вера, заплакала и вышла из-за стола.

Отец Павел совсем растерялся и спросил:

– Люба, скажи мне правду, кто-нибудь вас обидел? Почему вы никогда мне ничего не говорили? Я ведь думал, что в доме все благополучно. Мать с вами жила и знала близко все ваши радости и горести, а я работал, что мог – всё отдавал семье… И только и хотел, чтобы вам было хорошо. Правда, последние три года был на фронте, а мать все болела. Последний год даже не вставала уже с постели…

– Папа, мы жили в крепости все эти годы с тех пор, как ты уехал на фронт. Кругом нас и рядом с нами жили семьи офицеров нашего полка и другие. Никто никогда к нам не заходил!.. Устраивали вечеринки приезжающим с фронта офицерам, но нас никогда не приглашали на них! Точно мы и не барышни…

В это время в передней раздался звонок. Люба ушла открывать дверь, а мы остались с отцом Павлом одни.

– Я думаю, что у Веры это личная обида. Она думает, что существует какое-то общее недоброжелательство к ней. Про свою семью всегда узнаешь последним! Я всю жизнь работал для семьи. Я только хотел, чтобы мои дети жили так же, как и другие полковые дети. Чтобы у них не было зависти к другим. Учили их так же, как и офицеры учили своих детей. Все они окончили гимназию. Знают музыку. Хотел дать им высшее образование, но времена изменились… Теперь сами

вот захотели идти на зубоврачебные курсы, и учатся очень хорошо.

Пришли в столовую обе девушки.

– Папа, Тина Дмитриевна, простите! Я, кажется, наговорила много лишнего. Все уладится… Мы с Любой кончим курсы. Все уедем в Полтаву…

– Верочка! Да мы там будем больше чужие, чем здесь. Я уехал из Полтавы совсем мальчишкой и никогда там больше не был. Я всех забыл, и все меня там забыли. Кончайте учение! Там видно будет. Приедут мальчики, и сообща решим, как и где жить лучше… Я знаю только, что они любят Кавказ и едва ли поедут в неизвестную им Полтаву!..

Попрощалась и ушла от них в тяжелом настроении. Бедные девочки! Не глупые, не дурнушки, а вот в любви нет им счастья!

Решила ехать в Баку и все уже уложила. Пошла попрощаться к К-вым и застала у них кое-кого из кабардинцев.

– Ничего живем!.. Вот, за неимением ничего другого, играем в карты…

– А вы, воинственная дама, не собираетесь ли ехать в Добровольческую армию? – спросил меня полковник Флоров, который играл в карты с своими двумя зятьями и с доктором К-вым.

– Не знаю! Страшно! Там, говорят, сестры милосердия ходят в солдатских сапогах, а спят под телегой, в которой лежат раненые, тут же и перевязывают в телеге. И чуть ли даже не делают операции раненым. Трудно выносить такую жизнь женщине!..

– Какая же вы сестра милосердия после этого!.. Вам подавай госпиталь, оборудованный всеми удобствами?.. Вы вот попробуйте походить по полю в солдатских сапогах каждый день по несколько верст… Вот это сестра! Это будет заслуга!.. – сказал зять полковника Флорова, у которого на плечах были новенькие полковничьи погоны…

– Я не уверена, что Добровольческая армия очень нуждается в сестрах милосердия, а в солдатах и офицерах нужда там большая!.. Отсюда уехали уже кое-кто из офицеров…

– Что же! Чем шляться по Головинскому, да еще рисковать, что грузинское правительство может и засадить в тюрьму?..

– А вам разве не страшно оставаться здесь? – спросила я, не обращаясь ни к кому особенно.

– Что же нам делать? Все равно ехать некуда!.. Будем пока жить здесь, в Тифлисе.

– Самое разумное – это не трогаться с места! – заявила г-жа Флорова. – У добровольцев нет даже тыла, чтобы жить спокойно…

– Господа, чай готов! Пожалуйте в столовую! – сказала хозяйка. На столе в столовой все как следует в «буржуйской» семье: белый хлеб, нарезанная ветчина, колбасы, сыр, американские консервы и сгущенное молоко. Хозяйка дома, глядя на накрытый стол, сказала: – У нас много разных консервов. У нас бывают американцы. Да и Михайловы присылают тоже… Сам Михайлов устроился в каком-то учреждении у американцев и получает консервов сколько хочет. Да у вас самой, наверное, полно иностранных знакомых? И они, конечно, натащили вам всякой всячины!..

– Нет, у меня нет ни одного знакомого американца.

– Неужели? Не может быть! У всех они есть! И даже по несколько человек разных чинов! Этим только и живут многие… Немедленно заведите! Вы молодая интересная вдова и сидите одна!.. Жаль, что сегодня никто не пришел к нам, сейчас же познакомила бы вас!.. Многие выходят за них замуж и уезжают в Америку, а вы теряете зря время! Ведь они скоро уезжают с Кавказа. А из Баку уже выехали все.

– Боюсь, что не подойду к иностранцам! Я слишком русская!.. Моя родина – Жигулевские горы, Волга, Кама, с кострами на берегу, с ухой в котелке. И над всем этим – русская песня. То грустная до слез, то полная радости и жизни, когда и мертвый пойдет плясать… А эти дремучие сосновые леса, куда я с малых лет ходила за грибами, за брусникой!.. В какой еще стране есть такие леса с брусникой, с рыжиками, кроме моих родных, бесконечных, тянущихся на сотни верст?! Рябчики, которые у нас чуть ли не около самого дома водятся… Сидит серенькая птичка на ветке, прижавшись к самому красному стволу, и посвистывает!.. Долго смотришь, ищешь ее глазами, пока углядишь. Их бьют и продают связанными за лапки – пара пятиалтынный или двугривенный. И покупали их всегда сразу целую связку, не меньше дюжины, а то и больше… А как я любила наши дороги! Летом едешь, а пыль за тарантасом столбом! Сорок верст от Ижевского завода до села Гольяны мы с бабушкой ехали всего четыре часа. Посреди дороги останавливались в селе Забегалово, пили чай и закусывали взятой из дому едой. Если мы ехали зимой, то варили пельмени, а летом везли с собой пироги. Дорога, Екатерининский тракт, обсажена столетними березами, широченная. Но ездили все только по одной ее стороне. Часто при встрече задевали колесами друг

друга. Тогда, ругаясь, пытались разъехаться, каждый нахлестывая свою лошадь, но ни один не уступал наезженной колеи. А во время дождя!.. Уйдет колесо до самой ступицы в грязь… Телега почти лежит на боку… Мужик слезет с облучка, обойдет кругом телегу, сдвинет фуражку на глаза, сплюнет в сторону. Подойдет к тощей, заморенной лошаденке, которая и рада случаю передохнуть маленько, и станет тыкать ее кнутовищем под живот, чтобы поддать ей больше бодрости. Лошаденка тужится, упирается неподкованными задними ногами в липкую глину, но телегу сдвинуть никак не может!.. Видно, как под кожей, на животе, надулись жилы, надрывается, тянет… Но только устанет мужик тыкать ее кнутовищем, она немедленно вешает голову и, пользуясь минутным отдыхом, сразу засыпает… А зимой, на санях! Закутают тебя в три шубы, вынесут на руках и посадят, но не успеешь еще отъехать от дома, как уже сползешь и полулежишь в ногах… Бабушка все время спрашивает: «Тина, ты еще не замерзла?» Вначале ничего, но через час уже пробирает всюду… Пальцы на ногах, и руках особенно, начинают болеть. Бабушка опять спрашивает: «Тина, ноги мерзнут?» – «Мерзнут, бабушка!» – «А руки мерзнут?» – «Мерзнут…» Иной раз сразу и плакать хочется… «Егор, скоро ли Завьялово? Тина замерзла!» – «Да, должно уж недалеко!..» Егор соскакивал с облучка, ухватившись одной рукой за край его, а другой начинал подхлестывать длинным кнутом «гусевую»[58]. И лошади не надолго прибавляли ходу… Потом он опять вскакивал на облучок и, не оборачиваясь к

[58] Гусевая – первая лошадь при гусевой («гусём», т. е. гуськом) запряжке лошадей.

нам, кричал: «Тина! Ну-ка, пробеги вот так! Небось, жарко станет!..» Егор был мужик уже немолодой и всегда возил мою бабушку. И она любила ездить с Егором, хотя у нас были и другие ямщики. «Чистый разбойник! А лошади его понимают!» – говорила бабушка. В пургу ли, в бурю ли, когда зги не видно, но если только Егор свистнет и крикнет как-то по-своему, по-разбойничьи, то кони выносили его из всякого положения!.. Раз мы с бабушкой ехали по льду Камы, чтобы сократить дорогу и поспеть к архиерейской службе. Дело было в Великом посту. Наступили уже оттепели, и на льду образовались лужи тающего снега. Посреди нашего пути нам попалась такая лужа. Зная, что под водой стоит крепкий еще лед, Егор поехал смело... Но на этот раз оказалось, что рядом с дорогой была полынья и что дорога была глубоко под водой. Это выяснилось только тогда, когда лошади были уже в воде... Не успела бабушка и крикнуть: «Ах ты, разбойник! Да ведь ты нас утопишь», как раздался пронзительный свист. Кони рванулись... Кошевая[59] сильно накренилась, чуть не наполовину в воде, но, вынесенная порывом лошадей, выскочила на другую сторону полыньи на сухой лед!.. Егор молча объехал остальную часть полыньи, сделал большой круг, миновал опасность и «сухими» доставил нас в город. «Ну, что стали? Эх, вы, головы садовые!» И вслед раздается его разбойничий свист... Приезжая в село Завьялово, мы всегда останавливались в одной и той же избе. Меня выносили на руках. Потом снимали шубы и шали, и я постепенно отогревалась. Посреди большой избы стояла

[59] Кошевая, кашовка – открытая повозка на полозьях, сани для лошадиной упряжки.

железная печка и жарко топилась… «Что, Александра Ефимовна, пельмешки варить будете?.. Чугунок поставить на печку?.. Самовар сейчас будет готов». Бабушка развязывала холщовый мешочек и высыпала в кипящую воду маленькие, замороженные, как ледяшки, пельмени…

Да, Варвара Михайловна, я не собираюсь выходить еще раз замуж. Но, если Бог пошлет мне жениха, то пускай посылает русского… Какой бы он ни был, я пойму его, и он поймет меня. А американец мне не нужен! Он чужой мне… А я чужая ему!..

– Вот вы какая?.. А мы с мужем думали, что вы выскочите опять замуж очень скоро!

– Господа! Вы слышали, что говорит Тина Дмитриевна? – крикнула хозяйка дома. – Да идите пить чай и закусить, – прибавила она.

– Слышали, слышали! – входя в столовую, сказал полковник Флоров. – Только напрасно вы так держитесь за все русское. Ничего нет теперь хорошего!.. Все стали бандитами!! А кто пока еще не бандит, так и ходит оборванный, голодный и грязный…

– Ну а если сейчас в Америке вспыхнет революция вроде нашей?.. Как будут американцы тогда выглядеть?..

Плохо или хорошо, но я принадлежу к русскому народу и с ним буду делить все. Жили хорошо, Россия нам давала все. Пользовались всем самым лучшим. Теперь в России голод, холод, бесхозяйственность. Но ведь и это все – наше, русское!.. И мы должны и это «изжить» все вместе!.. А потом опять придут светлые, полные счастья и благополучия дни… И наши мужчины, которые теперь грязны, вшивы, голодны, будут нарядны, сыты, веселы! Русские богатыри – наши

мужья, братья, отцы!.. И опять будут долгие церковные службы, блестящие парады, пышные обеды… Милая, дорогая моя Родина-Россия! Я люблю тебя и такую, какой ты теперь стала: голодную, грязную и несчастную… Никогда я тебя не покину, не брошу, не променяю ни на что! Ни на какие соблазны мира… На твоей земле я выросла, была счастлива, и все мне здесь мило и дорого. Все понятно! Случилось несчастие, и стали покидать тебя, точно дети мать свою нищую… И менять тебя на консервы.

Я попрощалась и ушла домой. Поздно ходить опасно. Недавно знакомого доктора раздели у самых дверей собственного подъезда, когда он возвращался поздно вечером от больного… Только собрался доктор позвонить, – бандиты остановили: «Подождите, доктор!.. Сначала мы снимем с вас одежду, а потом уж вы позвоните, а то ваша жена может простудиться, пока мы снимем все с вас…»

Попрощалась со всеми и с Тифлисом и поехала в Баку. На этот раз доехала благополучно. Но дорогой старалась не смотреть по сторонам, чтобы татарам не было повода меня вешать. Сколько раз я приезжала после смерти Вани в Баку, и никто меня больше не встречает… На звонок вышла Даша и по-прежнему радостно и приветливо встретила меня:

– Милая ба…, Тина Дмитриевна! Наконец-то приехали опять домой! – говорила она, беря мой чемоданчик. – И Алексей Семенович тоже приехали! Худющий! Страсть!..

Пришла и Нина поздороваться со мной. Но, когда я переступила порог моей комнаты и взглянула на дверь гостиной, ужас охватил меня. Из нее смотрел на меня череп мертвеца… Я остановилась и не могла пошевелиться…

– Что? Хорош очень?.. Не узнаешь?.. – идя ко мне, спросил скелет.

И мы поздоровались… Это был Алексей…

С его приездом порядка в доме не прибавилось. Сам Алексей с утра куда-то уходил. Нина целый день лежала в своей комнате. У нее не было места, где бы она могла спокойно проводить время с приходившими к ней гостями! Яша жил теперь с ними в моей бывшей спальне. Нина с Алексеем сделали спальню из кабинета Вани. К удивлению моему, моя комната не была разрушена, и все в ней было так, как я оставила.

– Ну, как у тебя с Алексеем отношения? Лучше стали, чем до войны? – спросила я Нину, когда мы остались с ней наедине.

– Все такой же! Ни одного дня не пробыл со мной! Да и на детей совсем не обращает внимания. Целые дни где-то пропадает… Собирает обо мне сведения, как я вела себя без него. Найдутся такие, что понарасскажут и то, чего не было!.. Но мне все равно! Любовь моя к нему не вернулась… Даже жалости нет! Когда я получила от него телеграмму, что он едет домой, меня точно холодной водой облили!.. Но тогда я еще думала, что он детям нужен!.. Теперь я вижу, что и дети ему безразличны.

– Ну, а как он приехал? Встречали вы его торжественно?

– Я хотела встретить как следует! Все устроила очень торжественно, но из этого ничего не вышло… Получили мы от него телеграмму, что он приедет с таким-то поездом. Стали готовиться. Накупили всего и устроили шикарный обед. А чтобы он сразу же не устроил мне скандала, я пригласила гостей… Пошли мы на вокзал, все нарядные.

Приходим, а поезд уже пришел!.. Мы стали искать Алексея. Прошли раза два по платформе, Яша осмотрел все вагоны… Нет нашего Алексея!.. Кое-кто из публики выводил еще последних пленных – худых, оборванных. А нашего – нигде нет… Мы решили, что он на этот поезд не попал и пошли домой. «Идемте обедать! Он приедет, вероятно, с другим поездом, – говорю я. – Никого уже нет больше!.. Вдали на платформе сидел только какой-то нищий…» Пришли мы домой. Сели за стол. Закусываем и пьем за неприехавшего пленного!.. Вдруг открывается дверь… и входит тот самый нищий, которого мы видели на платформе. Это и был Алексей… Ну, конечно, гости ушли…

Ваньку приглашает в гости и всячески ему показывает «дружбу», и под всяким предлогом тянет с него деньги. И пьянствуют вместе. Когда Алексей дома, то не проходит минуты, чтобы он не отпускал шпильку или какую-нибудь пошлость по моему адресу… Когда еще Алексей не приехал, Яша сказал мне, что он не позволит Алексею оскорблять меня… А теперь сидит, слушает и никогда слова не скажет в мою защиту!..

Скоро я и сама убедилась в «измене» Нининого союзника. Как-то ночью вдруг сильно хлопнула дверь!.. И вслед за этим голос Нины стал звать на помощь Яшу.

– Яша!.. Яша!.. Он меня бьет!..

Это была уже глубокая ночь… Я вскочила с постели и вышла в гостиную. Нина стояла у дверей своей спальни в одной ночной рубашке, держась за косяк двери…

– Нина! Что с тобой? – спросила я. В это время открылась дверь из детской комнаты, и Надя испуганным голосом спросила: – Мама! Кто тебя бьет?

Я пошла к Наде, увела ее обратно в детскую и уложила в постель:

– Спи, Надя!

– Тетя, кто бьет маму?

– Никто! С чего ты взяла?.. Ложись сейчас же и спи!

– Но я слышала, что мама звала дядю Яшу!.. Что ее кто-то бьет!

– Спи! Тебе это показалось… Мама звала дядю Яшу, и больше ничего…

– Тетичка, посиди со мной! Мне страшно!..

– Хорошо. Но засыпай – мне холодно… – Когда Надя заснула и я вышла из детской, все уже было тихо.

Утром Алексей встал рано, напился чаю и куда-то ушел. Дети ушли в гимназию, а две маленьких играли в детской. Я встала поздно. Нина еще спала.

– Даша, ты не была в спальне Нины Ивановны? Проснулась она?..

– Нет! Не звонила еще…

Я подождала немного и постучала к ней в дверь. Все было тихо!.. Неужели спит? Одиннадцать часов! Я открыла дверь и в полутьме увидела, что Нина лежит на спине с вытянутыми ногами и руками. Я подошла к постели и взяла ее руку. Рука была тяжелая… Пульс слабый и редкий. Лицо очень бледное. Я открыла ставню и стала трясти Нину…

– Нина! Нина! Что с тобой?! – Она молчала. Я пошла в кухню, налила чашку черного кофе, принесла и стала ее поить. Но зубы были так крепко стиснуты, что я не могла влить кофе в рот…

– Яша! Иди, помоги мне! Нина умирает! – крикнула я в его комнату.

– Как я помогу ей?! Притворяется, наверное!.. Комедиантка!..

Я позвала Дашу, и мы с ней открыли рот и влили кофе. Через несколько минут Нину вырвало. В тазике я увидела камушек сулемы величиной с орешек. По телефону вызвала доктора. На этот раз Нина поправилась, пролежав несколько дней в постели…

* * *

Нужно искать работу. Пойду к знакомым врачам. Может быть, дадут дежурство у больных. Сначала пошла к доктору, который делал объявления в газетах по женским болезням. Фамилия как будто знакомая. Я работала в Ванском госпитале с врачом, фамилия которого была такая же… Пошла к нему. На мой звонок дверь открыл сам доктор. Я сразу узнала его!

– Узнаете?.. – Сначала у него вид был неопределенный. – Мы с вами вместе работали в Ванском госпитале, доктор…

– О! Как же, как же! Сестра Семина! Я вас сразу узнал. Заходите… – Мы вошли в большую комнату, где стояла накрытая простыней тахта, стол, пара стульев и шкаф с инструментами.

– Я помню, вы, доктор, работали по хирургии и хотели открыть специальный кабинет по хирургическим болезням… Я ищу работу… Может быть, я вам нужна?

– Нет, я взял другую специальность, более выгодную – женские болезни… Женщины эти годы жили широко… Теперь аппарат испортился у многих… Ремонта требует…

Он говорил так цинично и откровенно, что я ушла от него с отвращением. По дороге встретила другого доктора – татарина, с которым я раньше работала в здешнем лазарете.

– А! Сестра Семина! Как поживаете? Хотите дежурство у сыпнотифозного? Если, конечно, вы болели сами сыпняком, – сразу же предложил он.

– Хочу, доктор! И болела!..

– Ну, так вот вам адрес! Сейчас и идите. Больной лежит один. Это в караван-сарай…

– Доктор! Да как же я пойду туда?! Там ведь нет ни одной женщины во всем караван-сарае?!

– Бакинский караван-сарай находится в старинной крепости и занимает место многих кварталов. В нижнем этаже расположены оптовые склады сушеных фруктов, риса, ковров и изделий из шелка, привезенных из Персии и Туркестана. Над ними, наверху – гостиница, где останавливаются и живут купцы-персы. Вот один из таких приезжих персидских купцов и заболел тифом…

«Откажусь!..» – мелькает у меня в голове первая мысль. Да, но если я откажусь сейчас, то он мне не даст работы в другом месте!.. Все же делаю попытку:

– Доктор! Я не знаю персидского языка и боюсь, что больной меня не будет понимать…

– Не беспокойтесь. Они все понимают и даже говорят немного по-русски.

И я пошла!.. Это было самое тяжелое дежурство в моей жизни! Как только больной стал поправляться, я ушла, несмотря на все уговоры и просьбы остаться еще на несколько дней.

– Я дежурю только до кризиса, – сказала я брату больного. – Доктор ждет уже меня у другого больного.

Через несколько часов мне принесли от больного сушеные фрукты («пэшкэш») и деньги за мое дежурство. Но больше я никогда уже не обращалась к этому доктору, чтобы он опять не послал меня в караван-сарай…

Как-то вечером я возвращалась с дежурства и встретила доктора – Сашеньку Мартынова… Он шел вяло, едва переставляя ноги, точно пьяный!

– Здравствуйте, любовь моя! – приветствовал он меня.

– Сашенька!.. Что с вами?!.

– Устал!.. Ноги едва волочу… Лег бы на мостовую… и лежал бы…

– А много больных у вас в госпитале?

– Очень много!.. Мрут!.. Но на их место приносят новых. Нет им конца… Приходите к нам работать, Тиночка. Вместе будем… Веселее работать…

– А деньги платят?

– Плохо!.. Почти что не платят, так мало…

– Ну, до свидания!.. – мы расцеловались и расстались.

Через несколько дней я узнала, что Сашенька заболел сыпняком. К нему приставили лучшую сестру в городе.

– Она уже за третьим доктором будет ухаживать, – сказала мне Нина. – И всё неудачно. Двое первых умерли…

Но Катюша сама ухаживает за Сашенькой. Он лежит в том же госпитале, где и работал до заболевания…

Мне очень жаль, что я уже занята у больного. А то я стала бы ухаживать за ним. Я несколько раз звонила по телефону и спрашивала сестру, как идет болезнь доктора Мартынова. Каждый раз она бодро отвечала, что все как будто нормально. В день кризиса я опять позвонила. Мне ответила какая-то другая сестра и сказала, что кризис прошел благополучно, так что сестра и жена доктора Мартынова, обе, ушли спать. Сам доктор спит тоже. Это было утром, а в полдень прихожу домой, а у нас сидит Катюша, веселая и довольная, что выходила мужа.

– Поздравляю с благополучным исходом, – сказала я. – Я утром звонила и узнала, что все хорошо и что вы ушли отсыпаться домой.

– Ну, ученая сестра! Видите, что и неученые могут ухаживать за тифозными больными! – сказала Катюша, здороваясь со мной. – Саша великолепно перенес кризис! Он заснул. И я ушла, чтобы тоже поспать немного! К шести часам пойду кормить его…

– Я очень рада, Катюша, что все кончилось благополучно! Теперь только питание! И он скоро встанет на ноги! А с кем он остался сейчас?..

– О, он спит. Но сестра смотрит за ним…

– Идемте в кафе! Отпразднуем благополучный исход болезни, – предложила Нина.

Мы пошли пешком. День был великолепный! Солнечный, теплый… Пришли в кафе, заказали кофе, пирожные и сидели, вспоминая разные мелочи из жизни, и много

смеялись. Смех был на губах и даже на глазах. Но у меня внутри было все время холодно до дрожи…

– Пойдемте посмотрим на Сашеньку! – предложила я. Но Катюша сказала, что еще рано – только четыре часа. А кормить будут в шесть!.. Но мне не сиделось почему-то. И мы пошли пешком. Нарочно, чтобы подольше протянуть время. Здание госпиталя было новое. Я его видела в первый раз… Широкая стеклянная дверь. Мы вошли, поднялись на второй этаж и прошли по коридору до комнаты, где лежал доктор Мартынов, не встретив ни одной сестры, сиделки или санитара. Пусто и неуютно показалось мне, хотя все новое. Ряды высоких дверей были раскрыты, а некоторые заперты и напоминали почему-то склепы!.. А весь коридор – кладбище… Мы свернули в боковой коридор, Катюша открыла вторую дверь от угла, и мы вошли в комнату доктора Мартынова. Там тоже никого не было. Он лежал один…

– Ну, вот видите, он еще спит! Я говорила, что еще рано! – бодро сказала Катюша. Я взглянула на Сашеньку и заметила, что для спящего он был слишком бледен. Я взяла его руку… Она была холодная. Пульс едва ощущался!..

– Сашенька! Как вы себя чувствуете?.. – Но он не отзывался и не открыл глаз. Я еще несколько раз позвала его, поправила положение головы, которая была как-то странно запрокинута… Он с трудом открыл глаза и, как мне показалось, узнал меня, но сейчас же закрыл их и опять, по-видимому, впал в беспамятство… Я обернулась к Катюше и сказала:

– Он умирает! Позовите скорее доктора!.. Скорее!..

– Что вы!.. Он отлично себя чувствовал!.. – Но она все-таки выбежала в коридор и стала кричать: – Доктор, доктор!.. Сестра!.. Идите сюда!..

Но нигде никого не было! Она вбежала и спросила меня:

– Почему вы думаете, что он умирает?.. – и, не дождавшись моего ответа, опять выбежала из комнаты и снова стала звать на помощь: – Доктор! Сестра!..

Никто не отзывался, и никто не шел на помощь умирающему доктору…

На столике стоял стакан с водой. Я взяла в ложечку воды и влила ее в рот. Вода вылилась обратно… В госпитале не оказалось ни одной сестры, не было даже санитаров в эту пору дня. Пришлось вызвать врача из городской больницы, который сделал Сашеньке впрыскивание. Сама Катюша сварила крепкий кофе, и мы стали его поить, вливая по ложечке в рот. Но бедный Сашенька не мог проглотить ни капли…

– Доктор, посмотрите, что у него во рту? – сказала я.

С трудом открыли чайной ложкой рот. Десны были покрыты толстым слоем коричневой липкой слизи. В горле язва. Ничего не помогало! Ни впрыскивание, ни черный кофе… Сердце с каждой секундой становилось все слабее и слабее. В девять часов вечера Сашенька умер.

Два дня его тело лежало в каком-то сарайчике. Не было ни панихид, ни свечей, ни молитв… На другое утро после его смерти мы пришли в госпиталь, но долго не могли найти его тело. Катюша искала сначала сторожа, но его не оказалось! Потом она искала ключ от сарайчика, где лежал доктор. Но никто не знал, где он… Наконец какой-то санитар сказал, что тело доктора Мартынова в мертвецкой, во дворе. Но сторож

вчера еще куда-то ушел и, по-видимому, ключ от мертвецкой унес с собой. Мы пошли во двор. С улицы вошли в распахнутые ворота и увидели небольшую пристройку почти около кухни. Двери пристройки были открыты, и за ними, посреди совершенно пустой комнаты, стояли носилки… на них лежало тело… Оно не умещалось на носилках – голова и ноги свешивались… Тело не было ничем покрыто… Мы подошли и сразу узнали Сашеньку… Полуодетый, в тужурке, но без сапог. Какой-то необычайно жалкий и заброшенный, точно чужой для всех. Более жалкого покойника я никогда не видела…

– Сашенька, милый! Видишь, для тебя не нашлось даже подходящих носилок! – холодный ком подкатился мне к горлу… Я стала смеяться. – Посмотрите!.. Ему носилки-то коротки!.. – поворачиваясь к Нине и Катюше, сказала я. И они обе тоже смеялись мелким холодным смехом…

В день похорон погода испортилась. Шел мелкий, холодный дождь. На мостовой на вершок стояла жидкая грязь… Сашеньку положили в простой гроб, даже не крашенный… Поставили на телегу, запряженную парой белых лошадей, которые всю дорогу едва плелись, а в гору скользили и останавливались. Немного шло за гробом друзей!.. Мы с Ниной да Катюша с Ивиком, старшим сыном умершего доктора, которому было семь лет… Младший Миша ехал в единственном фаэтоне с бабушкой… Из мужчин был Яша (Алексей не пошел. «Я его совсем не знаю», – сказал он) да квартирант, с которым Сашенька приехал из Персии и который живет у них. Мужчины шли по тротуару. Только мы втроем шли все время по мостовой за гробом. Отпевали Сашеньку в соборе. Гроб внесли в собор и поставили на скамью. В соборе тоже никого не было, кроме двух сестер

милосердия… Одна из них подошла к гробу, положила на него живые цветы, поцеловала Сашеньку и отошла на прежнее место. В это время из боковых дверей алтаря вышел мужчина в черном пиджаке, с подстриженной бородкой и волосами, остриженными ёжиком, как у военных. В одной руке у него было кадило, а в другой – требник. Он подошел к гробу и начал читать молитвы. Но потом сделал шаг к Катюше и спросил:

– Как имя умершего?

– Что это такое? Кто он? – в недоумении и испуге спросила я Нину.

– Священник, настоятель собора. Он первый из священников снял рясу и остригся. Об этом писали в газетах. Как только была объявлена свобода, он послал Керенскому телеграмму и просил освободить его от смешного, устарелого наряда и длинных волос, чтобы не делать его смешным в глазах молящихся…

– Какое безобразие!.. Прямо какой-то расстрига!.. – Я не стала и смотреть на стриженого «попа». Да и отпевание очень скоро кончилось. Почитал, попел что-то, что полагается для отпущения грехов. Да какие у Сашеньки «грехи»?.. Работал, работал, свалился и умер…

После отпевания и «целования» гроб заколотили, вынесли и опять поставили на дроги. Отдохнувшие лошади натужились и повезли на место вечного упокоения так незаметно ушедшего Сашеньку…

Но, странное дело, стриженый священник, с непокрытой головой, в рыжем пальто, с кадилом и с черной потрепанной книжечкой в руках, шел за гробом и время от времени пел

что-то успокаивающее и обнадеживающее для преждевременно ушедшего в вечность Сашеньки…

У кладбищенских ворот нас встретил сторож и сказал:

– Ежели на военное, так держи правее… Там увидите, в шестом ряду, вырытая могила…

У меня сердце больно защемило. Вон там, выше, около часовни, и мой Ваня лежит[60].

– Нина! Я пойду к Ване… Я вас еще догоню – военное кладбище ведь недалеко…

– Нет, не ходи сейчас. Мы лучше после похорон вместе пойдем.

Вот и военное кладбище… Много рядов со свежими еще могилами. Ряды не очень прямые. И нигде ни кустика, ни деревца…

– Где же могила для доктора? – спросил полковник Попов сторожа, сопровождавшего нас.

– А вот, ежели покойник офицер, так тут и закопаем его… А ежели солдат, то вон туда поезжайте. Там солдатское отделение будет…

---

[60] Первоначально доктор И. С. Семин был похоронен в Урмии. Но, вероятно, его останки были перенесены и перезахоронены в его родном городе Баку. То, что мемуаристка не описывает данный эпизод, возможно, объясняется ее отсутствием на перезахоронении. Это могло быть сделано по желанию родственников в то время, когда Х. Д. Семина находилась в походе в составе отряда генерала Левандовского.

Гроб сняли с носилок и поставили около самой могилы. Священник стал читать последнее напутствие, но его прервал старший сторож. Он шел к нам, махая руками и что-то крича. Священник остановился. Подошедший спросил:

– Откуда покойник-то? Из какой больницы?

– Из военного госпиталя. Доктор…

– Здесь могилы приготовлены для офицеров. А насчет доктора нам нет распоряжения… И эта могила заказана еще вчера, для офицера!

– Так как же нам быть? Может быть, мы возьмем эту могилу для нашего покойника, а вы для офицера выкопаете другую? – предложил полковник Попов.

Но сторож не соглашался, потому что «клиент» может каждую минуту приехать…

– Его могилу нельзя занимать!.. Да и здесь места только для офицеров!.. А насчет доктора я не знаю… Ежели хотите, так везите его на солдатское кладбище! Там просто, без строгостей, да и завсегда могилы есть нарытые!..

Все молчали. Холодный ветер и мелкий дождь делали тяжелую обязанность еще тяжелее…

– Все равно. Раз нет для него места, – с горечью сказала Катюша, – то везите на солдатское кладбище…

Опять подняли гроб на телегу и повезли к солдатам, у которых, по-видимому, было больше порядка. Могилы и кресты по ниточке выровнены, на крестах фамилия, полк, рота и день смерти. Сторож шел впереди и указывал, куда ехать. Это военное кладбище было новое. Но за время войны

здесь уже сотни рядов погибших солдат… Дроги остановились у указанного места.

– Вот хорошая могила! Маленько еще не глыбко… Но пареньки враз выроют!.. – Мы подошли и заглянули в могилу. Там двое парней копали и мокрую глину выбрасывали наружу.

– Что нам делать? Ведь могила еще не готова!.. Стоять под дождем неизвестно сколько времени? – сказал Яша.

– Может быть, мы вернемся, когда будет готова могила?.. – спросил полковник Попов.

Но сторож выручил всех:

– Да пошто вам возвращаться?.. Зароем и без вас в лучшем виде!.. Вот только выроют, так и закопаем!.. А што вам мокнуть-то да стынуть?..

Стали советоваться. И все быстро пришли к общему соглашению, что стынуть и мокнуть не стоит… Священник быстро прочел молитву, и, не оглядываясь, все ушли… Священник попрощался с нами:

– Извините, но я сверну в сторону и зайду навещу друга, похороненного недавно. Я почти каждый день у него бываю… Все же не так бедняге тяжело лежать одному… – И он зашагал по липкой и скользкой глине между свежими могилами. Он шел с непокрытой головой, чуть ли не насквозь промокший.

Катюша с матерью, детьми и полковником сели на фаэтон и уехали. А мы пошли пешком до первого фаэтона и тоже поехали домой.

Две недели я не видела Катюшу. Но как-то я встретила полковника, и он сказал мне:

– Ее нужно оставить в покое!.. Дать ей отойти и прийти в себя после такого потрясения…

После двух недель она сама пришла к нам и сказала:

– Так как вы мои друзья и так как я опасаюсь, чтобы до вас не дошли ложные слухи, то я сама пришла сказать вам, что я и полковник Попов, мы – муж и жена, и мы перешли в одну комнату. Я вас приглашаю прийти и посмотреть, как мы устроились… А потом будет сервирован чай!

Сам Попов сказал:

– В память доктора я готов обвенчаться с Катюшей хоть сейчас. Но моя жена не дает мне развода, хотя сама живет с богатым татарином и только не уверена, сколько его любовь к ней продлится. «Если он меня бросит, – сказала она мне, – ты будешь меня содержать!»

После медового месяца полковник Попов уехал в Добровольческую армию. Он звал с собой и «жену» с детьми и матерью. Но потом на семейном совете решено было всей семье оставаться пока в Баку. После двух писем, полученных от «мужа», переписка прекратилась совсем. Что с Поповым случилось, так и не узнали никогда…

Скоро в квартиру Мартыновых вселили каких-то железнодорожных служащих, и из всей квартиры ей с детьми и матерью оставили две комнаты и кухню. Но и за эту маленькую квартиру она не могла платить…

– Ура! Я нашла работу!.. – сказала она, зайдя как-то к нам. – Буду в вечерней школе преподавать взрослым французский язык!

Но уже через неделю она пришла в полное отчаяние от своих учеников и бросила преподавание.

– Не могу. Это такой ужас!.. Что ни скажу, все сейчас же хохочут! Никто ни одного слова не может произнести. А некоторые нарочно коверкают мои слова на свой лад… И все время все хохочут! Дикари! Туда же – учиться французскому языку хотят!.. Пойду учиться шить шляпы!.. Какая-то француженка объявляет, что учит шить самые модные шляпы в короткий срок. Только материал просит приносить свой. Можно всякие тряпки или старые юбки, и даже детские платья! У меня старье есть. Французский язык я знаю. Выучусь – сама открою мастерскую! – бодро закончила Катюша.

Но училась она недолго. И ничему положительному не выучилась… А дома дети каждый день просили есть. И за квартиру надо было платить тоже…

Предприимчивые люди, у которых остались кое-какие деньги, решили, что сейчас самое подходящее время для развлечений!.. Стоит только открыть что-нибудь захватывающее – и только загребай тогда денежки!.. Образовалась компания для открытия кабаре. В эту компанию вошли: Бакланов, Коженков, Иванов (который живет в нашем доме и у которого есть паровая лесопилка, дающая огромные доходы, как он сам говорил), Яков и Алексей Семины. Кабаре было открыто с помпой, и первое представление сразу окрылило всю «дирекцию»! Публики пришло на открытие много. Кассирша, которой была Катюша Мартынова, едва поспевала продавать билеты. Программа была очень разнообразная и интересная. Наибольшим успехом пользовался «индийский факир». Он вызывал

желающих на сцену и усыплял их. Публика задавала вопросы. Усыпленный давал ответы, но не сам, а через факира. Первый вопрос из публики был: «Придут ли сюда большевики?» Затем: «Займет ли Деникин Москву?» Третий спрашивал, может ли медиум указать, кто украл у него чемодан, в котором были вещи и сто рублей денег?.. Но «медиум», по-видимому, так устал и измучился, что ему сделалось даже дурно, и он почти упал. Факир вызвал нового желающего быть «медиумом». Вызвалась молодая девушка. Она была усыплена. Кто-то опять спросил: «Где сейчас адмирал Колчак и что с ним?» Факир повторил слова. И вдруг девушка вскрикнула, покачнулась и упала бы, если факир не поддержал бы ее. Сдавленным голосом она сказала: «Его только что убили...» На этом первое представление и кончилось. Публика разошлась. А дирекция с друзьями пошли в ресторан вспрыснуть удачное открытие. Заняв отдельный кабинет, все расселись, стали пить и закусывать.

Я сидела рядом с Баклановым и спросила его:

– Откуда вы достали этого факира?

– Сам приехал из Персии. Он там работал. Но захотел домой. Приехал в Баку – ну, мы его и перехватили...

– Да разве он русский?..

– Конечно, русский! До войны он работал в цирке. А потом во время войны попал на Персидский фронт. Когда фронт этот развалился и все разбежались, он объявил себя факиром и стал зарабатывать деньги на жизнь. У него сейчас две жены. А было их четыре, да две не поехали с ним. Жилось ему в Персии неплохо, да заскучал по родине и приехал сюда... А дальше-то ехать нельзя!.. Опять фронты!.. А он не хочет ни к белым, ни к красным!..

Справили открытие хорошо. Говорили тосты и добрые пожелания… Но этот вечер открытия был самым лучшим. Дальше все становилось хуже, и скоро «кабаре» закрылось совсем. Хозяин дома сказал, что все прогорают, кто бы и что бы ни открыл: «На кладбище стоит это здание! Покойники мешают!..»

Катюша опять потеряла работу. У меня тоже прекратились дежурства. То ли тиф стал ослабевать, то ли уже все переболели. Но и доктора жалуются, что нет работы и у них!..

– Денег нет ни у кого. Бедные идут в городские больницы. Богатых осталось мало. Средний же класс помирает дома без всякой медицинской помощи, – сказал доктор Жуковский.

Но не всем плохо! Одни потеряли все и стали нищими… Но другие неизвестно отчего разбогатели!.. Сегодня Алексей сказал:

– Есть покупатель на дом на Молоканской улице. Хорошие дает деньги! Нужно продать. А то мне с детьми совсем трудно стало жить…

Я и Яша протестуем против этой продажи. Деньги нам не нужны, а без нужды продавать дом не стоит! Деньги с каждым днем падают в цене, и в конце концов у нас вместо дома на руках останутся бумажки, постоянно понижающиеся в ценности. Но Алексей так настойчиво жаловался, что ему трудно жить с детьми на те доходы, которые сейчас получает, что мы с Яшей должны были согласиться на продажу… Дом купил наш же квартирант Иванов, который за год до войны приехал в Баку с лесом от «компании» и снял у нас квартирку из двух комнат.

– Мне только бы переспать было где! Да подешевле! А так я весь день нахожусь на пристани… Лесом мы торгуем! – сказал он при найме квартиры. Он был высок, широкоплеч и страшно красен лицом, точно только что вышел из парной бани. На нашем дворе все его так и звали: «красный великан». Он обижался. Баку ему понравился. И никто не заметил, как появилась у него паровая лесопилка… А вскоре пришел он к Яше и сказал: «Семейство выписал!.. Одному жить – одно баловство!.. Оставь-ка за мной квартирку в шесть комнат». И вот этот приказчик, посланный в Баку продавать лес какой-то Самарской «компании», не только продал этот лес, но тут же купил дом за 600 тысяч рублей наличными деньгами, которые уплатил у нотариуса, как только мы подписали купчую!..

До получения таких больших денег я никогда не интересовалась ни курсом денег, ни валютой. Но теперь каждый день, как только беру в руки газету, прежде всего смотрю курс рубля…

– Может быть, хочешь купить персидские туманы? – спрашивал Яша. – Покупай! Очень выгодно! Рубль падает все время. Если подержишь несколько дней туманы, а потом продашь – заработаешь хорошо!..

На другой день Алексей предлагает купить у него турецкие лиры…

– Слушай! Это тебе не персидские туманы! Турецкая лира – верная валюта! И в цене все растет! Если подержишь некоторое время, можешь заработать хорошие деньги!..

Вот настало глупое положение!.. Выменяли дом на кучу бумажек, а теперь не знаем, что с ними делать! Собственно, нам совершенно не нужны были эти деньги, которые меня

только сбивают с толку… Я почти не могу спать! Все считаю, сколько я купила туманов, сколько лир и насколько завтра они поднимутся… Так нельзя! Я совсем запутаюсь. Нужно спросить опытных людей, что лучше всего покупать на русские деньги. Пошла к адвокату. Это друг Вани, и он мне посоветует и укажет правильный путь.

– Герасим Абрамович! Что выгоднее и вернее сейчас покупать из валюты?..

– Трудно сказать! Всюду сейчас неспокойно. А деньги – неверная вещь! Самое верное и лучшее помещение денег – купить недвижимость, например дом, землю.

Пошла в Коммерческий банк:

– Можете вы посоветовать, какую лучше покупать сейчас валюту? – спросила я знакомого кассира.

– Всякую можно покупать. Но горе в том, что сейчас валюты-то верной почти нет никакой!..

– Я вот купила туманы и лиры. Но мне кажется, это неверная валюта?.. А в других странах тоже неспокойно и покупать их деньги опасно?..

– Хуже, чем у нас, ни у кого не будет!.. Если достанете – смело покупайте…

Алексей с деловым и озабоченным видом на минутку приходит домой и сейчас же опять уходит. Встретил меня на улице и сейчас же стал предлагать вступить в «их дело»!

– Хочешь купить акции в «нашем деле»? Дело серьезное и очень доходное! Принимаются члены только по рекомендации. Конечно, я тебя рекомендую как мою родственницу, и тебя сейчас же примут! Одному человеку можно купить не больше пяти акций. А каждая акция стоит

двадцать тысяч рублей. Я тебя не уговариваю! Говорю только, как брат сестре… Желающих купить акции очень много. А у нас акций ограниченное количество. Поэтому, если ты решишь вступить в общество, то я «там» скажу. И тебе оставят, сколько ты захочешь купить…

– А какое же это дело?!

– Дело это настоящее! Не надувательство, а, можно сказать, единственное серьезное в Закавказье дело, которое и очень нужно, и очень доходное… Мы организовали Акционерное общество «Транспорт» по доставке продуктов в город, а также и по перевозке людей по Бакинской губернии. Дело абсолютно верное! Каждый месяц собирается общее собрание и делается полный отчет деятельности транспорта. Вся чистая прибыль выдается членам на руки немедленно…

– Хорошее дело! Я куплю одну акцию для пробы, – потом пошла к Ивану Яковлевичу и рассказала ему об «акционерном обществе»!

– Дураков ловят! – ответил он на мои слова. – Продали отцовский дом и не знают теперь, как поскорее денежки спустить! Тоже коммерсанты! Алексей к нам даже не зашел посоветоваться, когда продавали дом… Разве в такое время можно продавать недвижимость?! Проще просто подпалить дом!.. Тот, красный детина, поумнее вас всех!.. Куда ему девать деньги, которые сегодня пятак за рубль, завтра – копейка… Вот он и нашел дураков вроде Семиных. Дал им бумажки, а сам получил на прекрасной улице двухэтажный дом, который ему за год или за два вернет все эти деньги!..

Ушла я от Карловых совсем расстроенная, но дома ждало меня письмо от знакомых из Батума. Они описывали батумские прелести так хорошо, что я решила поехать туда,

посмотреть этот прекрасный город, его окрестности и море. Это, кажется, единственный сейчас уголок в России, который еще живет по-человечески – без митингов, разрушений и насилий над человеческой свободой. Приехала и была очарована еще больше, чем ожидала. Взяла свой чемоданчик и пошла пешком до гостиницы, чтобы насладиться воздухом, солнцем, цветами и тишиной. Несмотря на большое движение на улицах, стояла полная тишина… Сам воздух и солнце, казалось, поглотили все звуки. Даже шум своих шагов я не слышала!.. Я обошла чуть не все гостиницы в городе и не нашла ни одной свободной комнаты. «Что же я буду делать? Где я буду спать?..» – с тревогой в сердце подумала я. Но красота природы скоро заглушила всю мою тревогу, и я пошла на бульвар. Там еще лучше! Еще красивее! Вдоль всего бульвара растут красавицы-магнолии… Их огромные белые цветы кажутся восковыми. Я прошла до Александровского сада, любуясь и вдыхая аромат гардений, которые пышно растут тут же, рядом с магнолиями и пальмами. Ими обсажены все аллеи и бульвары до самого порта. Я ходила по ним и по улицам совершенно очарованная. Потом свернула на Садовую, которая была так же хороша, как и Александровская. И, о счастье! Я увидела маленькую записочку, приколотую на воротах: «Сдается комната». Я зашла во двор, в котором было много маленьких домиков-сарайчиков, похожих на товарные вагоны, но без колес. За справками я направилась к большому дому. В это время из одного такого вагона-сарайчика вышла женщина и спросила меня, что я ищу. Я сказала, что хочу посмотреть комнату, которая сдается. Она повела меня к другому такому же домику, открыла дверь и сказала:

– Генерал тут жил. Да уехал в Добровольческую армию. Вот его комната сдается.

Комната была так мала, что, кроме кровати, ничего в ней поместить было нельзя. Цена же была такая, как за номер в лучшей гостинице! Пришлось взять! Я оставила в ней мой чемоданчик и пошла искать моих знакомых.

Ближе к порту публики на улицах было больше. Отовсюду слышна музыка; из растворенных дверей ресторанов, из кафе… Рестораны всюду! На каждом углу, а то и на всех четырех углах каждого перекрестка… Всюду много мужчин в военной форме… Чуть не больше всего – в иностранных формах. Рестораны и кафе полны нарядными молодыми женщинами, говорящими по-русски. В центре города, ближе к порту, толпы военных всех стран. Большинство – в обществе молодых, нарядных женщин, говорящих на всех языках. И все или идут в ресторан и кафе, или выходят из них веселые и беспечные. А оттуда всегда несется музыка или пение, то бравурное и веселое, то грустное, полное печали… Даже черномазые великаны-сенегальцы ходили по улицам под руку со своими подругами. В ресторанах все столики всегда заняты. За некоторыми сидят молодые офицеры в старой русской форме и, подражая иностранцам, громко разговаривают, требуют напитки и заказывают музыкантам играть что-нибудь душещипательное!.. За выпитое вино нередко просят подавальщицу: «Запишите, Шурочка» или: «Кися, заплати, я скоро получу с американца за проданные жемчуга и верну тебе свой долг…»

Всем хотелось хоть немного пожить, как прежде… Хоть только тут, на глазах у других. А дома все равно ничего нет, кроме дощатой комнаты да кровати, на которой белье не

менялось уже месяцы. В этих кафе и ресторанах можно услышать все новости. И про Добровольческую армию, и про курс валюты. Тут же происходит купля и продажа остатков русского богатства. Продавцы не всегда продают свое, а чаще взятое у знакомых или родственников на «комиссию»… И вот сидит в ресторане, потребует бутылку вина и сидит за ней несколько часов, поджидая богатого иностранного покупателя, продавая все, чтобы не умереть с голоду. Но иностранные покупатели, прежде чем купить, меняли свою валюту на обесцененные ими же кавказские деньги и ими уже платили столько, сколько хотели… Они были сыты, и спешить им было некуда! А голодные продавцы ждать не могли! И поэтому продавали последнее, что у них было: бриллианты, золото, фамильную серебряную посуду, драгоценные старинные текинские ковры, меха… А иностранцы ничем не брезговали. Покупали и шелковые старинные шали, и тонкое постельное – полотняное – белье, и даже платья… Целые пароходы уходили из Батумского порта, нагруженные русским добром, проданным за ничего не стоящие бумажки закавказской валюты (временной)! Перед тем как большевики заняли Тифлис, Батум был более пуст, чем после нашествия неприятеля. В нем осталось только то, что иностранцы не захотели купить и унести на пароход!.. Но куски мрамора, чугунные решетки с кладбища, мебель орехового дерева, куски инкрустации, картины и даже церковные Царские врата были скуплены, погружены на пароходы и увезены за границу «покупателями»…

Нашла знакомых. Рассказала, что не могла найти хорошей комнаты, а сняла какой-то вагон с кроватью, чтобы спать.

– Это вам повезло! Многие, за неимением комнаты, спят прямо на пляже, – сказали мои знакомые. – Все лучшие дома и гостиницы заняты иностранцами. Они чувствуют себя «победителями» в побежденном городе и не стесняются с нами… А что останется, то для нас… Даже негры-солдаты всегда идут по тротуару и ни за что не уступят дорогу ни женщине, ни старику. Прямо сталкивают с тротуара!.. А что они делают с нашими женщинами и девушками! У них много денег. Они кормят их, голодных, в ресторанах… Все это, конечно, довольно просто и понятно… Но, если не смотреть на все это и не замечать сытых красных рож, то и здесь жить можно… И даже лучше, чем в Тифлисе. Как-то здесь и есть меньше хочется! Да и одежды теплой не нужно; квартиру топить тоже не нужно. А турки привозят в своих «фелюгах» кукурузные лепешки, каймак, дыни, арбузы, яйца, иногда и баранину, и продают все страшно дешево! Но и тут эти «победители» наложили свою руку!.. Не позволяют им продавать без своего разрешения, считая это контрабандой.

Мне все нравится здесь – море, купание в нем, вечный прибой. Даже бури с волнами, заливающими берег. Живу в вагоне-сарайчике. Вернее, только прихожу туда спать. А днем валяюсь на пляже. Решила съездить в Баку за вещами. Да кстати узнать, как дела «транспорта», а потом вернуться сюда опять! Уж очень мне все тут нравится…

Приехала в Баку и узнала, что от «транспорта» ничего не осталось… Но как же так? Где же все имущество транспорта? Ведь были же хотя бы грузовики для перевозки продуктов и публики. Была контора!

– Все пошло с торгов за долги, – заявил Алексей.

– А где сотни тысяч рублей членских взносов?

– Все пошло туда же!.. Но вот зато теперь четверо нас открываем новое и верное дело! Это уже будет последнее! Взнос всего пять тысяч рублей за пай! Хочешь войти?..

– Какое еще дело?

– Конфетная фабрика!! Люди всё честные, порядочные! Я ручаюсь за них!

– Спасибо! Я на пять тысяч столько куплю конфет, что вы в год их не съедите.

– Напрасно ты не соглашаешься! Я тебе говорю – верное дело и приносит хороший доход!

– Тина, купи у меня кулон! Алексей не дает мне денег, – сказала Нина, когда Алексей ушел из дому. – У меня нет ни копейки своей! Не с чем в город пойти!

– Тина Дмитриевна, вас просят к телефону – сказала Даша. Я подошла. Звонили из какой-то гостиницы. Спрашивали, знаю ли я Анну Калинину. Я хотела ответить отрицательно. Но незнакомый женский голос перебил меня:

– Я племянница отца Смирнова, Нюра! Пожалуйста, приходите сюда! Я все расскажу вам… – В голосе было столько отчаяния, что я, не колеблясь, ответила согласием. Фаэтон подвез меня к гостинице, о существовании которой я никогда не подозревала.

– Здесь госпожа Калинина? – спросила я в конторе гостиницы.

– А, это вы будете госпожа Семина, которую ждет Калинина?

– Да, я Семина! А что случилось с Калининой?

– Мы ничего не знаем! Она приехала сегодня ночью из Энзели с ребенком, который плачет все время. Должно быть,

больной. Жильцы жалуются, что спать никому не дает… Мы попросили ее найти комнату где-нибудь в другом месте, но она сказала, что у нее нет денег заплатить за номер и уговорила нас вызвать вас сюда. Говорит, что вы все устроите…

Хозяин проводил меня до дверей комнаты, где жила Нюра. Нам открыла молодая, страшно бледная и худая женщина.

– Я Нюра Калинина – племянница отца Смирнова! Я сегодня ночью приехала из Персии с сыном. Ему шесть дней всего…

На кровати лежал сверток и слабо «скрипел». Нюра подошла и развернула пестрые тряпки, в которые он был завернут. Я увидела крошечное красное сморщенное существо без волос и почти без ногтей.

– Боже мой! Какой он крошечный! – сказала я.

– Да, я его не доносила… Я лучше расскажу вам все по порядку. Я вышла замуж перед самой революцией. После свадьбы муж уехал на Персидский фронт, а я осталась у дяди с Верой и Любой в Александрополе. Жили мы в крепости в казенной квартире. После революции солдаты буйными толпами ходили по крепости, ругались, показывая на дома, в которых жили офицерские семьи, и кричали: «Буржуи, вот погодите! Скоро всех перережем!» Я говорила Вере, что нужно уехать в Тифлис к дяде. Но им все было жалко бросать насиженное место… Отъезд все откладывался. Потом я получила от мужа письмо, тоже очень тревожное. Солдаты не слушаются… Приказания офицеров не исполняют… Устраивают митинги и грозят «перебить» всех офицеров, если их немедленно не распустят «по домам». Я написала

мужу, что еду к нему. Умирать – так вместе! Сначала мы жили довольно сносно даже. Конечно, я пряталась от солдат. Надела солдатские штаны и рубаху, почти не выходила из палатки. Скоро подошли и Сережа с Володей. Их батарея не пожелала оставаться в Персии, и все войска подходили к нашей стоянке, откуда дорога шла к морю. Туда все и устремились. Но чем дольше мы стояли на этом месте, тем все кругом становилось хуже и тревожнее. Лагерь разделился надвое: в одном офицеры и меньшая часть солдат стояли за поддержание Добровольческой армии. Другая часть, тоже с офицерами, стояла за то, чтобы немедленно идти домой или к большевикам. Лазутчики передавали, что в большевицком лагере солдаты говорят: «Перебьем всю офицерскую сволочь! Захватим пушки и пойдем к морю, а там и домой!» Муж меня уговаривал уехать в Тифлис к дяде. Мы уже знали, что Вера и Люба бежали из Александрополя, но мне жаль было расстаться с мужем. Я все оттягивала свой отъезд. Когда же решила ехать, то было уже поздно… У нас не было денег даже для меня одной на дорогу. И я осталась с мужем. В лагере был почти голод. Казенных денег больше не отпускали. Покупать хлеб и мясо было не на что. Солдаты обносились, оборвались, ходили грязные, заросшие волосами, голодные и злые. Решено было, что оставаться больше в Персии нельзя. Ждали только случая, чтобы без кровопролития захватить пушки и идти с ними к морю… И вот, в одну темную, бурную ночь наш лагерь снялся и под шум ветра и дождя двинулся к морю. Там, думали они, пароходы уже ждут нас… Я забыла еще вам сказать, что около трех недель тому назад в Добровольческую армию был послан офицер от наших сочувствующих ей офицеров и солдат с просьбой прислать в Ензели пароходы за пушками и

людьми. И теперь думали, что пароходы уже должны быть на месте – в Ензели… Но за пушками следило много глаз не только с нашей стороны, но и из большевицкого лагеря. Последнюю ночь перед бегством дежурство по лагерю выпало на наших солдат и офицеров. Ночь была бурная… Дождь лил как из ведра. Ветер чуть не срывал палатки. Раскаты грома заглушали всякий шум. Все это было нам на пользу… И, как только лагерь затих и заснул, офицеры разбудили сочувствующих солдат, запрягли лошадей в пушки и двуколки, нагрузили их и выступили, не теряя ни минуты. Все делалось молча. Избегали малейшего шума. Всех наших раненых солдат вынесли и положили на двуколки. Остальные шли пешком. Шум бури и дождя был нашим главным помощником… Только к утру в лагере у коммунистов узнали о нашем бегстве. Они тоже снялись и пошли по нашим следам. Сначала только по ночам они нападали на нас. Хотя их было в несколько раз больше, чем нас, но они опасались нападать на нас открыто. Ограничивались только стрельбой издали. Всего убили двоих и одного ранили. Мы всю ночь и весь следующий день шли. Я очень устала. Ноги опухли, а солдатские сапоги мне растерли ноги. На другой день я совсем уже не могла идти. Муж пробовал сажать меня на зарядный ящик. Но я не могла и пяти минут просидеть на нем. Лучше всего было идти пешком. Меня поддерживали с одной стороны муж, с другой Володя или Сережа – по очереди. Дорога была ужасная! Лошади, отощавшие от голода, едва тащили пушки. Поминутно они останавливались, хватали сухую, колючую траву, росшую по бокам дороги, и ели ее. Да и солдаты тоже выбились из сил без еды, отдыха и сна. Но садиться боялись! Боялись заснуть. Боялись и нападений преследующих нас коммунистов. Был с

нами и доктор. Да как-то ночью не выдержал и сбежал. Не то обратно в Персию, не то к коммунистам. Я так страдала, что часто думала, что лучше умереть где-нибудь в канаве под кустами, чем идти дальше хотя бы только еще несколько шагов. Я просила мужа оставить меня одну на дороге… Но меня вели все дальше и дальше. Теперь коммунисты преследовали нас и днем, и ночью, и мы почти без отдыха и еды шли и шли… Старались скорее дойти до моря. Наконец, за два дня до моря, я совершенно уже лишилась сил от боли. Муж был в полном отчаянии. Хотел даже нести меня на руках… Но я чувствовала, что пришел мой конец, что я умираю… Батарея остановилась. Я легла на землю под пушку в страшных страданиях. Ребенок родился. Муж сам принял его. Пуповину перерезал перочинным ножом… Ребенка завернули в мою юбку, которая была в двуколке. Сережа взял на руки ребенка. Муж – меня… И батарея тронулась дальше. Но разве можно по таким дорогам, да с такой ношей, идти долго? Мы сразу отстали от батареи. Я легла на землю, а муж сел, чтобы отдохнуть немного. Вдруг слышим шаги и громкие голоса совсем близко. Я вскочила, муж тоже, и чуть не бегом бросились догонять батарею. Я до крови искусала свои руки, чтобы не кричать от боли…

Когда мы наконец добрались до моря, там стояли три парохода. Погода была тихая и теплая… Но к следующему утру подул ветер и быстро погнал мелкую, с белыми гребешками волну. Когда мы дошли до берега, началась немедленная и спешная погрузка пушек и зарядных ящиков, лошадей и мулов. Работали все. Офицеры работали наравне с солдатами. Сначала пушку приходилось нагружать на лодку. Потом ее везли к пароходу. Волны заливали лодку, били ее о борт парохода, каждую минуту грозя смыть пушку или

зарядный ящик в море. Солдаты и офицеры по колено в воде удерживали руками этот тяжелый груз, все время рискуя быть раздавленными пушками. Когда все и всех наконец погрузили на пароход, то и солдаты, и офицеры падали от усталости где попало и немедленно засыпали мертвым сном… Пока грузились, я отдыхала на пароходе в каюте. Муж хотел, чтобы всем им ехать вместе на одном пароходе. Стали искать Сережу, но его нигде не было. Оказалось, что он был на другом пароходе. Пошли к нему. Он спал на палубе вместе с солдатами. Сколько ни будили его, не могли разбудить. Решили тогда всем перейти на Сережин пароход, чтобы быть всем вместе. Так и сделали. К вечеру разыгралась настоящая буря. Пароходы поспешили уйти подальше от берега в море. Как только покончили с погрузкой, я попрощалась, села в лодку, и перс повез меня на берег. На берегу я села на песок и стала смотреть, как уходили пароходы. Точно три черных гроба, казалось мне… Ни флага, ни трубы, ни дыма не было видно… Они ныряли в волнах, точно черные ящики… Солнце давно зашло. Волны доходили до моих ног. Ребенок, вероятно, плакал, но я ничего не замечала и не слышала. Все смотрела туда, куда уходили черные пароходы… Их самих я уже не видела. Но все ждала, чтобы хоть на миг еще показалась черная полоска, в которую они обратились на расстоянии…

Безумная тоска сжала сердце… И раскаяние – почему я не поехала вместе с ними! Почему я осталась здесь и сижу одна на берегу?! А он – мой муж! Он уезжает от меня все дальше и дальше!.. Я готова была броситься в море вместе с ребенком. И вдруг я увидела перед собой двух солдат. Они подошли. Остановились в нескольких шагах от меня и стали рассматривать меня с видом голодных зверей… В ужасе я

вскочила с песка и пошла к городу, но они загородили мне дорогу. Один из них грубо спросил: «Чего ты тут делаешь?» И все приближались... Вид у них был страшнее всякого бандита. Рубахи расстегнуты, волосы длинные, взлохмаченные, грязные, щеки небритые. Через одно плечо пулеметная лента, а через другое винтовка. «Чего ты тут делаешь? Провожала пароход?» – снова спросил солдат, оглядывая меня. «Конец! Смерть!» – подумала я. Я забыла, что за нами шли наши враги-коммунисты. И вот теперь они выместят на мне всю свою звериную злобу... Я все еще была в штанах и солдатских сапогах и держала на руках ребенка, завернутого в юбку. Один из солдат обошел меня кругом, точно осматривая меня... И вдруг поднес кулак к моему лицу: «Ух!.. Стерва, – со злобой плюнул он. – Вишь!.. Щенка только что родила!» – сказал он, показывая на мою одежду, мокрую от крови и морской воды... Должно быть, вид у меня был ужасный, если даже эти люди-звери не набросились сразу на меня. Солдат постарше стал рассматривать меня, точно примеривался, с какой стороны легче и удобнее наброситься на жертву. Потом опять сплюнул... «Щенка-то в воду бы!» – сказал он как бы про себя. Другой солдат протянул руку, чтобы взять моего ребенка... Я в ужасе отскочила от них: «Убийцы! Убийцы вы!..» – закричала я и побежала. Вдали из ущелья, из которого мы сами пришли, выходили еще солдаты. Я бежала к городу, сколько было у меня сил! И, когда добежала до первого жилья, открыла калитку в глиняной стене, перешагнула порог и упала... Когда я пришла в себя, надо мной стояла персиянка, не зная, что делать со мной. Четыре дня пролежала я у этих добрых людей. Они кормили меня, смотрели за моим ребенком. Они не говорили ни слова по-русски. Я столько же по-персидски.

Я старалась объяснить им, что у меня нет денег и что я не могу заплатить за их хлеб и уход за мной… Но они только и говорили: «якши, якши» или «йок»! Через четыре дня пришел пароход. Мои спасители дали мне чадру, лепешек и отвезли меня на него. Я закрылась чадрой, чтобы не видели, что я русская. Все эти дни, что я лежала, слышно было пение, русская ругань и стрельба. Весь город был разграблен. На пароходе я сказала, что у меня нет денег… Пассажиры очень сочувственно отнеслись ко мне и к моему ребенку. Дали мне белье и вот это платье (на ней было черное платье). Одна из дам привезла меня в эту гостиницу. И вот все, что у меня теперь есть, – это мой сын да моя измученная душа! – она упала на кровать и вся тряслась от рыданий. – Помогите мне пережить несколько дней, пока дядя Павел пришлет деньги, и я уеду в Тифлис. Мы с мужем условились, что он будет писать мне по адресу дяди. А как только доедет до Петровска, то пришлет телеграмму. Я думаю, что там уже должна быть для меня телеграмма от него.

– Нюра, вам здесь оставаться нельзя. Хозяин говорит, что жильцы жалуются, что ребенок плачет и не дает никому спать. Я сейчас поеду к моим друзьям и попрошу их приютить вас у себя. Они живут вдвоем, в собственном доме, и будут смотреть за вашим ребенком, как за родным внуком. Они дадут вам отдохнуть и поправиться перед дорогой в Тифлис. Я бы с удовольствием взяла вас к себе. Но я сама живу у родственников мужа. Для вашего ребенка я постараюсь достать все, что нужно. У моей невестки четверо детей. Я думаю, что она найдет все нужное. А вы не плачьте и ждите меня. Все устроится хорошо!.. Вы кормите вашего сына сами?

– Нет, у меня нет молока!

Я поехала к отцу Нины и все им рассказала.

– Иван Яковлевич, драмы не кончаются, а продолжаются! – сказала я на его удивление по поводу того, что пережила и перетерпела эта молодая женщина…

– Господи боже ты мой! Вот ведь какое несчастие! А я только что читал, что за эти дни на море была страшная буря и что погибло несколько пароходов! Дай бог, чтобы это были не те пароходы, на которых ехали сыновья отца Павла и ее муж!.. Вези, вези ее к нам!.. А я пойду в подвал, найду ванночку. Поди, ребенок-то не купанный от рождения! – озабоченно сказал Иван Яковлевич и заспешил, нашел ключ от подвала и сейчас же деловым голосом сказал Марье Яковлевне: – Грей воду! Да посмотри в сундуках, нет ли чего-нибудь оставшегося от детей, чтобы завернуть младенца после купания! А ты поезжай скорее и вези ее сюда…

Когда я вышла уже за ворота, он крикнул мне вдогонку:

– Спроси у Нины, нет ли у нее там чего-нибудь для ребенка? Может быть, сохранились еще распашонки или пеленки какие-нибудь?..

Я приехала домой и еще раз рассказала всю драму молодой женщины. У Нины нашлось для ребенка кое-что. Потом она пошла к Катюше, и у нее тоже нашлись остатки от Миши. Я все это забрала и поехала в гостиницу. Захватила там Нюру и повезла к старикам. Иван Яковлевич и Марья Яковлевна страшно растрогались, увидев худую, бледную молодую мать с плачущим на руках ребенком.

– Вот, Нюра, это ваша комната! Располагайтесь в ней как дома. А я сейчас буду купать вашего сына.

Иван Яковлевич пошел на кухню, надел фартук, взял под мышку детскую ванночку, а в руки – огромный чайник с горячей водой, и понес все в комнату Нюры. Налив воду в ванночку и измерив деревянным термометром воду, он засучил рукава, подошел к кровати, развернул пеленки и так и ахнул!.. Красненький комочек весь опрел! Чуть не до мяса! Осторожно, на ветошке, он опустил ребенка в теплую воду и стал поливать с губки. Ребенок, «скрипевший» все время, сразу замолчал. Точно прислушиваясь, что это такое с ним делают? После купания его обсыпали детской присыпкой, завернули и положили в кроватку. Он сразу заснул – первый раз со времени своего рождения!..

– Его нужно окрестить! Он очень слабенький, – сказал Иван Яковлевич. Но мать отнеслась ко всему безучастно. Она сидела подавленная и разбитая всем пережитым. Я дала ей денег и собралась уходить.

– Отдыхайте, Нюра. Если что-нибудь вам понадобится, вызовите меня без стеснения.

Она молчала и плакала.

– Если бы я только знала, где он и что с ним, мне было бы легче… Может быть, в Тифлисе у дяди есть от него телеграмма?

– Наверное, есть уже!.. И вы можете теперь получить ее каждую минуту, – я простилась и ушла.

На другой день Иван Яковлевич окрестил ребенка. Дал имя его отца – Николай. За Нюрой все ухаживали как за родной… Но она бодрее не стала… Все так же сидела в своей комнате и все так же плакала. Сыном своим даже почти не интересовалась. За ним смотрели мои старики – день и ночь… Но дни шли, а Нюра не получала ни телеграмм, ни

денег, ни писем… Только через две недели она получила деньги от отца Смирнова, сейчас же собралась и уехала в Тифлис. Ребенок за эти две недели не развивался и не рос, а только все «скрипел». А мать по-прежнему не проявляла к нему почти никакого интереса и чувства…

– Вот сколько выпало на слабую женскую душу горя и несчастья! – сказал Иван Яковлевич, когда мы проводили Нюру. – Что-то, видно, случилось с ее мужем. Ни писем, ни телеграмм она от него не получила за все эти недели…

Стала и я укладываться, чтобы ехать в Батум. Взяла несколько небольших ковриков, немного столового серебра и белья. Вот только с деньгами вышло затруднение. Переводов прямо в Батум не принимают. Можно только в Тифлис. Я перевела десять тысяч через Коммерческий банк и двадцать тысяч по почте до востребования, а золото и ценные вещи взяла с собой в ручном чемоданчике. В ручную сумочку положила деньги, паспорт. Я знала, что при обыске первым делом рылись в ручной сумочке, а потом уж в более крупном багаже.

– Ты что? Совсем уезжаешь? – спрашивает меня Алексей. – Если совсем, то я сдам твою комнату. По триста рублей платят теперь, и то нельзя найти…

Все уже было готово к моему отъезду. Я пошла попрощаться с Катюшей и ее матерью.

– Милая Тина Дмитриевна, может быть, случайно услышите что-нибудь о моем сыне? Он был во флоте – в Севастополе. Но после того, как там матросы учинили избиение офицеров, мы ничего о нем не знаем. Я молюсь за него, как за живого, и прошу Всевышнего, чтобы он спас

моего единственного сына. У него осталась жена и ребенок. Но я и об них тоже ничего не знаю…

– Тина, если приедете в Баку, для вас всегда есть место в нашей квартире, – сказала Катюша Мартынова.

Как-то, когда я была уже в постели, пришла Даша.

– Вы вот опять уезжаете! Мне тоже надоело жить здесь да стоять в очередях. Так не увидишь, как и жизнь пройдет!

– Хочешь к родителям в деревню ехать?

– Ну, что вы! Что я там забыла?! Там и совсем голод да вши… Нет! Я вам скажу правду. Я тоже могу поехать в Батум!.. Меня американец-солдат сватает. Говорит: «Выходи за меня замуж! Повезу в Америку…» Многие из здешних девушек «повыходили» уже за американских солдат и собираются ехать в Батум, а оттуда в Америку.

– Да как же ты с ним разговариваешь?

– А по «книжечке»! Там все указано, кому что говорить. Когда я с ним познакомилась, он дал мне что-то вроде конфеты. Сам развернул такую же и стал жевать… Ну, и я тоже развернула свою. Пожевала. Сладко! Я и проглотила ее! А он показывает мне – выплюнь, мол! И сам свою выплюнул. А она тянется, как резина… А что я выплюну, если я ее проглотила?! Тина Дмитриевна, вы дайте мне ваш адрес. Может быть, когда-нибудь я к вам приеду.

После, уже в Батуме, я читала в газетах, как уезжали из Баку иностранные солдаты. Пока жили в Баку, начальство смотрело сквозь пальцы на «женитьбу» своих солдат. Даже поощряло! А когда стали уходить из Баку, это же начальство запретило им брать «жен» с собой. Но «женам», казалось, терять было нечего. Они собрались все на вокзале и

потребовали, чтобы их тоже взяли вместе с мужьями в Батум. Начальство распорядилось прицепить для них специальный вагон. Но на одной маленькой станции женский вагон отцепили. Воинский поезд ушел, а «жены» остались в вагоне в тупике.

У Алексея фабрика не успела расцвести и уже поблекла… Прогорело еще одно «верное» дело.

– Разве можно что-нибудь делать, когда такая конкуренция? Всякое верное дело губит! Когда мы открывали нашу фабрику, она была только одна! А теперь уже три! – сказал Алексей. Он еще меньше стал бывать дома. Часто и ночевать не приходил домой. Придет на минутку, даст Даше денег на хозяйство и опять уйдет на несколько дней. В доме всем распоряжается Даша. Нина сошла на нет. Сидит без денег и без ухажеров, которых разогнал Алексей…

– Здравствуйте!

Я оглянулась – Бакланов. Его маленькие глазки самодовольно блестят еще больше, чем раньше…

– А что, демократия-то? Ведь победила! Не прав я был? Я горжусь, что родился демократом…

– А разве вы родились демократом? Никогда раньше не слыхала этого от вас!..

– А что вы думали?! Что я буржуй какой-нибудь?! Нет! Я мозолистые руки свои ценю выше всего!.. Вот этими мозолистыми руками мы сделали революцию! – Он поднял руку и сжал ее в кулак (только никаких мозолей у него на руках не было). – И мы, народ, будем править страной… Вот этими самыми руками!

– Но ведь коммунисты отрицают всякую частную собственность?.. Если они придут сюда, в Баку, то сейчас же отберут от вас вашу механическую мастерскую!..

– Нет, нет!.. Они могут отобрать у вас ваш дом!.. Но от меня мастерскую никогда не возьмут!.. Я сам рабочий! Я демократ и по рождению, и по убеждению, и по образу моей жизни!

– Но какой же вы рабочий?! Вы богаче всякого «буржуя»… И всегда жили, и теперь живете, не работая!..

Вечером, накануне моего отъезда, я спросила Алексея:

– А ты не собираешься в Добровольческую армию? Многие из офицеров едут туда!..

– Никуда я не поеду! Пускай едут те, кто получали чины и ордена. А я ушел на войну штабс-капитаном, а вернулся капитаном… Мне не за что воевать! И я никого и ничего не хочу защищать от коммунистов…

– А твои убеждения? Твое имущество и твою семью, которую они не признают и разрушают? Ты и это не собираешься защищать?..

– Семью?.. А где она у меня? Все уже до большевиков давно разрушено! Яша говорит, что он спокоен за свою Маню. А я не удивляюсь, если она приедет домой красным генералом! Она все может!.. Может быть, она у них и теперь уже командует полком! Ленин ведь сказал, что государством может всякая кухарка править!.. Так почему же в таком случае не может командовать полком Маня?!.. Я приготовил для нее подарки… Теперь ведь людям есть нечего! Драгоценности продают прямо за гроши! Я и купил для нее кое-что…

– Вот как?.. Чем хуже для всех, тем лучше для тебя? Умница!!.

– Тетичка, приезжай скорее обратно к нам! – целуя меня, сказала Надя. – Дома так всегда скучно без тебя…

* * *

Вот и опять я еду! Не знаю только, надолго ли?.. В вагоне много народа. И чувствуется какое-то общее напряжение… Все говорят друг с другом тихо, на ушко…

– Два таможенных осмотра будет! – наклонясь ко мне, говорит моя соседка. – Если вы везете драгоценности, прячьте, пока не поздно! Отберут иначе все!.. Если не татары, так грузины! – уверенно сказала она. – В волосах ищут. А то и в такие места заглядывают, что прежним таможенникам и не снилось даже…

– А если я в багаж сдала?

– Ах, милая!.. Конечно, все найдут и выберут, что им нужно и что поценнее!..

И не успела я еще ничего придумать, как мне спасти эти ценные вещи, как поезд стал замедлять ход. В вагон вошли не то солдаты, не то «таможенные чиновники». Как только поезд остановился, раздалась команда:

– Всем выходить с вещами на платформу!

Носильщиков не было. Пассажиры сами несли свои вещи. С платформы всех нас загнали в сарай таможни и приказали открыть чемоданы и сундуки.

– У кого есть золото и серебро, заявить заранее! – командовал вооруженный таможенный чиновник. Вынесли из багажного вагона сундуки и чемоданы, поставили в ряд.

Снова раздалась команда:

– Открыть замки на сундуках и чемоданах! Кто не откроет, у того они будут сломаны!

Я видела свои сундуки. Но мне не хотелось даже подходить к ним. Я видела, как торопливо пассажиры стали открывать свои сундуки.

– А это чьи сундуки? – ткнув сапогом в сундук, крикнул вооруженный тип. – Открыть! Не то сейчас сломаем крышку!..

Я подошла к моим сундукам, поставила чемоданчик рядом, открыла замки и стала ждать. Я видела, как у других все вещи переворачивали вверх дном… Дошли и до моих. Выбрали все мои ковры. Растрясли их… Свертки с серебром рассыпались по полу.

– А!.. Серебро! Из Азербайджана вывозить ценности нельзя!.. Ну-ка, поищи хорошенько, что там еще есть!.. – воодушевляясь перспективой хорошей наживы, крикнул один из бандитов. И все четверо стали вытаскивать и растрясать мои вещи, бросая их прямо на пол…

Когда они увидели мои дорогие ковры, накидку из куниц, несколько лисьих шкур, тонкое полотно и нарядные шелковые платья, глаза у них разгорелись… Они забыли на время про других пассажиров.

– Столько ценного из республики вывозить не разрешается, – сказал один из таможенных чиновников.

– Что же тут ценного? Тряпки да недорогие коврики? На это запрета нет! – вдруг раздался около меня мужской голос. Я оглянулась. Вижу: молодой человек, вооруженный, в полувоенной одежде; лицо суровое, глаза грустные. Он в упор смотрит на «таможенного» бандита и резко крикнул: – Забирай серебро! Смотри следующих! – Все сразу оставили меня и стали рыться в вещах у других, а мой спаситель сгреб с пола мои вещи, положил их обратно в сундуки, запер их на замок и ключи отдал мне.

Я была совершенно ошеломлена всем случившимся, взяла ключи и даже не поблагодарила его. Он поднял мой чемодан, захлопнул его, отдал мне, и сказал:

– Идите к поезду. Пора садиться… – Я послушно пошла.

У вагонов стояли пассажиры, большинство грустные, обобранные. Но в вагоны еще не пускали. Скоро раздался звонок. Двери в вагоны открыли, и пассажиры стали входить и занимать места. Около меня очутилась та дама, которая беспокоилась за мое серебро и золото. Она плакала и сказала сквозь слезы:

– Вот все, что у меня уцелело! – Она крепко прижимала обе руки к сердцу. – Я видела, как они ограбили и вас, – тихо сказала она.

В вагоне все сидели молча, подавленные потерей своих вещей. В фонаре над дверью слабо мерцал красноватый огонек свечи. Но в купе было темно, как в склепе… Ночью поезд пришел в Тифлис, но я чувствовала себя уставшей и решила сейчас же ехать в Батум. А отдохнув там, специально поехать в Тифлис за деньгами.

На другое утро поезд остановился на какой-то маленькой станции, и грузинские таможенные чиновники объявили,

чтобы мы выходили на станцию с вещами для осмотра. Нашлись смельчаки и заявили, что едут из Азербайджанской Республики и вещи осмотру не должны подвергаться. Но грубый окрик и чуть ли не битье прикладом выгнали всех на платформу, а затем дальше в сарай. Эти еще свирепее и наглее обращались с нами. Если они ничего не находили в ручном багаже, то подвергали телесному обыску. Мужчин уводили в одну сторону, а женщин в другую. В особой комнате раздевали всех догола и смотрели в уши, заставляли раскрывать рот, нет ли за щекой чего-нибудь спрятанного. Грубые грузинские женщины обращались с нами, точно тюремные надсмотрщицы с арестантами. Они не обращали никакого внимания на наши протесты и заявления, что мы едем не из Грузии, а из Баку, что нас уже обыскивали и проверяли. Они делали вид, что русского языка не понимают… Ловко и быстро забирали все ценное и выпускали нас ограбленными дочиста! У меня взяли все, вплоть до обручального кольца. Вынули серьги из ушей. Заставили раздеться и мое белье смотрели на свет, нет ли чего-нибудь зашитого в нем?

Приехала в Батум и даже не хотела давать багажной квитанции носильщику. Думала, что сундуки окажутся пустыми… Я не могла никуда выходить, так была расстроена и подавлена этим двойным грабежом.

Но батумский воздух и солнце мне помогли. И меня опять потянуло к морю… Когда лежишь на пляже, слушаешь шорох гальки и нежный, ласковый набег волн – все забывается!.. Все потери и огорчения кажутся далекими и маловажными, и хочется забыть все невзгоды и огорчения. Отдохнув и успокоившись, я снова собралась ехать в Тифлис за моими деньгами. Приехала я утром в Тифлис. Взяла

трамвай и поехала на центральную почту. Подошла к окошечку и протянула мою квитанцию. Чиновник посмотрел на нее и пошел куда-то. Долго я стояла, но чиновник не возвращался… Через некоторое время меня пригласили в кабинет к начальнику почты. Там было несколько человек. Один из них строго спросил меня:

– Откуда вы взяли эту квитанцию?..

– Привезла из Баку!

– Подождите здесь!.. – Все они вышли из комнаты. Минут через пять в нее вошли двое новых, в штатском, и пригласили меня следовать за ними. Мы вышли на улицу, сели в ожидавший нас фаэтон и поехали по залитому солнцем городу. Вскоре фаэтон свернул в какой-то незнакомый переулок и остановился у подъезда. Мы поднялись на второй этаж. Меня ввели в комнату, дверь и окно которой выходили в коридор. В комнате было несколько стульев и небольшой стол, за которым работал какой-то молодой человек. Его сейчас же куда-то вызвали из комнаты, и я осталась в ней одна. С десяти часов утра я просидела там до трех пополудни. Мне сказали «ждать». И я терпеливо ждала… Дверь была плотно закрыта, и я даже не пробовала, на замке ли она или только притворена. В три часа в комнату вошел тот же тип и пригласил меня следовать за ним… Он привел меня в большую комнату, в которой стоял большой письменный стол. За столом сидел с видом грозного судьи известный всему Тифлису комиссар по политическим и особо важным уголовным делам – Рамишвили… К моему счастью, я тогда еще не знала его и не подозревала, что попала в его лапы. Иначе я едва ли сумела

бы сохранить свое спокойствие. К этому времени он уже прославился по всей Грузии…

В комнате ставни на окнах были закрыты. Я стояла перед ним, а он важно сидел. Ни одного стула в комнате больше не было.

– Имя, фамилия! – резко и грубо крикнул он мне. Я назвала себя. Вдруг он выхватил у меня из рук мою сумочку и высыпал содержимое из нее на стол.

– Это что, тоже наворовали?!.. – злобно сказал он и поднял на меня полные ненависти глаза.

– Нет, это мое!

– Посмотрим!

– Видите, мои инициалы!

Но его душила злоба. Он просто не мог выговорить ни слова.

– Откуда эти вещи у вас?..

– Куплены в разное время. Точно не могу сказать, когда. Это вот подарила мать, – я протянула руку и хотела показать на медальон, усыпанный бриллиантами и изумрудами. Но он грубо отстранил мою руку!

– Узнаем все… Кто ваша мать?.. Откуда у нее деньги, чтобы покупать такие вещи?!

– Она давно умерла.

– Другого вы ничего сказать не могли. Я этого ждал… Когда вы получили двадцать тысяч?.. Говорите правду…

– Я еще не получила их! Я хочу получить!..

– Да!.. Вы хотите получить еще раз, – вдруг он вскочил и изо всех сил ударил кулаком по столу. – Я вас заставлю

говорить то, что я хочу! Деньги вы уже получили! А теперь еще раз хотите получить их…

– Нет! Я денег не получала!.. Я только сегодня утром приехала из Батума. Вот, видите мой железнодорожный билет? – Я хотела протянуть руку, чтобы показать его, да вовремя остановилась. Но он не обратил никакого внимания на мои слова. Он взял в руки мой переводной бланк на десять тысяч, позвонил в Коммерческий банк и сказал: – Задержать выдачу десяти тысяч рублей Тине Дмитриевне Семиной до моего разрешения!

Потом он обратился ко мне:

– Кого вы знаете, кто бы за вас мог поручиться? Я могу вас выпустить. Но могу вас и арестовать и держать до тех пор, пока не наведут о вас нужные справки! Откуда у вас такие большие деньги? – снова повторил он вопрос.

– От моего мужа.

– Кто ваш муж?

– Мой паспорт у вас в руках!

– Я вас допрашиваю, и вы обязаны отвечать на мои вопросы! – снова крикнул он.

– Мой муж доктор!..

– У докторов столько денег не бывает!..

– Этого я не знаю! Но мой муж богатый человек. У него есть дома, нефтяные земли. Нас в Баку все знают!..

– Мы наведем справки в Азербейджане! Если слова ваши подтвердятся, то мы вас отпустим. А пока вы должны указать нам людей, которые вас знают, у которых есть имущество и которым мы можем верить. Тогда мы вас отпустим на поруки.

– У меня есть друзья здесь!.. Например, настоятель Военного собора отец Смирнов!..

– А! Вот у вас какие друзья!! Такие же враги Грузии, как и вы!.. Тогда могу вам сообщить, что Смирнов (он сказал без добавления – отец) арестован уже!

У меня невольно вырвался вздох сожаления:

– Бедный отец Павел!.. – сказала я.

– Кто же у вас есть, на кого вы можете указать?

Я стала осторожней. Явилась боязнь, что могу кого-нибудь подвести под неприятности…

– Да вот, генерал Левандовский знает меня и моего мужа!..

Снова исказилась его рожа!..

– А! Другой арестант! Да еще бежавший из-под ареста!.. Ну! Сейчас я уезжаю! Допрашивать буду завтра. А пока вас отведут в камеру!

– Но я могу указать еще семью, которая знает меня! Присяжного поверенного Григорьянца… У них на Анастасьевской улице собственный дом, – как утопающий, хватаюсь я за соломинку…

Он снова садится.

– Теперь уже поздно, я должен уезжать! Есть у них телефон?

Я сказала ему номер, и он позвонил… «А вдруг его нет дома», – мелькает у меня в голове. Но мне на этот раз повезло. Григорьянц через несколько минут был в охранном отделении… На вопрос, знает ли он меня, ответил утвердительно.

– Да, я знаю Тину Дмитриевну очень хорошо.

– Можете ли вы поручиться за нее?

– Да, я ручаюсь!..

– Есть у вас недвижимая собственность?

– Да! Дом на Анастасьевской улице.

Допрос был кончен. Григорьянцу дали подписать бумагу, и мы вышли из места пыток и бессильной злобы. Я прожила у Григорьянцев четыре дня, и меня оттуда опять вызвали в охранку. Но на этот раз допрашивал кто-то другой. Он сразу сказал мне, что я могу получить мои деньги из банка и выехать из Тифлиса. Я поблагодарила моих спасителей и уехала в Батум.

* * *

– Подходит осень. Начнутся опять дожди, и жить в вашем сарайчике станет совсем невозможно, – сказала я хозяйке.

– Сходите к соседям! У них дом большой, а семья, видать, маленькая. Они беженцы откуда-то из России.

Я пошла. Дом, правда, большой, двухэтажный. Стоял он в глубине двора. Верхний этаж обнесен стеклянной галереей. Нижняя галерея без стекол, но вся обвита виноградом. Я поднялась на второй этаж и постучала в стеклянную дверь. На мой стук вышла какая-то женщина. Высокого роста, костистая, с большими красными руками. На ней было ситцевое платье и грязный мокрый фартук. На ногах – мужские башмаки. Седые волосы растрепаны, длинное некрасивое лицо в морщинах, глаза бесцветные, усталые.

– Могу я видеть г-жу Григорьеву? – спрашиваю я женщину.

– Я Григорьева и буду. Входите. – Мы вошли в чистенькую гостиную и сели. Она спрятала свои большие красные руки под фартук и, как бы извиняясь, сказала:

– Я стираю сегодня белье. Да и не только сегодня! Всегда помаленьку подстирываю, каждый день, чтобы не накапливалось много. Семья-то хотя и небольшая, но для Ниночки нужно иметь свежее всегда. Она – моя единственная дочь. Мы ее с самого рождения избаловали, она у нас одна девочка в семье… И всякое ее желание исполнялось всеми. У меня есть еще два сына… Вернее, были до революции… Тоже хорошие мальчики. Учились в Московском университете. Но после революции пошли в Добровольческую армию и теперь там воюют против коммунистов, – она тяжело вздохнула, и ее усталые глаза блеснули слезой. – Давно уже нет писем от них.

– Мама, с кем ты разговариваешь? – входя в комнату, спросила молодая девушка.

– Вот и моя Нина! – сказала мать, с любовью смотря на вошедшую. Дочь была такая же некрасивая, как и мать. Очень худая, плоская, со светлыми жиденькими волосами, завитыми в «кудельки», губы тряпочками.

– Вот она обожает Кавказ и кавказцев! За год до войны мы всей семьей были на Кавказе. Ниночку так все очаровало здесь, что она не хотела и уезжать отсюда! И всегда только и мечтала о Кавказе и кавказцах… После революции, когда стало невозможно жить в Екатеринодаре (мой муж там был начальником почты), то мы продали дом и уехали сюда. Наш дом был один из лучших в городе. Его у нас купил богатый

еврей. А на эти деньги мы купили вот этот домишко да за Чорохом землю с садом. Был там и домик, да турки растаскали дерево, вынули двери и окна. Теперь я там хочу выстроить дачу. А, может быть, и не для чего строить-то… Сыновья – неизвестно где. И муж тоже собирается ехать к ним. Не может сидеть без дела! «Поеду, – говорит, – найду их и буду вместе драться против большевиков!»

– Зато я, мама, нашла мужа-грузина!..

– Вы вышли замуж за грузина?

– Мой Коля с первого разу, как только увидел меня, влюбился и сделал мне предложение. И мы сейчас повенчались. – В полчаса они рассказали мне историю всей семьи.

– А я пришла к вам спросить, нет ли у вас свободной квартиры или комнаты?..

– У нас нету. Но у наших нижних квартирантов, кажется, есть свободная комната или две…

– Спасибо. Я пойду посмотрю.

– Заходите к нам. Будем знакомы. Вы ведь тоже вроде беженка, как и мы, – сказала Григорьева.

Я стала спускаться с лестницы. Навстречу мне поднимался какой-то молодой человек.

– Коля, покажи квартиру Брагиных. Это мой муж! Позвольте вас познакомить, – сказала Нина.

Коля был совсем еще молодой человек, одетый подчеркнуто франтовато. Он довел меня до квартиры Брагиных, очень галантно раскланялся со мной и ушел. Брагины были дома. Я вошла на галерею, постучала в стеклянную дверь. В комнате горел свет. На кровати лежал мужчина и играл на

гитаре. На стуле сидела бледная и худая женщина, вытянув ноги и скрестив руки на груди. Я еще раз постучала. Женщина, не меняя позы, повернула голову к дверям и, увидев меня, что-то сказала мужчине. Он перестал бренчать на гитаре, но позы своей не изменил, только повернул голову в мою сторону. Увидев незнакомое лицо, он встал, повесил гитару на стену, подошел к дверям и спросил, что мне нужно.

– Мне сказали, что у вас сдаются комнаты?..

– Вот здесь! – выходя из комнаты, сказал он. – Нравится – берите. Дешево отдадим! Все равно никто в них не живет! – сказал он каким-то обиженным тоном.

Он был страшно худой и высокий. Руки длинные, худые, точно сухие палки. Ноги тонкие и длинные, лицо тоже длинное, худое…

– Вы откуда? – спросил он меня.

– Из Баку! А вы тоже приезжий? – спросила я его.

– Тоже беженец. Но только не такой, как вы! Я приехал из Петрограда в начале войны, вот и живу здесь с тех пор.

– Бежали от войны?..

– Нет, не от войны. А от кошмара, в котором я много лет жил там…

Мы вышли опять на галерею.

– Решим так: если я сейчас ничего не найду более подходящего, то вернусь к вам и возьму вашу комнату. Согласны?..

– Как хотите!.. Долго в ней все равно не проживете.

– Ну, вот всегда так! Другой бы хвалил!.. А он рассказывает: сырая да темная!.. Живем же мы!.. – добавила женщина.

– Да что у них самих глаз нету?.. Тебе бы только деньги получать за эту тюрьму… Она здесь в Батуме лихорадку схватила и все болеет. Тут за домом сейчас же болото!..

– Я хворая не от малярии! Я месяц тому назад родила двойню! И вот с тех пор никак не могу поправиться. А дети померли!.. Молока в грудях не было. Они и померли от голода… Оба были мальчики. В больнице-то тоже не хватало молока. Доктор сказал, чтобы одного ребенка муж взял домой. Этот умер на другой же день… Я думаю, что он его совсем не кормил, – с укором сказала женщина и посмотрела на мужа. – Он не любит детей. А я так вот – как скучаю!.. Родила двоих, и ни одного не осталось живого… У нас здесь никого нет – ни родных, ни знакомых. Мы ведь приезжие.

– Да, ваш муж говорил мне. Насчет комнаты я во всяком случае зайду к вам и скажу…

Но мне повезло. Иду как-то с пляжа по бульвару и встречаю знакомого офицера – Савельева.

– Вот как! И вы здесь? – приветствовал он меня.

– Да и вы тоже здесь! – ответила я ему в тон.

– Я давно уже здесь живу. Я женился и с женой живу у тещи в доме. А вы где живете?

– У меня нет ни тещи, ни тестя. И поэтому я живу в сарайчике у какой-то толстой «тети».

– Как же так! Это очень плохо!.. Подождите. Я спрошу мою тещу. У них дом огромный, много квартир. Я только не знаю, есть ли свободная квартира. Теща моя – женщина

хорошая. Если я ее попрошу, может быть, она что-нибудь найдет для вас поудобнее…

Я дала свой адрес и пошла в ресторан завтракать.

В Батуме жизнь особенная… Жизнь вольного города.

Сюда съехались многие «обиженные и угнетенные» со всех концов России. Были люди и со средствами. Но почему-то больше всего собралось здесь артистов. Артистов оперных, драматических, кафешантанных. А также шулера, мелкие жулики и крупные мошенники. У этих были всегда какие-то дела, и у всех них были и большие деньги. В ресторанах такие типы требовали хорошую еду и много напитков. А если случайно в их компании заговорят о Добровольческой армии, то немедленно другие протестуют: «Да ну их всех к черту! Надоело! Белые или красные – все один черт!»

Тут же вперемешку с русскими всегда были иностранцы в своих формах. Они всегда что-то покупали и торговались. Записывали, высчитывали, старались еще больше обесценить русский рубль. Только и слышно: «На какие?..» Все равно никакие уже не стоили ничего, но кому было выгодно, тот объявлял, что сегодня закавказские «поднялись». А через час кто-нибудь скажет что азербейджанские поднимаются. Мужчины несли на «биржу» последнюю ценную женину брошку или браслет. Продавали за азербейджанские. После полудня эти деньги уже падали, и несчастный «биржевик» старался сбыть их за закавказские. А на другое утро и закавказские, и азербейджанские, и просто грузинские – все ничего не стоили… Но зато у приезжих спасителей в их чемоданах прибавилось на несколько тысяч долларов русских драгоценностей. В каждом ресторане играл

оркестр. То грустный романс, то веселую залихватскую плясовую. А за столиками сидели русские «коммерсанты», пили чужое вино и продавали женины или материнские драгоценности за ничего не стоящие бумажки. Первый раз я видела русских женщин и девушек из общества в роли подавальщиц. Пьяные хватали их за руки выше локтя или за подбородок, похлопывали по щеке… Предлагали выпить… Точь-в-точь как купцы в прежнее время обращались со своими горничными. И эти недавно еще считавшие себя «высшим обществом» женщины и девушки мило улыбались своим «клиентам», рассчитывая получить на чай от пьяного, наглого иностранца. В городе все большие помещения – сараи и пустые склады – были переделаны под театры, кабаре и разные увеселительные заведения. И у всех «дела» шли хорошо…

Прошло всего несколько дней, как я видела Савельева, и вдруг он пришел ко мне и сказал:

– Идите посмотрите квартиру. Я рассказал теще о вас, и она сразу же решила, что «выживет» кого-нибудь и даст квартиру вам…

Мы пошли. Дом был кирпичный, четырехэтажный. На втором этаже Савельев показал мне крошечные две комнаты с кухней.

– Да тут великолепно!.. Конечно, я возьму ее!

Тогда он повел меня наверх, чтобы познакомить со своей семьей. Теща с первого же взгляда понравилась мне. Встретила меня приветливо, как будто старую знакомую. Жена Савельева, хотя по годам и моложе своей матери, но была бородатая и угрюмая. На кровати лежала еще женщина, разбитая параличом, старшая сестра тещи.

– Она заменяет мне мать! – сказала теща, показывая на парализованную сестру…

Потом уже, когда мы с ней стали друзьями, она рассказала мне, что ее старшая сестра много лет тому назад вышла замуж за француза. А когда ее разбил паралич, тогда, чтобы не потерять положение хозяйки в доме, она уговорила свою младшую сестру занять в доме положение жены француза. От него у нее родились двое детей. Но в то же время она нежно любила свою старшую сестру и ухаживала за ней много лет. В данное время в доме хуже всех было положение старого двоеженца… Он всегда был полуголодным. Все было дорого и трудно доставалось. Поэтому обе его жены экономили, и притом главным образом на его еде. Старик уходил с утра из дому, чтобы не слушать упреков и ссор. А так как все деньги были в руках «жен», то он целыми днями искал даровую еду и, конечно, находил ее не всегда… А вечером, когда он возвращался домой, ему говорили, что он опоздал, что все уже поели и что в доме нет уже ничего съедобного… Только племянник, Этьен, и заботился о голодном старике и, возвращаясь из французского консульства, где он служил, приносил что-нибудь для старика, звал его к себе в квартиру и там кормил его. Этим только и поддерживал его силы…

Я немедленно перебралась в новую квартиру и устроилась довольно уютно. Потом наступил период деловых разговоров и всяких коммерческих комбинаций. Случайно на улице встретила супругов Крижановских. Мы страшно обрадовались друг другу…

– Школа обучения на пишущих машинках сама собой кончилась за отсутствием «учеников». Мы продали машинки

и переехали сюда, – сказала Милица. – Приходите к нам, – пригласили они меня. А когда я пришла, то сейчас же начался деловой разговор.

– Здесь, в Батуме, всякое дело дает большую прибыль! – сказал Крижановский. И по его словам выходило все так легко и просто! Стоит только начать! Деньги сами придут в карман… – Мы думаем открыть «комиссионную» лавку!.. Страшно выгодно! Теперь все нуждаются в деньгах. А денег ни у кого нет!.. Поэтому продают все, что имеет устойчивую ценность: меха, золото, драгоценности. Все это будут приносить к нам в лавку для продажи. Риску никакого!.. Продадим – получим проценты… Не продадим – пускай лежит до выгодного случая!.. Хотите с нами в компанию? Нам все равно вдвоем не управиться. Дело это большое…

– Спасибо. Я еще сама не знаю, сколько времени проживу здесь… Но я подумаю об этом.

А как раз ни о каких делах думать мне не хотелось… Я уходила с утра на пляж и весь день лежала там. Только голод заставлял меня пойти куда-нибудь поесть… Я наслаждалась солнцем, морем и цветами. Цветы были всюду! Цвели какие-то кусты, деревья, розы всех цветов. Гардении, туберозы распространяли такой дурманящий аромат, что невольно тянуло и меня туда, где были музыка и пение…

Еще издали я заметила шедшую ко мне навстречу какую-то молодую женщину. Она не смотрела на цветы. Вероятно, не замечала их красоты и не чувствовала их аромата. Я подумала, что она, верно, сильно больна или что у нее большое горе… Но, когда мы поравнялись, она подняла голову, и я узнала хорошенькую Валичку, с которой я

познакомилась еще в Боржоме. Это у нее борзая собака проглотила зайчика, которого ей принес ее красивый поклонник.

– Здравствуйте, Валичка! Что с вами? Вы больны? Неужели всех ухажеров потеряли?.. И почему вы здесь?..

– Вы правы, я осталась одна и умираю от безумной тоски!.. Помните красавца Мишеля, который принес мне зайчика, которого съела борзая Быстрый? Вы с ней пришли ко мне, когда мы все собирались на пикник. Ну, так вот этот Мишель уехал в Америку! Понимаете? В Америку!.. И никогда я его не увижу!.. Он звал меня, но я не поехала. Я решила лучше теперь пережить разлуку с ним, пока я молода, чем потом, когда я буду старая, и он сам меня бросит… Он так красив, что за ним там, в Америке, толпами будут бегать женщины. У них есть все: деньги, наряды… Они его купят… Но он никогда не забудет меня!.. Мы расстались, полные любви и страсти. Во всех женщинах он будет искать только меня и так будет страдать, как и я теперь страдаю…

– Боже мой! Для чего вы это сделали? – сказала я. Мы пришли с ней на пляж и сели на песок.

– Я давно живу здесь. Мы сюда приехали с ним вместе… Он все время откладывал свой отъезд, и мы жили, полные счастья… Целыми днями лежали вот здесь на песке и никого и ничего не замечали… Весь мир был только в нас самих и для нас вдвоем!.. Но, как он ни откладывал свой отъезд, конец все же наступил… Иногда мне кажется, что мы совершили ужасное преступление против самих себя. И тогда мне хочется кричать от муки, которая охватывает меня. – Она легла, поджав ноги, закрыла глаза и тихо стала рыдать…

– Валичка, заходите ко мне. Я дам вам мой адрес, – сказала я, чтобы отвлечь ее. Она перестала плакать, нагнулась к воде и обмыла лицо.

– Спасибо. Я должна скоро ехать в Тифлис. Я только хочу немного успокоиться здесь… Мне все кажется, что он здесь!.. Ведь здесь он говорил, смеялся, целовал меня, купался в этой воде… И мне приятно прикоснуться к воде, в которой он плавал. А звук его голоса я еще слышу и сейчас!.. – И она, как безумная, стала рассказывать, как он ее любит, какие нежные и ласковые говорил слова…

* * *

Зашла к Брагиным сказать, что я их комнаты не возьму.

– Я знал, что вы не возьмете… Да кто возьмет этакую тюрьму?..

– Ну что ты опять за свое? Живем же мы год в ней! – стала защищать Брагина.

– Ну так что, что мы живем год?.. В тюрьме по десять лет живут, – не унимался он. – Да заходите в комнату, посидите с нами. У нас мрачно, но, если ненадолго, то ничего…

Я зашла, чтобы не обижать людей.

– Я работаю наборщиком в «Батумском листке»… Но когда-то, давно, конечно, учился в петроградской гимназии. Завел знакомство среди подонков, воров и убийц. Они выдавали себя за «революционеров». Уговорили меня бросить гимназию и уйти из дому. Я и ушел… Молод был и глуп!.. Мне было всего пятнадцать лет. Отец мой был военный врач. «Если хочешь быть настоящим революционе-

ром, ты должен исчезнуть и жить с нами! Иначе мы не дадим тебе веры, если ты будешь жить с папашей. Да учение-то брось. На кой тебе леший оно? Даром только теряешь время! Поступай на фабрику и будь рабочим», – уговаривали меня мои «друзья». Ну, я и ушел из дому. Пошел в гимназию и больше не вернулся домой… Я читал в газетах объявления о том, что пропал гимназист пятого класса и что указавшему место его нахождения будет выдана награда… Мать писала в газетах и умоляла меня вернуться домой. И я ни разу даже не позвонил ей по телефону. Вначале я очень тосковал, и мне хотелось вернуться домой. Но мне пригрозили, что я «умер» для родителей и теперь уже стал другим человеком… Мне дали другое имя и фамилию. Меня с другими мальчишками посылали на разные «работы»: разбивать в больших магазинах зеркальные стекла и красть. За невыполнение заданного урока нас били и морили голодом. А также пугали, что выдадут нас полиции… Но, если я пойду домой к моим родителям, то убьют и меня, и их.

– Ну, и что же вы сделали? – в волнении спросила я.

– Да ничего! Сразу, как ушел, точно ножом отрезал. Даже матери и отца не жалел. Точно никогда их и не было… А «партия» меня взяла в оборот и заставляла исполнять всякие поручения. И чем больше я делал, тем больше погружался на дно… Теперь я был уже в полной их власти… Ослушаться я их не мог, они бы меня прикончили в два счета. Уехать из Петрограда я тоже не мог, меня бы схватила моментально полиция и засадила бы на много лет в тюрьму. Городская полиция знала меня, но, благодаря влиянию тайной революционной «партии», не трогала нас… Нас было несколько таких мальчишек в партии. Нас посылали на всякую «работу»: мы разбивали огромные окна в магазинах,

поджигали вагоны и дома. Всю эту работу мы исполняли под надзором «старшего», который обыкновенно стоял где-нибудь тут же, недалеко, и наблюдал за нами и за нашей работой… Иногда он же помогал полиции ловить нас. Но это делалось только для отвода глаз, чтобы сбить ее с нашего следа… Если хорошо «сделаем дело», нам давали по гривеннику награды, что, конечно, не спасало нас от голода. Потом меня «поставили» на фабрику рабочим. Это тоже была награда за хорошую работу для «партии». На этой фабрике работала вот и она… Война для нас явилась избавлением от этого кошмара. Как ни страшна и сильна была революционная партия, но из нее при мобилизации забрали главных руководителей и угнали на фронт. Остальным сразу стало легче жить. Тогда мы с ней повенчались и уехали из Петрограда.

– А что сталось с вашими родителями?

– Не знаю!.. Да и совершенно не интересуюсь знать. С их миром у нас все было покончено давно…

– Непонятно и жутко для меня все, что вы рассказали… Я тоже из семьи доктора.

Ушла я из этого стоящего на болоте дома, чтобы никогда никого из них больше не видеть и даже ничего о них не слышать. Но судьба еще раз меня с ними столкнула…

* * *

Наконец я собралась сходить к Крижановским. Давно я у них не была. Пошла и застала полный развал семьи…

– Тина Дмитриевна, я уезжаю в Добровольческую армию, – грустно сказал Крижановский. – Может быть,

удастся получить работу по моей специальности. Черт возьми! Ведь я инженер путей сообщения! Неужели никому моя специальность не нужна?! Моей жене я тоже больше не нужен!..

Атмосфера в доме была тяжелая, и я скоро ушла. Через несколько дней Крижановская сама ко мне зашла.

– Только что проводила мужа… Завтра перебираюсь в новую комнату. Я очень рада, что он уехал. За последнее время совместная жизнь стала совершенно невозможной. Мы с ним все время ссорились. Дела никакого нет. Денег нет… Я его не люблю и не скрываю этого от него. Я сама не знаю, как это случилось… Помните там, еще в Тифлисе, когда вы у нас учились печатать на машинке, я вас полюбила, и теперь вы у меня единственный близкий человек, которому мне хочется рассказать всю мою жизнь… С раннего детства жизнь для меня сложилась неудачно. Мать моя бросила отца, когда мы с сестрой были еще совсем маленькими. Отец любил нас, детей, и только это его и спасло от самоубийства. Он безумно любил нашу мать. Он женился на моей матери, у которой была уже дочь от ее первого мужа, который был поляк. Он бросил жену, когда их девочке было три года. Потом родилась моя сестра. Через два года – я… Мать ушла от моего отца и оставила ему нас, но взяла свою старшую дочь. Когда мне было двенадцать лет, папа нам сказал, что наша мама умерла от чахотки и что Анела приедет к нам жить… Так звали мамину дочь. Анела вернулась к нам уже взрослой барышней. Она сразу же нас невзлюбила, всячески издевалась над нами и дразнила нас с сестрой. Мы учились в институте и домой приезжали только по праздникам. Она умела отравлять и эту нашу радость – быть нежными и ласковыми с папой. Но худшее было еще

впереди… Папа заболел и умер. Мы остались в полной власти Анелы. Она была очень красива, и количество ее поклонников всегда было велико. Теперь она была полная хозяйка в доме, и он всегда был полон мужчин всех возрастов. Теперешний мой муж тогда еще был студентом и был влюблен в Анелу, но, очевидно, надоел уже ей, или она имела в виду что-то более выгодное… Как-то во время каникул я вошла в гостиную и увидела Крижановского, плачущего на коленях перед Анелой. Увидев меня, Анела сказала: «Встань же, дурак, с колен!» Толкнула его, встала с кресла и отошла, а он продолжал стоять у пустого кресла. Это было так смешно, что я засмеялась. Он быстро вскочил. «Женись вот на ней», – показывая на меня, сказала Анела. «Хочешь выйти за него замуж?» – обратилась она ко мне. Я повернулась и вышла из комнаты, не отвечая… «Милица, вернись!» – крикнула она властно, и я не осмелилась ослушаться. Вернулась в гостиную… «Григорий Александрович женится на тебе! И ты выйдешь за него замуж!..» – сказала она. Я выслушала ее, убежала в свою комнату и скоро уехала в институт. Но с тех пор он считался моим женихом. Только ждал, пока я кончу институт. Я его ненавидела, да и он меня тоже…

Когда по приказанию Анелы мы наконец повенчались, то он стал притворяться, что любит меня. Это была месть Анеле… Так я и жила до революции, ничего не ожидая от жизни. Он хороший инженер, получавший большие деньги, доставлял мне все, что было нужно! И вдруг в Тифлисе я встретила офицера и полюбила его – в первый раз за всю мою жизнь. И он любит меня тоже. Мы встречаемся очень редко. Урывками, на минутку. Но наше счастье огромно, радостно… При встрече мы только смотрим друг на друга.

Даже не всегда разговаривать можем… Муж, уезжая, сказал мне, что мы расстаемся на время. Но я знаю, что навсегда…

Она ушла, а через несколько дней пришла снова и сказала:

– Мы открываем дело. Нас три дамы: генеральша А., у ней в Батуме несколько домов; я и еще одна опытная портниха. Все на равных паях. Мы уже нашли помещение и дали задаток. Мы будем принимать на комиссию вещи и продавать их. Будем и шить новые платья, пальто и костюмы. Генеральша участвует только деньгами. Работать не будет – стесняется. Но поможет наладить и пустить дело в ход. Вы, Тина Дмитриевна, не обижайтесь, что я вас не пригласила в компаньонки… Они обе не хотят лишних компаньонок. Генеральша сказала, что много компаньонок только раздробят доход. А портниха заявила, что «бездельниц», хотя бы и с деньгами, она не желает. Я буду заведовать магазином. Портниха – кройкой и шитьем… Это дело верное! К нам будут приносить и продавать старые, немодные вещи за бесценок; а мы их будем перешивать, делать модными и продавать за хорошие деньги. Я зашла к вам только на минутку, чтобы рассказать все. У меня столько дела, что я забыла все предыдущие неудачи. И, знаете, после отъезда мужа у меня и настроение лучше, и энергии больше. Ну, до свидания! Я спешу. Заходите посмотреть, как мы устроились!..

«Все работают. Все что-то устраивают… Только я ничего не делаю», – подумала я, провожая Милицу.

* * *

По календарю давно уже зима. Но в Батуме она началась только около Рождества. Пошли дожди со снегом. Стало холодно и сыро, и больных стало еще больше в городе. Сегодня мне сказали, что в ужасном положении находятся две женщины – мать и дочь... Живут они в крошечном сарайчике, сколоченном из ящиков. Они обе больны. У них нет ни еды, ни теплой одежды. Я позвала мою квартирную хозяйку, чтобы она показала мне их переулок, у которого нет даже названия. Мы взяли кое-что из теплых вещей, еды и пошли. С величайшим трудом разыскали мы этих женщин. Оказалось, что они жили не в сарайчике даже, а в чулане, приткнутом к сарайчику. В сарайчике жил его владелец, а чулан сдавал внаем. Крыша – как решето из дранок. Такая же дверь, в которой в вырезанную дыру было вставлено стекло. Окна совсем нет. Пол земляной, и теперь на нем стояла жидкая грязь. Со стен текла вода... Обе женщины, мать и дочь, лежали вместе на нарах, прикрытые рваным пальто... На стене висели какие-то черные платья, мокрые от дождевой воды, стекавшей на них. На полу стояла кастрюля с водой и около нее чайная чашка. Я сразу увидела, что никакая помощь здесь не может быть оказана. Обеих женщин просто надо было немедленно отправить в больницу... Я накрыла их принесенным мною одеялом и спросила, хотят ли они, чтобы их отвезли в больницу? Дочь подняла голову и попросила пить. А мать ничего не ответила. Она была в бессознательном состоянии...

– Дайте воды, – сказала молодая женщина. Я зачерпнула из кастрюли, стоявшей на полу, и дала пить. Она стала кашлять и, приоткрыв глаза, сказала: – Послушайте, я не

знаю, кто вы! У нас нет никого здесь… Если я умру, у мамы больше никого не будет. Она останется одна. Мы бежали из Екатеринодара. Моего мужа убили… Отец был убит еще на Западном фронте. Он был военный инженер. – Она опять легла, закрыла глаза и замолчала…

Я пошла в городскую больницу. Нашла заведующего, но долго не могла от него добиться, чтобы поехали за этими больными женщинами и взяли бы их. На мое заявление, что женщины могут умереть без медицинской помощи, заведующий больницей сказал:

– А у нас, вы думаете, им будет лучше?.. У нас нет ни лекарств, ни провизии… Помещение нечем топить. Белье нечем стирать, нет мыла, нет горячей воды… В палатах такая сырость и холод, как и у них, я думаю… Мы бы давно должны закрыть больницу… Иностранное командование, пока было здесь, отпускало средства для поддержания больницы. Теперь они уходят, и нам неоткуда больше получить ни копейки!..

– Но здесь хоть есть люди! А там они одни лежат!..

– Хорошо. Я скажу главному врачу. Дайте их адрес, мы пошлем за ними.

– А не могли бы вы послать сейчас? Я бы сама показала место, где они лежат. А то ваши люди не найдут их. Это где-то в переулке. А домишко стоит в глубине двора.

– Я сейчас не могу! Лошадей нет. Повезли хоронить. Когда вернутся, я пошлю…

Объяснив, где находится дом и улица, я ушла. Вечером позвала хозяйку, и мы пошли узнать, взяли ли больных женщин. Пришли во двор, увидали свет в доме и пошли туда.

На стук вышла женщина и на наш вопрос, увезли ли больных, сказала, что увезли.

– А вы что, родственники будете им? – спросила она. – Мы сами бедные люди, а они нам не платили за «квартиру» несколько месяцев. Если помрут обе, так у них и имущества-то никакого нет. Нечего и взять нам за квартиру, – ворчливо добавила она.

На другой день я пошла в больницу и узнала, что дочь ночью умерла, а у матери «испанка» перешла в воспаление легких, и она находится в очень тяжелом состоянии…

– Слышали новость? – входя в комнату, сказал Савельев. – Иностранное командование передает город грузинскому правительству, а сами уезжают!.. Придется и нам уезжать отсюда. С грузинами долго не проживешь!.. Да все равно пришлось бы и без этого уезжать с Кавказа… Ходят слухи, что у Деникина дела очень плохи. На днях приехал оттуда генерал Т. и рассказал такие жуткие истории, что лучше заблаговременно уехать за границу.

– Я поеду обратно в Баку! Все что угодно, но оставаться жить под властью грузин невозможно…

С приходом грузинской власти в городе все сразу страшно вздорожало. Да и почти ничего достать нельзя. Хлеб поднялся в цене до пятисот рублей за фунт. Мясо и масло совсем исчезли. В консульствах образовались очереди за получением виз. Около участков толпы, чтобы получить свидетельство о личности и о прививках чумы, холеры, тифа брюшного, тифа сыпного и оспы. Но визы ни одно из консульств прямо в свою страну не дает. Только до Константинополя. Грустно стало на душе!.. Последнее рушится! Больше некуда бежать… Дальше уже море… Здесь

люди, точно застигнутые ледоходом, сгрудились на берегу и не знали, где спасение!.. Временное благополучие кончилось. Страна, бывшая Родиной многих поколений, сразу стала чужой и враждебно настроенной…

Все спрашивали друг друга:

– Вы куда едете?.. – И никто не мог ответить.

– Сами еще не знаем! Хотели в Англию, да визы не дают! Пока достали в Константинополь, а оттуда легче хлопотать о дальнейшем…

Все оказались ненужными там, где родились и где до того вся жизнь их была работой на Родину…

Пошла в церковь. Сегодня воскресенье. Я так давно не была в церкви. Может быть, найду там душевное спокойствие… В соборе было полно молящихся. Я стала около самых дверей. Не хотелось нарушать тишину, благолепие и торжественность службы. Большой соборный хор пел очень хорошо. Когда открылись Царские врата и священник вынес Чашу со Святыми Дарами, я в нем узнала отца Павла Смирнова!.. Я стала на колени и благодарила Господа, что его выпустили из тюрьмы. После окончания обедни я стала ждать, когда выйдет отец Павел из алтаря. Все ушли из церкви, а я вышла на паперть и долго стояла. Какие-то старушки тихо разговаривали. Но и они ушли. А отца Павла все нет. Может быть, он вышел через другую дверь? Я пошла обратно в собор и сразу увидела отца Павла, выходящего из боковых дверей алтаря. Он шел очень медленно, опустив голову и прихрамывая на короткую ногу. Боже мой, как он поседел!.. Это все сделала тюрьма… Я позвала его:

– Отец Павел! – Он остановился, посмотрел и, заметив меня, быстро зашагал ко мне.

– Тина Дмитриевна! Как вы очутились здесь? Здравствуйте. Вот и опять встретились… Господи боже ты мой! Я именно вас и хочу видеть. – Его черные глаза засветились по-прежнему, но скоро опять потухли. Он как-то весь поник и сгорбился… Борода и длинные волосы совсем седые, лицо худое, желтое.

– Отец Павел! Вы давно в Батуме?

– Нет. Недели три будет.

– А дома у вас все благополучно?

– Нет, Тина Дмитриевна. Неблагополучно… – Он замолчал. Мы вышли на паперть, спустились и тихо пошли по бульвару.

– Сядемте вот тут на скамейку, если вы никуда не спешите. А вы надолго приехали сюда? Или только подышать воздухом Черного моря? У вас ведь свое есть море! Но оно все пропахло мазутом, поди?..

– Не знаю, отец Павел! Может быть, надолго. Мне очень нравится здесь жить. А вы, отец Павел, с семьей здесь или один?

– Один. Девочки и Митя остались в Тифлисе. Пока я жив, хочу чтобы они кончили зубоврачебную школу и получили дипломы. Живу я у соборного сторожа, а за еду работаю в ресторане. Веду отчетные книги. Стыдно другой раз проходить через ресторан. Публика, поди, думает, что священник ходит по ресторанам… А я ведь только прохожу через него. И обедаю в конторе, где работаю. Работаю я по двенадцати часов подряд. Да и лучше!.. По крайней мере, не

думаю ни о чем. А вот как приду домой, лягу в постель, так все и встанет перед глазами… И нет сил отогнать видения. И нет сна… Встаю, хожу по комнате. Чтобы заглушить мысли, пою потихоньку молитвы… Другой раз так до рассвета и не могу заснуть…

– Отец Павел! Что же вас так мучает? Что случилось?!

– Горе великое! Непоправимое… Потерял я моих мальчиков!.. Володя и Сережа в бурю на Каспийском море потонули. И даже тела их не нашли, чтобы предать земле. Помните Нюру, племянницу мою, которая была у вас в Баку с ребенком? Ее муж тоже погиб вместе с моими детьми…

– Бедная! Где она теперь?

– Уехала к матери в Полтаву… Ребенок умер у нас вскоре после того, как она приехала из Баку. Потом я получил письмо от товарища Володи из Петровска. Он плыл вместе с ними, но на другом пароходе, и спасся чудом… Пароход, на котором спасся этот офицер, две недели носило по морю. Вернее, только кузов от парохода… Ни трубы, ни мачт, ни бортов, ни руля на нем уже не было. Спаслось на нем еще несколько солдат, которые находились в трюме. Когда море немного успокоилось, из Петровска послали искать пропавшие пароходы… Нашли из трех только один. Да и тот был обломком… Я был в госпитале и всех их видел и расспрашивал. Жуткую рассказали они картину. Вот как придет ночь, останусь один, так все и встанет перед глазами… Слышу страшный шум бешеных волн… Вой ветра… Скрип и стон старого парохода… И крики ужаса обреченных на гибель людей… Мой Володя и муж Нюры сначала сели на тот пароход, который спасся. Но Сережа оказался на другом. Володя пошел за ним, но нашел его

спящим, никак не мог его разбудить и остался с ним… Потом и муж Нюры перешел к ним на свою погибель. Пароходы были очень старые. Грузили на них вещи всё тяжелые и громоздкие: пушки, зарядные ящики, патронные двуколки, лошадей, мулов… Люди были для такой работы неопытные, укрепляли груз как попало. Да и были все страшно уставшие переходами по персидским дорогам… Шли день и ночь без еды и отдыха… Как попали на палубу, так повалились и заснули, где стояли… Многие и проснуться не успели. Когда началась буря, веревки и цепи полопались. Пушки, зарядные ящики, лошади и люди, заливаемые водой, стали кататься по палубе, пока не выбили борта и не свалились в море. За ними туда же полетели зарядные ящики, с диким ржанием лошади и с криком ужаса люди…

«Солдаты и офицеры старались удержать, что возможно. Но новые волны смывали и их и все, что попадалось на пути. Темнота была кромешная. Фонари разбились. Другие залило водой. Отовсюду неслись крики и мольбы о помощи придавленных тяжестями и искалеченных. Но в следующую минуту гора воды смывала все, и крики замолкали… Никто никому не мог помочь… Все, кто еще мог найти что-нибудь устойчивое, привязывали себя, чтобы не быть унесенным в море. Все трещало, ухало и рушилось… Мачты, труба, капитанская будка – все разбивалось и уносилось в море. Люки нельзя было открыть, чтобы спуститься туда. И вдруг среди воя и шума что-то черное, страшное мелькнуло выше нашей палубы и куда-то провалилось… Мне почудился многоголосый крик смертельного ужаса. Это был остов какого-то из наших пароходов. Волны нагнали его на нас и перебросили через нашу палубу… Он камнем пошел ко дну. День настал еще страшнее, чем ночь. Наш пароход осел и

почти не сопротивлялся бушевавшим волнам… Вода стояла на палубе так высоко, что я не замечал, как сильно ныряет пароход. Так продолжалось три дня и три ночи! Когда же стало немного тише и светлее, я увидел страшное зрелище разрушения… Вместо парохода была бесформенная громада, на которой не было ни мачт, ни трубы, ни капитанской будки, да и самого капитана не было… Мы двое с полковником были привязаны к основанию сломанной мачты и только благодаря этому не были смыты в море.

Полковник, все время заливаемый водой, не мог уже больше стоять на ногах… Теперь волны перекатывались через него. Скоро я заметил, что его тело билось о сваи и мои ноги… Но у меня не было сил отвязать веревку. Позже я нашел в кармане перочинный нож, перерезал веревку и освободился от его разбитого и изуродованного тела. Скоро волны его унесли. Я остался один со сломанной ногой и крепко притянутый мокрой веревкой к свае. Теперь я сидел по грудь в воде и ждал такой же участи, как и полковник. Я потерял всякое представление о времени… Иногда я открывал глаза и видел кругом только море. Потом меня стала мучить жажда… Палуба стала сухой. Больше ее не заливало. У меня кружилась голова и тошнило. Теперь я лежал на палубе. Сколько прошло дней и ночей, я не знаю… Потом пришли какие-то люди, взяли меня и унесли куда-то… Пришел я в себя в госпитале. Там я узнал, что оба наших парохода погибли. Остов того парохода, на котором я был найден, заметили рыбаки. Они дали знать в Петровск, и был выслан пароход. Меня нашли и привезли в госпиталь. Остов парохода привели в порт. В трюме его оказалось больше трупов, чем живых. Все они оказались в ужасном положении. Несколько человек сошли с ума. Другие были

искалечены. Живые и мертвые валялись вместе без воды, без помощи, швыряемые из стороны в сторону по всему трюму! Все смешалось – ящики, винтовки, бочки с водой. Кровь, разбитые и разломанные человеческие кости и изорванные внутренности…»

Прошло три недели после бури. Рыбаки каждый день вылавливали разбухшие, изуродованные тела погибших. Хоронили в общих могилах на кладбище. Я приехал, расспросил рыбаков, где больше всего было похоронено тел. Нанял людей, разрыл могилы. Осмотрел каждого несчастного погибшего… Но своих сыновей не нашел. Две недели я ходил по берегу… Много верст исходил. С раннего утра и до поздней ночи я шел вдоль берега. Каждый кусочек дерева, плавающий в море, принимал за труп и часами ждал, когда «он» приблизится. Часто не хватало терпения. Тогда брал у рыбаков лодку и плыл в открытое море… Иногда увижу далеко в море черную точку и жду, когда ее прибьет к берегу. И чем эта «точка» ближе, тем мое нетерпение становится больше. И если нет поблизости лодки, сниму одежду и плыву к телу… Притащу к берегу. Нет!.. Стану перед чужим сыном на колени, перекрещу его, прочту молитву и спрашиваю: «Где мои дети?.. Видел ты их? Скажи!..»

Иногда рыбаки скажут, что видели тело на берегу верст за пять от того места, где я жил. Я чуть не бегу туда… Приду, а там доска или какой-нибудь обломок… И сердце тонет в тоске… И так весь день хожу по берегу в поисках своих детей. Сам мокрый, грязный. Об еде и не думал совсем… Настанет ночь, приду в рыбачью хижину, лягу усталый до изнеможения. А перед глазами море и разбухшие трупы… Между ними вижу, как волны подвигают к берегу тело Володи или

Сережи. И вдруг новый страх… Волны ведь могут опять унести тело в море!.. Соскакиваю с постели, надеваю невысохшую одежду и бегу на берег. Иду в одну сторону. Ничего нет… Иду в другую – тоже ничего! А, может быть, дальше?.. Иду и иду… И так хожу и жду рассвета, думая, что с наступлением его буду видеть дальше. Стану на мокрый песок и молюсь: «Господи! За что такое тяжкое наказание послал ты мне?!.. Дети мои еще не жили… С чистыми сердцами пошли они защищать Россию!.. Накажи меня за грехи мои, но дай мне последнее, горькое утешение. Дай мне взглянуть на них и похоронить их тела… Пусть хоть эту последнюю услугу они примут из моих рук…» Так стою в воде и молюсь до рассвета. Придут утром рыбаки и насильно уведут меня с берега… А у меня нет уже воли и сил сопротивляться им…

Не знаю, чем бы все это кончилось, но от Верочки я получил телеграмму, что Митя заболел сыпным тифом в очень тяжелой форме. Это известие привело меня в себя… Поручил я рыбакам все выброшенные морем тела осматривать. Если по приметам будут похожи на моих сыновей, то сейчас же телеграфировать мне. Дал им денег и уехал в Тифлис… Слава Господу, Митю выходили! Но от рыбаков никакой телеграммы так и не получил…

Он замолчал… А я не смела прервать это молчание.

– Вскоре грузинское правительство отрешило меня от должности настоятеля Военного собора, арестовало меня и посадило в камеру «смерти». В этой камере заключенные умирали почти поголовно. Она была заражена сыпным тифом. Совершенно почти темная, она вмещала в десять раз больше жильцов, чем полагалось. Люди лежали на полу и под

нарами. В крошечное оконце не проникал не только свет, но и воздух. В ней не всегда была даже вода для питья… Часто умершие лежали среди живых по суткам. На просьбы и мольбы заключенных дать воды или вынести тело умершего мы слышали только смех стражи или угрозы расправиться с нами. О медицинской помощи и думать было нечего. Меня впихнули в эту камеру, смрадную и кишащую насекомыми, для того, чтобы и я разделил участь других обреченных, часто ни в чем не повинных людей. Нужно было чудо, чтобы не заболеть и не умереть там… А я вот и не заболел, и вышел живым. И все время ухаживал за больными. Там были многострадальные защитники Родины-России – офицеры, врачи и такие же, как и я, священники. Словом, все, кто любил и защищал Россию… Множество раз вызывали меня на допросы. Пугали смертью. Но никакого обвинения не предъявляли. Все сводилось к тому, чтобы я выехал из Тифлиса, так как прихожане «бунтуются», требуют меня настоятелем собора. Наконец взяли с меня подписку, что я «выеду» из Тифлиса, довезли до границы Батумской области и выпустили… Я приехал сюда, чтобы быть поближе к детям. Хотел ехать в Добровольческую армию. Но не мог оставить детей без всяких средств к жизни. И вот, слава Господу, опять служу в храме для души, а для тела работаю в ресторане… Какие случится получить деньги, посылаю детям. Прошу Бога, чтобы он подарил мне жизнь, чтобы дети мои встали на ноги!

Он замолчал. Слезы текли по его бледным, худым щекам…

– Извините меня!.. Мне пора идти на работу. Я рад, что встретил вас и поделился моим никогда не утихающим горем… – Он встал и пошел, прихрамывая.

Пришел сегодня полковник Савельев и предложил «купить» целый чемодан денег: несколько миллионов «колокольчиков»[61] за две тысячи грузинских.

– Какие там еще «колокольчики»?! Я и так запуталась в названиях, цвете и величине «денег». Нет!.. Не хочу никаких «миллионов»!.. А позвольте! Откуда они у вас?..

– Не мои. Приехал из Добровольческой армии генерал Талин и просит меня ликвидировать его миллионы. Он собирается ехать во Францию…

– Так почему же вы сами не купите их?

– Да, знаете, я ведь и сам тоже думаю уехать за границу… А с этими «колокольчиками» никуда не подашься.

– Почему генерал Талин не живет здесь, раз его «колокольчики» годны для покупки и для того, чтобы на них жить?

– Вот то-то и оно, что их никто не берет и на них ничего купить здесь нельзя.

– Очень мило!.. Так на какого лешего вы предлагаете мне купить их?

– А что мне делать? Просит помочь!.. Старый мой друг ведь генерал Талин. Как ему откажешь?! А по правде говоря, так за весь чемодан с его деньгами нельзя дать и одной почтовой марки…

Сделка не состоялась. Савельев ушел…

---

61 «Колокольчики» – просторечное название бумажных денег, выпускаемых Добровольческой армией (Вооруженными силами Юга России), на которых изображался Царь-колокол.

На сердце у меня с каждым днем становилось все тяжелее. Чувствуется полное одиночество и какая-то беззащитность… Знакомые и друзья – все думают только о себе и с полной бесцеремонностью стараются устроить только свои дела. Пойду навещу Милицу! Она давно уже у меня не была. Посмотрю, как у нее идут дела…

– Здравствуйте, Милица! Как поживаете? У вас тут очень уютно!..

– Ах, как хорошо, что вы сами ко мне зашли… У меня столько накопилось рассказать вам! А времени нет к вам зайти. Одна я осталась! Тут такая была драма, чуть до убийства не дошло. Обе мои компаньонки бросили меня… Я осталась одна в магазине. Сняли мы этот магазин втроем: я, генеральша и опытная портниха, и стали устраивать. Это почти все мое, только мебель генеральши. Мы хотели все сделать уютно и нарядно. Но наша компаньонка-портниха все критикует, а потом и ругать нас стала. Да такими словами, что хоть беги из магазина… «Все, – говорит, – это не к чему! Только очковтирательство! Работать не умеете, так занавесочками да салфеточками хотите заманить публику!.. Вы, – говорит, – гнилое мясо! Без меня пропадете. Только я и могу это дело вести…» Генеральша стала возражать ей, но портниха схватила молоток (я им приколачивала занавески) и запустила им в генеральшу… Правда, не попала. Но та сразу же ушла домой и отказалась от участия в «деле». На другой день отказалась и портниха. «А ну, – говорит, – всех вас к чертовой матери! Стану я на вас работать!» И ушла. А мы накануне только приняли в переделку костюм! Она его распорола. Теперь за все я одна в ответе: и за костюм, и за контракт на магазин!.. Костюм я решила сшить, как он был, но когда стала его гладить, то

спину сожгла!.. Дама пришла сегодня и требует костюм. Я ей сказала, что мы его нечаянно сожгли. Теперь она требует за него деньги!.. Потом пришел хозяин магазина и просит деньги за весь месяц вперед!.. Мы ему дали только часть, в виде задатка. Я сказала ему, что отказываюсь от магазина, а он теперь с меня требует неустойку! «Иначе, – говорит, – подам на вас в суд!..» Я только что была у адвоката… Он меня успокоил. Сказал, что во время революции никакие сделки и контракты недействительны. Но хуже всего то, что у меня нет ни комнаты, ни квартиры… Я здесь и спала на столе, на котором портниха кроила. Если теперь хозяин меня выгонит из магазина, то мне некуда даже пойти. Нигде у меня нет никакого приюта… Ни для работы, ни для ночлега…

– А муж вам пишет?..

– Нет. Ни одного письма не написал… Да я и не хочу ничего знать о нем. А вот мой друг, о котором я вам говорила, пропал куда-то… Это меня очень тревожит. Мы с ним очень редко видимся… И он никогда мне не говорит, что он делает и чем занимается. Но я сама стала догадываться о его занятиях. Неделю тому назад я получила от него записку… Он просил меня прийти к нему и указал мне адрес, где-то около Чероха…[62] Я ночью шла по пустырям и едва нашла его в каком-то разрушенном доме, так он указал в своей записке. Левая рука прострелена и замотана какой-то тряпкой… Худой, заросший бородой, одежда оборванная,

---

[62] Черох, или Чорох, – горная река в Турции и Грузии, между Лазистанским и Чорохским хребтами. Впадает в Черное море близ города Батуми.

грязная; весь в крови… «Мы с тобой, может быть, последний раз видимся, – сказал он. – Мне тяжело, Милица… Мы полюбили друг друга так поздно… Ничего я не мог дать тебе в это проклятое звериное время. Был я честным офицером… Служил Родине по совести! Все разлетелось в прах!.. Никому не нужны мы теперь такие, какими нас сделала революция и изуродованная жизнь. Стали ненужным хламом… Мы еще живы, и нужно есть и иметь место для сна. И вот, мы, несколько бывших офицеров, организовали небольшую шайку и стали пользоваться большевистскими лозунгами: “грабь награбленное”. Но мы не такие опытные, как они! Нас выследили, двоих убили… Ах, черт! Храбрейшие были офицеры… Сражались с турками; все георгиевские кавалеры… А погибли – как бандиты, подстреленные этой грузинской сволочью». Он здоровой рукой закрыл лицо… Из-под руки по обветренным и худым щекам текли слезы. «Ведь только в пятнадцатом году были выпущены из учили ща… Чуть не мальчики!.. Прости меня, Милица, за мою слабость. Но я так хотел видеть тебя в последний раз… И вот, вместо помощи и поддержки, в которой ты нуждаешься, я только причиняю тебе лишние страдания и вдобавок подвергаю тебя опасности. Прости меня! И сейчас же уходи отсюда! Что бы ты ни услышала, не возвращайся больше сюда… Если я буду жив, я дам тебе знать!» Я ушла. И вот уже прошла неделя, а от него ничего не слышно. Я чувствую, что лечу в пропасть… И никогда мне из нее не выбраться!.. Мне так страшно… Я боюсь ночи… Боюсь остаться одна!.. Днем вижу людей. А ночь – это точно могила…

– Милица, переходите ко мне! У меня есть место для вашего спанья. А мне будет веселей и легче с вами.

– Хорошо. Если хозяин выгонит меня из магазина, перейду к вам…

Через несколько дней она переехала ко мне и жила у меня до тех пор, пока не уехала в Кобулеты, в какую-то еврейскую семью, шить на многочисленную детвору. Вернулась она весной, и вид у нее был сытый и бодрый.

– Теперь я чувствую себя окрепшей. Да и тепло… А еды мне нужно немного. Но шить надоело!.. Муж пропал… Друга убили!.. Только одна вы у меня остались!.. – заявила она.

А мне всё делают предложение за предложением… И одно нелепее другого. Пришли ко мне двое – полковник Савельев и генерал Ж. – и предложили участвовать в «выгодной покупке пробок».

– Эти пробки ценятся чуть не на вес золота. Нам их из первых рук предложили. Если «биржевики» узнают, так такую вздуют цену, что и не приступишься. Нам, собственно, никакие компаньоны не нужны. Но никто из нас с генералом не может поехать в Баку продавать их! Первый же грузинский солдат арестует, когда узнает об этом. Поэтому вы для нас – незаменимая компаньонка. Во-первых – вы дама. Во-вторых – вы бакинка, знающая всех и вся в оптовом «винном деле»!.. Товар уж очень приятный, чистый, легкий. В одном тюке пятьдесят тысяч пробок! А всего триста тысяч. Стоят они всего-навсего восемьдесят тысяч рублей. Все расходы за товар и за вашу поездку и жизнь в Баку – всё делится на три части!.. Полная гарантия, что, как только вы приедете с пробками в Баку, у вас их с руками оторвут!.. Пробок там нет на рынке! И большие винные оптовики все в критическом положении… Им нечем закупоривать бутылки!..

– Спасибо, я подумаю о вашем предложении!

Через два дня полковник Савельев пришел и сказал, что генерал Ж. отказался от участия в «пробках».

– Это ничего. Я телеграфировал моему приятелю в Тифлис. У него есть немного денег. И он примет участие в этой сделке… Значит, вы согласны помочь нам?

– Видите ли, я еще не решила, как мне быть…

– Ну, какие еще колебания! Конечно, соглашайтесь! Я давно уже был уверен в этом… Вашу ручку!.. Ну, вот мы и компаньоны!.. Теперь деловая сторона сделки. Я сейчас дам за пробки задаток. А вы потом заплатите остальное. Я все устрою: погружу пробки в вагоны и отправлю их в Баку. А вы, когда приедете в Баку, предъявите накладные, заплатите за перевозку и прикажете выгрузить ваши пробки и продавайте их. Как только получите за них деньги, сейчас же переведите их на мое имя в Батум…

– Сколько же мне нужно всего заплатить здесь и в Баку?

– Я еще не справлялся, сколько будет стоить перевозка трехсот тысяч пробок. Я думаю, что пустяки. Но здесь придется вам немного больше, конечно, заплатить. Правда, это понадобится всего на какие-нибудь несколько дней или, самое большее, на неделю. А как только продадите пробки, получите деньги и вышлите их мне. Я на них сейчас же куплю валюту или обменяю на более выгодные деньги… И вы получите вместо ваших семидесяти девяти тысяч…

– Да, да, понимаю. Но мои деньги находятся в Баку, а здесь у меня нет столько…

Глава 2

Городское санитарное управление объявило, что ввиду появившихся в городе заболеваний чумы все население обязано явиться в свои участки для прививки. Пошла и я. По дороге встретила генерала Левандовского. Он сказал мне, что ходит в участок вторую неделю, но никак не может добиться получения свидетельства.

– Таких тупоголовых я никогда еще не видел! Простое удостоверение личности не могу получить. Мне нужно его подать во французское консульство для получения виз для семьи и для меня. Чиновник начинает писать! Пишет, пишет… Протянет мне написанное… О, ужас!.. Ни один человек не поймет, что там написано!.. «Я хочу удостоверение о моей личности!» – снова говорю я чиновнику. Он опять начинает писание, пишет, пишет. И все такую же неразбериху… «Да вы не то пишете», – говорю я ему, заглядывая в лист, который он пишет. «Так шито ви просите… Скажыте русским языком!» – оборачиваясь ко мне, говорит несчастный «чиновник»! И я в сотый раз повторяю ему, что я хочу удостоверение моей личности. И он опять начинает писать. Через полчаса «работы» он спрашивает меня: «Шито ви просите?..» Ну, я уж извелся вдребезги. Взял и сам написал и дал ему подписать удостоверение моей личности и приложить печать. Он обрадовался страшно: «Так ви бы сразу и сказали, шито ви хотите!» Это так просто… Поставил печать, не читая моего свидетельства. И вот теперь я иду во французское консульство за визами, а семью послал на прививки. Мне самому привили столько разной дряни, что я и счет потерял. Уезжаю с первым же пароходом, пока грузинское «око» не остановилось на мне.

Теперь спасать меня некому. Все иностранцы уезжают из Батума. А вы что думаете делать, Тина Дмитриевна?

– Поеду домой в Баку, как только нельзя будет жить здесь…

– Ну, что же! Это, может быть, самое лучшее. Вы не военный человек, дама, вам ничего…

Около участка, где делают прививки, стоят толпы, ожидая своей очереди. Я увидела старуху Григорьеву.

– Вы тоже делали чумную прививку? – спросила я ее.

– Сделала! Но для чего, и сама не знаю. Идемте ко мне, ведь тут за углом недалеко мой дом. Я хоть вам расскажу о своем горе. А то я все одна… Молчу да плачу…

Когда мы пришли к ней, она сказала:

– Идемте на кухню. Это теперь у меня единственное место в доме.

Мы пришли на кухню, где по-прежнему стояла лоханка с намоченным бельем. Она пригласила меня сесть и сама плюхнулась на сломанный стул.

– Одно несчастье следует за другим! – сказала она. Старуха выглядела еще хуже с тех пор, как я ее видела… Лицо ее совсем посерело! Глаза опухли, нос красный! Седые волосы. – Ни одного письма нет ни от старика, ни от сыновей… Все, должно быть, погибли там… Я теперь жалею, что не поехала со стариком! Лучше бы там помереть с ними, чем терпеть позор моей дочери! За что все обрушилось на меня?! Бывало, она спит, так мы с мужем на цыпочках ходим, чтобы не разбудить Ниночку! А теперь в полночь приходят эти голодные грузины, хлопают дверьми, кричат:

«Нинка!.. Нинка!..» Нет! Я не могу больше переносить все это! Я повешусь вот здесь в кухне…

– Где же ее муж?

– В том-то и беда, что Коля уехал в Екатеринодар. Какой-то богатый человек послал его туда, чтобы найти и привезти закопанные драгоценности. Обещал за это отдать Коле половину клада! Но прошло уже шесть месяцев, а его все нет… Нина говорит: «Раз муж пропал, то я могу себя считать свободной! Что хочу, то и делаю». Теперь полон дом всякого хлама… Приходят голодные. Пьют, едят, орут. На меня смотрят как на прислугу. Такие хамы!.. А еще кавказцы считаются гостеприимными людьми… Возьму ружье да всех и перестреляю… Господи! За что все это обрушилось на мою голову?! Всю жизнь работала… Копила, берегла все для детей. И все полетело прахом… Ни детей, ни семьи… Теперь последний кусок хлеба скармливаю дочери… – Она диким взглядом обвела кухню. Потом встала и начала ходить взад и вперед, задевая за все, что попадалось ей под ноги.

– Не могу! Не могу больше выносить этой жизни!..

Я успокоила ее, сколько могла, и ушла. Было уже после двенадцати, но Нина все еще спала… И мать, проходя мимо ее комнаты, по привычке ступала на носки, чтобы не разбудить Ниночку…

* * *

Вот и опять весна! И, как всегда, вечно молодая и радостная… Я пошла на бульвар. Там так же, как и в прошлом году, цвели магнолии и розы. Я увидела знакомую даму. Она шла с незнакомой мне девочкой лет двенадцати.

– Откуда у вас эта девочка? – спросила я ее.

– О, это Маруся!.. Она живет в нашем дворе. Ее недавно привезли из Одессы. Она обожает море! Когда я пошла, она попросила меня взять ее с собой.

Мы пришли на пляж и сели. Маруся подошла к самой воде и стала бросать камешки.

– Если бы вы только знали, какая это несчастная девочка!.. Она круглая сирота… Никогда не перестает искать свою мать… Ее всегда тянет к морю. Как только увидит пароход, заберется на него, и ее везут. Ей все равно, куда ехать. Только ехать… Она забралась на пароход, который шел в Батум, и ее привезли сюда. Хорошо еще, что ее заметил хороший человек. Он механик на пароходе. Он отвел ее домой к жене. Потом расспросили ее про ее мать, и вот что она рассказала им:

«Мы жили с мамой, я и мой маленький брат… Ему было два года…Папа наш был в белой армии, и мы его долго не видели. Потом пришли в Одессу большевики… Стали стрелять… Как-то утром мама разбудила меня и сказала: “Маруся, я пойду и узнаю, где ваш папа… Добровольцы грузятся на пароходы. Если наш папа там, я приду за вами, и мы уедем отсюда с папой”. Она ушла. Когда мы с братом проснулись, мамы еще не было дома. Я дала брату хлеба, и мы стали играть. Потом мы вылезли из окна. Дверь была заперта на замок. Мы стали играть во дворе. Потом брат стал плакать и просить есть. Я его посадила на окно и сама влезла в комнату. Мы поели, и брат заснул. Потом пришла ночь… Мамы все еще не было. Потом и я заснула. Когда проснулась, было солнце. Я дала кусок хлеба брату. Мы вылезли опять через окно и стали искать маму. Но ее никто не видел. Мы

сидели на улице и плакали! Брат просил есть. Но хлеба больше у нас не было. Какая-то женщина, проходя мимо нас, сказала: “Ваша мать уехала в Константинополь. Она нашла вашего отца! Он был ранен. Пароход отошел от пристани раньше времени и увез много женщин, которые пришли искать своих мужей. И ваша мать тоже… Но она скоро вернется обратно…” Мы не стали больше лазить через окно в нашу квартиру. Там не было хлеба больше… Мы спали сначала на дворе, а потом – где нас застанет ночь! Брат все время плакал и просил есть. Я просила у прохожих копеечку, а иногда мы ходили по дворам и просили хлеба. Когда у нас был хлеб, мы уходили за город, на берег и там весь день спали и купались… Иногда и ночью оставались там же… Скоро я забыла, где наша квартира. А мама наша нас не искала больше, и мы не знали, где она. У брата живот стал большой, и он не мог ходить… Только все просил есть. Как-то я проснулась на берегу и увидела, что около нас сидит солдат!.. Страшный, бородатый весь… Он смотрел на меня!.. “Ты что тут делаешь?” – спросил он меня. “Мы спим тут!..” – “А это кто? Чей это ребенок?..” – “Мой брат”. – “Где ваша мать? Где вы живете?” – “Да нигде!.. Вот сидим тут. А на ночь уходим в город. Иногда и ночуем здесь…”»

Она рассказала ему, что мать уехала куда-то на пароходе… Теперь они остались одни.

«Дяденька, дай кусочек хлеба… Мы голодны!» – попросила девочка. «Ладно!.. Что, есть хочешь?.. Вот что, девчонка! Ты вот покарауль мою сумку да одежду. А я выкупаюсь. А потом дам вам хлеба и денег…» Солдат разделся, но, прежде чем идти в воду, сказал: «Ты смотри у меня, сволочь!.. Если убежишь с моими вещами, догоню и убью и тебя, и твоего

брата… А выкупаюсь, дам вам денег и хлеба. Слышь?! Сядь вот на сумку… Стереги ее…»

Солдат был рыжий и весь заросший волосами. Брат проснулся и с ужасом смотрел на страшного человека, не смея даже плакать и просить еду. Он только крепко прижался к сестре… Когда солдат полез в воду и стал купаться, мальчик заплакал и стал просить хлеба. «Подожди! Вот дяденька выкупается и даст нам много хлеба… Подожди, не плачь…» А тот в воде фыркал, плескался, тер себя песком. Но далеко в воду не заходил и кричал сидевшим на берегу детям: «Вша совсем заела… Вот сколько ее – стервы!.. В кожу впилась, и песком ее не ототрешь никак». Наконец он вылез из воды. Столкнул девочку, сидевшую на его сумке, и сам лег греться на солнце…

«Так ты говоришь, что мать твоя уехала на пароходе, – сказал солдат, приподнимая голову. – А я вот сколько дней хожу по берегу, а выкупаться все не мог! Не на кого сумку было оставить… Сумка-то моя драгоценная… На-ко, погляди, сколько там денег и золота…» – Он лег на бок, вытащил сумку из песка, развернул шнурок, которым она была замотана, вытащил из сумки смятую газету, развернул ее и показал толстый пакет. «Вот видишь? Это всё деньги! А вот и золото. – Он вытащил часы с цепочкой, и еще часы, и еще… – А вот это на руку надевается!.. А это вот в уши. А вот брошка!.. Вот еще брошка…» – «Дяденька, дай хлеба! Брат есть просит», – попросила девочка. «Хлеба?.. У меня нет хлеба… Ну, погоди… Вот пойдем в город, так я вас накормлю там…» Он уложил все свое богатство обратно в сумку, завязал крепко шнурком, оглянулся, зарыл сумку слегка в песок и еще раз посмотрел кругом. Не видя никого, протянул голую волосатую руку к девочке и потянул ее к себе…

Когда девочка пришла в себя, брат плакал… Солнце стояло высоко и жгло немилосердно. Она приподнялась и с ужасом посмотрела кругом… Но страшного человека-зверя уже не было… Он ушел.

После этого дня девочка с братом не уходили далеко от города. Большую часть дня сидели в порту около пристани и смотрели на приходящие и уходящие пароходы… Все еще ждали мать… Спали тут же около пустых бочек или складов (теперь уже пустых). Однажды утром девочка проснулась и увидела, что ее маленький брат не просыпается и не шевелится. Она долго сидела около него, потом уходила и снова приходила… Но брат так и не проснулся. Одну ночь она спала около мертвого брата… Но потом ушла и забыла о нем… Ей хотелось попасть на пароход и поехать – всё равно куда!.. А вдруг найдется мама… Один раз она забралась на пароход, который ее привез в Румынию. Там ее не выпустили на берег и привезли обратно в Одессу. Точно таким же образом она забралась на пароход, шедший в Батум. Теперь она живет у добрых людей…»

Город стал пустеть… Там, где еще недавно было оживление, где все говорили только о курсе валюты и расценке денег, теперь почти пусто. Комиссионные магазины закрылись, только в больших пустых окнах валяются обрывки газет, тряпки… На улицах не видно больше черномазых солдат под ручку с русскими девушками. В ресторанах и театрах опустело. Многие и совсем закрылись. Торгуют только те, что продают простую еду. Рынок оживлен не меньше, чем раньше «биржа». Все, у кого еще есть, что продать, несут свой товар на базар и меняют там прямо «с руки»… Часто меняют его на хлеб, мясо или масло. Продукты первой необходимости на деньги больше не продают, а

меняют на одежду, обувь… Все как-то присмирели и притихли. Даже не слышно разговоров о визах и отъезде. В городе остались только «обреченные», которым некуда и не на что ехать…

Совсем неожиданно пришел ко мне этот наборщик – Брагин.

– Мне нужно переждать у вас часа два… Пожалуйста, разрешите! – сказал он.

– Сидите!.. Но почему только два, а не три и не один час?..

– Меня ищут грузинские власти, чтобы арестовать как большевика… А через два часа мои товарищи увезут меня из Батума. Я получил от коммунистической партии большое назначение. Комиссаром в Саратов…

Пришел отец Павел и рассказал:

– Ходят слухи, что большевики заняли Баку и идут на Тифлис. Точно перед страшной эпидемией или во время наводнения, все бегут из города. Хлопочут о визах. Поступают матросами на пароходы… Дамы делаются горничными, только бы вырваться отсюда. В это воскресенье в соборе почти никого не было. Забыли и о Боге… Все стараются только спасти свое тело!.. А вы, Тина Дмитриевна, не собираетесь уезжать за границу?..

– Нет, отец Павел. Я остаюсь на русской земле и никуда не поеду!.. Бежать мне не от чего и не от кого. Те, что стали теперь страшнее всякого турка и немца, мне не страшны… Что они сделают мне?.. Ведь почти четыре года я перевязывала их раны, поила их с ложки, простаивала ночи

около их кроватей, утирала липкий предсмертный пот. Мне они говорили последнюю свою просьбу написать письмо матери или жене. Ведь не за деньги и не за награды я работала!.. Как я могу их теперь бояться?.. В моих глазах они все просто несчастные люди и братья мне…

– Вот и хорошо!.. Ваши слова радуют мою душу… Оставайтесь здесь, и мы будем ждать не страшных врагов, а страдальцев-братьев наших!..

Но новости, дошедшие до Батума, были жуткие. Неожиданно на улицах Батума появились беженцы из Тифлиса. Они рассказывали, что «командиры» большевицкой армии, как только заняли город, объявили «солдатскую неделю». Всякий солдат, облюбовав какой-нибудь дом, приходил в него, как в свой собственный: спал, ел и мог брать, что ему хотелось…

Встретила Нину Григорьеву.

– Все комиссионные магазины обошла, но ничего уже в них нет. Мне нужно кружевное платье для моих выступлений, – сказала она. – А Кольку-то моего, кажется, большевики расстреляли… Я так и знала, что с ним что-нибудь да случится!.. Он дурак! Вместо денег, за которыми поехал, попал сам в лапы большевиков… Прислал мне письмо. Просит прислать ему три тысячи грузинских денег, чтобы откупиться… «Иначе меня расстреляют». Я это письмо отослала его сестрам. Пускай выкупают его…

– Как поживает ваша мать?..

– А что ей сделается! Сидит на своей кухне целый день. Все надоело!.. Я страшно раскаиваюсь, что мы переехали на Кавказ… Сначала мне все здесь нравилось. Но теперь я разочаровалась во всем. Хоть бы взять моего Кольку! Уехал к

черту на кулички. Не оставил мне денег, да еще просит его выкупать от большевиков… Хорош гусь?..

Сегодня на улицах полно приехавших из Тифлиса с чемоданами и узлами. Сидят прямо на тротуаре. Только пришла домой, кто-то постучал. Открыла дверь, а там стояла старуха из нижнего этажа.

– Вы живете одна, а вот тут в подъезде сидят люди. У них нет для ночлега места. Они только что приехали из Тифлиса… Большевики пришли туда…

– Посылайте их ко мне…

И только она ушла, пришли мужчина и дама с чемоданами.

– Простите за такое вторжение к вам… Мы пробудем у вас только один или два дня, пока найдем что-нибудь подходящее, – сказал мужчина, назвал свою фамилию и представил мне свою даму как жену: – Полковник Павлов. А это моя жена.

Я указала в столовой на тахту:

– Вот это все, что у меня есть подходящего для спанья. Эта комната в вашем полном распоряжении.

– Бог мой! Да тут отлично!.. И мы устроены по-царски!.. А до сих пор приходилось плохо… Бежали из Москвы в прошлом году… С величайшим трудом пробрались до Кавказа, а потом в Тифлис. Я очень прилично устроился там у итальянцев – переводчиком в торговом предприятии. И вот только стали обзаводиться, так сказать, «домом» и забывать красных и белых… Вдруг опять нужно куда-то бежать и спасаться!.. Вчера утром я собрался идти на службу. Но только вышел из подъезда, вижу: люди в панике бегут и

что-то кричат… Сразу разобрал: «большевики»… Просто ушам своим не поверил! Откуда большевики в Тифлисе?! Не знал, что мне делать… В руках у меня были вот ее туфельки, – полковник нежно посмотрел на свою жену, – я их нес для починки. Пока я стоял и раздумывал, что делать, невдалеке раздались выстрелы, я сразу понял и ясно представил себе большевиков и побежал сказать жене. Схватили чемоданы – и вот мы опять беженцы… Опять бесприютные и выкинутые из жизни люди…

Но они были не единственные бежавшие из Тифлиса. Иду по улице, а группы беженцев сидят на узлах. У одной молодой женщины на руках плачет маленький ребенок. Я остановилась и спросила:

– Вы из Тифлиса?

– Нет, мы из Владикавказа!

– Значит, и там большевики?..

– Там они давно. Мы через горы шли пешком и только сегодня ночью приехали в Батум…

Я стала расспрашивать, что их выгнало из Владикавказа, и все повторяют те же ужасы: точно это завоевание Мамая, а не такие же русские люди… Куда придут – всюду насилие, избиения, грабежи и убийства…

– Не знали ли вы там семью Ваксман? – спросила я.

– Конечно, знала! Мы недалеко жили от них. Сам капитан Ваксман был ранен и умер в госпитале… А ее раздавил грузовик. Она переходила улицу… Грузовик был полон красноармейцев и мчался. Когда они переехали ее, даже не остановились ни на минуту. Точно кошку раздавили и умчались… Старшая дочь с мужем были в Добровольческой

армии, а младшая, хорошенькая, не захотела голодать – и пропала девочка… Два мальчика учились в кадетском корпусе во Владикавказе. Но когда пришли туда большевики, они бежали в Добровольческую армию. Старшего там убили. А младший, Коля, вернулся во Владикавказ, когда узнал, что мать убили большевики. Он тоже погиб. Но, прежде чем умереть, отомстил убийцам матери. Надел офицерскую форму и с наганом пошел в ресторан, где всегда пьянствовали «высшие коммунисты». Сел за стол, потребовал вина и стал ждать… Сначала никто на него не обращал внимания. Но когда увидели, что сидит белый офицер, да еще в форме, – это было хуже, чем показать быку красную материю. Поднялась ругань. Раздались угрозы и полетели в него бутылки, стулья… Вдруг один из важных, должно быть, сказал: «Стойте, товарищи! Дайте мне эту гниду прикончить…» Вынул револьвер, положил подбородок на стол и стал целиться… Не успел, однако, нажать на собачку, свалился сам под стол от меткого выстрела Коли… Поднялось что-то невероятное! Пьяная свора бросилась на Колю, швыряя в него все, что попадалось под руки: стулья, посуду; опрокидывая столы… Все бросились на него… А Коля стал отстреливаться. И ни одна его пуля не пропала даром… «Вот вам, скоты, за смерть моей матери!.. Вот за брата… А это – за сестру…» Оставшуюся последнюю пулю он выпустил себе в рот. Тело его было превращено в кусок мяса… Он отомстил не только за свою семью, но и за многих мучеников большевизма и коммунизма…

Перед нашим бегством из Владикавказа большевики убили генерала Раддаца[63]. Они его вытащили из поезда и стали над ним издеваться. Кровавая толпа окружила кольцом генерала и стала срывать с него одежду, и – над совершенно обнаженным – солдаты стали издеваться. Комиссар поезда крикнул: «А ну! беги!! Убежишь – твое счастье: отпустим...» Толпа улюлюкала, свистела, хохотала, отпуская самые грубые ругательства. Генерал Раддац, посмотрев затекшими изуродованными глазами, сказал: «Стреляйте, трусы! Учитесь, как нужно умирать...» Круг сузился. Замелькали приклады и кулаки. Раздались выстрелы... Удовлетворена животная жажда крови, и толпа солдат стала расходиться. На месте страшной расправы над беззащитным человеком лежала красная изуродованная масса...

После рассказа молодой женщины и мне стало жутко!.. Кто они, эти русские люди, которые убивают стариков, детей и насилуют женщин?.. Нет! Это не русские люди, которых я знала, – это звери!..

Беженцы Павловы продолжают жить в моей квартире и не ищут себе другой комнаты... Пошла к хозяйкам. У них всегда масса новостей.

– Мы собираемся уезжать во Францию, – сказали они, как только я вошла. – Если сюда придут большевики, то отберут у нас дом. Тогда мы все умрем от голода... Как только мой сын приедет в Батум, мы уедем на его пароходе.

---

63 Раддац Эрнст-Август Фердинандович (1968–1918), генерал, воевал на Кавказском фронте. В Армавире был арестован большевиками, 6 марта 1918 г. расстрелян.

Едемте с нами! Слышали, что делают большевики с женщинами в Тифлисе?..

– Не знаю!.. Я не собираюсь ехать за границу. Я поеду в Баку.

– А вы думаете, большевики в вашем Баку другие?.. Хлеб-то сегодня уже пятьсот рублей фунт! Да и его нет в пекарнях. Скоро наступит настоящий голод… А во Франции его сколько угодно по нормальным ценам. Нет! Мы будем укладываться и, как только придет пароход, уедем сейчас же…

Пришла к себе. Мои «квартиранты» тоже расстроены. На столе рассыпано множество красивых женских украшений. Не имеют только никакой цены…

– Тина Дмитриевна! Я хочу все это продать! Не купите ли? Мне нужны деньги на пароходный билет, – сказала Павлова.

– Милочка! Да как же ты уедешь одна и оставишь меня на верную смерть? Лучше я раньше уеду. А ты останешься!.. Тебе большевики ничего не сделают… А я, как только заработаю деньги на твой проезд, сейчас же вышлю их тебе… Ты приедешь ко мне. Ведь это нормально?..

– Ну, нет!.. Я не стану так рисковать своей жизнью… Тут все мое!.. Я продам вещи и уеду. Ты доставай деньги сам для себя. На мои не надейся…

– Сколько бы вы могли дать за все это? – она показала на свои побрякушки.

– Я не покупаю. Мне они не нужны. Предложите их кому-нибудь другому…

Пойду к отцу Павлу. Знает ли он, что делается в Тифлисе?..

– Нет отца Смирнова. Ушел в Тифлис, – сказал сторож. – Как только узнал, что туда пришли эти коммунисты и грабят и насилуют женщин, так и ушел. Поезда-то не ходят до самого Тифлиса… Мы уговаривали его не ехать, но он сказал: «У меня там дети… Я с ними хочу умереть вместе…» И ушел…

И правильно!.. Он умрет ради детей и вместе с ними… А я ради чего буду подвергать себя опасности, оставаясь здесь? Нет!.. Не хочу уезжать из России…

Пришел пароход, на котором служит младшим помощником капитана сын хозяйки. В этот же день они стали грузить свои вещи и повезли их на пристань. Целые подводы нагрузили: деревянные чашки, корыта, большие глиняные кувшины, в которых хранилась жареная баранина… Кувшины с солеными маслинами… Всё, всё увозят. Старик-француз заглянул ко мне в комнату и сказал:

– Мадам! Мы уезжаем… Через два дня пароход уходит во Францию!.. А как вы?.. Нельзя одной молодой женщине оставаться здесь. Сегодня фунт хлеба стоит тысячу рублей. Где их взять?.. А придут большевики, так и последнее отберут… Разве можно в такой стране оставаться?.. Дайте ваш паспорт моему племяннику. Он пойдет в контору и поставит визу. И поедем все вместе…

Пошла искать Милицу. Я давно уже ее не видела. Ее очень трудно найти. Она теперь не имеет постоянной комнаты. На улицах редкие пешеходы идут с чемоданами в порт. И туда же тащат тощие клячи телеги, нагруженные

последними пожитками русских людей, покидающих свою страшную Родину…

– Борис Васильевич! Вы куда спешите?

– Да вот еду за женой в Сухум. Мы уезжаем в Константинополь… И вам советую не оставаться здесь! Слышали, что делают большевики в Тифлисе?.. Собирайтесь и уезжайте. Это вам мой совет! До свидания. Встретимся в Константинополе…

– Да постойте! Да я…

Но Семановский был уже далеко и не слышал меня… Что же мне делать?!.. Все уезжают. Город опустел. Все, кто только мог уехать, шли к порту: одни за визами к «конторам», другие, кто получил эти визы, шли и тащили на себе свои тощие чемоданы в таможню… Что я буду делать здесь одна? Ни родных, ни друзей у меня нет. Страх одиночества охватил меня… Точно на необитаемом острове!.. А если захвораю и буду умирать, как умирали те мать и дочь в холодной и сырой конуре без помощи!.. Ваня, милый, родной мой! Что мне делать? Я совсем одна! Я не знаю, что будет со мной!.. Я не хочу уезжать из России… Но и оставаться здесь мне страшно… Я не смерти боюсь, а насилий и надругательств над собой…

Пришла домой и увидела повеселевших моих квартирантов.

– Мы были в конторе итальянского пароходства. Нам сказали, что ждут там из Италии пароход, который возьмет нас и повезет в Италию бесплатно.

– Это замечательно! Я очень рада за вас…

В этот же вечер зашел ко мне Этьен и стал уговаривать меня ехать с его семьей во Францию.

– Завтра пароход уходит, и мы все уезжаем. Вы останетесь здесь одна… Все стало страшно дорого. Придут большевики. Отберут у вас все, и вы умрете с голода… Давайте сейчас же ваш паспорт! Я пойду в контору и поставлю визу. Сейчас там еще работают, но завтра они сами будут укладываться, и контора будет закрыта.

Я отдала мой паспорт, и он ушел, а через час вернулся с визой на моем паспорте!! Я стала укладываться. Утром позвали подводу, вынесли мои сундуки и повезли их в таможню для осмотра.

Пришла Милица. Увидела, что квартира разорена, и воскликнула:

– Неужели и вы уезжаете?.. Как же я останусь здесь совсем одна!.. – Она заплакала, вынула платок из сумочки, и вместе с ним упал на пол кусок кукурузной лепешки… Она его подняла и опять положила в сумочку. – Вот, купила на последние деньги! – Она показала на кусочек лепешки. – Я отщипываю от него по маленькому кусочку, чтобы продлить наслаждение. Все равно голода я утолить не могу…

– Милица, я мебель оставляю здесь. Если хотите, живите в моей квартире вместе с Павловыми.

Все было кончено. Я попрощалась с Милицей и Павловыми и вышла на улицу… С этого момента я лишилась Родины, которую я любила и люблю, дома, где я чувствовала себя счастливой и беззаботной, и имущества, которого было много и которое давало мне беспечную и спокойную жизнь… И стала я как приживалка в богатой, но чужой семье… С этого утра кончилась моя жизнь как русской свободной

женщины, и началась новая, суетливая, боязливая жизнь приживалки в чужом доме…

* * *

В десять часов утра я была в таможне. Нашла свои вещи, которые стояли самыми последними в линии других. Таможня была в огромном сарае и, как на скотобойне, разделена на проходы. В каждом проходе прямо на земле лежали вещи, на которых сидели их хозяева. Время от времени проходили по два, по три вооруженных винтовками и револьверами и обвешанных патронными лентами «таможенника». Эти «таможенники» были кто в русской солдатской шинели, кто в стеганой кофте, кто просто в пиджаке. Один из них говорил по-грузински, другие – по-русски. Но рожи и у тех, и у других были страшные… Пассажиры спрашивали их, скоро ли будут осматривать багаж, и они грубо отвечали:

– Не проспишь! Сама увидишь, когда будут осматривать твой багаж…

Пароход отходил из Батума в шесть часов вечера. И только в три часа дня пришли «таможенники» и стали проверять паспорта и багаж. Многие ехали семьями или с друзьями и помогали друг другу. Разбросанные вещи быстро собирали, укладывали в сундуки, запирали и, получив разрешение, выносили их из таможни на пароход.

Раскрыли какой-то ящик и нашли в нем столовое серебро. Конфисковали всё. Хозяева серебра плачут:

– С чем мы теперь поедем за границу! Это единственное наше богатство, – говорили они чиновнику.

– А мне какое дело, с чем вы поедете! Раз не с чем ехать, оставайтесь здесь, – сказал «чиновник»…

Таможня опустела. Мои сундуки остались последними.

– Открыть сундуки! – грубо приказал подошедший «таможенник». Я открыла, и несколько человек сразу стали рыться в моих вещах. Всё выбросили прямо на пол. Уже стало почти темно. На пароходе зажгли огни, и в сарае слабо загорелись фонари керосиновых ламп… Пароход должен скоро отойти. А мои вещи валяются, разбросанные по грязному полу. И я не знаю, в чем дело… Один «таможенник» подойдет, посмотрит и уйдет. Подойдет другой. Снова станет рыться и рассматривать их… Стало совсем темно.

Вдруг подошел один из них и сказал:

– Пароход скоро должен отойти. Вы не успеете уложить вещи. Очень уж у вас их много. Нужно дать солдатам «на чай». Иначе с этим пароходом не уедете…

– А завтра приходят сюда большевики, – подходя к нам, сказал другой. – Все равно все отберут у вас…

Меня уже предупреждали о взяточниках в таможне, и я приготовила сто двадцать тысяч грузинских денег.

– Сколько вы хотите? У меня есть немного…

– Чем больше, тем лучше! Скорее уедете, – сказал первый «чиновник».

Я вынула деньги и отдала ему:

– Поделитесь со всеми…

Он отошел, но сейчас же подошли другие и стали требовать денег:

– А мне, а мне как же?

– Это все мои деньги. У меня нет больше, – сказала я.

– Как нет. Давай и нам тоже!.. Что ж это за порядок, одному давать, а другим нет.

Они кольцом окружили меня, топтали мои вещи, вырывали у меня из рук сумочку. Я была близка к обмороку от ужаса и от смыкавших меня кольцом солдат. И вдруг, расталкивая локтями, ворвался с матросами Этьен.

– Что вам надо? – те расступились…

Этьен сказал своим матросам по-французски:

– Укладывайте вещи, – и, когда все было уложено в сундуки и заперто, он сказал нести все на пароход…

Сундуки унесли. Мы пошли к выходу. У дверей нам преградил дорогу один из бандитов:

– Неправильно проверены вещи! Выпустить вас не могу…

Опять поднялся спор, и все «таможенники» обступили нас.

– Есть у вас еще деньги? – спросил Этьен. – Дайте им. Пять минут осталось до отхода парохода.

– Я отдала все, что у меня было, – я открыла мою сумочку и показала пустое отделение. Они все моментально стали заглядывать туда. В это время вернулись обратно французские матросы и оттеснили «таможенников». Мы вышли и быстро пошли к пароходу, у которого по обе стороны стояли такие же бандиты с ружьями. Они потребовали мой паспорт. Солдат стал его вертеть во все стороны и даже посмотрел на свет.

– Да, все правильно! Видишь визы? – Этьен вырвал паспорт из рук солдата, и мы стали подниматься по сходням

на пароход… Позади нас, как бы прикрывая наш тыл, шли французские матросы. На палубе, около сходен, стояло несколько человек из команды… Я ступила на палубу и почти упала на руки матери Этьена…

– Идемте, спускайтесь в трюм. Там все русские едут!..